

*Моей любимой жене
и моим детям
с благодарностью
за долготерпение*

Автор

Институт философии РАН
Институт социологии РАН
Служба изучения общественного мнения «Vox Populi»

Б.А. Грушин

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ РОССИИ

в зеркале опросов общественного мнения

Очерки массового сознания россиян времен
ХРУЩЕВА, БРЕЖНЕВА, ГОРБАЧЕВА и ЕЛЬЦИНА

в 4-х книгах

Жизнь 1-я
ЭПОХА
ХРУЩЕВА

Прогресс-Традиция
Москва

Ли экз

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию в целом. КАК И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛО ЗАТЕЯНО НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ	5
Предисловие к 1-й книге. ПЕРВЫЕ ОПРОСЫ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНЕ: ИХ ЦЕНА И БЕСЦЕННОСТЬ	41
Глава 1. ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДВУХ МИРОВ	
1. Характеристика исследования	69
2. Мнения pro и contra.	75
3. Количественные результаты исследования	82
4. Краткий комментарий к результатам исследования	89
Глава 2. ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ	
1. Характеристика исследования	112
2. Мнения pro и contra.	118
3. Количественные результаты исследования	124
4. Краткий комментарий к результатам исследования	132
Глава 3. АВТОПОРТРЕТ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ	
1. Характеристика исследования	159
2. Мнения pro и contra.	164
3. Количественные результаты исследования	176
4. Краткий комментарий к результатам исследования	187
Глава 4. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД	
1. Характеристика исследований	223
2. Мнения pro и contra.	228
3. Количественные результаты исследований	239
4. Краткий комментарий к результатам исследований	251
Глава 5. ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ	
1. Характеристика исследования	280
2. Мнения pro и contra.	283
3. Количественные результаты исследования	292
4. Краткий комментарий к результатам исследования	308

ББК 87.3(2)

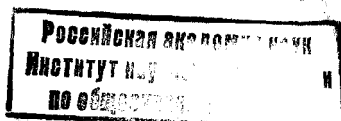
Г91

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)*

Проект № 00-03-16070

1786
2

184
02

Г91 Грушин Б.А.

Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М.: "Прогресс-Традиция". 2001. – 624 с.

ISBN 5-89826-074-9

В задуманном автором "четверокнижии" на базе свыше 250 эмпирических исследований, проведенных в стране за последние 40 лет, предпринимается не имеющая аналогов попытка реконструировать (в том числе в динамике) некоторые значимые свойства менталитета российского народа, проливающие свет на сакраментальные вопросы современности: КТО МЫ? ОТКУДА МЫ? И КУДА МЫ? В первой книге, посвященной эпохе Хрущева, подобного рода анализ проводится на материалах опросов населения, реализованных Институтом общественного мнения "Комсомольской правды" в 1960–1964 гг.

ББК 87.3(2)

ISBN 5-89826-074-9

© Б.А. Грушин, 2001

© А. Орешина, оформление, 2001

© "Прогресс-Традиция", 2001

Глава 6. О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПЕРЕЖИТОЧНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

1. Характеристика исследования	348
2. Мнения pro и contra	350
3. Количественные результаты исследования	356
4. Краткий комментарий к результатам исследования	368

Глава 7. МИР ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

1. Характеристика исследования	391
2. Мнения pro и contra	395
3. Количественные результаты исследования	402
4. Краткий комментарий к результатам исследования	408

Глава 8. ОБЪЕМ И СТРУКТУРА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ ГОРОЖАН

1. Характеристика исследований	431
2. Мнения pro и contra	438
3. Количественные результаты исследований	443
4. Краткий комментарий к результатам исследований	475

Заключение к 1-й книге. МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН НАЧАЛА 60-х гг.	509
--	------------

Приложения

К Предисловию

Приложение 1. Общий список исследований, проведенных Институтом общественного мнения "Комсомольской правды" в 1960–1964 гг.	550
Приложение 2. Библиография публикаций в "Комсомольской правде", связанных с деятельностью ИОМ "КП" в 1960–1964 гг.	551
Приложение 3. Библиография прочих публикаций, связанных с деятельностью ИОМ "КП" в 1960–1964 гг.	554

К отдельным главам

Приложение 4. [К главе 2] Комментарии к результатам опроса руководителей министерств и ведомств СССР и РСФСР	556
Приложение 5. [К главе 3] Фрагменты откликов читателей "Комсомольской правды" на анкету 19-летней работницы-студен- тки из Москвы, опубликованную на страницах газеты в январе 1961 г.	563
Приложение 6. [К главе 3] Оценки советской молодежи представи- телями старшего поколения. Фрагменты опроса авторитетных людей страны	569

Приложение 7. [К главе 7] Избранные ответы зарубежных участников опроса "На Марс – с чем?"	592
Приложение 8. [К главе 8] Географическая схема всесоюзного репрезентативного опроса по "Кресту"	600
<u>К Заключению</u>	
Приложение 9. Избранные ответы студентов МГУ, участвовавших в международном опросе "Во имя чего вы учитесь?"	601
Приложение 10. Материалы маркетингового опроса "Проектируем сами"	606
Индекс основных характеристик массового сознания, зафиксированных в анализе	611
Именной указатель	617

КАК И С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ БЫЛО ЗАТЕЯНО НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ

Достойный внимания факт: публикация социологических данных в стране стала самым что ни на есть заштатным делом. Ни дня без того, чтобы не узнать, за кого проголосуют избиратели ("случись выборы сегодня"), кто у нас самый главный богач, каковы в России перспективы демократии, выйдем ли мы когда-нибудь из кризиса, или, на худой конец, как люди хотят провести свой отпуск (разумеется, если у них все в порядке с зарплатой), как относятся к захоронению тела В.И. Ленина, будут ли смотреть по ТВ очередную "Санта-Барбару" и еще о многом-многом другом – значительном и пустяковом, вполне достоверном, смахивающем на правду и содержащем откровенную туфту. Казалось бы, автору этих строк – одному из социологов-первопроходцев, начинавших в конце 50-х – начале 60-х¹, – можно было бы уже наконец успокоиться: жизнь не прошла даром! Ан нет! Вместо радости в голову все время приходит ильфовское: *"Вот и радио есть, а счастья нет"*...

Отсюда – это "четверокнижие", еще одно повествование о социологических исследованиях, проведенных в стране. Впрочем, слова "еще одно" решительно не подходят к нашему случаю. Ведь, согласно замыслу и претензии автора, издание, о котором идет теперь речь, – отнюдь не "очередное". Это некая **информационная** и даже, если угодно, **гражданская акция**, не имеющая аналогов на российском книжном рынке – ни в секторе масскультовских публикаций в СМИ итогов отдельных исследований (по сути совершенно случайных, рассчитанных на сиюминутный интерес и потому не оставляющих заметного следа в общественном сознании нации), ни в секторе академических сводов данных, систематически выпускаемых некоторыми социологическими службами (рассчитанных на узкий круг специалистов и потому не попадающих на глаза широкой читательской публики), ни в секторе редких монографий с рассмотрением результатов одного или нескольких исследований (посвященных анализу тех или иных отдельных проблем в жизни общества и потому не дающих картины происходящего в целом).

У настоящего издания нет аналогов прежде всего с точки зрения **объема и полноты** содержащейся в нем информации. Ведь читателю

¹ Созданный по инициативе и под руководством автора первый в истории России Институт общественного мнения (под крышей "Комсомольской правды") был открыт 19 мая 1960 г. (Здесь и далее – примечания автора.)

впервые предоставляется уникальная возможность познакомиться с результатами *более чем 250 (!)* исследований, проведенных в стране на протяжении *последних четырех десятилетий* и касающихся практически *всех сфер жизни* позавчерашней (времен Хрущева и Брежнева), вчерашней (времен Горбачева) и сегодняшней (времен Ельцина) России: политики и экономики, социальных и национальных отношений, экологии и демографии, массовой коммуникации и культуры, идеологии и религии.

Следующий существенный момент – избранный автором **нетрадиционный способ подачи** всей этой информации.

Как правило, в подобных изданиях основные количественные результаты исследований (всевозможная цифирь, сгруппированная в таблицы и графики) даются в контексте и по ходу содержательного анализа полученных данных. В нашем же случае "борщ" идет отдельно, а "мухи" отдельно. При этом центральное место в публикации занимает как раз сам "борщ", т. е. *не анализ* итогов исследований, не комментарии к ним, но сами эти *итоги как таковые*. А для того, чтобы читатель-непрофессионал мог легко разобраться в них, весь количественный материал оформляется в максимально прозрачном виде – с помощью стандартизованного табличного дизайна, с набором всех необходимых указаний, пояснений и т. д.

Кроме того, помимо *количественных*, в издании во многих случаях приводятся и *качественные* результаты исследований – фрагменты оригинальных (не подвергшихся смысловому редактированию) ответов респондентов на открытые вопросы исследователей, представляющие типичные образчики сознания людей в каждой из рассматриваемых эпох.

Что же касается собственно комментариев к публикуемым данным, то в них автор стремился не столько представить *свое* видение предмета (что характерно для всех без исключения изданий такого рода), сколько привлечь внимание читателя к наиболее интересным из зафиксированных фактов, обнажить возникающие здесь сюжеты, заострить проблемы и тем самым *стимулировать размышления самого читателя* над представленным материалом. В этом смысле во многих местах на полях рукописи вполне можно было бы поместить приснопамятный рефрен Штирлица: *"Информация к размышлению..."*

С этим последним моментом связана и еще одна, третья, отличительная особенность затеянного четырехтомника – **особого рода цели**, которые побудили автора взяться за эту громоздкую работу, ее **главный замысел**, дающий основание оценивать ее не только в качестве собственно информационной, но и, как уже было сказано, в качестве определен-

ной гражданской акции. В конечном счете эта особенность издания представляется наиболее важной, поэтому на ней следует остановиться подробнее, познакомив читателя с предпосылками и зарождением самой идеи проекта, а также теми обстоятельствами, которые обусловили его реализацию в окончательной, предлагаемой теперь версии.

Первоначально эта идея возникла, вернее полностью оформилась в сознании автора под именем "*Четыре жизни России в зеркале социологической информации*" в 1993 г., когда и у нас в стране, и за рубежом уже не один и не два, а многие десятки и сотни серьезно думающих людей стали наконец приходить к выводу, что с Россией происходит нечто несутветное, не поддающееся однозначной и бесспорной оценке. Именно тогда на ежегодном конгрессе Американской социологической ассоциации в Майами автору случилось услышать убийственно честное признание видного советолога из Беркли: "*Понять, что происходит в России, очень трудно. Это – нечто вроде полубеременности. Но такое ведь невозможно! Беременность либо есть, либо ее нет, любая третья ситуация – вне нормальной логики...*"

Таким образом, восьми лет после начала горбачевской перестройки вполне хватило, чтобы усомниться в правильности и тем более достаточности всех расхожих (казавшихся такими ясными!) определений смысла происходящего в стране, вроде перехода "от социализма к капитализму", "от тоталитаризма к демократии", "от централизованной экономики к рынку" и т. п. Что же касается автора, то он отказался от этих формул еще в 1989 г., когда окончательно понял, что они отражают лишь *частности, но не суть происходящего*, когда впервые воспользовался для описания перестроечных процессов термином "социотрясение" (увы, не нашедшим поддержки ни у коллег, ни тем более у политиков) и когда предложил любой серьезный разговор о происходящем в стране начинать хоть и с обидной, но непреложной максимы: ГЛАВНОЙ ФОРМОЙ ЗНАНИЯ О СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ЯВЛЯЕТСЯ, СКОРЕЕ, НЕЗНАНИЕ О НЕЙ.

За подтверждениями справедливости этой максимы ходить далеко не приходилось, как не приходится и по сей день при виде бесконечных ошибок – политических, экономических, связанных с оценкой состояния сознания масс, – которые постоянно на протяжении всех перестроечных и постперестроечных лет совершались и совершаются подавляющим большинством практиков (политиков, управленцев) и аналитиков (ученых, журналистов). И при разработке больших и малых *стратегий поведения*, связанных с решением тех или иных актуальных проблем в жизни общества, и – особенно – при построении разного рода *прогнозов* возможного

развития событий в стране. В первом случае предлагаемые решения, базирующиеся на неадекватных представлениях о реалиях, приходят в *вопиющее несоответствие* с той социальной материей, которая именуется современным российским обществом, и потому по определению обречены на провал: они постоянно и решительно отторгаются обществом то как абсолютно чуждые ему, то как противоречащие интересам значительных групп и слоев населения, то как хотя и привлекательные, заманчивые, однако совершенно непосильные для исполнения. Во втором случае предлагаемые оценки, по неизбежности не учитывающие действие многих, полностью скрытых от глаз прогнозистов факторов, оказываются *весьма упрощенными* и потому снова по определению обречены на неуспех: действительный ход вещей неизменно оказывался и оказывается качественно иным, нежели ожидалось.

Разумеется, несмотря на очевидность общей картины, сформулированная максима требовала все же серьезного обоснования. Амбициозные теоретики (с их горделивым "как это мы можем чего-то не понимать?!") и прагматически ориентированные политики (с их бескрылым "надо дело делать, а не рассуждать!") считали ее в корне неверной. Святая простота, бесподобный Николай Ильич Травкин на московском заседании Всемирного экономического форума в июне 1993 г. с неподдельным пафосом возражал автору: *"Вот тут передо мной выступал профессор-социолог и жаловался, что ни он, ни его коллеги ничего не понимают в происходящем в России. А я вот лично абсолютно все понимаю и все вам сейчас объясню..."*

С намерением, ясное дело, не преодолеть (куда там!), а хотя бы отчасти расшатать подобное весьма опасное по своим последствиям самонамнение, автор сумел в апреле-июле 1994 г. (стоит подчеркнуть, с немалым трудом) провести на Радио "Свобода" серию из 7 крупноформатных (49-минутных) передач под названием *"Terra incognita, или Россия в эпоху X. Очерки массовых заблуждений"*. В рамках этой серии с помощью сотрудника редакции Карена Агамирова состоялось обсуждение сюжета со многими отечественными и зарубежными деятелями, включая М.С. Горбачева, А.И. Лукьянова, Г.А. Явлинского, В.В. Жириновского, А.В. Руцкого, В.И. Анпилова, того же Н.И. Травкина, американских специалистов по России профессоров Р. Пайпса, М. Малиа, Дж. Мэтлока и других.

Вместе с тем уже с 1989 г. автор был постоянно озабочен не столько самой этой мыслью о тотальном непонимании происходящего в России, сколько желанием докопаться до глубинных корней бесконечных

иллюзий и заблуждений, ответить на вопрос: в чем тут дело? – ведь не одни же дураки кругом?! При этом ему вовсе не хотелось принимать всерьез знаменитую, но в высшей степени сомнительную формулу Ф.И. Тютчева: *"Умом Россию не понять, /Аршином общим не измерить: /У ней особенная стать – /В Россию можно только верить"*... Нужно было найти некие иные, вполне рациональные причины. И вот тогда-то, к началу 1993 г., в авторской лаборатории появилось разветвленное "дерево" таких причин, которое на высших уровнях классификации (т. е. без последующей детализации) приняло вид, изображенный на рис. 1.

Спрашивается, в каком из таксонов этой классификации в принципе должны были и могли бы действовать активно работающие социологи-профессионалы, чтобы в той или иной мере споспешествовать раскрытию "тайны России"? На каких участках им надлежало в первую очередь трудиться, чтобы принести наибольшую пользу в развитии общественного самосознания?

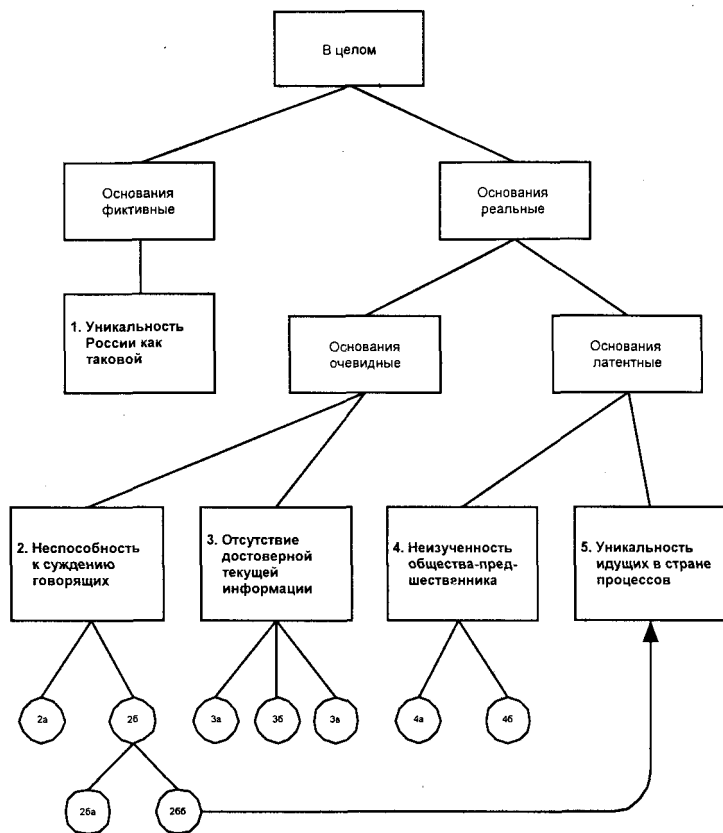
Отвечая на этот вопрос, автор полагал, что критика мифов о принципиальной непознаваемости российской "особенной стати", связанной с некоей внеисторической самобытностью страны, неповторимостью загадочной русской души и т. п., – занятие прежде всего для историков. Ведь они не раз уже – и в прежние эпохи, и в новое время – убедительно опровергали подобные представления, давая блистательные образцы "понимания умом" и "измерения общим аршином" многих страниц российского прошлого.

Было ясно также, что не дело социологов налаживать государственную и ведомственную статистику, повышать качество информации в системе СМИ и тем более браться за воспитание невежественных "лидеров нации", которые в последние годы вышли на арену активной общественно-политической жизни и, взяв на себя роль мыслителей и учителей народа, породили в общественном сознании и в общественной практике тот чрезвычайно широкий, если не господствующий, антиинтеллектуальный фон, на котором в стране происходит выработка обобщенных представлений о действительности, а также принятие ответственных политических, хозяйственных и иных решений.

Что же оставалось? Очевидно, три пункта:

- 1) внесение социологической составляющей в теоретический анализ уникальных исторических процессов, начавшихся и идущих в стране;
- 2) разработка новых методов и техник сбора и интерпретации эмпирических данных, адекватных (методов и техник) анализируемой социальной реальности; и

Рис. 1. Основания ошибочных суждений о современной России

2а – непрофессионалы
 2б – профессионалы
 2ба – необъективность суждений (в силу включенности в идущие процессы)
 2бб – отсутствие новых исследовательских методов и технологий

3а – статистика
 3б – журналистика
 3в – наука

4а – традиционное (до-октябрьское) общество
 4б – советский тотализм

3) приумножение и максимально широкое распространение достоверной социологической информации, раскрывающей важные стороны жизни российского общества в прошлом и настоящем и тем самым увеличивающей объем знаний общества о самом себе.

Именно во всех этих трех направлениях и двинулся в путь автор в 1989 г., полагая, что наиболее важным и продуктивным из них было, конечно же, первое, призванное дать ответ на вопрос вопросов: ЧТО ЖЕ ВСЕТАКИ ПРОИСХОДИТ В СТРАНЕ И СО СТРАНОЙ?!

В январе 1991 г., сначала на II Международной школе политологии в Таллине, а затем на I (и, увы, последнем) съезде Советской социологической ассоциации в Москве, автор доложил о первых результатах проделанной работы, и в том же году, после публикации статей "*Социотрясение. Кто мы? Куда идем?*" ("Политика", Таллин, № 3) и "*Смена цивилизаций?*" ("Свободная мысль", Москва, № 18), с ними могла ознакомиться и более широкая аудитория. Впоследствии авторская концепция происходящего в России подверглась некоторому развитию, определенной детализации и в этом более или менее окончательном виде многократно докладывалась на конференциях в стране и за ее пределами, публиковалась в отечественных и зарубежных изданиях, наконец, излагалась в курсах лекций (особенно подробно и систематично в 1996 г., в течение целого семестра, в Принстонском университете в США).

Ее основное содержание в самой краткой форме сводится к следующему:

- Начавшиеся в России в годы горбачевской перестройки процессы, рассматриваемые с точки зрения их **формы**, не могут описываться в привычных терминах "эволюция" или "революция", поскольку являются собой более сложный тип социальных изменений, а именно *изменения цивилизационные*, совпадающие с переходом общества от одного типа цивилизации к другому. Это означает, что, имея в виду данные процессы, мы должны говорить не просто о преобразованиях, в ходе которых общество меняет свою экономику или свое политическое устройство – например, переходит от централизованной экономики к рыночной, от тоталитаризма к демократии и т. д., – но о кардинальной ломке социальной структуры общества (на уровне жизни социума в целом) и коренной смене самой человеческой породы (на уровне персональной жизни отдельных людей), т. е. о полном крушении существовавших в обществе до того модусов человеческого бытия, о гибели живших ранее типов социальных субъектов и социально-психологических

типов личностей, с одной стороны, и зарождении на их развалинах неких новых образований – с другой.

• Главное **конкретное содержание** этого тектонического сдвига заключается в замене *традиционно российских форм жизни*, на протяжении многих столетий (а вовсе не только 70 послеоктябрьских лет!) базировавшихся на феодальном холопстве и рабстве, некими качественно новыми формами, фундаментом которых является свободная личность и которые в современном мире связываются с понятием *евро-американской цивилизации*. Это означает, что, имея в виду данные процессы, мы должны говорить о разрыве России не только с идеологией и практикой коммунизма (тоталитаризма), но с русизмом вообще, русизмом как таковым, т. е. не только о смене политических и экономических одежек россиян, но о коренных изменениях в самой натуре российского народа, в привычных практиках его жизнедеятельности, его менталитете и психологии.

• В силу сказанного рассматриваемые процессы по всем своим **основным параметрам** должны оцениваться не в качестве лишь политических или экономических, но в качестве *исторических*, с двумя вытекающими отсюда принципиальными последствиями:

их развертывание и плодоносность требуют особого, а именно исторического времени, предполагая смену нескольких (как минимум трех) поколений, т. е. по своей продолжительности рассчитаны не на год-два и не на десять (уже прожитых!) лет, а на *многие десятилетия*;

их протекание, особенно на первых этапах преобразований, не может не иметь сверхболезненного характера, по определению сопряжено с *острейшей конфликтностью*, многочисленными и разномасштабными кровопролитиями, коль скоро в обществе, согласно точной дефиниции Платона (диалог "Законы"), *"все находятся в войне со всеми как в общественной, так и в частной жизни и каждый с самим собой"*¹.

• Тезис об **уникальности**, неповторимости России следует связывать не с тютчевской идеей как таковой, но исключительно со *специфичной переживаемого страной момента*: в составе вчерашней советской империи Россия попала под колесо истории и оказалась в совершенно особенном, абсолютно неизвестном современному миру состоянии (неизвестном во всяком случае в таких геополитических масштабах и конкретно-исторических обстоятельствах). В этом смысле упоминавшийся выше профессор из Беркли был и прав, когда констатировал факт "полубере-

¹ Платон. Сочинения в трех томах. Т. 3, часть 2. М.: Мысль, 1972. С. 87.

менности" России, и не прав, когда утверждал, что подобное третье состояние невозможно. В том-то и дело, что оно возможно! Просто земляне XX столетия впервые столкнулись с ним и, не обладая большим историческим воображением, все время пытаются втиснуть его в свой ограниченный опыт. Сделать же это никак не удастся, поскольку этот опыт (ср. любые аналогии с Польшей, Испанией, Чили, послевоенной Германией и др.) здесь совсем не помогает, поскольку здесь требуется *принципиально новое знание*, способное идентифицировать вещи в их собственном, уникальном историческом качестве. Вместе с тем в глобальном развитии человечества нынешняя Россия – отнюдь не первопроходец. Она просто существенно отстала во времени от других стран Европы и теперь вступает на путь, который Англия прошла в XVI – XVII столетиях и который был досконально описан Томасом Гоббсом в "Левиафане", в том числе с помощью знаменитой формулы *bellum omnium contra omnes* (война всех против всех).

- За последние триста лет своей истории Россия не раз уже пыталась вступить на этот путь – при Петре I, Александре II, Столыпине. Однако по разным причинам ей ни разу не удалось преуспеть в своих намерениях, хотя названные лидеры нации были не на одну голову выше нынешних и хорошо видели конечные цели предпринимаемых начинаний.

Что касается **перспектив реализации сегодняшних преобразований** в стране, то они как раз внушают *немалый оптимизм*, поскольку впервые осуществляются не только и даже не столько по планам сверху, сколько по потребностям снизу, включив в свою орбиту огромные массы людей не в качестве традиционных объектов управления, а в качестве активных субъектов поведения, реализующих их собственные, а вовсе не властные представления о счастье. Вместе с тем в свете предшествующих исторических неудач и в еще большей степени в свете гигантских трудностей, с которыми Россия сталкивается ныне на каждом шагу и которые она сплошь и рядом пока не может преодолеть в своем продвижении вперед, рассматриваемые преобразования следует квалифицировать все же лишь в качестве *очередной исторической попытки* – не более.

- В отношении будущего России с полной уверенностью можно сказать лишь одно – что возврат нации к ее доперестроечному прошлому абсолютно исключен. Действительный же исход событий с самого начала был и по сей день (спустя 13 прожитых лет) остается в высшей степени **непредсказуемым**. При этом данное обстоятельство связано отнюдь не с трудностями анализа сложных и сверхсложных реалий, а с двумя главными характеристиками любого процесса смены цивилизаций:

устойчивой, измеряемой десятилетиями *нестабильностью* всей общественной жизни, возникающей в результате разрушения всех без исключения прежде действовавших законов, норм и ценностей и принимающей поистине угрожающий характер в условиях отсутствия каких-либо новых (обязательных для всего общества) правил и установлений; и

участием в процессе многочисленных разнонаправленных сил, *равнодействующая* которых до поры до времени остается *невывислимой*, коль скоро реальные величины каждой составляющей, а подчас даже и сам ее вектор не могут быть однозначно оценены.

Иными словами, вопрос "Кто кого?" может быть решен лишь по истечении некоторого времени, когда ситуация окончательно прояснится. Пока же (вернувшись еще раз к сюжету "полубеременности") остается лишь вспоминать пушкинское: *"Родила царица в ночь / Не то сына, не то дочь; / Не мышонка, не лягушку, / А неведому зверюшку"...*

Как, познакомившись с данной концепцией, люди реагировали на нее? Разумеется, по-разному. С формальной точки зрения, похоже, даже с интересом, особенно когда речь заходила о раскрытии конкретного содержания процесса социотрясения или когда проводились впечатляющие параллели между нынешней Россией и гоббсовской Англией. Однако общее отношение к идее смены цивилизации было все же иным: полное несогласие с ней или нежелание всерьез думать по этому поводу. И в среде прагматически ориентированных на немедленный результат политиков, политологов и журналистов, и тем более в среде так называемых простых людей, которым сама мысль о растянутости процессов на десятилетия казалась ужасной и в силу этого в принципе неприемлемой. Поэтому-то, уподобляясь известному персонажу из ТВ конца 80-х, не желавшему слушать о погоде и программах "на завтра", и те и другие дружно возражали: *"Нет-нет-нет-нет, мы хотим сегодня! Нет-нет-нет-нет, мы хотим сейчас!!!"* В результате первоначальный энтузиазм автора начал мало-помалу угасать, а затем и вовсе почил в бозе по мере осознания того, что сам институт научной дискуссии, рассчитанной на достижение объективной истины (а не на удовлетворение тех или иных личных или клановых интересов высказывающихся), оказался в нынешней России, как и многое другое, также до основания разрушенным...

Еще больший неуспех, однако, случился на втором направлении деятельности, связанном с РАЗРАБОТКОЙ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ И НОВЫХ ТЕХНИК эмпирического измерения действительности, адекватных нынешней российской реальности.

Уже на уровне абстрактных размышлений было достаточно ясно, что прорыв в новую цивилизацию – *качественно иной тип социальных процессов*, нежели те, что до сих пор попадали в поле зрения социальной науки – социологии и политологии. Имевшая дело лишь с "нормальными", т. е. стабильными обществами, эта наука и в части своих теоретических построений (будь то концепции социальной стратификации, этнических конфликтов или отклоняющегося поведения), и тем более в части своего инструментального арсенала (включая, в частности, технику опросов общественного мнения) оказалась очень плохим помощником в нашем случае, когда все общество пришло во *взвешенное состояние*, когда в нем начал вариться – с температурой намного выше 100 градусов – некий исторический бульон, не значащийся ни в одной кулинарной книге XX столетия.

И еще убедительней верность такого заключения подтверждалась практикой эмпирических исследований, в частности и особенно в сфере изучения массового сознания, общественного мнения. Естественно, молодые социологи и поллстеры¹, начавшие свою деятельность лишь в годы перестройки и не имевшие опыта работы в иных исторических условиях, не могли осознать всей остроты возникшей проблемы научного познания. Что же касается автора, то ему было что с чем сравнивать: ведь свой первый в жизни опрос общественного мнения он провел почти 40 лет тому назад – 10–14 мая 1960 года, а затем, подобно легендарному герою "Золотого тельца" мсье Фунту, который "сидел при всех режимах", занимался анализом массового сознания также "при всех режимах" – в эпохи хрущевской оттепели и брежневского застоя, черненковских потемок и андроповских откровений, горбачевского нового мышления и ельцинских катаклизмов. Так вот сравнения эти были отнюдь не в пользу двух последних эпох, если речь заходила о *степени надежности* получаемой информации – как на уровне фиксирования эмпирических фактов, так и на уровне их интерпретации.

Обобщая свои размышления на этот счет, а также начальный опыт деятельности Всесоюзного Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и независимой Службы изучения общественного мнения "VP" ("Vox Populi"), автор в 1992 г. подготовил теоретический доклад "Почему нельзя верить большинству опросов, проводимых в бывшем СССР", сокращенная версия которого была опубликована в "Независимой газете" 28 октября 1992 г. Главное содержание этого доклада составляло рассмотрение *трех классов препятствий*, затрудняющих или делающих во-

¹ Так в социологии называют людей, изучающих общественное мнение, т. е. проводящих опросы (от англ. *poll* – подсчитывать голоса).

все невозможным проведение надежных опросов общественного мнения в стране:

- связанных с характеристиками самого "поля" = изучаемого населения, массового сознания;

- связанных с характеристиками "совокупного исследователя" = всех персонажей, так или иначе занятых в программировании исследований, сборе и обработке полевой информации, анализе полученных данных; и

- связанных с характеристиками "общества в целом" = того широкого социального контекста, в котором совокупному исследователю приходится осуществлять свои контакты с населением, клиентурой, средствами массовой информации и властью.

Понятно, что в рамках обсуждаемой теперь проблемы особенно важным был первый из этих сюжетов. В конечном счете на предельно обобщенном уровне рассмотрения он сводился к ответу на вопрос: Что мы в действительности изучаем, когда думаем или делаем вид, что изучаем общественное мнение?¹ И подобная скандальная формулировка этого вопроса вполне оправдывалась тем, что нацеленные на фиксирование общественного мнения эмпирические исследования то и дело натывались (как натываются и по сей день) на... *отсутствие в "поле" самого предмета изучения*, т. е. общественного мнения, которое сложилось и существует в обществе (по обсуждаемому предмету) до того, как к нему обратились со своими вопросниками исследователи.

В свое время наш блистательный философ и поэт Э. Соловьев на правах дружбы иронизировал по поводу первых опросов автора: мол, он *"занимался серьезно вполне /общественным мнением в безгласной стране"*. Это было в начале 60-х. С тех пор, конечно же, утекло много воды. Однако старое сомнение – существует ли в России общественное мнение и если да, то в каких формах и границах? – отнюдь не исчезло. Более того, в ряде аспектов оно даже возросло. Сакраментальный вопрос не утратил своей актуальности. И ответ на него, как и раньше, оказывается отнюдь не таким простым, как кажется.

Из теории известно, что общественное мнение представляет собой вовсе не механическую сумму высказываний, полученных в результате

¹ Первые подходы к решению этого вопроса (в приведенной формулировке) были изложены автором в мае 1990 г. на ежегодном конгрессе Всемирной и Американской ассоциаций исследователей общественного мнения в докладе "Перестройка и общественное мнение в СССР".

анкетирования (интервьюирования) n -ного количества респондентов, а **органический продукт** общественной жизни, некое коллективное суждение, возникающее в процессе и результате весьма сложной социальной коммуникации – **публичной дискуссии**. Известно и то, что этот продукт начисто отсутствует, если в обществе нет **набора условий**, необходимых для его возникновения, а именно самой сознающей себя в качестве субъекта социального поведения общественности, обильного потока свободной и доступной ей информации по предмету обсуждения, развитого интереса у масс к этой информации, их способности артикулировать свою позицию, широкой сети безотказно действующих каналов межперсональной и межгрупповой коммуникации и т. п. А ведь это сплошь и рядом наш случай! Значит, общественное мнение у нас существует *далеко не везде*, т. е. – как минимум – не во всех социальных средах, и *далеко не всегда*, т. е. – как минимум – не по каждому заслуживающему внимания и интересующему исследователя поводу.

Будучи теоретически неискушенной, основная масса наших полустеров в прекрасном самочувствии не только не замечает этого решающего препятствия на своем пути, но даже не догадывается о его существовании. В результате препятствие остается непреодоленным и жестоко мстит за себя, неизменно оборачиваясь более или менее безобидной **подменной** объективной картины вещей системой сфабрикованных в ходе исследования **артефактов**, т. е. большей или меньшей фальсификацией реального состояния массового сознания.

Описываемый сюжет приобретает еще большее значение, если учесть, что в сфере массового сознания содержится немало элементов, которые постоянно принимаются и выдаются за общественное мнение, хотя им не являются, относятся к более примитивным, "архаическим" (до- и нерефлексивным, до- и бессознательным) формам выражения мироощущений масс в сравнении с логически выверенными высказываниями осознающей себя и коммуникативно связанной (прошедшей через дискуссионный процесс) общественности. Таковы, в частности, разного рода плохо артикулированные или вовсе не артикулированные в человеческой речи чувства боли и страха, смутной тоски и надежды, необъяснимого энтузиазма или нефокусированного гнева, направленного против всех и вся. Имея в виду подобный уровень состояния сознания народа, М. Салтыков-Щедрин говорил: *эти люди сами не знают, чего хотят – то ли Конституции, то ли заливной североусиной с хреном...*

Как и следовало ожидать, никто из тех, кому упомянутый доклад непосредственно предназначался, не обратил на него серьезного внимания. Для того чтобы все эти люди перекрестились, должен был прогр-

меть гром. И он не заставил себя долго ждать: декабрьские выборы 1993 г. в Федеральное собрание России напрочь опрокинули все "научные" прогнозы социологов и политиков – и в части случившегося обвального поражения "Демократического выбора России" Гайдара (которому все дружно прочили победу), и еще более в части поразительного успеха ЛДПР во главе с Жириновским. Что бы потом ни говорили в свое оправдание аналитики, факт оставался фактом: это было сокрушительное фиаско всей отечественной и западной социальной мысли – и практической (политической, управленческой, журналистской), и теоретической (научной, социологической). Ведь тогда **ошиблись все** – как победители, так и побежденные; как правые, так и левые; как умные, так и глупые. И ошиблись принципиально. Это надо было честно признать, и из этого надо было делать самые серьезные выводы. Однако их тогда, за малыми исключениями, практически никто не сделал.

А потом, спустя два-три года, состоялись новые избирательные кампании – "Дума-95" и "Президент-96", – и история снова повторилась, хотя уже не в форме откровенного публичного скандала, а в форме профессиональной неудачи, умело закамуфлированной под большой успех. Подводя итоги многочисленных опросов населения, предшествовавших выборам, исследователи общественного мнения и журналисты едва ли не единодушно говорили о полной реабилитации социологии. Но объективная картина была, увы, совсем иной. К примеру, в случае с Думой из семи ведущих центров изучения общественного мнения, работавших в масштабах страны, лишь два (!) угадали истинные размеры победы КППФ и лишь один (!), причем в самый последний момент, успех ЛДПР; более или менее точные результаты в отношении "Нашего дома – России" получили лишь три службы, "Яблока" – две, "Женщин России" – три, а "Коммунистов – Трудовой России" и КРО и вовсе ни одной!¹

Помимо всего прочего это означало, что социологам не удалось преодолеть имеющихся трудностей на пути производства точной, надежной информации о состоянии массового сознания в стране. Более того, возникло устойчивое ощущение, что ошибочные результаты опросов населения, не подкрепляемые прогнозируемым поведением людей, в современной России – явление постоянное и всеобщее и что поэтому дело тут не в непрофессионализме отдельных социологов и не в *субъективном факторе* как таковом, а в некоторых специфических *объектив-*

¹ Подробнее об этом – см. *Б.А. Грушин. Электоральная социология в России: что мешает ее успеху? Полемиические заметки.* – Тюмень-Москва: "Этика успеха", вып. 9/96.

ных свойствах самого изучаемого объекта и в неких объективных же условиях, в которых происходит его постижение. Представлялось, что именно благодаря тому и другому массовое сознание нынешних россиян во многих своих ипостасях по определению **не поддается надежным измерениям** и практически полностью исключает сколько-нибудь **однозначную интерпретацию**.

В середине 90-х годов в Службе "Vox Populi" была разработана специальная исследовательская программа, поставившая своей целью конкретизировать данные представления. В результате ее реализации можно было утверждать, что на уровне сущностных характеристик главными свойствами современного сознания масс, возмущающими процессы его нормального формирования, выражения и изучения, являются следующие:

- полное **непонимание** происходящего в стране, потеря базовых ориентиров в жизни и, как следствие, чрезвычайная эмоциональная возбужденность, **нестабильность** реакций и оценок, склонность к шараханьям из стороны в сторону, зависимость высказываний от множества случайных, в том числе латентных, полностью скрытых от исследователя факторов;

- беспримерная **дифференцированность** в отношении образов и стилей жизни, в том числе этнокультурная и региональная, и, как следствие, резкий **плюрализм** позиций, возникающий на нестандартных пересечениях множества социально-демографических оснований и с трудом поддающийся привычным классификациям;

- чрезмерная **усталость** от огромного количества ежедневных забот и страданий и, как следствие, **утрата доверия** не только к существующей власти, но и к институтам власти как таковым, широкая распространенность общественно-политического абсентеизма, крайних форм выключенности из политического процесса, в том числе из процессов выражения (изучения) общественного мнения;

- ярко выраженная **внутренняя противоречивость** взглядов, связанная с ориентациями на многие новые ценности при сильной приверженности к большинству старых, и, как следствие, беспрецедентная мозаичность сознания, граничащая с массовой шизофренией.

Кроме того, своего теоретического и методологического преодоления явно требовали и некоторые иные, феноменологические, свойства современного сознания россиян, возникающие в том числе на пересечении приведенных характеристик и чрезвычайно осложняющие однозначную интерпретацию фиксируемых фактов сознания. Два из них представлялись особенно важными:

- очевидное усиление в составе массового сознания множества упоминавшихся выше до- и нерациональных, в том числе откровенно иррациональных, форм его существования и выражения, которые решительно не совпадают с собственно общественным мнением и потому не только не должны идентифицироваться в качестве такового, но и предполагают особые способы (методы и техники) фиксирования и анализа; и

- резкое оскудение и прямая порча языковых средств выражения имеющегося у масс рационального знания – часть идущего в обществе процесса разрушения естественного языка, затронувшего как его общую семантику, так и лексику непрофессионального гражданского общения.

Имея в виду первое из этих обстоятельств, следует специально подчеркнуть, что речь тут вовсе не о терминологическом пуризме, не об академической строгости дефиниций, а об адекватной оценке принципиально различных феноменов сознания, без которой невозможно выработать сколько-нибудь реалистичную стратегию социального (политического и иного) управления. Ведь одно дело, если в результате исследования перед "властью" – взвешенная позиция общественности, и совсем другое – если это крик или стон доведенной до отчаяния толпы, не говоря уже о всего лишь сфабрикованных в ходе исследования артефактах, за которыми нет вообще ничего реального либо скрывается нечто, принципиально отличное от того, за что это нечто выдается.

Что же касается языковых средств выражения сознания масс, то тут главная проблема заключается в том, что в многочисленных ситуациях исследователи категорически не должны принимать за чистую монету те слова, которыми оперируют (по их подсказке или самостоятельно) респонденты. И потому, что многие из этих слов, вчера еще стабильные, четкие по смыслу и общезначимые для всех, наполнены сегодня совершенно иным и нередко многозначным, в том числе амбивалентным содержанием; и потому, что резко возросла языковая ограниченность масс – значение феномена так называемых "языковых ножиц", т. е. разрыва между лексико-семантическими ресурсами, которыми располагают респонденты, с одной стороны, и аналогичными средствами, которыми пользуются исследователи, – с другой. Ясно, что последняя проблема упирается прежде всего в неразвитость (а в нынешних условиях даже в отсутствие) в обществе *единого языка гражданской жизни* как средства отлаженной социальной коммуникации. (В этой связи нельзя не вспомнить из бессмертного "Облака в штанах": "*Улица корчитя безъязыкая – /ей нечем кричать и разговаривать*".) Однако не менее ясно и то, что многое тут зависит от самого исследователя, не чувствующего проблемы и применяющего в "поле" заведомо негодный инструмент. Разве

не с этим приходится иметь дело каждый раз, когда социолог включает в полевой документ так называемые открытые (т. е. не сопровождающиеся набором возможных ответов) вопросы, а затем – с немалым мучением и очевидными отступлениями от правды жизни – пытается втиснуть сбивчивую и малопонятную речь респондентов в прокрустово ложе своих формальных классификаций?..

Словом, давно уже стало достаточно очевидным, что все описанные (как и многие иные, оставшиеся за кадром) сложности эмпирического изучения нынешних российских реалий остро нуждаются в серьезном и детальном разговоре о качестве применяемого в исследованиях инструментария, о его явной неадекватности объекту изучения и о поисках выхода из сложившейся неординарной теоретико-методологической ситуации. Однако, к огромному сожалению, этот сюжет был и остается в стране *предельно непопулярным*. И социологи в целом, и исследователи общественного мнения в особенности активно и упорно третируют его. По разным причинам. Одни потому, что не испытывают никакого интереса к проблемам методологии и не имеют необходимых навыков в этой сложной работе. Другие потому, что у них "нет времени на пустую теорию", когда "нужно заниматься делом", то бишь без усталости добывать и пробивать свою информацию, зарабатывая либо паблисити, либо влияние на политику, либо деньги, а то и все это вместе взятое. Третьи же – из-за самодовольного сознания, будто все сложности, о которых идет речь, к ним лично не имеют никакого отношения, поскольку это – проблема лишь плохих социологов, отличающихся низким профессионализмом. Если же к этому прибавить еще *чрезвычайную дороговизну* всякой методологической работы и вполне понятное отсутствие интереса к ее финансированию у нынешних российских клиентов, то станет очевидной вся бесперспективность исследовательской деятельности в данном направлении. В предвыборной кампании "Дума-95" Служба "Vox Populi" попробовала было провести опыт с измерением факторов, могущих влиять на финальное электоральное поведение населения, однако, реализовав лишь три этапа эксперимента из необходимых шести, захлебнулась в своем теоретическом рвении из-за прекращения финансирования работ со стороны прагматически настроенного заказчика...

Иное дело – ознакомление широкой публики с информацией, рассказывающей о различных сторонах жизни российского общества в прошлом и настоящем, т. е. издание результатов социологических исследований с целью **УМНОЖЕНИЯ ЗНАНИЙ ОБЩЕСТВА О САМОМ СЕБЕ**. Эта работа (в конечном счете как раз и приведшая к подготовке настоящего четырехтомника), по видимости, не предполагала никаких особых новаций, пред-

ставлялась вполне традиционной и потому, при прочих равных обстоятельствах, могла рассчитывать на успех.

Предельно важным казалось прежде всего издание информации, относящейся к **доперестроечным временам**, к эпохам Хрущева и Брежнева. Ведь со времени своего возрождения в конце 50-х годов отечественная социология худо ли бедно ли получила внушительный эмпирический материал, относящийся ко многим сторонам жизни страны. Однако в силу множества обстоятельств эта информация либо вовсе не увидела света, либо была опубликована в значительно урезанном, деформированном, а то и фальсифицированном виде. В результате как отечественная, так и зарубежная социальная мысль оказалась не в состоянии познакомиться с ее действительным содержанием, не могла и до сих пор не может активно использовать ее для более адекватного понимания жизни и гибели мощнейшей тоталитарной империи на Земле и процессов ее последующей трансформации, не говоря уже о предвидении ее ближайшего и удаленного будущего.

При этом важность обращения к данной информации возрастала еще больше в связи с двумя обстоятельствами.

Во-первых, ее значительная часть, относящаяся к 60–70-м годам, находилась в *угрожающем физическом состоянии* – сохранилась в ограниченном количестве экземпляров (подчас *одном-единственном!*), была записана не только в архаическом дизайне, но и на архаических (бумажных) типах носителей, хранилась бог знает в каких условиях и т. д. – и потому, без всякого преувеличения, могла исчезнуть навсегда, не предприми кто-либо необходимых мер к ее спасению.

Во-вторых, после начала перестройки, в результате явного угара общества от гласности, процесс исторического самоотрицания (реже покаяния), безудержного перечеркивания всех идей и практик "коммунизма", помимо прочего, обернулся множеством прямых *фальсификаций прошлого* и едва ли не клиническим *беспамятством народа* в отношении собственного вчерашнего и позавчерашнего дня. Чего стоит, к примеру, одно лишь такое (ставшее штампом массового сознания) ложное суждение, будто бы 1917-й год и последовавший за ним социализм был искусственно организованным большевиками "перерывом" в российской истории, а не ее нормальным, естественным продуктом, вполне соответствовавшим всем базовым характеристикам российского общества и народа. И – тем более – односторонние, вовсе уже не имеющие ничего общего с реалиями, оценки советского социализма как "сплошного ада на Земле", идущие попеременно с говорухинскими сетованиями по поводу чуть ли не райской жизни в дореволюционной "России, которую мы потеряли"...

Можно предположить, что тезис о грубо неадекватном отражении в современном российском общественном сознании характеристик общества, которое предшествовало нынешнему и называлось советским социалистическим, для многих неприемлем. Однако автор глубоко убежден в его верности и полагает, что главным основанием этой неадекватности является как раз примитивный недостаток выверенных знаний о предмете.

Как известно, незадолго до начала перестройки тогдашний руководитель КПСС и государства Юрий Андропов с тяжелым сердцем признал: *"Мы не знаем, где очутились. Мы не знаем общества, в котором живем"*. Это была сушая правда. И хотя она была произнесена в момент, когда советское общество уже всю агонизировало, ее нельзя было отнести лишь к этому периоду. С помощью плотнейшей и всепроницающей системы мифов и лжи фантазмагорический Левиафан, именовавший себя первым в мире государством рабочих и крестьян, сумел-таки скрыть от всего мира, не говоря уже о нем самом, свою подлинную личину и свое подлинное нутро. Не пять и не десять лет, а на протяжении многих десятилетий он удерживал в сплошном неведении относительно себя не только десятки миллионов собственных граждан, но и несметные разноплеменные массы иностранцев, включая умнейших людей планеты. Массированная же критика этого феномена, состоявшаяся в течение последнего десятилетия и всю используя такие его определения, как "сплошной ГУЛАГ" или "беспредельный тоталитаризм", на взгляд автора, остается преимущественно на уровне публицистики и, увы, не может заменить собой серьезного научно-теоретического рассмотрения "общества реального социализма".

Конечно, незнание этого общества не абсолютно. Многие вполне хорошо описано и известно. И все же целый ряд важнейших, принципиальнейших вопросов, относящихся к жизни СССР, остается пока без ответа. Например, каковы были тогда действительные связи между властью и народом? Насколько реальны, а насколько иллюзорны были те социальные отношения, которые выражались пресловутыми идеологемами из серии "морально-политическое единство народа", "народ и партия – едины" или "дружба народов"? Претерпевали ли эти отношения реальное развитие и если да, то какое именно, под влиянием каких факторов? А если нет, то что же тогда в "классическом" социализме было заложено такого, что могло бы удовлетворительно объяснить его столь сокрушительное и стремительное падение, приведшее в изумление весь мыслящий мир?¹

¹ Заметим, что многие западные советологи вопреки фактам до сих пор настаивают на том, что у них (в отличие от подцензурной советской социальной науки) не

Ясное дело, социологические исследования не могут дать полных ответов на все эти и им подобные вопросы, тем более что они вовсе не проводились в годы собственно сталинизма – самые важные для понимания природы "общества за железным занавесом". Однако и той информацией, которая была получена в эпохи Хрущева и Брежнева, конечно же, никак нельзя пренебречь, поскольку она проливает немало света на предмет и поскольку, чтобы верно судить о нынешней России, в принципе необходимо знать, *что было до нее*, какой именно социальный и человеческий материал достался ей в наследство.

Что же касается информации, относящейся, к **перестроечным и постперестроечным временам**, т. е. к эпохам Горбачева и Ельцина, то важность ознакомления с нею как можно более широкого круга россиян, понятно, не нуждалась в специальных доказательствах. Другой вопрос – каким образом и в каких масштабах следовало эту информацию издавать? Ведь социологическое наследие времен оттепели и застоя, при всей своей внушительности, было тем не менее (хотя бы уже в силу сравнительной немногочисленности исследовательских центров в стране) достаточно ограниченным по объему и лишь изредка содержащим дублирующие друг друга по своим темам исследования. Поэтому главные задачи работы на том участке сводились к тому, чтобы, во-первых, *разыскать* сохранившуюся информацию и, во-вторых, *отобрать* из нее наиболее ценную с точки зрения отражения реальных характеристик тогдашнего общества. Теперь же, когда в одной только Москве действует более сотни служб, именующих себя социологическими, возникла реальная угроза, во-первых, утонуть в безбрежном море производимой ими информации, а во-вторых, впасть в шизофрению в процессе освоения этой информации – из-за массы заключенных в ней содержательных противоречий, неясностей, грубых ошибок и благоглупостей.

было никаких проблем с пониманием доперестроечного Советского Союза. Так, в одной из радиопередач "Terra incognita, или Россия в эпоху X" известный профессор из Гарварда Ричард Пайпс убеждал автора: *"Если вы хотите узнать, что происходило в России за последние 70–75 лет, вам нужно обратиться к книгам не на русском, а на иностранных языках... Мы были главными и единственными знатоками России..."* Однако, на взгляд автора, подобные тирады – лишь свидетельства (в лучшем случае) завидной несамокритичности говорящих. Ведь тот же Пайпс в радиодискуссии не мог не признать: *"Конечно, у советологов были и некоторые ошибки. Например, большинство думало, что власть в стране очень стабильна, что социалистический режим у народа очень популярен..."* Вот-те раз! Ничего себе "некоторые"!..

Иными словами, если позавчерашний день России характеризовался определенным вакуумом объективных сведений о стране, скрывался в тумане легенд и мифов, то ее вчерашний и сегодняшний дни утопают в изобилии ненадежной, сомнительной (в том числе несовместимой, а то и полностью исключающей одна другую) информации, продуктивное интегрирование которой весьма проблематично. Очевидно, главное в этой ситуации – прежде всего *отделить овец от козлиц*, т. е. отличить информацию, содержащую реальное знание о действительности, от разного рода квази-информации, лишь имитирующей или прямо фальсифицирующей такое знание, а затем, в процессе представления "настоящей" информации, постараться выявить ее *действительное, а не мнимое содержание*, коль скоро самим исследователям (не говоря уже о других интерпретаторах социологических данных) это удастся далеко не всегда.

Словом, как должно стать ясно читателю, издание результатов эмпирической социологии, ставящее своей задачей умножение знаний общества о самом себе, его прошлом и настоящем, обещало быть также делом далеко не легким. И все же это направление работы представлялось наиболее перспективным с точки зрения возможности ее доведения до конца. Поэтому уже в 1993 г. автор взялся за разработку программы проекта *"Четыре жизни России в зеркале социологической информации"*.

Теперь, с позиций прожитых лет, наполненных рядом успешных и множеством провальных "телодвижений", в порядке самокритики нельзя не признать, что первоначальная версия программы страдала явным гигантизмом. Особенно после того, как автор, с самого начала осознававший всю непомерность взваливаемой на себя ноши, предложил стать содиректором проекта своему другу Владимиру Шляпентоху (профессору социологии Мичиганского государственного университета, эмигрировавшему из СССР в 1979 г.), и тот, приняв предложение, сразу же придал делу поистине американский размах.

Согласно программе, текст которой был завершён весной 1994 г., проект ставил перед собой *следующие задачи*:

- разыскать (реконструировать) и собрать воедино всю наиболее ценную эмпирическую информацию, произведенную российскими социологами с конца 50-х гг. до настоящего времени;
- доработать (переработать) эту информацию, представив ее в современном компьютерном дизайне;
- снабдить указанную информацию необходимыми методологическими и содержательными комментариями (включая описание реалий и

условий проведения исследований), чтобы обеспечить максимально адекватное восприятие данных нынешними и будущими потребителями;

- осуществить сводный анализ всей собранной информации с целью дать общую социологическую характеристику каждому из четырех рассматриваемых периодов в истории России.

При этом в *генеральное поисковое поле* проекта включались архивные фонды соответствующих учреждений и личных архивов исследователей, а также всевозможные публикации результатов исследований, как в раритетных (малотиражных и труднодоступных) изданиях, в том числе текстах "Для служебного пользования" и диссертациях, так и в открытой печати – массовой прессе, профессиональных изданиях, книгах. Это означало, что предстоящие работы должны были охватить все основные центры производства социологической информации на территории России в системах Академии наук, Высшей школы, различных министерств и ведомств, центральных и местных органов управления, общественных организаций, а также крупнейшие публичные и ведомственные библиотеки страны. В географическом отношении речь шла в первую очередь о Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге), Новосибирске, Свердловске (Екатеринбурге) и, кроме того, еще о 12 крупных городах, разбросанных по всей территории страны, начиная с Воронежа на западе и Ставрополя на юге и кончая Иркутском на востоке и Пермью на севере.

По предварительным оценкам, *общий объем информации*, подлежащей поиску (сбору) и последующей экспертизе (в отношении возможности ее включения в конечную продукцию), представлялся равным 1200–1400 исследованиям, в том числе 50 – в эпоху Хрущева, 400–450 – в эпоху Брежнева, 300–350 – в эпоху Горбачева и 450–550 – в эпоху Ельцина. После же указанной экспертизы, которая должна была произвести селекцию собранного материала на основе разработанных критериев оценки его качества, надежности, значимости и т. д., все эти объемы должны были сократиться соответственно до 600–700 исследований в целом и 25, 200–225, 150–175 и 250–275 исследований по отдельным эпохам.

Принимая во внимание огромный объем предстоящих работ, *общая хронограмма* проекта рассчитывалась на десять лет – с 1996 по 2005 г. – с выдачей первых результатов (по эпохе Хрущева) в 1998 г. и последующих (2-й, 3-й и 4-й тома) – в 2000, 2002 и 2005 гг.

Было совершенно очевидно, что осуществление всех этих планов невозможно без серьезного *организационного обеспечения*. Поэтому в 1995 г. автор приступил к созданию и на следующий год открыл в Москве

Центр социологической информации "Социоинформ" (со статусом АНО – автономной некоммерческой организации), разработав детальные планы всех начальных шагов деятельности этого Центра, включая формирование необходимых структур и служб; приобретение электронной техники и иного имущества; подготовку документов, регламентирующих порядок взаимоотношений с будущими партнерами и контрагентами, привлекаемыми к делу в качестве разного рода специалистов; и т. д. Но еще более очевидным было то, что решающее условие начала и продолжения всех видов работ в проекте – отнюдь не их организация, а *финансирование*.

Составленная в деталях (по годам и видам затрат) общая смета расходов оказалась равной 2 млн. 450 тыс. долларов США (в среднем 250 тыс. долларов в год), и это означало, что деньги следует искать не столько в "бедной" России, сколько в "богатой" Америке. Поэтому именно туда прежде всего обратились со своими надеждами руководители проекта. Неутомимый и знающий правила игры американский содиректор составил внушительный список потенциальных спонсоров – университетов, фондов, индустриальных компаний, финансовых корпораций и др. (общим числом 77, плюс 11 адресов в Европе) и приступил к рассылке "призывных" писем. Российскому же содиректору предстояло "обработать" Москву, в первую очередь, понятно, по части "новых русских".

В общем и целом эта финансовая кампания заняла свыше полутора лет – весь 1995-й и три четверти 1996-го, результаты же ее были поистине катастрофическими.

Из 88 зарубежных адресатов откликнулись лишь 23, и, хотя все они при этом "благодарили и кланялись" (большинство горячо одобряло саму идею, шестеро обещали написать рекомендации в поддержку и т. д.), никто из них не дал на проект ни одного доллара. Никто! Включая легендарного Дж. Сороса, к которому автор специально ездил с этой целью в Нью-Йорк и на которого особенно рассчитывал, памятуя о том, как тот в свое время поддержал создание Службы "Vox Populi". Увы, не помогла и душещипательная (а скорее, душераздирающая) тирада, приписанная В. Шляпентохом в конце письма-обращения: *"Если проект не будет завершен, будущим поколениям придется охотиться за немногими, скудными, противоречащими друг другу обрывками информации о великой Советской империи и ее захватывающем переходе к посткоммунистическому обществу. Они не найдут нужных книг в своих библиотеках и необходимой информации в русских архивах и в конце концов будут вынуждены пополнить ряды исследователей Библии, которым пришлось воссоздавать древнее общество на основе немногочисленных и противоречивых источников..."*

Что же касается Москвы, то тут, вопреки ожиданиям, некоторые деньги как раз нашлись: Российский гуманитарный научный фонд дал

проекту грант на 1996–1998 гг., выделив на "эпоху Хрущева" в первый год 26 500 руб. и во второй – 50 000 руб. Этих средств (в общей сложности порядка 14 тыс. долларов США) хватило на то, чтобы провести полную инвентаризацию всех (83) социологических исследований, осуществленных в России в 1958–1964 гг., и выпустить первые 16 альбомов с материалами отдельных исследований. Не более. И хотя на третий год гранта РГНФ выделил еще кое-какие деньги, было совершенно ясно, что все они – лишь капля в море. Никаких же других ("настоящих") денег, которые бы открывали мало-мальски реальные перспективы в работе, автору в Москве достать так и не удалось. Ни в 1996, ни в 1997, ни в 1998 годах.

В результате сложилась ситуация, из которой было только два выхода: либо вовсе похоронить блистательную идею, утешившись богословской мудростью *sic transit gloria mundi*, либо, отказавшись от первоначальных гигантских замыслов, кардинально сократить масштабы и, стало быть, стоимость проекта. По серьезном размышлении автор (с одобрения американского содиректора) выбрал второй вариант, и тогда-то российско-американский проект Грушина-Шляпентоха "*Четыре жизни России в зеркале социологической информации*" трансформировался в российский проект Грушина "*Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения*".

По своим рамочным целям и технологическим задачам новая версия проекта в принципе сохраняла верность первоначальной. С точки же зрения объемов и содержания включаемых в работу материалов, а также характера и направленности анализа эмпирической информации она отличалась от нее весьма существенно. Прежде всего двумя формальными моментами:

- исследования *многих* российских социологов сокращались до исследований, связанных с *одним* человеком – автором настоящего издания (проведенных либо им самим лично, либо в соавторстве с коллегами, либо под его научным и организационным руководством);
- *разные типы* (жанры) социологических исследований сводились, в сущности, к *одному* – опросам общественного мнения¹.

Что и говорить, обе эти редукции значительно обедняли исходный замысел. Однако отнюдь не перечеркивали его. Даже на уровне чисто

¹ Оговорка "в сущности" имеет в виду включение в проект нескольких исследований, которые в строгом смысле слова не являлись опросами общественного мнения – были либо опросами, но не ставившими своей целью выяснять мнения людей, либо исследованиями мнений, но реализованными в иной технике, нежели опросы.

количественных показателей, если учесть масштабы участия автора в отечественной эмпирической социологии. Гора и в этом случае явно обещала родить не мышь, коль скоро в эпоху Хрущева автор провел 13 исследований (из 83 реализованных в целом по стране), в эпоху Брежнева – 106, в эпоху Горбачева – 92, наконец, в эпоху Ельцина (к моменту, когда писались эти строки) – без малого 500. Причем все это с весьма широкой по своему диапазону проблематикой, охватывающей едва ли не все важные участки жизни российского общества, и к тому же зачастую в масштабах всей страны, что в свое время (в 60–70-х гг.) было вообще доступно лишь очень немногим социологам.

В жанровом же отношении указанная редукция была даже на руку. Поэтому и диктовалась она (это следует подчеркнуть специально) вовсе не только тем внешним обстоятельством, что в качестве первого и долгое время единственного "советского Гэллапа" автор из всех видов социологических исследований обращался преимущественно к опросам общественного мнения¹. На это были и иные, более веские основания.

Согласно первоначальному замыслу, проект должен был иметь дело с множеством исследований, разнящихся не только своими предметами, но и своими методами, т. е. выполненных в самых разных социологических техниках – опросов, наблюдений, контент-анализа, дневников-фотографий, анализа статистических данных, разных форм тестирования и др. – и, соответственно, использовавших различные индикаторы измерения действительности. Это означало, что предусматривавшиеся программой содержательное сопоставление и обобщение (т. е. то или иное интегрирование) всей этой информации во многих ситуациях не могли не столкнуться с чрезвычайными, а то и непреодолимыми сложностями. Даже на уровне сводного описания *одной эпохи*, где пришлось бы "суммировать" такие, к примеру, несоизмеримые предметы, как текучесть рабочей силы, межнациональные браки и интенсивность чтения газет. И тем более при оценке *динамики* общественного развития от эпохи к эпохе, где пришлось бы изобретать некоторые интегральные индикаторы происходивших изменений, т. е. выводить некую общую равнодействующую для множества *разновесомых* (по своему удельному весу в жизни общества) показателей, да к тому же еще в си-

¹ В 1960–1967 гг. автор руководил Институтом общественного мнения "Комсомольской правды", в 1969–1972 гг. – Центром изучения общественного мнения Института конкретных социальных исследований АН СССР, в 1988–1990 гг. (в качестве первого заместителя директора) – Всесоюзным центром изучения общественного мнения при ВЦСПС и Госкомтруде СССР и, наконец, в 1989–1999 гг. – собственной независимой Службой изучения общественного мнения "VP".

туациях, когда одни из них росли, другие падали, а третьи сохраняли статус-кво.

Ясно, что сведение всей этой разнообразной информации лишь к итогам опросов общественного мнения уже само по себе позволяло, если и не полностью преодолеть, то, во всяком случае, значительно ослабить многие из этих трудностей, так как теперь речь должна была идти уже об оценке и интегрировании в принципе *однородных* (и, следовательно, сопоставимых) социальных феноменов, совпадающих исключительно с *фактами сознания*.

Однако, встав на этот путь, автор решил пойти еще дальше и **кардинально изменил сам способ анализа** представляемой эмпирической (количественной и качественной) информации, сам **угол зрения** на нее. Если угодно, это была тоже редукция, однако редукция содержательная, и именно в ней заключалось самое главное отличие новой версии проекта от первоначальной.

Известно, что общественное мнение является зеркалом жизни общества прежде всего в том смысле, что, высказываясь по поводу тех или иных фактов действительности (бытия и сознания), оно, при прочих равных обстоятельствах, дает возможность судить о самих этих фактах и самой этой действительности – говорить о том, каковы в обществе экономика, политика, культура, быт, мораль и прочее, выяснять, с какими проблемами общество сталкивается, как их решает, и т. д. Именно это направление анализа итогов опросов безраздельно господствует в практике отечественных и зарубежных поллстеров, притом что рассматриваемая отражательная способность массового сознания по своему качеству в разных случаях бывает весьма различной, варьируя в диапазоне от истинного до ложного знания¹, в результате чего исследователь в принципе *"не может поставить знака тождества между мнением о факте и самим фактом, должен раскрыть характер, глубину, степень точности отражения последнего в первом"*².

Вместе с тем общественное мнение отражает жизнь общества не только указанным *прямым* образом, но и, так сказать, *косвенно* – на уровне свойств самого массового сознания, характеризующих его в тот или иной момент времени. В этом случае мы также имеем дело с зеркалом, но это зеркало особого рода. В нем отражаются уже не те или иные конкретные, частные, меняющиеся от опроса к опросу сюжеты дей-

¹ См. об этом *Б.А. Грушин*. Мнения о мире и мир мнений. М.: Политиздат, 1967. С. 35–46.

² Там же. С. 40.

ствительности, но некие базовые, более широкие и более глубокие характеристики общества, проявляющиеся в его сознании, как сказал бы Гегель, в "снятом" виде.

Понятно, что включенная в проект обильная эмпирическая информация, представленная в том числе в виде нескольких сотен таблиц, дает немалые возможности увидеть в зеркале первого рода многочисленные характеристики советско-российского общества в рассматриваемые эпохи и, стало быть, судить о нем как таковом. Именно таким способом, скорее всего, и будет оценивать предлагаемую информацию умеющий обращаться с нею читатель. Что же касается автора, то он как раз в своих комментариях решил отступить от привычной практики и избрать второй из названных путей анализа, несмотря на все ожидавшиеся на нем сложности. Уж слишком привлекательной казалась идея – путем рассмотрения свойств массового сознания россиян выйти на некоторые **обобщенные, интегральные представления** об исследуемом социуме.

Напомним, что проект "Четыре жизни России" затевался с целью посильного приумножения знаний российского общества о самом себе, в том числе освобождения общественного сознания от многочисленных мифов и иллюзий, раскрытия неразгаданных тайн современной России. Так вот, по давнишнему убеждению автора, главная из этих тайн была и продолжает быть связана как раз с тем, что философы недавнего прошлого называли расплывчатым термином *"народный дух"*, а социологи и социальные психологи современности обозначают более точно словами *"национальный менталитет"*, *"национальный характер"*, *"массовые установки"*, *"системы ценностей"*, *"массовые символы веры"*. Известно, что дела в нынешней России идут более чем плохо. Подавляющее большинство аналитиков, особенно из рядов политологов и журналистов, видят причины этого в бездарности и недееспособности власти, всесии мафии, антипатриотизме "новых русских". И все это, бесспорно, имеет место. Однако в тени при этом остается **главный барьер**, препятствующий непрерывному и ощутимому продвижению вперед, – неготовность самого народа, широких народных масс к восприятию и поддержке происходящих цивилизационных изменений. Отсюда – выбор названного предмета рассмотрения, задача последовательного и многостороннего анализа массового сознания, проявляющегося на протяжении нескольких десятилетий в общественном мнении¹. Ведь, по предположению автора,

¹ Теория массового сознания разрабатывалась автором на протяжении почти четверти века (с 1964 г.) и в основных своих положениях изложена в книге: *Б.А. Грушин. Массовое сознание. Опыт определения и направления исследования.* М.: Политиздат, 1987.

такой анализ в случае успеха мог бы, как никакие другие социологические исследования, приблизить нас к раскрытию действительного содержания названного феномена – и как такового (путем выяснения отношения масс к "старым" и "новым" формам их жизни), и с помощью общей ориентации анализа на более широкие, сакраментальные вопросы: Кто мы?, Откуда мы? и Куда мы?..

Другое дело, что, определившись в целом с предметом анализа, необходимо было уточнить, в каких *конкретных границах* этот предмет будет рассматриваться. Ведь, согласно теории, массовое сознание, это – **гигантская вселенная**, со множеством составляющих ее структурных элементов и связей между ними, с разными уровнями и формами ее существования и функционирования.

К примеру, на уровне эмпирически фиксируемых фактов сознания масс отчетливо различаются, с одной стороны, его, так сказать, моментальные, меняющиеся от раза к разу характеристики (связанные с отношением людей к отдельным, "точечным" объектам действительности), и с

Согласно этой теории, массовое сознание представляет собой определенный тип общественного сознания, выделяемый в составе последнего (наряду с общечеловеческим и групповыми сознаниями) по его специфическим субъект-носителям – *массам*. При этом главными отличительными признаками любой массы как особого рода социальной общности являются:

1) *статистический характер* общности, находящий свое выражение в том, что данная общность совпадает с множеством дискретных "единиц", не представляя собой какого-либо самостоятельного, целостного образования, отличного от составляющих его элементов;

2) *стохастическая (вероятностная) природа* общности, находящая выражение в том, что "вхождение" индивидов в данную общность носит неупорядоченный, "случайный" характер, осуществляется по формуле "может быть, а может и не быть", в результате чего такая общность всегда отличается открытыми, "размытыми" границами, неопределенным количественным и качественным составом;

3) *ситуативный характер существования* общности, находящий выражение в том, что она образуется и функционирует исключительно на базе и в границах той или иной конкретной деятельности, невозможна вне ее, в результате чего всегда оказывается неустойчивым образованием, меняющимся от случая к случаю, от одной конкретной ситуации к другой; и

4) *выраженная гетерогенность (разнородность) состава* общности, ее откровенно внегрупповая (или межгрупповая) природа, находящая выражение в том, что в данной общности "разрушаются" границы между всеми существующими в обществе социальными, демографическими, политическими, региональными, образовательными и т. п. группами (см. указ. соч., стр. 205–233).

другой – его глубинные, устойчивые свойства, проявляющиеся одновременно в отношении ко многим объектам, или "предметным рядам", по поводу которых высказываются массы¹. Очевидно, в первом случае (а именно с ним имеет дело традиционное зондирование общественного мнения) в рамках большинства реальных исследовательских ситуаций, с помощью фиксирования разнообразнейших дискретных "да – нет", "знаю – не знаю", "согласен – не согласен", "хочу – не хочу" и т. д., мы, при прочих равных обстоятельствах, еще не можем выйти на те или иные *типы* массового сознания. Однако эта задача решается с достаточной надежностью и четкостью, стоит только перейти от отдельных "*точек*" этого сознания к его более или менее обширным "*полям*", т. е. прибегнуть к определенному интегрированному измерению множества дискретных характеристик сознания. Последняя операция совершается с помощью специфических, преимущественно теоретических средств анализа. И как раз прежде всего на этой базе возникает возможность (при оценке содержания массового сознания) судить уже не просто о тех или иных его ментальных, подвижных секторах, но именно о его более или менее устойчивых, стабильных типах – например, выделять в нем сознание "компетентное" и "некомпетентное", "прогрессивное" и "консервативное", "удовлетворенное" и "неудовлетворенное", сознание, находящееся в различных отношениях к официальным позициям, символам пропаганды (ср. сознание "критическое" и "лояльное", "конформистское" и "нонконформистское") и т. д.²

Ясно, что многочисленные характеристики – свойства и особенности – массового сознания не могут быть учтены в анализе во всей их полноте. Отсюда – задача выбора из них *лишь некоторых*, а именно тех, что, во-первых, фактически чаще всего попадают в сети поллстеров в ходе опросов общественного мнения и, во-вторых, позволяют наиболее выпукло представить общество в каждой из рассматриваемых эпох и в его исторических изменениях по мере перехода от эпохи к эпохе.

¹ См. Б.А. Грушин. О двух подходах к изучению общественного мнения. – "Социологические исследования", 1982, № 4.

² Здесь следует оговориться. В отдельных (сравнительно частых) случаях содержательные типологии массового сознания могут базироваться и на его "точечных" проявлениях (измерениях), если предметы, к которым "привязано" массовое сознание (по поводу которых оно высказывается), сами по себе достаточно широки, весомы, значимы в жизни общества (как, к примеру, разного рода "глобальные" вопросы, касающиеся политической власти в стране) или прямо связаны с оценкой разного рода духовных ценностей.

Исходя из этих соображений, автор отнес к числу таких характеристик менталитета масс следующие десять¹:

1. *предметный ряд массового сознания*, или *диапазон интересов населения* к различным аспектам жизни мира, описываемый в терминах "содержания интересов" и "локальности интересов", где под первым понимаются различные сферы жизнедеятельности общества, а под вторым – пространственные границы предметов, к которым массы проявляют большее или меньшее внимание. В эмпирических исследованиях фиксирование этой стороны дела, как правило, опирается на номинальные шкалы типа "экономика – политика – культура – идеология – международная жизнь..." и "мир – страна – регион – город – улица – семья..." и осуществляется путем измерения меры включенности публики в соответствующий предметный сегмент жизни социума, степени ее причастности к этому сегменту, готовности участвовать в обсуждении связанной с ним проблематики;

2. *морфологический состав массового сознания*, или *когнитивные способности населения*, отмечающие общий уровень понимания людьми действительности и совпадающие с определенными комбинациями их мыслительной и психологической деятельности. В эмпирических исследованиях эта сторона дела фиксируется на уровне лингвопсихологического и семантического анализа совокупного текста массового сознания, путем определения удельных весов его основных составляющих: разного рода иррациональных представлений; собственно позитивных (рациональных) знаний, добытых людьми на основе их личного, непосредственного опыта или заимствованных "от других" – из цехов науки, искусства, журналистики; разнообразных элементов религиозной веры и светской мифологии; наконец, разнообразных эмоциональных образований (чувств надежды, страха и др.). При этом первостепенное значение, как правило, придается двум направлениям оценки: соотношению в массовом сознании его рефлексивных и нерефлексивных форм и определению общей меры критичности, самостоятельности мышления масс, т. е. соотношению в нем так называемых официального и неофициального сознаний;

3. *уровень знаний населения* в той или иной (выступающей в качестве объекта исследования) предметной области, мера знакомства людей с соответствующими предметами обсуждения. В эмпирических исследо-

¹ Подробное описание большинства из этих характеристик дается в книге автора "Массовое сознание", однако некоторые из них фигурировали уже и в ранней работе "Мнения о мире и мир мнений".

ваниях эта сторона дела описывается главным образом в терминах "информированности" и "компетентности" масс и измеряется с помощью двух показателей – объема и качества информации, которой располагают массы; при этом первый из названных показателей опирается на континуальные шкалы типа "информация есть – информации нет", "информации много – информации мало", а второй – на процедуру сопоставления суждений масс с неким объективным знанием (некоей объективной истиной), выступающим в качестве одного или нескольких эталонных суждений¹. Кроме того, при оценке данного элемента массового сознания нередко используются и такие (дополнительные) показатели, как потребность масс в соответствующей информации, а также используемые ими источники информации;

4. *способность суждения населения*, совпадающая с, так сказать, инструментальной, или технологической вооруженностью массового сознания и проявляющая себя в двух ипостасях: во-первых, в умении людей рефлексировать по поводу фактов и событий действительности (на базе имеющихся у них знаний и в границах наличной компетенции) и, во-вторых, в их умении артикулировать, передавать в языке результаты собственной рефлексии. При очевидной близости к предыдущей составляющей массового сознания описываемая теперь отнюдь не совпадает с ней, поскольку, как известно, знать и даже говорить о чем-либо еще вовсе не значит понимать это "что-либо" и тем более адекватно вы-

¹ Следует подчеркнуть, что оценка объема и качества знаний масс о предмете обсуждения, будучи весьма привлекательной и вполне оправданной с теоретической точки зрения (поскольку массовому сознанию в самом деле не все по зубам, а область его компетенции объективно ограничена некоторым "порогом доступности" – см.: *Б.А. Грушин*. "Мнения о мире и мир мнений", с. 100–104, 141–157 и "Массовое сознание", с. 302–314), в практике эмпирического анализа фактов сознания, как правило, весьма затруднительна. В сущности, технически разрешимой здесь оказывается лишь задача измерения информированности/неинформированности публики, и то не всегда (см.: *Б.А. Грушин*, Массовое сознание: феномен информированности. – "Вопросы философии", 1971, № 6). Что же касается оценки компетентности/некомпетентности суждения масс, то она чаще всего затруднена из-за вынужденного субъективизма аналитика. Объявление же этих суждений справедливыми (истинными) или ошибочными (ложными), к которому подчас прибегают некоторые полстеры, за редчайшими исключениями, и вовсе недопустимы, поскольку всякое мнение, как тип суждения, содержит в себе не только знание о предмете, но и отношение к предмету, а последнее – по определению! – не может интерпретироваться в терминах "истины" и "лжи", подчиняясь формуле "На вкус и на цвет..."

ражать "для других" свое понимание. В эмпирических исследованиях данная характеристика фиксируется на уровне логико-лингвистического анализа отдельных фрагментов массового сознания, совпадающих с ответами респондентов на открытые вопросы полевых документов, путем качественной оценки степени владения людьми приемами логического мышления – анализа, синтеза, доказательства, а также меры их затруднений в процессе языкового оформления выражаемых мыслей. При этом детализированный анализ обоих феноменов предполагает учет того обстоятельства, что оцениваемые высказывания могут быть различными по своей модальности – в частности, *дефинитивными* (при ответах на вопросы типа "Что это означает?.."), *аналитическими* (в вопросах типа "Чем это можно объяснить?.."), *обосновывающими* (в вопросах типа "Почему вы так считаете?.."), *конструктивными* (в вопросах типа "Что вы предлагаете?..") и т. д.;

5. *ценностные ориентации населения*, совпадающие с фундаментальными (общечеловеческими) и оперативными (ситуативными) предпочтениями, касающимися условий и форм жизнедеятельности масс и составляющими ту *общую систему координат*, в рамках которой и исходя из которой формируются предметные интересы людей и их "стартовые" позиции по отношению к различным фактам и событиям действительности. В эмпирических исследованиях фиксирование этой стороны дела опирается на номинальные шкалы типа "жизнь – здоровье – семья – материальное благополучие – профессиональная карьера – образование – социальная активность..." и осуществляется путем измерения объема внимания респондентов к рассматриваемым ценностям и определения рангового положения последних на общей шкале;

6. *отношение населения к собственному обществу* – его социально-политическому устройству, представленному "властью в целом", а также основными государственными и гражданскими институтами, фигурами ведущих национальных лидеров и т. д. В эмпирических исследованиях эта сторона дела описывается в терминах "политической лояльности – нелояльности" или "конформизма – нонконформизма" масс и измеряется с помощью разнообразных прямых вопросов и множества косвенных показателей, фиксирующих разной степени поддержку массами существующего строя, меру их доверия к государственным и общественным институтам, силу их симпатий к "вождям" и т. д.;

7. *общее эмоционально-психологическое самочувствие населения*, оцениваемое в терминах "настроений", "переживаний" и т. п. Совпадающая с рядом самостоятельных морфологических образований в составе сознания масс (в частности, с упомянутыми выше

чувствами надежды, страха и т. п.), эта характеристика проявляет себя также в виде некоего фона, на котором происходит возникновение всех остальных морфем сознания (предрассудков, знаний и т. д.) и который соответствующим образом окрашивает всю картину общественного мнения. В эмпирических исследованиях эта сторона дела фиксируется преимущественно с помощью *прямых вопросов*, рассчитанных на самооценки респондентами их психологического тонуса, а также путем лингво-психологического анализа используемой в ответах *лексики*. Из весьма широкого набора входящих сюда элементов сознания в ходе дальнейшего анализа полученных эмпирических данных основное внимание будет уделено двум: а) общему уровню довольства/недовольства людей жизнью (описываемому в том числе в терминах "спокойствия – тревожности") и б) их ожиданиям относительно ближайшего и удаленного будущего (описываемым в терминах "оптимизма – пессимизма");

8. *реактивные способности населения*, совпадающие с разнообразными типами реакций людей на факты и события объективной действительности, включая вопросы, которые задаются им в ходе опросов общественного мнения. В эмпирических исследованиях эта сторона дела описывается главным образом в терминах "активности – пассивности" и "характера реакций" масс и измеряется соответственно с помощью таких показателей, как объем актов деятельностного и вербального поведения людей и те или иные качественные характеристики этих актов; при этом первый из названных показателей опирается на континуальные шкалы типа "активность высокая – активность низкая", а вторые – на разнообразные процедуры оценки соответствующих характеристик. В ходе дальнейшего анализа полученных эмпирических данных основное внимание будет уделено двум таким характеристикам: а) проявлениям толерантности/агрессивности (взвешенности/экстремизма) и б) отношению к "новому" и "старому" (готовности/неготовности к переменам);

9. *общая структура* массового сознания, оцениваемая по критерию его *содержательной дифференциации* (дифференцированности) при обсуждении населением тех или иных проблем. В эмпирических исследованиях эта сторона дела описывается в терминах "монизма – плюрализма" общественного мнения и фиксируется на уровне анализа как фрагментов массового сознания, совпадающих с ответами респондентов на отдельные вопросы полевых документов, так и совокупного текста массового сознания, обнаруживаемого в том или ином исследовании в целом. В первом случае речь идет об измерении меры единодушия публики в тех или иных предметных сферах, во втором – об определении относительной значимости (роли) различных социально-демографичес-

ких и иных характеристик респондентов в качестве факторов, дифференцирующих сознание масс. При этом первая из названных задач решается с помощью двух показателей: *количества позиций*, разделяемых по соответствующему поводу ансамблем опрошенных в целом, и *объема групп*, демонстрирующих одну и ту же позицию; вторая – с помощью разного рода *коэффициентов*, отмечающих величину разрывов в позициях различных групп одного класса (половых, возрастных, по роду занятий и т. п.);

10. *общая структура* массового сознания, оцениваемая по критерию его *целостности/разорванности* в границах обсуждения населением тех или иных проблем. В эмпирических исследованиях эта сторона дела, как и предыдущая, фиксируется на уровне анализа как фрагментов массового сознания, совпадающих с ответами респондентов на отдельные вопросы полевых документов, так и совокупного текста массового сознания, обнаруживаемого в том или ином исследовании в целом. При этом в обоих случаях речь идет о выявлении фактов и характера (разных по остроте, латентных и явных) противоречий и конфликтов между содержательно несовместимыми сознаниями разных масс в составе опрошенных в целом или внутри сознания отдельных масс, придерживающихся одновременно нескольких взаимоисключающих друг друга позиций, в том числе путем оценки меры *уверенности/неуверенности* людей в высказываемых ими точках зрения.

Как было сказано, остановившись лишь на перечисленных характеристиках массового сознания, автор вполне отдавал себе отчет в том, что они не исчерпывали всего богатства рассматриваемого предмета. Заключенная в построенных границах общая картина интересующего нас менталитета масс (а значит, и лежащая за ней картина жизни общества в целом) обещала быть по неизбежности неполной. К тому же можно было заранее предположить, что и эти десять избранных составляющих массового сознания будут появляться в результатах опросов населения с неодинаковой силой, с разной степенью четкости и тем более с неодинаковой частотой, т. е. будут присутствовать – во всем своем наборе – далеко не в каждом исследовании. Однако, сознавая все это, автор не мог не почитать с известной максимой практического разума: в мире нет ничего совершенного. Тем более что сопровождавшаяся определенными минусами принятая методология сулила куда как больше существенных плюсов.

Главное – она задавала строгую систему координат, в рамках которой становились возможными сопоставление и сравнительные оценки

всех видов разношерстной информации. И сверх того в каждом случае при подведении итогов опубликованных эмпирических данных (и поглавно, и по совокупности исследований в границах каждой эпохи в целом) анализ подчинялся теперь некоему единому и многообещающему по своим эвристическим потенциям алгоритму – должен был дать ответ на вопрос: как в тех и иных опросах повели себя, как проявили, как выглядели россияне в свете избранных характеристик их менталитета?

Теперь, в завершение столь длительной преамбулы, имевшей целью подготовить читателя к адекватному восприятию как общего замысла, так и условий реализации настоящего издания, следует сказать несколько слов о его структуре и общем содержании.

Итак, в целом речь идет о материалах более чем 250 исследований общественного мнения, представленных в следующих четырех книгах:

Книга 1-я. Эпоха Хрущева – опросы Института общественного мнения "Комсомольской правды" (1960–1964 гг.).

Книга 2-я. Эпоха Брежнева – опросы Института общественного мнения "Комсомольской правды" (1965–1967 гг.), Центра изучения общественного мнения Института конкретных социальных исследований АН СССР (1971 г.), а также исследования, выполненные в составе Генерального проекта "Общественное мнение" ("Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов") в Институте конкретных социальных исследований АН СССР (1967–1974 гг.).

Книга 3-я. Эпоха Горбачева – опросы Всесоюзного центра изучения общественного мнения при ВЦСПС и Госкомтруде СССР (1989–1990 гг.) и Службы изучения общественного мнения "Vox Populi" (1990–1991 гг.).

Книга 4-я. Эпоха Ельцина – опросы Службы изучения общественного мнения "Vox Populi" (1992–1999 гг.).

Каждая из названных книг включает в свой состав:

- Предисловие (с общей характеристикой исследований, входящих в книгу, а также условий их реализации).
- N-ное количество глав, представляющих те или иные отдельные исследования или тематические группы исследований.

• Заключение (с обобщающим комментарием по поводу состояния массового сознания в каждую эпоху)¹.

• Приложения (с некоторыми дополнительными материалами к публикуемому данным).

Наконец, большинство глав, представляющих те или иные исследования, имеет одну и ту же стандартную структуру:

• Характеристика исследований (цели – содержание – метод – исполнители).

• Образцы суждений респондентов в ответах на открытые вопросы.

• Количественные результаты исследований (таблицы).

• Краткий комментарий к результатам исследований.

Автор

25 июля – 13 августа 1998 г.

Москва

¹ В 4-й книге, кроме заключения к ней, дается еще и итоговое заключение к изданию в целом с попыткой ответить на главные вопросы четырехтомника: Кто мы? Откуда мы? и Куда мы?

ПЕРВЫЕ ОПРОСЫ НАСЕЛЕНИЯ В СТРАНЕ: ИХ ЦЕНА И БЕСЦЕННОСТЬ

Все исследования, включенные в этот том, связаны с начальным периодом деятельности Института общественного мнения "Комсомольской правды" (ИОМ "КП") – одной из первых социологических служб, появившихся в СССР на рубеже 50-х–60-х гг., и первого в истории страны собственно Института общественного мнения, поставившего своей задачей проводить опросы населения. Ясно, что рождение такого центра не было случайностью. Ни с точки зрения времени, в которое произошло это событие, ни с точки зрения характера выдвинутой задачи. Объяснение факта лежало в **серьезных исторических подвижках в общественном сознании общества**, случившихся в стране в пору хрущевской оттепели и затронувших в равной мере как социальную науку, потянувшуюся после долгого исторического перерыва к конкретному эмпирическому знанию, так и массовую журналистику, занявшуюся энергичными поисками новых форм контактов со своей аудиторией.

На уровне тогдашней официальной пропаганды обращение философов, историков, экономистов к конкретным социологическим исследованиям связывалось с "возросшими потребностями практики" – с якобы появившейся необходимостью проведения "научно обоснованной политики", "повышения эффективности управления социальными процессами". Ясное дело, вся эта обновленная партийная фразеология нужна была лишь для того, чтобы продемонстрировать верность формулы: *новый лидер – новый этап в жизни страны*. Однако, с другой стороны, именно она, эта фразеология, позволила молодому поколению научных сотрудников, занятых в социальных науках и потому числившихся по идеологическому ведомству, использовав благоприятную ситуацию, осуществить дерзкий прорыв в неизведанное и дотоле абсолютно недозванное.

Сегодня, конечно, очень легко критиковать советскую довоенную и послевоенную философию. Но – за малыми исключениями – единственной отраслью в ней, которая могла похвастать своими действительными успехами, в те годы в самом деле была лишь история зарубежной философии. Задачи в области так называемого диалектического материализма сводились к повторению общеизвестных истин диалектики, уложенных в прокрустово ложе "четырёх черт". Что же касается исторического материализма, то именно в нем как раз была воздвигнута самая толстая стена между теорией и прак-

тикой. Это было совершенно естественно в условиях господства так называемого культа личности Сталина, когда право на научное творчество предоставлялось только одному человеку, а за всей прочей социальной наукой оставалось лишь право на комментарий, популяризацию и... восторг. Главной формой допустимого письма для массы ученых в те времена было кабинетное развитие "теории" на основе толкования общих философских категорий или произведений классиков марксизма-ленинизма, а главным методом построения текстов – метод формальной логики с ее правилами дедуктивного вывода и непротиворечивости суждений. Конкретное изучение действительности не только не требовалось, но было в высшей степени рискованным и просто-таки исключалось, поскольку грозило открыть опасные факты, не совместимые с набором непреложных постулатов в системе господствующей идеологии, и привести к выводам, отличным от тех, что изрекались непрерываемым авторитетом.

В своем историческом (поистине!) докладе на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев, следуя логике разоблачения "культа личности", призвал всех и вся к борьбе с "талмудизмом" и "начетничеством". Этот призыв, услышанный всеми имевшими уши, повлек за собой медленное, но верное разворачивание социальной науки лицом к жизни. И вот тогда-то, примерно в середине 50-х годов, в литературе и устных дискуссиях и замелькало слово "социология". Сам по себе этот термин не был новым в марксистской философии – ни в плане обозначения общей теории социального развития, ни в плане обозначения конкретных социальных исследований (им, как известно, пользовались и Маркс, и Ленин). И все же применительно к советским условиям он был встречен многими с недоверием, а то и просто в штыки, в результате чего среди философов началась затяжная и полная драматизма дискуссия о соотношении социологии и исторического материализма.

Природа этой дискуссии была понятной. В условиях сталинизма, когда связь социальной философии с практикой была сведена на нет, термин "социология" утратил какой-либо смысл и практически исчез из лексикона официальной идеологии. Он был целиком отдан на откуп так называемой буржуазной науке, которая к тому же имела в этой области более чем солидные традиции. Огромный размах эмпирических исследований, начавшийся в 20–30-х годах на Западе и прежде всего в США, окончательно способствовал такому отождествлению "буржуазных" социологических исследований с социологией как таковой. Последняя была объявлена псевдонаукой, годной разве лишь для апологии капиталистического общества. И в результате вместо противопоставления марксистской социологии, с одной стороны, и социологии немарксистской – с

другой, возникло противопоставление марксизма и социологии вообще. В подобной ситуации вернуться к "проклятому" термину означало, по видимости, пойти на уступку буржуазной философии, на недопустимое признание ее заслуг и принятие ее методов.

Но вместе с тем развернувшаяся дискуссия не была только спором о словах. Она, пожалуй, даже меньше всего была именно таким спором, при всем том, что вопросы терминологии играют в науке, естественно, весьма серьезную роль. Ведь тут речь шла не о том, будет ли истмат называться "марксистской социологией" или нет, а о том, насколько в принципе правомерны конкретные социологические исследования как таковые, и в этом смысле – *о борьбе нового и старого в советской философской науке*. За дискуссией четко вырисовывался главный вопрос: останется ли наша социальная философия в рамках одной кабинетной дедукции или она сбросит эту свою извращенную (навязанную идеологией) форму и вступит на путь изучения реалий бытия и духа. При этом особую остроту спору придавало, понятно, то обстоятельство, что в нем болезненно сталкивались жизненные интересы отдельных личностей. Было нетрудно обнаружить, что позиция наиболее активных противников социологии (а фактически – конкретных исследований) была связана отнюдь не только с их метафизическим радением о чистоте идеологии, но и с их вполне "физическими" страхами: будучи знакомы лишь с одним видом деятельности – формально-дедуктивным философствованием, они не владели методами конкретного анализа эмпирического материала, и потому сама мысль о необходимости на старости лет переучиваться и идти "делать науку" на промышленные предприятия и в деревню казалась для них чем-то непоправимо катастрофическим.

Между тем, пока гремели теоретические споры, жизнь шла вперед. Независимо от установок идеологических лидеров практика остро нуждалась в решении множества наблевших вопросов – в сферах труда, семьи, градостроительства, массовых коммуникаций, культуры, отношений между людьми, и этот спрос в обстановке возникшей оттепели сумел-таки определить предложение. Появились люди и даже целые организации, которые еще до решения "кардинальных" вопросов о предмете социологии, о соотношении социологии и исторического материализма, о правомерности конкретных социологических исследований и др. приступили к проведению самих исследований. Они не то чтобы нигилистически относились к общим вопросам теории, но просто острее других чувствовали возможности момента и полагали, вслед за Наполеоном, что *сначала нужно ввязаться в бой, а там уже посмотреть...*

В результате первые шаги в развитии социологии – в развитии, так сказать, на деле, а не только на словах, – несмотря на всю их неуверен-

ность и робкий характер, были сделаны¹. И уже этот первый после столь долгого исторического перерыва опыт сразу же пролил свет на многие из тех вопросов, которые в рамках абстрактной дискуссии казались неразрешимыми. Разумеется, тогда можно и нужно было говорить и о недостатках, и об ошибках (в том числе весьма серьезных), допущенных в той или иной работе тем или иным новоиспеченным социологом. Но главное в этом опыте было другое: конкретные исследования сразу же показали свою значимость, открыв для общества принципиально новые пути самопознания.

Институт общественного мнения "Комсомольской правды" возник в мае 1960 г. и с точки зрения официальной академической и университетской науки явился типичным незаконнорожденным ребенком. В то время тягу к конкретной социологии испытали довольно многие учреждения и организации неакадемического толка – партийные и государственные органы, администрации заводов, даже правления колхозов. Однако ИОМ "КП" выгодно отличился от всех этих недолговечных самостоятельных центров тем, что ему на редкость повезло с матерью: авторитет и популярность центральной ежедневной молодежной газеты с тиражом свыше четырех миллионов экземпляров, ее большие технические, финансовые и административные возможности позволили придать делу с самого начала завидный размах, широкое общественное звучание и тем самым плодотворное долголетие².

Правда, с точки зрения строго административной Институт долгое время оставался, скорее, отвлеченным понятием: проведение зондажей, обработка и анализ их результатов первоначально не были закреплены в качестве особых функций за какими-либо специально выделенными для этой цели людьми, но осуществлялись в виде дополнительной и добровольно принятой на себя нагрузки сотрудниками одного из отделов редакции, а именно *отдела пропаганды*. Лишь в 1966 г. в "КП" был создан специальный отдел – "Институт общественного мнения" – со своим по-

¹ В числе самых первых собственно социологических институций, начавших действовать в стране в конце 50-х гг., были Сектор изучения новых форм труда и быта в Институте философии АН СССР (возглавленный Г.В. Осиповым и послуживший зародышем открытого лишь в 1968 г. Института конкретных социальных исследований АН СССР), а также социологические лаборатории Уральского (Л.Н. Коган) и Ленинградского (В.А. Ядов) университетов.

² Институт просуществовал почти восемь лет (до конца 1967 г.), проведя в общей сложности 27 опросов общественного мнения, в том числе 1 международный и 20 всесоюзных.

мещением, своими, хотя и очень скромными, штатами и своим бюджетом, предусматривавшим возможность найма на временную работу большого количества людей – интервьюеров, кодировщиков и др.

Побывавший в 1962 г. в Москве, но не зашедший в редакцию "КП" корреспондент одной из итальянских газет сообщил своим читателям, что "Московский институт общественного мнения" – огромное учреждение, занимающее большой дом, насчитывающее около 300 сотрудников и располагающее мощной электронно-вычислительной техникой. Все это было, конечно, мягко говоря, некоторым преувеличением. На самом деле Институт никогда не имел больше двух комнат на 6-м этаже газетно-издательского комбината "Правда" и насчитывал максимум семь сотрудников. Что же касается собственной электронной техники, то ее у ИОМ "КП" никогда не было вовсе – вся собираемая информация поначалу обрабатывалась исключительно вручную, а затем в разных вычислительных центрах Москвы, главным образом в ЦМСС Центрального статистического управления СССР.

В отличие от легкомысленного итальянца корреспонденты других иностранных газет и агентств, а также социологи из-за рубежа нередко поднимались на 6-й этаж, интересовались результатами и планами работы. И почти всегда задавали один и тот же вопрос: **а почему именно "Комсомольская правда"?**

Разумеется, в этом обстоятельстве был немалый элемент случайности, связанный с действием ряда, как говорят философы, *субъективных факторов*. Во всяком случае, вполне можно допустить, что микроусловия, благоприятные для возникновения и реализации подобной идеи, могли сложиться и в каком-либо ином месте. Что тут имеется в виду? Царивший в коллективе особый дух товарищества, какой-то редкой благожелательности и заинтересованности в общем успехе, носителем которого были ветераны газеты – "сорокалетние старики", в прошлом нередко военные корреспонденты. Молодежный состав редакции, большинство сотрудников которой получило высшее образование и пришло в газету после переломного 1956 г. и уж заведомо после 1953-го, и связанная с этим обстановка непрерывного генерирования и активной поддержки любых новых идей. Столь же молодое руководство, не успевшее утратить вкуса к профессиональному риску¹. Совсем уже случайное присутствие в коллективе философа-методолога, пытавшегося тем или иным образом

¹ Тогдашнему главному редактору "КП" – Ю.П. Воронову в то время только что стукнуло 30 лет, а его первому заму – Б.Д. Панкину, одному из самых активных катализаторов процесса создания ИОМ "КП", и того меньше – всего 28.

приложить свои профессиональные знания к журналистской практике, полного неукротимых научных амбиций и обладавшего важными связями с разного рода полезными для дела специалистами – социологами, статистиками, математиками и др.¹ И наконец, наличие в окружении руководителя ИОМ нескольких энтузиастов, горячо преданных делу, не жалевших ради него ни сил, ни времени – таких прежде всего, как журналист по образованию В.В. Чикин (первый и долгое время единственный, кроме руководителя, сотрудник Института), а также подключившиеся к делу несколько позже философ Я.С. Капелюш и историк В.Я. Нейгольдберг.

Конечно, то, что все эти факторы оказались налицо именно в стенах "Комсомолки", было во многом случайным. Однако вовсе не случайным было историческое время, в которое все эти факторы сошлись друг с другом, а также то обстоятельство, что эта встреча произошла, к примеру, не в Академии наук, а именно в газете, т. е. в системе средств массовой коммуникации. В этом отношении мощно действовали уже не субъективные, а сугубо *объективные факторы*.

В самом деле, несколькими годами раньше аналогичное событие произошло в Польше – в Варшаве начал действовать Центр опросов общественного мнения при Польском радио и телевидении, парой лет позже – в Будапеште, где такой же Центр возник тоже при радио и телевидении. Значит, тут существовала явная зависимость: типично социологическая служба, каковой является любой центр изучения общественного мнения, определенно тяготеет к альянсу с тем или иным органом массовой коммуникации. И основа такого тяготения достаточно прозрачна: изучение общественного мнения, что называется, по определению предполагает наличие постоянной возможности оперативного обращения к массовой аудитории – то ли с целью зондирования ее позиций, то ли с целью ее информирования о результатах зондажей. И наилучшей техникой реализации этой возможности, бесспорно, являются каналы СМК/СМИ. В отличие от любой чисто технической связи, например телефонной или даже, как в последние годы, компьютерной, массовая прес-

¹ Возглавивший Институт автор этих строк, окончив философский факультет МГУ, а затем аспирантуру по кафедре логики того же факультета, попал в редакцию "КП" в 1956 г. в самом деле совершенно случайно, в пору своей затянувшейся безработицы, из квартета так называемых "диалектических станковистов", в который, кроме него, входили А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий и М.К. Мамардашвили. К моменту создания ИОМ "КП" он был не только одним из редакторов газеты (по отделу пропаганды), но и преподавателем философии на механико-математическом факультете МГУ, кандидатом философских наук, защитившим диссертацию по проблемам логики исторического познания.

са решает эти задачи не только более экономно и оперативно, но и (что представляет особую ценность, учитывая специфику предмета) наиболее естественным, органичным путем. Ведь любые операции с общественным мнением легко вписываются в восприятии публики в привычные, каждодневные информационные функции СМИ.

С другой стороны, интерес счастливым образом оказывается взаимным. Начавшиеся после XX съезда КПСС подвижки в социальной науке в не меньшей мере затронули и деятельность массовой прессы. Былые безапелляционный арбитрализм и скучная идеологическая дидактика с их полным пренебрежением к фигуре реципиента мало-помалу начали сменяться стремлением развить две основные органические функции журналистики – собственно информирования аудитории и выражения общественного мнения. И это заставило прессу искать новые, более прочные и регулярные связи с читателем, слушателем и зрителем. Изучение механизмов восприятия информации, равно как и систематическое изучение всех видов обратной связи, постепенно осознавалось в качестве не просто желательного, но необходимого условия нормальной работы редакций. И отсюда уже было два шага до идеи создания собственной социологической службы, могущей удовлетворить вновь возникшие потребности. Правда, у любого органа СМИ имелась и иная возможность – обратиться с целью изучения своей аудитории к услугам уже существующих социологических центров. Однако ясно, что при прочих равных обстоятельствах создание собственной лаборатории во многих отношениях было куда более привлекательным.

Именно на этот последний путь встала "Комсомольская правда" в 1960 г. И прямо объяснила свой выбор в специальном обращении к читателям, опубликованном 19 мая:

...Одним из главных каналов для выражения общественного мнения в масштабах всей страны является печать. 600–700 писем и статей приходят ежедневно в "Комсомольскую правду". 16–17 тысяч в месяц! Большое число из них находит свое место на страницах газеты. Расширение связей с читателем, предоставление газетной трибуны как можно большему числу строителей коммунизма – такова задача, которую ставит перед прессой Коммунистическая партия Советского Союза. "Газеты и журналы, – говорится в Постановлении ЦК КПСС "О задачах партийной пропаганды в современных условиях", – обязаны стать подлинно народной трибуной..."

Сегодня "Комсомольская правда" открывает на своих страницах ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ. С его помощью газета намерена изучать и рассказывать о мнении советских людей по наиболее актуальным вопросам внутренней и внешней политики СССР, коммунистического

воспитания трудящихся. Такое изучение даст возможность учитывать самые различные мнения, что представляется важным и для практики пропагандистской работы. Оно будет вестись путем социологических обследований и опроса широких слоев населения одновременно в различных географических районах страны. В выявлении общественного мнения "Институт" будет опираться на активное участие и помощь общественных организаций...

Такова была общая программа действий. Изложенная, естественно не без некоторой выспренности, на языке тогдашней пропаганды, она тем не менее содержала в себе довольно ясные указания как в отношении целей, так и в отношении основных характеристик деятельности созданной службы. Адекватное понимание того и другого представляется теперь чрезвычайно важным с точки зрения оценки *действительного содержания* и, стало быть, *действительной значимости* полученной тогда ИОМ "КП" информации.

Говоря о деятельности Института, следует подчеркнуть прежде всего, что само его создание было чистейшим образом **инициировано "снизу"**, самой редакцией "КП" (действовавшей в этом отношении сугубо на свой страх и риск), а вовсе не "сверху", не по указанию руководства партии или комсомола. Многие из западных журналистов, бурно прореагировавших на первые опросы ИОМ, естественно, не могли представить себе подобной "вольности" и подозревали, что за этой акцией скрывается хорошо замаскированная рука ЦК КПСС (если не КГБ!). В частности, корреспондент немецкой "Stuttgarter Nachrichten" Гайнц Вебер в номере своей газеты от 30 марта 1961 г. так и писал: *"В первый раз в истории советского государства советское правительство неожиданно инспирировало опрос общественного мнения¹. Причиной для этого явились многочисленные жалобы, раздававшиеся в последнее время по адресу советской молодежи. То, что при этом воспользовались именно западными методами, называвшимися доселе в Советском Союзе методами "буржуазного декаданса", произвело сенсационное впечатление. Получившая на Западе широкое распространение научная социология была для Советов до сегодняшнего дня книгой за семью печатями. По их мнению, общественная и государственная жизнь нашей планеты должна развиваться только по законам исторического и диалектического мате-*

¹ Корреспондент ошибся. На самом деле опрос о молодежи, который он имел в виду, был не первым, а третьим опросом ИОМ "КП". Первый опрос – по поводу соотношения сил войны и мира на Земле – был проведен примерно за полгода до этого.

риализма, определенным Марксом "с научной точностью" для всех времен. Однако вот уже на протяжении ряда лет из уст Хрущева можно услышать, что марксизм-ленинизм нельзя понимать как раз навсегда данную догму, что необходимо познавать новые явления в жизни и действовать в соответствии с накопленным опытом. Орган коммунистического союза молодежи "Комсомольская правда", по решению партии, спущенному свыше, был избран в качестве основателя Института общественного мнения как раз для изучения этих новых явлений". В действительности же результаты первого опроса, опубликованные 19 мая 1960 г., были абсолютно неожиданными не только для зарубежных журналистов, но и для всех остальных, кто открыл в тот день "Комсомолку", включая самое высокое начальство со Старой площади и Лубянки.

Конечно, что там говорить, "Комсомольская правда" тех лет, подобно всем остальным массовым изданиям, была лишь частью общей идеологической и пропагандистской машины партии и государства и, значит, не могла развивать активности, позволять себе действий, которые находились бы в открытом противоречии с непреложными правилами, утвержденными Отделом пропаганды ЦК. И все же люфт для свободного поведения в рамках этих правил был достаточно велик, и ИОМ "КП", как убедится далее читатель, не только небезуспешно стремился до предела использовать эту свободу, но и многократно "злоупотреблял" ею (что, кстати сказать, в конечном счете, после скандального опроса "Комсомольцы о комсомоле" в 1966 г., и привело к закрытию Института). Во всяком случае, за все годы работы ИОМ редколлегия "КП" ни разу не пришлось действовать по чьей-либо указке "со стороны" – ни при выборе тем опросов, ни при определении манеры интерпретации или публикации их результатов. Тонко чувствовавшие запах свободы в условиях тоталитарной системы западные комментаторы хорошо улавливали эту особенность деятельности ИОМ. В частности, после публикации материала опросов о советской молодежи некоторые из них писали:

Молодежная газета России "Комсомольская правда" напечатала нечто рискованное для общества, контролируемого коммунистами, – опрос общественного мнения. Молодых русских и их подруг просят сказать, являются ли они счастливым или несчастливым поколением ("Daily Telegraph", 9.01.1961);

Отдел пропаганды молодежной газеты "Комсомольская правда" закончил сегодня опрос среди молодежи о том, что она думает о своем поколении. Первые опубликованные ответы обнаруживают, что большинство из ответивших любит свою Родину и гордится своим поколением. Однако в ответах на вопросы, поставленные газетой, приблизительно двадцать наиболее смелых юношей и девушек написали о том, что некоторые из их соотечественников огорчают их своей инертно-

стью, отвращением к работе, бесцельностью, а иногда и "идиотским" подражанием западной манере одеваться (Tom Lambert, "New York Herald Tribune", 28–29.01.1961);

"Комсомольская правда" опубликовала сегодня результаты необычной анкеты: что думают о молодом поколении выдающиеся советские общественные деятели. Впервые... слово было предоставлено представителям старшего поколения, которых попросили высказаться прежде всего об отрицательных чертах их внуков. Вопросы были составлены без предвзятых предубеждений, что позволило всем высказаться обстоятельно... (Alberto Ronkei, "La Stampa", 17.03.1961).

Следующий важный момент – характеристика целей, которые ставил перед собой самопровозглашенный исследовательский центр. Созданный в рамках газетной редакции он неизбежно являл собой во многом типично журналистское образование и потому не мог не решать целой серии задач, связанных с интересами газеты как таковой.

Первым из этих интересов была, конечно, пропаганда – распространение и внедрение в массовое сознание ценностей и норм, образцов сознания и поведения, входивших в корпус так называемого коммунистического воспитания молодежи. Так, в своем первом опросе о войне и мире редакция явно хотела не только узнать, каким в самом деле было мнение населения страны по этому поводу, но и (это совершенно очевидно) лишний раз провозгласить "преимущество социализма над капитализмом", доказать (показать, убедить), что "Советский Союз – сильнейшая держава в мире", а "Н.С. Хрущев – главный миротворец". Во втором опросе, где речь шла о динамике жизненного уровня населения за последние годы, главная идея опроса (газеты) снова заключалась не только и не столько в том, чтобы выяснить реальное положение вещей в стране или собрать предложения людей относительно способов решения существующих проблем, сколько в том, чтобы опять же лишний раз подтвердить, что "дела в стране идут прекрасно", что "главный залог счастья народа – политика партии" и т. д.

Подобное использование результатов опросов резко усиливало пропагандистский потенциал газеты, поскольку теперь пропаганда подавалась уже не голословно, не с помощью одной лишь словесной эквилибристики, но куда более убедительно – во впечатляющей упаковке "объективной цифири", полученной "научным путем". Кроме того, прибегнув к публикации на своих страницах различных, не совпадающих друг с другом, в том числе если и не "антисоветских", то заведомо "несоветских" ("неправильных") мнений, газета заменяла былую прямолинейность и односторонность большей объективностью и создавала новые возможности для выпускания пара. Имея в виду эту

сторону дела в опросе о молодежи, корреспондент американской радиокomпании CBS Марвин Л. Кэлб отмечал: *"Комсомольская правда" пошла на поклон к одному из самых священных принципов социологии Запада – опросу общественного мнения. Правда, организаторы этой анкеты... не рассчитывали, что таким образом можно будет получить истинное отражение "духовного облика" членов комсомола. Они откровенно признали, что проведение опроса преследует совсем другую цель, связанную с проблемами пропаганды внутри страны, а именно со стимулированием официальной дискуссии и легальной критики по поводу "нигилизма", "хулиганства", "алкоголизма" и иных антисоциалистических "измов", которые охватывают многих представителей советской молодежи и распространение которых очень тревожит советское правительство..."* Об этом же, в сущности, писал в "New York Herald Tribune" и уже цитированный Том Лэмберт: *"Советский Союз использует различные методы поддержания собственными силами общественных настроений, но опросы и публикации компилированных ответов являются сравнительно новыми"*.

Добавим, что отмечаемый пропагандистский интерес был далеко не единственным в стратегии редакции, решившей создать в своих стенах Институт общественного мнения. Новая деятельность газеты серьезно повышала общественно-политический престиж издания в стране и мире, заметно выделив его из ряда остальных. Весьма привлекательным было также и значительное увеличение объема редакционной почты (в те годы считавшегося весьма важным показателем эффективности журналистской работы), ради чего начиная с 1961 г. ИОМ стал широко использовать в своей деятельности, наряду с техникой персонального интервью, так называемые газетные опросы – публикации анкет на страницах "КП" с предложением ответить на вопросы тем или иным группам читателей или вообще "всем желающим"¹. Наконец, с помощью ИОМ редакция стремилась еще более укрепить свой авторитет среди читателей, свою популярность у населения страны. И это ей явно удалось, что подтверждалось совершенно новым типом "признаний в любви и дружбе", которые теперь то и дело появлялись в отделе писем. Вроде, к примеру, таких (из почты 1961–1962 гг.):

Уважаемая редакция! "Комсомолка" сделала хорошее дело, организовав Институт общественного мнения. Обсуждение важных для молодежи вопросов в рамках ИОМ дает возможность с достоверно-

¹ В результате этой практики количество писем, полученных редакцией от читателей, возросло с 187 000 в 1958 г. и 194 300 в 1959 г. до 213 000 в 1961 г. и 239 500 в 1962 г.

стью судить о думах, исканиях и чаяниях молодых строителей коммунизма (В.А. К-ко, инженер, г. Минск)¹;

Большое спасибо "Комсомольской правде" за то, что она поднимает такие ценные, нужные вопросы². Они просто необходимы в наше время. Ведь к коммунизму мы должны изжить наши недостатки, внести в свои семьи все лучшее, что есть в человеке. Правильно! Все правильно! Мы будем учиться жить и работать друг у друга, а отсюда будут и крепкие, счастливые семьи (Нина Ф-ва, фельдшер, 30 лет, г. Шуя);

Мне очень нравится ваша газета, особенно организованный "Институт общественного мнения". Здесь можно поделиться своими мыслями, прочитать о мнении других товарищей. Это очень ценно. Лишь только так можно проверить правильность или ошибочность своих мыслей и идеалов (В.И. К-н, мастер Трансформаторного завода, г. Запорожье);

Редакция газеты обратилась к участникам соревнования за коммунистический труд, а также ко всем читателям газеты высказать свои мнения о разведчиках будущего. Хорошая это инициатива – советоваться с народом, когда наша страна приступила к развернутому строительству коммунизма. Очень ценно и важно. Ведь русская народная пословица говорит – ум хорошо, а два лучше (В.И. Т-ко, механик, 25 лет, г. Белгород);

Очень хорошо, что у нас стало традицией советоваться с народом, с массами. Это видно во всем: и в опубликованном проекте Программы коммунистической партии, и в выступлениях главы нашего правительства Н.С. Хрущева по радио и телевидению, где он делится с народом, и в напечатании анкет Института общественного мнения на страницах "Комсомолки". На ваши анкеты откликаются сотни, тысячи, десятки тысяч людей – молодых и старых, с совершенно различными взглядами, наклонностями, с разным образованием и разных национальностей. Отвечая на анкеты, все эти люди показывают, что они не в стороне от тех дел, которые творит весь наш советский народ. Вопросы "Комсомольской правды" волнуют сердца миллионов советской молодежи, которой предстоит жить при коммунизме, строить коммунизм,

¹ Несмотря на то что в своих ответах на анкеты ИОМ "КП", а также в своих письмах в редакцию по поводу деятельности Института подавляющее большинство респондентов и корреспондентов не скрывало своих имен, в настоящем издании – в соответствии с традиционным для социологии опросов принципом анонимности – их имена даются в сокращенном виде.

² В данном случае речь идет об опросе, посвященном проблемам семьи (1962 г.).

создавать его материально-техническую базу (М. Р-к, военнослужащий, 21 год).

Словом, выраженный "журнализм" в деятельности ИОМ "КП" был налицо. Если угодно, это была та цена, которую социология опросов должна была заплатить за свое рождение и существование. И нельзя не признать, что эта цена была немалой. Ведь именно в этом пункте возникали наиболее серьезные затруднения с нормальным функционированием возникшей службы, в том числе в части реализации ее **собственных целей и интересов, не совпадающих с газетными.**

Имея в виду этот аспект разговора, следует сказать прежде всего о том, что новая институция не была воспринята тогда в ее действительном *политическом значении*, трактовалась заведомо зауженно, без понимания той ее роли, которую она по своему определению призвана играть в жизни современных обществ.

Известно, что в западном мире понятие "общественное мнение" употребляется в двух различных смыслах: во-первых, как некоторое коллективное суждение множества индивидов, выражаемое и фиксируемое тем или иным образом, и, во-вторых, как политический институт (так называемая "пятая власть"), участвующий наряду с остальными четырьмя в управлении жизнью общества¹. В соответствии с этим любая деятельность, направленная на изучение общественного мнения, призвана реализовывать две главных функции: 1) помогать общественному мнению выразиться и 2) обеспечивать участие общественного мнения в жизни гражданского общества: формировать общественность, повышать уровень ее самосознания, налаживать ее связь с другими политическими институтами, в том числе институтами власти, принимающими решения.

Разумеется, в ту пору жизни России, о которой теперь идет речь, об общественном мнении можно было в принципе говорить (причем со многими оговорками) лишь в первом смысле слова и вовсе нет – во втором. Это значит, что возникший в стране ИОМ, при прочих равных обстоятельствах, мог бы рассматриваться как некий подарок судьбы, как некий нечаянно подвернувшийся механизм для исторического прорыва в гражданское общество, в политическую демократию. Однако ничего этого не произошло и, конечно же, не могло произойти. Несмотря на наступившую (к тому же, как скоро выяснилось, весьма кратковременную) от-

¹ Имеются в виду три ветви собственно власти (законодательная, исполнительная и судебная), а также так называемая "четвертая" – средства массовой информации.

тепелъ, страна была категорически не готова к изменениям, случившимся с ней лишь 20 лет спустя. Потому "революционная" по своим общественно-политическим потенциям деятельность ИОМ "КП" не получила тогда сколько-нибудь адекватной оценки и не была востребована в рассматриваемом значении ни газетчиками, ни политиками. Те и другие упорно видели в ней всего лишь еще одну (правда, очень удачную и броскую) рубрику в газете – не более¹.

Впрочем, на чисто спонтанном уровне, независимо от интересов редакции и политических лидеров СССР, деятельность ИОМ "КП", имевшая целью формирование общественности в стране, привитие людям навыков участия в публичной дискуссии, создание и использование языка гражданского общения, отличного от официального, и т. д., в той или иной мере все же состоялась и, по-видимому, давала какие-то плоды. Об этом свидетельствовала почта "Комсомольской правды", существенно отличная по своему содержанию и лексике от приведенной на двух предыдущих страницах. Теперь она выглядела и так:

Институт общественного мнения – это очень хорошо! Пожалуй, это самое интересное, что можно встретить на страницах нашей "Комсомолки" в этом году. Номера газет, где идет спор Института, надолго запоминаются, заставляют думать, спорить, строить жизнь иначе. Большинство других номеров "Комсомолки" за последние два года – это просто информационные бюллетени (В. С-в, рабочий, 30 лет, г. Днепропетровск);

Я являюсь более или менее регулярным читателем "Комсомольской правды" и меня интересует созданный в ней "Институт общественного мнения". Первый раз в жизни я высказываю сейчас свои мысли для постороннего обсуждения... (В.П. С-в, электросварщик, 30 лет, г. Сталинград);

После опубликования вашей анкеты в кругу моих сослуживцев был многочасовой диспут. Это был единственный в моей жизни случай, когда митинг, если его можно так назвать, возник сам по себе... (Н.Н. С-в, военнослужащий);

Спасибо за "Институт общественного мнения" и за анкету. Газета уже ходит по рукам и родила полезнейший обмен мнениями, заставила людей думать и говорить (А.И. М-в, 43 года, г. Боровичи);

¹ Спустя полтора года после открытия ИОМ "КП" автор сумел пробиться к тогдашнему секретарю ЦК КПСС по идеологии Л.Ф. Ильичеву и долго доказывал ему необходимость создания в стране "настоящего", действующего на государственном уровне, Института общественного мнения. Результат этой беседы был, увы, нулевым.

"Институт общественного мнения" – это очень правильная и удачно найденная форма не только изучения нашей действительности, но и воспитания нашей молодежи. Каждая тема, которую обсуждает ИОМ, всегда злободневна и идет навстречу жизни, а не просто констатирует факты, так как вопросы ваших анкет уже назрели и заставляют задуматься всех нас. ИОМ помогает понять главное на данный момент, о чем уже можно и необходимо говорить, помогает почувствовать себя хозяином своего будущего и ответственным за это будущее (Н. Ф-в, инженер, 23 года, г. Москва);

Ваш "Институт" – это новое, разумное, истинно демократическое начинание. Инициатору его надо было бы выдать награду. Наконец-то поднят ряд вопросов, нуждающихся действительно во всенародном обсуждении (Б., писатель, 40 лет, село Константиновка, Рязанская обл.).

Вторая проблема, вытекавшая из вынужденного "журнализма" в деятельности ИОМ "КП", касалась обеспечения собственно *научной стороны работы*. И, надо сказать, возникавшие здесь помехи не были уже напрямую связаны с тягой редакции к "хорошей пропаганде". Во-первых, интересовавшая газету пропагандистская составляющая опросов в разных исследованиях вообще имела весьма разное значение, варьируя, в условном измерении, от единицы (в опросах об облике молодежи и ее духовных ценностях, о которых речь пойдет в 3-й и 7-й главах настоящего тома) до полного нуля (в опросе об актуальных проблемах досуга населения, глава 8). Главное же: она проявляла себя лишь на стадии публикаций – либо в форме тенденциозных подборок ответов на вопросы анкет (в расчете на развязывание в газете тех или иных дискуссий), либо в форме идеологически выверенных комментариев к результатам опросов в итоговых материалах. И напротив, она практически никогда не присутствовала в самой кухне исследований (в частности, при разработке их программ, формулировании вопросов в анкетах и т. д.), а значит, строго говоря, никак не влияла на само качество производимой базовой (полевой) информации.

Главная плата "журнализму" в этом пункте работы ИОМ заключалась в том, что организаторы опросов зачастую, как ни старались, не могли преодолеть тотального пренебрежения к вопросам методологии исследований со стороны руководства редакции, и это, естественно, не могло так или иначе не сказываться на качестве "инструмента", изготавливаемого для "полевых" и "камеральных" работ. Грубо говоря, редакцию совершенно не волновали такие сюжеты, как репрезентативность информации, строгая выверенность задаваемых вопросов, соблюдение принципа анонимности ответов, чистота кодирования полученной информации и многое другое из того, что было призвано повышать надежность производи-

мой информации, адекватность ее интерпретации и т. д. Ей вовсе не нужна была серьезная, строгая наука, ей нужно было завлекательное, оперативно изготовляемое читиво. В результате этого поле деятельности ИОМ в редакции было полем не только коллективного энтузиазма и радости (по поводу каждого нового опроса и каждой крупной публикации), но и постоянных скрытых и явных напряжений между интересами газеты ("журналистов") и интересами науки ("социологов"), равно как и постоянных компромиссов между этими интересами.

В самом начале пути такого рода компромиссы решались, как правило, в пользу газеты. В том числе, видимо, и поэтому результаты первых четырех опросов были восприняты в обществе исключительно как явления журналистики, а отнюдь не науки. Однако начиная с пятого исследования (проходившего в августе–ноябре 1961 г. и посвященного проблемам движения за коммунистический труд), ситуация начала заметно меняться: организаторам опросов все чаще удавалось реализовывать неплохие с точки зрения их репрезентативности выборки; разрабатывать адекватные системы кодирования полевой информации; обеспечивать надлежащую подготовку анкетеров и кодировщиков; осуществлять машинную обработку информации вместо ручной и т. д. Это означало, что, так или иначе удовлетворяя интересы "журналистов", ИОМ "КП" не только постоянно имел в виду свою другую – научную – цель, но чаще всего и достигал ее (с теми или иными допустимыми огрехами), решая упомянутые компромиссы в пользу "социологов"¹. Не случайно с 1962 г. продукция Института начала активно проникать в научную литературу, рассматриваться в одном ряду с продукцией, производимой другими центрами социологической науки в стране².

В рамках же собственно научной программы главная задача ИОМ "КП" сводилась к производству разнообразной по средствам и надежной по качеству информации об общественном мнении страны относительно различных актуальных проблем жизни общества. Понятно, решение этой задачи (особенно на первых порах) было сопряжено со множеством трудностей, не имевших никакого отношения к феномену жур-

¹ Следует отметить, что описываемое изменение в балансе "газета – наука", принявшее особенно внушительные размеры на втором этапе деятельности ИОМ "КП" (1965–1967 гг.), обернулось в конце концов прямым конфликтом между руководителем Института и редколлегией газеты и сыграло роль второй причины "безвременной" (а на самом деле какой еще временной!) кончины первого в истории страны Института общественного мнения.

² См. Приложение 3.

нализма, о котором шла речь. Достаточно сказать, что вся наука в Институте была поневоле представлена лишь одним-единственным человеком – его руководителем, которому приходилось действовать по формуле "и швец, и жнец, и на дуде игрец": разрабатывать программы исследований, полевые документы и инструкции к ним, конструировать выборки, составлять коды к открытым вопросам, проводить учебные семинары анкетеров, кодировщиков и исполнителей обработки информации, составлять программы этой обработки, определять дизайн итоговых таблиц и т. д. и т. п. И все это – в ситуации явной нехватки профессиональных знаний и навыков, которая в еще большей степени характеризовала всех остальных участников операций и никак не могла быть восполнена за счет их самоотверженности и энтузиазма.

И тем не менее эта задача решалась Институтом с самых первых шагов его деятельности на основе форсированного самообразования руководителя и развертывания в строгом смысле слова научной, в том числе чисто теоретической и методологической, работы по овладению общественным мнением как предметом эмпирических исследований и социологического анализа.

Речь шла прежде всего о выработке определенного *понимания самой социальной и гносеологической природы* изучаемого феномена. И как такового¹, и (особенно!) применительно к специфическим "домашним" условиям, именуемым социалистическим обществом. Ведь работу по фиксации и измерению этого феномена приходилось начинать в обстановке, когда не было ответа на главный вопрос "Существует ли в стране действительное (а не мнимое) общественное мнение?" (или иначе: "В чем разница между мнением подлинным и фиктивным?") и когда в предельно идеологизированном советском общественном сознании безраздельно господствовали представления, согласно которым *"не всякое мнение определенной группы людей, коллективное мнение, есть мнение общественное"*; или: *"в стране со времени победы социализма по всем вопросам, затрагивающим интересы всех классов и социальных групп, формируется общее мнение"*; или еще хлеще: *"общественное мнение*

¹ Уже первое знакомство автора со специальной западной литературой обнаружило, что общественное мнение *"представляет собой вещь чрезвычайно трудную с точки зрения реального анализа ее характеристик, ...не поддается описанию, неуловимо для определения"*, что *"его трудно измерить и невозможно увидеть"*, что *"оно напоминает ригорический и часто повторяемый вопрос Ласки: Если я встречу всеобщую волю прогуливающейся по улице, как я смогу узнать ее?"* (Henry Durant. Public Opinion, Polls and Foreign Policy. – "The British Journal of Sociology", vol. VI, # 2, June, 1955. P. 152).

применительно к социалистическому обществу можно определить как единодушное суждение народа"¹.

Уже при абстрактном подходе к делу было ясно, что подобные представления – плод кабинетных упражнений на почве тоталитарной идеологии – практически полностью исключают возможность эмпирического изучения общественного мнения, делают такое изучение совершенно бессмысленным. И уже самый первый опрос показал, что они не имеют ничего общего с реальным положением вещей и потому требуют теоретического преодоления. Естественно, такое преодоление, опиравшееся на постепенно накапливаемый опыт непосредственных контактов с сознанием масс, по неизбежности растянулось во времени. И все же оно тем не менее состоялось, когда автору удалось понять самое важное: что общественное мнение – это одна из форм существования и выражения не "всенародного", не группового и не классового, а так называемого массового сознания. Подобное понимание оказалось чрезвычайно эвристичным по своим экспликациям. Помимо всего прочего, оно обнаруживало, что общественное мнение может быть и бывает "всяким": широким и узким по своему субъекту-носителю, единодушным и (в подавляющем большинстве случаев) плюралистичным по своему составу, ложным и истинным по своему содержанию, компетентным и некомпетентным по своему значению; естественным (самозарождающимся) и искусственным (целенаправленно создаваемым) по механизмам своего возникновения; спонтанным и организуемым по механизмам своего выражения и т. д.²

Следующий сюжет в процессе реализации научной программы ИОМ был связан с выбором и совершенствованием *методов и техник работы*, призванных обеспечить максимальную надежность производимой информации. Напомним в этой связи, что в рассматриваемый период времени социологические исследования в СССР в массе случаев начали осуществляться еще до овладения социологами этой стороной дела. При этом общая задача состояла не только и даже, возможно, не столько в том, чтобы изучить методологию и методику исследований, уже имею-

¹ А.К. Уледов. Общественное мнение как предмет социологического исследования. – "Вопросы философии", 1959, № 3. С. 48; и *Он же*. Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 75, 89.

² Окончательное обобщение всей этой работы, занявшей несколько лет, приняло форму двухтомной докторской диссертации автора "Проблемы методологии исследования общественного мнения", завершенной в 1966 г., а затем в виде монографии "Мнения о мире и мир мнений", изданной Политгиздатом в 1967 г.

щуюся на Западе, сколько в том, чтобы адаптировать ее, а то и разработать новую применительно к собственным условиям.

В 1919 г., характеризуя состояние американской социологии, К. Дж. Бушнелл писал: "...в наши дни рабочее оборудование социологии часто выглядит скорее как музей древности, чем мастерская, полная [современных] инструментов..."¹ Если принимать этот удачный образ, следует сказать, что сорок лет назад советская социология была мастерской вовсе без каких-либо инструментов. Первые исследователи получили тогда всеми правдами и неправдами некоторые рабочие помещения, куда лишь предстояло завезти необходимое оборудование – частью импортное, из-за рубежа, а частью отечественного производства. Оказавшись в таком положении, ИОМ "КП" обратился к опыту Института Гэллага в США, Центра опросов общественного мнения Польского радио и телевидения, а несколько позже Французского института общественного мнения и рынка. И в результате из их более чем богатого арсенала в дело были запущены в первую очередь разнообразные методы выборочных анкетных опросов.

По самому своему определению данные методы предполагают обследование некоторой части изучаемой вселенной – общества в целом или какого-либо его отдельного сегмента. Подчас случается, что такое обследование имеет целью получить знание лишь о самой этой части вселенной, и тогда, понятно, все выводы из анализа данных считаются имеющими силу лишь для обследованной совокупности респондентов. Однако в подавляющем большинстве случаев выборочные опросы ставят перед собой иную цель – на основании изучения *части* вселенной получить знание о вселенной *в целом*. Отчасти это напоминает процесс фотографирования, когда мы сначала имеем некоторое уменьшенное изображение картины, а затем подвергаем его увеличению. Но лишь отчасти. Ведь любое даже самое мелкое изображение на фотографической пленке уже с самого начала отражает всю картину в целом, так что вся дальнейшая работа тут в самом деле сводится к простому увеличению. В случае же выборочного "фотографирования" в кадре оказываются лишь некоторые элементы общей картины, на основании которых исследователь должен будет судить о картине в целом. Очевидно, в этой ситуации полученное "уменьшенное изображение" (которое в социологии как раз и называется выборочной моделью или просто выборкой) должно удовлетворять особым критериям, а именно находиться в определенном количественном и качественном соответствии с изучаемым целым. В самом деле, хорош

¹ C.J. Bushnell. Scientific Method in Sociology. – "American Journal of Sociology", # 25 (1919, July). P. 45–46.

был бы "фотограф"-социолог, который, желая, скажем, получить представление о homo sapiens, сначала предложил бы некоему представителю рода человеческого принять лежачее положение, а затем направил бы объектив своего аппарата на его стопы: ведь в кадре могло бы оказаться запечатленным некое существо с огромными подошвами и ...вовсе без головы.

Между тем, как показывает опыт, подобные ошибки в практике изучения общественного мнения весьма часты. Именно в этих случаях как раз говорят о нерепрезентативности (непредставительности) образца, с которым имел дело исследователь – который он либо *сконструировал* самолично (на основе имеющихся знаний о вселенной), либо получил *стихийно*, в расчете на авось (как это всегда случается, к примеру, в ситуациях, когда опросы проводятся на улицах или путем публикаций анкет на страницах газет и экранах телевизоров).

Объясняя эти ошибки, традиционная западная теория связывает их в первую очередь с отклонениями социально-демографических структур используемых выборок от объективной структуры изучаемой вселенной. Например, с тем, что в выборке непропорционально много мужчин и мало женщин, что из всех существующих экономико-географических районов страны в ней представлено лишь несколько и т. д. В действительности же проблема оказывается гораздо более сложной, коль скоро главная цель опросов общественного мнения – получить представление о массовом сознании, структура которого заведомо не совпадает с социально-демографической структурой общества (хотя и находится с ней в определенной корреляции), а также никогда не известна заранее и потому не может быть в принципе смоделирована до проведения исследования.

В любой конкретно взятый момент времени каждое общество имеет одну-единственную социально-демографическую структуру и множество структур массового сознания, меняющихся в зависимости от предметов рассмотрения. Ведь и само количество, и социально-демографический состав различных групп сознания (скажем, "довольных" и "недовольных" в суждениях о настоящем или "скептиков" и "энтузиастов" в суждениях о будущем) в разных опросах различны. Между тем исследователь каждый раз должен быть уверен в том, что избираемая им методика и техника работ не приведет к серьезным искажениям в картине сознания, реально существующего в обществе. Высокое качество используемой социально-демографической *выборки* – первое неперемutable условие успешного решения этой задачи. Тщательная проработка *содержания программ и полевых документов* исследований, имеющая целью "захват" всех имеющихся групп мнений в пропорциях, близких к объективным, –

второе. Именно этим двум решающим звеньям общего технологического процесса и уделялось главное внимание в ИОМ "КП" в процессе использования различных методов выборочных анкетных опросов.

В общей сложности с мая 1960 г. по сентябрь 1964 г. Институт провел тринадцать исследований¹, в том числе одно международное, девять всесоюзных и два межрегиональных. При этом пять из них были выполнены с помощью анкетеров (методом "раздаточных" анкетных опросов на основе техники самозаполнения), два – в форме почтовых опросов (с рассылкой анкет на основе предварительно составленных списков адресатов) и шесть – в форме газетных опросов (с публикацией анкет на страницах "КП" и призывом заполнить их, адресованным тем или иным группам читателей или всем читателям газеты в целом). Таким образом, проблему собственно сконструированной выборки (в соответствии с моделью изучаемого целого) Институту пришлось решать в семи исследованиях, тогда как в шести остальных представительство всех групп опроса обеспечивалось исключительно стихийным путем.

Известно, что в первой группе выборок наиболее эффективными являются так называемые *вероятностные*, или случайные, выборки, где в число респондентов попадают те или иные конкретные люди, отбираемые – многошаговым образом – по случайному принципу из общего количества имеющихся во вселенной (например, из списков избирателей). Однако на первом этапе своей деятельности ИОМ "КП" лишь однажды и лишь частично смог пойти этим путем², поскольку разработка вероятностных моделей населения страны предполагала наличие хорошо поставленной статистики и участие специалистов-математиков, а реализация этих моделей отличалась непомерной дороговизной. Во всех остальных случаях использовались так называемые *стратифицированные* выборки, или метод квот, при котором состав будущих респондентов (в зависимости от задач опроса) определялся в соответствии с их принадлежностью к тем или иным социально-демографическим группам: половым, возрастным, связанным с родом занятий, типом поселений, районом местожительства и др. И при прочих равных обстоятельствах данный тип выборок позволял добиваться вполне удовлетворительной репрезентативности, если и не всего ансамбля в целом (чего заведомо не было, например, в самом первом опросе ИОМ, представленном в 1-й главе), то по крайней мере отдельных групп опрошенных.

¹ Их общий список и характеристики даются в Приложении 1.

² В опросе коллективов коммунистического труда (см. главу 4).

Что же касается собственно *газетных опросов*, то с ними было сложнее. За сравнительно широкое использование этого метода Институт подвергался массивной критике и социологов, и статистиков, и даже самих респондентов. И, надо признать, не без оснований. Публикации анкет на страницах газеты в самом деле были неизменно сопряжены с выпадением из ансамбля многих необходимых групп населения, сопровождалась серьезными систематическими изъянами в составе полученных выборочных образцов.

Начать с того, что данный тип всесоюзных опросов был рассчитан практически исключительно на читателей "КП", а они по своим социально-демографическим характеристикам отнюдь не представляли в точности не только населения страны в целом, но даже и молодежи. Например, в аудитории газеты как таковой было непропорционально мало колхозников и вообще жителей села, поэтому участие тех и других в газетных опросах оказывалось постоянно более чем скромным: соответственно 3,5 и 11,1% от общего объема респондентов в опросе об облике молодежи; 1,4 и 9,2% в опросе о проблемах семьи и т. д. Положение было еще хуже, когда речь заходила о представительстве различных групп по образованию. Тут из ансамблей участников рассматриваемых опросов выпадали не только безграмотные, но и большие массивы людей с образованием ниже семилетнего и тем более начальным. Все это, естественно, не могло не приводить к существенным искажениям в фиксируемой картине мнений.

Однако главные проблемы репрезентативности в случае использования метода стихийной выборки были связаны все же не с этими отклонениями от объективной социально-демографической структуры изучаемой вселенной (поскольку социология располагает надежными техниками "взвешивания", т. е. исправления разного рода "флюсов" и "лакун", обнаруживаемых в структуре ансамблей опрашиваемых). Куда более существенным и при этом не поддающимся исправлению минусом этого метода было то, что он приводил к явным отклонениям от разного рода субъективных характеристик изучаемой вселенной, т. е. тех ее характеристик, которые проявляются как раз в существовании различных групп мнений.

"То, что Институт ставит своей задачей изучать взгляды читателей по разным вопросам общественной жизни, — писал в ИОМ в этой связи экономист А.Ф. из города Грязи Липецкой области, — это очень хорошо. Беда только в том, что участвуют в таких опросах в основном передовые люди из молодежи. А ведь у нас есть отсталая молодежь, не читающая газет, не участвующая ни в каких обсуждениях, никогда не высказывающая своего мнения. Крайне желательно знать, что думает

эта часть молодежи?.." И это была сущая правда, поскольку в каждом газетном опросе происходило неизбежное отклонение массива респондентов в сторону наиболее активной и лояльной части населения, т. е. систематическая ошибка, связанная с потерей неопределенных по размерам, но чрезвычайно важных по существу секторов массового сознания.

Вместе с тем, несмотря на все минусы и слабости метода стихийной выборки, его широкое использование в практике деятельности ИОМ "КП", конечно же, не могло вызывать принципиальных возражений или тем более считаться ошибочным. Как известно, этот метод по сей день в чести у очень многих солидных отечественных и зарубежных средств массовой информации¹. И это вполне объяснимо, поскольку его минусы отнюдь не абсолютны.

Следует заметить прежде всего, что требование социально-демографической репрезентативности используемой выборочной совокупности не является обязательным во всех случаях. Существует множество исследовательских задач, которые решаются при полном отвлечении от этого требования. Например, в ситуациях, когда выясняются не характеристики совокупности в целом, а сравнительные характеристики тех или иных входящих в нее групп², или когда целью исследования является не получение знания о количественном соотношении существующих по тому или иному вопросу мнений, а лишь предварительное, так называемое пилотажное, прощупывание как раз не известного исследователю спектра имеющихся взглядов на предмет.

Кроме того, при использовании метода стихийной выборки многие массивы опрошенных (особенно в случае их больших объемов), будучи нерепрезентативными в целом, вовсе не исключают того, что входящие в них отдельные (многие, а подчас и все) социально-демографические группы оказываются вполне представительными. К примеру, те же колхозники и сельские жители в опросе о молодежи. В структуре стихийно сложившейся выборки их доля, как мы говорили, была непропорционально малой. Однако в абсолютном выражении объемы этих групп выглядели более чем солидно (601 колхозник и 1933 жителя села), да к тому же колхозники представляли свыше 20, а селяне свыше 50 административно-географических районов страны. Это означало, что полученная в этом опросе информация с рассматриваемой точки зрения вовсе не была не-

¹ Ср., к примеру, так называемые интерактивные опросы, регулярно проводимые в последнее время в ходе теле- и радиопередач.

² См. главу 6, где речь идет о сопоставлении характеристик сознания городских и сельских школьников.

доброкачественной, а просто требовала точной, адекватной оценки фактических границ ее значимости. В результате решение проблемы репрезентативности материала из зоны собственно *полевых работ* переносилось в зону *интерпретации* полученных результатов: здесь грубо ошибочными были бы заключения типа "Такой-то процент населения страны считает...", вполне допустимыми (хотя бы в качестве ориентиров для сравнительной оценки позиций различных групп) – типа "Такой-то процент опрошенных в целом считает..." и, наконец, совершенно корректными – типа "Такой-то процент колхозников (страны) считает..."

Очевидно, в той же зоне интерпретации данных могли отчасти смягчаться и минусы стихийных выборок, связанные с ущербной репрезентативностью групп сознания. Например, в форме разного рода оговорок о возможной невыявленности некоторых секторов мнений, о возможных перекосах в пропорциях зафиксированных мнений и т. д. Однако главным направлением решения этой задачи в практике ИОМ "КП" была работа с текстами полевых документов (анкет), а также (в случаях "раздаточного" анкетирования) инструкций к ним, адресованных исполнителям полевых работ. Тут из всего арсенала обычно используемых для таких целей языковых и методических ухищрений в ход шло многое:

- "стереоскопический", или многомерный, подход к обсуждаемому предмету, включающий взгляд на него не только в целом, но и в частности, оценку не только его плюсов, но и минусов, не только его настоящего, но и будущего и т. д.;

- формулирование преамбул к вопросам и самим вопросам с использованием фразеологии и лексики, подчеркивающей заинтересованность исследователей в откровенном и смелом обсуждении предмета;

- целенаправленное использование вопросов, рассчитанных на максимально полное выражение сознания говорящих, т. е. инспирирующих высказывания разного типа – экзистенциальные ("Существует ли явление?"), дефинитивные ("Что явление собой представляет?"), оценочные ("Хорошо явление или плохо?"), аналитические ("Почему явление таково?"), обосновывающие ("Почему мнение о явлении таково?"), конструктивные ("Как с явлением следует поступить?") и др.;

- широкое (на грани злоупотребления) использование так называемых открытых вопросов, где респондентам предоставлялась возможность излагать свое мнение в свободной манере, вне прокрустова ложа предлагаемых исследователем стандартных ответов;

- частое завершение закрытых вопросов припиской "Возможно какой-либо иной ответ?", призванной ослабить замкнутость "поисковой области" при размышлении над ответом на вопрос, разрушить впечатле-

ние, будто от респондента ждут лишь выбора одного из предлагаемых суждений;

– требования к анкетерам выявлять и регистрировать причины отказа людей от участия в опросе или от ответов на те или иные отдельные вопросы, не давить на респондентов в случаях, когда те затрудняются ответить на вопрос, и т. п.

Как может видеть читатель, теоретико-методологическая и методическая работа, проводившаяся в ИОМ "КП", была весьма основательной и разносторонней¹. И, как будет видно далее, достаточно эффективной, в том числе по части обеспечения репрезентативности производимой информации. Данный факт уже в те годы признавался многими, даже и критически настроенными на этот счет обозревателями. В частности, уже цитированный выше ядовитый автор из "Stuttgarter Nachrichten" писал: *"Свежеиспеченный советский "институт Гэллага", естественно, не обладающий еще большим опытом, свойственным аналогичным американским или западноевропейским институтам, с самого начала своей деятельности продемонстрировал поразительные результаты. Насколько многообещающими были вопросы, настолько же удивительными были самые разнообразные ответы, свидетельствующие о свободном изъяснении людьми своего мнения..."*

Подводя итоги разговора об общих характеристиках деятельности ИОМ "КП" на первом этапе его существования, следует констатировать:

1) что базовая информация, производившаяся Институтом, использовалась "Комсомольской правдой" *достаточно широко*², но *весьма неадекватным* (по содержанию) и *весьма ограниченным* (по объему) образом, поскольку газетные публикации, отражавшие ход и результаты опросов, в большинстве своем имели ярко выраженный пропагандистский характер и ограничивали количественные результаты исследований лишь избранными цифрами, вовсе исключая табличный материал³;

¹ Детальный анализ этой стороны деятельности ИОМ "КП" составляет главное содержание упоминавшейся монографии автора "Мнения о мире и мир мнений".

² Полная библиография публикаций "Комсомольской правды", связанных с деятельностью ИОМ "КП" в 1960–1964 гг., дается в Приложении 2; она насчитывает 58 материалов.

³ Единственное исключение из правила – публикация итогового отчета в опросе о проблемах свободного времени. Состоявшаяся в феврале 1966 г., она имела сугубо научный характер, была размещена в трех номерах "КП" и включала в себя

2) что при вынужденном "журнализме" в работе Института, который оказывал определенное (и неопределенное) *негативное воздействие* на количественные и качественные характеристики производимой им информации, сама эта информация тем не менее оставалась в рамках *серьезной социологии*, сохраняла научный характер и, следовательно, оставляла принципиальную возможность для иного рода ознакомления с нею широкой общественности и иного рода ее содержательной интерпретации, нежели те, что демонстрировались "Комсомольской правдой" в начале 60-х гг.¹;

3) (и самое главное) что полученная ИОМ "КП" информация заслуживает самого *пристального внимания*, поскольку обладает большой познавательной ценностью, а в некотором смысле и вовсе бесценна, если учесть, что в рассматриваемый период советско-российской истории Институт был единственным социологическим центром, который мог проводить и проводил многие свои исследования не на каком-то отдельном предприятии (заводе, колхозе) и не в каком-то отдельном городе или регионе страны, а *в масштабах страны в целом*.

Подобная высокая оценка рассматриваемой информации кажется особенно оправданной в наше время, в свете выраженной тенденции развития мировой социальной науки в направлении к феноменологической и понимающей социологии. Многие нынешние социологи, как известно, стремятся все меньше гоняться за цифрами и все больше проникать в качество изучаемых объектов, переходя от массовых выборок к разным формам монографического описания, к исследованиям типа case-study. В этом смысле зафиксированные ИОМ "КП" образцы сознания людей, живших в эпоху Хрущева, обладают поистине непреходящими дос-

(совершенно невиданное дело для газеты!) 8 таблиц, в том числе несколько крупноформатных (23 строки на 11–13 колонок).

¹ Исходя из этого тезиса и желая представить обобщенные результаты работы ИОМ "КП" на уровне научного анализа произведенной информации, автор в 1969 г., уже после закрытия Института, написал большую (в 500 страниц) книгу "Советское общество в опросах общественного мнения". В ней, с существенным ослаблением пропагандистского элемента, излагались материалы 12 избранных опросов, проведенных ИОМ "КП" в 1960–1967 гг. Однако издание этой книги, увы, так и не состоялось. На протяжении целых десяти лет, несмотря на бесконечные "доработки" и "переработки" рукописи, она последовательно отвергалась всеми без исключения издательствами, в которые (большой частью в соответствии с заключенными договорами) попадала: сначала издательством Агентства печати "Новости" (1970), затем Политиздатом (1971), "Наукой" (1973), ВААПом (1977) и, наконец, "Прогрессом" (1979).

тоинствами. Разумеется, прежде всего как живые свидетельства менталитета собственно "шестидесятников". Но не только. Объективный наблюдатель найдет в них также указания и на некоторые более глубокие пласты сознания тех, кого теперь нередко оскорбительно именуют совками, но кто на поверку, при ближайшем рассмотрении, оказывается самим российским народом. Широко распространенный взгляд, будто бы общественное мнение – само непостоянство (сегодня оно одно, завтра другое – настоящее "семь пятниц на неделе") и что поэтому обращение к его текстам сорокалетней давности не может дать ничего, кроме каких-то (в том числе невнятных) намеков на "дела давно минувших дней, преданья старины глубокой", – не более чем предрассудок. Ведь представленное в опросах общественного мнения массовое сознание состоит не только из сиюминутных настроений, эмоций, влечений, подсознательных импульсов, но и из множества других, в том числе фундаментальных образований, формирование и эволюция которых происходит на протяжении десятилетий и столетий.

В этой связи остается только глубоко пожалеть, что материалы опросов ИОМ "КП" той поры *сохранились далеко не полностью* (чтобы не сказать большего), особенно в части базовых полевых документов и итоговых количественных результатов. Невостребованность в обществе социологической информации как таковой, отсутствие к ней интереса со стороны власть имущих сделали свое черное дело. Редакция "КП", не видя никакого смысла в сохранении материалов ИОМ, полностью отказалась от их архивизации, и можно с уверенностью сказать, все они бесследно исчезли бы, если бы не маниакальная вера автора в историческую значимость проделанного Институтом. Не сумев защитить большую часть информации от полного физического уничтожения, ограниченный скудными емкостями домашних владений и действуя под недоуменные взгляды одних и насмешливые шуточки (насчет "комплекса Плюшкина") других, он все же сумел спасти многое, и именно эта спасенная им часть и представлена в настоящем томе.

В общем и целом из 13 исследований, относящихся к эпохе Хрущева, на уровне как качественных, так и количественных результатов (хотя поневоле с разной полнотой) в книге излагаются материалы лишь 9: 1–3, 5–8 и 11–12-го. В исследовании 10 ("На Марс – с чем?") речь идет почти исключительно о качественных данных, поскольку количественные результаты сохранились в этом случае лишь в виде немногочисленных и разрозненных цифр, использовавшихся в итоговых публикациях. Что же касается исследований 4, 9 и 13, то здесь какие-либо количественные результаты и вовсе отсутствовали – то ли были полностью утеряны (как это

случилось с московской частью советско-французского опроса "Во имя чего вы учитесь?"), то ли (скорее всего) никогда не существовали, – поэтому сохранившиеся фрагменты этих исследований даются в книге не в основном тексте, а в приложениях к нему. Кроме того, в тех же приложениях автор посчитал целесообразным привести и некоторые вспомогательные материалы, связанные с деятельностью ИОМ "КП" и проливающие на эту деятельность дополнительный свет.

Глава 1. ПРОТИВОСТОЯНИЕ ДВУХ МИРОВ

1. Характеристика исследования

• Цели

Исследование проводилось 10–14 мая 1960 г., в преддверии несостоявшегося Парижского совещания глав правительств четырех великих держав и в обстановке серьезного обострения "холодной войны", сразу же после нашумевшего инцидента с американским самолетом-разведчиком "У-2", который 1 мая 1960 г., грубо нарушив государственную границу СССР, был принужден сдать советским войскам на Урале.

Оно предусматривало измерение степени и характера уверенности населения в возможности предотвращения новой мировой войны, а также (в косвенной форме) выяснение отношения общественного мнения к внешнеполитическому курсу советского правительства, в первую очередь к идее мирного сосуществования социалистической и капиталистической систем и предложениям по разоружению и запрещению атомного оружия. Кроме того, в качестве частной задачи предполагалось определить характер ожиданий публики от предстоящего Совещания.

• Содержание

Сообщив в краткой преамбуле о том, что *"16 мая с. г. в Париже открывается совещание Глав Правительств СССР, США, Англии и Франции, посвященное проблемам мира"*, "Комсомольская правда" попросила респондентов *"высказать свое мнение"* всего по трем содержательным вопросам – одному закрытому и двум открытым:

1. Удастся ли человечеству предотвратить войну? (Да, Нет)
2. На чем основана ваша уверенность?
3. Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?

В соответствии с программой, содержание мнений должно было фиксироваться с учетом в общей сложности семи признаков респондентов, в том числе трех базовых социально-демографических (пол, возраст, род занятий) и двух специальных, которые, как ожидалось, должны были в той или иной мере отразить релевантные предмету разговора психоло-

гические характеристики опрашиваемых: характер участия людей в минувшей (Великой Отечественной) войне и мера понесенных ими в этой войне утрат. Кроме того предполагалось, что известную психологическую нагрузку должны нести и еще два стандартных социально-демографических признака: район местожительства и тип поселения респондентов. В программе исследования об этом говорилось: *"Можно предположить, что население районов, переживших полет Пауэрс, смотрит на вещи несколько иначе, нежели те, кто не испытал по этому поводу непосредственных волнений. Точно так же разным (в связи с возможным атомным ударом противника) может быть и уровень нервозности жителей промышленно развитых районов и крупных административных центров, с одной стороны, и жителей малонаселенных районов, не имеющих на своей территории военно-стратегических объектов, – с другой..."*

• *Метод и техники*

В качестве метода исследования использовался анкетный выборочный опрос на основе условной (квази-) стратифицированной пропорциональной выборки и техники самозаполнения. Объем выборки равнялся 1000 человек, а ее структура (модель) включала пять параметров из семи перечисленных: район местожительства, тип поселений, род занятий респондентов, их пол и возраст.

Поскольку в связи с "географией" большое значение придавалось психологии опрашиваемых, было решено прибегнуть к принципу "конденсации условий" опроса, а именно провести его в районах страны, население которых ближе всего столкнулось с бедствиями минувшей войны. Выбор пал на 30-й, Пулковский меридиан, один из 170, на которых "лежал" СССР: в годы войны эта территория, входившая в состав 4-х союзных республик (РСФСР, Белоруссии, Украины и Молдавии), была ареной активных боевых действий, при этом большая часть ее была оккупирована гитлеровскими войсками.

Что же касается конкретных точек опроса на меридиане, то их общее количество было ограничено десятью и они выбирались по двум параметрам: 1) "статус" населенного пункта с точки зрения возможного военного нападения (в диапазоне "крупный промышленный центр – сельское поселение") и 2) род занятий (социальное положение) опрашиваемых. В результате общая схема исследования приняла следующий вид:

город Никель (крайний север Кольского полуострова, близ границы СССР с Норвегией) – рудокопы и металлурги комбината "Печенга-Никель";

город Лахденпохья (Карелия) – рабочие и служащие фанерного комбината;

город Ленинград – рабочие и инженеры Металлического завода им. Сталина;

села Дновского района Псковской области – колхозники;

город Великие Луки – рабочие и служащие швейно-трикотажной фабрики;

город Витебск (Белоруссия) – студенты и преподаватели Государственного пединститута им. Кирова;

город Жлобин (Белоруссия) – домохозяйки и пенсионеры;

город Фастов (Украина, район Киева) – железнодорожники местного железнодорожного узла;

села Гайвороновского района Кировоградской области (Украина) – колхозники и механизаторы;

воинская часть, расквартированная близ Тирасполя (Молдавия) – солдаты и офицеры.

В соответствии с программой в каждом из этих пунктов предполагалось опросить по 100 человек, поровну (за исключением последнего пункта) мужчин и женщин и лиц в возрасте до и свыше 32 лет. Две последние характеристики респондентов, связанные с характером их участия в минувшей войне и понесенными ими утратами, фиксировались в опросе на основе стихийного представительства.

Реализация выборочной модели была в общем и целом удовлетворительной. Ее фактическая структура оказалась следующей (в % к общему числу опрошенных, $n = 1000$; в скобках указаны сокращенные названия групп, используемые далее в таблицах и графиках):

• по полу

мужчины (Муж)	– 59,7
женщины (Жен)	– 40,3

• по возрасту

до 25 лет (До 25)	– 31,2
26–32 лет (26–32)	– 19,5
33–45 лет (33–45)	– 28,3
46 лет и старше (46 и ст)	– 21,0

- по роду занятий
 - рабочие (Рабоч) – 45,8
 - инженерно-технические работники (Инж-тех) – 3,7
 - служащие (Служ) – 13,4
 - колхозники (Колхоз) – 12,8
 - военнослужащие (Воен) – 9,8
 - студенты (Учаш) – 9,8
 - пенсионеры и домохозяйки (Нераб) – 4,7
- по типу поселения
 - крупные города (Круп гор) – 20,0
 - средние города (Сред гор) – 21,4
 - малые города (Мал гор) – 28,6
 - села (Село) – 20,0
- по району местожительства
 - Никель (Никель) – 10,0
 - Лахденпохья (Лахден) – 10,0
 - Ленинград (ЛГ) – 10,0
 - Псковская обл. (Пск обл) – 13,8
 - Великие Луки (Вел Луки) – 11,4
 - Витебск (Витебск) – 10,0
 - Жлобин (Жлобин) – 8,6
 - Фастов (Фастов) – 10,0
 - Кировоградская обл. (Кирвг обл) – 6,2
 - район Тирасполя (р-н Тирсп) – 10,0
- по участию в минувшей войне
 - воевали на фронте (Фронт) – 25,2
 - были в партизанах (Партиз) – 2,8
 - пережили блокаду Ленинграда (Блокад) – 1,7
 - жили на оккупированной территории (Оккуп) – 10,0
 - трудились в тылу (Тыл) – 15,0
 - не участвовали в войне (в возрасте до 32 лет) (Не участ) – 45,3
- по понесенным в войне утратам
 - потеряли близких родственников (Родств) – 72,0
 - потеряли жилье, имущество (Имуш) – 17,4
 - не понесли потерь (Без пот) – 10,6

А вот как выглядели все группы опрошенных в границах отдельных районов = поселений (в % к объему респондентов в каждом районе):

Таблица А

Груп/район	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Муж	92,0	45,0	82,0	51,4	20,2	36,0	40,7	71,0	69,3	99,0
Жен	8,0	55,0	18,0	48,6	79,8	64,0	59,3	29,0	30,7	1,0
До 25	31,0	24,0	24,0	26,8	20,2	86,0	14,0	8,0	33,9	46,0
26-32	37,0	34,0	22,0	15,2	22,0	2,0	12,8	20,0	17,7	12,0
33-45	27,0	27,0	33,0	21,0	35,0	5,0	33,7	42,0	17,7	40,0
46 и ст	5,0	15,0	21,0	37,0	22,8	7,0	39,5	30,0	30,7	2,0
Рабоч	95,0	82,0	62,0	4,3	94,7	-	20,9	71,0	25,8	-
Инж-тех	-	-	37,0	-	-	-	-	-	-	-
Служ	5,0	18,0	1,0	10,9	5,3	11,0	36,0	29,0	27,4	1,0
Колхоз	-	-	-	75,4	-	-	-	-	38,7	-
Воен	-	-	-	-	-	-	-	-	-	98,0
Учащ	-	-	-	-	-	89,0	4,6	-	8,1	-
Нераб	-	-	-	9,4	-	-	38,5	-	-	1,0
Фронт	22,0	17,0	40,0	21,7	18,4	10,0	17,4	41,0	33,9	35,0
Партиз	-	1,0	-	4,3	6,1	3,0	10,5	2,0	-	-
Блокад	-	-	17,0	-	-	-	-	-	-	-
Оккуп	4,0	5,0	2,0	35,7	22,8	3,0	3,5	3,0	3,2	3,0
Тыл	10,0	36,0	7,0	4,3	25,4	7,0	23,2	25,0	11,3	3,0
Не участ	64,0	41,0	34,0	34,0	27,3	77,0	45,4	29,0	51,6	59,0
Родств	64,0	65,0	84,0	58,0	95,6	60,0	76,7	78,0	58,0	78,0
Имуц	26,0	22,0	13,0	31,9	4,4	12,0	10,5	20,0	21,0	10,0
Без пот	10,0	13,0	3,0	10,1	-	28,0	12,8	2,0	21,0	12,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

I – Никель

II – Лахденпохья

III – Ленинград

IV – Псковская область

V – Великие Луки

VI – Витебск

VII – Жлобин

VIII – Фастов

IX – Кировоградская область

X – район Тирасполя

Как можно видеть, полученный в исследовании ансамбль опрошенных, при всей его общей доброкачественности, во многих отношениях все же существенно отличался от объективной структуры населения страны в целом – как в силу самой избранной схемы опроса, так и в силу

разного рода ошибок, допущенных в ходе полевых работ. Главные отклонения первого рода были связаны с нарушениями пропорций городского и сельского населения, а также с завышенными объемами групп учащихся и военнослужащих; главные отклонения второго – с почти четырехкратным уменьшением расчетных объемов групп пенсионеров и домохозяйек (которые даже после их объединения под именем "неработающих" выглядели в выборке все равно недостаточно убедительно), а также с превалированием мужчин над женщинами, особенно чувствительным, как видно из таблиц А и Б, внутри некоторых групп по району местожительства и роду занятий, которые оказались преимущественно либо "мужскими", либо "женскими".

Таблица Б. Соотношение мужчин и женщин в группах по роду занятий

Группа	Рабоч	Инж-т	Служ	Колхоз	Воен	Учаш	Нераб	В целом
Муж	62,7	75,7	53,0	56,3	100,0	28,6	27,7	59,7
Жен	37,3	24,3	47,0	43,7	0,0	71,4	72,3	40,3
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В результате полученные в исследовании суммарные (относящиеся к ансамблю в целом) цифры, при прочих равных обстоятельствах, исключают их интерпретацию в терминах "население страны", могут рассматриваться лишь в качестве некоторых средних величин, помогающих ориентироваться в позициях различных социально-демографических групп. Большинство же этих групп оказалось представлено в ансамбле вполне надежно – как для того, чтобы судить по ним о позициях соответствующих слоев населения, так и для того, чтобы сравнивать эти позиции друг с другом.

Что же касается собственно групп сознания, репрезентативность которых обеспечивается (помимо содержания полевого документа и качества выборки) в большой степени *техникой реализации полевых работ*, то мера их выявленности и количественной наполненности в исследовании, скорее всего, не может вызывать сомнений. Хотя ряд методических упущений, вполне естественных из-за неопытности организаторов и исполнителей опроса, все же имел место и, наверное, не мог не привести к ряду негативных последствий.

В числе таких упущений, в том числе заложенных в инструкции исполнителям полевых работ и прямо-таки курьезных по своему характеру, были, к примеру, такие, как совет анкетерам прибегать при организа-

ции опроса к помощи партийных и комсомольских руководителей¹, а также привлекать к раздаче и сбору анкет некоторых "третьих лиц из комсомольского актива", качество работы которых отнюдь не гарантировалось.

Кроме того, как показывают перекосы в выборке с группами по полу и неработающими, некоторые анкетеры, само собой, не могли избежать и обычных для метода квот ошибок, когда опрашивались не те, кто соответствовал заданным критериям выборки, а те, кто оказывался под рукой.

• *Исполнители*

Программа и полевой документ исследования были разработаны Б.А. Грушиным и В.В. Чикиным. Они же осуществили руководство полевыми работами и обработку (ручную) информации.

В качестве анкетеров выступали командированные из Москвы три журналиста "Комсомольской правды" и три студента философского факультета МГУ.

2. Мнения *pro* и *contra*

Вопросы анкеты:

1. Удастся ли человечеству предотвратить войну?
2. На чем основана ваша уверенность?
3. Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?

1. Г. Ш-й, муж., начальник отдела, 58 лет (г. Никель)

1. *Да, удастся.*

2. *Мир, особенно после второй мировой войны, стал другим. Силы мира растут и крепнут, силы милитаристов дряхлеют. Непрерывно*

¹ Этот совет, считавшийся по тем временам столь естественным, оказался, однако, грубо ошибочным: один из таких руководителей, а именно секретарь Гайворонского райкома Компартии Украины, затребовав заполненные в районе анкеты для ознакомления и обнаружив, что содержание некоторых из них не совпадает с тем, "как надо", не мудрствуя лукаво, собственноручно уничтожил их (почему в этом пункте опроса в ансамбль вошли всего 62 человека вместо опрошенных 100, тогда как в Дновском районе Псковской области – с целью спасения сельской выборки – были опрошены соответственно 138 человек вместо первоначально планировавшихся 100).

растет количество наших друзей в мире, и в первую очередь потому, что мы за мир, за мирный, созидательный труд. Кроме того, мы сейчас стали сильнее, чем когда-либо. Капиталисты об этом знают. Они начали действовать "тихой сапой", но неудачно. Из "тихой сапы" получился великий гром – товарищ Хрущев Никита Сергеевич открыл истинное лицо американской военицины. Теперь уже весь мир знает не только потенциальных, но и явных агрессоров. Прогрессивное человечество всего мира на нашей стороне, оно вместе с нами будет бороться за победу дела мира, против войны.

3. Необходимо и дальше продолжать вести мудрую ленинскую политику мирного сосуществования: это лучшая агитация за мир.

Нужно бороться за долгосрочное выполнение семилетки. У нас в этом отношении дела идут неплохо – даем сверхплановую продукцию, а наша продукция – это и мирная, и военная – одним словом, никель.

Крепить еще более оборонную мощь нашей Родины, быть еще более бдительными и зоркими в небе и на земле, каждому на своем месте.

Нам здесь, на Севере, быть особо бдительными, так как наш район граничит с Норвегией. Их домики видны из наших окон.

Наша партия и народ едины. Народ верит в свою партию и всегда и везде ее поддерживает. Желаю Никите Сергеевичу Хрущеву в спорах с тройкой выйти победителем, а что так и будет, я не сомневаюсь. Международная трибуна будет использована надлежащим образом.

Был на фронте с июня 1941 года – демобилизован в октябре 1944 года. Был ранен, потерял ногу. Инвалид. Из семьи жены два брата тяжело ранены и один – танкист – погиб под Москвой. Войны я не хочу, как и другие, но если нам ее навяжут, то я еще смогу быть полезным.

2. П. Б-ко, муж., взрывник, 36 лет (г. Никель)

1. Нет, не удастся.

2. Дело в том, что агрессоры всячески стараются помешать мирному строительству, засылают к нам шпионов, самолеты и не хотят сокращать войска и оружие. Капиталистов хотя и мало, но это кучка живодеров, которые перед смертью хотят попить чужой крови.

3. Для укрепления мира нужно, чтобы руководители великих держав провели в жизнь требование всего народа, чтобы каждая страна сняла с вооружения атомные, водородные и другие пакостные припасы, которые предназначены для истребления человечества. Я лично прошу, товарищ Никита Сергеевич Хрущев, дайте им по мозгам хорошенечко, чтобы знали, с кем связываются. А если они не захотят мирно договориться, чтобы не было войны, то пусть отведают советского перца. Одни уже отведали хрена с редькой в 1941–1945 годах. Если тогда из семьи воевало нас четверо, то сейчас пойдем защищать Родину вдвоем.

3. Римма Г., рабочая фанерного комбината, 22 года (г. Лахденпохья)

1. Да, удастся.
2. Моя уверенность основана на том, что наши ученые создали мощную ракету, которая сразу смогла сбить американский самолет.
3. Для укрепления мира прежде всего нужна дружба между народами всех стран. У нас в Советском Союзе идет разоружение, было бы хорошо, если бы другие страны, прежде всего США, тоже разоружались, а не испытывали свои атомные бомбы на других странах. Я хочу мира и настоящей, хорошей дружбы между странами. Никите Сергеевичу Хрущеву большое спасибо за заботу о народе.

В войне лично не участвовала. У меня убили отца (в 1941 году ушел добровольцем) и сестру, мать и я были тяжело ранены.

4. Олег Г., инженер, 24 года (г. Ленинград)

1. Да, удастся.
2. Моя уверенность основана на следующих факторах:
 - а) Капиталисты Америки не решатся начать войну, так как мы сильнее их в военной технике, а особенно в ракетном и ядерном оружии – основном вооружении современной войны.
 - б) Неизбежность пролетарских революций в эпоху империализма. Рабочий класс Америки очень силен. Об этом говорит последняя забастовка сталелитейщиков. Если произойдет революция в Америке (а я уверен, что она произойдет там в течение 15–20 лет), то о капитализме можно будет иметь такое же объемное представление, как о государстве Люксембург.
3. Для укрепления мира прежде всего необходимо уничтожить вновь нарождающийся в Западной Германии фашизм. Это главный очаг возможной новой войны.

*В войне не участвовал.
Погибли два двоюродных брата.*

5. Без подписи, муж., конструктор, 42 года (г. Ленинград)

1. Нет, не удастся.
2. Слишком много на земном шаре напряженных очагов, где может вспыхнуть война местного характера, которая может распространиться на весь мир.
Дряхлеющий капитализм, теряя свои позиции, становится более озверелым и может пойти на отчаянный шаг, надеясь победить в войне, тем самым спасти себя, так как в конечном счете победитель в войне всегда бывает.

3. *Нужно:*

Не стесняясь, разоблачать открыто все происки капиталистических правительств с тем, чтобы одновременно росла симпатия к нам народов капиталистических стран и антипатия этих же народов к своим правителям.

Максимально укреплять экономику стран социализма и снаряжение вооруженных сил. Благодаря этому можно будет оттянуть войну, а при ее наступлении победить с меньшими потерями.

В войну работал на заводе.

Убиты муж сестры, двоюродный брат и дядя.

6. А-ва, жен., бригадир колхоза (Псковская обл.)

1. *Да, удастся.*

2. Нам пользы от войны нет никакой, мы в колхозе восстановили свое хозяйство, которое было разрушено врагами. Мы сейчас стали хорошо жить. Моя старая мать говорит, что никогда так не жили, как сейчас. Наша армия еще сильнее и могучее, так что капиталисты не посмеют на нас напасть.

3. Мы должны укреплять свою страну, лучше работать и в первую очередь выполнить обязательства, которые мы дали нашему государству по увеличению производства продуктов сельского хозяйства.

В войне не участвовала.

Погибли два брата, фашисты сожгли всю постройку.

Спасибо государству за помощь. Мы получаем пенсию.

7. Екатерина Ильинична К., псаломщица церкви, 73 года (Псковская обл.)

1. *Пока я жива, войны не будет.*

2. Народ не хочет войны, а раз народ не хочет, значит, он добьется своего. Но на врага нужно всегда иметь чем оборониться от него. Я одинокая женщина и то топор под кроватью держу, кто соберется обидеть. А государству и подавно надо иметь, чем защитить народ. Тогда и не полезут – побоятся.

3. Нужно трудиться. Только труд человека сделает сильным, а труд всего народа сделает страну непобедимой.

Желаю Никите Сергеевичу Хрущеву пробудить совесть руководителей других государств к сохранению жизни людей земли.

Война началась, когда я работала в трикотажной мастерской в г. Старая Русса. Бомбежкой немцы снесли начисто и город, и мастерскую. Мы, старые люди, жили под открытым небом в окопах 1 год и 8 месяцев. Питались чем ни попало, не мылись

и не раздевались, зимой мерзли, и как все перенесли, трудно самим себе поверить. Сколько ненужных смертей стариков, детей, женщин! Кровь, слезы, пожар, разорение, сиротство. Кому это нужно? Видно, людям, потерявшим совесть от власти золота.

8. А-ва, рабочая-вязальщица, 54 года (г. Великие Луки)

1. Да! Удастся.

2. Наша страна стала могучей и готова дать сокрушительный отпор врагам. Мы сильны и тем, что с нами заодно все страны социализма, нас поддерживают народы капиталистических стран. Наши партия и правительство настойчиво проводят мирную политику.

3. Не жалеть сил, работать так, как учит нас родная Коммунистическая партия; быть активными, организованными. Каждому на своем посту своим трудом крепить оборонную силу нашей любимой Родины. Разоблачать планы империалистов, быть бдительными, не давать возможности этой гадине и помышлять о нарушении наших священных границ, давить их! Хороший урок дали наши воины, сбив с первого выстрела американского бандита. Но это только цветочки. Ягодки они получают, если еще раз посмеют нарушить нашу счастливую жизнь, и получат не только от советских воинов, но и от любого народного мстителя, и от советской женщины. Простым же людям капиталистических стран я советую смелее бороться за мир. Я бы на их месте давно рассчиталась с буржуями, кровопийцами, а главного гитлеровского выродка Аденауэра задушила бы собственными руками. Как только его земля держит!

Принимала участие в борьбе с гитлеровцами в партизанском отряде под Себежем (в лесах). Дети вначале находились при мне, а потом на самолете были отправлены в советский тыл. Потеряла все, осталась с двумя детьми в чем застала война. Дом гитлеровцы сожгли.

9. С. Д., жен., экономист-плановик, 36 лет (г. Великие Луки)

1. Да, удастся.

2. Социалистический лагерь объединяет более миллиарда людей, растет мощь СССР и всех социалистических государств. Империалисты учитывают силу нашего строя, знают силу и выносливость русского солдата, партизана и русской женщины.

3. Рабочий класс США, ФРГ и других империалистических стран должен сказать свое резкое слово и кое-кого взять за горло, чтобы не поджигали войну... А империалисты пусть больше не засылают шпионов. Им теперь известно, что их самолеты мы достанем не только на

20-, но и на 30-километровой высоте. Пусть учтут и не ждут ответной ракеты. Их мозги должны еще мыслить здраво.

Во время войны работала в тылу. Погибла моя горячо любимая мать, отец остался инвалидом и умер. Мы потеряли все имущество и дом.

10. Валентина В., секретарь комитета комсомола, 24 года (г. Великие Луки)

1. Да, удастся.

2. *Наша страна не та, что была до Великой Отечественной войны. Мы очень сильные в экономическом, техническом и политическом отношении. Это наша ракета доставила вымпел с Гербом Советского Союза на Луну. Успешно завершила облет Луны советская научная космическая станция. Вошел в строй первый в мире атомный ледокол "Ленин". Атомоход помогает Н.С. Хрущеву растапливать лед "холодной войны". В связи с визитами Н.С. Хрущева по странам мира произошло потепление на мировой арене. У нас с каждым днем все больше и больше новых друзей. Как не могут понять империалисты, что война ведет к уничтожению капитализма!*

3. *1 200 000 здоровых и сильных людей возвращаются по решению партии и правительства к мирному и производительному труду на благо мира, на благо всего человечества. Мы мирным трудом будем крепить дело мира во всем мире. И каждый, кто попытается нарушить наш труд, труд мирных людей, получит по заслугам.*

Мне в войну было пять лет, но я до сих пор не могу забыть ее ужасов. Как сейчас, перед моими глазами стоит пламя пожарища, это горело наше село. В январский мороз мама, бабушка, брат, сестренка и я, да и не одни мы – тысячи людей остались без крова, голодные, полураздетые. Жили в землянках, в окопах. В 1943 году фашисты убили самого близкого и родного мне человека – отца. Я почти не помню его. Я даже не помню, когда я произносила слово "папа". Как завидуешь тому, у кого есть отец! Фашисты отняли у нас радость детства. Мы не улыбались, не смеялись, мы были серьезны, а разве это присуще детям?! У нас не было игрушек, мы играли патронами от пуль и черепками, которые доставали из пепла пожарищ. Мы не хотим, чтобы это повторилось снова, чтобы отняли у нас молодость. Молодежь всего мира хочет жить в мире и дружбе.

11. Без подписи, студент, 21 год (г. Витебск)

1. *Человечество должно это сделать!!!*
2. *Не все люди мыслят одинаково, но все народы едины в одном: нам нужен мир, войны не надо, мы люди мира и труда. Миллионы людей, испытавших на себе "выгоды" войны, не допустят того, чтобы снова дымили трубы Освенцима, чтобы дети теряли отцов, чтобы повторилась трагедия Хиросимы!*
3. *Запретить атомное и водородное оружие. Сократить вооруженные силы. Создать единую демократическую Германию. Это необходимые мероприятия, но не достаточные. Одностороннее разоружение и сокращение вооруженных сил дальше проводить нельзя. Зверь, истекающий кровью, в злобе бросается на человека. Так может поступить и империализм. Поэтому оружие пока не должно ржаветь, а быть в боевой готовности.*

12. Анелия Б., пенсионерка, 87 лет (г. Жлобин)

1. *Да, удастся.*
2. *Я готова есть шелупайку от картошки и сухой хлеб с солью и с водой, только чтобы не было войны.*
3. *Наша Советская власть – а лучше ее нет на свете – делает и делает все, чтобы был мир.*

*Фашисты угнали меня в Пинские болота, едва осталась жива.
Погиб в 1941 году старший сын. Уничтожен дом.*

13. Без подписи, муж., старший весовщик, 35 лет (г. Фастов)

1. *Вряд ли удастся предотвратить войну.*
2. *В связи с бурным развитием лагеря социализма лагерь капитала должен терпеть крах. Атомом владеют одна и другая стороны. При крахе капитала могут найтись "молодчики" и пустить в ход атомное оружие; как народная пословица говорит: утопающий за соломинку хватается!*
3. *Для укрепления мира во всем мире в ближайшее время необходимо созвать всех ученых всего земного шара по производству и испытанию атомной бомбы и решить вопрос об использовании атомной энергии только в мирных целях.*

*Служил в Советской Армии с 1941 по 1945 год.
Дважды тяжело ранен и один раз контужен.
Потерял на фронте брата.*

14. Анатолий Б., зав. молочнотоварной фермой, 36 лет (Кировоградская обл.)

1. Да, удастся.

2. Я лично основываюсь на том, что наш многонациональный народ сплочен в единую дружную семью, которая уверенно идет от победы к победе в построении коммунистического общества.

3. Мы, работники сельского хозяйства, должны добиваться высоких показателей в производстве всех видов продуктов питания на душу населения, выполнить семилетний план за четыре года. Своим трудом будем бить по любому агрессору.

Участник Великой Отечественной войны.

На фронте погиб в борьбе с гитлеровскими извергами родной брат. Сам лично был три раза ранен и контужен.

15. В. М-о, солдат, 24 года (район Тирасполя)

1. Да, удастся.

2. Народы мира не хотят войны. С каждым годом ширится движение сторонников мира. Растет могущество стран социалистического лагеря. Соотношение сил сейчас таково, что любая попытка агрессии обречена на провал.

3. Наиболее актуальное значение для обеспечения мира и безопасности народов имеет правильное разрешение германского вопроса (заключение мирного договора с Германией, разрешение берлинского вопроса). Второй шаг – это уничтожение всех существующих военных блоков, достижение соглашения между странами о прекращении испытаний и полном запрещении ядерного оружия, о разоружении, о прекращении "холодной войны".

На войне погиб мой отец.

3. Количественные результаты исследования

Сохранившиеся в архивах материалы с количественными результатами опроса представляют собой:

а) рукописные бланки ручного линейного счета по каждому региону = пункту опроса (26 стр.);

б) рукописные и машинописные таблицы с распределениями ответов на вопросы анкеты по группам опрошенных (12 страниц + 6 крупноформатных листов);

в) рукописную сводную "простыню" с общими результатами опроса (2 стр.).

После содержательной реконструкции и компьютерной обработки этой информации все заключенные в ней данные удалось представить в пяти таблицах.

Таблицы 1–2 дают картину ответов на закрытый вопрос "Удастся ли человечеству предотвратить войну?", при этом таблица 1 представляет весь массив и основные группы опрошенных, а таблица 2 – группы по полу с учетом района местожительства и рода занятий респондентов.

Таблицы 3–5 содержат ответы на открытые вопросы "На чем основана ваша [позитивная или негативная] уверенность?" и "Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?" При работе с ними следует принимать во внимание, что в этих случаях респонденты могли дать одновременно несколько ответов на вопрос, в результате чего общая сумма их ответов, как правило, превышает 100%.

Таблица 1. Ответы на вопрос "Удастся ли человечеству предотвратить войну?" (в % к общему числу опрошенных, n = 1000)

Группа	Да	Нет	Затр отв	Итого
В целом	96,8	2,1	1,1	100,0
Муж	96,0	2,8	1,2	100,0
Жен	98,0	1,0	1,0	100,0
Рабоч	96,3	2,8	0,9	100,0
Инж-тех	89,2	8,1	2,7	100,0
Служ	97,0	1,5	1,5	100,0
Колхоз	100,0	0,0	0,0	100,0
Воен	98,0	2,0	0,0	100,0
Учащ	95,9	0,0	4,1	100,0
Нераб	97,9	2,1	0,0	100,0
Круп гор	93,0	3,5	3,5	100,0
Сред гор	99,1	0,0	0,9	100,0
Мал гор	95,8	3,5	0,7	100,0
Село	99,0	1,0	0,0	100,0
Никель	88,0	10,0	2,0	100,0
Лахден	100,0	0,0	0,0	100,0
Лг	91,0	7,0	2,0	100,0
Пск обл	99,3	0,7	0,0	100,0
Вел Луки	100,0	0,0	0,0	100,0
Витебск	95,0	0,0	5,0	100,0
Жлобин	100,0	0,0	0,0	100,0
Фастов	98,0	0,0	2,0	100,0
Кирвг обл	98,4	1,6	0,0	100,0
р-н Тирсп	98,0	2,0	0,0	100,0
Фронт	95,6	2,8	1,6	100,0
Партиз	96,4	0,0	3,6	100,0
Блокад	94,1	0,0	5,9	100,0
Оккуп	99,0	1,0	0,0	100,0
Тыл	97,4	2,0	0,6	100,0
Не участ	97,1	2,2	0,7	100,0

Таблица 2. Ответы на вопрос "Удастся ли человечеству предотвратить войну?" (в % к числу опрошенных мужчин и женщин; $m_1 = 597$, $m_2 = 403$)

Группа	Да		Нет		Затр отв	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
В целом	96,0	98,0	2,8	1,0	1,2	1,0
Рабоч	95,2	98,3	3,8	1,2	1,0	0,5
Инж-тех	85,7	100,0	10,7	0,0	3,6	0,0
Служ	95,8	98,4	1,4	1,6	2,8	0,0
Колхоз	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Воен	98,0	—	2,0	—	0,0	—
Учащ	96,4	95,7	0,0	0,0	3,6	4,3
Нераб	100,0	97,0	0,0	3,0	0,0	0,0
Никель	90,2	62,5	8,7	25,0	1,1	12,5
Лахден	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Лг	89,0	100,0	8,5	0,0	2,5	0,0
Пск обл	100,0	98,5	0,0	1,5	0,0	0,0
Вел Луки	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Витебск	94,5	95,3	0,0	0,0	5,5	4,7
Жлобин	100,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Фастов	97,2	100,0	0,0	0,0	2,8	0,0
Кирвг обл	100,0	94,7	0,0	5,3	0,0	0,0
р-н Тирсп	97,8	100,0	2,2	0,0	0,0	0,0

Таблица 3. Ответы на вопрос: "На чем основана ваша уверенность?"
(в % к числу утвердительно ответивших на 1-й вопрос, $n_3=968$)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
В целом	48,3	26,1	21,4	17,7	13,9	7,3	5,9	4,6
Круп гор	61,3	16,7	26,3	23,1	8,6	3,2	8,6	1,1
Сред гор	44,3	27,4	26,4	21,2	13,7	7,5	4,2	4,2
Мал гор	53,3	23,4	12,0	15,7	14,2	3,3	6,2	6,2
Село	29,3	37,4	18,2	8,6	21,2	18,2	3,5	3,7
Никель	53,4	26,1	18,2	15,9	18,2	4,5	13,6	3,4
Лахден	53,0	23,0	8,0	19,0	9,0	3,0	4,0	11,0
Лг	51,6	16,5	27,5	22,0	11,0	4,4	11,0	2,2
Пск обл	32,8	35,8	17,5	8,8	19,7	24,0	0,7	4,4
Вел Луки	46,5	32,4	28,0	15,8	13,1	11,4	5,2	6,1
Витебск	70,5	10,5	25,3	24,2	6,3	2,1	6,3	0,0
Жлобин	53,5	20,9	10,5	11,6	16,3	2,3	1,2	3,5
Фастов	41,8	21,4	24,5	27,5	12,2	3,0	3,0	2,0
Кирвг обл	27,8	41,0	19,6	8,2	24,6	4,9	6,5	3,3
р-н Тирси	53,0	32,6	33,7	24,5	11,2	4,1	10,2	9,2

- 1 – размах движения сторонников мира во всем мире
- 2 – экономическая, политическая, оборонная мощь СССР
- 3 – экономическая, политическая, оборонная мощь лагеря социализма
- 4 – торжество сил разума
- 5 – плодотворность внешней политики КПСС, советского государства
- 6 – наличие в СССР развитой военной техники, в том числе ракетной, связанной с освоением космоса
- 7 – слабость лагеря империализма, в том числе в результате обострения классовой борьбы в странах капитала
- 8 – благоприятный исход предстоящего Парижского совещания в верхах

Таблица 4. Ответы на вопрос "На чем основана ваша уверенность?" (в % к числу ответивших на 1-й вопрос "Нет" и "Затр отв", $n_4 = 32$)

Группа	1	2	3	4
В целом	75,0	15,6	15,6	12,5
Круп гор	71,4	0,0	21,4	28,6
Сред гор	100,0	0,0	0,0	0,0
Мал гор	75,0	33,3	16,7	0,0
Село	100,0	0,0	0,0	0,0
Никель	75,0	33,3	16,6	0,0
Лахден	–	–	–	–
Лг	66,6	0,0	22,2	33,3
Пск обл	100,0	0,0	0,0	0,0
Вел Луки	–	–	–	–
Витебск	80,0	0,0	20,0	20,0
Жлобин	–	–	–	–
Фастов	100,0	0,0	0,0	0,0
Кирвг обл	100,0	0,0	0,0	0,0
р-н Тирсп	50,0	50,0	0,0	0,0

- 1 – природа империализма и связанная с нею неизбежность войн
- 2 – возрождение сил фашизма в Западной Германии
- 3 – диверсионные акции военщины стран империализма
- 4 – усиление роли фактора случайности

Таблица 5. Ответы на вопрос: "Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?" (в % к общему числу опрошенных, n= 1000)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	61,6	20,3	18,1	17,4	14,9	12,4	7,0	6,6	6,1	4,4
Круп гор	70,5	21,5	5,0	20,0	8,5	13,0	5,0	9,0	6,5	4,5
Сред гор	53,7	25,2	29,0	12,6	16,4	12,6	9,4	7,5	5,6	4,7
Мал гор	71,7	22,0	11,2	19,6	13,6	10,8	7,0	4,5	4,5	3,8
Село	42,0	10,0	34,3	10,0	16,5	4,0	3,5	6,5	6,0	3,5
Никель	71,0	26,0	9,0	18,0	24,0	12,0	8,0	6,0	6,0	9,0
Лахден	71,0	18,0	8,0	23,0	6,0	13,0	2,0	5,0	4,0	2,0
Лг	52,0	15,0	10,0	25,0	15,0	15,0	6,0	9,0	6,0	6,0
Пск обл	39,1	10,8	31,9	11,6	21,7	4,3	0,7	8,0	4,3	3,6
Вел Луки	58,8	34,2	36,0	10,5	16,6	7,0	7,0	8,7	4,4	2,6
Витебск	89,0	28,0	0,0	15,0	2,0	11,0	4,0	9,0	7,0	3,0
Жлобин	73,2	22,0	5,8	17,4	10,5	7,0	11,6	2,3	3,5	0,0
Фастов	48,0	15,0	21,0	15,0	16,0	19,0	12,0	6,0	7,0	6,9
Кирвг обл	48,0	8,0	40,3	6,4	4,8	3,2	9,7	3,2	9,7	3,2
р-н Тирсп	71,0	23,0	8,0	31,0	25,0	32,0	13,0	6,0	11,0	7,0

- 1 – реализация всеми странами предложений СССР о всеобщем и полном разоружении
- 2 – использование в отношениях между противостоящими системами исключительно языка переговоров
- 3 – укрепление собственным трудом экономической мощи СССР
- 4 – расширение экономических, культурных и иных связей со всеми странами
- 5 – укрепление оборонной, в том числе военно-технической, мощи СССР
- 6 – успешное решение германского вопроса
- 7 – дальнейшее расширение движения сторонников мира во всем мире
- 8 – активизация борьбы с империализмом, в том числе действий "с позиции силы"
- 9 – укрепление отношений между странами в лагере социализма
- 10 – усиление бдительности

4. Краткий комментарий к результатам исследования

Итак, что же можно сказать по поводу результатов представленного исследования?

Прежде чем ответить на этот вопрос в конкретной форме, т. е. применительно к предмету настоящей главы, хотелось бы еще раз в двух словах повторить сказанное в общем предисловии к четырехтомнику, а именно: что – в соответствии с целями предпринятого издания – речь ниже (как и во всех последующих главах) пойдет о комментариях, существенно отличных по своему характеру и содержанию от традиционно принятых в социологической практике. И дело тут не только в том, что автор категорически не собирается пересказывать "своими словами" то, что уже изложено в виде таблиц или в образцах мнений "pro" и "contra", полагая, что читатель сам в состоянии понять, какие цифры выше, а какие ниже, в каких случаях мнения людей совпадают, а в каких, напротив, существенно разнятся. Дело прежде всего в том, что автор в принципе не ставит своей задачей выявлять в представленной информации те или иные характеристики тогдашнего советского/российского общества как такового, т. е. той объективной действительности, по поводу которой высказывалось общественное мнение, – например, констатировать, что внешняя политика страны в эпоху Хрущева была такой-то и такой-то (настоящая глава) или что наиболее острыми социальными проблемами советского общества того времени были такие-то (глава 2). Отчасти снова потому, что подобные характеристики общества также (с той или иной степенью прозрачности) уже присутствуют в количественных результатах исследований и могут быть обнаружены там читателем. Главное же – автор поставил перед собой совершенно иную цель, избрал принципиально иной угол зрения на полученные данные. Они связаны с ответом на вопрос: какие характеристики тогдашнего массового сознания проявились в зафиксированной по тому или иному поводу картине мнений, вернее, скрываются за ней? Или, иными словами: что собой представляли – по своему менталитету, своей психологии, своим интересам и потребностям – люди, репрезентировавшие советский/российский народ, когда (если) они высказывались по тем или иным сюжетам таким-то и таким-то (а не каким-либо иным) образом?¹

¹ В этой связи важно напомнить, что в предисловии к четырехтомнику (см. с. 34–39) делается принципиальная оговорка о границах ответа на данный вопрос и дается перечень тех десяти характеристик массового сознания, на рассмотрении которых в авторских комментариях предполагается сосредоточить главное внимание.

Именно в этом направлении предстоит теперь двинуться анализу, имея в виду результаты исследования, касающегося возможности предотвращения новой мировой войны. И, по мнению автора, первое, на что тут нужно было бы обратить внимание — это **практически поголовная включенность** респондентов в обсуждаемую проблематику.

Известно, что в опросах общественного мнения подавляющее большинство людей, стоящих целиком в стороне от того или иного предмета обсуждения, т. е. не испытывающих к нему абсолютно никакого интереса, так или иначе уходят в сторону от разговора. Либо прибегая к честному "Не думал об этом" ("Не имею об этом ни малейшего представления"), либо камуфлируя свою непричастность к сюжету более сложными по природе ответами типа "Затрудняюсь ответить", "Не знаю" и т. п. (более сложными потому, что затруднения с ответом может испытывать, понятное дело, и тот, кто, напротив, очень хорошо "погружен" в предмет, видит в нем разные, в том числе противоречивые, стороны и т. д.). Так вот таких вовсе не причастных к проблеме войны и мира людей в первом опросе ИОМ "КП", как показывает таблица 1, оказалось не более чем 1,1%. В действительности же и того меньше, поскольку прямым показателем "аутизма" людей в данном случае были не ответы "Не знаю" в 1-м вопросе¹, а отсутствие ответов на 3-й вопрос. Таких же, кто не принял участия в разговоре о путях сохранения мира на Земле, в опросе было всего три человека (двое рабочих и один студент, все трое в возрасте до 25 лет).

По свидетельству многих зарубежных поллстеров, внимание людей к событиям и проблемам международной жизни, при прочих равных обстоятельствах, неизменно остается весьма слабым. Во всяком случае, оно намного, принципиально ниже, нежели их интерес к внутренней жизни собственных стран. И это вполне естественно, поскольку внешний мир не связан с ежедневной, будничной жизнью простых смертных, определяющей их основные потребности и устремления. В исследовании же, о котором теперь идет речь, картина — качественно иная. В силу самого избранного (ограниченного по сюжету) предмета разговора она, естественно, не дает возможности оценить в е с ь диапазон интересов тогдашних россиян. Однако тот участок этого диапазона, который именуется "внешней политикой", "международной жизнью", "миром в целом", оказался в данном случае как раз насыщенным до предела — практически на все 100%.

¹ В составе 1000 человек такие ответы были даны четырьмя рабочими, одним инженером, двумя служащими и четырьмя студентами.

Правда, при этом остается открытым вопрос: был ли зафиксированный всеобщий интерес к рассматриваемому предмету в рассматриваемое время характерным для *всего населения страны* или он относился лишь к той *части населения*, которая являлась непосредственным объектом исследования, т. е. проживала на Европейской территории Союза, более других опаленной предыдущей мировой войной?

Этот вопрос возникал в связи с тем, что среди факторов, объясняющих природу обсуждаемого интереса, бесспорно присутствовала и живая кровоточащая память о минувшей войне – память людей всех поколений, лично испытавших неутешное горе. В этом не приходится сомневаться, знакомясь с постскриптумами к ответам на анкету, уже приведенными в параграфе 2 или, к примеру, такими:

Погибли на фронте и убиты фашистами 19 близких родственников, из них трое детей... Во время оккупации г. Невеля гитлеровскими захватчиками были убиты и зверски замучены более 2000 человек... (мать, 52 года);

Погиб на фронте муж, офицер Советской Армии. Во время эвакуации снарядом был разбит эшелон и убит полторагодовалый сын. На фронте погибли брат-летчик и муж сестры. Фашисты разбомбили дом, где жила, разрушили дом стариков. Война искалечила всю мою жизнь и забрала здоровье (билетный кассир, 43 года);

Потеряла родного брата, зятя и любимого человека – погибли на фронте. Чтобы отомстить врагу, добровольно пошла в партизанский отряд. Мне пришлось увидеть ужасы войны, когда фашисты зверски расправлялись с нашим мирным населением, пытали и расстреливали детей и стариков, ни в чем не повинных людей. До сего времени в моем сердце не зажили раны войны... (фельдшер, 40 лет);

Отец убит. Матери выкрутили руки. Сестренку закрыли в хате и спалили. Детей малых на штыки брали (рабочая, 35 лет);

В войне не участвовал: в 1941 г. было 11 лет. Потерял отца и все имущество (инженер, 30 лет);

Потеряла отца. Расстреляли обоих дедов за укрытие военнопленных. У мамы нас осталось четверо – голые, босые, все сгорело... (швеймотористка, 23 года).

Вместе с тем ответ на поставленный вопрос, скорее всего, может быть лишь одним: зафиксированный на 30-м Пулковском меридиане интерес людей к внешнеполитической проблеме войны и мира был характерен тогда явно для населения всей страны в целом. И потому, что отмеченный фактор памяти о минувшей войне действовал, безусловно, в масштабах всей нации. И тем более потому, что сверх него на массовое соз-

вание мощно влияли еще два тотальных фактора: во-первых, тогдашняя объективная международная ситуация, характеризовавшаяся резким обострением "холодной войны" между лагерями социализма и капитализма, и, во-вторых, огромное внимание к этому аспекту жизни мира со стороны советских средств массовой информации, постоянно взвинчивавших настроение населения, создававших нервную обстановку в обществе (особенно после диверсионного полета над территорией СССР американского пилота Р. Пауэрса, состоявшегося за две недели перед проведением опроса).

Следующий важнейший результат рассматриваемого исследования – **весьма высокое единодушие** людей по поводу обсуждаемых проблем.

Для искушенного глаза оно вполне очевидно уже в таблицах 3–5, где одну и ту же позицию занимают соответственно почти половина, три четверти и три пятых респондентов: в ситуациях, когда люди имели дело с *открытыми* вопросами, при очень широком (теоретически не ограниченном) веере возможных ответов, подобные показатели, конечно же, весьма высоки. Однако они не идут ни в какое сравнение с результатами, зафиксированными в ответах на 1-й вопрос анкеты, где цифра 96,8% не просто предельно велика, но едва ли не беспрецедентна. Во всяком случае, в практике деятельности ИОМ "КП" она была превышена лишь однажды (см. главу 7).

Причем сомневаться в этом результате, полагать, что он случился по какой-либо ошибке исследователей, абсолютно невозможно. Ведь он характеризует не только ансамбль опрошенных в целом, но и (что математически заложено в самой такой крупной величине) все без исключения группы респондентов. В самом деле, в таблице 1 фигурирует 29 таких групп, выделенных по пяти основаниям. Если к ним добавить еще три группы, связанные с утратами людей в годы войны (где ответ "Да" дали соответственно 96,8% тех, кто потерял близких родственников, 96,0% тех, кто потерял имущество, и 98,1% не имевших потерь), получится в общей сложности 32 группы. Так вот в 10 из них отклонение от средней величины не превышает $\pm 1,0\%$, в 24 остается в границах математически допустимой погрешности, равной $\pm 3,0\%$, и лишь в 3-х группах (инженеров-техников, жителей Никеля и ленинградцев) превышает 5,0%. Подобная картина, фиксирующая принципиальное сходство позиций всех слоев населения, позволяет считать величину 96,8% не только "условной средней", но и, безусловно, репрезентирующей мнение народа в целом. При этом при более точной выборке она должна была бы даже несколько увеличиться – за счет роста удельного веса в выборке женщин, жителей села и пенсионеров, у кого рассматриваемый показатель выше среднего (об-

щего), а также сокращения удельного веса мужчин и студентов, настроенных менее оптимистично, нежели ансамбль опрошенных в целом.

Оценивая зафиксированный феномен под углом зрения (в терминах) структуры массового сознания, следует констатировать, что в границах рассматриваемого исследования эта структура отличалась бес прецедентным монизмом. Вместе с тем даже такого рода высокая монолитность сознания отнюдь не исключила его определенной дифференциации. В самом примитивном своем виде она выражалась уже в рассмотренном отклонении мнений некоторых групп населения от средней в рамках позитивных ответов на 1-й вопрос анкеты, более же основательно – в большей или меньшей амплитуде величин, отмечающих позиции различных групп, т. е. в большем или меньшем разрыве между этими величинами. Измерение этой амплитуды с помощью коэффициента дифференциации, равного алгебраическому соотношению крайних сопоставляемых величин (в рамках каждого типа групп), дает возможность не только определить саму общую дифференцированность сознания масс в разных случаях, но и – что особенно важно с точки зрения задач осуществляемого анализа – оценить различные характеристики населения в качестве более и менее дифференцирующих его сознание или, говоря точнее, более и менее коррелирующих с обнаруженным несопадением позиций различных групп людей.

В рамках рассмотрения положительных ответов на 1-й вопрос анкеты можно видеть, что названный коэффициент равен: в группах по полу – 1,02; в группах по роду занятий – 1,12; в группах по типу поселений – 1,07; в региональных группах – 1,14 и в группах по типу участия в минувшей войне – 1,05. Все эти близкие к единице цифры на свой лад еще раз подтверждают справедливость сформулированного выше общего суждения о предельно высоком единодушии людей в главном из обсуждаемых вопросов. И они же показывают, что минимальной дифференцирующей силой в данном случае обладает признак пола, а максимальной – признаки рода занятий и региона проживания.

В случае *групп по роду занятий* разрыв крайних позиций измеряется почти 11%, при этом на одном (нижнем) полюсе "шкалы оптимизма" оказываются инженеры и техники, а на другом (высшем) – колхозники. Чем можно объяснить данный факт? Не исключено, что в какой-то степени и собственно объектом и характером труда тех и других, в частности, близостью первых к разного рода техническим, в том числе связанным с производством и испытанием современного оружия, проблемам века и удаленностью вторых от этих проблем. В какой-то мере, очевидно, и общим различием положений города (особенно – в данном случае – Ленин-

града) и деревни – как с точки зрения "стратегической близости" этих ареалов к вероятным будущим военным акциям, так и с точки зрения широких различий между урбанистической и деревенской культурой и психологией вообще (ср. соответствующий коэффициент, равный 1,07). Однако главным здесь все же, по-видимому, является действие фактора образования. Разница в уровнях политической и технической информированности, в общем кругозоре, в способностях самостоятельно анализировать и оценивать факты действительности и т. д., конечно же, прямо определяют положение людей на "шкале оптимизма-пессимизма". И, при прочих равных обстоятельствах, кажется естественным, что более высокий уровень образования (со всеми вытекающими отсюда последствиями) ведет если и не к росту пессимизма, то, во всяком случае, к увеличению разного рода сомнений, следовательно, к сокращению возможностей для того, чтобы сказать решительное "да".

К сожалению, программа опроса не предусматривала прямого измерения действия этого фактора. Однако ряд косвенных показателей явно подтверждают верность сказанного. Начать с того, что в опрошенном ансамбле инженеры и техники являются как раз наиболее образованной частью населения, в то время как колхозники – наименее образованной. Кроме того, ниже других процент ответивших "да" и в остальных группах, характеризующихся сравнительно более высоким образованием, а именно у студентов пединститута, которые отличаются не только от домохозяек и служащих, но и от учащихся в целом, а также у офицеров (95,0%), которые идут вслед за инженерами и отличаются от всех других групп населения, в том числе военнослужащих в целом, куда входят не имеющие высшего образования солдаты (100,0%).

Что же касается *регионов проживания людей*, то в данном случае наиболее высокий коэффициент дифференциации был связан, как уже отмечалось, с особой позицией жителей Ленинграда и Никеля. Первая из этих позиций объяснялась прежде всего тем, что треть респондентов в этом пункте опроса составляли как раз только что рассмотренные инженеры и техники, а кроме того и особым положением (в рассматриваемом сюжете) города с миллионным населением как такового. Обратим внимание в этой связи на два обстоятельства: во-первых, на то, что предельно высокие места на "шкале оптимизма" заняли как раз все маленькие (кроме Никеля) города – Лахденпохья, Великие Луки и Жлобин, и, во-вторых, что в самом Ленинграде более сдержанными в выражении своего оптимизма оказались не только инженеры, но и рабочие (92,0%) – и в сопоставлении с рабочими всех других городов, и в сопоставлении с рабочими в целом.

Особая же позиция жителей Никеля определялась, скорее всего, чисто географическим моментом, а именно положением этого города непосредственно вблизи государственной границы СССР. Инцидент с американским самолетом-разведчиком "У-2" 1 мая 1960 г. и последовавшее за ним обострение отношений между СССР и США, судя по прессе того времени, вызвали широкий отклик и бурное обсуждение по всей стране. Однако наибольшее впечатление это событие произвело, пожалуй, на жителей Урала, где был сбит Пауэрс, и население пограничных районов. Возможно, зондаж, проведенный в Никеле 13 мая, зафиксировал именно этот исторический момент. Во всяком случае, думать так дают основание и максимальная сдержанность никельчан при положительном ответе на 1-й вопрос, особенно женщин-работниц (см. таблицу 2), и примечательная позиция жителей этого города при оценке мер, которые следовало бы предпринять для упрочения мира: как никто другой, жители Никеля активно настаивали на усилении бдительности по отношению к актуальному и потенциальному врагу (см. таблицу 5).

В рамках рассмотрения отрицательных и неопределенных ответов на 1-й вопрос анкеты анализ фиксирует, в сущности, ту же самую картину дифференциации массового сознания, только, так сказать, в ее зеркальном изображении, вернее с обратным знаком. Поэтому тут можно было бы повторить сказанное, хотя и в иных словах, и об инженерах и колхозниках, и о жителях города Никеля. Однако кое-что на "шкале пессимизма" все же требует дополнительных оценок и прежде всего сами общие (суммарные) цифры 2,1 и 1,1%, которые заведомо не представляют теперь картину в целом, а являются всего лишь средними по массиву опрошенных. Ведь многие группы респондентов на названной шкале не только не занимают сходных позиций, но и вовсе отсутствуют (исключая возможность использования коэффициента дифференциации во всех классах групп, кроме половых, поскольку он равен везде ∞). Так, из 29 групп, фигурирующих в таблице 1, в колонке "Нет" отмечены нулями 10 и лишь 6 близки по своим показателям к среднему. Это значит, что при вынесении отрицательного суждения по поводу возможности предотвращения новой мировой войны от бывшего единодушия различных слоев населения не остается и следа, оно сменяется выраженной дифференциацией.

Кто, в сущности, эти 21 человек из 1000, которые произнесли решительное "Нет"? – 17 мужчин и 4 женщины; 13 рабочих, 3 инженера, 2 служащих, 2 офицера и 1 домохозяйка; 10 жителей Никеля, 7 Ленинграда и т. д.; больше половины из них – люди пожилые, прошедшие через все лишения войны и понесшие в ней наибольшие утраты. К сожалению, абсолютные цифры здесь слишком малы, чтобы можно было пускаться в

глубокие рассуждения. Однако в основных своих моментах (объемы групп инженеров, офицеров, жителей крупных городов и Никеля) они в целом подтверждают значимость выделенных выше оснований дифференциации сознания масс. Чего явно нельзя сказать о совсем уже малочисленной, в 11 человек (см. примечание на стр. 90), части респондентов, высказавшей разного рода неопределенные мнения. Единственная зависимость, которая тут кажется более или менее надежной, связана с возрастом: 8 человек из них – люди молодые, не старше 25 лет.

Говоря о феномене единодушия, зафиксированном в настоящем опросе, мы до сих пор оценивали его исключительно с точки зрения *структурных* характеристик массового сознания тогдашних россиян, в терминах монизма и плюрализма (дифференцированности) этого сознания. Однако данный феномен предполагает и иной – *содержательный* – аспект его рассмотрения, связанный с конкретным предметом состоявшегося разговора, а именно оценкой возможности и путей сохранения мира на Земле. В этом отношении он – несомненное свидетельство **едва ли не безграничного оптимизма** советских людей, их более чем уверенного взгляда на собственное и всего человечества будущее. Причем на чисто эмоциональном уровне этот оптимизм присутствует в ответах не только на 1-й, но и на два последующих вопроса анкеты, т. е. заключен не только в односложных "Да, удастся", но и во всей системе рассуждений людей, включая (даже!) тех из них, кто дал на 1-й вопрос отрицательный или неопределенный ответ.

В этой связи крайне интересными представляются природа подобного оптимизма, характер уверенности людей в завтрашнем и послезавтрашнем дне. Дело в том, что при более пристальном взгляде на вещи, в том числе в результате контент-анализа текстов анкет, нельзя избавиться от ощущения, что тут не все так просто, как кажется, и что не все тут следует принимать за чистую монету. Подчас проявленный оптимизм явно лишен свойств, так сказать, "нормального" (спокойного, рассудительного) восприятия бытия, отличается каким-то бурным, излишне энергичным характером, с налетом то ли экзальтации, то ли театральности. По своей неискренности авторы исследования не подсчитали количество восклицательных знаков, встречавшихся в текстах анкет (вроде "Да!!! Удастся!"). А жаль. Таким образом можно было бы в некоторой степени оценить выраженную эмоциональность сознания, обнаружившуюся в опросе. Хотя для понимания природы этой эмоциональности (как и оптимизма в целом) несопоставимо более важный материал, конечно же, дают *лексика* и *фразеология*, к которой то и дело прибегают респонденты, когда аргументируют свои "Да" и "Нет" или когда форму-

лируют свои предложения по поводу решения проблемы. Однако в процессе анализа массового сознания эта сторона дела имеет, понятно, вполне самостоятельное значение и потому должна быть рассмотрена сама по себе, как таковая.

Ясно, что *конкретные аргументы*, к которым прибегают люди, обосновывая свои те или иные позиции, равно как и их любые другие высказывания в ходе опросов, находятся в прямой зависимости от предметов обсуждения и, стало быть, содержательно несопоставимы друг с другом. Тем не менее сравнительные оценки любых высказываний, равно как и их обобщенные характеристики в рамках совокупного текста в целом, оказываются все же вполне возможными, если все эти тексты анализируются не в их конкретном содержании, а с точки зрения разного рода *общих свойств* массового сознания – в частности, таких, как *объем и качество знаний*, которыми располагают массы по различным поводам, их *способность суждения* о тех или иных предметах, наконец, *морфологический состав* сознания в целом.

Так, зафиксированный в исследовании **уровень информированности** публики относительно проблем войны и мира можно считать, пожалуй, **достаточно высоким**; по крайней мере в отношении таких "точечных" событий внутри обсуждавшегося сюжета, как полет Пауэрса или ожидавшееся Парижское Совещание в верхах, в те дни были наслышаны, по-видимому, все, за самыми малыми исключениями. Что же касается компетентности ансамбля и особенно его способности суждения в рассматриваемой области, то высокие оценки этих характеристик сознания респондентов не кажутся здесь уже столь бесспорными. Насколько можно судить по активности ответов на 2-й и 3-й вопросы анкеты, люди за словом в карман явно не лезли и с формальной точки зрения больших затруднений в высказываниях не испытывали. Однако, с другой стороны, более чем ярко выраженная **клишированность содержания** подавляющего большинства их ответов, засилье в них весьма ограниченного числа *языковых штампов*, впрямую почерпнутых из текстов средств массовой информации и пропаганды, не могут не настораживать и не порождать разного рода сомнений по поводу действительного характера обнаруженных явлений.

Вообще этот случай кажется весьма примечательным с точки зрения демонстрации трудностей однозначного анализа уровня знаний и способности суждения масс, о которых теперь идет речь. Он ярко показывает, насколько в принципе могут быть тонкими границы между компетентностью и некомпетентностью публики и тем более между самостоятельностью (способностью) и несамостоятельностью (неспособно-

стью) ее суждений. Дело в том, что вынесенные в данном случае на суд общественности проблемы – оценки факторов, могущих предотвратить новую мировую войну, а также развязать ее, – по самому своему содержанию не относятся к числу тех, решение которых может опираться на *собственный* опыт людей, подсказываться их повседневной, будничной жизнью. Строго говоря, это сфера компетенции науки и политики, а также поле пропаганды, идеологической борьбы между различными противостоящими друг другу субъектами, прежде всего государствами и их объединениями. Поэтому исследователи, решившие обратиться с этой проблемой к населению, по неизбежности должны были столкнуться с потоком высказываний, *заимствованных* людьми из арсенала политики и пропаганды.

В массе ситуаций так оно и произошло. Анкеты, которые демонстрировали полную свободу от стереотипов, имеющих институциональное происхождение, как и ожидалось, оказались в меньшинстве. Подавляющее же большинство респондентов, обосновывая свои оптимистические или пессимистические взгляды по поводу завтрашнего дня, напротив, весьма активно репродуцировали те или иные, ограниченные по набору, формулы прессы. Причем многие из них делали это не только на уровне содержания используемой аргументации (что вполне естественно), но и на уровне лексики и фразеологии (что ставит под сомнение тезис о самостоятельности высказываемых суждений).

Вместе с тем нельзя не видеть и тем более недооценивать и того факта, что мера заштампованности языка и сознания людей в данном опросе в разных случаях весьма различна. Достаточно сравнить, к примеру, анкету 15 из параграфа 2, с ее архиупрощенным и лишенным всякой индивидуальности утверждением "*Народы мира не хотят войны*"¹, и анкету 1, где тот же аргумент получает развернутое и отчетливо персонифицированное выражение².

Именно при сопоставлении таких случаев возникает принципиальный вопрос об *основных морфемах* в составе зафиксированного массового сознания (в целом и тех или иных его сегментов, различаемых по степени зависимости сознания от стереотипов СМИ): свидетельствуют ли обнаруженные в опросе штампы пропаганды о том, что официальная точка зрения оказалась интериоризированной в сознании людей, стала их позитивным знанием, личным мнением, выражаемым в стандартной форме, или о том, что люди как раз не имеют реального знания и

¹ Аналогичные по степени стандартности ответы см. также в анкетах 5, 8, 11, 14.

² См. также анкеты 2–4, 9, 10, 13.

потому собственного мнения о предмете, а просто механически повторяют то упрощенно-стандартное, что многократно (десятки, сотни) раз слышали от других? Строго квантифицированный ответ на этот вопрос, к сожалению, довольно затруднителен. Однако примерное представление о положении дел все же можно составить.

Скорее всего, в сфере *полностью стандартных суждений*, вроде зафиксированного в анкете 15, безусловно господствующей была ситуация, отраженная во второй половине сформулированной альтернативы¹. Одним из косвенных подтверждений этого, и без того ясного, феномена является существенная разница в частоте суждений, с помощью которых респонденты обосновывали свои позитивные и негативные ответы на 1-й вопрос (см. таблицы 3 и 4). Так, 968 оптимистов, прибегнув в общей сложности к 8 аргументам, повторили их в целом 1406 раз, так что на одного человека пришлось 1,452 суждения. Те же 32 респондента, которые не смогли произнести уверенное "Да", подтвердили свою позицию лишь 4 аргументами, высказав их в общей сложности 38 раз (в среднем 1,187 суждения на одного человека)². Достаточно очевидно, что такое несоответствие в наборе и плотности аргументации в сравниваемых случаях отражает как раз **высокую меру зависимости** людей от текстов официальной политики и пропаганды: активно утверждавшие идеи возможности мирного сосуществования двух систем, превосходства советской военной мощи над американской и т. п., эти тексты, естественно, формировали преимущественно оптимистов и, напротив, ставили в положение "белых ворон" тех, чья точка зрения не совпадала с официальной. При этом последние не только оказывались в удручающем меньшинстве по существу своей позиции, но и испытывали явные затруднения, явную нехватку аргументов для ее обоснования.

Что же касается разного рода *ответов нестандартных* – либо фактически во все свободных от железобетонных пропагандистских формулировок, либо в той или иной степени отклоняющихся от них, – то морфология этих сегментов сознания была уже существенно иной. Прежде всего в сфере суждений первого класса, демонстрировав-

¹ В ходе дальнейшего анализа в целях более экономного изложения мы будем называть данный тип сознания "клишированным", или "несамостоятельным".

² Следует подчеркнуть, что безраздельно господствующим среди этих четырех аргументов был лишь один, первый, набравший 24 "голоса" из 32.

ших выраженную оригинальность¹. Как было сказано, они составляли в опросе явное меньшинство. Однако это меньшинство было тем не менее весьма внушительным, равным едва ли не пятой части ансамбля опрошенных. Совершенно очевидно, что во всех этих случаях налицо была **высокая степень самостоятельности сознания** людей. Однако, с другой стороны, в большинстве (подавляющем?) таких ситуаций эта самостоятельность явно не достигала уровня позитивных знаний, реализовываясь преимущественно **на дорефлексивном уровне**, совпадающем с непосредственно-эмоциональным восприятием и описанием действительности. Собственно рациональный взгляд на вещи здесь, как правило, подменялся разного рода чувствами, а логическая аргументация в пользу декларированной позиции – весьма нестрогими, туманными рассуждениями, выдержанными в терминах и модальностях "надежды", "веры", "пожеланий", "долженствования" и т. п.²

Убедиться в этом можно, обратившись к обосновывающим суждениям (ответам на 2-й вопрос) в анкетах 6, 7, 12 в параграфе 2, а также к аналогичным высказываниям типа:

Я просто не могу себе представить, что разразится война – ужасная катастрофа в жизни людей. Люди, вместо того чтобы жить счастливо, благоустроенно, верить каждый в свое светлое будущее, будут свидетелями развалин и руин, в которые превратится мир. Я верю в человечность и гуманность людей мира, перед которыми поджигатели войны бессильны (без подписи, бригадир-полевод, 21 год);

Каждое живое хочет жить, особенно когда жизнь хороша и счастлива. Ведь нет на Земле цветка красивее, чем жизнь в полном расцвете сил. И это стремление к жизни должно победить в мировом масштабе (И. Я., чистильщик паровозных топок, 32 года);

Человек по природе своей созидатель, а не разрушитель. Ни одна мать не захочет послать своего ребенка на гибель (без подписи, швея-мотористка, 18 лет).

¹ В ходе дальнейшего изложения мы будем называть данный тип сознания "оригинальным", или "самостоятельным".

² Говоря об этой стороне дела, хотелось бы специально подчеркнуть, что в общей структуре массового сознания, зафиксированной в опросе, практически вовсе отсутствовали элементы собственно религиозной веры (непременной и внушительной составляющей всех аналогичных исследований на Западе). Из 1000 участников опроса на "промысел божий" сослались лишь двое (оба – священнослужители), тогда как все остальные были верны сугубо "земной" аргументации, даже если ее не удавалось представить в виде полноценных логических суждений.

Принципиально иная ситуация имела место в сфере нестандартных суждений второго класса – так или иначе отклоняющихся от штампов политики и пропаганды. С одной стороны, их содержательная и языковая клишированность была вполне очевидной, а с другой – далеко не абсолютной. Ведь в этих случаях высказывания респондентов не сводились к простому, так сказать стопроцентному, репродуцированию официальных формул, но представляли собой некие более или менее оригинальные, т. е. отличающиеся друг от друга комбинации из них, дополненные собственными, в свободной манере выраженными и нередко ярко эмоционально окрашенными соображениями¹.

Господство в этом сегменте массового сознания развитых рефлексивных форм (позитивного знания) задавалось, что называется, по определению, коль скоро именно данные морфемы были ведущими в соответствующих официальных текстах, из которых респонденты черпали свои представления. А вот в какой мере тут можно было говорить о самостоятельности мышления респондентов – это вопрос! Дело в том, что стереотипы сознания, насаждаемые средствами массовой информации и пропаганды, могут закрепляться и воспроизводиться в сознании и языке масс не только в границах отдельных суждений и штампов, но и в виде весьма широких наборов, комбинаций тех и других, вплоть до образования клишированных систем сознания в целом (как это имеет место в обществах, где господствуют разного рода развитые мифологии, принимающие форму светских религий²).

Это значит, что обнаружение в ответах респондентов тех или иных комбинаций из штампов пропаганды само по себе еще не может быть свидетельством в пользу критической ("комбинирующей") способности сознания масс, а стало быть, и его независимости от существующей в обществе официальной идеологии. Для того чтобы надежно судить о подобных явлениях, нужно оперировать иными показателями – оценивающими характер и меру отклонений ответов людей от штампов массовой информации и пропаганды, характер и меру несовпадений первых со вторыми. А с этой точки зрения общая картина не выглядела уже столь благоприятной, поскольку названные несовпадения сплошь и рядом оказывались по своему характеру скорее периферийными, нежели затрагивающими суть дела (ср., к примеру, анкеты 2 или 9), а по своим масштабам охватывающими заведомо меньшую половину опрошенных.

¹ В ходе дальнейшего изложения мы будем называть данный тип сознания "комбинированным", или "полусамостоятельным".

² См.: Б.А. Грушин. Мнения о мире и мир мнений. С. 246–250.

В итоге здесь складывалась ситуация, где соотношение признаков рефлексивности и самостоятельности сознания было, скорее всего, обратным тому, которым характеризовался предшествующий случай: теперь в сознании масс явно господствовал рационализм, однако гораздо чаще он был не столько порождением независимой мыслительной деятельности самих людей, сколько свидетельством **высокой "проникающей способности"** существовавшей в тогдашнем обществе идеологии.

Рассмотренный морфологический состав массового сознания естественным образом отражается в **инструментальной вооруженности** последнего – как в той ее части, которая связана с владением людьми приемами логического мышления (прежде всего с их способностью к обобщению и доказательству), так и в той, которая имеет в виду умение масс адекватно выразить свои мысли.

Очевидно, данная характеристика, в обоих ее аспектах, должна быть оценена в качестве **вовсе не релевантной** (или предельно низкой) для типа сознания, названного выше "клишированным". Ведь, в сущности, в этом случае имеют место не механизмы активного усвоения людьми материала, а всего лишь механизмы его более или менее полного запоминания.

В отношении типа сознания, названного "оригинальным", при анализе способности суждения масс сравнительно легко просматривается общая зависимость: **чем выше самостоятельность мышления, тем ниже его логические качества**, и наоборот: чем ниже первая, тем выше вторые. При этом речь в данном случае должна идти, скорее, именно о логике, а не о языке говорящих. Как кажется, наиболее частые дефекты этой логики – потеря (или подмена?!) предмета разговора и выраженное отсутствие связи между отдельными высказываниями либо элементами высказываний (см., например, анкеты 6 и 12 в параграфе 2).

Что же касается способности суждений "комбинирующего" сознания, то она может быть охарактеризована в целом, напротив, как **весьма высокая**. Другое дело, что в этих случаях очень трудно понять, с достоинствами чьей логики мы, собственно, сталкиваемся – самих респондентов, отвечающих на вопросы анкеты, или тех текстов массовой информации, которые в разнообразных модификациях воспроизводятся респондентами в их ответах?

Теперь попробуем ответить на вопрос: в каком отношении к выделенным трем типам массового сознания находятся различные социально-демографические группы населения? Определенная информация на этот счет содержится в таблицах 3 и 5, характеризующих соответственно способность людей *аргументировать* свою позицию и их способность *кон-*

структивно мыслить, когда речь заходит о путях и способах решения обсуждаемых проблем.

Имея в виду обосновывающие суждения, мы в своем месте уже говорили, что особых затруднений с ними опрошенные в целом явно не испытывали: в среднем на одного респондента-оптимиста пришлось 1,452 таких суждений. В отношении же конструктивных высказываний картина в целом была еще более впечатляющей: 1000 (точнее, 997) человек, оперируя в основном 8-ю предложениями, внесли их в общей сложности 1688 раз, что составило в среднем 1,693 конструктивного суждения на одного человека¹. А вот как выглядели оба эти показателя в основных (территориальных) группах опрошенных:

Группы	2-й вопрос	3-й вопрос
В целом	1,452	1,693
Никель	1,533	1,909
Лахден	1,300	1,520
Лг	1,462	1,590
Пск обл	1,437	1,360
Вел Луки	1,585	1,858
Витебск	1,452	1,696
Жлобин	1,198	1,533
Фастов	1,354	1,675
Кирвг обл	1,359	1,365
р-н Тирсп	1,785	2,270

При всей сложности разговора о территориальных группах (за которыми, как помнит читатель, в действительности скрываются группы по роду занятий и типу поселений) кое-что интересное из этих двух колонок цифр извлечь все же можно.

Во-первых, то, что для всех (кроме крестьян из Псковской области) сформулировать предложение по укреплению мира оказалось более простым делом, нежели аргументировать свою позицию. Вещь довольно странная, если учесть, что в большинстве исследований общественного мнения картина в принципе прямо противоположная, и это естественно, поскольку, при прочих равных обстоятельствах, конструктивные высказывания предполагают большую аналитическую работу мысли, нежели высказывания обосновывающие.

¹ В действительности общее количество конструктивных высказываний было еще большим и равнялось 1759. Однако колонки с 7,1% давших "другие ответы", равно как и с 0,3% вовсе не ответивших на 3-й вопрос анкеты, в таблице 5 опущены.

Во-вторых, обе колонки обнаруживают, что при общей высокой активности в ответах разные группы демонстрируют все же разные способности суждения. В первом случае наивысшие показатели дают военнослужащие из Тирасполя и швейники из Великих Лук, а самые низкие – домохозяйки и пенсионеры из Жлобина и рабочие из Лахденпохьи; во втором – в самых верхних рядах оказываются те же военнослужащие, а в низших – колхозники и механизаторы Псковщины и Кировоградчины.

Нельзя не признать, что многие из этих цифр в сопоставлении друг с другом практически необъяснимы и – на заданном (весьма общем) уровне анализа – могут быть отнесены к разряду случайностей (к примеру, более высокие показатели Никеля в сравнении с Ленинградом или Великих Лук в сравнении с Фастовом). Однако подобного ощущения не возникает при взгляде на ситуацию в Жлобине. И уж вовсе не случайными кажутся позиции военнослужащих, поставивших рекорды вербальной активности в обоих вопросах, равно как позиции селян в обоих сельских районах, устойчиво дававших относительно и абсолютно самые низкие результаты.

В-третьих (и это, по-видимому, самое важное), рассматриваемые цифры на своем уровне снова подтверждают сделанное выше общее заключение о в целом весьма высокой зависимости массового сознания от стереотипов политики и пропаганды. Скорее всего, именно это обстоятельство скрывается за отступлением от "нормы", отмеченным в пункте первом: здесь все становится на свои места, если принять, что большинство опрошенных в своих ответах как раз репродуцировало клише пропаганды из текстов СМИ, а эти тексты в свою очередь нацеливались прежде всего именно на "меры по укреплению мира". И, конечно же, указанный общий вывод прямо подтверждается данными, относящимися к солдатам и крестьянам, в пункте 2: "отличники боевой и политической подготовки" больше, чем кто бы то ни было в опросе, заполняют сегмент несамостоятельного сознания, тогда как менее других читающие газеты жители села, естественно, более всех остальных относятся к разряду оригинально мыслящих людей.

Обращение к таблицам 3 и 5 дает возможность оценить способность суждения различных групп опрошенных и в ином измерении – с точки зрения большей и меньшей привязанности их сознания к тем или иным конкретным клише и штампам СМИ. Двигаясь в этом направлении, читатель может обнаружить для себя также очень много интересного, в частности:

что "мера по укреплению мира", фигурирующая в таблице 5 под номером 1, была единодушно оценена в качестве наиболее эффективной

всеми без исключения группами опрошенных, тогда как в отношении всех остальных мер налицо выраженное (большее или меньшее) несоответствие мнений;

что аргумент № 1 в таблице 3 был использован в качестве основного лишь городским населением, тогда как сельские жители предпочли ему аргумент № 2;

что к аргументу № 8 в той же таблице 3 практически все группы опрошенных прибегли в более чем скромных масштабах и это могло свидетельствовать в том числе о высокой компетентности респондентов в данном сюжете (коль скоро Парижское совещание в верхах, как известно, так и не состоялось);

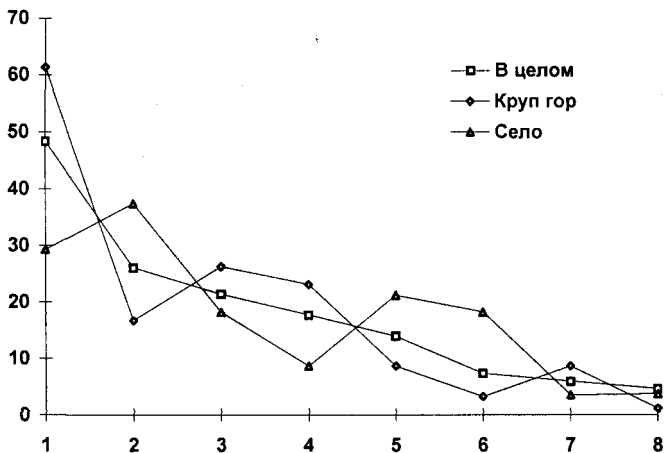
наконец, что в обеих таблицах все прочие позиции оказываются по-разному популярными в разных группах и что с учетом конкретного содержания каждой позиции эти различия проливают немало дополнительного света на рассматриваемую характеристику сознания групп.

Автору же теперь хотелось бы обратить внимание лишь на одну устойчивую зависимость, отчетливо пробивающуюся через весь этот разноразличный цифр. А именно ту, которая касается, по-видимому, наиболее глубокого разрыва в анализируемой способности суждения масс – между городским и сельским населением. В части обосновывающих суждений жителей крупных городов (Ленинград, Витебск) и селян этот феномен отражен на графике 1, и, по мнению автора, он составляет один из самых ярких результатов опроса в рамках рассматриваемой проблемы. Повторяемое на каждом шагу (кроме последнего) четко зеркальное положение данных на сопоставляемых кривых (относительно средней линии, относящейся к ансамблю опрошенных в целом) дает здесь возможность практически безошибочно предсказывать позицию одной группы по позиции другой. И скорее всего, за этой зависимостью в конечном счете снова скрывается тот же (главный) фактор дифференцированности сознания масс, о котором уже шла речь выше, – различие в уровне образования.

Следующая характеристика массового сознания, отчетливо проявившаяся в обсуждении проблем войны и мира, – безусловно высокая реактивность участников опроса.

Она выразилась, как мы уже видели, прежде всего в активном *вербальном поведении* людей в ходе самого исследования, когда, обосновывая свою позицию или выдвигая свои предложения, респонденты не довольствовались лишь одним (формально вполне достаточным) ответом, а давали их несколько. Обращение же к содержанию анкет позволяет су-

График 1. Аргументация жителей крупных городов и села в пользу возможности предотвращения войны (в % к объему групп; $m_3 = 968$, $m/\text{гор}=186$, $m/\text{село}=188$)

- 1 – размах движения сторонников мира во всем мире
- 2 – экономическая, политическая, оборонная мощь СССР
- 3 – экономическая, политическая, оборонная мощь лагеря социализма
- 4 – торжество сил разума
- 5 – плодотворность внешней политики КПСС, советского государства
- 6 – наличие в СССР развитой военной техники, в том числе ракетной, связанной с освоением космоса
- 7 – слабость лагеря империализма, в том числе в результате обострения классовой борьбы в странах капитала
- 8 – благоприятный исход предстоящего Парижского совещания в верхах

дить об активности населения и на уровне его *деятельностного поведения*, т. е. реальной включенности людей в практическую (общественно-политическую, трудовую и иную) деятельность, связанную с "борьбой за мир".

Как свидетельствует таблица 5, примерно пятая часть опрошенных заявила о необходимости укрепления мира "собственным трудом". Разумеется, с формальной точки зрения, подобные высказывания – всего лишь выдержанные в терминах "готовности", "желательности" декларации по поводу соответствующего поведения, а вовсе не констатации этого поведения как факта. Однако, как кажется, имеющийся материал не дает достаточных оснований утверждать, что за словом здесь не следует дело и что поэтому рассматриваемая активность должна быть

оценена лишь в качестве возможной, а не действительной. Во всяком случае, если это и верно, то далеко не всегда.

Во-первых, потому, что в общем потоке высказываний о "собственном труде" нельзя не видеть разницы между тремя типами суждений, отражающими разную меру персональной готовности людей участвовать в общем процессе: а) абстрактными безличными лозунгами вроде того, что "нужно бороться за досрочное выполнение семилетки", "нужно трудиться", "каждому на своем посту своим трудом крепить..." (см. анкеты 1, 7, 8 в параграфе 2); б) конкретными заявлениями и резолюциями с местоимением "мы" типа "мы должны лучше работать и в первую очередь выполнить обязательства, которые мы дали нашему государству", "мы мирным трудом будем крепить...", "мы должны добиваться высоких показателей в производстве, выполнить семилетний план за четыре года" (анкеты 6, 10, 14); и в) до предела персонифицированными, эмоционально окрашенными обещаниями вроде содержащегося в анкете 46-летнего М. М-ка: "Я заверяю правительство и нашу Коммунистическую партию, что отдам все свои силы, чтобы на своем участке выполнить семилетку не за 7 лет, а за 3 года".

Во-вторых, потому, что признания, подобные последнему, в опросе – далеко не редкость.

И наконец, потому, что даже высказывания типа "а" (как об этом свидетельствует, к примеру, анкета 1) очень часто не ограничиваются лишь лозунговыми призывами, а содержат в себе конкретизации, которые показывают, что речь в них не только о декларированной, но и о вполне реальной активности людей.

Кроме того, полученная информация дает возможность судить и о характере реакций публики на события и процессы действительности, связанные с обсуждаемой проблемой. Наиболее показательным здесь является, пожалуй, отношение людей к "классовому противнику", "поджигателям войны". Как видно из таблицы 5, с чисто количественной точки зрения число сторонников собственно "активизации борьбы с империализмом", "усиления действий с позиции силы" в общем массиве опрошенных не так уж велико – каждый 15-й. Зато с точки зрения силы экспрессии, эмоционального напряжения, зачастую присутствующего в их высказываниях (как, впрочем, и в высказываниях многих других респондентов), этот сегмент массового сознания очень даже заметен, поскольку выдает явную агрессивность, если не прямой экстремизм определенной части населения. Вот типичные образчики подобной фразеологии и лексики:

Дайте им по мозгам хорошенечко, чтобы знали, с кем связываются... (анкета 2);

Не давать этой гадине и помышлять о нарушении наших священных границ, давить их! Я бы... давно рассчиталась с буржуями, кровопийцами, а главного гитлеровского выродка Аденауэра задушила бы собственными руками (анкета 8);

Закрыть границы нашей Родины на прочный замок от бандитских вторжений, а тому, кто захочет его взломать..., обрубить руки по самым плечи (С.К. Л-в, наладчик швейного оборудования, 49 лет).

Чрезвычайно важен вопрос: какова природа такого рода гипертрофированной, лишенной элементарной взвешенности воинственности части населения по отношению к "врагу"? Из текстов ответов на вопросы анкеты и постскриптумов к ним отчетливо видно, что один из ее несомненных источников – не залеченные еще к тому времени душевные и физические раны минувшей войны. Явно в не меньшей мере эта позиция порождалась и агрессивной внешней политикой тогдашнего советского государства, находившей соответствующее отражение в средствах массовой информации: язык партийной прессы в ее "борьбе с империализмом" содержал, как известно, множество образцов далеко не дипломатических выражений и, естественно, эти образцы глубоко проникали в сознание масс, обогащая народную лексику. И все же названные психологическая и идеологическая составляющие рассматриваемого феномена, скорее всего, не исчерпывают его до конца. По мнению автора, он имеет и иные, гораздо более глубокие и широкие основания – связанные с той традиционной особенностью советско-российского менталитета, которая в самом сжатом виде описывается с помощью пресловутой оппозиции "Мы" и "Они", а в более распространенном виде – в разнообразных терминах, выражающих любовь к своему и неприязнь к чужому. Другое дело, что в данном случае указанное бинарное (черно-белое) восприятие мира сопряжено с достаточно *зауженным толкованием "Они"* (в каковом качестве в опросе выступают США, ФРГ, а также менее определенные "сторонники войны", "империалисты") и, напротив, с достаточно *расширительным толкованием "Мы"* (куда относятся не только советский народ, СССР, но и "лагерь социализма", "борцы за мир во всем мире", "братья по классу в странах империализма" и снова весьма аморфные "силы разума").

В этой связи необходимо сказать еще об одной зафиксированной в опросе существенной составляющей сознания масс – касающейся **отношения людей к обществу**, в котором они живут.

Как известно, настоящее исследование не ставило своей задачей прямо измерять столь сложное явление, однако полученная информация дает немало убедительных сведений на этот счет и прежде всего в плане оценки людьми общего хода и состояния дел в обществе. Даже самое беглое прочтение ответов на 2-й и 3-й вопросы анкеты обнаруживает, что люди в целом **вполне довольны и тем, и другим**, причем как в масштабах жизни всего государства и его отдельных сфер, так и в масштабах собственной деятельности и собственного бытия. Оттуда же видно и другое: что главными составляющими их сознания в этом пункте являются, во-первых, неподдельная гордость за свою Родину, за ее успехи, оборонную мощь, ведущие позиции в мире и т. д., во-вторых, полная лояльность по отношению к существующему в стране общественно-политическому и экономическому строю.

Разумеется, рассматривая такого рода "безграничный позитив", необходимо принять во внимание специфику предмета обсуждения: связанный с противостоянием двух миров, т. е. с ситуацией "борьбы стенки на стенку", этот предмет, наверное, подсознательно ориентировал людей на завышенно позитивное отношение к "своей" стороне. И все же кажется в высшей степени примечательным, что в 1000 анкет нет ни одной строки, которая выражала хотя бы косвенное недовольство ситуацией в стране, содержала хотя бы самый слабый намек на критику политики государства. Ясное дело, далеко не все респонденты прибегали к знаменитым в те времена формулам "*Народ и партия – едины*", как это сделал Г. Ш-й в анкете 1, или "*Наша Советская власть – лучшая в мире*" (анкета 12), однако, по многим признакам судя, подобные установки имплицитно разделялись значительным (если не подавляющим?) большинством участников опроса.

Иной аспект сюжета – более конкретное отношение людей к институтам власти. Эта сторона дела выяснялась в исследовании в терминах поддержки общественным мнением общего внешнеполитического курса и отдельных внешнеполитических акций КПСС и государства, причем делалось это снова не с помощью прямых ("лововых") вопросов, а в завуалированной, косвенной форме, когда предполагалось, что, отвечая на открытые вопросы анкеты, респонденты должны были вспомнить о тех или иных аспектах внешней политики государства и это означало бы, что они активно (без подсказки) поддерживают их.

Полученные в этом отношении результаты позволяют утверждать, что существовавшая в то время в стране власть в сфере ее внешнеполитической деятельности пользовалась в высшей степени активной поддержкой народа. Правда, из таблицы 3 видно, что в ряду аргументов,

вселявших надежды на возможность предотвращения новой войны, "плодотворная внешнеполитическая деятельность КПСС" занимала довольно скромное 5-е место. Однако гораздо более адекватным для измерения обсуждаемой стороны дела в исследовании был не 2-й, а 3-й вопрос ("Что должно быть сделано прежде всего для укрепления мира?"), и представленные в таблице 5 данные на этот счет решительно подтверждают сформулированный вывод. И в части поддержки предложений СССР о всеобщем и полном разоружении (1-я колонка таблицы), и в части более широкой "ленинской идеи мирного сосуществования двух противоположных систем" (колонки 2 и 4).

Кроме того, в общем сюжете "население – власть" в исследовании отчетливо проявилась еще одна заслуживающая внимания характеристика сознания масс: отождествление власти с ее лидером. Насколько можно судить по текстам ответов, люди, в общем-то, довольно слабо различают такие понятия, как "общество", "государство", "КПСС", "Советская власть". Как правило, все эти слова используются ими в качестве синонимов, описывающих некоторый способ общественного устройства, определяющий жизнь страны в целом и всех населяющих ее людей. Вместе с тем очень часто, имея в виду "государство", "правительство", "власть", говорящие как бы сбиваются и переходят от этих общих понятий к имени лидера нации – Н.С. Хрущева. Подобный "трансцензус" был бы вполне естественным, если бы речь шла о тех или иных *конкретных* акциях самого Первого секретаря ЦК КПСС или возглавляемого им правительства СССР (ср. ссылки на Хрущева в анкете 1 или упоминание о его зарубежных поездках в анкете 10). Однако реальный смысл такого перехода кажется уже качественно иным, когда респонденты формулируют свою мысль в словосочетаниях типа *"Атомоход помогает Н.С. Хрущеву растапливать лед "холодной войны"* (та же анкета 10), *"Желаю Никите Сергеевичу Хрущеву пробудить совесть руководителей других государств"* (анкета 7) или – особенно – *"Никите Сергеевичу Хрущеву большое спасибо за заботу о народе"* (анкета 3). В данных случаях налицо явная персонификация образа власти и даже больше того ее прямая редукция к личности одного человека – незабытой фигуре "отца народов", а то, возможно, и еще более архаичного "батьюшки-царя".

Весьма примечательный сам по себе, этот феномен в рассматриваемом исследовании и в конкретном случае с Хрущевым сопровождается заметным усилением позитивного отношения масс к власти как таковой. Теперь к уже отмеченной общей политической лояльности людей, а также к их активной поддержке внешней политики государства заметно прибавляются еще – явно доставшиеся по наследству от предшественника – **персональные симпатии** (чуть ли не любовь) нации к своему лиде-

ру и до боли знакомая по прежним временам **восторженная благодарность** "за заботу о народе". Забегая вперед, следует сказать, что через пару-тройку лет после проведения этого исследования в массовом сознании произойдут некоторые подвижки: образ "неутомимого миротворца" (а затем и "главного строителя коммунизма") будет существенно подмочен образом "незадачливого кукурузника". Но пока – в мае 60-го – у Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета Министров СССР Н.С. Хрущева полный успех и полное доверие.

На этом, в сущности, наш комментарий должен быть завершен. Правда, вне его остались еще два пункта, предусмотренные общей программой анализа: *ценностные ориентации населения* и структура сознания масс по критерию его *целостности/разорванности*. Однако применительно к ним результаты исследования в высшей степени прозрачны. В первом пункте они легко резюмируются двумя краткими формулами: 1) **главная ценность – мирная жизнь человечества** и 2) **социализму – да, капитализму – нет!** Во втором – констатацией завиднейшей **цельности мысли**, полным отсутствием каких-либо сомнений говорящих в своей правоте. И вообще, и особенно по части судьбы "процветающего социализма" и "дряхлающего капитализма".

Глава 2. ДИНАМИКА И ПРОБЛЕМЫ УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

1. Характеристика исследования

• Цели

Исследование проводилось в августе–сентябре 1960 г., после серии акций советского правительства, направленных на повышение благосостояния трудящихся и по-разному сказавшихся на различных слоях населения, – снижения цен на продукты питания и товары широкого потребления, расширения жилищного строительства и совершенствования механизмов распределения жилья, сокращения рабочего дня, так называемого упорядочения заработной платы и др.

Оно предусматривало измерение общих результатов этих процессов на уровне субъективных ощущений людей, а также выяснение отношения общественного мнения к отдельным направлениям деятельности правительства, тем самым определение большей и меньшей эффективности проведенных акций. С другой стороны, речь шла и о том, чтобы выявить оценку населением относительной остроты существующих в обществе социальных проблем и собрать предложения по поводу путей и способов их решения.

Стоит отметить, что во время обсуждения результатов опроса в Статистической секции Московского дома ученых (весна 1961 г.) первая из задач исследования, связанная с оценкой динамики уровня жизни населения, вызвала возражения экономистов: *"Зачем выяснять общественное мнение о том, повысился или понизился уровень жизни, – критиковал ИОМ "КП" один из ораторов, – если ЦСУ СССР ведет бюджетные обследования и располагает точными данными по этому вопросу?"*¹. Однако с этой критикой (свидетельствовавшей, кстати, о непонимании в ту пору задач изучения общественного мнения даже в среде ученых) нельзя было согласиться. Ведь речь шла не о прямом фотографировании реального положения вещей, но об измерении ощущений людей, их самочувст-

¹ Ю.К. В статистической секции Московского дома ученых. – "Вестник статистики", 1961, № 6. С. 83.

вия и настроений по поводу этого положения, что заведомо не одно и то же.

• *Содержание*

Анкета открывалась краткой преамбулой: *"В настоящее время усилия нашего общества, Коммунистической партии Советского Союза направлены на быстрейшее решение проблем, связанных с дальнейшим повышением материального благосостояния народа. Совсем недавно V сессия Верховного Совета СССР приняла новые решения – об отмене налогов, сокращении рабочего дня, расширении производства товаров народного потребления. "Комсомольская правда" просит Вас ответить на следующие вопросы..."* Далее шли четыре содержательных вопроса – два закрытых и два открытых:

1. Как изменился уровень вашей жизни за последние годы? (повысился, остался без изменений, понизился)
2. В чем это выразилось, с чем вы это связываете прежде всего?
3. Какую проблему вы считаете первоочередной? (Сокращение рабочего дня. Производство товаров широкого потребления. Жилищное строительство. Улучшение бытового обслуживания. Производство продуктов питания. Рост заработной платы. Расширение сети детских учреждений.)
4. Что бы вы могли предложить для быстрейшего решения выдвинутой вами проблемы?

В соответствии с программой содержание мнений должно было фиксироваться с учетом пяти социально-демографических признаков респондентов: их пола, возраста, рода занятий, состава их семьи (с уточнением числа работающих и иждивенцев) и местожительства. При этом в последнем случае речь шла, во-первых, о типе поселений и, во-вторых, об экономико-географических районах страны.

• *Метод и техники*

В качестве метода исследования использовался анкетный выборочный опрос на основе условной (квази-) стратифицированной непропорциональной выборки и техники самозаполнения. Плановый объем выборки составлял 1625 человек, а ее структура включала три параметра из пяти перечисленных: район местожительства, пол и возраст респондентов; два остальных признака – род занятий и семейная ситуация – фиксировались на основе стихийного представительства.

При этом, как нетрудно догадаться, главной задачей в обеспечении удовлетворительной репрезентативности образца (принимая во внимание

предмет разговора) был максимально широкий охват экономико-географических районов страны: ведь ситуация с жизненным уровнем в Центральной части России могла существенным образом отличаться от того, что имело место на Кавказе или Дальнем Востоке. Вместе с тем эта задача была и самой трудной, коль скоро ИОМ "КП" не имел своей постоянной сети анкетеров на местах и не располагал финансами, которые бы позволили организовать эту работу из Москвы, наподобие того, как это было сделано (в значительно более скромных масштабах) в первом опросе.

Нужно было найти некую схему исследования, которая в имеющихся ограниченных материально-технических и организационных условиях гарантировала бы решение задачи. И она в конце концов была найдена, приняв весьма неожиданную и оригинальную форму: анкету было решено распространить среди... пассажиров 65 поездов дальнего следования, направлявшихся со всех девяти вокзалов Москвы по 65 маршрутам – в лежащую за Полярным кругом Воркуту и на курорты Кавказа, на берег Тихого океана и в Карпаты, в столицы всех союзных республик и большие и малые города России.

Остановившись на этой идее, организаторы опроса не могли не видеть, что она таит в себе наряду с немалыми плюсами и целый ряд явных и скрытых опасностей, и потому предприняли на этот счет некоторые методико-технические меры предосторожности, призванные повысить качество производимой информации как на стадии разработки выборки и полевых работ, так и в процессе осмысления и оценки полученных результатов. В сущности, наиболее серьезными из таких опасностей были три.

Во-первых, очень высоким грозил оказаться в выборке процент москвичей. Правда, пилотажи показали, что этого, скорее всего, не произойдет, но чтобы вовсе элиминировать серьезные перекосы в данном отношении, инструкция исполнителям полевых работ предлагала им ориентироваться преимущественно на пассажиров, направляющихся в конечный (или максимально удаленный от Москвы) пункт каждого маршрута, и строго требовала, чтобы количество опрошиваемых в каждом вагоне пассажиров-москвичей не превышало трех человек.

Во-вторых, крайне непредставительными в количественном отношении могли оказаться группы крестьян, жителей села, – как потому, что эти группы вообще менее других пользуются железнодорожным транспортом на дальних линиях, так и (особенно) потому, что опрос проходил в конце лета, когда в деревне была страдная пора и дорогá каждая пара рук. Так оно в действительности и произошло: в общем ансамбле опрошенных оказалось всего 32 колхозника. Такое их количество явно лишало

возможности делать какие-либо выводы относительно динамики жизненного уровня данной группы. Но не только. В сущности, оно меняло общий статус опроса, превращая его из опроса населения в целом в опрос лишь городского населения страны, и это обстоятельство, естественно, было учтено в процессе анализа и изложения итогов исследования.

Наконец, в принятой схеме таилась угроза еще одной систематической ошибки, о которой зашла речь в упоминавшейся дискуссии в Московском доме ученых. Критики опроса утверждали, что железнодорожным транспортом в стране вообще пользуются лишь *некоторые* группы населения (социальные, возрастные, по уровню доходов и др.), во всяком случае, не все группы в одинаковой степени. И в определенных границах это замечание было верным. Например, в части тех же колхозников или пенсионеров и домохозяек. Однако в целом оно страдало все же явным преувеличением и опиралось на доводы, которые в опросе были существенно ослаблены с помощью ряда технических приемов.

Как увидит читатель, за исключением трех названных групп, все остальные социально-демографические страты (половые, возрастные и по роду занятий), относящиеся к активному самостоятельному населению страны, оказались представленными в выборочной совокупности не только достаточно полно, но даже в примерном соответствии с их объективными пропорциями. Этого удалось добиться в том числе благодаря точной реализации инструкции исполнителям полевых работ, которая, определяя общее количество опрашиваемых в каждом вагоне в 25 человек, требовала примерно равной представленности среди них мужчин и женщин, а также "молодежи" и "людей в возрасте".

Что же касается групп по доходам, то тут дело обстояло сложнее. В общем виде, разумеется, можно было предположить, что железнодорожным транспортом на дальние расстояния в стране пользуется наиболее обеспеченная часть населения. Однако, с другой стороны, этот тезис нельзя было признать в качестве абсолютно строгого и тем более губительного для выборки. Ведь тут налицо был и целый ряд довольно сильных противопоказаний.

Во-первых, то, что поезда бывают разными — от пассажирских с общими вагонами, весьма дешевыми, до курьерских со спальными вагонами прямого сообщения, весьма дорогими и доступными действительно не каждому. Это обстоятельство было заблаговременно учтено при разработке выборки, и в результате в нее были включены пассажиры всех типов вагонов в соответствии с реальной пропорцией последних в условном среднем пассажирском составе, "ходившем" в СССР в 1960 г.

Во-вторых, в этом же направлении работало и включение в выборку маршрутов различной степени дальности и, следовательно, дороговизны – составов, идущих в Молдавию и Забайкалье, с одной стороны, и тех, что имели своими конечными пунктами Рязань, Воронеж и иные города, расположенные в относительной близости от Москвы, – с другой.

В-третьих, действие рассматриваемого фактора отчасти нивелировалось и тем, что какой-то (и, скорее всего, немалый) процент пассажиров отправлялся в путь не на собственные средства, а в служебные командировки, с разного рода дотациями и льготными оплатами билетов и т. д.

Наконец, помогало и еще одно обстоятельство, связанное с самим предметом обсуждения. Дело в том, что, хотя опрос имел персональный характер, т. е. формально был обращен к отдельным респондентам, полученные ответы все же отражали, как правило, не индивидуальное, а семейное бытие и сознание людей. Более 34% опрошенных представляли семьи, где число иждивенцев превышало число работающих. Это означало, что в ансамбле существенно расширялась фактическая репрезентативность в том числе и тех групп населения (домохозяйки, пенсионеры, учащиеся), которые в силу особенностей своего образа жизни или материального положения вовсе не пользовались железнодорожным транспортом или пользовались им в крайне ограниченных размерах.

Зато в географическом отношении избранная квази-стратифицированная модель выборки увенчалась полным успехом, приведя к результатам, превзошедшим все ожидания. В полученном таким образом ансамбле опрошенных оказалось представленным население всех без исключения союзных республик СССР, 15 из 19 автономных республик, всех 6 краев и всех 49 областей Российской Федерации, 19 областей Украины, 10 областей Казахстана, 6 областей Белоруссии и т. д.

Другое дело, что запланированный объем выборки (реализованный к тому же не на 100, а лишь на 86%) оказался явно недостаточным для того, чтобы представить в должной мере все без исключения предусмотренные моделью группы населения. Это обстоятельство, естественно, снизило качество исследования, особенно в части региональных групп, поскольку при $n = 1399$ число жителей Дальнего Востока равнялось 44, Казахстана – 27, Прибалтики – 22, Молдавии – 15 и т. д. (так что ряд из них пришлось объединять в некоторые более широкие образования типа "Дон, Северный Кавказ и республики Закавказья", "Восточная Сибирь и Дальний Восток" или "Казахстан и республики Средней Азии").

И все же в целом количественная репрезентативность полученного ансамбля была вполне удовлетворительной; и в смысле надежности оценки позиций большинства групп опрошенных, и в смысле возможностей

сравнивать эти позиции друг с другом. Судить об этом можно по следующим цифрам (абсолютным и в процентах к $n = 1399$), которые представляют основные группы респондентов (в скобках даются сокращенные названия групп, используемые далее в таблицах):

	<u>абс выраж</u>	<u>% к п</u>
● <u>по полу</u>		
мужчины (Муж)	830	59,3
женщины (Жен)	569	40,7
● <u>по возрасту</u>		
до 30 лет (До 30)	583	41,7
30–55 лет (30–55)	750	53,6
56 лет и старше (56 и ст)	66	4,7
● <u>по роду занятий</u>		
рабочие (Рабоч)	476	34,0
инженерно-технические работники (Инж-тех)	184	13,2
служащие (Служ)	467	33,4
колхозники (Колхоз)	32	2,3
военнослужащие (Воен)	105	7,5
школьники и студенты (Учаш)	45	3,2
пенсионеры (Пенс)	43	3,1
домохозяйки (Домхоз)	47	3,3
● <u>по составу семьи</u>		
половина и более работающих (>Работ)	919	65,7
более половины иждивенцев (> Иждив)	480	34,3
● <u>по району местожительства</u>		
Москва (Москва)	179	12,8
Центр России (Центр)	386	27,6
Северо-Запад и Север России (Сев Зап/Сев)	128	9,1
Поволжье (Поволж)	56	4,0
Дон, Сев. Кавказ и респ. Закавказья (Дон/Кавказ)	80	5,7
Урал (Урал)	100	7,1
Западная Сибирь (Зап Сиб)	85	6,1
Восточная Сибирь и Дальний Восток (Вост Сиб/ДВ)	98	7,0
республики Прибалтики (Прибалт)	22	1,6
Белоруссия (Белорус)	43	3,1
Украина (Украина)	115	8,2
Молдавия (Молдав)	15	1,1
Казахстан и респ. Средн. Азии (Каз/Сред Азия)	65	4,6
район не указан (Неопред)	27	2,0

• *Исполнители*

Программа и полевой документ исследования были разработаны Б.А. Грушиным и В.В. Чикиным. Они же осуществляли руководство полевыми работами и обработку (ручную) информации.

В качестве анкетеров выступали проводники соответствующих вагонов, прошедшие специальный тренинг в ИОМ "КП" и предварительно участвовавшие (под наблюдением внештатных инструкторов Института) в пилотажных опросах.

2. Мнения *pro* и *contra*

Вопросы анкеты:

1. Как изменился уровень вашей жизни за последние годы?
2. В чем это выразилось, с чем вы это связываете прежде всего?
3. Какую проблему (из числа перечисленных) вы считаете первоочередной?
4. Что бы вы могли предложить для быстреего решения выдвинутой вами проблемы?

1. Без подписи, муж., бригадир слесарей, 38 лет (г. Москва)

1. *Повысился.*

Когда я беголо окинул взглядом вашу анкету, заинтересовался, хотелось высказать свои мысли, думы, чаяния и желания. А когда познакомился с вопросами, меня постигло разочарование. Вы спрашиваете об уровне жизни, а подразумеваете под этим лишь материальные основы. Было бы простительно, если бы эти вопросы задавала "Экономическая газета" или "Вечерняя Москва", но "Комсомолка"?! Наше молодое племя должно жить другими мыслями. Не подумайте, что я идеалист. Нет! Питание, одежда, жилище – основа нашего физического самочувствия. Мы вынуждены думать об этом, но именно – вынуждены. Будет время – оно не за горами, – когда человек не станет замечать этих проблем.

2. *Ради сохранения формы отвечаю: Получил новую квартиру, повысилась зарплата на 20 процентов, на час сократился рабочий день. Дочь в детском садике. Три дочери учатся. Это ответ по форме. А теперь добавлю от себя. Прежде всего я живу. Занят делом, которое мне очень нравится. У меня не хватает дня на все, что хотелось бы сделать.*

3. *Все проблемы должны решаться пропорционально.*

4. *Необходимо выдвигать на руководящую работу талантливых людей, преданных нашему делу, и убирать зазнавшихся чинуш, "всезнаек", оторвавшихся от народа.*

Семья – 5 человек, работают трое.

2. П-ва, домохозяйка, 46 лет (г. Москва)

1. *Понизился.*

2. *Снизилась заработная плата у мужа в связи с ее упорядочением.*

3. *Сокращение рабочего дня.*

4. *Нужно воспитывать у рабочих сознательное отношение к труду. Вести рабочий контроль над внедрением рационализации и механизации в производство, а также контроль за работой органов сбыта. Привлекать к полезному труду домашних хозяек путем устройства на предприятиях смен с 4-часовым рабочим днем.*

Семья – 5 человек, работает один муж.

3. Л-ц, муж., зам. главного конструктора завода, 28 лет (г. Тамбов)

1. *Повысился.*

2. *После окончания института прошло 6 лет. За это время я вырос от рядового конструктора до заместителя главного конструктора. Естественно, повысился и мой оклад. Кроме того, я получил хорошую двухкомнатную квартиру. Скоро наш завод перейдет на семичасовой рабочий день. Моя жена в 1961 году закончит техникум.*

3. *Жилищное строительство.*

4. *Особенно остро стоит вопрос с жильем в крупных городах. По-моему, нет надобности концентрировать в таких городах, как Москва и Ленинград, колоссальное количество всевозможных учреждений и предприятий. Нужно прекратить строительство новых предприятий в этих городах. Многие организации с пользой для дела можно перевести на периферию. В строительстве нужно шире внедрять индустриальные методы. Строить необходимо концентрированно, целыми районами.*

Семья – 3 человека, работаю один.

4. Р. Д-ов, муж., комсомольский работник, 29 лет (г. Саратов)

1. *Конечно, повысился.*

2. *За последние четыре года значительно улучшилось питание, в доме стало больше книг. Все мои знакомые, товарищи отмечают то же самое. А тяга нашей молодежи к культуре, музыке, искусству? Разве это не яркое свидетельство повышения жизненного уровня?*

3. *Жилищное строительство. Улучшение бытового обслуживания.*

4. В жилищном строительстве необходимо самое широкое и скорейшее применение индустриального метода, а также улучшение организации труда строителей. Для улучшения бытового обслуживания нужно прежде всего повысить ответственность продавцов, работников столовых, прачечных и т. д. В этой отрасли много еще работает людей случайных, не любящих своего дела.

Семья – двое: я и жена. Оба работаем. Ждем третьего!

5. Г.Т. С-в, муж., председатель колхоза, 45 лет (Мордовская АССР)

1. Повысился.

2. Колхозы окрепли, оплата труда повысилась. Налоги снизились. Благодаря заботе нашей родной Коммунистической партии труженики села стали жить лучше.

3. Производство продуктов питания.

4. Построить необходимое количество мясокомбинатов, холодильников. Сохранять скот такой упитанности, какой он сдается колхозами и совхозами. В осенние месяцы гибнет много скота на убойных пунктах, и государство терпит убытки, а народ получает малоценное мясо. Это небольшой вопрос, и решить его надо немедленно.

Семья – 6 человек, работают двое.

6. М. Т-н, шахтер, 28 лет (г. Инта, Коми АССР)

1. Повысился.

2. Это связано с мероприятиями партии и правительства по сокращению рабочего дня и повышению заработной платы рабочим. Так, по сравнению с 1957 годом зарабатываем теперь при сокращенном рабочем дне на 50–60% больше и продукцию выпускаем лучшего качества.

3. Жилищное строительство. Производство продуктов питания. Рост заработной платы. Расширение сети детских учреждений.

4. Жилищное строительство много страдает от бесхозяйственности руководителей и самих рабочих. Много строительных материалов, примерно двадцать процентов, разбивается, затапывается в грязь, приводится в негодность. На строительстве постоянно не хватает рабочей силы. Чтобы устранить этот недостаток, надо повысить заработную плату строителям.

Семья – 3 человека, работаю один.

7. К-зе, студент, 24 года (г. Тбилиси, Грузия)

1. Понизился.

2. *Наша семья состояла из четырех душ: отец, мать и нас два брата. Жили все в одной комнате. Мы с братом женились, у нас родились дети, а комната одна и та же.*

3. *Жилищное строительство.*

4. *Стройку жилых зданий объявить народной. Лично я с удовольствием поработаю 30 дней в году и больше.*

Семья – я, жена, дочь; работающих нет.

8. П.А. Т-н, муж., инженер и преподаватель, 60 лет (Пермская обл.)

1. *Остался без изменения.*

2. *Качество продуктов и товаров в провинции хуже, чем в больших городах. Это бьет по зарплате.*

3. *Производство продуктов питания. Улучшение бытового обслуживания.*

4. *Ликвидировать очереди в магазинах. Все семьи снабдить дешевыми холодильниками, а в новых домах их монтировать при строительстве. Больше магазинов без продавцов! Лучшие планировать сезонную торговлю.*

Семья – жена, я, дочь-студентка, школьники 16 и 14 лет. Работаю один.

9. Без подписи, учительница, 25 лет (г. Свердловск)

1. *Безусловно, повысился.*

2. *Снизилась цена на товары. У мужа увеличилась заработная плата. Сократился рабочий день, а это дает возможность больше времени уделять семье, заниматься самообразованием. Муж учится в заочном институте; в последнее время ему стали давать отпуск на 10 дней больше для сдачи экзаменов с сохранением заработной платы.*

3. *Рост заработной платы.*

4. *Думаю, что учителям школ необходимо увеличить заработную плату. Причем сделать это можно путем сокращения часов преподавания с 18 до 15 в неделю, сохранив прежний заработок. Кроме того, надо уменьшить контингент учащихся в классах до 30–35 человек.*

Семья – 4 человека, работают двое.

10. В.А. М-в, колхозник, 46 лет (Омская обл.)

1. *С 1953 года уровень жизни колхозного крестьянства повысился.*

2. *Прежде всего это связано с изменением заготовительных цен на продукты, а также с тем, что колхозники больше стали получать за свой труд. Отсюда лучше материальная обеспеченность и рост духов-*

ных потребностей. Я вот простой колхозник, выписываю сейчас одних газет и журналов на 400 рублей, имею телевизор, живу в хорошей квартире. Думаю, что дальше жить будет еще лучше.

3. Все выдвинутые вопросы – первоочередные. Они должны решаться в общем комплексе.

Семья – 5 человек, работают двое.

11. З-ва, служащая, 31 год (г. Вильнюс, Литва)

1. Повысился.

2. При тех же доходах жизненный уровень нашей семьи повысился, потому что все необходимые товары и продукты питания мы покупаем теперь в магазинах по государственным ценам. А раньше некоторые из них покупали по завышенным ценам у лиц, называемых спекулянтами.

3. Сокращение рабочего дня.

4. Предлагаю сократить рабочий день только для женщин. Во всех государственных учреждениях дать им возможность работать только половину рабочего дня и платить половину ставки. Конечно, только по желанию самих работниц. Это даст возможность нам, женщинам, больше уделять внимания своей семье, детям, участвовать в общественной жизни и в то же время быть в коллективе, на производстве.

Семья – 3 человека, работают двое.

12. П.Г. У-ко, муж., ст. экономист, 34 года (г. Гродно, Белоруссия)

1. Остался без изменений.

2. Это связано прежде всего с тем, что я, офицер Советской Армии, был уволен в запас и работаю теперь старшим экономистом с окладом в 690 рублей. У жены, работающей фельдшером, зарплата осталась прежней. Поэтому-то, даже с учетом того, что за последние пять лет произошло некоторое снижение розничных цен на товары, я значительного изменения уровня жизни своей семьи не ощутил.

3. Жилищное строительство. Улучшение бытового обслуживания (особенно питания). Рост заработной платы.

4. Я хорошо представляю себе, что у государства нет лишних средств. И мне думается, что то значительное сокращение нашей армии, которое проводится по решению Советского правительства, положительно скажется на изменении жизненного уровня нашего народа. Сокращение армии – нужное и полезное дело.

Семья – 3 человека, работают двое.

13. Без подписи, сталевар, 52 года (Донбасс, Украина)

1. *Несколько повысился.*
2. *Несмотря на то что мои доходы частично снизились в связи с тем, что труднее стало заработать премию, жизненный уровень все же повысился. Сказывается общее удешевление жизни, увеличение производства продуктов питания.*
3. *Главное: снижение себестоимости выпускаемой продукции.*
4. *Решать эту проблему нужно не только путем повышения производительности труда, автоматизации производства, но и путем сокращения лишних звеньев аппарата, содержание которого ложится большим накладным расходом на выпускаемую продукцию. Почему чугуны, сталь, прокат в Российской Федерации обходится дешевле, чем на Украине? Потому что там производство организовано по системе комбинатов (Магнитка, Нижний Тагил, Челябинск, Кузнецк), куда подсобные предприятия входят в качестве цехов. А у нас что ни цех, то завод со своим управленческим аппаратом. Я еду из Москвы, где видел автобусы и троллейбусы без кондукторов. Это хорошо. Но можно сделать еще лучше: за счет сокращения подоходного налога несколько в меньших размерах ввести бесплатный проезд на всем городском транспорте – автобусе, трамвае, троллейбусе. Пусть кондукторы и всякие контролеры метро также создают какие-то материальные ценности.*

Семья – 4 человека, работаю один.

14. Б-в, муж., инженер, 54 года (г. Харьков, Украина)

1. *Понизился.*
2. *В результате снижения заработной платы.*
3. *Производство товаров широкого потребления. Жилищное строительство. Производство продуктов питания.*
4. *Повысить квартирную плату, с тем чтобы жилищный фонд был рентабельным и ремонт жилья производить за счет квартплаты, а не за государственные средства. Эти последние направить на новое строительство. Ввести налог на жилплощадь, занимаемую сверх нормы. Привлечь к строительству жилья средства населения.*

Семья – 4 человека, работают двое.

15. Л.Д. Н-в, служащий, 42 года (г. Ашхабад, Туркменистан)

1. *Повысился.*
2. *На примере столицы Туркменской ССР – города Ашхабада можно убедиться в тех резких изменениях, которые произошли в жизни народа.*

Рост благосостояния виден в культуре, быту, в материальном обеспечении трудящихся. Все это трудно перечислить в одной анкете.

3. *Производство товаров широкого потребления.*

4. *Необходимо быстрее внедрять автоматизацию в производство.*

Семья – 5 человек, работает один.

3. Количественные результаты исследования

Сохранившиеся в архивах материалы с количественными результатами опроса представляют собой:

- а) рукописные бланки ручного счета по каждому региону (15 стр.);
- б) рукописные и машинописные таблицы с распределениями ответов на вопросы анкеты по группам опрошенных (8 стр.);
- в) рукописные сводные таблицы с общими результатами опроса (две крупноформатных "простыни").

После содержательной реконструкции и компьютерной обработки этой информации все заключенные в ней данные удалось представить в восьми таблицах.

Таблицы 1 и 4 дают картину ответов на закрытые вопросы "Как изменился уровень вашей жизни за последние годы?" и "Какую проблему (из семи перечисленных) вы считаете первоочередной?" в рамках массива в целом и основных групп опрошенных.

Таблицы 2 и 3 содержат обоснования ответов на 1-й вопрос тех, кто отметил повышение либо понижение своего жизненного уровня.

Наконец, таблицы 5–8 представляют ответы на открытый вопрос "Что бы вы могли предложить для быстреего решения выдвинутой вами проблемы?"

Во всех таблицах, кроме 1-й, отражены ситуации, когда респонденты могли дать одновременно несколько ответов на вопрос, в результате чего общая сумма этих ответов может превышать и, как правило, превышает 100%.

В фигурирующих в таблицах 4–8 названиях групп, выявленных в ходе опроса в зависимости от ответа на первый вопрос, используются следующие сокращения: Повыс – для отметивших повышение жизненного уровня, Б/измен – для ответивших, что их жизненный уровень не изменился, и Пониз – для отметивших понижение уровня жизни.

Таблица 1. Ответы на вопрос: "Как изменился уровень вашей жизни за последние годы?" (в % к общему числу опрошенных, n = 1399)

Группа	Повысился	Остался без изменений	Понизился	Итого
В целом	73,2	19,8	7,0	100,0
Муж	72,0	20,4	7,6	100,0
Жен	74,9	19,0	6,1	100,0
До 30	75,8	19,2	5,0	100,0
30-55	71,3	20,4	8,3	100,0
56 и ст	71,2	18,2	10,6	100,0
Рабоч	72,7	20,6	6,7	100,0
Инж-тех	72,3	18,5	9,2	100,0
Служ	74,9	20,6	4,5	100,0
Колхоз	87,5	9,4	3,1	100,0
Воен	71,4	23,8	4,8	100,0
Учащ	80,0	8,9	11,1	100,0
Пенс	69,7	16,3	14,0	100,0
Домхоз	55,3	21,3	23,4	100,0
> Работ	77,4	18,4	4,2	100,0
> Иждив	65,2	22,5	12,3	100,0
Москва	68,7	22,9	8,4	100,0
Центр	74,2	17,8	8,0	100,0
Сев-Зап/Сев	68,7	22,7	8,6	100,0
Поволж	73,2	17,9	8,9	100,0
Дон/Кавказ	80,0	17,5	2,5	100,0
Урал	76,0	17,0	7,0	100,0
Зап Сиб	81,2	17,6	1,2	100,0
Вост Сиб/ДВ	71,4	20,4	8,2	100,0
Прибалт	81,8	18,2	0,0	100,0
Белорус	69,7	23,3	7,0	100,0
Украина	68,7	20,9	10,4	100,0
Молдав	53,4	33,3	13,3	100,0
Каз/Сред Азия	76,9	15,4	7,7	100,0
Неопред	66,6	26,0	7,4	100,0

Таблица 2. Ответы на вопрос: "В чем выразилось повышение уровня вашей жизни, с чем это связано прежде всего?" (в % к числу опрошенных, отметивших повышение своего жизненного уровня, $m_1 = 1024$)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	30,6	21,9	19,9	17,5	11,5	11,2	10,3	7,4	3,7	1,2
Муж	30,6	21,3	20,6	17,7	7,5	11,0	10,2	7,7	2,8	1,5
Жен	30,6	22,7	19,0	17,1	17,1	11,5	10,5	7,0	5,0	0,9
Рабоч	28,6	17,9	14,1	27,5	8,9	8,9	7,5	7,8	2,0	1,4
Инж-тех	40,6	24,8	26,3	21,8	21,8	12,8	14,3	6,0	5,3	2,3
Служ	36,6	24,3	22,3	10,8	14,3	12,3	12,0	8,0	2,6	0,3
Колхоз	28,5	21,4	17,8	0,0	7,1	0,0	3,5	21,4	7,1	3,5
Воен	16,0	26,6	18,7	13,3	4,0	16,0	10,7	5,3	2,7	2,7
Учащ	13,9	16,6	22,2	2,8	5,6	11,1	11,1	2,8	0,0	2,8
Пенс	3,3	16,6	26,6	3,3	0,0	13,3	13,3	3,3	36,6	0,0
Домхоз	23,1	26,9	26,9	19,2	3,8	15,4	7,7	3,8	0,0	0,0
> Работ	31,3	20,5	19,4	16,9	14,3	11,1	10,1	6,7	2,5	1,7
> Иждив	28,7	24,9	21,1	18,8	5,1	11,5	10,8	8,9	6,4	0,3

- 1 – рост заработной платы
- 2 – улучшение снабжения товарами широкого потребления
- 3 – улучшение снабжения продуктами питания
- 4 – сокращение рабочего дня
- 5 – увеличение заработной платы в связи с перемещением по должности, окончанием учебы
- 6 – улучшение жилищных условий
- 7 – снижение розничных цен на продукты и товары
- 8 – отмена, снижение налогов; прекращение проведений государственных займов
- 9 – увеличение размеров пенсии
- 10 – рост доходов семьи в связи с увеличением числа работающих членов

Таблица 3. Ответы на вопрос: "В чем выразилось понижение уровня вашей жизни, с чем это связано прежде всего?" (в % к числу опрошенных, отметивших понижение своего жизненного уровня, $m_2 = 98$)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9
В целом	26,5	24,5	16,3	14,3	7,1	4,0	2,0	2,0	17,3
Муж	31,7	30,1	19,0	12,7	4,7	3,1	3,1	1,6	9,5
Жен	17,2	14,3	11,4	17,2	11,4	5,7	0,0	2,8	31,4
Рабоч	18,7	37,4	15,6	18,7	0,0	3,1	3,1	3,1	25,0
Инж-тех	41,2	29,4	23,5	0,0	5,9	17,6	5,9	0,0	5,9
Служ	33,3	14,2	14,2	19,0	0,0	0,0	0,0	4,7	9,5
Колхоз	0,0	100,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Воен	40,0	20,0	20,0	20,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Учаш	20,0	0,0	40,0	0,0	0,0	0,0	0,0	20,0	0,0
Пенс	33,3	0,0	0,0	0,0	66,6	0,0	0,0	0,0	0,0
Домхоз	9,0	18,1	9,0	18,1	18,1	0,0	0,0	0,0	55,5
> Работ	30,7	30,7	25,6	5,1	5,1	0,0	2,5	2,5	10,2
>Иждив	23,7	20,3	10,2	20,3	8,5	6,8	1,7	1,7	22,0

- 1 – потеря разного рода льгот, надбавок к зарплате
- 2 – снижение заработной платы
- 3 – уменьшение заработной платы в связи с перемещением по должности, поступлением на учебу
- 4 – увеличение числа неработающих членов семьи, связанное с рождением детей
- 5 – выход на пенсию
- 6 – ухудшение снабжения продуктами питания
- 7 – ухудшение снабжения товарами широкого потребления
- 8 – ухудшение жилищных условий
- 9 – другие ответы

Таблица 4. Ответы на вопрос: "Какую проблему вы считаете первоочередной?" (в % к общему числу опрошенных, n =1399)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
В целом	52,8	27,4	19,3	17,7	16,5	12,1	10,2	2,6
Муж	54,3	27,6	16,6	21,3	17,2	10,2	10,1	3,0
Жен	50,6	27,1	23,2	12,5	15,5	14,1	10,4	2,1
Рабоч	52,9	33,0	17,4	18,5	14,1	13,4	9,7	2,7
Инж-тех	54,9	20,1	21,2	19,6	17,4	12,0	14,1	3,8
Служ	51,2	27,8	20,6	14,8	14,8	13,5	9,8	2,5
Колхоз	21,9	40,6	15,6	18,7	15,6	3,1	12,5	3,1
Воен	71,4	18,1	11,1	20,0	19,0	8,6	5,7	1,9
Учаш	60,0	28,9	22,2	11,1	3,3	8,9	8,9	2,2
Пенс	34,9	16,3	20,9	30,2	18,6	6,9	16,3	2,3
Домхоз	48,9	14,9	34,0	21,3	31,9	6,4	8,5	0,0
> Работ	54,1	24,7	20,3	17,0	15,3	13,3	10,8	2,8
>Иждив	50,4	32,5	17,3	19,2	18,7	9,8	9,2	2,3
Повыс	53,0	24,0	20,2	16,5	17,1	12,8	10,2	2,2
Б/изм	54,5	34,6	16,6	20,6	14,8	11,5	8,3	2,9
Пониз	45,9	41,8	17,3	22,4	15,3	6,1	15,3	6,1

- 1 – жилищное строительство
- 2 – рост заработной платы
- 3 – расширение сети дошкольных детских учреждений
- 4 – увеличение производства продуктов питания
- 5 – увеличение производства товаров широкого потребления
- 6 – сокращение рабочего дня
- 7 – улучшение бытового обслуживания
- 8 – другие проблемы

Таблица 5. Ответы на вопрос: "Что бы вы могли предложить для быстрого решения выдвинутой вами проблемы?" (в % к общему числу опрошенных, n = 1399)

Группа	Z	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	95,8	39,1	13,4	10,9	9,3	7,4	4,1	3,3	2,6	2,1	2,0
Муж	104,9	41,7	16,4	13,1	8,8	6,1	5,9	4,7	2,4	2,3	2,4
Жен	82,4	35,2	9,1	7,5	10,0	9,3	1,9	1,4	2,8	1,9	1,2
Рабоч	93,5	34,8	16,0	11,1	8,6	6,9	5,0	3,3	2,5	1,6	1,9
Инж-тех	119,0	51,2	14,1	13,0	12,5	6,0	6,0	5,4	3,8	4,3	1,1
Служ	92,7	37,4	11,6	11,1	8,8	8,3	3,0	3,4	2,8	1,7	2,3
Колхоз	90,5	18,7	21,9	21,9	15,6	3,1	3,1	6,2	0,0	0,0	0,0
Воен	101,9	62,0	12,1	5,7	4,8	6,7	4,8	1,9	1,0	1,0	1,9
Учаш	80,0	40,3	11,1	6,6	4,4	4,4	0,0	2,2	2,2	4,4	4,4
Пенс	72,1	23,3	9,4	11,6	6,9	9,4	6,9	0,0	2,3	2,3	0,0
Домхоз	85,1	31,8	4,3	4,3	21,3	14,9	21,3	14,9	0,0	0,0	2,1
>Работ	96,4	40,5	12,2	11,7	8,6	7,5	4,8	3,4	2,4	2,2	1,5
>Иждив	95,5	36,2	15,6	9,2	10,7	7,3	3,0	3,1	2,9	2,1	2,7
Повыс	92,1	37,4	9,7	12,0	9,1	7,6	4,5	3,0	3,1	2,4	2,0
Б/изм	103,4	46,2	21,3	7,2	10,0	7,2	2,9	4,3	1,1	0,7	0,7
Пониз	111,2	35,7	29,6	9,2	10,2	6,1	4,1	4,1	1,0	3,1	4,1

Z – общее количество предложений, в том числе связанных с

- 1 – жилищной проблемой
- 2 – ростом доходов
- 3 – совершенствованием процессов труда
- 4 – торговлей и бытовым обслуживанием населения
- 5 – проблемой дошкольных учреждений
- 6 – производством сельскохозяйственных продуктов
- 7 – совершенствованием кадров производства, обслуживания
- 8 – проблемой разоружения
- 9 – производством промышленных товаров широкого потребления
- 10 – совершенствованием системы общественного контроля

Таблица 6. Предложения относительно способов решения жилищной проблемы (в % к числу таких предложений, $n_3=546$)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
В целом	30,7	18,3	15,7	14,5	5,9	5,9	5,5	3,5
Муж	28,0	17,4	14,7	18,2	6,7	6,3	5,2	3,5
Жен	35,5	20,0	17,5	8,0	4,5	5,0	6,0	3,5
Рабоч	38,4	16,5	15,3	13,4	6,1	3,6	3,1	3,6
Инж-тех	29,8	21,3	12,8	19,1	4,3	4,3	6,3	2,1
Служ	28,2	19,0	18,4	12,6	4,0	8,0	5,2	4,6
Колхоз	16,6	16,6	16,6	16,6	33,6	0,0	0,0	0,0
Воен	26,2	15,4	15,4	12,3	9,2	9,2	7,7	4,6
Учаш	17,0	22,1	0,0	44,4	5,5	5,5	5,5	0,0
Пенс	30,0	20,0	20,0	0,0	0,0	0,0	30,0	0,0
Домхоз	26,7	20,1	26,7	0,0	13,3	6,6	6,6	0,0
> Работ	32,0	19,1	15,1	15,6	5,3	5,1	4,3	3,5
> Иждив	28,2	16,6	17,2	12,3	6,8	7,4	8,0	3,5
Повыс	30,0	20,9	12,5	16,2	6,8	4,7	5,0	3,9
Б/изм	32,9	11,7	22,7	10,9	3,9	7,8	7,0	3,1
Пониз	31,4	14,3	25,8	8,6	2,8	11,4	5,7	0,0

- 1 – увеличение объема строительства (прежде всего за счет роста капиталовложений)
- 2 – привлечение к строительству населения в форме дополнительной рабочей силы
- 3 – изменение практики распределения жилья
- 4 – внедрение в строительство индустриальных методов
- 5 – расширение производства строительных материалов
- 6 – улучшение качества строительства
- 7 – привлечение к строительству денежных средств населения (в первую очередь расширение кооперативного строительства)
- 8 – расширение индивидуального строительства

Таблицы 7, 8. Предложения относительно способов повышения доходов населения (7) и совершенствования процессов труда (8) (в % к числу соответствующих предложений; $m_4 = 187$, $m_5 = 152$)

Таблица 7

Группа	1	2
В целом	62,0	38,0
Муж	58,1	41,9
Жен	72,6	27,4
Рабоч	58,0	42,0
Инж-тех	73,3	26,7
Служ	70,4	29,6
Колхоз	28,6	71,4
Воен	61,5	38,5
Учаш	80,0	20,0
Пенс	25,0	75,0
Домхоз	0,0	100,0
> Работ	66,9	33,1
> Иждив	54,7	45,3
Повыс	52,5	47,5
Б/изм	76,3	23,7
Пониз	65,5	34,5

- 1 – дальнейшее упорядочение заработной платы
 2 – снижение цен

Таблица 8

1	2	3
80,2	14,5	5,3
84,4	9,2	6,4
69,7	28,0	2,3
86,8	7,5	5,7
79,2	12,5	8,3
82,7	17,3	0,0
57,1	0,0	42,9
66,7	33,3	0,0
66,7	33,3	0,0
60,0	40,0	0,0
50,0	50,0	0,0
81,5	13,9	4,6
77,2	16,0	6,8
80,5	15,4	4,1
80,0	5,0	15,0
77,8	22,2	0,0

- 1 – дальнейший рост производительности труда
 2 – воспитание коммунистического отношения к труду
 3 – совершенствование организации труда, внедрение научной организации труда (системы НОТ)

4. Краткий комментарий к результатам исследования

В соответствии с программой настоящее исследование, в отличие от предыдущего, имело дело не только с общественным мнением как таковым, но и с качественно иной ипостасью массового сознания – самооценками людей, касающимися их частной, персональной жизни. Собственно общественному мнению в анкете посвящались лишь два последних вопроса, два же первых относились к названным самооценкам.

Разумеется, ответ на вопрос "Как изменился уровень вашей жизни – повысился, остался без изменений или понизился?" в широком смысле слова также можно назвать мнением. Мол, человек полагает, что его жизнь такова, а мог бы иметь по этому поводу и иную точку зрения. Однако понятно, что никакая сумма подобных индивидуальных высказываний, даже если они будут названы мнениями, по определению не сможет образовать мнения общественного, поскольку последнее – это отнюдь не совокупность мнений множества индивидов об уникальных (не совпадающих друг с другом) предметах, а коллективное мнение об одном и том же (общем для всех говорящих) предмете. Нельзя ведь не видеть принципиальной разницы между вопросом относительно личного уровня жизни респондентов и вопросом "Как, на ваш взгляд, изменился уровень жизни советских людей?".

Вместе с тем главное возражение против упомянутого словоупотребления связано не с предметом обсуждения, а с самим типом суждений, которые при этом высказываются. Дело в том, что полученные в исследовании ответы "Повысился", "Понизился", "Остался без изменений" имеют совершенно *иную когнитивную природу*, нежели собственно мнения, и потому при мало-мальски строгом подходе не могут считаться таковыми. Точно так же как было бы явной натяжкой полагать мнениями и ответы на вопросы "Довольны ли вы своей жизнью, детьми, работой и т. д.?". Ведь во всех этих случаях, объединяемых в логике под именем экзистенциальных суждений, речь идет, скорее, не о точке зрения человека на обсуждаемый предмет, а о констатации им некоего состояния предмета, признании его того или иного – уже свершившегося или наличного – бытия. Мнения (= точки зрения) по любому поводу могут быть, как известно, и неопределенными, а могут даже и вовсе отсутствовать¹, однако, при прочих равных обстоятельствах, трудно представить себе нормального, в

¹ Именно поэтому обе названные возможности, фиксируемые в эмпирических исследованиях в виде позиций "Затрудняется ответить" и "Не дает ответа", являются важнейшими индикаторами-доказательствами того, что мы находимся в сфере собственно суждений-мнений.

здравом уме находящегося человека, который, констатируя динамику или состояние своего жизненного уровня, ответил бы "Не знаю".

Правда, в рассматриваемом случае суждения "Повысился", "Понижился", "Остался без изменений" включают в себя не просто констатацию объективных фактов, но и их определенную оценку, стало быть, предполагают более или менее развитые аналитические способности говорящих, их умение сравнивать и различать факты, взвешивать "плюсы" и "минусы" и т. д. И все же с принципиальной точки зрения они не столько выражают отношение к бытию, сколько фиксируют его качество, определяют его характер, т. е. дают ему ту или иную дефиницию, причем не логическую, возникающую в результате более или менее глубокого анализа фактов действительности, а основывающуюся на ощущениях, непосредственном восприятии, "фотографировании" этих фактов, передающую общие впечатления о них. В этом смысле рассматриваемые суждения полностью тождественны с теми, что формулировались респондентами в их ответах на 2-й вопрос ("В чем выразилась [та или иная] динамика уровня жизни?"), глубоко сродни тем, что возникали в ответах на вопросы "объективки" "Кем вы работаете?" или "Каков состав вашей семьи?", и, напротив, кардинально отличаются от тех, что рождались 3-м и 4-м вопросами анкеты: "Какую проблему [в жизни общества] вы считаете первоочередной?" и "Что бы вы могли предложить для ее быстреего решения?"¹

Проведенное различие суждений-мнений и суждений-впечатлений, или, лучше сказать, суждений-"фотографий", чрезвычайно важно с точки зрения адекватного понимания морфологической структуры массового сознания, представленного в рассматриваемом исследовании, — и в части оценки меры его критичности, самостоятельности по отношению к так называемому официальному сознанию, распространяемому по системам образования и массовой коммуникации, и в части уяснения соотношения в нем рефлексивных и нерефлексивных форм.

¹ В эмпирических исследованиях надежным языковым коррелятом вопросов, рассчитанных на выявление собственно суждений-мнений, являются разнообразные обращения к респондентам, типа "на ваш взгляд", "по-вашему", "как вы считаете" и т. п. Очевидно, их использование в вопросе "Какая проблема в жизни общества, на ваш взгляд, является самой острой?" вполне закономерно, в вопросе "Как, по-вашему, изменился уровень вашей жизни за последние годы?" — как минимум сомнительно, если не нелепо (из-за очевидной языковой избыточности, поскольку слова "по-вашему" предполагают возможность оценки этого уровня и какими-то иными респондентами), а в вопросе "Как вам кажется, каков состав вашей семьи?" — и вовсе абсурдно.

Имея в виду *критерий критичности*, следует прежде всего констатировать, что в своих суждениях-"фотографиях" (= ответах на два первых вопроса анкеты) респонденты, что называется, по определению стояли вне официальной пропаганды, поскольку в обоих случаях высказывались не по поводу тех или иных характеристик жизни общества, а по поводу фактов собственной "биографии", обстоятельств своей сугубо персональной (семейной или личной) жизни. Поэтому совершенно естественно, что подавляющее большинство из них демонстрировало в этих пунктах вполне независимое, самостоятельное сознание.

Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторая клишированность ответов, их зависимость от пропаганды, хотя и в скромных масштабах, здесь все же присутствовала. Даже в первом вопросе, где наряду со спокойными, эмоционально не окрашенными "Повысился/Понизился" или количественно взвешенными и потому также оправданными "Безусловно (резко, немного) повысился/понизился" встречаются и явно подозрительные по своей интонации, а также избыточности своего содержания дефиниции вроде "Конечно, повысился!" или "Естественно, повысился". И эти скрытые намеки на более широкий идеологический контекст становятся совсем уже явными во втором вопросе, когда люди подменяют сам предмет разговора, переходя от "индивидуального" к "общественному" (ср. анкету 10 в параграфе 2), или когда они, обосновывая свои положительные ответы на 1-й вопрос, откровенно сбиваются на "общие сюжеты", по неизбежности прибегая к языковым штампам, заимствованным из партийных решений и газетных статей (см., к примеру, анкеты 5, 6, 15).

Совсем иная и гораздо более сложная ситуация характеризует положение вещей в зоне суждений-мнений, относящихся к двум остальным вопросам анкеты. Дело в том, что естественная база их образования включает в себя, с одной стороны, личный, непосредственный опыт респондентов, связанный с их повседневной, будничной жизнью, а с другой – некоторый "опыт других", представленный преимущественно в текстах СМИ. Как известно, данный механизм формирования мнений является практически всеобщим, и потому в подавляющем большинстве случаев общественное мнение представляет собой по своей морфологии некоторую комбинацию различных типов "самостоятельного" и "несамостоятельного" сознания. Весь вопрос в том, какой именно по своему составу оказывается эта комбинация в том или ином конкретном случае – какие именно морфемы в ней образуются и в каких пропорциях и объемах они представлены?

Как помнит читатель, в 1-й главе в рамках данного сюжета различались три типа сознания масс: "клишированное" (полностью несамостоятельное), "комбинированное" (полусамостоятельное) и "оригинальное" (полностью самостоятельное). Очевидно, применительно к суждениям-мнениям, фигурирующим в данной главе, говорить о двух крайних из этих типов практически невозможно. В 3-м вопросе – даже по чисто "технической" причине, поскольку односложные ответы на закрытый вопрос не дают никаких оснований для их оценки в качестве полностью стандартных, заимствованных "со стороны" или, напротив, полностью независимых, аккумулирующих исключительно личный опыт респондентов. В 4-м же вопросе – из-за фактических характеристик полученной информации: при заданном предмете обсуждения ее содержание, ясное дело, не могло быть ни полностью "оригинальным" (неповторимым, уникальным), ни полностью уложенным в прокрустово ложе каких-либо официальных формул – отчасти из-за объективного отсутствия самого этого "ложа" (т. е. некоего единого, стандартного набора указанных формул), а главным образом из-за распространенной, свободной манеры изложения своих взглядов большинством респондентов, то и дело выходивших за рамки каких-либо стандартов. Значит, **безраздельно господствующими** в данном случае оказались **различные типы полусамостоятельного сознания**.

Какой именно была мера зависимости/независимости этого сознания от официальной политики государства в обсуждаемых сюжетах? Какого рода суждения – официальные или неофициальные – преобладали в ответах людей? Установить это в сколько-нибудь строгих количественных пропорциях, увы, невозможно. И прежде всего потому, что сами официальные позиции (в рамках рассматриваемых вопросов) во многих своих пунктах были в высшей степени неопределенными, "размытыми" – и в той части, где речь шла о формулировании соответствующих проблем благосостояния и способов их решения, и в той части, где речь шла о ранжировании обсуждаемых проблем по степени их остроты, значимости в жизни общества. Ясно, что в подобной ситуации анализ "точечных" высказываний сплошь и рядом не мог и не может завершиться однозначным выводом: мол, вот эти суждения – плод самостоятельной мыслительной деятельности масс, а эти – не более чем репродукция текстов, произведенных политиками и журналистами.

Другое дело – качественная оценка полученной информации в целом. На этом уровне ее анализа ответ на поставленный выше вопрос приобретает вполне определенные очертания, и главное в нем: констатация, с одной стороны, **значительной зависимости** сознания масс от официальных установок, а с другой – столь же **значительного отклоне-**

ния первого от вторых, серьезных расхождений между ними. На взгляд автора, тезис о зависимости в данной констатации представляется чистым трюизмом и потому не нуждается ни в каких комментариях¹; зато тезис о независимости сознания, напротив, выглядит достаточно неожиданным и потому требует доказательств. К счастью, ходить за ними недалеко. В изрядном количестве они присутствуют и в "живых" ответах на 4-й вопрос анкеты (см., в частности, тексты 1–3, 5, 8, 9, 11, 13, 14 в параграфе 2); и в обобщенных результатах обработки полученных данных, содержащихся в таблицах 3 и 6; и – в особенно убедительной форме – в развернутых комментариях к итогам опроса трех высоких государственных чиновников из состава правительств СССР и Российской Федерации².

В самом кратком своем изложении эти доказательства могут быть обобщены следующим образом:

предложенное населением ранжирование стоящих перед обществом проблем не совпадало полностью с представлениями об этом институтов власти (по меньшей мере в пункте о расширении сети дошкольных детских учреждений, который в официальной "табели о рангах" не значился в числе трех наиболее приоритетных);

выдвигавшиеся населением так называемые встречные (собственные) предложения по решению проблем отличались большей или меньшей новизной, т. е. не фигурировали в утвержденных программах правительства и, стало быть, не были навязаны массовому сознанию средствами массовой информации и пропаганды, – и в той их части, которая лежала в русле экономического курса партии и государства (в комментариях министров эти предложения квалифицировались в качестве "заслуживающих внимания"), и – особенно – в той их части, которая была в разной степени не совместима с этим курсом (почему в тех же комментариях министров подобные предложения именовались либо "спорными", либо "вовсе не приемлемыми");

наконец, в ответах респондентов встречалась прямая или косвенная критика положения дел в обществе, что отчетливо свидетельствовало о том или ином неприятии какой-то частью населения политики, осуществляемой государством.

Что же касается второй морфологической характеристики массового сознания – соотношения в нем рефлексивных и нерефлекс-

¹ Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на фрагменты анкет 2, 4, 12, 15, а также на перечни стандартных предложений в таблицах 6–8, особенно в двух последних.

² См. Приложение 4.

тивных форм, то, с этой точки зрения, и в зоне суждений-"фотографий", и в зоне суждений-мнений ситуация была одной и той же: по всем внешним признакам и там и тут **безраздельно господствовал рационализм** – родившиеся в результате собственных наблюдений и размышлений или почерпнутые из коллективного опыта *позитивные знания*, опирающиеся равно на логику мышления и "логику жизни", без малейшей примеси религиозной или светской веры, без каких-либо чувственных и сверхчувственных предрассудков или эмоциональных образований и – более того – без сколько-нибудь выраженной эмоциональной окрашенности высказываемых суждений.

Последнее обстоятельство представляется особенно примечательным, если учесть, что два первых вопроса анкеты были впрямую нацелены на измерение самочувствия людей. Казалось бы, у подавляющего большинства из них улучшилась жизнь – получили жилье, появились товары в магазинах, пристроили детей в ясли... Тут ли бы не возликовать, не пересыпать свои ответы многочисленными восклицательными знаками, как это было сделано (без особой нужды) в предыдущем опросе. Ан нет! За самыми малыми исключениями (см. анкету 1), все рассуждения выдержаны в спокойных, деловых, подчас даже "бухгалтерских" тонах. И этот деловой тон, возможно, выдает некоторую тайную тайных сознания говорящих. Они, похоже, чувствуют себя "хозяевами собственной жизни", подлинными участниками процесса принятия решений, людьми, от точки зрения которых в обществе многое зависит, к чьим словам прислушивается власть. Разумеется, сама власть всячески поддерживает подобное сознание – достаточно взглянуть, с каким подчеркнутым пиететом, если не заискиванием, разговаривают с участниками опроса те же министры! Однако адекватно ли на самом деле это сознание той реальности, которая характеризует действующую в обществе систему отношений "народ – власть"? Если да, то сформулированный выше вывод о безраздельном господстве в сознании масс позитивных знаний, свободных от каких-либо предрассудков и какого-либо иррационализма, полностью сохраняет свою силу. Если же нет, тогда весь разговор о когнитивных способностях населения должен быть переведен в совершенно иную плоскость, а именно: в плоскость оценки латентной зависимости людей от существующей в обществе идеологии. И тогда зафиксированные в исследовании формы сознания впрямую описывать уже не только, а может быть, даже и не столько в терминах позитивного, рационального знания, сколько в терминах разного рода мифологий, в плену которых находятся массы, – причем как тех, что относятся к непосредственному предмету обсуждения в настоящей главе, так и тех, что имеют

гораздо более широкое содержание, относятся к "социалистическому обществу" и "социалистическому сознанию" в целом.

Вместе с тем, несмотря на отмеченную низкую эмоциональную окрашенность большинства высказываний, зафиксированный в исследовании **общий психологический тонус** населения страны был, вне всякого сомнения, **положительным и весьма высоким**. В этом заключалась первая и главная цель опроса – измерить субъективные ощущения масс, связанные с динамикой их материального благосостояния, – и проведенные измерения показали: подавляющее большинство людей безусловно довольно своей жизнью и находится в прекрасном настроении.

Об этом говорят прежде всего ответы на 1-й вопрос анкеты, в которых повышение уровня своей жизни отметили без малого три четверти опрошенных. При этом, как видно из таблицы 1, речь здесь идет не только о среднем показателе, о картине в целом, но и о положении большинства социально-демографических групп населения, фигурировавших в исследовании. В целом в таблице представлены 29 таких групп, выделенных по пяти основаниям. Так вот в 15 из них отклонение от средней величины остается в границах математически допустимой погрешности, равной $\pm 3,5\%$, и лишь в трех группах (двух по роду занятий и одной территориальной) превышает – в ту или иную сторону – 10%.

Иными словами, ощущение улучшения условий жизни, по данным опроса, является не только *господствующим* в сравнении со всеми другими ощущениями (стабильности или ухудшения этих условий), но и – в этом качестве – *всеобщим, повсеместным*. Практически одни и те же позиции на "шкале удовлетворенности" занимают группы по полу, возрасту и (даже) семейному положению (коэффициенты межгрупповой дифференциации в них равны соответственно 1,04; 1,06 и 1,19¹). И хотя ситуация в группах по роду занятий и районам местожительства заметно иная (указанные коэффициенты равны здесь соответственно 1,58 и 1,53), справедливость сделанного вывода не снижается, поскольку в наименее удовлетворенных группах домохозяек и жителей Молдавии количество отмечающих рост своего жизненного уровня все равно превышает 50%.

В полной же мере это общее состояние подъема, или даже, если угодно, "всенародного энтузиазма", раскрывается в развернутых ответах на 2-й вопрос анкеты, где люди приводят многочисленные и разнообразные свидетельства в пользу своего односложного "Повысился" (см., на-

¹ Напомним читателю, что эти коэффициенты измеряют размеры амплитуд крайних величин внутри каждого типа групп и равняются алгебраическому соотношению этих величин.

пример, анкеты 1, 3, 9–11 в параграфе 2). Из этих суждений-"фотографий" видно и другое – что хорошее самочувствие людей в подавляющем большинстве случаев основательно, устойчиво, не сиюминутно, поскольку оно не голословно и не плод определенной психологической обработки масс со стороны власти (с ее неизменным рефреном "жить стало лучше, жить стало веселей!"), а базируется на серьезных и реальных изменениях, происходящих в сфере материального благосостояния народа.

Разумеется, исследование выявило и те сегменты общества, которые в рассматриваемом отношении, на фоне всеобщего благополучия оказались, так сказать, "обделенными" (ответы "Остался без изменений") или вовсе "обиженными", "проигравшими" (ответы "Понизился"). Однако последние, чье настроение, скорее всего, было особенно плохим, во всех группах населения оказались в явном меньшинстве (варьировавшем от 0 до 23,4% в составе групп) и потому не могли существенно повлиять на общую обстановку подъема, царившую в обществе. И тем более общий высокий психологический тонус масс не снижала та пятая часть населения, которая фиксировала в своей жизни status quo. Внимательный анализ ответов этих людей на 2-й вопрос анкеты отчетливо обнаружил, что существовавшая в тогдашнем обществе *социальная дифференциация* людей (или дифференциация объективных положений) отнюдь не влекла за собой аналогичной дифференциации их *сознания* (настроений). Знаменитая формула марксизма "Бытие определяет сознание" явно нуждалась в коррекции. Во всяком случае, было достаточно очевидно, что в группах "обделенных" и даже "проигравших" было немало людей, которые не демонстрировали ни надрыва, ни тем более отчаяния. Вместо этого – вполне спокойная реакция, согласие со сложившимися обстоятельствами и даже несколько отстраненный (как будто речь шла не о них самих и не об их семьях) взгляд на вещи. Типичные образчики такого рода сознания представлены в анкетах 2, 7, 12 в параграфе 2, а также в многочисленных текстах вроде следующих:

При общем повышении жизненного уровня считаю, что моей семье это не коснулось из-за того, что мы заняты индивидуальным строительством (К-ов, помощник мастера, г. Клинцы, Брянская обл.);

Уровень нашей жизни не изменился. Связываю это с дополнительными расходами на обучение детей в музыкальной школе и с тем, что им перевалило за 12 лет (без подписи, врач, г. Севастополь);

Несмотря на повышение общего жизненного уровня, мой остался без изменений. В связи с переменой места жительства лишилась надбавки к зарплате, но снижение цен на товары и предметы питания, а

также увеличение их количества в магазинах и на рынке компенсировали это (С-на, учительница, Горьковская обл.);

Понижение своего жизненного уровня объясняя уходом с прежнего места работы в связи с реорганизацией управления промышленностью, а также отменой платы за выслугу лет (без подписи, служащий, г. Москва);

Понизилась пенсия семьям военнослужащих, что вызвано необходимостью приблизить ее к пенсиям гражданского населения (Ю. К., пенсионерка, адрес не указан);

Нельзя же сразу сделать так, чтобы всем было очень хорошо. Пройдет время, и все люди, и я в том числе, будут жить еще лучше, еще веселее (Ю. Ив-в, техник-конструктор, г. Москва).

Чаще всего не удовлетворенные собственной ситуацией люди не высказываются по поводу перспектив своего жизненного уровня, их представления о будущем остаются за кадром. Однако в системе их общих рассуждений то и дело проглядывают признаки того, что по меньшей мере часть из них, вроде только что процитированного техника из Москвы, смотрит в свой завтрашний день с большими надеждами. И потому, что в стране вообще "все идет к лучшему", и потому, что большинство окружающих уже ощутило результаты происходящих перемен, и, наконец, потому, что возникшие в их жизни трудности имеют, так сказать, не принципиальный, а житейский характер и, значит, рано или поздно могут быть преодолены.

Аналогичное убеждение в том, что "завтра будет жить [еще] лучше", тем более разделяется теми, кто уже сегодня испытал радость перемен. Поэтому, на взгляд автора, можно утверждать, что отмеченный выше высокий психологический тонус, характерный для подавляющего большинства нации и связанный с удовлетворением людей по поводу их уже свершившегося ("за последние годы") бытия, сопровождается **весьма высоким оптимизмом** в отношении бытия грядущего. Какого именно – ближайшего или удаленного? Явно первого. О перспективах коммунизма в текстах анкет нет никаких упоминаний. Однако объяснение этому следует искать, конечно же, не в отсутствии интереса масс к реализации "вековой мечты человечества", а просто в заданных предметных рамках разговора: в рассматриваемом опросе он шел исключительно в контексте обсуждения конкретных мер и программ партии и правительства, которые были рассчитаны на ближайшие годы.

Если на уровне психологии, настроений зафиксированная в опросе структура массового сознания была в высшей степени монолитной, то на

уровне собственно мнений в этой структуре наблюдается уже **явный плюрализм**.

Установление данного факта следует считать, по-видимому, вторым по важности результатом рассматриваемого исследования после описанного энтузиазма людей, вызванного ростом их благосостояния. А может быть, даже и первым, если принять во внимание, что на протяжении многих предшествующих десятилетий официальная партийная идеология упорно настаивала на том, что важнейшей, фундаментальной характеристикой социалистического общества (в отличие от всех иных типов обществ) является как раз его тотальная социальная однородность и базирующееся на ней так называемое морально-политическое единство народа.

Разумеется, обнаруженная в опросе дифференциация объективного положения людей, когда – в результате "мудрой политики партии" – одни оказались в выигрыше, а другие в проигрыше, в тогдашних условиях также не казалась вещью вполне ординарной. Само установление этого факта и особенно его публичное обнародование смахивали на определенную сенсацию, грозили некоторого рода скандалом. В самом деле, а как же с социальной однородностью?! А как же с расхожим лозунгом КПСС "Все для человека, все во имя его блага!""? Однако в действительности данная информация с идеологической точки зрения была безопасной, а содержащаяся в ней сенсация – мнимой: во-первых, в материалах июньского Пленума ЦК КПСС 1959 г., обсуждавшего "программу улучшения жизни народа", прямо признавалось, что в результате ее реализации "какая-то часть" населения пострадает; во-вторых, неблагоприятие этой части объявлялось заведомо частным и временным явлением; в-третьих, сами "обделенные" и "обиженные" соглашались с тем, что нахлынувшие на них огорчения недолговременны и в скором времени сменятся благополучием "как у всех".

Совсем иначе обстояло дело с данными, установившими, что в социалистическом обществе имеет место не только стопроцентное единодушие (классические 99,98% голосующих за блок коммунистов и беспартийных), но и более или менее выраженное несовпадение, а то и напряженное противостояние точек зрения, причем не отдельных несогласных друг с другом индивидов, а больших массивов людей, образующих особые группы мнений. Правда, обнаружение и публичное обнародование данного факта в 1960 г. вовсе не стало громом среди ясного неба. Отчасти, возможно, потому, что (не признаваемый официальной пропагандой и наукой) этот факт на неофициальном уровне с некоторых пор ни для кого уже не был секретом. Скорее же – из-за того, что он просто не был адекватно понят и потому недооценен в его действительном истори-

ческом значении. Тем более что предмет опроса по видимости лежал далеко в стороне и от сферы морали, и от сферы политики и, значит, не бросал ни малейшей тени на упомянутое "единство народа". Между тем с принципиальной точки зрения это была настоящая сенсация, исторический прецедент, мина замедленного действия, подложенная под один из центральных постулатов социалистической идеологии. Еще бы! Ведь тут выяснялось ни много ни мало, а то, что пресловутое единодушие народа в условиях социализма – феномен как минимум заведомо *не всеобщий*, что он имеет определенные *границы*, т. е. присутствует явно не везде и не всегда¹.

Что касается собственно размеров обнаруженного плюрализма, то на первый взгляд он представляется весьма значительным. Особенно в ответах на 3-й вопрос, где общий массив опрошенных раздробился на десятки разных позиций, поскольку, будучи закрытым, этот вопрос предложил респондентам на выбор не две и не четыре, а целых семь проблем и, будучи неальтернативным (т. е. допускающим более одного ответа), породил множество различных комбинаций из предложенной семерки². Однако первое впечатление ошибочно. Как можно видеть из таблицы 4, фактический масштаб обсуждаемого феномена в 3-м вопросе на самом деле намного скромнее. Ведь при всей многочисленности разнообразных малых по объему групп мнений главными в обществе здесь выступают

¹ Автор не исключает, что современному российскому читателю, имеющему дело с беспрецедентным бумом плюрализма во всех сферах жизни общества, в том числе в идеологии, политике и морали, подобная оценка результатов 2-го опроса ИОМ "КП" может показаться преувеличенной, завышенной. Однако необходимо иметь в виду, что констатация фактов плюрализма мнений в тогдашнем советском/российском обществе была совершенно не совместима с господствующими идеологическими представлениями. Напомним, что в поле захваченной ими социальной науки эти представления выглядели следующим образом: *"В условиях социализма количественная и качественная характеристики общественного мнения получают свое выражение в единодушных суждениях всех классов и социальных групп. Единодушное мнение стало возможным на основе единства коренных интересов людей и совпадения этих интересов с интересом общественным... В условиях социализма трудящиеся приходят, как правило, к единому мнению. В процессе широких обсуждений и дискуссий они находят приемлемую для всех позицию, общее суждение. Единодушное суждение выступает, следовательно, как конечный результат, как итог формирования общественного мнения"* (А.К. Уледов. Общественное мнение советского общества. С. 86–87, 89).

² К примеру, 15 респондентов, представленных в параграфе 2, заняли в ответах на 3-й вопрос 12 разных позиций.

все же гигантские сегменты населения, характеризующиеся общностью взглядов. Их наличие в таблице можно представить в виде следующих констатаций:

массовое сознание нации расколото примерно пополам в отношении того, что главная проблема в социально-экономической сфере общества – жилищное строительство (причем этот раскол характеризует не только общество в целом, но и практически все социально-демографические группы населения, за исключением колхозников, военнослужащих и пенсионеров);

почти три четверти населения согласны с тем, что в подобном качестве не выступает проблема роста доходов (хотя в широкой общественной дискуссии о путях повышения благосостояния народа эта проблема в то время была сущей притчей во языцех);

наконец, подавляющее большинство людей (от 75 до 90%) – при этом снова и в массиве опрошенных в целом, и в большинстве групп – полностью единодушно в том, что к числу первоочередных заведомо не относится ни одна из всех остальных предложенных для оценки проблем, т. е., иными словами, что все они по степени своей важности кардинально уступают двум первым.

Аналогично гораздо менее резким, чем можно было ожидать, оказался в общем и целом плюрализм мнений и в ответах на 4-й вопрос анкеты, который был открытым и потому в принципе создавал немалые возможности для формулирования широкого веера предложений. Как свидетельствует таблица 6, подобный веер в самом деле возник в зоне конструктивных суждений, касавшихся решения жилищной проблемы¹. Однако, в сущности, этот случай был единственным в своем роде во всем исследовании, и к тому же он относился не ко всему массиву опрошенных, а лишь к 39,1% его объема. Напротив, в таблицах 7–8 количество сформулированных людьми позиций было минимальным, и при этом наиболее

¹ В соответствии с принятой практикой обработки ответов на открытые вопросы фигурирующие в таблице 6 позиции во многих случаях совпадают не с конкретными эмпирическими высказываниями респондентов, а с их определенными классами, или группировками. К примеру, позиция 3 обобщает высказывания а) обеспечивать жильем в первую очередь молодоженов; б) ограничить предоставление городских квартир людям, имеющим дачи; в) идти прежде всего не по пути улучшения жилищных условий людям, уже обеспеченным квартирами, а по линии удовлетворения потребностей остро нуждающихся; г) ввести прогрессивную квартплату за площадь, превышающую существующие нормы. Это значит, что фактический веер предложений, зафиксированных в опросе, в данном случае намного превышал число позиций, представленных в таблице.

популярные из них объединяли в одном случае три пятых, а в другом даже четыре пятых всех опрошенных из числа тех, кто назвал соответственно проблемы роста доходов и совершенствования процессов труда.

Словом, обнаруженный в исследовании **плюрализм мнений имел достаточно ограниченный характер**. Общество явно не было расколото на множество равновеликих групп, придерживающихся различных взглядов – будь-то при вынесении вердикта по поводу проблемы № 1 или при определении путей решения обсуждаемых проблем. Как правило, дискуссия концентрировалась вокруг двух-трех главных позиций и соответственно делила общество либо на две примерно равные части, либо на более или менее широкое большинство и соответственно менее или более широкое меньшинство.

При этом на основании данных, содержащихся в таблице 4, можно видеть, какую именно роль в процессе расхождения взглядов людей играли их те или иные социально-демографические характеристики. Так, в группах по полу коэффициент дифференциации варьировал от 1,02 (в суждениях 2 и 7) до 1,70 (в суждении 4); в группах по роду занятий – от 2,72 (суждения 2 и 4) до 9,67 (суждение 5); в группах по составу семьи – от 1,07 (суждение 1) до 1,36 (суждение 6); в группах с различной динамикой уровня жизни – от 1,16 (суждение 5) до 2,10 (суждение 6). Стало быть, минимальной дифференцирующей силой в отношении обсуждаемого предмета обладали семейное положение людей и признаки пола, а максимальной – их род занятий, особенно в случае суждений 5, где резко отличной от всех прочих групп была позиция учащихся, а также 6 и 3, где соответственно резко выделялись колхозники и военнослужащие.

Имея в виду такую характеристику массового сознания, как **диапазон интересов**, следует отметить, что в рассматриваемом исследовании ее *содержательные границы* задавались самой темой опроса. Строго говоря, у респондентов не было возможности выйти за рамки предмета, именуемого "материальным благосостоянием" (тем более что в вопросе 3 отсутствовала приписка "Возможно, какая-либо иная проблема?"¹), и это означает, что речь в анализе должна идти не об установлении факта наличия (или отсутствия) интереса у масс к названному предмету, а исключительно об измерении силы этого интереса.

¹ Как видно из таблицы 4, в нарушение правил опроса 2,6% респондентов все же дали на 3-й вопрос какие-то свои, оригинальные ответы, однако большинство из них все равно было так или иначе связано с обсуждаемыми проблемами материального благосостояния.

В этом же отношении результаты опроса представляются бесспорными: интерес населения к проблематике материального благосостояния (собственного и общества в целом) был **без преувеличения стопроцентным**. Со всей очевидностью этот вывод подтверждается участием в ответах на 1-й и 3-й вопросы анкеты всех без исключения 1399 опрошенных (см. таблицы 1 и 4). Однако его ни в малой мере не ставит под сомнение и тот факт, что на 2-й вопрос ответили лишь 90,2%, а на 4-й – 95,8% опрошенных. Дело в том, что в первом случае разговор не поддержали 137 человек из числа тех, чей жизненный уровень не изменился, и подобное поведение этих людей характеризовало лишь способность (вернее, как раз неспособность) их суждения, а вовсе не отсутствие у них интереса к проблеме: ведь, воздержавшись от обоснования своей исходной позиции, они затем в стопроцентном составе активно участвовали в обсуждении и 3-го, и 4-го вопросов (см. соответствующие строки в таблицах 4 и 5). В аналогичной ситуации оказались и те 4,2%, которые не смогли сформулировать никаких конструктивных суждений по поводу способов решения названных ими проблем. При всем их интересе к сюжету (сполна проявившемся при обсуждении всех остальных вопросов) эти относительные "аутисты" явно не располагали соответствующими знаниями по предмету (заметим в скобках, чаще всего ими оказывались учащиеся и пенсионеры, т. е. представители тех слоев населения, которые в силу своего объективного положения в обществе были менее других включены в дискуссию по обсуждаемым проблемам¹).

Что же касается *пространственных границ* анализируемого интереса, то они задавались в опросе вполне однозначно лишь в рамках двух первых вопросов анкеты, где речь шла о сугубо персональной ситуации респондентов. В двух же последних вопросах интересы людей по признаку их локальности, абстрактно говоря, могли быть уже разными, а именно: могли либо оставаться в стенах той же частной (семейной) жизни, либо расширяться до отдельных городов и регионов страны, либо достичь масштаба общества в целом. Ведь использованная в анкете формулировка 3-го вопроса ("Какую проблему вы считаете первоочеред-

¹ Интересно отметить, что в числе подобных "аутистов" фигурирует и 7,9% респондентов, отметивших повышение своего жизненного уровня. Однако природа их уклонения от ответа на 4-й вопрос, скорее всего, иная. Автор не исключает, в частности, того, что тут срабатывал и некоторый социальный эгоизм людей, персонально уже преуспевших и потому в меньшей мере обеспокоенных решением "чужих" проблем (не случайно ведь, что максимальную активность в поисках путей повышения благосостояния народа проявляли те, чей жизненный уровень как раз понизился).

ной?") не уточняла, в каких конкретных границах должны оцениваться соответствующие проблемы, применительно к чьей именно жизни – лично самого респондента или общества в целом, хотя имплицитно подразумевалось, что речь должна идти прежде всего о последней.

Принимая во внимание то обстоятельство, что респонденты с самого начала были ограничены локальностью "Я" ("семья"), можно было думать, что эти рамки по инерции сохранятся и в дальнейшем разговоре. В какой-то мере так и произошло. Об этом прямо свидетельствует, в частности, тот же "социальный эгоизм" определенной доли "преуспевших", решивших уклониться от ответов на 4-й вопрос; но главным образом – широкое распространение в ответах "обиженных" и "обделенных" некоей естественной цепочки в рассуждениях, когда люди, отмечая, к примеру, снижение своего жизненного уровня из-за ухудшения жилищных условий, называли затем в качестве самой важной именно жилищную проблему, а в завершение, обсуждая способы решения этой проблемы, оставались опять же в рамках своего собственного "Я" (см. анкету 7 в параграфе 2).

Вместе с тем детальный контент-анализ ответов на два последних вопроса, а также их сопоставление с двумя первыми, дают основание утверждать, что в большинстве своем опрошенные отнюдь не заклинивались на фактах собственной биографии, не руководствовались в дискуссии исключительно личными мотивами, а смотрели на вещи с гораздо более широкой, так сказать, **государственной точки зрения**.

Первое тому доказательство – весьма частое отсутствие в цепочках ответов на 1-й–3-й вопросы анкеты отмеченных естественных логических связей, нормальной логической последовательности. Так, к примеру, многие люди, у кого понизился жизненный уровень из-за снижения зарплаты, в качестве первоочередной проблемы называли тем не менее не рост доходов населения (что затронуло бы и их персонально), а какие-то иные проблемы (см. анкеты 2, 14); или люди, уже решившие в своей личной жизни ту или иную проблему (скажем, получившие новое хорошее жилье), в качестве первоочередной продолжали называть тем не менее именно ее, а не иную, более актуальную для них лично (см. анкеты 3, 9).

Эти суждения о вещах не с позиций, так сказать, собственной выгоды, а с позиций интересов общества в целом были еще более выпуклыми в ответах на 4-й вопрос анкеты, при обсуждении различных способов решения тех или иных проблем. Наиболее яркий пример здесь – позиция населения в дискуссии по поводу двух основных (возможных) путей увеличения доходов народа: так называемого упорядочения номинальной заработной платы, т. е. ее выравнивания у высоко- и низкооплачиваемых категорий работников, и роста реальной заработной платы за счет снижения розничных цен. Как известно, государство настаивало тогда на пер-

вом подходе, поскольку, как утверждалось, он ослаблял социальную дифференциацию в обществе, вел к уменьшению сложившихся разрывов в уровнях доходов различных групп и слоев населения, в то время как снижение цен (более выигрышное для тех, кто имел высшие ставки) обернулось бы, напротив, дальнейшим усилением существующей дифференциации. С точки же зрения "эгоистичного" массового сознания наиболее предпочтительным должен был бы стать, скорее, второй путь, поскольку он приносил немедленную и зримую выгоду для всех, давая синицу в руки вместо журавля в небе. Однако, как видно из таблицы 7, вопреки ожиданию большинство опрошенных (и в целом, и в 12 из 15 групп населения) склонилось все же к первому пути, включая (что особенно интересно) и многих из тех, кого в процессе упомянутого упорядочения заработной платы ждало, скорее всего, не ее повышение, а ее понижение. Почему это случилось? Безусловно, в том числе и потому, что массы людей, поверив в политику государства, поддержали ее, т. е. как раз встали – при решении вопроса – на позиции общественного, а не личного интереса. Вместе с тем, как полагает автор, вовсе не исключено, что данный результат исследования имел под собой и иные, гораздо более глубокие исторические корни – связанные с уравнилельной психологией и уравнилельными идеалами масс, с их традиционной тягой к примитивному коммунизму, о котором К. Маркс говорил, что он есть лишь *завершенная форма зависти и жажды нивелирования, установления некоторого равного для всех минимума*¹.

Наконец, тот же "государственный" подход активно проявлял себя и в разновеликости объемов понятий, фигурировавших в ответах на 3-й и 4-й вопросы анкеты. Вполне нормальным здесь был ход мысли, при котором люди, назвавшие в качестве первоочередной ту или иную проблему, предлагали затем, так сказать, чисто технологическое ее решение, заключенное в границах содержания самой проблемы. Именно эта ситуация отражена, в частности, в таблице 6, где речь идет о жилье. Однако зачастую респонденты явно выходили за рамки чистых технологий и вели речь о материях, которые касались, скорее, принципов государственной политики как таковой. В общем виде этот момент отражен в таблице 5, где наряду с предложениями, относящимися к обсуждаемым проблемам, встречаются и позиции 3, 7, 8, 10; в более же конкретном виде – в образцах суждений, представленных в анкетах 3, 5, 6, 12, 13 в параграфе 2. Сюда же относятся и высказывания, обсуждающие проблемы взаимоотношения масс и государства, личности и общества, вроде таких:

¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 586.

Хочется пожелать, чтобы каждый рабочий, колхозник, инженер, ответственный работник относился к государственной копейке так же, как к личной, чтобы называл ее на "вы" и берег, как свою" (Д-ов, старший инженер, 38 лет, г. Горький);

Каждый из нас должен проникнуться сознанием того, что наша повседневная деятельность имеет общественно-историческое значение для Родины, для ее будущего (без подписи, директор строящегося предприятия, 32 года, г. Чебоксары, Чувашская АССР).

В сущности, в данном пункте анализа суждений-мнений мы сталкиваемся с исторической проблемой взаимоотношения личного и общественного. Как известно, в эпоху Хрущева (как, впрочем, и при социализме вообще) она решалась неизменно в терминах "первичного" и "вторичного", с безусловным объявлением примата общественного над личным. Информация, полученная в настоящем исследовании, в силу самих содержательных рамок обсуждаемого предмета, лежит в несколько иной плоскости и потому не дает оснований утверждать, что для людей благо общества в целом выше их собственного благополучия или, иными словами, что они полностью согласны с пресловутой формулой "Не общество для человека, а человек для общества". Однако, с другой стороны, из этой информации совершенно ясно и то, что при обсуждении проблем благосостояния люди имеют в виду все же преимущественно не свое собственное, персональное или семейное, бытие, а бытие народа, общества в целом. Это превосходство локальности "страна", "общество" над локальностью "частная жизнь", "семья" представляется чрезвычайно значимой характеристикой массового сознания того времени, свидетельствовавшей о весьма высоком уровне социализации личности, интегрированности индивида в жизнь общества в целом.

Посмотрим теперь, как выглядят в опросе уровень знаний и способность суждения масс. Обратившись к ответам на 4-й вопрос анкеты, нетрудно установить, что *знаний* у людей в отношении обсуждаемого предмета было **явно в достатке** и что *компетентность* их высказываний была **в целом весьма высока**. В пользу первого утверждения говорит отсутствие затруднений с ответами на вопрос у подавляющего большинства опрошенных (см. таблицу 5)¹; в пользу второго – многочисленные положительные оценки позиций респондентов в комментариях министров – главных экспертов по предмету (см. Приложение 4).

¹ Напомним в этой связи, что, по предположению автора, часть респондентов не ответила на 4-й вопрос не по причине отсутствия у них соответствующих знаний, а в силу совсем иных обстоятельств (см. примечание 2 на с. 145).

Что же касается *инструментальной вооруженности* массового сознания, то в данном исследовании судить о ней можно, во-первых, по качеству аргументирования людьми своей исходной позиции ("Повысился", "Остался без изменений", "Понизился") в ответах на 2-й вопрос анкеты, во-вторых, по их умению рефлексировать, сопоставлять и оценивать события и факты действительности в ответах на 3-й вопрос и, в-третьих, по их способности конструктивно мыслить в ответах на 4-й вопрос.

Очевидно, в первом случае речь шла об особом рода обосновывающих суждениях, смысл которых, строго говоря, заключался не в том, чтобы логически доказать справедливость предыдущего ответа, а в том, чтобы конкретизировать его, подтвердить ссылкой на те или иные эмпирические факты. И, как можно видеть из текстов, приведенных в параграфе 2, респонденты справились с этой задачей вполне удовлетворительно: за самыми малыми исключениями (ср. текст б, автор которого допустил явный сбой, впав в газетно-пропагандистскую патетику), их аргументы в высшей степени убедительны.

Столь же успешно в общем и целом справились опрошенные и с оценочными суждениями, хотя тут уже не все было столь гладко: по видимому, в том числе и слабостью аналитического мышления следует объяснять те ситуации, когда в ответах на 3-й вопрос (имевший в виду – хотя и не очень строго – определение *одной, первоочередной* проблемы¹) респонденты отмечали одновременно пять-шесть проблем или писали: "Все проблемы одинаково важны", "Все проблемы должны решаться одновременно" и т. п.

В случае же конструктивных высказываний картина была, разумеется, намного сложнее, поскольку они базировались не только на мыслительных способностях самих говорящих, но и на текстах "других", почерпнутых со стороны, в том числе усвоенных людьми в процессе обучения или в процессе общения со средствами массовой информации и пропаганды. Естественно, значительная часть таких высказываний просто воспроизводила некоторые общеизвестные истины, банальные *loci communes*, под стать сформулированной Ильфом и Петровым максиме: "Больше внимания разным вопросам!" Такого качества суждения встречались при обсуждении путей решения всех без исключения проблем, но, пожалуй, особенно часто, когда речь заходила о способах увеличения производства продуктов питания и промышленных товаров. Почти поло-

¹ Формулировка вопроса "Какую проблему вы считаете первоочередной?" не сопровождалась ремаркой "Подчеркнуть только одну проблему", однако имплицитно предполагала такое решение, поскольку все ключевые слова – "какую", "проблему" и "первоочередной" – фигурировали в ней в единственном числе.

вина обсуждавших эти сюжеты респондентов, не мудрствуя лукаво, ссылалась в общих словах на необходимость дальнейшего роста производительности труда, внедрения новой техники, совершенствования производства и т. д. При этом многие глобальные конструкции были уже совсем незамысловатыми, вроде сформулированной К-ой, рабочей из Горьковской области: *"Прежде всего нужно упорно, настойчиво трудиться. Только своим самоотверженным трудом мы приблизим быстрое решение выдвинутых проблем"*.

И все же в целом способность **конструктивных** суждений, зафиксированная в опросе, должна быть оценена скорее как **достаточно высокая**, нежели как средняя и тем более низкая. В большинстве предложений очень много конкретики, важных деталей, свидетельствующих о глубоком понимании людьми сути обсуждаемых проблем, и об их умении грамотно и внятно выражать свои взгляды. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на анкеты 2, 3, 5, 6, 11, 13, 14 в параграфе 2. Да и в том же сюжете с продуктами питания и товарами широкого потребления немалое число предложений выглядело в высшей степени солидно. К примеру, так:

Необходимо лучше изучать спрос населения. Ведь в некоторых районах нет отдельных товаров, промышленность же выпускает их, и они годами лежат в магазинах и на базах других районов без движения (С-ко, кредитный инспектор Госбанка, г. Шилка, Читинская обл.); или

Почему за товар низкого качества, не находящийся сбыта, несет ответственность чаще всего только торгующая организация, в то время как фабрика-поставщик иногда получает даже премию как за сверхплановый? Не правильнее ли выполнение плана поставщиками ставить в зависимость от реализации готовой продукции? Покупатель – вот кто должен решать вопрос о выполнении плана (без подписи, инженер, г. Краснодар).

Главный же аргумент в пользу сделанного вывода – превеликое множество полученных в опросе предложений, которые по своему содержанию, как уже упоминалось выше, не совпадали с официальной точкой зрения и господствовавшими в обществе практиками, так или иначе – прямо или косвенно – критиковали их. Очевидно, во многих из этих случаев речь шла уже не просто о воспроизведении имеющегося, почерпнутого "со стороны" знания, а о продуцировании знания нового, во всяком случае содержащего те или иные элементы новизны.

Нет спору, при анализе суждений-мнений дефиниция новизны по неизбежности остается весьма относительной. Казалось бы, что в самом деле нового в только что приведенных высказываниях – насчет того, что для улучшения торговли следует изучать спрос населения, а для повыше-

ния качества продукции надо поставить в зависимость от этого качества систему поощрения предприятия-поставщика? Разве все это не сплошной трюизм? И все же в 1960 г. эти и подобные им предложения, связанные с решением остальных проблем, уж точно не были избитыми истинами, поскольку настаивали на мерах, в то время еще не осуществленных на практике, и, стало быть, были направлены на утверждение иной реальности, нежели существовавшая. Если угодно, это была первая публичная критика пресловутой централизованной (плановой) системы управления не просто отдельными гражданами (журналистами, ораторами на собраниях и т. д.), а их более или менее широкими совокупностями, которым сама форма всесоюзного опроса общественного мнения придавала статус народа, населения страны. И понадобилось целых пять лет, чтобы некоторые из этих положений вошли в программу правительства, декларировавшую (на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1965 г.) начало первой экономической реформы в стране.

Вынесенные выше общие оценки способности различных типов суждений масс подтверждаются и количественными данными, а именно частотой обосновывающих, оценочных и конструктивных высказываний массива опрошенных в целом, а также составляющих его социально-демографических групп. Так, согласно таблицам 2 и 3, 1024 человека, отметивших повышение своего жизненного уровня, дали на 2-й (открытый) вопрос анкеты 1384 ответа (в среднем 1,352 суждения на одного респондента), а 98 человек, отметивших понижение этого уровня, — 112 ответов (1,140 на человека). В 3-м (закрытом) вопросе средний показатель частоты ответов, т. е. выборов из предложенных позиций, равнялся 1,586 суждения, а в открытом 4-м вопросе — 0,958 суждения. Применительно же к основным группам опрошенных все эти показатели выглядели следующим образом:

Группы	2-й вопр "+"	2-й вопр "-"	3-й вопр	4-й вопр
В целом	1,352	1,140	1,586	0,958
Рабоч	1,246	1,247	1,617	0,935
Инж-тех	1,760	1,294	1,631	1,190
Служ	1,435	0,949	1,550	0,927
Колхоз	1,103	1,000	1,311	0,905
Воен	1,160	1,000	1,558	1,019
Учаш	0,889	0,800	1,455	0,800
Пенс	1,163	1,000	1,464	0,721
Домхоз	1,268	1,278	1,659	0,851
Повыс	1,352	—	1,560	0,921
Б/изм	—	—	1,638	1,034
Пониз	—	1,140	1,702	1,112

Приведенные цифры позволяют сделать много интересных выводов. Однако наиболее принципиальными из них представляются два:

во-первых, что разные типы суждений давались людям с разной степенью легкости (при прочих равных обстоятельствах наиболее простыми были оценочные высказывания, а наиболее сложными – конструктивные) и,

во-вторых, что разные группы населения проявили здесь в общем и целом неодинаковую способность суждения (наиболее продвинутыми в этом отношении предстали инженеры и техники, а наименее – учащиеся).

Что же касается проблемы оснований, или факторов дифференциации населения в рассматриваемом отношении, то ее решение в данном случае представляется весьма затруднительным. Пожалуй, тут ясно лишь одно – что дело не в образовании, а в чем-то ином. В чем именно? Возможно, в различной степени включенности представителей разных групп населения в обсуждаемый предмет, при этом включенности двоякой – и персональной, так сказать психологической (ср. ответы групп "Повысился", "Без изменений", "Понизился"¹), и социальной (= групповой).

Кроме того, приведенные цифры – материал для оценки еще одной интересующей нас характеристики массового сознания – его так называемой **реактивной способности**, проявившейся на уровне *вербального поведения* людей в ходе самого опроса. В этом плане, как мы только что видели, активность респондентов была в общем и целом **вполне высокой**: ведь даже в самом слабом своем варианте (ответы на 4-й вопрос) она в большинстве случаев приближалась к 100%, а то и превышала этот порог.

Зато вторая составляющая реактивной способности, совпадающая с реальным, *деятельностным поведением* масс в рассматриваемой сфере жизни общества, оказалась представленной в опросе **в весьма скромных масштабах**, чтобы не сказать большего. И в той части, где люди декларировали свою готовность участвовать в решении стоящих перед обществом проблем (ср. анкету 7 в параграфе 2), и особенно в той части, где они сообщали о своей уже состоявшейся деятельности на этот счет. Казалось бы, само содержание обсуждаемого предмета должно было привести к активному описанию разных форм включенности "Я" в соответствующие процессы (как это случилось даже в предшествующем, гораздо менее подходящем для этого сюжете с предотвращением новой мировой вой-

¹ Дополнительная важная деталь: в группе респондентов, отметивших неизменность своего жизненного уровня, 49,5% вовсе не ответили на вопрос 2, т. е. никак не обосновали свою исходную оценку ситуации.

ны). Однако вопреки ожиданию ничего подобного не произошло. Весь разговор о путях решения социально-экономических проблем состоялся не только без "Я", но и без "Мы" – на уровне таких максимально генерализированных субъектов, как "КПСС", "государство", "правительство", "общество", либо – еще чаще (см. большинство анкет в параграфе 2) – и вовсе без каких-либо действующих лиц, в безличных модальных построениях типа "нужно", "важно", "можно", за которыми, правда, в большинстве случаев отчетливо угадывались те же глобальные субъекты.

Данный результат исследования представляется весьма неожиданным, но вряд ли загадочным. Не исключено, что он связан с уже отмеченной высокой интегрированностью личности в жизнь общества. Если это так, то в данном случае подобная интегрированность вполне могла обернуться в сознании масс интереснейшим социально-психологическим феноменом: полной потерей ощущения людьми и собственного "Я", и коллективного (группового) "Мы" в качестве самостоятельных субъектов социального действия, т. е. полным растворением индивидуальности в некоторой тотальной субъектности, именуемой "обществом" или "государством".

Из разряда качественных характеристик реакций масс на мир полученные в исследовании данные проливают свет лишь на одну – описываемую в терминах "традиционализма/новаторства", т. е. касающуюся отношения населения к процессам инновации, его готовности к переменам, к новым решениям старых проблем, к поискам и утверждению новых социальных практик и форм бытия. Однако останавливаться на этой стороне дела значило бы повторить уже сказанное выше – в разделах, где рассматривался вопрос о мерах зависимости/независимости сознания масс от официальных установок и где говорилось о продуцировании респондентами нового знания.

В отношении **ценностных ориентаций** населения результаты опроса предоставляют очень мало сведений, хотя разговор вроде бы шел исключительно об одной из фундаментальных жизненных ценностей человечества – материальных благах. Объяснение тому простое: в соответствии с задачами исследования указанные блага не рассматривались в опросе *в качестве ценности* и тем более не взвешивались в этом плане в сопоставлении с какими-либо иными.

Вместе с тем кое-какую информацию на этот счет получить все же удалось.

Во-первых, несмотря на жесткое обозначение предметных границ дискуссии, заметная часть респондентов (особенно в возрасте до 30 лет) все же **вырвалась** за пределы установленных границ и как раз с суж-

дениями на тему "не хлебом единым!.." (см. анкеты 1, 4, 10 в параграфе 2).

Главное же: опрос выявил действительный уровень потребностей людей в рассматриваемой сфере и дал немало доказательств тому, что этот уровень был **очень низким**, если не убогим. Самые распространенные ответы на 2-й вопрос счастливых, отметивших повышение своего жизненного уровня – "получили новое жилье", "семья стала лучше питаться, одеваться и обуваться", "появились продукты и товары в магазинах", – ярко демонстрировали эту заниженность запросов людей. И за всем этим отчетливо вырисовывался образ народа, живущего в непроходимой (вековой) бедности и не имеющего ни малейшего представления о том, как вообще могут и должны жить люди на Земле и как они на самом деле живут за "железным занавесом".

Предел мечтаний большинства опрошенных в сфере материальных благ – быть элементарно сытым, обутым, одетым и иметь собственную крышу над головой. О реальных же размерах этого счастья в те годы можно легко судить, обратившись к похвальбам В.А. Кучеренко, тогдашнего председателя Госкомстроя СССР, по поводу успехов в решении жилищной проблемы: *"По указанию партии и правительства два года назад мы перешли на строительство экономичных, благоустроенных квартир, рассчитанных на одну семью... Основным в строительстве является двухкомнатная квартира с жилой площадью в 31–32 кв. метра и подсобной – в 12–14 кв. метров. Для одиноких и молодоженов предназначены типовые дома с отдельными комнатами в 9–15 кв. метров и общими обслуживающими помещениями..."*

Зато об отношении людей к обществу, в котором они живут, и к власти, которая этим обществом управляет, информации в опросе было очень много. Правда, преимущественно косвенной (поскольку исследование не ставило своей непосредственной задачей измерить данный класс характеристик сознания масс), однако вполне убедительной. Главными из полученных результатов тут представляются два:

1) народ полностью лоялен по отношению к существующему в стране строю, **целиком одобряет общую линию КПСС и социалистического государства**;

2) активной поддержкой со стороны народа пользуется не только общий политический курс власти, но и **большинство конкретных шагов**, связанных с реализацией этого курса.

Оба эти результата выразительно резюмируются в высказываниях-ответах на 4-й вопрос анкеты:

Больше того, что делается со стороны государства, предложить что-либо очень трудно (Н.С. В-ва, инспектор школ, г. Ленинград);

Необходимо выполнять решения партии и правительства – и все (С.А. Еф-ко, механик, г. Запорожье);

Все предложения и проблемы охвачены в постановлениях КПСС, выполнение их даст все необходимое для народа (А.Н. Р-ий, техник-пенсионер, г. Архангельск).

Вместе с тем более детальный анализ содержания ответов (с рассматриваемой точки зрения) позволяет обнаружить и некоторые дополнительные характеристики сознания масс, в том числе весьма примечательные.

Прежде всего это – уже упоминавшееся присутствие в анкетах отчетливо артикулированной **критики** по поводу некоторых распространенных в стране социально-экономических практик. На взгляд автора, этот момент чрезвычайно важен. Лояльность по отношению к системе, активная поддержка КПСС – вне всяких сомнений! Однако, как выясняется, и то и другое все же не в абсолютных масштабах, а с допущением тех или иных (больших или меньших, резких или слабых) возражений, несогласий. Стало быть, критика власти в принципе возможна, разрешена. Весь вопрос в том – по какому поводу, в каких размерах и с какой интонацией.

Типичный образчик обнаруженного в опросе подобного критического сознания – ответ на 4-й вопрос З.В. С-ой, 28-летней рабочей из г. Гусь-Хрустальный Владимирской области, озабоченной проблемой детских учреждений: *"Вот этому делу у нас еще, видимо, уделяется мало внимания. Я имею в виду: в нашем городе..."* Тут в высшей степени примечательно все – и осторожное "мало внимания", и совсем уже робкое "видимо", и смягчающее действительную остроту проблемы "в нашем городе". В сущности, так же выглядит критика и в анкетах 1, 4–6, 13 в параграфе 2. Если респонденты на что и замахиваются, то никоим образом не на власть как таковую, а на ее отдельных, чаще всего аморфных и анонимных представителей и к тому же действующих не в центре, а на местах. Как раз в полном соответствии с родившейся в те годы прибауткой: а в отдельных магазинах нет отдельной колбасы...

Еще одно важное свойство сознания масс, проявившееся в опросе в системе отношений "народ – власть", – ярко выраженный **патернализм**. Из 1399 участников опроса буквально лишь единицы продемонстрировали позицию, выраженную А. К-ым, мастером завода "Жальгирис" из Вильнюса: *"Мы не должны говорить только "дай", а должны своим трудом, знаниями, рациональным использованием средств строить для*

себя прекрасное завтра". Зато в огромном количестве, в сотнях анкет присутствует сознание совершенно иного рода:

Благодаря заботе нашей родной Коммунистической партии труженики села стали жить лучше (Г.Т. С-в, председатель колхоза из Мордовии);

Вот и моя семья получила хорошую квартиру, сократился рабочий день, повысилась моя заработная плата... За все это я очень благодарна нашему правительству (уже цитированная З.В. С-ва из г. Гусь-Хрустальный);

Лично у меня оклад повысился с 1000 рублей до 1200, а у жены – с 900 до 1000. Объясняю это только последовательной и мудрой политикой партии, выполняющей заветы В.И. Ленина по улучшению благосостояния трудящихся (М. Н-ин, мастер, 25 лет, г. Таганрог);

Повысилась заработная плата, в магазинах в постоянном наличии продукты и товары... Кроме того, закончила высшее учебное заведение. Связываю все это с мудрым руководством КПСС и нашего правительства (О. Щ-нь, врач-педиатр, 30 лет, г. Минск);

Повышение моего жизненного уровня я связываю прежде всего... с заботой КПСС о трудящихся массах (Б.Н. А-ин, мастер Кожзавода, 32 года, г. Кишинев).

Как можно видеть, тут речь уже не просто о поддержке существующей в стране власти, не просто о *согласии* с ее политикой, а о гораздо большем. Подумать только, какие поразительные обороты мысли! Труженики мордовского колхоза стали лучше жить не потому, что сами стали эффективнее работать, а "благодаря заботе партии"; молодая женщина окончила институт, но связывает это событие не со своими личными намерениями, жизненными планами, а с "мудрым руководством КПСС и правительства". Это значит, что люди совершенно отчетливо не осознают себя в качестве сколько-нибудь активных, самостоятельных субъектов социального действия, производящих свою собственную жизнь и держащих свою судьбу в собственных руках. Совсем наоборот: они – всего лишь бессильные существа, чье счастье полностью зависит от кого-то другого, "наверху", что-то вроде детей, чьи родители в любую минуту могут либо наказать, либо осчастливить их.

В некоторых анкетах в роли таких родителей выступают те или иные конкретные органы управления, относящиеся к партийным или советским структурам разных уровней управленческой иерархии. Но чаще всего это – некие надличностные всемогущие субъекты, именуемые вообще "партией" или "государством". Их безграничная, всепроницающая

сила в рассматриваемом качестве великолепно передана в иронической формуле более позднего времени: "Прошла весна, настало лето. Спасибо партии за это!" И, по мысли автора, подобный патернализм следует оценивать в качестве продукта не только тогдашней, в самом деле всемогущей, практики партийно-государственного управления, но и более фундаментальной, архаической, традиционной для дореволюционной России системы отношений между "мужиком и баринном", "рабочим и хозяином", наконец, "народом и царем-батюшкой".

В этой связи следует обратить внимание еще на одну примечательную особенность сознания масс, проявившуюся в рассматриваемом исследовании. В отличие от первого опроса все разговоры о КПСС и Советском государстве здесь практически не сопровождаются персонификацией власти, не доходят до уровня лидера (или лидеров) нации. Это, в общем-то, трудно объяснить, но имя Н.С. Хрущева в текстах анкет встречается поразительно редко. Все симпатии и благодарности – исключительно в адрес КПСС в целом. Нечастые исключения из правила связаны прежде всего с той же борьбой за мир (т. е. с переходом в иную предметную область). Иногда же это и более или менее удачно прикрытое, по сути спекулятивное, желание придать больший вес своим словам. Типичный пример подобного рода упоминания имени вождя всуе – анкета А. Н-ва, мастера из г. Рыбинска: *"Для решения проблемы жилищного строительства следовало бы привлекать к работе на стройках самих нуждающихся. Но в нашем городе, в частности на нашем предприятии, этому еще очень мало уделяется внимания. А знаете, как мне необходима комната! У меня есть девушка, которую я очень люблю. Мы дружим с начала учебы в техникуме. Живем оба в общежитии уже полтора года. Решили пожениться, но вот получить комнату – проблема. Мне кажется, очень правильно Никита Сергеевич Хрущев предлагал строить дома для молодоженов"*.

И, наконец, о последней из характеристик массового сознания, предусмотренной программой анализа, – **общей структуре** этого сознания, оцениваемой по критерию его *целостности/разорванности*.

Познакомившись в Приложении 4 с комментариями к результатам опроса Председателя Госкомстроя СССР В.А. Кучеренко, читатель обнаружит, что министр упрекает общественное мнение в противоречиях. Однако, на взгляд автора, никаких сколько-нибудь существенных противоречий в высказываниях масс на самом деле нет. Имея, в частности, в виду решение жилищной проблемы, люди выступают за широкий веер возможных мер. Некоторые из них лежат целиком в русле "генеральной линии партии", другие же отклоняются от этой линии, требуют ее коррек-

ции, дополнения. С точки зрения министра, последние меры по тем или иным (политическим или прагматическим) причинам неприемлемы для власти. Это ясно. Но с принципиальной, логической точки зрения они полностью совместимы с мерами первого ряда и потому не могут свидетельствовать о внутренней конфликтности сознания масс. Напротив, как и в случае с опросом о войне и мире, общая картина мнений здесь отличается **безукоризненной целостностью**. И снова, как и в первом опросе, тут налицо **завидная самоуверенность** людей, полное отсутствие у них каких-либо сомнений по поводу своей правоты, какой-либо нерешительности в вынесении вердикта по всем обсуждаемым сюжетам.

Глава 3. АВТОПОРТРЕТ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

1. Характеристика исследования

• Цели

Настоящий опрос, третий по счету в деятельности ИОМ "КП", проводился в январе–марте 1961 г. и сразу же вызвал огромный резонанс в читательской аудитории газеты. Анкета "Что вы думаете о своем поколении?" была опубликована в "Комсомольской правде" 6 января с припиской о том, что срок получения ответов – 20 дней. Однако уже на третий день в редакцию пришло свыше 900 писем, на пятый – более 1500, на шестой – около 2000, к концу же условленного срока – свыше 19 000! Буквально со второго дня вокруг зондажа начались разговоры и в прессе, особенно зарубежной. *"Россия пытается открыть, что думает молодежь"*, *"Советская молодежь получила возможность высказаться"*, *"Русская молодежь отвечает на вопросы и задает их"...* – эти и подобные им заголовки появились в английских "Observer" и "Daily Telegraph", американских "New York Herald Tribune" и "New York Times Magazine", западногерманских "Kölnische Rundschau" и "Stuttgarter Nachrichten", итальянских "Unita" и "Stampa", швейцарской "Tages Anzeiger", французской "L'Humanite", бельгийской "Flandre Libérale" и многих других изданиях. Было очевидно, что столь высокий интерес к опросу вызывался не только новизной практики, продемонстрированной ИОМ "КП", но и самим предметом разговора. Ведь это было время, когда на всех континентах земного шара бурно обсуждалась проблема молодежи как "потерянного поколения", а в Советском Союзе не менее бурно – проблема "преклонения молодых людей перед Западом", или "стиляжничества".

В соответствии с программой исследование ставило перед собой четыре цели:

Во-первых, выявить содержание и характерные особенности самосознания советской молодежи, ее общий взгляд на самое себя.

Во-вторых, зафиксировать основные ценностные ориентации молодежи, связанные с духовными характеристиками общества (идеологическими, моральными, культурными и др.), – как на уровне их

"позитивного", так и "негативного" выражения, с тем чтобы можно было получить представление не только собственно о ценностях, но и об "антиценностях" молодых людей.

В-третьих, зафиксировать ряд существенных социально-психологических характеристик различных групп молодежи (с помощью выявления представлений респондентов об их будущем, способах его достижения и т. д.) и на этой основе получить некоторую качественную типологию молодых людей в терминах "оптимизма", "разочарованности", "нигилизма" и т. п.

В-четвертых, оценить реальное состояние в обществе проблемы "отцов" и "детей" (в том числе с помощью специального опроса представителей старшего поколения по поводу их отношения к молодежи)¹.

• Содержание

Анкета включала двенадцать содержательных вопросов – четыре закрытых и восемь открытых, которые предварялись преамбулой: *"Дорогой товарищ! Перед вами новая анкета "Института общественного мнения" "Комсомольской правды". Как известно, свои первые опросы мы проводили, не прибегая к газетным страницам. Сегодня мы избрали именно этот способ распространения анкеты, так как решили обратиться к нашим читателям – ЮНОШАМ И ДЕВУШКАМ КОМСОМОЛЬСКОГО ВОЗРАСТА. Просим вас поделиться своими мыслями о духовном облике нынешнего поколения советской молодежи..."* Далее шли вопросы:

1. Что вы думаете о своем поколении, нравится ли оно вам, довольны ли вы его делами? (Да, Нет)
2. На чем основано ваше утверждение?
3. Какие черты советской молодежи являются, с вашей точки зрения, наиболее сильными? В чем они ярче всего проявляются?
4. Есть ли, на ваш взгляд, у молодых людей отрицательные черты, имеющие широкое распространение? Если да, какие именно?
5. В чем вы видите подтверждение своего мнения?
6. Что, по-вашему, больше свойственно вашим сверстникам: целеустремленность или отсутствие цели?
7. Есть ли лично у вас цель в жизни? (Да, Нет, Не думал об этом)
8. В чем она состоит?
9. Что вы должны сделать для ее достижения?

¹ Эта цель исследования была реализована не полностью из-за незавершенности опроса представителей поколения "отцов". Фрагменты материалов этого опроса приводятся в Приложении 6.

- 10. Что уже сделано вами?
- 11. Считаете ли вы, что добьетесь своей цели? (Да, Нет, Не знаю)
- 12. На чем основана ваша уверенность?

Как можно видеть, эти вопросы распадались на два равных блока: в первом (вопросы 1–6) выявлялись "экспертные" оценки респондентами тех или иных позитивных и негативных характеристик советской молодежи в целом, во втором (вопросы 7–12) фиксировались самооценки респондентами их собственной жизни.

Что же касается разного рода социально-демографических признаков опрошенных, то в исследовании так или иначе учитывались шесть из них: пол, возраст, род занятий, образование, трудовой стаж и местожиительство (тип поселения).

• Метод и техники

Исследование выполнялось в форме анкетного выборочного опроса путем публикации анкеты на страницах газеты и, стало быть, на основе стихийно складывающейся нерепрезентативной выборки. В результате выбраковки части полученного материала, преимущественно по критериям возраста респондентов и полноты их ответов на вопросы анкеты (в расчет принимались лишь анкеты, заполненные людьми не старше 30 лет и с ответами на все вопросы), объем выборочной совокупности, подвергшейся анализу, составил 17 446 человек.

Общая структура этого массива оказалась следующей (в абсолютном выражении и в % к $n = 17\ 446$; в скобках указаны сокращенные названия групп, используемые далее в таблицах):

	<u>абс выраж</u>	<u>% к п</u>
• <u>по полу</u>		
мужчины	13085	75,0
женщины	4361	25,0
• <u>по возрасту</u>		
до 17 лет (До 17)	1466	8,4
18–22 лет (18–22)	8973	51,4
23–30 лет (23–30)	7007	40,2

• по роду занятий		
рабочие (Рабоч)	5518	31,6
инженерно-технические работники (Инж-тех)	797	4,6
служащие (Служ)	3186	18,2
творческая интеллигенция (Творч)	95	0,5
колхозники (Колхоз)	601	3,5
военнослужащие (Воен)	4088	23,5
студенты (Студ)	1786	10,3
школьники (Школ)	1256	7,2
неработающие (Нераб)	119	0,6
• по образованию		
ниже среднего (Н/среди)	4742	27,2
среднее (Средн)	11150	63,9
высшее (Высш)	1554	8,9
• по типу поселения		
Москва (Москва)	1214	6,9
города с населением свыше 500 тыс. жит. (Круп гор)	2891	16,6
прочие города (Проч гор)	11408	65,4
деревни, села (Село)	1933	11,1

Как и следовало ожидать, в этой выборке оказались нарушенными многие объективные пропорции, характеризовавшие тогдашнюю молодежь страны. Вместе с тем значимость этих нарушений в разных случаях была неодинаковой. К примеру, факт троекратного преобладания мужчин над женщинами не был особенно важным, коль скоро, как показал анализ, признак пола практически не играл никакой роли в определении позиций респондентов. Иное дело – непомерно малый удельный вес колхозников и жителей села или, напротив, непомерно высокое представительство военнослужаших (в основном – временно находящихся в армии призывников).

Подобные особенности состава опрошенных, естественно, исключали возможность оценивать суммарные (средние) цифры, относящиеся к ансамблю в целом, в качестве объективно отражающих позиции советской молодежи как таковой. Однако благодаря солидной общей величине полученного ансамбля такая возможность полностью сохранялась в отношении практически всех без исключения социально-демографических групп самих по себе.

Что же касается групп социально-психологических, т. е. групп сознания, то в отношении их *количественной* репрезентативности сделать сколько-нибудь надежные выводы не представляется возможным. Разу-

меется, исходя из общих соображений, можно предположить, что собственно критики поколения, а также разнообразные "нигилисты", "разочарованные" и "прожигатели жизни" в целом значительно менее охотно брались за перо, нежели их противники, представители "передовой" молодежи. Однако, в какой степени оказались нарушенными существовавшие в то время объективные пропорции, сказать трудно.

Зато есть все основания полагать, что в *качественном* отношении картина получилась достаточно полной. Анализируя анкету и возлагая особые надежды на то, что она гарантировала анонимность отвечающих, известный английский публицист Эдвард Крэнкшоу отмечал в "Observer", что *"вопросы представляют простор для инакомыслящих"*. И последние явно воспользовались этим "простором". Очевидные доказательства тому – внушительные объемы групп, отклоняющихся по принципиальным вопросам от позиций большинства. Так, на 1-й и 6-й вопросы анкеты не дали положительного ответа соответственно 16,6 и 14,6% опрошенных, или – в абсолютном выражении – 2891 и 2562 человека. Не менее существенно и то, что при ответах на многие другие важные вопросы (в частности 3-й, 4-й, 8-й) ансамбль опрошенных повел себя также в высшей степени плюралистично.

Исполнители

Программа и полевой документ исследования были разработаны Б.А. Грушиным и В.В. Чикиным. Они же подготовили документы первичной обработки информации и руководили этой обработкой (при участии журналистов "КП" Г.И. Великановой и Е.П. Сытникова), которая осуществлялась силами сотрудников Института философии АН СССР и студентов Московского экономико-статистического института.

Вторичная (машинная) обработка информации была выполнена на Центральной машинно-счетной станции ЦСУ СССР под руководством главного инженера ЦМСС А.С. Сальникова, начальника отдела проектирования Я.Л. Циписа и инженера-проектировщика Т.П. Панюшкиной.

2. Мнения *pro* и *contra*

Вопросы анкеты:

- 1–2. Нравится ли вам ваше поколение, довольны ли вы им? На чем основано ваше суждение?
3. Какие черты советской молодежи являются наиболее сильными?
- 4–5. Какие отрицательные черты молодых людей наиболее распространены? В чем вы видите подтверждение своего мнения?
8. Какова цель вашей жизни?
9. Что вы должны сделать для ее достижения?
11. Считаете ли вы, что добьетесь своей цели?

1. Н. К., муж., плотник, 23 года, образование неполное среднее, трудовой стаж 6 лет (г. Урюпинск, Сталинградская обл.)

1–2. Да, доволен. Я верю в могучие силы нашей молодежи. Подвиги, совершенные ею на стройках коммунизма, неисчислимы. Я думаю, что комсомольцы 20-х, 30-х и 40-х годов также гордятся славными делами нашего поколения.

3. Горячая и беззаветная преданность Коммунистической партии, народу. Нашей молодежи органически свойственны также интернационализм, искренняя дружба, товарищеская взаимопомощь. Проявляются эти черты в практических делах молодежи, когда она отправляется в необжитые земли, покидая привычную среду, отчий дом, с тем чтобы нанести на карту Родины новые крупные энергетические, промышленные и сельскохозяйственные районы. Будь то целинные земли Алтая и Казахстана, или Братская ГЭС, или железная дорога Абакан – Тайшет...

4–5. Отрицательные черты у молодых людей есть. Это – преклонение перед заграничной модой, пустой музыкой и танцами. Я знаю в своем городе некоторых молодых людей, которые довольны своим образом жизни, тем, что нигде не трудятся и не учатся, живут за счет пап и мам. Одеваются они смехотворно. Отращивают длинные волосы на голове и бакенбарды с бородами, словно жители необитаемого острова. Днем, словно кроты, куда-то прячутся, вечером их можно встретить в кино, в драмтеатре, в клубах на молодежных вечерах. Такой молодежи по Союзу ничтожное меньшинство, и я думаю, что в ближайшем будущем мы научим таких уважать общество, работать и жить так, как подобает современнику.

8. Цель моей жизни – честно работать и учиться, чтобы получить высшее образование без отрыва от производства, а затем полнее и лучше служить народу. Я обыкновенный рабочий – плотник, как и многие мои друзья. Но я знаю, что наша работа необходима людям, особенно

теперь, когда вся страна в лесах новостроек. Мы строим добротные, благоустроенные квартиры для рабочих семей. Значит, и профессия наша благородная, ценная, хотя со стороны, может, и неприметная.

Сейчас я учусь в вечерней школе, в 9-м классе. Чтобы быть ближе к людям и лучше понимать окружающую жизнь, я с душой выполняю общественные поручения, которые мне доверяют. Я не знаю пока точно, в какой именно вуз буду поступать, так как еще не окончил среднюю школу. Но меня влекут гуманитарные науки. Короче говоря, цель моей жизни – приносить счастье людям.

9. Для достижения своей цели я должен хорошо работать, не отставать от товарищей в учебе. Уметь находить время для самообразования. Не избегать трудностей, а преодолевать их. Только таким путем можно наверняка достигнуть желаемой цели.

Год назад у меня был самый счастливый день в моей жизни – меня принимали в члены КПСС. В этот день я дал клятву оправдать доверие товарищей, принявших меня в свои славные ряды. И вот в трудные минуты жизни я всегда вспоминаю этот день и снова, неведомо откуда, приобретаю бодрость, уверенность в своих силах и поддержке товарищей.

11. Наша Коммунистическая партия и Советское правительство предоставили нам, молодежи, все необходимые условия. Работайте, учитесь, дерзайте!

Мы, рабочие, работаем по 7 часов в день. Как учащиеся вечерней школы имеем два выходных дня в неделю, причем заработок остается прежним. Образование получаем бесплатное. Работой обеспечены. Одним словом, мы имеем все для достижения поставленных целей.

2. С. О., жен., экономист, 24 года, образование высшее, трудовой стаж 3 года (г. Луганск, Украина)

1–2. Да. Было бы глупо отвергать те замечательные успехи, которых добились наши современники во всех отраслях науки, техники, сельского хозяйства и т. д.

Но мне кажется, что можно сделать намного больше. Немало еще среди нас инертных людей, которые только следят за делами нашего поколения. Им не хватает огонька в делах, фантазии. Надо всеми средствами изживать равнодушие, которым в настоящее время заражены многие молодые люди моего поколения. И я в том числе, к сожалению.

3. Гордость за свою Родину, за свой коллектив.

Я считаю себя очень стойким человеком. Но не могу без слез волнения и радости смотреть и слышать, как побеждают наши спортсмены, как взлетают наши спутники... И так здорово, что это побеждают "наши".

Вообще, мне кажется, что молодежи моего времени, даже тем, которые, как я писала выше, пассивны и инертны, свойствен коллективизм. Когда мы учимся, говорим: "в нашем классе", "в нашей школе", "в нашем институте", когда мы работаем, говорим: "на нашем заводе", "на нашей фабрике", "в нашем колхозе". Слово "наше", то есть советское, всегда произносится с гордостью.

4-5. Равнодушие, невнимательность. Подтверждение этому я вижу в том, что у нас еще бывают случаи хулиганства, пьянства, преступлений. А почему? Потому что люди равнодушно смотрят на это.

8. Конечно, у каждого есть своя цель: поступить в институт, изучить иностранный язык, личные дела... И общая цель — работать на благо Родины.

У меня же личной цели в жизни нет. Как ни странно, но это решение определилось, когда я стала писать вам. Раньше мечтала окончить школу, поступить в институт, окончить его. Теперь все это уже позади. Все сделано. Работаю. Отдаю работе все, что могу. Личной жизни почти нет, хотя уже скоро будет 24 года: не могу никого полюбить. Без работы жить не могу. Она стала необходимостью.

Но у меня есть три мечты: полюбить (это не цель, так как для достижения ее я не могу ничего сделать); побывать с молодежной организацией за границей и, только не удивляйтесь, полететь на Луну! Да, мне кажется, что впервые ученым лететь опасно. Поэтому нужно послать простых людей. Я бы полетела! Даже зная наверняка вероятность гибели. Потому что этим я все же принесла бы пользу науке, а мою работу на Земле смог бы сделать каждый...

3. Ш. М., муж., ревизор, 21 год, образование высшее, работает с 1960 г. (г. Алма-Ата, Казахстан)

1-2. Да. Наше поколение, несомненно, самое лучшее из всех ему предшествующих. Поколение, строящее коммунистическое общество, осваивающее целинные земли, преобразующее Голодную степь, строящее крупнейшие в мире гидроэлектростанции; поколение, вызвавшее к жизни коллективы коммунистического труда и добровольные народные дружины по охране общественного порядка, борющееся с тунеядством и беспринципностью, дорожащее, как святыней, любовью, дружбой и честностью, — такое поколение не может не вызывать удивления и изумления всего мира, такое поколение не может не нравиться.

3. Любовь к труду, тяга к знаниям, высокие моральные качества. Наше поколение берется за любые дела, не считаясь ни с какими трудностями.

Партия говорит: "Надо!" И молодежь отправляется строить Братскую ГЭС, искать урановые руды, необходимые для работы мирных атомных станций, строить "Казахстанскую Магнитку", наводить по-

рядок на колхозных и совхозных фермах. Рождается новый закон жизни: "Работать, учиться и жить по-коммунистически!" И молодежь переносит нормы выработки, повышает качество выпускаемой продукции; днем работает, вечером учится, посещает кинотеатры, концертные залы; ходит в рейды и на дежурства. Выдвигается новый лозунг: "Учиться самим и учить других!" И наша молодежь переходит по почину Валентины Гагановой на отстающие участки, невзирая на низкую в первое время заработную плату, в новый, не всегда сплоченный и приветливый коллектив, невзирая на новые, трудные условия работы. Возникает новое движение "1+2". И каждый физкультурник стремится подготовить смену себе, старается, чтобы как можно больше людей чувствовало себя молодо, бодро, жизнерадостно.

Наше поколение! Оно не уходит от злободневных вопросов жизни. Оно ведет спор на страницах газет и журналов, в клубах, читальнях. Коллектив – коммунизм – личность, работа – учеба – быт, любовь – дружба – товарищество, молодежь успешно разрешает все эти вопросы.

4–5. К сожалению, есть некоторая грубость. Очень часто приходится слышать: "Какая сейчас молодежь пошла грубая – ей скажешь слово, она тебе пять в ответ". Конечно, это наблюдается лишь у отдельных молодых людей; конечно, это говорят пожилые люди с расстроенными нервами, много вынесшие и много пережившие, но факт остается фактом. Молодые люди часто вступают в перебранку со старшими и нередко довольно грубо выражаются. Не очень часто молодежь уступает место более старшим на вечерах, в метро, трамвае, троллейбусе, автобусе.

8–9, 11. Добиться того, чтобы быть максимально полезным людям нашей страны. Я окончил десять классов с серебряной медалью, в 1960 году окончил Московский финансовый институт. Получив диплом с отличием, поехал в Казахстан работать. Считаю, что на своей теперешней должности могу быть полезным людям и обществу. Так что своей ближайшей цели я достиг.

Я не говорю здесь о той общей цели для нашего народа, которой является построение коммунистического общества. Достижение каждым из нас своей цели в жизни несомненно будет способствовать достижению этой общей высокой цели.

4. С. Р., студентка, 21 год (г. Пенза)

1–2. Да, мне нравится мое поколение, нравятся его славные дела. Я часто наблюдала за своими сверстниками в работе на целинных землях, на стройке, в студенческих общежитиях; видела молодежь на улицах города с красными повязками на рукаве; видела молодежь в спорах на собраниях, то есть в самой повседневной жизни. И всюду она горячо

и смело бралась за самое большое и всегда стремилась ко всему новому, чистому и светлому.

3. *Оптимизм, реальность, чувство долга и товарищества.*

4–5. *Некоторой категории нашей молодежи свойственны мещанские взгляды на жизнь. Другая категория молодежи выступает, если можно так выразиться, под лозунгом: "Жизнь дается один раз, а потому надо брать от нее все".*

Я не раз встречала юношей и особенно девушек, которые совершенно не связаны с тем, чем живет вся наша страна. Они огораживают свой мирок тюлевыми занавесочками, мечтают о тихом семейном счастье. Девушки хотят, чтобы у них был богатый, красивый муж, хотя нет, пусть даже некрасивый, но только чтобы было много денег, чтобы можно было покупать все, что захочется... Некоторые же юноши мечтают только о красивой, всех покоряющей жене...

Что же касается тех, кто хочет взять от жизни все, не давая ей ничего, то это – плесень, самая настоящая плесень. Это те, кто не желает трудиться, кто живет трудом всего нашего народа, кто позорит священное звание – советский гражданин. Они играют в "разочарованность", с некоторым пренебрежением относятся ко всем делам нашей молодежи, посмеиваются над ее воодушевленностью, считая идеалом... самих себя.

Но не эти обыватели и тунеядцы составляют массу нашей молодежи. Она здоровая и не поддается никаким временным болезням.

8. *Я хочу стать настоящим учителем. Быть старшим другом, наставником моих младших друзей. Учить их и учиться у них.*

9. *Чтобы добиться этого, я должна стать человеком в настоящем смысле этого слова, в горьковском смысле.*

11. *Я обязательно добьюсь своей цели. Моя уверенность основана на горячей любви к моим маленьким друзьям.*

5. Без подписи, военнослужащий, 22 года, образование среднетехническое, работает с 1958 г. (N-ская воинская часть)

1–2. *Нужно быть "ультранигилистом", чтобы отрицать величие дел, совершенных моими современниками. Достаточно вспомнить о великих стройках на Ангаре, в Казахстане, о крупной сети молодежнo-комсомольских целинных совхозов. Это памятник, достойный молодости. Я как представитель этого поколения горжусь тем, что молодость в будняхстроек с честью несет знамя, поднятое нашими легендарными предшественниками, чья жизнь стала путеводной звездой современного поколения.*

3. *Высокая принципиальность, упорство и мужество в достижении цели, верность и принципиальность в вопросах дружбы, преданности*

Родине, энтузиазм – вот, на мой взгляд, самые сильные черты нашей молодежи.

4–5. Наряду с прекрасными чертами у нашей молодежи есть и ряд отрицательных черт. Наши молодые люди подчас не задумываются над тем, сколько хорошего, незабываемого они могли бы сделать друг для друга, если бы преодолели мелочный, эгоистичный мирок обывателей. Однако они задеты, если можно так выразиться, крылом тщеславия, эгоизма. Я люблю красивую, модную одежду, но иные мои современники в своем стремлении достичь "высот" по сравнению с западными модниками доходят подчас до уродства и убожества. Модные "техасские штаны" и крикливый галстук, низкопробные остроты застилают пеленой их взгляд на истинную эстетику вещей и характеров.

8. Моя мечта – получить высшее юридическое образование, стать образованным человеком вообще. Только образование освобождает разум человека, делает его ясным, свободным, способным к пониманию людей и вещей.

Моя цель – в едином строю со своим поколением и молодостью всего мира бороться против угрозы новой войны.

9. Сделано, надо признаться, еще предательски мало. Пока только окончил техникум, получив специальность геолога, но страстно хочу учиться дальше. Сейчас нахожусь в рядах Советской Армии и, несмотря на то, что времени свободного остается очень мало, повышаю свое образование.

11. Да, обязательно добьюсь, так как живу в такое время и в такой стране, где молодости открыты все двери в храмы науки, где молодежь любовно воспитывается славной Коммунистической партией.

6. Г. Ф-р, рабочий 6-го разряда и студент техникума, 25 лет, начал трудиться с 1949 г. (г. Ленинград)

1–2. Да, нравится. Новостройки, целинные районы, стремление учиться – разве это не основание, чтобы любить и уважать свое поколение?

3. Любознательность, движение вперед. Эти черты проявляются прежде всего в делах: в труде, учебе, в быту, в отношении к людям, в любви к Родине, в стремлении к миру.

4. Да, есть. Подражание заграничной моде, стиляги, хулиганы, пьяницы.

8. Цель моей жизни – стать образованным специалистом. В совершенстве овладеть своей специальностью. Стать коммунистом. Принести как можно больше пользы Родине, воспитать преданных нашему делу детей.

9. Должен окончить институт. Работать как можно лучше. Жить и учиться по-коммунистически.

11. Безусловно, добьюсь. Гарантия тому – права советского человека на труд, учебу, отдых, те возможности, которые так щедро предоставили нам партия и правительство.

7. Ю. Л., муж., мастер по авторемонту, 26 лет, образование среднетехническое, работает с 1956 г. (г. Альметьевск, Татарская АССР)

1–2. Делами моего поколения я доволен. Одна целина чего стоит! Я думаю, что мое поколение – это замечательные ребята и девчата. Но мне гораздо больше нравится молодежь моих лет, двадцати и больше, чем те, кто моложе нас.

Мы хорошо помним войну и тяжелое послевоенное время. Тогда мы не верили, что у нас в стране вскоре после окончания войны будет довольство хлеба, масла, сахара; что в магазинах появятся детские велосипеды, фотоаппараты, жилка для удочек и футбольные мячи. А когда все это появилось, мы поверили в то, что говорилось, и стали верить всему и дорожить всем. Те же, кому сейчас нет еще двадцати, ничего этого не помнят, считают, что так было всегда и так будет всегда. Поэтому они мало дорожат народным богатством, пассивны в общественной работе и много времени тратят попусту, не принося пользы ни себе, ни людям. Я утверждаю это, основываясь на личном опыте.

3. Наиболее сильными чертами нашей молодежи, с моей точки зрения, являются интернационализм и патриотизм.

Я был во многих областях нашей страны, был в Казахстане, на Украине, сейчас живу в Татарии. И нигде не замечал, чтобы у молодых людей разных национальностей возникали какие-либо конфликты между собой. Обратных же примеров могу привести сотни.

Мы с детства любим свою Родину. Нам известно, как живут в других странах. В некоторых жизненный уровень выше, чем у нас, в большинстве – хуже. И вот для того, чтобы мы жили лучше всех, советские патриоты поднимают целину, строят гидроэлектростанции, заводы. А если вдруг случится война, тогда наш патриотизм скажется в том, что появится множество Зой, Гастелло, краснодонцев.

4–5. Первой отрицательной чертой считаю пассивность в общественной работе. Второй – сквернословие у юношей.

В подтверждение первой могу привести много примеров из личного опыта, да и в газетах вы найдете их немало. Мне не раз приходилось видеть, что комсомольцы на собраниях пассивны, в обсуждениях выступают неохотно, от общественных поручений отказываются. Может быть, в крупных организациях, в больших городах иначе? А у нас так.

В подтверждение второй черты скажу, что ругаются у нас очень много. У некоторых это даже своеобразная манера разговаривать.

8. Определенной большой цели на всю жизнь у меня нет. Цель у меня возникает на какой-либо этап жизни. Сначала это мечта, потом она становится целью, а затем – реальностью. В настоящее время у меня две таких цели. Первая – завершить свое образование, то есть окончить институт. Вторая – воспитать сына, сделать его настоящим человеком, дать ему все, чего не хватало мне в детстве, научить всему, что я могу и знаю сам.

9. Для выполнения второй цели я должен жить и работать. Для выполнения первой – учиться. Сделано уже многое. Сейчас есть все условия для хорошей жизни моей семьи.

11. Да. Я всегда добиваюсь своей цели. Добьюсь и этих, если буду здоров. Значит, мое "да" получается с оговоркой.

8. В. А-в, муж., колхозник, 20 лет, образование среднее, работает с 1955 г. (Ростовская обл.)

1–2. Я окончил 10 классов в 1958 г. и "остался", как у нас еще говорят, работать в колхозе. Был сначала трактористом, а теперь – помощник бригадира комплексной бригады и учетчик. На ваш первый вопрос отвечаю: Да, мое поколение нравится мне своими делами.

3. Его самые сильные черты: Коллективизм. Вера в будущее. Коммунистическое отношение к труду, проявляющееся в работе без контроля, в создании бригад коммунистического труда.

4. Отрицательных черт, общих для большинства молодежи, я не вижу. Есть индивидуальные отрицательные черты, которые искореняются общественным воспитанием.

8. Цель моей жизни – стать инженером-конструктором сельскохозяйственных машин. Вообще же мне хочется познать в жизни все до мелочей, насколько успею. Я мечтаю быть и психологом, и инженером-механиком.

9. Для этого я должен учиться, учиться и учиться, не оставляя без внимания всего нового.

11. Я не вижу никаких реальных препятствий для этого.

9. М. В., мастер смены котельного цеха, 28 лет (г. Станислав, Украина)

1–2. Я избрал "золотую середину". Ведь сказать "нет" – значит незаслуженно, одним росчерком пера зачеркнуть все то хорошее, светлое, чем живут и дышат миллионы наших юношей и девушек. Но я не могу сказать и просто "да": ведь сделать так – значит поставить на одну доску с лучшими тех, кто этого не заслуживает.

Вы можете возразить: мол, в семье не без урода, стоит ли их брать в счет?.. В том-то и дело, что о них нельзя забывать! Эти уроды, как репы, торчат на большой звонкоголосой ниве, но они не дают мне возможности назвать эту ниву отличной. Мы должны вырвать эти репы с корнем! Мы не можем терпеть их – об этом нам все время напоминает память отцов...

10. В. Ш., муж., научный сотрудник, 26 лет (г. Ленинград)

1–2. Среди моих сверстников я знаю очень много как положительных, так и отрицательных людей. Они распадаются на две группы. К первой относится та молодежь, у которой есть высокая цель в жизни, желание сделать что-то большое и полезное для народа и человечества. Большинство таких учится, у них есть огромное стремление учиться, и учиться по-ленински. Молодежь другой группы спрашивает: "А зачем учиться?" Эти думают прежде всего о покое в жизни, о том, чтобы их никто не тревожил. Это не хулиганы, не стилияги. Это мещане.

Или вот мой сосед, парень 1941 года рождения. На сегодняшний день имеет незаконченное пятилетнее образование, судимость за драку, штрафы и отсидки по несколько суток за хулиганство. Может быть, какие-то особые условия жизни? Нет. Как и у меня, у него во время войны погиб отец, воспитывали нас одни матери, оба были в осажденном Ленинграде. А какое различие во взглядах, убеждениях, интересах!

8. Моя главная цель – немного продвинуть вперед радиотехнику. И кроме того, очень хочу, чтобы в нашей стране не было молодежи, которую я отнес ко второй группе.

11. Без подписи, работница-студентка, 19 лет, образование среднее, трудовой стаж 2 года (г. Москва)

1–2. На первый вопрос отвечаю: Нет. В комсомоле я с 1955 года. Когда еще в школе училась, была человеком энергичным и как-то интересовалась общественной жизнью, но с поступлением на работу и в институт все пропало, наступило полное безразличие ко всему. Почему? Да потому, что за все это время я не видела у нас ни одного настоящего комсомольского дела, людей, которые по-настоящему болели бы за комсомольскую работу. Одни только собрания, взносы, бумажки.

Вы скажете: а те, кто трудится на стройках и на целине, разве это не трудовой подвиг комсомольцев? Может быть, конечно, есть и подвиги комсомольцев, откуда мне знать... Но я сужу по тому, что вижу сама.

Мне всего 19 лет, но во мне столько апатии и безразличия ко всему окружающему, что взрослым людям приходится только удивляться, и можно слышать одни и те же слова: "Такая молодая, а уже все надоело, что же будет с тобой в 30 лет?" Но как ни удивительно, а факт:

жить-то не очень интересно. И это мнение не только мое, а и тех людей, с которыми я дружу.

3. На этот вопрос я затрудняюсь ответить. Правда, о таких людях, как четыре солдата, которые пробыли в море сорок девять дней, можно сказать, что им присущи черты отважных, смелых и выносливых бойцов. Но ведь это дело случая.

4-5. Отрицательные же черты у молодежи есть, и их очень много. У молодых людей нет целеустремленности, каждый живет одним днем: день прошел, и слава богу. В поведении молодежи чувствуется расхлябанность и бескультурье. (Я исключаю тех, кто занимается серьезной музыкой, т. е. тех, кто посещает симфонические концерты, концерты русского народного хора и т. д.)

Это объясняется тем, что молодежи иногда некуда деть себя. В нашем районе один кинотеатр. Большое же здание под названием Дом культуры строителей почти всегда закрыто. Никто, кроме работников этого дома, не знает, что там делается. Кино здесь бывает редко, и поэтому попасть на фильм трудно. Вечера для молодежи почти не проводятся. Даже новогоднего вечера не было. И чем они только там занимаются?

Стоишь так в субботний вечер возле этого Дома культуры в надежде попасть в кино, а тут тебя спрашивают: "Девушка, не хотите ли пойти с нами справить день рождения?" Нетрудно представить себе, что такое этот "день рождения". А людям, которые только начинают жизнь, все интересно. И вот вместо кино они попадают в "тепленькую компанию". С этого все и начинается: безразличие, пессимизм, недоверие к людям.

8. Раньше, когда я еще плохо знала жизнь, у меня была цель, я стремилась учиться. Окончила 10 классов, сейчас в институте. Но теперь все мои "чистенькие" мечты свелись к одному – к деньгам.

Деньги – это все. Роскошь и благополучие, любовь и счастье. Есть деньги – есть друзья и товарищи, есть все, что ты только захочешь. Вы осуждаете тех, кто не работает, кто ничего не делает, а ведь им можно только позавидовать, так как они пользуются жизнью – живем-то мы только один раз!

9. Как достигнуть своей цели, я еще не знаю, но, по крайней мере, можно догадаться, что почти каждая девушка думает о выгодной партии, которая приводит ее к деньгам. Конечно, не всем это удастся, ведь людей с деньгами не так много, как желающих... Сейчас мне важно успешно закончить институт.

11. Да, я считаю, что добьюсь. Моя уверенность основана на том, что я делаю всегда то, что хочу, а раз так, то добьюсь своего.

12. И. К., техник, 22 года (г. Степанаван, Армянская ССР)

1–2. Нет, не нравится мне мое успокоенное поколение. А ведь бороться есть с чем. Почему, например, многие из нас пьют? Привычка? Горе? Радость? Михаил Власов пил с горя. Но каковой оказалась первая рюмка Павлу Власову? Да, все эти "формулы" не подходят к нам, и зря некоторые ищут в них себе оправдание! Неужели нельзя быть похожими на старших? (Кстати, очень часто именно родители дают нам возможность испытать это удовольствие еще тогда, когда мы не знаем, что после этого нужно сделать: сморщиться или через слезы улыбнуться.) Неужели стремление чем-либо отличиться? Но кто может привести мне хоть один пример, когда водка чем-либо помогала человеку? А чем помешала – каждый! Не пора ли серьезно задуматься над тем, что нам уже подражают сегодняшние четырнадцатилетние? Так имеем ли мы право не остановить несмело тянущуюся к рюмке руку? Ведь завтра она уже не будет так дрожать, а ее хозяин скажет: "Ну что? На троих?"

Нет, мы должны целиться вровень с эпохой, в которую живем! Вровень со спутником!

13. Н. Т., военнослужащий, 20 лет, образование среднее, работает с 17 лет (г. Москва)

1–2. Нет, потому что можно сделать больше, учитывая наш социальный строй и воспитание.

3. Стремление к миру, к знаниям, к справедливости – эти черты проявляются в повседневном труде нашей молодежи, в ее активном участии в политической и общественной жизни страны. Примером могут служить народные дружины.

4–5. Стиляжничество. Я работал на стройке, в порту и на заводе. Много таких типов видел и среди рабочих.

8. Хочу оправдать высокое звание – Человек! Хочу быть коммунистом. Хочу жить, а не существовать.

9. Должен ежедневно повышать свой политический и общеобразовательный уровень.

11. Да. Я верю, что буду коммунистом. Живу этой верой, а верить – наполовину добиться.

14. З. Х., жен., шофер, 29 лет, образование среднее, работает с 12 лет (г. Ленинград)

1–2. Поколение в целом мне не нравится, а отдельные личности нравятся. Молодежь делает много разных дел, но около себя я мало встре-

чаю таких, кто был бы хорошим комсомольцем. В основном молодежь работает, не проявляя собственной инициативы.

3. Наиболее сильной чертой является смелость, решительность. Она проявляется во всех делах, даже в плохих. И хулиган смел, пока не попал на скамью подсудимых. А хорошие люди смелы в трудные минуты. Не боясь за свою жизнь, они помогают товарищу, попавшему в беду.

4-5. Отрицательной чертой я считаю стремление "отличиться", выглядеть внешне лучше других.

Это проявляется в желании блеснуть одеждой, частым посещением ресторанов, показать себя изысканным или модным. Внешность стараются сделать очень привлекательной, прибегая к косметике и разным украшениям, а скромность, простота отодвигаются на второй план. Эти молодые люди не умеют жить, не ценят молодости, не умеют проводить время. В основном торчат на танцах, а танцуют отвратительно, все танцы на один манер.

Некоторым молодым людям свойственно стремление к наживе. Они выбирают так работу, стремятся получить помощь от родителей (хотя просящему уже за 25 лет и он сам работает давным-давно), удачно устроить свою личную жизнь (с богатым свекром или тестем).

8. Есть ли лично у меня цель? Да, конечно, есть. Мечтаю заочно получить высшее образование в университете, стать филологом и работать с людьми. Получу образование, буду учить детей или взрослых правильно понимать нашу русскую литературу и русский язык. Хочу участвовать в самостоятельности какого-нибудь Дома культуры нашего города. А на первый случай организовать у себя на работе кружок самостоятельности.

9. Окончила 10 классов школы рабочей молодежи. Готовлюсь к экзаменам в ЛГУ.

11. Конечно да. Если не будет войны, то я всего добьюсь, что наметила в жизни. А войны не должно быть.

Раньше я работала в разные смены и жила неважно, но стала работать хорошо, и работа мне нравится. Учиться смогу. Тем более что государство дает отпуска для экзаменов и заботится о нашем обучении. Правительство старается оградить мир от войны и борется за мирное сосуществование. А мы сами тоже против войны, но если кто-нибудь из капиталистов развяжет такую войну, то я тоже пойду воевать. Умею стрелять, водить машину, и мои руки помогут показать агрессорам, что такое советские люди.

15. Т. П., жен., неработающая, 23 года (Приморский край)

1-2. Поколение мне не нравится тем, что не делает никаких особенных дел. Если и поднимало целину, то только потому, что жить-то надо, а там валюту платят...

8. *Главное для меня – выйти замуж за военного, чтобы жить обеспеченно, развлекаться, не работать – ведь от работы кони дохнут.*

16. Без подписи, студент (г. Москва)

1–2. *Поколение мне нравится, так как современная молодежь любит деньги, вино, женщин, свободу слова и действий.*

3. *Самые сильные его черты: эгоизм, эгоцентризм, жажда наживы и власти над плебеями. Ярче всего они проявляются на "Бродвее" (так называемой улице Горького), а также в фешенебельных ресторанах и будуарах девочек.*

4–5. *Отрицательная черта поколения – так называемая идейность. Она выражается, в частности, в том, что открыли настоящий поход против аристократов духа.*

8. *Жажду неограниченной власти над толпой плебеев, именуемых по недоразумению "рабочими" и "колхозниками", и наслаждения. Надо только не останавливаться ни перед чем в борьбе за деньги и власть.*

3. Количественные результаты исследования

Сохранившиеся в архивах материалы с количественными результатами опроса представляют собой:

а) рукописные таблицы с распределением ответов на 9 из 12 вопросов анкеты (№ 1–4, 6–9, 11) по массиву опрошенных в целом (6 стр.);

б) рукописные таблицы с распределением ответов на часть вопросов анкеты по некоторым группам опрошенных (5 стр.);

в) разрозненные данные о позициях отдельных групп по отдельным вопросам анкеты, встречающиеся в публикациях по теме опроса.

После содержательной реконструкции и компьютерной обработки этой информации все заключенные в ней данные удалось представить в двенадцати таблицах, первые восемь из которых фиксируют характеристики поколения, а последние четыре – характеристики самих респондентов, связанные с их жизненными целями.

В связи с утерей практически всей базовой информации, полученной в данном исследовании¹, в таблицах 2–4 и 11 приводятся распределения ответов лишь по массиву опрошенных в целом или (таблицы 2, 11) по

¹ Как свидетельствуют сохранившиеся отчеты о работе ИОМ "КП", результаты вторичной обработки информации измерялись в этом случае 1,5 км (!!) итоговых табулграмм, основные данные с которых были перенесены на 1400 матриц = базовых таблиц.

тем или иным значительным сегментам этого массива, без учета позиций различных социально-демографических групп; в таблицах 1, 5–10, 12, наряду со строкой "В целом", присутствуют также – с большей или меньшей полнотой – и те или иные группы опрошенных, чаще других – по роду занятий и типу поселения. Кроме того, в таблице 8 фигурируют три группы респондентов, выявленные в ходе самого опроса в зависимости от общей оценки молодежи, а именно те, кто своим поколением доволен (в сокращении "Нравится"), кто им недоволен ("Не нравится") и кто придерживается в отношении к своим сверстникам некоторой промежуточной позиции ("И да, и нет").

Таблица 1. Ответы на вопрос: "Что вы думаете о своем поколении, нравится ли оно вам, довольны ли вы его делами?" (в % к общему числу опрошенных, n = 17 446)

Группа	Нравится	И да, и нет	Не нравится	Итого
В целом	83,4	5,5	11,1	100,0
До 17	90,1	3,8	6,1	100,0
18-22	86,3	4,8	8,9	100,0
23-30	78,4	6,8	14,8	100,0
Рабоч	79,7	6,7	13,6	100,0
Инж-тех	66,7	8,3	25,0	100,0
Служ	82,9	5,4	11,7	100,0
Творч	73,7	13,7	12,6	100,0
Колхоз	89,3	1,8	8,9	100,0
Воен	92,1	3,3	4,6	100,0
Студ	78,7	7,6	13,7	100,0
Школ	89,6	4,4	6,0	100,0
Нераб	68,9	5,1	26,0	100,0
Н/средн	87,2	4,6	8,2	100,0
Средн	83,3	5,4	11,3	100,0
Вышш	73,0	8,6	18,4	100,0
Москва	71,4	9,4	19,2	100,0
Круп гор	78,3	6,5	15,2	100,0
Проч гор	84,8	5,2	10,0	100,0
Село	90,4	3,6	6,0	100,0

Таблица 2. Ответы на вопрос: "На чем основано ваше положительное суждение о поколении?" (в % к числу тех, кому поколение нравится; $m_1 = 14\ 555$)

1 – участие молодежи в новостройках семилетки и освоении целины	32,5
2 – повседневные трудовые успехи	26,0
3 – участие в освоении космоса	4,6
4 – высокие спортивные достижения	1,9
<hr/>	
5 – ссылки на прессу, литературу, кинематограф	3,2
6 – ссылки на общие представления о жизни и личный опыт	96,8

Таблица 3. Ответы на вопрос: "Какие черты советской молодежи являются наиболее сильными?" (в % к общему числу опрошенных, $n = 17\ 446$)

1 – патриотизм, любовь к Родине	32,0
2 – высокие моральные качества (воля, мужество, правдивость, чуткое отношение к людям и др.)	31,0
3 – преданность партии, идеям коммунизма	22,1
4 – стремление к знаниям	20,3
5 – сознательное отношение к труду, трудолюбие	19,8
6 – коллективизм	14,9
7 – жизненная активность, энтузиазм	12,0
8 – стремление к новому	6,2
9 – миролюбие, стремление к миру	6,0
10 – интернационализм, отсутствие национальной неприязни	3,1
11 – реализм	0,7

Таблица 4. Ответы на вопрос: "Какие отрицательные черты молодых людей наиболее распространены?" (в % к общему числу опрошенных, n = 17 446)

1 – увлечение спиртными напитками	23,4
2 – "подражание западной моде", стилизм	16,6
3 – невоспитанность чувств в этическом и эстетическом планах	14,7
4 – недостаток культуры в поведении	9,1
5 – пассивность, равнодушное отношение к жизни	8,5
6 – неуважительное отношение к труду	5,0
7 – иждивенчество, несамостоятельность	4,5
8 – мещанская ограниченность интересов	2,4
9 – стремление к обогащению, корыстолюбие	2,3
10 – неуважение к старшим	2,0
11 – нигилизм	1,1
12 – приверженность религии	0,9
13 – стремление "прожечь жизнь"	0,4
14 – национализм	0,2

Таблица 5. Число опрошенных, полагающих, что у советской молодежи нет широко распространенных отрицательных черт (в % к общему числу опрошенных, n = 17 446)

В целом	17,8
До 17	17,1
18–22	20,0
23–30	14,9
Рабоч	16,4
Служ	16,6
Школ	17,8

Таблица 6. Оценки опрошенными некоторыми черт советской молодежи в качестве наиболее сильных (в % к общему числу опрошенных, n = 17 446)

Группа	1	2	3	4	5	6	7
В целом	31,0	20,3	19,8	14,9	12,0	6,2	0,7
До 17	- ¹	-	-	16,7	-	-	0,5
18-22	-	-	-	14,5	-	-	0,6
23-30	-	-	-	14,8	-	-	0,8
Рабоч	32,6	20,6	19,7	-	11,3	6,5	0,9
Инж-тех	28,2	20,0	14,9	-	11,8	7,4	1,1
Служ	31,5	21,5	20,9	-	12,7	6,0	0,4
Творч	32,6	18,9	20,1	-	-	11,5	0,0
Колхоз	26,3	15,1	18,9	-	8,7	5,9	0,5
Воен	35,8	17,3	19,1	-	11,4	5,4	0,3
Студ	29,7	23,8	17,9	-	13,8	8,0	0,8
Школ	37,9	20,2	25,5	-	-	5,0	1,0
Нераб	31,8	6,7	14,2	-	-	4,2	2,5
Н/средн	-	-	-	12,8	-	-	0,8
Средн	-	-	-	15,4	-	-	0,6
Высш	-	-	-	16,4	-	-	0,9
Москва	28,5	24,7	-	-	-	5,9	-
Круп гор	28,8	22,7	-	-	-	5,8	-
Проч гор	31,7	19,2	-	-	-	6,2	-
Село	31,5	18,2	-	-	-	7,0	-

1 – высокие моральные качества

2 – стремление к знаниям

3 – сознательное отношение к труду, трудолюбие

4 – коллективизм

5 – жизненная активность, энтузиазм

6 – стремление к новому

7 – реализм

¹ Данные отсутствуют.

Таблица 7. Оценки опрошенными некоторыми отрицательных черт советской молодежи в качестве наиболее распространенных (в % к общему числу опрошенных, n = 17 446)

Группа	1	2	3	4
В целом	23,4	16,6	8,5	2,3
До 17	19,7	26,4	6,6	0,8
18–22	22,4	17,3	7,6	– ¹
23–30	25,6	13,6	10,2	–
Рабоч	26,0	15,0	8,0	2,7
Инж-тех	22,0	9,5	21,0	4,5
Служ	22,8	14,8	9,0	–
Творч	21,0	7,3	13,0	–
Колхоз	22,7	8,9	6,0	1,3
Воен	23,6	19,8	5,0	–
Студ	19,9	15,6	12,0	–
Школ	19,5	27,9	6,0	–
Нераб	21,0	11,7	12,0	–
Н/средн	24,7	18,7	5,1	–
Средн	22,8	16,6	8,9	–
Высш	23,5	9,5	16,2	–
Москва	19,9	13,4	13,0	–
Круп гор	19,9	17,3	10,7	–
Проч гор	24,0	17,3	7,7	–
Село	27,5	13,4	7,6	–

1 – увлечение спиртными напитками

2 – "подражание западной моде", стилистичность

3 – пассивность, равнодушное отношение к жизни

4 – стремление к обогащению

¹ Данные отсутствуют.

Таблица 8. Ответы на вопрос: "Что более свойственно вашим сверстникам: целеустремленность или отсутствие цели?" (в % к общему числу опрошенных, n = 17 446)

Группа	1	2	3	Итого
В целом	85,3	11,0	3,7	100,0
До 17	87,6	— ¹	—	100,0
18–22	87,4	—	—	100,0
23–30	82,3	—	—	100,0
Рабоч	82,6	12,0	5,4	100,0
Инж-тех	72,6	22,6	4,8	100,0
Служ	83,2	—	—	100,0
Творч	75,8	—	—	100,0
Колхоз	71,5	—	—	100,0
Воен	95,2	—	—	100,0
Студ	84,5	—	—	100,0
Школ	85,5	—	—	100,0
Нераб	93,3	—	—	100,0
Н/средн	88,4	11,3	0,3	100,0
Средн	85,4	9,6	5,0	100,0
Высш	75,4	20,3	4,3	100,0
Москва	78,3	15,9	5,8	100,0
Круп гор	80,8	—	—	100,0
Проч гор	86,6	—	—	100,0
Село	88,5	—	—	100,0
Нравится	92,6	—	—	100,0
И да, и нет	65,6	—	—	100,0
Не нравится	40,1	—	—	100,0

1 – целеустремленность

2 – отсутствие цели

3 – не дали определенного ответа и затруднились ответить

¹ Данные отсутствуют.

Таблица 9. Ответы на вопрос "Есть ли лично у вас цель в жизни?" (в % к общему числу опрошенных, n = 17 446)

Группа	Да	Нет	Затр отв	Итого
В целом	95,6	1,7	2,7	100,0
До 17	81,6	1,0	17,4	100,0
18-22	96,6	1,5	1,9	100,0
23-30	97,2	2,0	0,8	100,0

Таблица 10. Ответы на вопрос "В чем состоит цель вашей жизни?" (в % к числу тех, кто сказал, что имеет такую цель; $m_2 = 16\ 674$)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
В целом	33,5	33,2	15,6	5,9	4,2	2,6	2,3	1,3	0,8	0,7	0,1
До 17	41,6	52,8	18,3	10,7	0,6	2,5	0,5	1,6	21,1	1,2	0,1
18–22	33,2	33,2	14,2	5,8	2,5	2,1	1,7	1,5	0,7	0,6	0,2
23–30	32,4	28,8	16,7	5,2	7,1	3,2	3,2	0,8	0,6	0,7	0,1
Рабоч	32,4	31,9	16,0	5,5	4,7	2,4	3,2	1,1	0,7	0,8	0,2
Инж-тех	32,3	32,8	27,2	7,2	8,8	6,8	5,3	1,3	0,7	1,6	0,1
Служ	36,1	35,0	14,7	5,7	7,0	2,5	2,2	1,0	0,6	0,7	0,1
Творч	36,3	25,0	19,3	36,0	5,6	6,8	6,8	0,0	0,0	0,0	0,0
Колхоз	33,8	34,6	10,7	4,9	3,6	2,0	3,0	0,2	0,5	0,0	0,0
Воен	32,4	26,2	13,2	2,8	2,1	1,7	0,6	1,5	0,5	0,4	0,1
Студ	39,3	42,2	17,2	5,4	4,0	4,2	2,3	1,8	0,8	0,7	0,2
Школ	36,1	46,0	16,0	9,2	0,2	2,0	0,5	1,6	2,4	0,7	0,0
Нераб	36,0	20,0	15,0	10,0	3,0	1,0	7,0	0,0	1,0	1,0	3,0
Н/средн	32,9	33,0	14,4	7,0	3,2	1,5	1,7	1,1	1,0	0,4	0,2
Средн	34,1	33,2	15,3	5,4	4,0	2,6	2,3	1,3	0,7	0,7	0,1
Вышш	31,0	32,9	20,6	6,1	9,1	5,8	3,8	1,5	0,7	1,3	0,0

1 – служить народу, приносить пользу Родине

2 – стать первоклассным специалистом, в совершенстве овладеть профессией

3 – стать настоящим коммунистом, всесторонне развитым, высокоморальным человеком

4 – стать деятелем литературы и искусства

5 – создать хорошую семью, воспитать достойных детей

6 – совершить открытие, сделать что-либо выдающееся

7 – выгодно вступить в брак

8 – стать знаменитым спортсменом

9 – принять непосредственное участие в освоении космоса

10 – совершить дальнее путешествие

11 – иметь много денег, проводить жизнь в развлечениях и удовольствии

Таблица 11. Ответы на вопрос "Что вы должны сделать для достижения своей цели?" (в % к числу тех, кто сказал, что имеет цель; $m_2 = 16\ 674$)

1 – продолжать образование	63,4 ¹
2 – упорно, творчески трудиться	29,0
3 – совершенствовать свои личные качества	21,6
4 – копить деньги	0,4

Таблица 12. Ответы на вопрос "Считаете ли вы, что добьетесь своей цели?" (в % к числу тех, кто сказал, что имеет цель; $m_2 = 16\ 674$)

Группа	Да	Нет	Затр отв	Итого
В целом	81,9	2,6	15,5	100,0
Рабоч	78,4	3,2	18,4	100,0
Инж-тех	76,5	5,6	17,9	100,0
Служ	79,9	3,4	16,7	100,0
Творч	73,8	5,6	20,6	100,0
Колхоз	71,5	2,6	25,9	100,0
Воен	87,8	0,9	11,3	100,0
Студ	82,9	2,1	15,0	100,0
Школ	92,3	0,7	7,0	100,0
Нераб	62,0	13,0	25,0	100,0

¹ В различных группах опрошенных эта средняя цифра конкретизировалась следующим образом:

До 17	–	81,9
18–22	–	69,6
23–30	–	59,0
Рабоч	–	67,0
Инж-тех	–	45,0
Служ	–	63,0
Колхоз	–	51,0
Н/средн	–	67,0
Средн	–	69,0
Выш	–	41,0

4. Краткий комментарий к результатам исследования

Как уже отмечалось в самом начале главы, полученная в настоящем опросе информация характеризуется рядом существенных особенностей, учет которых строго необходим для ее адекватной оценки и интерпретации.

Прежде всего, в качестве объекта исследования здесь выступало не все население страны (как это было в первых двух случаях), а лишь его *часть*, ограниченная возрастом в 15–30 лет и именуемая "молодежью".

Далее, в соответствии с избранным методом опроса названный объект был охвачен в исследовании также не во всем его объеме, а лишь в определенной (или, точнее, как раз *неопределенной!*) его части, относившейся, во-первых, к кругу читателей "Комсомольской правды" и, во-вторых, к разряду наиболее активных, идеологически ангажированных ее читателей – людей, которые независимо от своих взглядов решили взяться за перо, чтобы изложить их. Это значит, что все характеристики массового сознания, о которых пойдет далее речь, по крайней мере в их зафиксированных количественных параметрах, не могут приписываться всей вселенной "Молодежь", а должны относиться лишь к ряду ее более или менее широких сегментов, совпадающих с, так сказать, *авангардными отрядами* различных групп молодых людей¹.

Наконец, в соответствии с задачами исследования в настоящем опросе (как и в предыдущем) выяснялись, с одной стороны, собственно мнения респондентов по обсуждаемому предмету (вопросы 1–6, таблицы 1–8), а с другой – самооценки, касающиеся их персональной, частной жизни (вопросы 7–12, таблицы 9–12). Это значит, что мы тут снова имеем дело с двумя типами высказываний – *суждениями-мнениями и суждениями-"фотографиями"*, – которые предполагают различные способы их анализа и интерпретации.

При взгляде на **общую структуру** сознания масс, с точки зрения критериев **монизма/плюрализма**, в сфере суждений-мнений в глаза бросается прежде всего факт **явной нестабильности** этой структуры. При вынесении сколько-нибудь общих оценок своему поколению (вопросы 1,

¹ Понятие "авангардные отряды" употребляется здесь во множественном числе, поскольку в опросе приняли участие представители не одного, а многих типов молодых людей, занимающих различные, в том числе исключаящие друг друга идеологические позиции. Это значит, что слово "авангард" используется здесь не в смысле "передовой", "прогрессивный", а в смысле "передний" ("впереди идущий"), "лидирующий в своей группе".

4 <первая половина вопроса> и 6) все без исключения социально-демографические группы респондентов неизменно демонстрировали **весьма высокое единодушие**: в первом случае (таблица 1) общую позицию заняли от 66,7 до 92,1% представителей разных групп, во втором (что косвенно отражено таблицей 5) – не менее 4/5 их состава, в третьем (таблица 8) – от 71,5 до 95,2%. Совершенно иная, однако, картина, а именно **ярко выраженного плюрализма**, возникала в ответах на открытые 2-й, 3-й, 4-й <вторая половина> и 5-й вопросы анкеты, где речь шла о конкретных оценках деятельности молодого поколения, в частности о вынесении коллективных вердиктов по поводу его тех или иных (главных) положительных и отрицательных черт. В первом из этих случаев, отраженном в таблице 2, при минимуме высказанных мнений (всего 4 позиции) максимальное единодушие было продемонстрировано тем не менее всего лишь третью опрошенных; во втором случае (таблица 3) мнения респондентов разбились уже на 11 позиций при том же размере максимального единодушия респондентов; в третьем же (таблица 4) – число позиций было еще большим (равнялось аж 14), а максимальное согласие было достигнуто лишь четвертью опрошенных.

В принципе аналогичное положение вещей обнаруживается и в сфере суждений-"фотографий": тот же ярко выраженный монизм в ответах на общие – 7-й и 11-й – вопросы анкеты (таблицы 9, 12) и сходный, более или менее значительный, разброс представлений во всех случаях конкретизации обсуждаемых проблем (вопросы 8–10, 12, таблицы 10, 11). Вместе с тем, сдается, эта аналогия все же не абсолютна – и в части названного монизма, коль скоро средняя цифра 95,6% не имеет конкурентов среди всех остальных полученных в опросе данных, и в части указанного разброса представлений, даже в свете внушительного многообразия сформулированных респондентами жизненных целей. По многим признакам судя, можно думать, что на уровне самооценок массы демонстрируют в общем и целом гораздо меньший плюрализм позиций, нежели в случае их мнений о "внешнем мире". И если это так, то данный факт может рассматриваться в качестве важного свидетельства высокой унифицированности индивидуальных сознаний членов общества, которая, однако, как мы увидим далее, отнюдь не исключает существенной содержательной гетерогенности сознания масс.

Какого рода характеристики опрошенных выступали в качестве ведущих *факторов дифференциации* их суждений о своем поколении? Общее представление об этом можно получить из следующей таблички, обобщающей данные таблиц 1 и 6–8:

Коэффициенты дифференциации, характеризующие разные типы социально-демографических групп в случае их ответов на основные вопросы первой части анкеты

Тип групп	1/1	1/2	1/3	3/1	3/2	4/1	4/2	6/1
Возраст	1,15	1,79	2,43	— ¹	—	1,30	1,94	1,06
Род занят	1,38	7,61	5,65	1,44	3,55	1,33	3,82	1,33
Образов	1,19	1,87	2,24	—	—	1,08	1,97	1,13
Тип посел	1,27	2,61	3,20	1,11	1,36	1,38	1,29	1,13

1/1 – Вопрос 1, ответ "Да, нравится"

1/2 – Вопрос 1, ответ "И да, и нет"

1/3 – Вопрос 1, ответ "Нет, не нравится"

3/1 – Вопрос 3, ответ 1 – "Высокие моральные качества"

3/2 – Вопрос 3, ответ 2 – "Стремление к знаниям"

4/1 – Вопрос 4, ответ 1 – "Увлечение спиртными напитками"

4/2 – Вопрос 4, ответ 2 – "Подражание западной моде, стилиничество"

6/1 – Вопрос 6, ответ 1 – "Целеустремленность"

Как видим, минимальной дифференцирующей силой в отношении обсуждаемых сюжетов здесь в общем и целом обладают признаки "образование" и "возраст", чуть выше эта сила у признака "тип поселения" и принципиально выше у признака "род занятий", который характеризуется максимальным коэффициентом дифференциации в семи случаях из восьми.

Следующий важный результат рассматриваемого исследования – **весьма высокий позитивный эмоционально-психологический тонус** абсолютного большинства опрошенных. Он со всей очевидностью проявляется уже в ответах на 1-й вопрос анкеты, который разбил весь массив респондентов на три существенно различающихся по своему объему класса: 1) поклонников своего поколения, 2) его умеренных оппонентов (заявивших в оценке молодежи "золотую середину") и 3) его решительных критиков. Дело в том, что вопрос "Нравится ли вам ваше поколение, довольны ли вы его делами?" сплошь и рядом воспринимался респондентами как "Нравится ли вам ваша собственная жизнь, довольны ли вы ею?". В результате позитивная оценка своих сверстников едва ли не стопроцентно коррелировала с удовлетворенностью людьми своим личным бытием. В действительности же число довольных своей жизнью в опросе было еще большим, коль скоро отличное самочувствие имели и многие

¹ Данные отсутствуют.

умеренные и решительные критики советской молодежи (ср. анкеты 9, 12, 13 в параграфе 2).

Как свидетельствует таблица 1, наименьший восторг по поводу своего поколения проявили инженеры и техники, а также не работающие. Повышенная критичность последних легко объяснялась сложным составом этой группы, так как к ней были отнесены не только временно не работающие (в частности, молодые матери), но и те, кто на вопрос о роде деятельности отвечал "Безделье", "Ищу мужа", "На иждивении папы и мамы", а на вопрос "С какого времени начали трудиться?" – "Не привыкаю" (ср. текст 14 в параграфе 2). Что же касается инженеров и техников, то их повышенная требовательность была связана, скорее всего, с фактором образования. Не случайно ведь во втором эшелоне сдержанных поклонников поколения оказались студенты и представители творческой интеллигенции, как и вообще лица с высшим образованием.

Напротив, наибольшие восторги в адрес молодого поколения извлекли военнотружущие, колхозники (жители села) и школьники (люди в возрасте до 17 лет). Последние это делали явно "по молодости", в том числе из-за меньшего, чем у других, житейского опыта, умения критически судить о жизни и т. д. Повышенный же энтузиазм солдат и колхозников имел иные основания. В какой-то степени его также можно было объяснить тем, что уровень образования этих групп был ниже, чем у всех остальных. Главным же тут, скорее всего, было другое – относительная замкнутость "среды обитания" этих групп и, стало быть, ограниченность их социального коммуникативного опыта. В условиях войсковой части, однообразия и строгости армейского режима, или крайней узости личных контактов, характерной для жизни села, многие отрицательные типы молодежного поведения встречались заведомо реже, чем в иных социальных средах. Во всяком случае, именно к этой мысли подводит тот факт, что отмечаемые восторги респондентов последовательно снижаются по мере перехода от деревни к городу и от города небольшого к городу крупному.

Зафиксированный в ответах на 1-й вопрос высокий психологический тонус участников опроса по ходу разговора получил свое дальнейшее развитие. Как можно видеть из текстов, представленных в параграфе 2, не меньшая патетика постоянно присутствует и в ответах на вопросы 3, 4, и в ответах на вопросы 8, 9, 11. При этом последний блок вопросов, с рассматриваемой точки зрения, кажется особенно значимым, поскольку речь здесь идет о суждениях-"фотографиях", касающихся личной, персональной судьбы респондентов, их представлений о своем будущем и способах его достижения.

К огромному сожалению, большая часть информации, относящейся к этому блоку, не сохранилась. В частности, неизвестно, как распределились ответы на ключевые 7-й и 11-й вопросы анкеты в различных социально-демографических группах, кроме тех, что представлены в таблицах 9 и 12. Однако главное, к счастью, все же известно – и то, что практически все респонденты (95,6%) имели, по их словам, цель в жизни, и то, что четыре пятых (81,9%) из этих людей были уверены в том, что они своих целей добьются.

В этой связи в составе опрошенных наряду с зафиксированными выше тремя группами сознания (поклонников, умеренных оппонентов и решительных критиков поколения) явно различимы три иные группы: 1) оптимистов, 2) неуверенных в себе и 3) пессимистов. Имея в виду данный аспект исследования, уже упоминавшийся обозреватель "Observer" Эдвард Крэнкшоу после опубликования анкеты в газете высказал предположение, что последние вопросы явятся основой для "связного рассказа молодых людей о крушении их надежд". Однако, как видно из таблицы 12, этого не произошло. **Подавляющее большинство** респондентов, принявших участие в опросе, напротив, продемонстрировало **весьма высокий оптимизм** в отношении своего будущего, при этом не только на уровне массива в целом, но и на уровне всех без исключения групп по роду занятий.

На чем основывается этот единодушный оптимизм участников опроса? Как показывают сохранившиеся фрагменты ответов на последний, 12-й вопрос анкеты, в них доминируют два обстоятельства: во-первых, вера молодых людей в самих себя, в свои собственные силы и возможности и, во-вторых, их убежденность в том, что главным гарантом успеха молодежи является социалистическое общество и политика партии.

Вот как выглядят типичные суждения на этот счет:

Мечтаю сделать что-то, что могло бы облегчить жизнь людям, заслужить их благодарность (очно или заочно – безразлично)... Верю, что добьюсь [этого], ибо моя цель – вся моя жизнь. В жизни вообще нет слова "не могу", есть "хочу" и "не хочу"... (без подписи, инженер, 24 года, г. Москва);

Некоторые считают, что все зависит от судьбы. Я считаю, что в нашей стране, где все свободны и равны, где молодежи открыты все дороги, можно осуществить любую мечту (Ф. С., служащая, 23 года, г. Житомир);

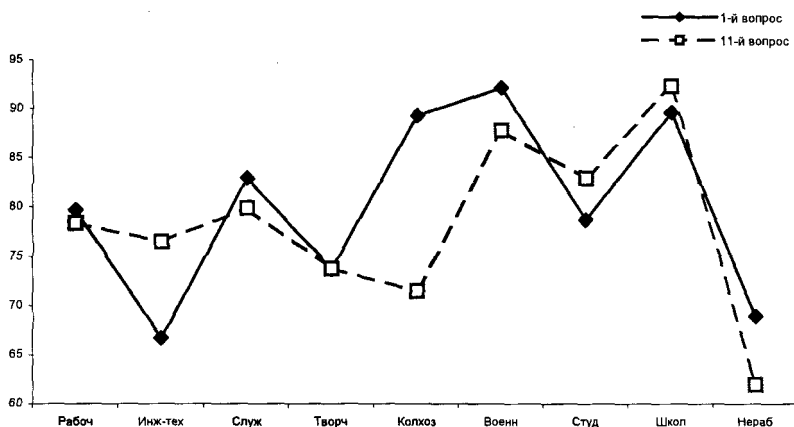
Гарантия достижения моей цели – права советского человека на труд, учебу, отдых, те возможности, которые так щедро предоставили нам партия и правительство (Г. Ф., рабочий-студент, 25 лет, г. Ленинград);

Советская действительность дает нам такие рычаги в достижении цели, о которых Архимед и не мечтал (без подписи, электрослесарь, г. Луганск);

Я хочу стать врачом. Я это твердо решила – помогать людям, чтобы они как можно меньше страдали и как можно больше жили. И я добьюсь своего! В нашей стране проявляется исключительная забота о подрастающем поколении, нам доступны все профессии. Надо лишь иметь цель и твердо ее добиваться. Конечно, не всего сразу добьешься. Пусть я не поступлю в институт в этом году, поступлю в следующем... Мой девиз: "Идешь – не падай, упал – встань, расшибся – не хнычь! Все – вперед, все – вдаль!" (С. П-ая, ученица 10 класса, г. Могилев).

Сопоставляя этот бьющий через край оптимизм с исходной позитивной оценкой молодого поколения, можно обнаружить высокую корреляцию этих двух позиций. Она представлена на графике 1 и лишний раз обнаруживает, что **основная масса** представителей авангардных отрядов советской молодежи, участвовавших в исследовании, **вполне удовлетворена своей жизнью.**

График 1. Распределение позитивных ответов на 1-й и 11-й вопросы анкеты в группах по роду занятий (в % к объему групп; $n = 17\ 446$, $m_2 = 16\ 674$)

Вместе с тем, как мы знаем, в опросе приняли участие не только восторженные оптимисты, но и люди, относящиеся к иным группам сознания — те, кто в ответах на 1-й вопрос анкеты составил корпус умеренных и решительных критиков поколения; в ответах на 6-й вопрос не поддержал тезис о целеустремленности своих сверстников; в ответах на 7-й вопрос сознался в отсутствии целей в собственной жизни; наконец, в ответах на 11-й вопрос выразил неуверенность в исполнении своих жизненных замыслов и планов (см. соответственно таблицы 1, 8, 9 и 12). В разных случаях количество этих "инакомыслящих" было разным: в первом — не много не мало 16,6% от общего массива опрошенных, во втором — 14,7%, в третьем — 4,4%, в четвертом — 18,1%. Не полностью совпадали и социально-демографические составы этих групп: в первом случае особенно выделялись инженеры и техники (33,3% от их числа), неработающие (31,1%) и москвичи (28,6%); во втором — колхозники (28,5%), снова инженеры (27,4%) и люди с высшим образованием (24,6%); в третьем — люди в возрасте до 17 лет (18,4%); в четвертом — снова колхозники (28,5%), неработающие (28,0%) и представители творческой интеллигенции (26,2%).

Ясное дело (и об этом уже говорилось в начале главы), количественная представительность в опросе всех этих групп, отклоняющихся от абсолютного большинства, заведомо не соответствовала их фактическим, объективным пропорциям в составе вселенной "Советская молодежь": по многим признакам судя, критики поколения и недовольные собственной жизнью, вне всякого сомнения, гораздо реже включались в исследование, нежели их бодро настроенные и счастливые сверстники. Однако по своим абсолютным объемам все эти девиантные группы оказались представленными в опросе более чем внушительно¹. И это дает все основания полагать, что в качественном отношении, т. е. по своему составу, картина выявленных групп мнений и положений оказалась достаточно полной.

Совместный, так сказать, стереоскопический, анализ позиций, выделенных по двум рассмотренным осям: 1) "поклонники поколения — его умеренные оппоненты — его решительные критики" и 2) "оптимисты — не уверенные в себе — пессимисты" — подводит нас к еще одной характеристике массового сознания, отчетливо проявившейся в опросе, — **отношению масс к своей жизни в целом, т. е. в конечном счете к обществу, в котором они живут.** И в этом пункте анализа, по мнению автора, в исследовании получен бесспорно самый важный его результат: зафиксирован

¹ В 1-м вопросе таких было 2896 человек, в 6-м — 2564 человека, в 11-м — 3018 человек.

факт идеологического плюрализма в среде советской молодежи того времени. Подчеркнем: не различия *мнений* людей по поводу тех или иных конкретных сюжетов (о чем шла речь в двух первых исследованиях и в начале настоящего параграфа), не различия их *объективных положений*, приводящих к разному самочувствию, разным психологическим состояниям (о чем говорилось в предыдущей главе и двумя страницами выше), а именно **глубоких разрывов в отношении к базовым принципам**, лежащим в основании общества, к прокламируемым обществом идеалам и целям развития.

Если угодно, в этом исследовании, наряду с отрядами молодых людей, выступавших опорой партии и государства, удалось зафиксировать и первых (скрытых и явных, осознающих и не осознающих себя в подобном качестве) диссидентов, инакомыслящих без всяких кавычек. И этот факт наносил уже прямой удар по пресловутому морально-политическому единству народа.

На самом высоком уровне генерализации в массиве опрошенных отчетливо различались три класса субъектов: разного рода активные адепты существующего в стране строя; пассивные конформисты, вполне лояльные по отношению к этому строю, но замкнутые на своих частных интересах, живущие в своей скорлупе, без какой-либо ажитации по поводу любых "высоких материй"; и, наконец, разного рода *нонконформисты*, несогласные с наличным социально-политическим бытием и выступающие с его той или иной критикой. При более детальном подходе эти классы дробятся, и речь может идти уже о десятке-полтора существенно не совпадающих, а то и исключających друг друга типов сознания. Однако наиболее выпуклыми и принципиальными среди них были, пожалуй, следующие семь:

1. Активные продолжатели революции, начатой отцами и дедами, перенявшие не только пафос первопроходцев, но и их лексику. Большинство из них в восторге от самих себя и своего поколения и если и критикуют сверстников, то только за то, что они *"могут и должны делать больше, чем делают"*. Их главная жизненная цель – строительство коммунизма, не меньше¹.

Революция продолжается, – говорит от имени этой части молодежи Н. А-ов, 28-летний бетонщик из г. Сталинграда. – *В труде, в быту –*

¹ Имея в виду этих присягающих коммунизму молодых людей, следует отметить, что опрос проходил до XXII съезда КПСС, на котором была принята 3-я Программа партии с ее знаменитым заверением: "Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!"

езде идет великая ломка характеров, когда в людях — в миллионных массах отмечается (уже навсегда!) все ложное, старое и утверждается прекрасное.

Каждому времени соответствуют свои люди. Нашему времени соответствуют герои. Они есть. Они рядом. Наш труд будничен. Он может показаться даже незначительным: ведь то, что мы делаем, так просто, так понятно. Но от этого он не становится менее величественным и бесценным. И нам всем надо понимать это уже сейчас. Ибо нельзя сделать великого, не сознавая его величия. Как часто мне хочется крикнуть: "Люди! Домна, построенная вами, — подвиг! Земля, вспаханная вами, — подвиг! Дом, воздвигнутый вами, — подвиг! Любите же созданное вами! Это поможет вам в минуты сомнения, научит быть более целеустремленными!" Не подумайте только, что я — Дон-Кихот. Я обыкновенный рабочий...

В детстве хотел быть художником, в юности — поэтом, теперь — полезным своей Родине. Моя жизнь, вся как есть, до последней секунды отмеренного мне срока, отдана людям... Мне бывает трудно, особенно когда видишь людей, строящих счастье на кошельке. Порой думаю: почему я, не меньше других желающий пользоваться благами жизни, иду простым рабочим? И отвечаю себе: потому что я измеряю свою жизнь не мелкими удовольствиями, а радостью от принесенной мною пользы. Родине нужны бетонщики — иду бетонщиком, нужны землекопы — иду землекопом. И я это делаю не для рекламы, не для того, чтобы говорили: смотрите, какой хороший! Нет! Просто я не могу иначе. Только так живу, надеюсь, радуюсь. Только так умею находить счастье.

Скажут, мне не хватит жизни. Скажут, годы обломают меня. Нет, желания моего быть таким не убьют ни годы, ни неудачи, ни крики обывателей. Поручкой этому — святость коммунистических идей, гражданская принципиальность, совесть рабочего¹.

2. Романтики, видящие смысл жизни в служении народу, людям. Они также связывают свою судьбу со строительством коммунизма, но принимают его идеалы более заземленно, без революционного пафоса первых. Полагая свое поколение "самым счастливым во все времена", они "влюблены в него" и огорчены лишь тем, что среди их сверстников "еще встречаются люди, которым недостает настоящей увлеченности, активности"². Главное для них — конкретная работа, приносящая пользу и счастье окружающим, народу. Если они строители, их основная забота "больше, быстрее и дешевле построить красивых, удобных домов, в которых так нуждаются люди"; если земледельцы, то хотят "превратить

¹ См. также тексты 3, 5, 12 в параграфе 2.

² Из анкеты Э. Р-ой, журналистки (г. Минск).

свое село в сад, чтобы зеленели виноградники, чтобы стали красивыми наши усадьбы и сельские улицы¹.

Я хочу своим скромным трудом послужить делу создания коммунистического общества, – говорит 24-летняя хирургическая медсестра из г. Свердловска. – Все время спрашиваю себя: как это сделать? Работать честно и добросовестно? Да. Но это еще не все. В работу нужно вложить душу. Я нахожусь повседневно счастливее в своей маленькой, скромной профессии; ведь я работаю с людьми, а это для меня большая честь. Цели добьюсь, этому способствует окружающая обстановка...

Вся моя жизнь, – продолжает 22-летняя Наталья, корректор из подмосковных Люберец, – это постоянное стремление к одной цели – быть хорошим человеком. Я хочу, чтобы оттого, что я живу, стало теплее, светлее и лучше как можно большему числу людей. Мне хочется быть, если можно так выразиться, маленьким солнышком для людей. Я много читала, занималась музыкой. И все, что я узнавала нового в литературе, искусстве, научных произведениях, старалась передать окружающим. Я старалась зажечь своими рассказами любовь к прекрасному, стремление к высоким идеалам, поступкам, к честности, благородству. Но я не только училась, я работала, надеясь своей работой, так же как и своими "передаваниями", принести хоть маленькую пользу людям.

В том же духе высказывается и А. Р-к, 25-летний студент из Луганской области: Начал трудиться с 16 лет. После армии работал на шахте. Был терриконищиком, молотобойцем, электрослесарем, электросварщиком. Старался во всем участвовать, учился. Окончил 10 классов вечерней школы с серебряной медалью. Потом комсомольцы избрали меня секретарем комсомольской организации. Работал в горкоме комсомола. Сейчас – в институте. Недавно пострадал при защите человека от хулиганов. Моя цель в жизни – сделать людям как можно больше хорошего, чтобы, прожив жизнь, можно было с гордостью сказать, что жил не для себя, а для людей, для их счастья. Если я достигну этого, если потом обо мне скажут, что я прожил настоящую жизнь, я буду счастлив. Более узкой цели не имею. Добьюсь ли я ее? Да! Я только в эту цель и верю, только ею и живу. Иначе мне жизнь не нужна².

3. Творцы, ориентированные на высокий профессионализм.
Они полностью лояльны по отношению к существующему в стране строю, явно разделяют его идеологию и систему ценностей, при случае

¹ Из анкет 27-летнего арматурщика с 7-летним образованием (г. Горький) и 20-летней колхозницы, окончившей 10-летку и оставшейся работать в деревне (село Казатин, Винницкая обл.).

² См. также тексты 1, 4 в параграфе 2.

могут даже упомянуть и о своем участии в строительстве коммунизма, и о своем желании стать членом КПСС, однако в принципе стараются избегать разговоров на подобные "высокие темы", рассматривая их как некоторое неизбежное ритуальное действо. Главное для них – любимое дело, творческий труд, "овладение тайнами мира", приобретение специальности, постоянное совершенствование своего мастерства и, как результат, конкретные успехи в избранной сфере деятельности. К своему поколению они относятся, как правило, реалистично – без особо высоких похвал, но и без преувеличенного негативизма.

Общее представление об этом типе сознания дают высказывания:

Моя большая мечта – стать инженером-конструктором автомобильных дизельных двигателей. Я уже окончил Азербайджанский политехнический институт. Но чтобы стать конструктором, этого мало, нужно в совершенстве изучить все, что было задумано и осуществлено до тебя. Именно с этой целью я приехал в Норильск, где очень богатая база дизельных моторов. Год по собственной инициативе работал мотористом и слесарем по ремонту топливной аппаратуры. Хотел еще года два поработать шофером на разных марках машин. Но, к сожалению, из-за неблагоприятного положения с руководящими кадрами вынужден был стать начальником ОТК авторемонтного цеха. На практической работе уже почерпнул необходимые знания. Но года через два сяду за руль самосвала и продолжу осуществление своего плана. Потом, лет через пять, – аспирантура и, наконец, моторный завод (23-летний инженер-механик, г. Норильск);

Моя цель – добиться, чтобы совхоз, где я работаю, стал рентабельным хозяйством, чтобы люди жили в благоустроенных квартирах, чтобы у них был культурный отдых в новых клубах. Считаю своим долгом улучшать организацию труда, настойчиво внедрять крупноблочное строительство. Пока сделал очень мало, но сейчас работаю над производством строительных материалов из местного сырья. Ожидаю больших результатов (23-летний прораб, Кемеровская обл.);

Жизнь идет вперед. Мы живем в эпоху межпланетных путешествий и великих открытий. Это время, когда нужно очень много знать. Очевидно, молодежь поняла это. Во всяком случае, самой сильной чертой нашей молодежи является тяга к знаниям. Меня всегда привлекал процесс творчества. Три года инженерной практики привели меня к мысли о научной работе. Пока я еще не вышла к переднему краю "целины науки", но мечтаю быть среди тех, кто пашет эту целину. Научному работнику нужно быть довольно разносторонним человеком, знать смежные науки. Поэтому после окончания института я занималась ав-

томатикой, читала английскую литературу по специальности (Г. Ц-ва, инженер-химик, г. Москва)¹.

4. Скорные трудяги-средняки, которые хотят "просто жить", "жить как все" и живут по принципу "День прошел – и слава богу!". Составлявшие тогда, по-видимому, большую часть вселенной "советская молодежь" (если не советского общества в целом), они явно гораздо менее охотно, чем многие другие, включались в опрос ИОМ "КП" и в своих ответах на анкету были, как правило, подчеркнута немногословны. Скорее всего, в силу своей общей социальной и политической неактивности, житейской привычки "не высовываться".

Целиком принимающие социалистические идеалы и ценности, они вместе с тем совершенно не склонны к пафосу господствующей идеологии на этот счет и либо вовсе не рефлектируют по поводу своих взаимоотношений с обществом, либо ощущают себя "маленькими винтиками" большой государственной машины, людьми, которым "дадено немного", чья "хата с краю", и т. д.

В оценках советской молодежи они чаще всего придерживаются безопасной "золотой середины". *"Попробуйте сказать "нет" первому спутнику, Братской ГЭС, целинным землям! – говорит от их имени московский студент В. В. – Если бы я был историком 20-го столетия, то на этом "да", может быть, и поставил бы точку. Но я не историк и не хочу отображать жизнь в целом. Ведь ложь, зависть, недобросовестность, несправедливость, бюрократизм свойственны многим моим сверстникам. Возьмите хотя бы тех, о ком сообщает печать... Может быть, я ошибаюсь, мне всего 21 год, но я не могу не видеть, что рядом с прекрасным еще живет безобразное"*².

Их жизненные цели очень скромны: *"работать, как все"; "жить не хуже других, иметь хорошую семью"; "честно работать, добросовестно выполнять свои обязанности"; "добиться так называемого "мещанского счастья" – свой домик с ванной и холодильником, красивая молодая жена, как можно меньше детей и, конечно, приличная зарплата"*³. Идущие в авангарде "строителей коммунизма" первые два типа молодежи – "революционеры" и "романтики" – называют их не иначе как обывателями, мещанами⁴ и упрекают в равнодушном, пассивном отношении к

¹ См. также тексты 7, 9 в параграфе 2.

² См. также текст 6 в параграфе 2.

³ Из анкет 19-летнего бурильщика (г. Курган-Тюбе, Таджикистан), 23-летнего бухгалтера А. Б-ой (адрес не указан), 29-летней незамужней библиотечарши Н. Т. (г. Таганрог) и грузчика на фабрике И. И. (г. Семипалатинск).

⁴ См. тексты 4, 5, 9 в параграфе 2.

жизни, в убогости, ограниченности интересов: мол, *"они тащат в квартиру мягкий диван, их цель – уют в доме, в то время как другие ищут в промерзших таежных хребтах алмазы, их цель – уют в целом мире"*¹.

5. Недовольные собственной жизнью и разочарованные в сверстниках. У этих молодых людей в их основной массе жизнь по тем или иным причинам не заладилась. То ли потому, что не сумели найти интересного для себя дела, то ли потому, что не преуспели в реализации своих жизненных планов, то ли потому, что, столкнувшись со злом, фальшью, несправедливостью, оценили их не в качестве "исключения из правила" (на чем настаивала бы официальная идеология), а в качестве "самого правила". Как бы там ни было, но на материале собственной биографии или биографий близких, знакомых им людей они обрели повышенно критический взгляд на окружающую действительность и вышли из-под влияния (читай: социального контроля) со стороны ВЛКСМ – Коммунистического союза молодежи.

В своей критике сущего они вовсе не замахиваются на социалистическое общество как таковое, не перечеркивают полностью прокламируемых и насаждаемых этим обществом моделей сознания и поведения, но с большей или меньшей решимостью ставят под сомнение некоторые из этих моделей, утверждая, что они существуют лишь на словах, не реализуются в жизни. Поэтому они не хотят *"качать трудовой энтузиазм"*, участвовать в *"фальшивой комсомольской работе, погрязшей в формализме и сплошной показухе"*². По их мнению, главная пружина, которая движет людьми, это – отнюдь не верность коммунистическим идеалам и не забота о Родине или благе народа, а забота о самих себе, стремление заработать как можно больше, чтобы обеспечить *"богатую, счастливую жизнь"*. Именно к этим целям и стремится большинство из них самих, хотя многие – в порыве своего разочарования – вообще махнули рукой на любые жизненные планы и горестно признают: *"Что впереди? – Туман"*³.

Блистательным образчиком подобного сознания молодежи того времени являются рассуждения 19-летней москвички, представленные в параграфе 2 (текст 10). Его иные иллюстрации содержатся в таких ответах:

Молодые люди плохо относятся друг к другу, к женщине, заботятся только о себе и своем благополучии... Кончая институт, я думала о том, как благородно учить детей, передавать им свои знания, но в жизни оказалось столько несправедливостей. Я дважды пыталась через

¹ Из анкеты Н. Ч-ва, токаря, студента университета (г. Ростов-на-Дону).

² Из анкеты Г. Д-ой, 25-летней машинистки (г. Казань).

³ Из анкеты 10-классника В. П-ва (г. Ленинград).

народный суд доказать свою правоту, когда меня, беременную, увольняли с работы, и каждый раз руководство не выполняло решений суда (А. Д., учительница, г. Харьков);

После школы мы пошли на завод и видим: жизнь очень однообразна и скучна. Вы скажете: "Если эта работа вас не устраивает и вы хотите большего, поступайте в вуз, учитесь, добивайтесь своего". Но для того, чтобы работать и учиться, нужно очень много времени. А результат? Пройдет вся юность, лучшая часть жизни. Нет уж, спасибо... (два приятеля, г. Москва);

Моя цель – меньше работать и иметь как можно больше денег, чтобы жить в свое удовольствие. Спросите у любого рабочего, и он ответит вам, что деньги – основной движущий фактор. На деньги все покупается и продается. Спросите любого: "Зачем ты работаешь? Ты находишь радость в труде?" Он засмеется или скажет пару крепких слов и ответит: "Я работаю из-за денег!"

Разве кто-нибудь откажется от денег? Нет. Была одна – В. Гаганова, которая перешла в отстающую бригаду и "потеряла в деньгах", да и то она больше выиграла, чем потеряла. Думаете, в самом деле кому-то охота вставать в шесть утра, идти на работу и вкалывать там в "поте лица" семь или восемь часов? Разве любому рабочему или инженеру не хочется вместо этого пойти в ресторан, поехать на курорт, занять собственную дачу, автомобиль? Конечно, это хочется каждому, но не у каждого есть деньги. Кто их имеет, тот и счастлив (Г. З., рабочий, г. Ленинград).

6. Нигилисты и "прожигатели жизни". По многим произносимым ими словам эти молодые люди похожи на предыдущих. Однако в принципе они существенно отличаются от них. Прежде всего тем, что активно выступают против коммунистических идеалов и практик, причем делают это совершенно безбоязненно, с вполне открытым забралом – огульно по содержанию и предельно резко по форме; при этом в поле их критики неизменно оказываются не только "революционеры" и "романтики", но и "трудяги", которых они презрительно называют "плебеями". Далее, их главная цель – не просто "большие деньги", но так называемый западный стиль жизни, который, согласно их пониманию, сводится к получению одних удовольствий – "сладкому времяпрепровождению", вовсе исключающему сколько-нибудь серьезный труд или базирующемуся на карьере, ведущей к власти. Наконец, они вовсе не разочарованы, а, напротив, очень даже довольны собой и своей жизнью, хотя ощущают себя в явном меньшинстве и понимают все сложности, препятствующие реализации их программ.

Вот несколько образчиков такого рода суждений:

Я знаю, мой ответ будет белой вороной среди остальных. Но все равно скажу: поколение не нравится тем, что у него нет интересных дел, нет и не может быть. Мне ответят: а целина, а новые города и заводы? Это пусть маленьким рассказывают. Меня лично тоже вызывали, предлагали, но я их так распекала, что они потом три дня поминки справляли... Моя цель: удачно выйти замуж, одеваться по моде, уметь модно танцевать (Н. З-ва, студентка, г. Жуковский);

Найти состоятельного жениха и выйти замуж. Не думать о чувствах, забыть о любви, а думать только о материальном благе. Я красива, в меня влюбляются многие. И среди них есть один, которого я предпочту: ему 30, у него деньги, машина (без подписи, служащая на фабрике-кухне, 19 лет, г. Хмельницкий);

Строить карьеру, жить в свое удовольствие, оформить брак с дочерью крупного работника, чтобы получить "Волгу" и возможность дальнейшего продвижения по службе (без подписи, инженер-строитель, г. Ашхабад)¹.

Конечно, в стремлении этих людей противопоставить себя всей остальной ("правильной") молодежи, в их эпатирующих заявлениях о том, что высшим благом бытия является тунеядство, равно как и во многих иных их эскападах, содержалось немало чисто внешнего, напускного, инфантильного. Однако вместе с тем это была одновременно и демонстрация определенного рода инакомыслия, вызов, брошенный частью молодежи господствовавшей в обществе официальной морали. Не случайно феномены так называемого "преклонения перед Западом" и "стиляжничества" вызвали у тогдашних идеологических институтов страны немалую озабоченность и решительное осуждение. И хотя во многих ситуациях негативная реакция комсомольских лидеров, прессы и "правильной молодежи" на эти феномены была явно неадекватной (по мелким воробьям били из крупнокалиберных пушек), ощущение исходившей от них угрозы было в целом совершенно обоснованным. Это хорошо понимали и многие участники опроса, вроде В. У-на, рабочего монтажного управления и студента-заочника из г. Ташкента, который утверждал:

Стилягами я считаю не тех, кто одевается по моде (узкие брюки — это еще не признак стиляги), а тех, кто вместе с брюками зауживает свою совесть. Эти люди бравируют своим наглецательским отношением к жизни, ко всему святому. Сами по себе они не страшны: их мало и в любой момент их можно смести в мусорный ящик. Но они служат дурным примером в безделье, пижонстве, разврате, плохо влияют

¹ См. также тексты 14, 15 в параграфе 2.

на молодежь. Совсем как вирусный грипп, страшный не сам по себе, а своими осложнениями. Таким осложнением стилистичности я считаю тунеядство, хулиганство, бандитизм.

7. **Скрытые диссиденты** – критики глубинных характеристик советского общества. Эти молодые люди явно не очень активны в своих публичных высказываниях. Отчасти потому, что всё, что связано с деятельностью прессы, неизменно оценивается ими в качестве "чистой пропаганды" и "сплошного вранья" (поэтому, мол, "какой смысл писать вам правду!?"); отчасти же из-за вполне обоснованных опасений, что подобные высказывания не доведут до добра, могут вызвать в их адрес те или иные репрессии. И все же некоторые из них рискнули прислать свои ответы в ИОМ "КП", открыв миру "*тайники своей души*"¹.

Подобно "нигилистам", они также не приемлют коммунистические идеалы и практики. Однако делают это совершенно в иной форме и исходя из совершенно иных оснований. Они – народ серьезный, никого не хотят эпатировать, и протест их глубоко фундирован. Они знают о реальной жизни то, чего не знает и о чем даже не догадывается подавляющее большинство их сверстников, а именно что выдающий себя за венец демократии и свободы советский общественно-политический строй на самом деле представляет собой нечто совсем иное, если не диаметрально противоположное.

Я недоволен своим поколением, – говорит один из них, 28-летний горьковчанин В. А., в прошлом бригадир на строительстве и сотрудник конструкторского бюро, а ныне студент, – потому что никогда не наблюдал (если не считать фильмов) его высокой активности в жизни... Мы родились в то время, когда страна начинала пятилетки. Наши отцы, вошедшие в революцию с Лениным в сердце, в 25 лет были полковниками, начальниками строек, директорами институтов. Они были настоящими коммунистами-ленинцами, и радиоактивный элемент, заключенный в их сердцах, должен был перейти в сердца сыновей. Но случилось иначе... Наши отцы были арестованы как враги народа. Мы стали бояться произносить их имена, нас заставляли отречься от них, но мы продолжали любить их. Здесь начались наши сомнения, а они, как известно, разъедают души... Потом права отцов были восстановлены, но нельзя было восстановить их самих. Мы не можем так просто утешиться...

В несколько измененном и более прямолинейном виде приведенная типология идеологических ориентаций молодых людей, принявших участие в опросе, воспроизведена в таблице 10, где речь идет о целях

¹ Из анкеты А., 30-летнего шахтера из Кузбасса.

жизни респондентов. В результате возникает возможность более детально судить и о **диапазоне интересов** тогдашней молодежи.

В содержательном отношении этот диапазон достаточно широк, включает в себя практически все сферы жизни общества: труд, мораль, образование, науку, идеологию, литературу, искусство, спорт. Разнообразна и локальность проявленных опрошенными интересов: наряду с совершенно естественным для обсуждаемой тематики "Я" здесь вполне отчетливо и многократно присутствуют и семья, и общество в целом. Однако, по мнению автора, главная особенность сознания масс в данном пункте заключается все же не в **разнообразии** предметов внимания людей, а в несовпадении, **полярности** их интересов, т. е. в наличии среди зафиксированных целей жизни молодежи таких, которые не просто разнятся, но категорически исключают друг друга. В какой-то мере данное обстоятельство обнаруживается уже и чисто визуально, коль скоро в таблице 10 наряду со стремлением одних "служить народу, Родине" фигурирует также желание других "проводить жизнь в развлечениях и удовольствиях", а намерение "создать хорошую семью" соседствует с намерением "выгодно вступить в брак". Однако особенно убедительной данная оппозиция становится на уровне качественного анализа всего комплекса суждений, высказанных опрошенными при обосновании негативных и неопределенных ответов на 1-й вопрос, а также в ответах на 4-й и 5-й вопросы анкеты¹. Сами респонденты, как правило, прекрасно ощущают это противостояние и сами же и описывают его – либо в терминах оппозиции "гражданских" и "мещанских" интересов (если такое описание исходит от представителей "правильной молодежи"), либо в терминах интересов "аристократических" и "плебейских" (если авторами оценок выступают яростные критики поколения – так называемые "нигилисты").

В сущности, здесь мы снова сталкиваемся с проблемой взаимоотношения общественного и личного, о которой говорилось в предыдущей главе. Однако, если там эта проблема решалась под знаком безоговорочного (осознанного или бессознательного) признания массами превосходства интересов общества в целом над интересами частной жизни людей, то тут налицо явный конфликт между этими интересами. К сожалению, отмечавшаяся нерепрезентативность использованной в исследовании выборки не позволяет оценить действительные объемы и социально-демографический состав конфликтующих сторон. Однако сам факт их противостояния бесспорен, как бесспорно и то, что в основе этого противостояния лежат кардинально разнящиеся социально-психоло-

¹ См. анкеты 8–13, а также 1, 4–6 в параграфе 2.

гические установки людей, одни из которых лояльны, а другие нелояльны по отношению к обществу, в котором живут.

Следующая зафиксированная в исследовании характеристика массового сознания, о которой надо теперь сказать, это – **ценностные ориентации** лидеров молодежи начала 60-х. Естественно, эти ориентации теснейшим образом связаны с уже рассмотренными общими идеологическими позициями респондентов и кругом их интересов; и не только связаны, но и в немалой мере даже совпадают с теми и другими. Ведь это едва ли не тавтология утверждать, что главная ценность "революционеров" и "романтиков" – благо Родины и народа, а "недовольных" и "нигилистов" – личное богатство, деньги; или что интерес людей к труду сопровождается (либо предваряется) отношением к нему как к ценности.

Вместе с тем полученная в исследовании на этот счет информация не сводится лишь к уже сказанному, дает возможность определенным образом обобщить уже имеющиеся представления о системе ценностей тогдашней молодежи. Именно к этому результату подводит, в частности, совместное рассмотрение ответов на 3-й, 8-й и 9-й вопросы анкеты (таблицы 3, 10, 11). С формальной точки зрения во всех этих случаях речь шла вроде бы совсем о другом: в первом – о мнении респондентов по поводу наиболее сильных качеств их сверстников, во втором – об их собственных, персональных целях в жизни, в третьем – о способах достижения этих целей. Однако, в сущности, здесь с разных сторон, под разными углами зрения выяснялось одно и то же: что было для опрашиваемых самым главным в жизни (их собственной и поколения в целом), чему они отдавали свои предпочтения в сравнении со всем остальным?

Очевидно, в среде описанных выше первых трех типов молодых людей в числе наиболее приоритетных (хотя, возможно, и в разной последовательности) были три ценности: **благо Родины, народа; интересный, творческий, связанный с профессиональным мастерством труд; и высокая мораль.** Именно они фигурируют в трех первых строках таблицы 10, в первой пятерке ответов в таблице 3 и – две из них в первой тройке ответов в таблице 11. При этом, судя по внушительному количеству респондентов, высказывавшихся таким образом (чаще всего это 20–30% от общего массива опрошенных), в их составе явно присутствуют не только "революционеры", "романтики" и "творцы", но и какая-то, причем скорее большая, чем меньшая, часть "трудяг-средняков". Зато боги, которым поклонялась другая часть последних, были совсем иными: как можно более высокий материальный достаток; свобода от разного рода житейских неудобств и напряжений; и – главное – **жизнь не "для**

других", а "для себя", не "во имя будущего", а "во имя настоящего". В принципе эти же ценности господствуют в сознании и двух следующих за "тудягами" типов молодежи – "разочарованных" и "нигилистов", с той лишь разницей, что ориентация на "сладкую жизнь", в том числе откровенное безделье, приобретает у них ярко выраженный агрессивный характер. Что же касается "скрытых диссидентов", то – из-за их малочисленности в опросе и их немногословия – судить о ценностных приоритетах данной части тогдашней молодежи, к сожалению, не представляется возможным.

Вместе с тем система ценностей, которой придерживалась советская молодежь начала 60-х гг., далеко не исчерпывалась приведенным перечнем. Это показывают прежде всего ответы на 3-й вопрос анкеты, где – в отличие от вопроса 4-го, имевшего в виду наибольшую *распространенность* тех или иных негативных черт тогдашнего молодого поколения, – фигурировали лишь те позитивные свойства молодежи, которые являлись, по мнению респондентов, наиболее сильными, т. е. представлялись им *особенно важными*, более других ценными. А если эти ответы дополнить еще теми, что отражены в таблицах 10 и 11, можно констатировать, что на разных – высоких и низких – местах в обсуждаемой "табелки о рангах" в то время присутствовали также "образование", "коллективизм", "динамизм жизни", "хорошая семья", "интернационализм". При этом – в свете таблицы 11 – кажется бесспорным, что главным приоритетом в обсуждаемое время среди молодежи было **образование**. Цифра 63,4% является самой высокой в разделе данных, характеризующих ценностные ориентации респондентов, и она несомненно показывает, что ценность образования признавалась тогда если и не всеми без исключения типами молодых людей (вспомним скепсис по этому поводу двух приятелей-рабочих из Москвы), то явным большинством из них, начиная с "революционеров" и кончая "скрытыми диссидентами". И объяснение этого факта должно быть весьма простым: рост образования (общего и профессионального) был в тогдашнем советском обществе одним из двух самых главных (наряду с политической ангажированностью) механизмов служебной и общественной карьеры людей, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

В отношении такой характеристики массового сознания, как его **морфологический состав**, общее положение вещей в анализируемом исследовании представляется довольно прозрачным: в ответах всех типов респондентов, причем как в сфере суждений-мнений, так и в сфере суждений-"фотографий", безраздельно господствуют так называемые позитивные, т. е. **рациональные высказывания**, с весьма ограниченной (не-

смотря на всю нередкую словесную патетику) эмоциональной окрашенностью и вовсе свободные от каких-либо иррациональных составляющих, равно как и элементов религиозной веры¹. Во всяком случае, так выглядит картина на поверхности, на уровне ее собственно вербального выражения. Вместе с тем и здесь возникает та же проблема, с которой мы столкнулись в предыдущих главах: насколько это по видимости позитивное, рациональное сознание на самом деле является таковым, т. е. сознанием, опирающимся на естественную логику и психологию мышления, совпадающим с активным, самостоятельным осознанием окружающей действительности, а насколько оно – всего лишь воспроизведение многочисленных идеологических построений, внедряемых в сознание и подсознание людей властью, плод господствующей в обществе общественной мифологии?

Отвечая на вопрос, понимают ли участники опроса мира, которые они оценивают и о которых ведут речь, а именно – жизнь своих сверстников и свою собственную, разумеется, нельзя не обратить внимание на большое количество *языковых клише*, которые в рамках отдельных словосочетаний и целых фраз кочуют из анкеты в анкету, свободно преступая границы всех возрастов, профессий и уровней образования. Чаще всего, как можно видеть в параграфе 2, они встречаются в случае обосновывающих суждений при ответах на 2-й и 5-й вопросы анкеты, а также при формулировании людьми своих целей в жизни. И, по многим признакам судя, дело тут не ограничивается одним лишь языком: за названными клише нередко отчетливо проглядывает явление более фундаментального порядка – так называемые *штампы сознания*, анализ которых прямо уже подводит нас к сфере указанной идеологической экспансии. И все же, несмотря на данное обстоятельство, нельзя не признать, что **общий уровень понимания** людьми обсуждаемых сюжетов **достаточно высок**.

Главным по значимости индикатором, измеряющим этот уровень, выступает количество респондентов, давших позитивный ответ на первую половину 4-го вопроса, т. е. признавших, что у "прославленной" и хвальной советской молодежи имеются серьезные недостатки. По свидетельству таблицы 5, их оппонентов – людей, подобных которым Ленин в свое время очень метко назвал (правда, допуская их существование лишь в условиях критикуемого им классового общества) людьми, "*не мыслящи-*

¹ В этой связи следует подчеркнуть, что факт неподверженности тогдашней молодежи религии констатировался и самими участниками опроса. Религиозность в то время считалась заведомо негативным явлением, вместе с тем его распространенность среди сверстников была отмечена лишь 0,9% от общего числа опрошенных.

ми и мыслить не способными"¹, – в исследовании оказалось в общем-то немало – целых 17,8% от общего числа опрошенных. Однако это было все же ярко выраженное меньшинство. 4/5 респондентов, хотя и с разной – большей и меньшей – степенью решимости и робости², все же преодолели этот барьер. Дальше же большинство из них обнаружило не меньшее понимание вещей и в конкретизации минусов своих сверстников, и – может быть, особенно убедительно – в сомнениях по поводу возможностей реализации собственных жизненных планов (см. таблицу 12).

Интересно, что при оценке позитивных качеств тогдашней молодежи участники опроса практически не упоминали такого ее свойства, как реализм, способность видеть жизнь без прикрас, в ее подлинном свете (таблица 3 показывает, что в подавляющем большинстве групп опрошенных эта характеристика не набрала и 1% голосов). Между тем в ходе опроса сами респонденты демонстрировали это качество вполне отчетливо, несмотря на множество присутствовавших в их ответах плоских истин и дешевой патетики, в том числе прямо заимствованных из пропаганды. Можно даже сказать больше – что суждения о жизни значительной (основной?) массы опрошенных в общем и целом отличаются разумной взвешенностью, отсутствием перегибов и в части восторгов по поводу наличного бытия, и в части его критики. Ведь та же упомянутая патетика во многих случаях сопряжена с неподдельной искренностью чувств и оперированием убедительным фактическим материалом.

Значит, сакраментальный вопрос об общей мере и конкретных (предметных) границах "зараженности" массового сознания господствовавшей в то время в советском обществе идеологией и пропагандой отнюдь не так прост, как кажется, и явно не может быть однозначно решен в форме признания безграничного, абсолютного засилья этой идеологии. Взять, к примеру, составленный респондентами перечень сильных черт своих сверстников, представленный в таблице 3. Были ли фигурирующие там на высших позициях "любовь к Родине", "высокие моральные качества" и "преданность партии, идеям коммунизма" лишь сплошной фикцией, лишь свидетельством торжества социалистической мифологии, простым отражением стереотипов пропаганды? Да нет, конечно же! Эти качества и в самом деле были присущи огромным массам молодежи, были объективными свойствами личностей миллионов людей. Другой вопрос, что провести границу между *органикой*, естественным сознанием, и *мифом*, искусственно сконструированным отражением людьми их внешнего мира и самих себя, было делом очень трудным уже в те времена. И тем более

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 53.

² Сравним, к примеру, анкеты 1 или 11 с анкетой 3 в параграфе 2.

это сложно сделать теперь, когда эпоха "реального социализма" с ее мифологизированным сознанием масс безвозвратно канула в Лету.

Вместе с тем следует подчеркнуть еще раз, что **сила мифа и поддерживающей его пропаганды** в формировании общественного сознания была тогда, вне всякого сомнения, **поистине огромной**. Материалы проведенного исследования дают отличную возможность непосредственно убедиться в этом на примере критики респондентами так называемого стилиажничества, или преклонения молодежи перед Западом. Выдвижение этой негативной характеристики своих сверстников на второе по значимости место (после практически единодушно осужденного в качестве "врага № 1" пьянства¹) было воспринято тогда специалистами как большая неожиданность и отнесено к разряду очевидных массовых заблуждений общественного мнения. Оснований для такого рода вывода было тем больше, что "стиляжничество" – явление, связанное по преимуществу с жизнью города, и в первую очередь города крупного, – очутилось в центре внимания в том числе и сельских жителей, где "подражатели западной моде" встречались едва ли не так же редко, как двухголовые люди.

Предпринятый содержательный анализ всей совокупности полученных на этот счет высказываний (16,6% от общего числа опрошенных) без труда обнаружил прежде всего, что на уровне обыденного сознания понятия "стиляжничество", "подражание западной моде", "преклонение перед Западом" оказались совершенно безбрежными по своему содержанию. В одних случаях под "стилягами", "поклонниками Запада" понимались тунеядцы, ведущие на чужой счет "шикарный" образ жизни; эпигоны "западного" толка суждений, кокетничающие своим презрительным отношением к окружающим; фарцовщики, занимающиеся продажей заграничных вещей, – тогда за основу идентификации явлений брались такие существенные признаки, как отношение людей к труду, другим людям, к обществу, общественному долгу и т. д. В других же случаях "стиляжничество" связывалось уже с чисто внешними признаками – со вкусом людей, манерой их поведения, и тогда получалось: носишь узкие брюки, остроносые ботинки, яркие рубашки – значит, стилиага; сделал модную прическу – значит, поклонник Запада; увлекаешься джазовой музыкой – значит, изменил комсомолу...

Стоит ли говорить, что последний подход, хотя и подводил к рассмотрению некоторых серьезных проблем (в частности, эстетического

¹ Как видно из таблицы 7, увлечение спиртными напитками не было оценено в качестве первоочередного минуса молодежи лишь школьниками и (что то же) самыми юными участниками опроса.

воспитания масс, причем как в отношении критикуемых псевдостилияг, так и в отношении их ортодоксальных критиков), все же не имел никакого отношения к феномену "преклонения перед Западом" в собственном, *идеологическом* смысле этого слова. Если же учесть, что его демонстрировала по меньшей мере половина от названных 16,6%, то получится, что черт в действительности был отнюдь не столь страшным, как его малевали. Версия общественного мнения о преклонении советской молодежи перед Западом оказалась явно основательно раздутой. И это случилось, помимо всего прочего, потому, что многие респонденты явно впали в привычную, трафаретную ошибку обыденного сознания, приняв внешний вид, форму явлений за их содержание, а именно – в данном случае – "узкие брюки" за "узкую (= чуждую "всему советскому"!)" душу".

Отмечаемая природа случившегося казуса легко прослеживается в том числе на уровне количественных показателей, представленных в таблице 7, где критика "подражания Западу" неизменно и впечатляюще уменьшается по мере увеличения возраста и образования людей, а также объема их жизненного опыта. Ведь ясно же, что полученные цифры тут нужно было объяснять не тем, что "стиляг" было вдвое больше среди самых юных и менее образованных людей, нежели среди взрослой молодежи с высшим образованием, или среди военнослужащих, нежели среди творческой интеллигенции и инженеров. Просто более взрослые, более опытные и грамотные люди лучше умели отличать плевелы от пшеницы и или вовсе не придавали серьезного значения впервые появившимся в стране "техасским джинсам" (а почему, собственно, их не носить?!) или квалифицировали их как-то иначе – к примеру, в качестве свидетельства дурного тона, если злополучные штаны одевались не на прогулку, а на официальный торжественный прием.

Вместе с тем причины отмечаемой аберрации общественного мнения не сводились здесь лишь к особенностям функционирования обыденного сознания, к ограниченности опыта и аналитических способностей определенных слоев населения. Главное было явно в другом, а именно в том, что широкие круги общественности попались на крючок активно развернутой в то время комсомолом идеологической борьбы с частью молодежи, объявившей открытый поход против идеалов коммунизма. Первоначальными мишенями в этой борьбе явились появившиеся в обществе (преимущественно в крупных городах) тунеядцы и фарцовщики. Однако вскоре борьба с ними – в соответствии с принятыми в партийной практике методами кампанейщины – переросла в "дело всей общестственности", и тогда чуть ли не каждый город и поселок стали создавать свой собственный объект для критики – своих собственных "стиляг"

и "идейных отступников". При этом в ходе такой борьбы происходило неизбежное смещение в оценках явлений – все большее значение приобретали чисто внешние признаки "отклонений от нормы", в результате чего в стране появились целые отряды молодых людей, на яркие рубашки которых (в том числе нередко и отечественного производства) ни за что ни про что были наклеены ярлыки "поклонник Запада". Резко же отрицательное отношение масс к подлинным тунеядцам и спекулянтам, равно как их извечно настороженное, подозрительное отношение ко всему чужому, иностранному да и просто новому, ранее неизвестному явились вполне благодатной почвой для гипертрофированной оценки реальных границ осуждаемого явления. При этом особенно активную роль в формировании подобного общественного мнения сыграла тогдашняя пресса. Не случайно критики "стиляжничества" значительно чаще, чем все остальные, ссылались при подкреплении своих позиций: *"А вы почитайте газеты, журналы... Послушайте радио..."*

Таким образом, оценивая в целом меру зависимости и самостоятельности сознания масс от официальных стандартов идеологии и пропаганды, следует признать, что в рамках данного исследования случаи *полностью клишированных* текстов были большой редкостью и замыкались в границах лишь двух категорий опрошенных – школьников и военнослужащих. Два же других типа высказываний – представляющие собой те или иные *комбинации* зависимого и независимого сознания, а также *полностью свободные* от указанных стандартов – присутствовали в исследовании практически на равных. При этом важной составляющей тех и других был весьма **высокий критицизм** сознания масс, по своему характеру значительно отличавшийся от того, о котором шла речь в предыдущей главе. Конечно, и тут он нередко сопрягался с выраженной робостью, не обходился без пресловутой защитной формулы "кто-то и кое-где у нас порой...". Однако столь же нередко тут предлагался и иной, серьезный разговор, касавшийся положения вещей в обществе в целом и включавший в себя нелицеприятную самокритику. Два ярких образчика такого разговора – анкеты не назвавших себя по имени ленинградского студента и 22-летнего московского рабочего:

Мы говорим, что надо учиться у наших отцов и дедов... – пишет первый. – Это верно. Учиться – да. Но не механически переносить черты тридцатилетней давности в наше время... История началась не сегодня и не вчера. На основе тщательного пересмотра достижений и ошибок прошлых поколений каждый из нас и наше поколение должны выработать свой характер, свои идеи. Однако, как это ни парадоксально, встречаются люди, которые вообще не имеют своих идей, не задумываются самостоятельно над жизнью, механически повторяют чу-

жие мысли. И это плохо, независимо от того, мысли ли это из "Афоризмов" Шопенгауэра, книг Хемингуэя или романов наших советских писателей. Чужие мысли могут становиться своими, но их нужно проверить. Нет ничего хуже человека, у которого "обоями дешевых истин оклеен череп изнутри...";

Мне нравится мое поколение тем, что оно начало думать и хочет думать, – продолжает второй. – Думать над собой, над жизнью, над тем, чему его учат. Оно мне нравится тем, что не идет на поводу у старых, годами сложившихся традиций, а вырабатывает свои, новые, свежие концепции...

В соответствии со сказанным о морфологии сознания участников опроса **уровни их информированности и компетентности** в обсуждаемых предметах представлялись в целом безусловно **достаточно высокими**. Конечно, какую-то часть респондентов анкета ИОМ "КП" застигла врасплох; они признавались: *"Прочитала вашу анкету и задумалась: действительно, а что я думаю о своем поколении? Этот вопрос впервые так прямо встал передо мной, до этого дня я не задумывалась над тем, какую можно дать общую оценку всему моему поколению; признаться, это очень трудная задача..."* Однако большинство оценивало свое участие в исследовании принципиально иначе: *"Мои слова не скороспелые. Обо всем, что здесь написано, я много думала раньше, так как я сталкивалась с огромным количеством различных людей. К таким мыслям я пришла давно, они обоснованы фактами..."*¹

При кодировании обосновывающих суждений в ответах на 2-й вопрос анкеты в исследовании различались два принципиальных основания (источника) формулируемых людьми позиций в их общем отношении к своим сверстникам: так называемый "опыт других" (представленный прежде всего материалами прессы, произведениями литературы, искусства) и собственный, личный опыт говорящих. Надо сказать, что ссылками на то и другое подкреплялись все три главные позиции респондентов, однако *прямые* ссылки первого рода во всех случаях были чрезвычайно малочисленными. Чаще всего они имели место при обосновании позитивных оценок молодого поколения, но и тут их общий объем, как видно из таблицы 2, был поистине мизерным – всего 3,2% от числа сказавших "Да"².

¹ Социально-демографические характеристики авторов обоих высказываний оказались утраченными, их ответы цитируются по книге: Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения. М.: Молодая гвардия, 1962. С. 14.

² Следует отметить, что за этой средней цифрой стоят 5,6% лиц в возрасте до 17 лет и 6,0% школьников.

К большому сожалению, при кодировании ответов на 2-й вопрос не учитывалась чрезвычайно важная третья ситуация – *непрямые* ссылки на "опыт других", а также на личный опыт говорящих, т. е. оперирование разного рода общими представлениями о жизни, часть из которых могла не опираться на жизненную практику самих респондентов, а всего лишь воспроизводить (осознанно или неосознанно – это неважно) в конечном счете тексты той же прессы, литературы, кинематографа и, стало быть, свидетельствовать не столько о компетенции говорящих, сколько об упоминавшейся выше экспансии идеологии¹.

Как можно видеть по сохранившимся материалам, подобные ситуации в опросе были достаточно распространены. И все же они явно не преобладали. Даже в ответах восторженных поклонников своего поколения господствующими были иные мыслительные конструкции:

Я знаю о делах своих сверстников не только из газет, кино и книг. На строительстве Рудного – города юности – я сам лично убедился, на что способна наша молодежь, поэтому в своих ответах исхожу из достоверных фактов (Б. М., строитель, Кустанайская обл.);

Я глубоко убежден в правоте своего "Да". Основой моих убеждений являются те победы советской молодежи, которые она одерживает на трудовом, научном и спортивном фронтах... Я сам был свидетелем строительства Иркутской ГЭС на Ангаре. По призыву партии сюда съехались тысячи юношей и девушек для того, чтобы окончить строительство раньше срока и тем самым сделать еще один шаг по пути в коммунизм. Можно было бы привести много примеров того, как героически работали комсомольцы на строительстве ГЭС, какие подвиги они совершали при этом. Но, увы, на это не хватит анкеты... (Борис, 23 года, строитель, г. Ангарск);

Кое-кто может усомниться: мол, обыкновенные, давно известные всем мысли и, ясное дело, списанные из передовой. Однако именно эти мысли прививает наш первый и главный учитель – жизнь. Я был в том многочисленном коллективе комсомольцев, силами которого поднимались необъятные просторы целины. И там, на целине, я впервые в жизни в такой степени понял качества своего поколения. И не только понял, но и оценил их, один раз и навсегда (Г. В-ва, 24 года, г. Минск).

Еще более к такому непосредственному опыту, к наблюдениям из собственной жизни апеллировали критики поколения (см. анкеты 11, 12, 14 в параграфе 2). Правда, их противники отказывали им в объективности, упрекали их в том, что они оценивают жизнь советской молодежи "со стороны", "извне", а не "изнутри", и потому объявляли их опыт "не-

¹ Классические примеры тут – начальные пункты анкет 1, 3, 5 в параграфе 2.

достаточным", "неполным". "*Черты нового, коммунистического характера расцветают каждодневно и повсеместно, – полемизировал с разочарованными в своих сверстниках "нигилистами" Феликс Т., студент-философ из Москвы. – Но чтобы увидеть их, нужно самому быть в гуще замечательных дел молодежи. Это не дано поверхностному или равнодушному наблюдателю*". Особенно много такого рода упреков вызвала анкета 11, опубликованная в газете¹. Однако признать их справедливыми с принципиальной точки зрения было, конечно же, невозможно: за описанным выше идеологическим плюрализмом в тогдашнем советском обществе отчетливо стоял плюрализм самих объективных практик, реализовавшихся разными отрядами молодежи.

При всем при том отмечаемый общий высокий уровень знаний участников опроса о предмете разговора отнюдь не влек за собой автоматически столь же высокой способности суждений в рассматриваемой области. Это было связано с тем, что ссылки людей на факты в самом деле оказывались далеко не всегда убедительными, а стоящий за ними личный опыт нередко и впрямь имел весьма ограниченный характер; главное же – при формулировании своих, в том числе фактологически обоснованных, суждений разные респонденты в неодинаковой степени умели преодолеть свой инфантилизм или субъективизм, демонстрировали неодинакового качества критический взгляд на вещи и разного уровня обобщения накопленных жизненных впечатлений, т. е. как раз разную способность судить о вещах не односторонне, а более или менее объективно.

В общем и целом в рассматриваемом исследовании фигурировали четыре типа высказываний: а) констатирующие (совпадающие с ответами на вопросы 7–10), б) альтернативные оценочные (вопросы 6, 11), в) оценочно-аналитические (вопросы 1, 3, 4, 9) и г) обосновывающие (вопросы 2, 3а, 5 и 12). С точки зрения оценки инструментальной (логической) вооруженности анализируемого сознания наиболее важными в этом ряду были суждения типов "в" и "г".

Имея в виду анализ и обобщенные оценки действительности, следует повторить уже сказанное на этот счет – в иных связях – выше: с этими задачами **значительная, если не основная**, масса участников опроса справилась вполне удовлетворительно, продемонстрировав в целом разумно взвешенную, **сбалансированную** позицию с одновременно высоко критическим и самокритичным отношением к обсуждаемым предметам, включая собственную персону.

¹ См. Приложение 5.

Вместе с тем не менее важной особенностью зафиксированной картины следует признать и наличие в ней очевидного общего перекоса в оценках плюсов и минусов советской молодежи, поскольку респонденты гораздо более охотно говорили о позитивных свойствах своих сверстников, нежели об их недостатках. Это видно из таблиц 3 и 4, где в первом случае на одного респондента приходится 1,681 высказывания, а во втором – лишь 0,911.

Естественно, за этим обстоятельством скрывалась прежде всего уже отмечавшаяся в самом начале количественная нерепрезентативность представленных в исследуемом образце групп сознания. Однако дело было не только в этом. Дело было еще и в том, что **немалая часть** принявших участие в опросе молодых людей обладала явно **заниженной способностью** адекватного суждения о мире и то и дело впадала в крайности, перегибая палку в ту или иную сторону.

Так, подумать только, целых 24% (почти каждый четвертый!) из состава тех, кто входил в корпус поклонников своего поколения, заявляли, что у советской молодежи вообще нет никаких широко распространенных отрицательных черт. При этом многие из них, выражая восторги по поводу советской молодежи, напрочь исключали возможность каких-либо иных ответов на 1-й вопрос анкеты, кроме положительных. *"Не думаю, чтобы нашелся хоть один современник, который был бы недоволен моим поколением в целом, – утверждал с привычной для того времени комсомольской категоричностью А. К., техник-геолог из г. Дзержанска. – Современное поколение 20–30-летних не может не нравиться. Его делами будут восхищаться и гордиться на протяжении многих десятилетий"*.

Подобный "позитивный" радикализм присутствовал в исследовании довольно густо, в том числе при обсуждении, казалось бы, и таких мало подходящих для этого сюжетов, как содержащийся в вопросе "Что больше свойственно вашим сверстникам: целеустремленность или отсутствие цели?". В этом случае ИОМ "КП" получил целый каскад высказываний типа *"Вторую часть вопроса можно было бы и не ставить, это для героев Ремарка"* (Т. В-а из г. Ленинграда); *"О второй возможности не надо было и писать, так как каждый мыслящий человек имеет цель в жизни"* (А. А-в из г. Баку); *"Если бы у меня не было цели, я считал бы себя двуногим представителем семейства травоядных. И так каждый"* (С. П. из г. Харькова). И – важно отметить – их авторами были отнюдь не только (как в последнем из приведенных суждений) наивные юнцы-школьники; процитированные только что ленинградка Т. В-а, к примеру, была архитектором 29 лет от роду, а бакинец А. А-в – научным сотрудником...

Аналогичный по духу радикализм, только со знаком минус, встречался в оценочно-аналитических высказываниях и критиков поколения; практически стопроцентно – среди так называемых нигилистов и прожигателей жизни и довольно часто – среди так называемых разочарованных. Однако достаточно очевидно, что природа заниженной способности объективного восприятия людьми мира, в котором они живут, в этих последних случаях была существенно иной, нежели в случаях "позитивного" максимализма. Там в основе рассматриваемого явления лежало некритическое отношение к опыту других и, как результат, элементарное клиширование встречавшихся на каждом шагу железобетонных формул пропаганды, здесь же – напротив, категорическое неприятие (из-за личного негативного опыта) всякого позитива как выражения "чистой пропаганды", т. е. гипертрофированная оценка своего *частного* опыта в качестве имеющего *всеобщее* значение, его некритическая (или недостаточно критическая) экстраполяция на всю вселенную, именуемую "Советской молодежью".

Кроме того, имея в виду качество оценочно-аналитических высказываний, зафиксированных в опросе, следует отметить еще одну существенную слабость в анализе, допущенную практически всем массивом респондентов. Речь идет об ответах на 4-й вопрос анкеты, где вместо интересовавших исследование *наиболее распространенных* отрицательных характеристик молодежи фигурировали, скорее, *наиболее неприятные* из них.

Этот примечательный сдвиг в акцентах не столь бесспорен в отношении открывающего список минусов (таблица 4) пьянства, поскольку в широком распространении данного явления сомневаться не приходилось. Вместе с тем и тут вовсе не очевидно, что увлечение спиртными напитками в те годы было распространено среди молодежи шире, нежели невоспитанность чувств или недостаток культуры в поведении. И тем более в случившейся подмене предмета разговора не приходится сомневаться, если сопоставить мощную критику оказавшегося на втором месте так называемого подражания западной моде с критикой приверженности молодежи религии (12-я строка таблицы).

Выше, объясняя феномен завышенной критики респондентами явления "стиляжничества", мы связывали его с явной несамостоятельностью (в данном пункте) сознания говорящих, с выраженной зависимостью этого сознания от господствовавшей в обществе идеологии и пропаганды. Теперь же можно сказать и о другом основании зафиксированного явления – наличии в массовом сознании некоторых психологических барьеров, ограничивающих аналитические способности масс, мешаю-

щих им адекватно воспринимать окружающую их действительность и объективно судить о ней. Конечно же (и это подтверждалось многими источниками вне проведенного исследования), у опрошенных в целом не могло быть никаких иллюзий на тот счет, что факты участия их сверстников в религиозных праздниках и в отправлении церковных обрядов встречались намного чаще, нежели факты участия в "оргиях с рок-н-ролом", и все же последнее явление отметили почти 17% респондентов, тогда как первое – менее чем 1%! Почему это произошло? Очевидно, не в последнюю очередь и потому, что религиозность людей (несмотря на всю ее несовместимость с официальной коммунистической идеологией) воспринималась тем не менее как нечто привычное, традиционное, свое, тогда как подражание западной моде было сущим бельмом на глазу, вещью вызывающей, недопустимой, чужой и потому опасной¹.

Что же касается способности участников опроса обосновывать выраженные ими позиции, то в этом отношении зафиксированная в исследовании картина в целом была **скорее неудовлетворительной**. И с точки зрения частоты (присутствия в ответах) такого рода обоснований, и с точки зрения полноты набора используемых при этом аргументов, и, наконец, с точки зрения содержательного соответствия приводимой аргументации тем позициям, которые она была призвана обосновывать.

Применительно к первым двум пунктам особенно показательными были, пожалуй, ответы на 2-й вопрос анкеты – как массива опрошенных в целом, так и, в частности, тех, кто вынес общий положительный вердикт своим сверстникам. По свидетельству таблицы 2, на какие-то более или менее реальные "деяния" молодежи из числа последних сослались максимум 65%², остальные же (т. е. больше трети!) практически уклонились от обоснования своего "Да, доволен", ограничившись лишь разного рода, в сущности, бессодержательными общими словами, вроде тех, что открывают анкету 1 в параграфе 2. При этом сам набор аргументов оказался тут

¹ С особой отчетливостью данное свойство массовой психологии проявилось у жителей деревни, где влияние религии на молодежь было гораздо более сильным, чем в городе, а увлечение "стилем", напротив, относилось к разряду диковинных редкостей: из 1933 принявших участие в исследовании селян "подражание Западу" в качестве наиболее распространенной отрицательной черты своих сверстников назвали 259 человек, в то время как связь с церковью – всего 32; аналогично в группе из 600 колхозников эти цифры равнялись соответственно 53 и 9.

² Максимум потому, что один и тот же респондент мог сослаться в подкрепление своей позиции одновременно на несколько "деяний" своих сверстников (ср., к примеру, анкету 3 в параграфе 2), в таком случае количество ответов на вопрос было бы большим, нежели количество отвечавших на него.

также более чем бедным – постоянно одни и те же "целина", "новостройки", "космос" (хотя не исключено, что при более профессиональном составлении кода для рассматриваемого открытого вопроса общий перечень подобных штампов мог бы и увеличиться – например, за счет "народных дружин", "тяги к образованию" и т. д.).

При общем, абстрактном подходе к вещам более низкий уровень способности масс к обосновывающим суждениям, нежели к суждениям оценочно-аналитическим, кажется совершенно неожиданным: ведь задачи анализа по определению гораздо сложнее, чем задачи аргументации. Однако, как видим, раз на раз не приходится. И объяснение обнаруженного отклонения от общего правила следует искать в данном случае, по видимому, в том, что в разных мыслительных и языковых операциях люди испытывают разную зависимость от господствующих в обществе формул идеологии и пропаганды: похоже, процесс активного освоения и обобщения ими их *собственного* (позитивного и негативного) жизненного опыта находится в меньшем плену от указанных формул, нежели их поверхностно-вербальное мышление, с помощью которого они коммуницируют *с внешним миром*, в том числе друг с другом. В первом случае произносимые ими "слова" определенным образом прочувствованы, выстраданы и потому – персонифицированы; во втором же они – не более чем некоторая разменная монета, которую люди без особых раздумий при необходимости каждый раз пускают в ход, не тратя на это своего серого вещества.

Не исключено, что одним из результатов такого разноуровневого по своим логическим и языковым алгоритмам функционирования массового сознания оказывается утеря этим сознанием некоторых естественных, органических свойств мышления как такового – скажем, таких свойств любого нормального мышления, как стремление к непротиворечивости высказываний, к их определенной логической последовательности в процессе говорения (речи) и т. д. Если это так, то упомянутая выше (в качестве третьего минуса фигурирующих в опросе обосновывающих суждений) содержательное несоответствие, логическая несвязанность аргументации и аргументируемого должны восприниматься уже в виде вполне нормального явления. Определенное представление о нем дают, в частности, анкеты 7 и 13 в параграфе 2, где многие рассуждения их авторов как раз развертываются по формуле: "В огороде – бузина, а в Киеве – дядька".

При анализе характеристик массового сознания, касающихся его реактивных способностей, в обеих предшествующих главах разговор начинался с оценки отношения респондентов к самому проводимому ис-

следованию в терминах "активного/пассивного" вербального участия людей в обсуждении предложенных вопросов, а также декларированного ими деятельностного поведения, свидетельствующего о готовности участвовать в практическом решении соответствующих проблем. Это было вполне естественно для ситуаций, в которых та и другая активности до начала работ оставались величинами неизвестными, поскольку включение в исследование тех или иных конкретных участников опроса происходило не по их собственной (активной) воле, а по воле формировавшего ту или иную выборку исследователя. Теперь же, применительно к условиям газетного опроса с его стихийно складывающейся выборкой, подобное направление анализа теряет какой-либо смысл. Ведь призыв газеты ответить на вопросы анкеты, обращенный ко всем желающим, как уже отмечалось в самом начале настоящего параграфа, автоматически привел к тому, что в выборочную совокупность вошли *самые-самые активные* представители различных авангардных отрядов советской молодежи. И, естественно, они всячески демонстрировали эту свою активность – и путем чрезвычайной разговорчивости, словоохотливости в ответах на открытые аналитические вопросы¹, и путем, как кажется, несколько повышенного бахвальства в суждениях-"фотографиях", когда рассказывали о собственных деяниях, связанных с реализацией их жизненных планов. Правда, в последнем случае, при ответе на 10-й вопрос анкеты, 16,7% из числа тех, кто заявил о наличии у них целей в жизни ($m_2 = 16\ 674$), самокритично признали: "Сделано <пока> немного". Однако подавляющее большинство из этих 16 с половиной тысяч повело себя совершенно иначе, утверждая, что их слова не расходятся с делом: 36,6% от их числа (35,0% от $n = 17\ 446$) декларировали, что в своем движении к цели они уже добились реальных результатов в избранной сфере деятельности (начали овладевать любимой профессией, получили первые авторские патенты, дебютировали в литературе, преуспели в спорте и т. д.) и еще 34,5% (33,0% от общего числа опрошенных) – что в этой связи уже повысили или повышают свое образование.

Словом, здесь, как и во всяком ином газетном опросе, обсуждаемая характеристика респондентов была одной из предпосылок их участия в исследовании и потому не могла рассматриваться в качестве свойства массового сознания как такового. Вместе с тем кое-какое представление о

¹ В этом отношении, т. е. с точки зрения развернутости (длины) таких ответов, настоящее исследование практически не имело аналогов в практике деятельности ИОМ "КП"; хотя в некоторых других случаях (например, в газетном опросе о проблемах молодой семьи, о котором речь пойдет в главе 5) подобного рода вербальная активность респондентов была также весьма высокой.

мере активности тогдашней советской молодежи (в целом) из проведенного опроса получить все же можно. И в этом случае она должна быть оценена как **явно различная** в различных социальных средах – как весьма высокая в одних (более или менее широких) слоях молодежи и, напротив, как весьма низкая в иных (похоже, не менее широких) ее слоях.

Наличие обоих этих явлений прямо фиксировалось самими участниками опроса, когда они оценивали положительные и отрицательные свойства своих сверстников. В первом случае (таблица 3) "жизненная активность, энтузиазм" молодых людей были отмечены 12,0% участников опроса; во втором (таблица 4) "пассивность, равнодушное отношение к жизни" – 8,5% и "иждивенчество, несамостоятельность" – еще 4,5%. Ясно, что эти цифры не позволяют квантифицировать размеры названных явлений, делать какие-либо выводы относительно абсолютных и относительных масштабов их распространения в обществе. Однако, обратившись к представленной выше типологии молодых людей, можно, пожалуй, утверждать, что суперактивными среди них были "продолжатели революции", "романтики", "нигилисты" и, возможно, еще "творцы", тогда как суперпассивными – "недовольные, разочарованные" и какая-то часть "трудяг-средняков".

Аналогично не поддаются количественным оценкам и те зафиксированные в опросе составляющие обсуждаемой способности масс, которые относятся к **характеру реакций** людей на события и процессы действительности. Зато качественный спектр этих реакций достаточно ярок.

Касаясь данной стороны дела, московский корреспондент радиокomпании CBS Марвин Л. Кэлб (на основе знакомства с парой десятков анкет, опубликованных на страницах "КП") не без удовлетворения отмечал: *"Среди участников опроса не было пламенных революционеров, проповедующих марксизм-ленинизм. Не было таких, кто призывал бы к национально-освободительной войне в Лаосе или к восстанию на Уолл-стрите. Обыкновенный русский парень или девушка совершенно не кажутся какими-то потрясателями мира"*¹. И в общем-то это наблюдение было верным. Однако лишь постольку, поскольку – в соответствии с главным предметом разговора – в сферу международной жизни в исследовании вторгались только очень немногие респонденты. Если же такое вторжение происходило, **наступательный дух** участников опроса был неизменно налицо. Об этом свидетельствуют, к примеру, такие высказывания:

¹ Цит. по: Б. Грушин, В. Чикин. Исповедь поколения. С. 71.

Убежден, что наше поколение будет свидетелем величайших событий в усовершенствовании человеческого общества. Иго капитализма рухнет под напором угнетенных народов, жаждущих свободы... Это время не за горами. Единой семьей заживет человечество, едиными будут язык, культура, принципы жизни. И в веках будет прославляться имя Владимира Ильича Ленина (Р-н, 24 года, инженер-металлург, г. Магнитогорск);

Мои лучшие пожелания кубинскому народу! Жаль, что туда нельзя поехать добровольцем. Все мы восхищены Фиделем Кастро! Да здравствует Куба! (М. Х-в, инженер-механик, Чаинский лесоучасток, Томская обл.);

Больше всего на свете хочу присутствовать на международном суде над империалистами и поджигателями войны. Заранее заказываю билет на этот суд (В. К-в, старшина сверхсрочной службы, Рязанская обл.);

Победа близка! Уже в этом году мы фактически наступили на пятки США в производстве стали... Хочу быть председателем Всемирной Коммунистической Республики. Председатель – это, конечно, шутка. Главное же – Всемирная Коммунистическая Республика, которая откроет человечеству эру счастья и невиданных возможностей (без подписи, 23 года, электрослесарь, совхоз Н.-Анновский, Луганская обл.).

С еще большей остротой отмечаемый наступательный дух присутствовал в оценках респондентами своих сверстников. При этом главными формами его проявления тут были, по-видимому, во-первых, порой доходящая до прямой агрессии **нетерпимость** к любому инакомыслию и инакодействию и, во-вторых, **неудержимая тяга к морализаторству**, резонерству, к разного рода поучениям других людей. Оба эти феномена без труда обнаруживаются во многих анкетах, приведенных в параграфе 2, но с особенной силой – в дискуссии, развернувшейся на страницах "Комсомольской правды" после опубликования анкеты 19-летней работницы-студентки из Москвы, посмевавшей заявить, что главной ценностью жизни являются деньги. В приложении 5 приводятся типичные высказывания читателей "КП" на этот счет, и они свидетельствуют еще об одном примечательном свойстве сознания тогдашних авангардных масс – их подозрительной склонности к коллективному разбирательству "персональных дел", к **публичному судилищу** над любым, кто придерживается иных взглядов и иных моделей поведения, нежели сами говорящие.

Ясное дело, природа и механизмы порождения подобных реакций на мир весьма сложны и требуют специального анализа. Однако при их объяснении явно не обойтись без обращения к российской революционной традиции, т. е. к особенностям менталитета тех, кто при-

ступом брал Зимний в 1917-м, беспощадно убивал брата в годину гражданской войны, а затем яростно сражался с "врагами народа". С этой точки зрения чрезвычайно любопытно и поучительно сопоставление высказываний участников опроса и упомянутой газетной дискуссии, с одной стороны, и представителей старшего поколения, участвовавших в специальном опросе "100 авторитетов", – с другой¹. При всех существенных различиях в уровнях интеллекта и житейского опыта многие содержательные и лексические элементы в суждениях "детей" и "отцов" – одни и те же. И это заставляет еще раз убедиться в верности формулы насчет яблока, которое от яблони не далеко падает...²

Касаясь в заключение проблемы целостности/разорванности всей совокупности высказываний, полученной в исследовании, следует сказать, что в этом отношении опрос о молодежи дал принципиально иные результаты, нежели те, которые фиксировались в предыдущих главах. Первый и самый важный из них – констатация факта **конфликтности** исследуемого сознания, т. е. наличия в нем нескольких содержательных несовместимых, полностью исключаящих друг друга и подчас доходящих до открытой враждебности сегментов³.

Второй же и также чрезвычайно важный результат – обнаружение в структуре массового сознания секторов, отличающихся **неустойчивостью** суждений, неуверенностью в себе, даже, если угодно, растерянностью

¹ См. Приложение 6.

² Внимательно следившие за опросом "100 авторитетов" зарубежные журналисты таким образом обобщали его результаты:

Недавно газета "Комсомольская правда" провела опрос среди различных представителей поколения, совершившего Октябрьскую революцию, с тем, чтобы узнать их мнение о современной советской молодежи. В результате опроса выяснилось, что основные упреки, предъявленные ветеранами к тем, кто завтра должен будет составлять костяк режима, состоят в следующем: лихорадочное подражание золотой молодежи Запада, лень, паразитизм, злоупотребление алкоголем и хулиганство (Flandre Liberale, 20.03.1961);

Старшее поколение русских призывает молодежь хорошо работать и остерегаться водки, лени и дурных товарищей. Таков смысл опубликованных в "Комсомольской правде" четырнадцати ответов на вопрос о том, что думает старшее поколение русских о советской молодежи. Ответы прислали люди самых различных положений, начиная от министра обороны и кончая московским поэтом (Walter Leaster, New York Herald Tribune, 18.03.1961).

³ Об этом факте – в иных терминах – уже упоминалось выше в связи с описанием феномена идеологического плюрализма.

стью. В числе более или менее выраженных носителей такого сознания были и те 4,4% опрошенных, которые не ответили утвердительно на вопрос "Есть ли лично у вас цель в жизни?", и те 18,1% из числа имеющих цель, которые не выразили уверенности в том, что смогут осуществить свои жизненные планы (см. таблицу 12). Помимо всего прочего, этот второй результат показывал, что проблема так называемого "потерянного поколения", широко обсуждавшаяся в те годы на Западе (в странах "агонизирующего капитализма"), не обошла стороной и "бескризисное" советское общество, как бы на этом ни настаивала тогдашняя официальная пропаганда.

Глава 4. ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВИЖЕНИЯ ЗА КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ТРУД

1. Характеристика исследований

• Цели

Два исследования, посвященные названной теме, проводились ИОМ "КП" в августе–ноябре 1961 г., три с половиной года спустя после того, как на станции Москва-Сортировочная появились первые "разведчики будущего" – люди, выступившие с призывом "учиться работать и жить по-коммунистически". За это время процесс, получивший название "движения за коммунистический труд", приобрел в стране поистине глобальный размах. К концу 1961 г. почетное звание "коллектива коммунистического труда" было присвоено уже 800 предприятиям и 187 тысячам их подразделений (бригад, цехов, отделов и т. д.), а звание "ударника коммунистического труда" – трем с лишним миллионам рабочих, инженеров, служащих. Кроме того, еще около 20 миллионов человек участвовали в борьбе за почетный титул.

Бурное экстенсивное распространение идеи, инспирированное не в последнюю очередь массивной пропагандой в прессе, ставило вопрос о реальном содержании феномена, об оценке его действительных и мнимых характеристик, включая объективные и субъективные изъяны, разного рода негативные явления в организации процесса, а также многочисленные проблемы, с которыми пришлось столкнуться обществу на этом пути. Именно выяснению этих сторон дела и были посвящены два представляемых теперь исследования, при этом первое из них (в дальнейшем изложении – исследование "А") охватывало коллективы коммунистического труда, а второе (исследование "Б") – аудиторию "Комсомольской правды".

• Содержание

Анкета "А" открывалась преамбулой: *Дорогие товарищи! Накануне XXII съезда КПСС, когда на всенародное обсуждение вынесен генеральный план строительства коммунизма в нашей стране – проект новой Программы партии, "Институт общественного мнения" "Комсо-*

мольской правды" проводит опрос 500 лучших коллективов коммунистического труда. Цель опроса – подвести некоторые итоги движения и определить его перспективы. Просим коллективно обсудить анкету и выслать свои ответы – по возможности развернутые и конкретные – в недельный срок. В анкете было формально десять, а фактически двенадцать содержательных вопросов – два закрытых и десять открытых:

1. Что представляло для вас наибольшую трудность в борьбе за звание коллектива коммунистического труда? Что вы считаете своим главным достижением?

2. Какие новые черты отличают труд вашего коллектива (в отношении производительности, творчества, сознательности, безвозмездности и пр.)?

3. Какие изменения произошли в вашей жизни (культура, быт, отношения между людьми и т. д.) с тех пор, как вы избрали своей заповедью "Жить по-коммунистически"?

4. В какой степени и каким образом ваш коллектив оказывает влияние на жизнь других людей (шефская, воспитательная работа, помощь в труде и т. д.)? Что, по-вашему, из этого опыта заслуживает широкого распространения?

5. Какие недостатки, с вашей точки зрения, имеют место в соревновании за коммунистический труд?

6. С решением какой из следующих проблем вы связываете в первую очередь дальнейшее массовое распространение движения (внедрение новейшей техники – повышение образования и культуры – совершенствование профессионального мастерства – рост сознательности – возможно, какая-либо иная проблема)?

7. В каких формах, по-вашему мнению, будет развиваться в дальнейшем движение за коммунистический труд?

8. Каково ваше мнение о существующем порядке присвоения коллективам почетного звания? Нуждается ли этот порядок в каких-либо изменениях?

9. Каким образом должны участвовать в присуждении почетного звания широкие массы трудящихся? За кем, по-вашему, следует оставить право решающего голоса?

10. Можно ли, на ваш взгляд, лишать человека (коллектив) почетного звания? Если да, в каких случаях?

В соответствии с программой ответы на эти вопросы должны были фиксироваться с учетом трех характеристик опрашиваемых коллективов: их статуса (государственные предприятия – колхозы), продолжительности борьбы за получение почетного звания и времени (год, месяц) его присвоения.

В анкете "Б", озаглавленной "Что вы думаете о разведчиках будущего?", первые четыре вопроса анкеты "А" были заменены одним общим: "В чем вы видите самые сильные стороны жизни коллективов коммунистического труда (в производстве, отношениях между людьми, культуре, быту и пр.)?". Остальные шесть вопросов давались практически без изменений. При этом из разного рода возможных характеристик участников опроса в исследовании так или иначе учитывались пять: их возраст, род занятий, образование, участие/неучастие в движении и район местожительства.

• *Метод и техники*

Исследование "А" выполнялось в форме почтового опроса на основе репрезентативной вероятностной выборки, включавшей 500 так называемых лучших коллективов коммунистического труда. Идея взять в качестве объекта исследования именно "лучшие" коллективы была порождена главной целью исследования – намерением выявить прежде всего нерешенные проблемы движения, его наиболее серьезные пробелы и минусы. Эти "лучшие" коллективы были выбраны случайным образом из общего списка в тысячу с лишним предприятий и учреждений, составленного ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ – двумя центральными органами, осуществлявшими непосредственное руководство движением, с последующим уточнением этих рекомендаций в обкомах комсомола.

В ходе полевых работ названная выборка была реализована на три четверти, так что фактический объем ансамбля А составил 367 коллективов. Насчитывающие в общей сложности свыше 44 тыс. человек (от небольших бригад в несколько рабочих до крупных предприятий, типа Кожевенно-обувного комбината им. Ленина в Кировской области или Ростовского химзавода им. Октябрьской революции, где трудилось от одной до трех тысяч рабочих и служащих), эти коллективы отличались следующими характеристиками (в абсолютном выражении и в % к nA= 367; в скобках указаны сокращенные названия групп, используемые далее в таблицах):

абс выраж % к n

• по статусу коллектива

государственный сектор (Гос)	342	93,2
колхозный сектор (Колх)	25	6,8

• <u>по времени присвоения звания</u>		
"старые" коллективы (звание присвоено в 1958–59 гг.) (Стар)	191	52,0
"молодые" коллективы (звание присвоено в 1960–61 гг.) (Мол)	176	48,0
• <u>по отрасли народного хозяйства</u>		
машиностроение и металлообработка	109	29,7
легкая (пищевая и текстильная) промышленность	72	19,6
добывающая промышленность	31	8,4
строительство	28	7,6
сельское хозяйство	25	6,8
транспорт	19	5,2
химическая промышленность	18	4,9
металлургия	12	3,3
энергетика	12	3,3
прочие отрасли	41	11,2
• <u>по региону страны</u>		
Российская Федерация (9 АССР, 5 краев, 42 области)	203	55,3
Украина (22 области)	74	20,2
Белоруссия	11	3,0
Узбекистан	11	3,0
Москва	10	2,7
Азербайджан	8	2,2
Молдавия	7	1,9
Казахстан	7	1,9
Армения	6	1,6
Грузия	5	1,4
Латвия	5	1,4
Киргизия	5	1,4
Туркменистан	5	1,4
регион не определен	10	2,7

Исследование "Б" выполнялось в форме анкетного выборочного опроса путем публикации анкеты на страницах газеты и, стало быть, на основе стихийно складывающейся нерепрезентативной выборки. В рамках этого опроса анкету заполнили 150 москвичей, почти столько же жителей Северо-Запада, примерно по 100 представителей Урала и Донецко-Приднепровского района, по 85–60 – областей Центра и Поволжья, по 60–40 – Закавказья, Западной Сибири, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии и Казахстана и т. д.

После выбраковки части материала к анализу были приняты в целом 1295 анкет, в том числе 461 заполненная лицами, борющимися (индивидуально или в составе коллективов) за почетное звание либо уже победившими в этом соревновании, и 834 – лицами, полностью стоящими в стороне от движения, не принимающими в нем никакого участия. В процессе обработки и анализа информации эти массивы рассматривались отдельно, первый под именем ансамбля Б1, второй под именем ансамбля Б2. Сложившиеся стихийно их структуры оказались следующими (в % к пБ1 = 461 и пБ2 = 834; в скобках указаны сокращенные названия групп, используемые далее в таблицах):

	<u>Ансамбль Б1</u>	<u>Ансамбль Б2</u>
• <u>по возрасту</u>		
до 26 лет (До 26)	57,9	55,6
27–55 лет (27–55)	40,8	36,7
56 лет и старше (56 и ст)	1,3	7,7
• <u>по роду занятий</u>		
рабочие	49,5	28,5
техники	13,9	7,2
инженеры	10,0	8,3
руководители предприятий	2,8	3,8
служащие	6,3	20,0
колхозники	0,7	1,2
военнослужащие	13,2	18,8
учащиеся	1,5	5,6
пенсионеры, домохозяйки	–	6,6
не определен	2,1	–
• <u>по образованию</u>		
ниже среднего (Н/средн)	25,8	22,5
среднее (Средн)	56,2	54,0
высшее (Высш)	18,0	23,5

• *Исполнители*

Программы и полевые документы исследований были разработаны Б.А. Грушиным и В.В. Чикиным. Они же осуществили руководство полевыми работами и обработку (ручную) информации.

2. Мнения *pro* и *contra*

Вопросы анкет:

1. Каковы главные отличительные черты коллективов коммунистического труда?
5. Какие недостатки имеют место в движении?
7. Какие формы развития движения наиболее перспективны?
8. Нуждается ли в изменениях принятый порядок присвоения почетных званий?
10. Можно ли лишать людей присвоенного им звания? В каких случаях?

Ансамбль А

1. Я. И., директор, и А. Р., секретарь партбюро завода медицинских препаратов (г. Свердловск)

1. *Сильные стороны жизни коллективов – в сознательном отношении людей к труду и своим обязательствам. На нашем заводе это стало законом. Завод систематически выполняет план и соцобязательства. План 1960 г. выполнен на 118%, по производительности труда – на 113,5%; себестоимость продукции снижена на 1,8%. За 8 месяцев план 1961 г. выполнен на 106,7%, по производительности труда – на 103,7%; себестоимость снижена на 5,2%. Завод выполнил в 1960 г. семилетку по рационализации.*

О степени сознательности в труде свидетельствует резкое снижение нарушений трудовой дисциплины. Если в 1959 г. на заводе было 37 прогулов (108 дней), то в 1960 г. – 11 прогулов (18 дней), а за 8 месяцев 1961 г. – всего 4 прогула (5 дней). Вот уже 14 месяцев зарплата во всех цехах выдается без кассира, сняты табельные доски и т. д.

Никогда еще на заводе не проявлялось такой тяги к учебе, как сейчас. Учатся четверо из каждых пяти. Примерно половина рабочих владеет двумя, тремя и более смежными профессиями.

Никогда еще у нас не было и такого чувства ответственности за товарища, бригаду, смену, цех и весь завод. Бригада и завод стали для каждого второй семьей. "Один за всех и все за одного" – таков наш девиз.

5. *Один из основных недостатков – слабое участие хозяйственников, начальников цехов, смен, мастеров в воспитании своих коллективов. Многие руководители не поняли всей силы нового движения. А ведь нынче воспитательная работа, умный, чуткий, терпеливый подход к каждому человеку решают успех дела.*

На ряде предприятий, организуя бригады и даже присваивая им звания, затем предоставляют их самим себе. Считают, что главное сделано. На самом деле присвоение звания – лишь начало. Бригады должны быть постоянно в поле зрения общественности. Им нужна активная помощь во всех делах.

7. Опыт показал, что лучшей ячейкой движения является бригада. Бригада принимает обязательства, организует и контролирует учебу, заботится об отдыхе и культурном росте рабочих, привлекает их к рационализаторству. Здесь и истоки общественной жизни. Бригада принимает на работу новичков. Она же пополняет ряды народной дружины, следит за тем, как рабочие воспитывают своих детей и тех, кого очень условно называют "детьми посторонними" (мы шефствуем над безнадзорными подростками).

И вот чего добился завод, опираясь на инициативу и энтузиазм замечательных ячеек движения – бригад: 94% коллектива – почти весь завод – члены народной дружины; каждый третий, а в ряде бригад каждый второй – рационализатор; 80 человек из каждых 100 учатся; каждый третий – корреспондент стеной печати. Нарушения дисциплины у нас – чрезвычайное происшествие.

8. Нынешний порядок присвоения звания правилен.

10. Лишить звания можно, если ударник коммунистического труда порочит его своим поведением. Решение об этом выносит сама бригада, оно должно быть утверждено собранием цеха и завкома. Лишить звания можно и на какой-то срок. Но, безусловно, этому должна предшествовать помощь.

2. Швейная фабрика "КИМ", коллектив – 432 человека, боролись за звание с мая по октябрь 1960 г. (г. Боровичи, Новгородская обл.)

1. Духовный рост, воспитание сознательного отношения к труду – важнейшее достижение нашего коллектива. Нам удалось добиться ритмичности в работе и постоянного увеличения выпуска продукции за счет роста производительности труда. Только за последние два года объем продукции, выпускаемой нашей фабрикой, увеличился на 22%.

С момента организации соревнования за звание коллектива коммунистического труда изменилось отношение работников фабрики к учебе. Сейчас в школе рабочей молодежи учится 40 человек, поступили учиться заочно в техникумы и институты 15 человек. Кроме того, 160 человек занимаются в кружках по изучению экономики промышленных предприятий, остальные повышают свое профессиональное мастерство в школе передовых методов труда и овладения смежными операциями.

Если вы зайдете к нам, то увидите клумбы и газоны на фабричном дворе, цветы в цехах. Но самые дорогие для нас цветы – те, что начинают распускаться в душах многих труженников.

5. Главный недостаток движения состоит в том, что слабо распространяется опыт передовых коллективов.

8. Присваивать коллективу звание коммунистического можно лишь после широкого обсуждения этого вопроса трудящимися всего предприятия. Здесь нужно широко использовать печать и радио.

10. Отбратить почетное звание можно только в исключительных случаях. Главное место должна занять воспитательная работа.

3. Бригада автоматного цеха АТЗ им. Калинина, коллектив – 11 человек, боролись за звание шесть месяцев, получили его в мае 1959 г. (г. Рубцовск, Алтайский край)

1. Главная трудность для нас была связана с воспитанием сознательной дисциплины. Вступив в борьбу за коммунистический труд, наша бригада повысила производительность труда. Товарищи стали творчески относиться к своей работе, овладели смежными профессиями, добились полной взаимозаменяемости на участке, бережней стали относиться к оборудованию, полностью ликвидировали брак. За короткое время было подано 8 рацпредложений, внедрение которых повысило производительность труда сразу на 20%.

Произошли в бригаде большие изменения и в отношении людей друг к другу. Проявить чуткость к товарищу, вовремя прийти к нему на помощь – это стало привычной нормой поведения каждого. Изменилась и жизнь членов бригады в быту. Многие пошли учиться в школы, техникумы, институты. Чаще стали посещать театр, кино. Вместе отмечаем личные и всенародные праздники. Установили дружескую связь с одной из бригад социалистического труда в Чехословакии.

5. На наш взгляд, очень мало внимания уделяется руководству коммунистическим движением со стороны комсомола и профсоюзов. Заводские комитеты комсомола и профсоюзов, вместо того чтобы вносить живинку в это движение, зачастую все сводят к формальной регистрации обязательств. Сейчас, когда наша страна приступает к осуществлению великих планов, намеченных программой КПСС, когда миллионы трудящихся стремятся скорее приблизить светлое будущее – коммунизм, общественные организации должны возглавить инициативу масс, направить ее по нужному руслу.

8. Порядок присвоения коллективам почетного звания нуждается в некотором изменении. Нужно, чтобы о присвоении звания заводу, фабрике знала вся страна, весь народ, чтобы этот факт широко обсуждал-

ся, а газеты рассказывали о лучших людях этого предприятия, принесших ему славу.

Присуждение почетного звания ударникам и бригадирам должно происходить на цеховых собраниях рабочих и служащих.

10. Нам кажется, что лишать почетного звания коллектив или человека нельзя. Если он вступил в борьбу за это звание, значит все продумал и взвесил. А совершил ошибку – нужно ему помочь.

4. Бригада прядильного цеха Мулловской суконной фабрики, коллектив – 21 человек, боролись за звание десять месяцев, получили его в апреле 1960 г. (г. Мелекесс, Ульяновская обл.)

1. Одна из новых черт нашего коллектива – товарищеская взаимопомощь в труде. Мы считаем, что взаимная помощь в труде сближает людей, роднит их и в то же время позволяет добиться повышения производительности труда. Один штрих из повседневной жизни. Скажем, ватерица не вышла на работу по каким-либо причинам. Вместо нее к ватеру становится подсобная работница, которой помогает весь коллектив. Вот это и есть осуществление на деле принципа "один за всех, все за одного". Отмирает слово "мое", утверждается "наше".

Члены бригады стали бережливее относиться к оборудованию, сырью, материалам, следят за чистотой рабочего места.

В этом году мы организовали в цехе библиотеку со свободным доступом к книгам. Рабочие сами выбирают себе то, что хочется почитать, а после прочтения ставят книгу на место. Никакого библиотекаря у нас, разумеется, нет. Библиотека работает уже около года, и ни одной книги за это время не пропало, хотя читателями стали почти все. Зарплата в цехе тоже выдается без кассира, и никаких инцидентов при этом не происходит.

Таким образом, главным в движении за коммунистический труд мы считаем развитие духовных качеств человека как активного строителя коммунизма.

5. В ряде случаев соревнование приняло формальный характер. Руководители предприятий зачастую не уделяют движению за коммунистический труд должного внимания, не проявляют заботы о людях, которые работают и учатся.

10. Нам кажется, что лишать коллектив или человека почетного звания нельзя. Надо помочь им подняться на прежнюю высоту.

5. Цех периодического ремонта электровозов в депо "Октябрь", коллектив – 36 человек, за звание боролись шесть месяцев (г. Харьков)

1. Рабочие нашей бригады внесли в этом году 10 рационализаторских предложений. По условиям работы нам приходится постоянно изу-

чать новую технику, осваивать смежные профессии. И в этом мы безвозмездно помогаем друг другу.

Кроме того, все члены коллектива решили повышать свое образование. Сейчас 5 человек учатся в техникумах, 11 – в институтах, 5 – в университете, 6 – в школе рабочей молодежи. Товарищеские отношения связывают нас не только на производстве, но и в быту. Вместе выезжаем за город, отмечаем праздники, совершаем туристские походы. Нередко приходилось решать и семейные конфликты.

5. В соревновании за коммунистический труд проявляется такой недостаток, как зависимость соревнующейся бригады от других бригад, цехов и даже организаций. Например, зачастую коллектив, участвующий в соревновании, не может выполнить свои обязательства из-за того, что другие бригады и цехи несвоевременно поставляют ему детали или снабженческие организации не в состоянии обеспечить его материалами и запасными частями.

8. Пока нет определенных критериев, по которым можно было бы присваивать бригаде звание коммунистической. Нам кажется, должны быть разработаны специальные условия, которые бы строго определяли: заслуживает тот или иной коллектив почетного звания или нет? Эти условия должны быть различными, в зависимости от профессий.

10. Нам кажется, что если человек совершил какой-нибудь проступок, то его не следует сразу исключать из коллектива, носящего высокое звание. Такому товарищу нужно установить исправительный срок. А если это не даст положительных результатов, то коллектив может лишить человека почетного звания.

б. Бригада токарей завода "Бежецксельмаш", коллектив – 6 человек, за звание боролись с августа 1959 г. и получили его в июне 1960 г. (г. Бежецк, Калининская обл.)

1. Создать сплоченный коллектив, воспитать активных строителей коммунистического общества – вот что мы считали главным достижением и что представляло для нас наибольшую трудность в борьбе за высокое звание. Сейчас мы живем и работаем, свято соблюдая девиз "Один за всех, все за одного".

Каждый член нашей бригады постоянно перевыполняет нормы учится либо в школе рабочей молодежи, либо в вечернем техникуме. Работаем без контролеров. Все члены бригады вежливы, скромны, выдержанны. Свободное время проводим вместе, ходим в кино, в библиотеку, интересуемся бытом друг друга, оказываем помощь.

5. Основными недостатками, на наш взгляд, являются: отсутствие контроля за выполнением заповедей, нерегулярное подведение итогов социалистического соревнования, слабое распространение опыта пере-

довых коллективов коммунистического труда, а иногда и формальное отношение администрации.

10. Лишить звания можно и даже необходимо, если человек или коллектив нарушает ту или иную заповедь. Желательно лишать на определенные сроки, а потом пересматривать решение.

Ансамбль Б1

7. В. Х., горновой в доменном цехе, 25 лет, студент вечернего института (г. Липецк)

1. Думаю, что самая сильная сторона в жизни коллективов коммунистического труда – новые отношения между людьми. Ведь хорошо работают сейчас очень многие предприятия, но не везде мы видим коммунистическое отношение человека к человеку.

8. Существующий порядок присвоения коллективам почетного звания неправилен. Иногда профкомы, администрация ради цифр присваивают звания коллективам, которые не выполняют необходимых заповедей, а это просто обман.

Бригада, цех или завод, которые борются за высокое звание, должны все время отчитываться о своей работе на страницах печати – и не только цифрами плана, но и полным освещением своей жизни.

Высокое звание коллективам должны присваивать особые советы. При этом решающее слово должно принадлежать Всесоюзному совету, в который должны входить такие герои, как В. Гаганова, Ю. Гагарин и другие. Принимая решение, этот Совет должен учитывать отзывы предприятий – потребителей продукции коллектива, школ, над которыми шефствует данный коллектив, колхозов и всех учреждений, которым приходится сталкиваться с ним.

10. Лишать высокого звания нет необходимости. Ведь это еще движение новое, ошибки тут неизбежны. Но помочь коллективу оправдать высокое звание нужно.

8. М. С., рабочий литейного цеха завода "Красная звезда", 27 лет, студент вечернего отделения политехнического института (г. Кировоград)

1. Главные достижения коллективов коммунистического труда:

а) В производстве – повышение производительности труда и снижение брака, овладение смежными специальностями.

б) В отношениях между людьми – один за всех, все за одного. Старый принцип, не спорю, но смысл он приобрел новый. Не ладится работа у соседа – подскажи ему, умей анализировать ошибки товарища и собственные. Знай радости, горести и заботы не только родственни-

ков, но и своего товарища. День его рождения – праздник и для тебя. Но пусть этот праздник не заключается в поллитровке или подобном.

в) В культуре – культура производства: не только опрятный вид человека и чистое рабочее место, но и культура труда – экономия средств производства. И, несомненно, личная культура, повышение своего культурного уровня.

г) В быту – создание социалистического быта. Раньше говорили: "Мой дом – моя крепость". Нет! Моя крепость – это вся страна, хотя укреплять ее можно и начав со своего дома.

5. Недостатки заключены не в идее соревнования, а в неправильном подходе к нему. Бывают случаи, когда звания присваиваются лишь за одни производственные показатели. Или другой пример. Формовщики часто работают в паре. Но одному из них присваивают звание, а второму нет. Конечно, это неправильно.

7. От ударников к бригадам, от бригад к участкам, от участков – к цехам, отделам и предприятиям коммунистического труда.

8. Присвоение почетных званий становится делом обыденным. Это и хорошо и плохо. Хорошо – так как это означает, что движение за маяки коммунизма охватывает все большие массы трудящихся. Плохо – потому что некоторые руководители начали огулом присваивать высокие звания.

10. Лишать звания не только можно, но и нужно. Но подходить к этому надо очень осторожно. Бывает, одного работника или даже целую бригаду переводят на новый участок работы. Там их производительность, естественно, несколько снижается. Но разве можно их за это лишить звания? Ни в коем случае. Надо помочь людям освоиться с новыми условиями труда.

И еще нет ничего опаснее зазнайства и самоуспокоения. Никогда нельзя сказать, что я сделал все для победы коммунизма. У любого из нас можно найти то, что он мог бы сделать, но не сделал. Люди коммунистического труда – люди ищущие, беспокойные, никогда не останавливающиеся на достигнутом. Отсюда вывод: человек нерастущий, не стремящийся вперед не имеет права носить высокое звание.

Ансамбль Б2

9. Н.И. М., служащий, 30 лет, образование высшее (г. Загорск, Московская обл.)

5. По мысли В.И. Ленина, коммунистический труд – это в первую очередь бесплатный труд на пользу всего общества. Он прямо говорит: «Сначала докажи свою способность на бесплатную работу в интересах

общества, в интересах всех трудящихся, способность работать по-революционному, способность повышать производительность труда, ставить дело образцово, а потом протягивай руку за почетным званием "коммуны"!»

Поэтому я считаю, что бригады коммунистического труда, существующие у нас на заводе, не имеют перспективы и по мере строительства коммунизма исчезнут. Ведь в них не воспитывается основное качество гражданина коммунистического общества – стремление трудиться на благо общества без расчета на вознаграждение. Наоборот, членов этих бригад ставят в такие условия, чтобы они могли успешно выполнять нормы и побольше заработать.

Кроме того, недостатком движения является и то, что бригады коммунистического труда охватывают только определенный круг профессий, например, у нас на заводе – токарей, слесарей, револьверщиков и сборщиков механизмов. А я, к примеру, работаю в контрольном аппарате. Выходит, как бы я ни старался в работе, по существующим правилам я не могу стать ударником комтруда. Конечно, это верно, что объем моей работы не может быть измерен в конкретных единицах... Но неверно ограничивать мои возможности в труде на благо общества. Ведь я мог бы бесплатно участвовать в общественном конструкторском бюро, в добровольной народной дружине, в озеленении родного города, если бы этот труд признавался коммунистическим и получал бы моральное поощрение.

7. Мне кажется, что если исходить из ленинского понимания коммунистического труда, то наиболее перспективными формами его будут: общественные конструкторские бюро, народные дружины, организации общественного контроля, организации технической учебы на общественных началах, агитбригады художественной самодеятельности и т. д.

К сожалению, такие формы общественного труда у нас почему-то не принято называть коммунистическими.

8. Почетное звание должен присваивать территориальный орган, например горисполком, с привлечением широких масс.

10. Лишать коллектив звания можно, если он не отвечает хотя бы одному требованию к коллективу коммунистического труда.

10. Т., медсестра, 20 лет, образование среднее специальное (г. Миргород, Полтавская обл.)

Первое, что я ощутила, читая проект Программы Коммунистической партии, было чувство гордости и счастья за нашу любимую партию, за наш прекрасный народ, за ту замечательную эпоху, в которую мы живем.

Сейчас все советские люди стремятся глубоко продумать и понять содержание Программы Коммунистической партии, определить свое место в этом беспрестанном движении вперед. Делаю это и я.

1. Про человека коммунистического общества Н.С. Хрущев говорил, что для него труд является жизненной потребностью и такой же жизненной потребностью является приобретение новых знаний, повышение культурного уровня. На мой взгляд, самой сильной стороной жизни коллективов коммунистического труда является как раз стремление трудиться на общую пользу. А если у человека или целого коллектива сознание необходимого труда на общую пользу уже сформировалось, то он уже обязательно будет и культурным, и всегда будет стремиться делать людям только добро.

5. Не все еще ясно представляют, какими должны быть требования к коллективу коммунистического труда, к каждому его члену. Иногда присвоение почетного звания проводится безответственно. Видимо, потому, что некоторые руководители считают позорным для себя, если в их районе, на заводе или фабрике не будет коллектива коммунистического труда, но при этом их стремление направлено не на то, чтобы организовать рабочих на соревнование, а чтобы быстрее прославиться. Такой подход к великому делу снижает его ценность.

10. В том случае, если коллектив (человек) систематически не выполняет план, не работает над собой, если его не интересует окружающий мир и у него нет стремления вперед, к новому, почетное звание отбрасывать можно.

Р. С. В движении за коммунистический труд участия не принимаю, ибо у нас в больнице нет коллективов, которые бы боролись за это звание. Но я еще и не слыхала, чтобы в какой-либо больнице был такой коллектив, а было бы очень хорошо — обслуживать больных по-коммунистически.

11. Г. Г., артистка (г. Кишинев)

Мне кажется, при присуждении почетного звания члена бригады (ударника) коммунистического труда нужно оценивать все стороны жизни человека и оценивать серьезно. Главное, всесторонне. Ведь звание это очень высокое.

Работает человек хорошо, план выполняет, рабочее место в порядке — все это, конечно, очень важно. Но это далеко еще не все! А учится он? Совершенствует ли свое мастерство? Или работает сегодня так же, как и год и два тому назад? Посещает ли театры, ходит ли на симфонические концерты? А как он дома, с женой, детьми? Только ответив на все эти вопросы, можно решить, заслуживает человек или нет высокого звания разведчика будущего.

Об одном факте я, например, просто не могу писать без волнения. У нас в Кишиневе в парикмахерской при центральных банях висит табличка: "Здесь работает коллектив, борющийся за право называться коллективом коммунистического труда"... Давно висит. Много месяцев. Здесь работают и старые мастера, и молоденькие девушки-комсомолки. Так вот все они без зазрения совести берут чаевые. Ну, старые люди – куда еще ни шло – привыкли, работали при буржуазном режиме... Но молодые?! Почему они начинают шагать в коммунистическое завтра, бряцая копейками в кармане, поданными им, как нищим на паперти собора? Почему они не окинут презрением нас за эти чаевые? А ведь это рождает у них легкий взгляд на труд и, самое главное, ужасно их унижает.

12. Е. М., студент политехнического института, 22 года (г. Киев)

Сейчас, когда читаешь проект Программы КПСС, невольно проникаешься каким-то особенным чувством: тебе довелось жить в период построения коммунизма... Коммунизм! Не правда ли, здорово звучит это слово! Короткое, а сколько в нем смысла!

1. Сильные стороны жизни коллектива коммунистического труда проявляются во всем, в особенности в отношениях между людьми, потому что уже сегодня каждый разведчик будущего должен бороться за человека, т. е. не только очищать себя от пережитков прошлого, но и болеть всей душой за то, чтобы сосед, друг, знакомый стал врагом всяких пережитков.

5. Некоторые товарищи – руководители предприятий иногда искусственно делают (!) "бригады коммунистического труда": собирают людей, которые где-нибудь учатся, дают им удобные нормы и задания, снабжают без задержек материалами в ущерб другим бригадам и т. д.

8. В целом порядок правилен, но есть перегибы. При присвоении бригаде звания коммунистической нужно учитывать такой фактор, как отношение к деньгам: для членов бригады они не должны быть главным стимулом борьбы за почетное звание, как это иногда случается.

10. Лишать званий не только можно, но и нужно.

13. А. И., каменщик в СУ "Промспецстрой", 24 года, образование 7 классов (г. Сталинка, Кемеровская обл.)

1. Коллективы коммунистического труда я встречал только на стройке и буду писать лишь о них. Сильная сторона их жизни в производстве та, что они не отказываются ни от какой работы, которая возлагается на бригаду. Но это, пожалуй, и все. Отношения между людьми – обычные. В быту – одеваются, как все, и, как все, пьют водку.

5. Соревнования за коммунистический труд, мне кажется, не может быть у нас во всех строительных бригадах. Почему? Для этого всех надо обеспечивать всеми необходимыми материалами в достаточном количестве. Но об этом у нас в СУ даже не приходится мечтать. Когда в тресте организовывали одну коммунистическую бригаду, ей, конечно, материалов подбросили побольше. Наша же бригада давно стремилась включиться в соревнование, но, увы... Ее силы и возможности используются не больше чем на 70%.

7. Я считаю, что наиболее перспективное дело для роста производительности и для укрепления дисциплины – это премирование бригад. Тогда каждый член бригады возьмет прогульщика "в ежовые рукавицы". Вот тогда выйдем лень, и каждый будет ценить труд "товарища по оружию".

14. В. Р., бригадир животноводов (пос. Ола, Магаданская обл.)

Живу я очень далеко от центра, но благодаря радио и газетам знаю все. Я прекрасно помню те волнующие дни, когда мы узнали об инициативе товарищей из Москвы-Сортировочной. Признаюсь, их инициатива очень взволновала меня тогда – ведь речь шла о моральном облике человека будущего, т. е. о борьбе за окончательное искоренение самых живучих отрицательных черт и привычек.

Как и следовало ожидать, движение это сразу подхватили. Но, к сожалению, не везде поняли достаточно глубоко. Я работал тогда в маленьком совхозе (250–260 постоянных рабочих). И представьте, в короткий срок у нас было создано шесть или даже семь бригад, борющихся за звание коммунистических. Стоит ли говорить, что это были бабочки-однодневки, которые вскоре прекратили свое существование.

О поспешности, допущенной кое-где в этом великом деле, говорят и другие факты. Я, например, видел в нашем клубе подвыпивших ребят из бригады коммунистического труда с рыбокомбината. Разве это возможно?

Отлично работать, перевыполнять план – такое наши социалистические предприятия знали и раньше, например в период стахановского движения. Для членов же коммунистических бригад эта сторона должна быть аксиомой, которую не нужно даже записывать в заповедь как изначальное, само собой разумеющееся положение. Чем действительно отличается новое движение от всех предыдущих – это борьба за новый моральный облик человека. Раньше, бывало, рабочий, перевыполнив норму, шел и брал пол-литра. Разумеется, это не украшало его, но с этим мирились. Для члена же бригады коммунистического труда такой поступок – преступление.

То же и в смысле отношения человека к труду. К сожалению, здесь у нас нередко все сводится исключительно к выполнению плана. Вот по

радио на днях было сказано: ребята работают в такой-то бригаде коммунистического труда, дают по столько-то процентов сверх нормы ежедневно, почти полностью ликвидировали прогулы. А по-моему, стыдно даже рядом упоминать эти два понятия: член бригады коммунистического труда и прогул. Прогул – это проявление некоммунистической морали, и он должен быть в корне искоренен еще в период борьбы за звание бригады коммунистического труда.

Я наговорил много, и, пожалуй, не все ясно. Вот что я предлагаю:

1. Необходимо запретить скоропалительное присвоение высокого звания.

2. Потребовать от райкомов и других комсомольских организаций тщательнее готовить ту почву, на которой должны расти бригады коммунистического труда.

3. Провести проверку существующих бригад.

3. Количественные результаты исследования

Сохранившиеся в архивах материалы с количественными результатами опросов представляют собой:

а) рукописную таблицу с распределением ответов на вопросы анкеты "А" (одна широкоформатная "простыня");

б) рукописные таблицы с распределением ответов на вопросы анкеты "Б" (шесть крупноформатных листов).

После содержательной реконструкции и компьютерной обработки этой информации все заключенные в ней данные удалось представить в одиннадцати таблицах, первые четыре из которых относятся к ансамблю А, одна (таблица 1а) – к ансамблям Б1 и Б2, а шесть остальных (таблицы 5–10) – ко всем трем ансамблям.

В таблицах 1а, 4, 5, 7, 8 и 10 фигурируют как некоторые общие, или "родовые", ответы (их цифровые коды выделены в тексте полужирным шрифтом), так и конкретизирующие их частные, или "видовые", суждения. В большинстве случаев сумма последних не совпадает с объемом первых, оказываясь то больше, то (чаще) меньше этого объема. Это вызвано либо тем, что респонденты, конкретизируя общее высказывание, могли дать не один, а несколько таких уточнений, либо тем, что таких детализаций, напротив, было недостаточно.

В таблице 6 содержатся ответы на полузакрытый вопрос, где четыре первые суждения предлагались респондентам в ходе вопроса, тогда как пять заключительных были сформулированы ими самими в ответ на предложение "Возможно, какая-либо иная проблема?".

Таблица 1. Ответы на вопрос "Что представляло для вас наибольшую трудность в борьбе за звание коллектива коммунистического труда? Что вы считаете своим главным достижением?" (в % к объему ансамбля А; nА = 367)

Групп	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
В цело	73,2	34,8	31,3	28,8	17,1	10,9	9,5	9,5	7,9	6,5	4,1	3,5	2,2	1,1
Гос	74,0	34,7	32,4	28,9	17,2	11,4	8,7	10,2	8,1	6,7	3,8	3,8	2,3	0,8
Колх	64,0	36,0	16,0	28,0	16,0	4,0	20,0	0,0	4,0	4,0	8,0	0,0	0,0	4,0
Стар	72,3	36,6	32,4	26,1	12,5	11,0	14,1	7,8	6,2	7,8	3,6	0,5	1,5	1,5
Мол	74,4	32,9	30,1	31,8	22,1	10,8	4,5	11,3	9,6	5,1	4,5	6,8	2,8	0,5

- 1 – борьба за нового человека
- 2 – воспитание коммунистического отношения к труду
- 3 – воспитание коллективизма
- 4 – рост профессионального мастерства
- 5 – сочетание работы с учебой
- 6 – укрепление трудовой дисциплины
- 7 – преодоление плохих условий труда
- 8 – овладение смежными профессиями
- 9 – ликвидация брака и повышение качества продукции
- 10 – освоение новейшей техники
- 11 – преодоление мелкособственнических, религиозных и иных пережитков
- 12 – улучшение поведения людей в быту
- 13 – усиление общественной активности членов коллектива
- 14 – трудностей не было

Таблица 2. Ответы на вопрос "Какие новые черты отличают труд вашего коллектива?" (в % к объему ансамбля А; nА = 367)

Группа	1	2	3	4	5
В целом	66,7	62,4	37,3	17,4	9,5
Техники	66,0	62,5	39,4	18,4	9,9
Классиков	76,0	60,0	8,0	4,0	4,0
Старейших	69,6	58,6	32,4	17,8	10,0
Молодых	63,6	66,4	42,6	17,0	9,0

- 1 – высокая сознательность в отношении к труду (примерная дисциплина, работа с личным клеймом без ОТК и т. п.)
- 2 – высокая производительность труда
- 3 – творческое отношение к труду (овладение новейшей техникой, передовыми методами, рационализаторство и т. п.)
- 4 – безвозмездность труда
- 5 – высокая культура производства

Таблица 3. Ответы на вопрос "Какие изменения произошли в вашей жизни с тех пор, как вы избрали своей заповедью "Жить по-коммунистически"?" (в % к объему ансамбля А; nА = 367)

Группа	1	2	3	4	5	6
В целом	73,2	66,2	63,2	28,3	24,0	16,0
Гос	72,8	66,0	62,8	26,6	25,1	16,0
Колх	80,0	68,0	68,0	52,0	8,0	16,0
Стар	79,6	65,4	63,8	31,4	19,8	21,5
Мол	66,4	67,0	62,5	25,0	28,4	10,2

- 1 – в целом улучшились отношения между членами коллектива
- 2 – повысилась общая культура людей (они стали больше учиться, читать, заниматься искусством)
- 3 – укрепилась дружба членов коллектива, выросла их взаимопомощь (в том числе вне работы)
- 4 – повысился идейно-политический уровень людей, их общественная активность
- 5 – улучшилось поведение людей в быту (семье, общественных местах и др.)
- 6 – выросло доверие людей друг к другу, в том числе в денежных делах (получение зарплаты без кассира и т. д.)

Таблица 4. Ответы на вопрос "В какой степени и каким образом ваш коллектив оказывает влияние на жизнь других людей?" (в % к объему ансамбля А; nА = 367)

Группы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
В целом	59,6	20,9	46,0	43,5	38,4	13,3	14,7	6,2	1,6	1,3	3,8
Гос	28,0	19,6	43,5	46,2	40,3	14,0	14,6	6,7	1,7	1,4	3,8
Колх	92,0	40,0	80,0	12,0	12,0	4,0	16,0	0,0	0,0	0,0	4,0
Стар	59,1	19,3	44,0	46,0	40,8	18,8	14,6	6,8	1,0	1,5	3,6
Мол	60,2	22,7	48,3	41,4	36,3	7,3	14,6	5,6	2,2	1,1	3,9

- 1 – помощь в труде, в т. ч. 2
- 2 – переход в отстающие бригады
- 3 – обмен опытом со смежными предприятиями
- 4 – шефская работа, в т. ч. 5–6
- 5 – с подрастающим поколением (в школах, пионерлагерях и т. д.)
- 6 – в колхозах и совхозах
- 7 – воспитательная работа, в т. ч. 8–10
- 8 – путем приема в коллектив отстающих
- 9 – среди населения района
- 10 – в молодежных общежитиях
- 11 – участие в соревнованиях

Таблица 1а. Ответы на вопрос "В чем вы видите самые сильные стороны жизни коллективов коммунистического труда?" (в % к объему ансамблей Б1 и Б2; пБ1 = 461, пБ2 = 834)

Ансамбль Б1

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
В целом	51,4	12,1	8,4	1,3	1,1	56,4	16,7	11,2	18,4	17,7	3,4	0,8	0,4	19,5	0,6	8,4
До 26	57,3	11,6	10,4	1,5	0,7	53,5	19,1	12,0	18,3	15,7	3,0	1,5	0,7	16,8	0,7	4,5
27-55	43,5	13,2	5,3	0,5	1,5	61,7	13,8	10,6	19,1	20,1	4,2	0,5	0,0	23,9	0,5	13,8
56 и ст	33,3	0,0	16,6	16,6	0,0	16,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	16,6
Н/средн	57,9	10,0	9,2	0,0	0,4	57,9	14,2	6,7	19,3	19,3	3,3	0,0	0,0	19,3	0,4	8,3
Средн	54,8	14,2	9,6	1,5	0,7	53,2	15,4	12,7	16,9	15,0	2,7	1,1	0,7	17,3	0,3	3,4
Высш	31,3	8,4	3,6	2,4	2,4	63,8	24,0	13,2	21,6	24,0	6,0	2,4	0,0	24,0	1,2	24,0

Ансамбль Б2

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
В целом	53,6	11,3	7,0	1,8	0,3	51,4	16,4	9,4	24,3	14,2	3,3	0,8	0,4	13,7	1,3	6,3
До 26	54,3	13,1	5,2	1,1	0,6	51,7	15,0	7,8	27,6	15,7	4,5	1,5	0,6	12,9	1,3	6,5
27-55	53,9	9,1	10,6	0,7	0,0	53,9	19,9	12,1	20,6	11,1	1,3	0,0	0,3	14,1	0,3	6,5
56 и ст	46,8	9,3	4,7	12,5	0,0	37,4	9,3	9,3	18,7	18,7	4,7	0,0	0,0	18,7	6,2	4,7
Н/средн	49,5	14,3	8,5	1,1	0,5	53,7	22,3	11,2	31,9	15,4	4,8	2,1	0,5	9,5	0,5	5,6
Средн	56,0	12,7	5,3	1,1	0,2	50,2	14,9	9,1	21,3	14,0	2,2	0,7	0,7	15,3	1,3	6,6
Высш	52,0	5,6	9,7	4,1	0,5	52,0	14,3	8,7	23,9	13,8	4,6	0,0	0,0	14,3	2,0	6,2

- 1 – высокие производственные показатели, в т. ч. 2-5
- 2 – высокая сознательность в отношении к труду, образцовая дисциплина
- 3 – возросшая производительность труда, улучшение качества продукции
- 4 – рост элементов творчества, высокий уровень рационализаторства
- 5 – совершенствование мастерства, владение несколькими профессиями
- 6 – существенные улучшения в отношениях между людьми, в т. ч. 7-8
- 7 – развитие коллективизма
- 8 – высокий уровень взаимопомощи в соответствии с девизом "Один за всех и все за одного"
- 9 – возросшая культура членов коллектива, в т. ч. 10-13
- 10 – улучшение поведения в быту (семье, общественных местах)
- 11 – повышение образования
- 12 – активное участие в общественной жизни
- 13 – повышение интереса к литературе, искусству
- 14 – воспитание качеств нового человека
- 15 – развитие форм безвозмездного труда
- 16 – сильные стороны отсутствуют

Таблица 5. Ответы на вопрос: "Какие недостатки имеют место в соревновании за коммунистический труд?" (в % к объему ансамблей А, Б1 и Б2; nA = 367; nБ1 = 461, nБ2 = 834)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
А В целом	63,7	27,2	26,1	12,8	5,1	2,2	9,5	5,7	5,7	2,7	5,1
Гос	64,8	28,0	28,0	13,7	5,5	2,3	9,9	5,8	5,8	2,9	4,3
Колх	48,0	16,0	0,0	0,0	0,0	0,0	4,0	4,0	4,0	0,0	16,0
Стар	63,8	22,5	12,0	13,6	5,2	1,5	8,3	6,8	6,2	2,1	3,6
Мол	63,6	32,3	41,4	11,8	5,1	2,8	10,8	4,5	5,1	3,4	6,8
Б1 В целом	78,5	25,3	13,0	16,7	18,0	4,3	5,4	2,6	2,1	1,9	3,0
До 26	76,7	21,7	13,8	13,8	20,2	4,8	4,8	0,7	0,7	1,1	4,1
27-55	80,3	25,5	11,7	20,7	14,3	3,1	6,3	5,3	4,2	3,1	1,5
56 и ст	16,6	16,6	16,6	16,6	33,3	16,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Н/средн	70,1	22,6	10,0	5,0	16,8	5,8	7,5	4,1	3,3	2,5	6,7
Средн	82,6	27,0	5,0	22,3	14,2	3,4	4,6	2,7	1,9	1,1	2,3
Высш	77,0	24,0	6,0	15,6	19,2	4,8	4,8	0,0	1,2	3,6	0,0
Б2 В целом	68,4	24,2	11,1	19,3	18,4	5,0	4,3	2,8	2,1	2,2	2,4
До 26	59,4	27,6	10,1	12,9	18,9	5,2	3,9	1,1	1,9	1,9	3,6
27-55	80,7	17,9	14,1	26,8	18,3	5,6	4,9	3,9	2,9	3,3	1,3
56 и ст	74,8	29,7	4,7	29,7	15,6	1,5	4,7	10,0	0,0	0,0	0,0
Н/средн	72,9	21,3	13,8	17,5	19,6	4,3	6,9	3,7	1,1	0,5	4,3
Средн	59,5	28,2	10,4	14,4	19,3	6,2	4,9	2,0	2,4	2,7	2,7
Высш	84,7	17,9	10,2	32,1	15,3	3,0	0,5	4,6	2,6	3,0	0,0

1 – формализм в присуждении званий, в т. ч. 2-6

2 – односторонность критериев, учет лишь производственных показателей

3 – отсутствие контроля за выполнением обязательств

4 – нарушение принципа добровольности

5 – присвоение званий без достаточных оснований (очковтирательство)

6 – создание для вступивших в борьбу за звание искусственных условий

7 – нечеткость в руководстве движением

8 – невозможность участия в движении администрации и служащих

9 – неразработанность общих норм движения

10 – неконкретность обязательств

11 – недостатков нет

Таблица 6. Ответы на вопрос: "С решением какой из проблем вы связываете в первую очередь дальнейшее массовое распространение движения?" (в % к объему ансамблей А, Б1 и Б2; nА = 367, nБ1 = 461, nБ2 = 834)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9
А В целом	69,4	51,5	40,6	34,6	23,4	10,9	3,8	1,3	0,8
Гос	69,8	50,0	40,3	35,3	23,4	10,8	3,8	1,4	0,8
Колх	64,0	72,0	44,0	24,0	24,0	12,0	4,0	0,0	0,0
Стар	69,1	51,8	40,8	37,6	24,6	12,0	4,7	0,5	1,0
Мол	70,0	51,1	40,3	31,2	22,1	9,6	2,8	2,2	0,5
Б1 В целом	71,3	46,0	29,9	26,0	6,5	5,8	3,6	1,8	3,0
До 26	78,2	49,8	26,5	26,2	5,9	4,8	5,6	0,3	2,6
27-55	62,2	40,9	33,5	26,0	7,4	6,9	0,5	2,1	3,7
56 и ст	50,0	33,3	50,0	16,6	0,0	16,6	0,0	0,0	0,0
Н/средн	75,6	57,1	41,1	37,8	7,5	7,5	6,7	2,5	5,0
Средн	71,0	42,8	30,1	25,8	8,1	5,7	3,0	0,7	3,0
Высш	66,2	39,6	13,2	9,6	0,0	3,6	1,2	0,0	0,0
Б2 В целом	75,4	42,2	30,0	22,6	3,7	3,1	3,9	1,3	3,3
До 26	76,3	46,3	32,5	22,4	5,4	2,8	4,5	0,6	3,9
27-55	76,1	36,9	25,2	23,2	1,6	2,9	3,9	1,6	2,9
56 и ст	65,6	37,4	35,9	21,8	1,5	6,2	0,0	4,7	3,1
Н/средн	77,1	44,7	33,5	26,6	6,9	6,4	4,8	1,6	4,3
Средн	74,7	44,7	31,8	23,1	3,6	2,0	7,9	1,1	3,8
Высш	75,5	34,1	22,9	17,9	1,0	2,6	4,6	1,5	1,5

1 – рост сознательности людей

2 – повышение образования и культуры

3 – внедрение новейшей техники

4 – совершенствование профессионального мастерства

5 – распространение передового опыта

6 – улучшение организации производства

7 – повышение материального благосостояния

8 – дальнейшая демократизация управления

9 – изменение отношения к человеку, рост уважения и доверия к нему

Таблица 7. Ответы на вопрос "В каких формах будет развиваться в дальнейшем движение за коммунистический труд?" (в % к объему ансамблей А, Б1 и Б2; nА = 367, nБ1 = 461, nБ2 = 834)

Группа		1	2	3	4	5	6
А	В целом	12,0	42,2	19,8	18,8	11,4	45,8
	Гос	12,5	44,1	21,0	19,6	11,7	43,4
	Колх	4,0	16,0	4,0	8,0	8,0	80,0
	Стар	12,5	44,5	21,5	22,5	13,1	43,0
	Мол	11,3	39,8	18,1	17,6	9,6	48,9
Б1	В целом	12,3	34,2	18,4	8,0	1,08	53,5
	До 26	11,6	25,4	18,3	8,6	1,1	63,0
	27-55	13,2	41,4	18,6	6,9	1,0	45,4
	56 и ст	16,6	33,3	16,6	16,6	0,0	50,1
	Н/средн	9,2	31,0	15,8	6,7	0,4	59,8
	Средн	13,5	38,6	19,3	9,2	1,5	47,9
	Высш	13,2	25,3	20,4	6,0	0,0	61,5
Б2	В целом	9,1	37,5	14,6	9,7	2,0	53,4
	До 26	9,0	39,2	15,0	12,5	2,8	51,8
	27-55	10,6	34,9	13,7	6,5	1,3	54,5
	56 и ст	3,1	32,8	15,6	4,7	0,0	64,1
	Н/средн	7,9	28,7	13,8	7,9	1,6	63,4
	Средн	9,5	39,5	14,8	11,7	2,9	51,0
	Высш	9,2	41,3	14,8	7,1	0,5	49,5

1 – индивидуальное ударничество

2 – коллективные формы, в т. ч. 3-5

3 – малые производственные коллективы (бригады, смены, цеха, отделы)

4 – крупные производственные коллективы (предприятия)

5 – сверхкрупные объединения (районы, города)

6 – затруднились ответить

Таблица 8. Ответы на вопрос: "Нуждается ли в изменениях существующий порядок присвоения почетного звания?" (в % к объему ансамблей А, Б1 и Б2; nА = 367, nБ1 = 461, nБ2 = 834)

Группа		1	2	3	4	5	6	7
А	В целом	39,7	38,1	14,4	8,2	4,1	2,7	22,2
	Гос	38,6	38,9	14,3	7,8	4,3	2,9	22,5
	Колх	56,0	28,0	16,0	12,0	0,0	0,0	16,0
	Стар	47,1	38,1	13,1	8,9	4,1	4,7	14,8
	Мол	31,8	38,0	15,9	7,3	3,9	0,5	30,2
Б1	В целом	26,9	52,2	12,5	8,6	3,2	4,5	20,9
	До 26	35,5	46,8	10,1	5,6	2,9	4,4	17,7
	27-55	14,8	59,0	15,9	12,2	3,7	4,7	26,2
	56 и ст	16,6	83,3	16,6	16,6	0,0	0,0	0,1
	Н/средн	33,6	50,4	15,8	8,3	3,3	2,5	16,0
	Средн	30,1	54,0	11,5	8,8	4,2	5,7	15,9
Б2	Высш	7,2	49,2	10,8	8,4	0,0	3,6	43,6
	В целом	22,4	60,8	9,7	10,9	4,2	5,1	16,8
	До 26	29,3	55,0	10,6	10,3	4,5	5,6	15,7
	27-55	13,7	73,5	9,1	12,4	2,9	5,6	12,8
	56 и ст	14,0	42,2	6,2	7,8	7,8	0,0	43,8
	Н/средн	23,4	43,6	6,9	9,5	2,1	3,7	33,0
Средн	25,3	66,9	9,8	10,0	5,5	6,0	7,8	
Высш	14,9	63,3	12,2	14,3	3,0	5,1	21,8	

1 – нет, не нуждается

2 – да, нуждается, в т. ч. 3-6

3 – необходимо усилить элемент торжественности

4 – необходимо усилить элемент гласности

5 – присвоению звания коллективу должно предшествовать присвоение званий всем его членам

6 – необходимо ввести испытательный срок

7 – затруднились ответить

Таблица 9. Ответы на вопрос: "За кем следует оставить право решающего голоса при присуждении почетного звания, каким должно быть участие в этом масс?" (в % к объему ансамблей А, Б1 и Б2; nA = 367, nБ1 = 461, nБ2 = 834)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
A										
В целом	74,6	38,1	17,1	15,5	5,7	4,7	2,7	2,4	1,1	0,5
Гос	75,4	39,4	16,7	15,5	5,2	5,2	2,3	2,6	1,1	0,5
Колх	64,0	20,0	24,0	16,0	12,0	0,0	8,0	0,0	0,0	0,0
Стар	74,8	43,5	13,6	16,2	6,8	5,7	1,0	3,1	1,0	1,0
Мол	74,4	32,3	21,0	14,7	4,5	3,9	4,5	1,7	1,1	0,0
Б1										
В целом	71,1	14,9	12,3	8,8	12,5	2,8	2,1	8,2	2,1	4,1
До 26	67,4	13,4	13,1	8,6	13,8	3,0	2,6	6,7	2,3	4,1
27-55	76,0	17,5	11,7	9,5	11,1	2,6	1,5	10,6	2,1	3,1
56 и ст	83,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	33,3
Н/средн	69,7	15,8	14,2	10,0	18,4	4,1	0,0	5,0	4,1	4,1
Средн	73,7	15,4	13,1	10,0	12,7	2,3	2,7	10,0	0,7	3,0
Высш	65,0	12,0	7,2	3,6	3,6	2,4	3,6	7,2	3,6	7,3
Б2										
В целом	66,0	12,9	13,6	9,7	14,1	4,3	4,4	6,2	2,8	4,2
До 26	68,3	9,9	13,9	10,9	11,6	2,8	5,2	5,2	2,8	4,5
27-55	61,8	16,0	12,7	7,5	15,7	5,6	3,6	7,5	3,6	4,6
56 и ст	70,3	20,3	15,6	10,9	25,0	9,3	3,1	7,8	1,5	0,0
Н/средн	61,2	9,5	12,2	5,6	6,4	5,6	3,7	4,3	1,1	5,3
Средн	66,2	12,7	14,7	11,8	16,4	3,1	5,3	6,0	3,3	4,2
Высш	70,4	16,8	12,7	9,2	16,3	5,6	3,0	8,7	3,6	3,0

1 – собрание вышестоящего коллектива (для бригады – цех, для цеха – предприятие и т. д.)

2 – профсоюзы

3 – партийные организации

4 – комсомольские организации

5 – представители широкой общественности (семьи, соседи, жители города)

6 – совет коллективов и ударников коммунистического труда на предприятии

7 – администрация предприятия

8 – собрание самого коллектива, которому присваивается звание

9 – смежные организации (поставщики, потребители)

10 – специально созданный для этой цели орган

Таблица 10. Ответы на вопрос: "Можно ли лишать человека (коллектив) почетного звания?" (в % к объему ансамблей А, Б1 и Б2; пА = 367, пБ1 = 461, пБ2 = 834)

Группа		1	2	3	4	5	6
А	В целом	9,0	82,7	11,4	67,8	3,5	8,3
	Гос	9,6	81,5	10,8	67,2	3,5	8,9
	Колх	0,0	100,0	20,0	76,0	4,0	0,0
	Стар	8,3	85,2	12,5	68,6	4,1	6,5
	Мол	9,6	80,0	10,2	67,0	2,8	10,4
Б1	В целом	10,4	83,5	8,6	74,1	0,8	6,1
	До 26	4,2	81,1	7,4	73,0	0,7	14,7
	27-55	8,5	87,1	10,1	76,0	1,0	4,4
	56 и ст	33,3	66,6	0,0	66,6	0,0	0,1
	Н/средн	5,8	89,3	15,8	73,1	0,4	4,9
	Средн	12,7	84,8	7,3	76,4	1,1	2,5
Б2	В целом	13,0	83,7	17,5	65,1	1,1	3,3
	До 26	12,5	87,1	14,4	72,1	0,6	0,4
	27-55	16,0	79,8	25,2	53,3	1,3	4,2
	56 и ст	3,1	78,1	3,1	71,9	3,1	18,8
	Н/средн	16,5	79,8	10,1	69,2	0,5	3,7
	Средн	10,6	87,6	24,2	62,5	0,9	1,8
	Высш	15,3	78,6	9,2	67,4	2,0	6,1

1 – нельзя – ни человека, ни коллектив

2 – можно, в т. ч. 3–5

3 – можно человека и нельзя коллектив

4 – можно и человека, и коллектив

5 – можно и человека, и коллектив, но только на определенный срок

6 – затруднились ответить

4. Краткий комментарий к результатам исследования

По своему предмету и полученной информации рассматриваемые исследования без преувеличения могут быть отнесены к разряду уникальных; причем не только в деятельности ИОМ "КП", но и во всей отечественной истории изучения общественного мнения: ведь в них впервые напрямую, без каких-либо обиняков и методических хитростей выяснялись взгляды людей по поводу хода и перспектив "строительства коммунизма" в стране и тем самым массовые представления о коммунизме как таковом. Конечно, использованные в этих опросах выборочные совокупности не представляли всего населения СССР и потому не дают возможности судить о положении вещей во вселенной "Советский народ в целом". Однако многое с помощью этих исследований прояснить все же удастся, и прежде всего самое главное – **меру и характер реальной включенности народных масс в собственно коммунистическую идеологию и практику той поры.**

Известно, что непосредственно в эпоху Хрущева на этот счет и в официальной пропаганде, и в широком общественном сознании безраздельно господствовала точка зрения, согласно которой в "строительстве коммунизма" поголовно участвовал *весь советский народ* – как на уровне общественно-практической деятельности людей, так и на уровне осознания ими целей своей жизни, их тех или иных размышлений и переживаний по поводу осуществления "вековой мечты человечества". Именно эта оценка входила в корпус основных постулатов тогдашней пропаганды, и официальная статистика подкрепляла ее более чем внушительно: если суммировать все цифры, приведенные в начале главы, получится, что к концу 1961 г. к движению за коммунистический труд прямо или косвенно, в тех или иных формах и в той или иной степени были причастны никак не менее 75 миллионов человек, считая все виды тружеников и членов их семей.

Известно и то, что после случившегося обвального коллапса коммунистической системы взгляд на обсуждаемый предмет коренным образом изменился. По мнению большинства критиков тоталитарного социализма, судящих о вещах с позиций конца XX столетия, "строительство коммунизма" в СССР во все времена представляло собой всего лишь грандиозную историческую мифологию, гигантскую чисто идеологическую, пропагандистскую акцию и, в частности, в эпоху Хрущева было *сплошным обманом масс*, попавшихся на удочку III Программы КПСС с ее завораживающим обещанием: **нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!**

Несомненная значимость рассматриваемых теперь исследований, помимо всего прочего, заключается в том, что они, если и не позволяют со скрупулезной точностью восстановить действительную историческую картину вещей, то, во всяком случае, убедительно обнаруживают недопустимую тенденциозность обоих изложенных взглядов на предмет.

На самом высоком уровне генерализации полученные в опросах "А" и "Б" данные свидетельствуют о наличии в составе тогдашнего населения страны как минимум пяти различных типов масс, с точки зрения их не формального (лишь вербально выраженного), а фактического отношения к движению за коммунистический труд:

1) людей, осознающих себя активными строителями коммунизма, искренне разделяющих принципы этого движения и стремящихся реализовать их на практике;

2) людей, осознающих себя активными строителями коммунизма и хотя и не участвующих по тем или иным (преимущественно объективным) причинам в движении, тем не менее активно поддерживающих его принципы, испытывающих к ним явный позитивный интерес;

3) людей, не ставящих под сомнение саму общую идею развития советского общества по направлению к коммунизму, более того, готовых активно участвовать в этом процессе, но не разделяющих принципов обсуждаемого движения, стоящих в оппозиции (явной или скрытой) по отношению к нему, полагающих, что у движения нет ни настоящего, ни будущего;

4) людей, участвующих в движении либо поддерживающих его, однако делающих то и другое (в силу определенных политических, идеологических причин либо из соображений выгоды, стремления быть как все и т. д.) лишь формально, на словах, без сколько-нибудь искреннего желания строить коммунизм; и, наконец,

5) людей, стоящих полностью в стороне от обсуждаемой проблематики – как правило, вовсе не верящих в победу коммунизма и, уж во всяком случае, не осознающих себя участниками "коммунистического строительства" и потому активно уклоняющихся от любых разговоров на эти темы.

Наличие в советском обществе времен Хрущева первых трех из названных типов массового сознания выразительно иллюстрируется едва ли не всеми текстами, представленными в параграфе 2: первый тип – в анкетах 1–8, второй – в анкетах 10, 12, третий – в анкетах 9, 14. И взятое в совокупности содержание всех этих высказываний категорически опровергает оценку "строительства коммунизма" в СССР в качестве всего лишь идеологического образования, некоего "сплошного мифа", показывая, что в рассматриваемую эпоху (как, кстати говоря, и прежде, в дово-

енном советском обществе) данный феномен был по своей природе намного сложнее. Из приведенных текстов можно видеть, что он реализовывался и существовал не только в сфере *духа, идей, слов*, не только в виде бесконечных текстов пропаганды, но и – в качестве так называемой *второй реальности*, искусственно сконструированной идеологами и внедренной в жизнь общества, – в сфере *социального бытия, реальных действий миллионов людей*, т. е. во множестве вполне материальных практик, которые осуществлялись массами в труде, быту, человеческих отношениях.

Говорить о присутствии среди респондентов, участвовавших в исследованиях, носителей четвертого типа сознания и поведения довольно затруднительно, если вообще возможно, особенно в рамках газетного опроса, коль скоро эти люди вряд ли имели серьезные мотивы для того, чтобы браться за перо с целью продемонстрировать свою "высокую идейность". Однако в их широком распространении в тогдашнем советском обществе сомневаться, конечно же, не приходилось. Этот факт прямо подтверждается в том числе проведенными исследованиями: ведь все группы опрошенных единодушно отмечали, что *главным минусом* движения за коммунистический труд является как раз *формализм*, многочисленные и разнообразные виды расхождений между словами и делами, включая прямое очковтирательство со стороны руководителей и рядовых участников движения (см. таблицу 5, а также анкеты 3, 6, 10, 12, 14 в параграфе 2).

Очевидно, наличие в обществе уже одного только этого четвертого типа масс ставило под сомнение тезис о том, что в "строительстве коммунизма" тогда участвовал весь советский народ поголовно. И этот тезис совсем уже решительно перечеркивался бесспорным фактом существования в народе огромных масс людей, относящихся к пятому типу сознания и поведения. Разумеется, эти люди на призыв "Комсомольской правды" (по определению) не откликнулись и на анкету не отвечали. Однако их *активное отсутствие* в опросе "Б" подтверждалось не только разного рода косвенными, но и вполне прямыми доказательствами. Дело в том, что примерно два десятка читателей "КП", представляющих данный сегмент массового сознания и поведения, не ответив на анкету, свои письма в редакцию все же прислали и в них настойчиво предлагали ИОМ "КП" "не заниматься глупостями", а обратиться к "реальным проблемам, волнующим общество". «Как вам не стыдно, вы же умные люди, – писал, в частности, житель г. Курска В. Г-й, один из таких "аутистов", назвавшийся "пролетарием умственного труда". – Разве вы не знаете, что все эти "разведчики" – сплошное вранье и очковтирательство! Кто-то захотел на этом заработать, а народ как был стадом баранов, так им и остал-

ся. Не о коммунизме нам надо говорить, а о том, чтобы залатать постыдные дыры в жизни общества, сделать нашу жизнь просто нормальной, пристойной, такой, какой живут все люди во многих странах и без всякого вашего "коммунистического труда" и "коммунистического быта"...»

В каких именно количественных пропорциях находились по отношению друг к другу названные пять сегментов общества, сказать точно трудно. Однако на основе полученных в рассматриваемых исследованиях данных с полным основанием можно утверждать, во-первых, что искренняя включенность народа в "коммунистическую" проблематику на уровне деятельности поведения заведомо не была нулевой, и, во-вторых, что официальная статистика грубо фальсифицировала реалии, сваливая в одну кучу действительных и мнимых "разведчиков будущего" и тем самым непомерно завышая общее количество существовавших в стране участников движения за коммунистический труд.

Последнее становится ясным уже из более чем скромного объема участников газетного опроса, составивших ансамбль Б1. Их было всего 461 человек, хотя за ними, по официальным данным, стояли сотни тысяч читателей "Комсомольской правды" из многих миллионов уже имевшихся в стране "ударников коммунистического труда" и борющихся за это почетное звание. Беспрецедентно малым во всей истории газетных опросов ИОМ "КП" было и общее количество респондентов, откликнувшихся на призыв газеты высказаться по поводу "коммунистического труда" (сумма ансамблей Б1 и Б2)¹. Это означало, что **действительный интерес широкой публики к обсуждаемому предмету был явно ограниченным** и характеризовался куда меньшими масштабами, нежели это с пафосом декларировалось профсоюзно-комсомольской статистикой. Как видно из таблицы 5, при конкретизации уже упоминавшейся главной болезни движения речь шла о многих формах порождения мнимых величин, начиная с неполноты показателей, принимавшихся во внимание при зачислении людей в ряды "разведчиков будущего", и кончая грубыми нарушениями в

¹ На этот раз их было всего 1295 человек, тогда как в рассмотренном в предыдущей главе опросе об облике молодежи – 17 446, в опросах о проблемах семьи (см. следующую главу) – 12 104, о ценностях молодежи (глава 7) – 6425, о проблемах свободного времени (глава 8) – 10 392, в опросе "Проектируем сами" (см. Приложение 10) – 14 150, а в пост-хрущевскую эпоху в опросах "Новинка просит имя" (1964 г.) – аж 46 000, "Хорошо ли вас обслуживают?" (1964 г.) – 6127, "Время отпусков – как лучше провести его?" (1966 г.) – 5765 и 6235, "Читатель о себе и о газете" (1966 г.) – 18 000 и, наконец, в последнем газетном опросе "Пять вопросов папам и мамам" (1967 г.) – свыше 4000 человек.

этом деле принципа добровольности, продиктованными желанием начальства "не отстать от других", "быть на высоте положения".

Как бы там ни было в обществе в целом, но в составе участников рассматриваемых исследований явно преобладали (если не присутствовали на все 100%) люди, заведомо активно причастные к "строительству коммунизма", проникнутые идеями этого строительства и искренне болеющие за его судьбу – как в принципе, так и в части движения за коммунистический труд. В сущности, это были представители тех *авангардных отрядов рядовых "строителей коммунизма"*, которые играли роль массовых помощников КПСС и советского государства в деле так называемого коммунистического воспитания народа, в распространении среди широких народных масс освященных партией моделей сознания и поведения. Отсюда – особый интерес к менталитету, образу мыслей и чувств этих людей, к тем характеристикам их сознания, которые в иных исследованиях ИОМ "КП" никогда не проявлялись столь концентрированно, столь выпукло, поскольку фиксировались в рамках вселенной "Советский народ в целом" с присущим ей широким спектром разнообразных идеологических ориентаций масс.

Первая бросающаяся в глаза и, надо сказать, в высшей степени примечательная из таких характеристик – **довольно слабое знание (понимание) респондентами предмета обсуждения**. Уже в своих ответах на 1-й вопрос анкеты, отраженных в таблицах 1 и 1а, а затем и во многих других случаях, все без исключения типы опрошенных идут, как говорится, кто в лес, кто по дрова, ярко демонстрируя отсутствие у них единых и четких общих представлений и о *критериях* "коммунистичности" вообще, и о *существовании* движения за коммунистический труд в частности, в том числе о его главных задачах, стимулах, перспективах и формах развития. Более того, в ансамблях Б1 и Б2 подчас по-разному трактуется даже сама основополагающая формула движения: в одних случаях она принимает вид "Учиться жить и работать по-коммунистически", а в других – "По-коммунистически работать, учиться и жить".

Этот удивительный разноречивый в дефинитивных суждениях по поводу обсуждаемого предмета становится особенно заметным, когда коллективные респонденты из ансамбля А приступают к конкретизации своих общих представлений о движении, а именно к определению содержания его главных составляющих, связанных с ответами на вопросы "Что значит по-коммунистически работать?" и "Что значит по-коммунистически жить?" (см. таблицы 2–4).

В рамках первого из этих сюжетов опрошенные коллективы явно не могут договориться о том, какая из характеристик собственно "комму-

нистического труда" является важнейшей, составляет его главную специфику, отличает его от "труда социалистического"¹. В рамках же второго они прибегают к помощи множества весьма расплывчатых, многозначных по своему содержанию и потому трудно верифицируемых понятий типа "улучшение отношений между людьми" (в коллективе и за его пределами), "рост культуры", "совершенствование быта" и т. п.²

Правда, к чести участников опроса следует сказать, что многие из них сами довольно остро ощущают отмечаемую нехватку знаний об обсуждаемом предмете и верно нащупывают корни своей **недостаточной компетентности** в нем, усматривая их не в *собственной неграмотности*, а в *неразработанности общей концепции движения*, его основных принципов и понятийного аппарата. В момент возникновения нового "великого почина" на станции Москва-Сортировочная в 1957 г. звание "коммунистического" было решено присваивать за комплекс достижений: "новые, высшие формы труда + новые, высшие формы морали + новые, высшие формы быта". Определяя суть этого соревнования, ЦК КПСС в специальном постановлении подчеркивал, что его главная особенность должна состоять в гармоническом сочетании борьбы за наивысшую производительность труда на основе новейшей науки и техники с воспитанием но-

¹ Решая в свое время эту задачу, В.И. Ленин писал: *"Коммунистический труд в более узком и строгом смысле слова есть бесплатный труд на пользу общества, труд, производимый не для отбытия определенной повинности, не для получения права на известные продукты, не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд как потребность здорового организма"* (В.И. Ленин. Соч. Т. 30. С. 482). По данным же рассматриваемых исследований, такое понимание вещей явно ушло на второй, а точнее, даже на четвертый план в оценках ансамбля А (см. таблицу 2) и практически вовсе отсутствует в ансамблях Б1 и Б2 (см. таблицу 1а).

² Не случайно в оценках "коммунистического быта" преобладают определения *pegatio* (т. е. через отрицание), когда участникам движения ставится в "плюс" не то, что они что-то делают, а то, что они чего-то не делают – "не пьют", "не дебоширят" и т. п. *"Резко снизились случаи хулиганства в рабочих поселках (из числа работников нашего предприятия), – с гордостью рапортует, к примеру, К.Е. С-в, руководитель коллектива коммунистического труда (около 800 работников) одного из приисковых управлений в Южно-Амурской области, – в последние два года полностью ликвидирована преступность, редкими явлениями стали пьянство, скандалы в семьях, нецензурная брань"*.

вого человека, в соединении коммунистических форм труда, учебы и быта. Однако затем ни одна из этих составляющих движения не получила никаких расшифровок, точных определений, и это, естественно, не могло не привести ко множеству серьезных разночтений на практике, равно как и к болезненному восприятию возникших трудностей многими честными "разведчиками будущего", искренне озабоченными тем, чтобы усовершенствовать движение, сделать его более распространенным и эффективным.

Вот несколько типичных высказываний на этот счет:

Я давно мечтала услышать мнение товарищей о том, все ли правильно у нас в этом новом движении, как обобщить и выбрать лучшее и придать ему форму закона. Ведь главным недостатком в движении является как раз наша неуверенность в правильности своих поступков и мыслей, отсутствие общих правил, которыми мы должны были бы руководствоваться. Я никогда не писала ни в какие редакции, но сегодня просто не имею права молчать (А.В. М-ва, бригадир бригады коммунистического труда электролампового завода, г. Уфа);

Было бы полезно обменяться мнениями о правомерности названия "коллектив коммунистического труда". Ведь известно, что для коммунистического труда в строгом смысле слова у нас нет еще объективных и субъективных условий. Не случайно ряд бригад, добившись звания, успокаивается на этом, ошибочно полагая, что они уже достигли норм коммунистического содружества людей. Мне кажется, следовало бы подумывать о более точном наименовании коллективов, успешно выполняющих задачи, стоящие сейчас перед нашим обществом (С. С., старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма, г. Дорогобыч, Украина);

22 апреля 1960 г. в коллективе кондукторского резерва станции Доготоп мне присвоили звание "ударник коммунистического труда"... Но посмотрите сами: присвоили только за хороший труд. А как же быт, культура, отношения между людьми? Тогда на это не посмотрели. И сейчас не смотрят. Я не отрицаю, что самые сильные стороны жизни коллективов коммунистического труда проявляются в производстве. Но ведь нельзя опускать и идейный и культурный уровень этих коллективов! Коллективам часто присуждают почетное звание только за труд, а это, как мне кажется, сущность не коммунистического, а социалистического соревнования. В таких условиях дальнейшее развитие движения упирается прежде всего в четкое понимание задач, стоящих перед разведчиками будущего (В. Ш-о, слесарь, г. Николаев);

Специального устава жизни коммунистических коллективов нет, и поэтому на каждом предприятии действуют по-своему. Между тем нужно выработать основные правила, общие для всех, которым следовали бы все коллективы и выполнение которых давало бы право присваи-

вать им высокое звание (И. Р-в, 38 лет, помощник машиниста паровых турбин, Кемеровская обл.).

Как уже упоминалось выше, за всеми рассуждениями респондентов, касавшимися собственно движения за коммунистический труд, с той или иной степенью полноты возникали очертания и более широких массовых представлений о коммунизме как таковом. Они, понятное дело, отличались не меньшей расплывчатостью, неопределенностью, однако главным в них было все же другое – удручающие **детская наивность и примитивизм** в толковании "светлого будущего".

К примеру, при обсуждении упоминавшейся безвозмездности коммунистического труда респонденты, наряду с такими разумными формами этой безвозмездности, как работа в общественных организациях или шефская помощь, называли также сверхурочный неоплачиваемый труд на основном производстве¹; бесплатное выполнение смежных и подсобных операций, ведущее к высвобождению рабочей силы и экономии заработной платы²; занижение зарплаты за счет уравнивания более и менее квалифицированного труда³ и т. п. Это означало, что в своем простодушии и полном доверии к начальству, "которое знает, как надо", многие участники опроса даже не подозревали, что становились жертвой элементарного обмана, когда энтузиазм и задор "строителей коммунизма" ловко исполь-

¹ Ср. признание бригады коммунистического труда с Московской кондитерской фабрики им. Бабаева: *"Мы взяли обязательство и безвозмездно отработали в цехе 51 человеко-час когда было трудно с упаковкой готовой продукции. В день героического полета т. Титова мы тоже работали безвозмездно 1 час."*

² *"Дальнейшее развитие движения, – говорится в анкете смены коммунистического труда с Московского электролампового завода, – пойдет по линии сокращения тех профессий, которые не связаны прямо с производством материальных ценностей. Это – табельщицы, контролеры, уборщицы и т. д. Уже сейчас многие наши работницы с успехом бесплатно выполняют такие функции бригадиров, мастеров и технологов, как распределение работ и технические расчеты. Многие безвозмездно в нерабочее время отработали много часов на окраске оборудования, отказались от услуг уборщицы, взяв на себя уборку всех помещений, сами ведут учет брака, так что вскоре можно будет отказаться от услуг браковщиц".*

³ *"Следуя своим заповедям, – сообщает А. С-в с 1-го Советского рудника комбината "Сихали", – наша бригада проходчиков решила: весь заработок (а он немалый, в среднем на одного 300–350 руб.) делить поровну, несмотря на разницу в разрядах. Я считаю, что это – свидетельство возросшего сознания горняков, их стремления действительно жить по-коммунистически".*

зовался незадачливыми руководителями для латания дыр в плохо налаженном производстве.

А вот как представлялась участникам опросов жизнь при коммунизме в части отношений между людьми, уровня их культурного развития и форм быта:

Люди, связанные с материальными ценностями и денежными средствами, работают на полном доверии друг к другу. От индивидуальных денежных касс перешли к коллективным. Сняли замки с денежных ларьков, где хранятся ценности. Теперь бланки, билеты на 30 млн. рублей лежат открыто. Кассы делают оборот до 3 млн. руб., а суточная отчетность в билетных кассах ликвидирована. В камерах хранения прием дежурства происходит также без пересчета ценностей (П.В. К-в, начальник вокзала, в коллективе 282 человека, ст. Орел Московской ж. д.);

За время участия в соревновании намного изменились взаимоотношения между членами бригады. Традицией стало отмечать день рождения, поздравлять молодых матерей, посещать больных подруг на дому и в больнице, оказывать материальную помощь в быту. Часто коллективно посещаем кино, спектакли, организуем экскурсии, коллективно отдыхаем, всей бригадой учились в экономической школе, регулярно читаем газеты (Т.П. Т-ва, бригада в составе 43 человек, Текстильно-швейная фабрика, г. Биробиджан);

В месяц два раза, а то и больше, всей бригадой посещаем театры, часто бываем в музеях. У нас есть "бригадная копилка", которая помогает нам всей бригадой справлять дни рождения, новоселья, выезжать на загородные прогулки. Много ребят из бригады бросили курить, пить (Н. М-ев, бригада штукатуров СУ-71, Азербайджан).

Если к этому прибавить еще многочисленные, обескураживающие своей простотой и искренностью рассказы о том, что "бригада и завод стали для каждого второй семьей" (см. анкету 1 в параграфе 2), о "клумбах и газонах на фабричном дворе" (анкета 2), о готовности "вовремя прийти товарищу на помощь" (анкеты 3, 8, 12) или о честности, проявляющейся в "выдаче зарплаты без кассира" и "пользовании библиотекой без библиотекаря" (анкета 4), станет ясно, что грядущий коммунизм вне сферы труда, а отчасти и в этой сфере представлялся тогдашним россиянам в виде весьма незатейливого коктейля из традиционной *соборности*, задов давно уже реализованных на Западе ("пролетарий умственного труда" А. Г-й был прав – без всякого коммунизма!) систем *human relations* и, наконец, *элементарных правил человеческого общежития*, отнесение которых к лучшим временам ("светлому будущему") прямо свидетельствовало о том, что в рассматриваемую эпоху в советском обществе они, увы, не были общепринятыми нормами поведения.

По своему морфологическому составу зафиксированное в анализируемых опросах массовое сознание было сознанием **сугубо рациональным**, что, понятно, в большой степени предопределялось самим предметом разговора и заданным (критическим) ракурсом его обсуждения. Эмоциональная окрашенность высказываний и возвышенность слога типа тех, которые присутствуют в анкетах 10 и 12 в параграфе 2, были явлениями довольно редкими. В основном же в высказываниях господствовал деловой тон, а в ансамбле А – даже с элементами "бухгалтерской" отчетности "о проделанной работе".

Другое дело, что весь этот рационализм, как должно быть ясно из сказанного в начале параграфа, **пребывал в рамках** некоей господствовавшей в тогдашнем обществе **мифологической конструкции**, реализовывался в обсуждении сюжетов, относящихся не к естественному, органическому бытию людей, а к так называемой второй, порожденной идеологией, реальности. В силу этого участвовавшие в опросах "А" и "Б" респонденты были, что называется, по определению обречены на воспроизведение разнообразных штампов пропаганды. И, как результат, эти штампы, хотя по разным поводам и в разной мере, в самом деле обильно присутствуют в подавляющем большинстве анкет всех трех типов респондентов¹.

Вместе с тем (и это один из наиболее значимых и неожиданных результатов обсуждаемых исследований) находившееся внутри мифа массовое сознание оказалось в целом **существенно отличным от официального** взгляда на вещи, канонизированного отделами пропаганды ЦК КПСС и ЦК ВЛКСМ. В общем массиве из 1662 анкет нет, пожалуй, ни одной, содержание которой было бы полностью клишированным, стопроцентно репродуцировавшим установки пропаганды. Зато, напротив, там немало таких, которые (как, к примеру, анкеты 13 и 14 в параграфе 2) демонстрировали явную большую или меньшую независимость от этих установок.

В результате, оценивая в целом морфологию массового сознания, зафиксированного в рассматриваемых исследованиях, можно сказать, что это сознание было **по преимуществу комбинированным**, или полусамостоятельным, – с высокой степенью заштампованности в суждениях-определениях, отмечающих плюсы движения, и с отчетливо выражен-

¹ Сумевших преодолеть эти штампы, т. е. встать *над* мифом, выйти *за* его пределы (вроде того, как это сделал цитированный выше преподаватель марксизма-ленинизма с Украины) можно было встретить, понятно, лишь в ансамбле Б2, но и там такие люди насчитывались буквально единицами.

ной оригинальностью во многих других типах высказываний. Так, 38,1% респондентов в ансамбле А, 52,2% в ансамбле Б1 и 60,8% в ансамбле Б2 выразили несогласие с существующим порядком присвоения почетных званий, внося собственные предложения по этому поводу (см. таблицу 8); свыше 80% во всех трех ансамблях не поддержали официальную позицию, посчитав, что лишать людей (как индивидов, так и коллективы) присвоенных им почетных званий не только можно, но и нужно (см. таблицу 10). И особенно выразительно отмечаемая самостоятельность сознания респондентов была представлена в их суждениях по поводу разного рода минусов движения, прежде всего в ответах на открытый 5-й вопрос анкеты "Какие недостатки имеют место в соревновании за коммунистический труд?". Как можно видеть из таблицы 5, лишь пятеро из каждых ста удостоенных почетного звания, трое из ста борющихся за него и пятеро из двухсот не участвующих в движении ответили: "Недостатков нет"; все же остальные, т. е. подавляющее большинство участников обоих опросов, активно поддержало нацеленность исследований на обсуждение "нерешенных проблем движения", т. е. на реалистическую оценку сложившегося положения вещей. Высказав множество суждений, базирующихся на собственном опыте и явно отклоняющихся (как по содержанию, так и по лексике) от текстов пропаганды, это большинство продемонстрировало **весьма высокую критичность** в отношении предмета обсуждения. С ее иным выражением мы сталкиваемся и в ответах ансамблей Б1 и Б2 на вопрос "В чем вы видите самые сильные стороны жизни коллективов коммунистического труда?": в этом случае соответственно 8,4% и 6,3% опрошенных заявили, что таковые вовсе отсутствуют (см. таблицу 1а).

Отмечаемая высокая критичность сознания участников рассматриваемых опросов сопровождалась столь же **высокой способностью их суждения**, хотя, как легко убедиться, данная констатация не может быть признана верной в отношении всех обсуждавшихся сюжетов.

Напомним, что ансамблю А фактически пришлось иметь дело с двенадцатью вопросами, ответы на которые в трех случаях (вопросы 2–4) совпадали с дефинитивными высказываниями (суждениями-"фотографиями"), в одном (вопрос 10) – с оценочно-альтернативным высказыванием, в трех (вопросы 1, 5, 6) – с оценочно-аналитическими и в пяти (вопросы 4а, 7–9 и 10а) – с конструктивными высказываниями¹. Ансамбли

¹ К сожалению, при кодировании ответов на вопросы 4 и 10 вторые половины заключенных в них сюжетов (так называемые вопросы 4а и 10а) полностью выпали из обработки, в результате чего и в параграфе 3, и теперь в анализе речь идет

же Б1 и Б2 отвечали на восемь вопросов, семь из которых были общими с ансамблем А (с 5-го по 10а), а один (первый) выяснял мнения респондентов о "самых сильных сторонах жизни коллективов коммунистического труда", т. е. был нацелен на получение оценочно-аналитических суждений. Так вот в подавляющем большинстве ситуаций респонденты всех трех ансамблей явно не испытывали сколько-нибудь серьезных проблем с формулированием своих позиций и прибегли к ответам "Не знаю" всего лишь трижды, а именно в ответах на вопросы 7, 8 и 10. При этом общая картина затруднившихся с ответами была здесь следующей (в % к объему соответствующих ансамблей и входящих в них групп):

Группы	вопрос 7	вопрос 8	вопрос 10
Ансамбль А в целом	45,8	22,2	8,3
Гос	43,4	22,5	8,9
Колх	80,0	16,0	0,0
Стар	43,0	14,8	6,5
Мол	48,9	30,2	10,4
Ансамбль Б1 в целом	53,5	20,9	6,1
До 26	63,0	17,7	14,7
27-55 ¹	45,4	26,2	4,4
Н/средн	59,8	16,0	4,9
Средн	47,9	15,9	2,5
Высш	61,5	43,6	18,1
Ансамбль Б2 в целом	53,4	16,8	3,2
До 26	51,8	15,7	0,4
27-55	54,5	12,8	4,2
56 и ст	64,1	43,8	18,8
Н/средн	63,4	33,0	3,7
Средн	51,0	7,8	1,8
Высш	49,5	21,8	6,1

Как видим, полный провал со способностью суждения у респондентов случился лишь однажды – в зоне конструктивных высказываний

лишь о десяти вопросах, на которые отвечал ансамбль А, и при этом не о пяти, а лишь о трех из них, нацеленных на выявление конструктивных суждений респондентов.

¹ В связи с крайней малочисленностью в ансамбле Б1 группы "56 и ст" (всего 6 человек) эта группа в анализе во внимание, естественно, не принималась.

по поводу форм дальнейшего развития движения за коммунистический труд (вопрос 7). В вопросе 8 – "Нуждается ли в изменениях существующий порядок присвоения почетных званий?" – количество затруднившихся с ответами было хоть и значительным, но все же в половине групп не достигало 20%. В случае же с вопросом 10 (по поводу возможности лишения званий) оно и вовсе было мизерным, особенно в ансамблях Б1 и Б2.

Конечно, первые две колонки приведенных цифр говорят вроде бы не в пользу данной выше оценки способности суждения участников опросов. Особенно если вспомнить, что речь тут не о населении страны в целом¹, а о весьма специфических сегментах этого населения – так называемых авангардных отрядах строителей коммунизма, которые были активнейшим образом включены в обсуждаемую проблематику, считались ее безусловными *знатоками* и потому, казалось бы, не должны были особенно затрудняться со своими ответами. И все же, повторяем, при *совокупной оценке* всех полученных высказываний в опросах "А" и "Б" общую способность суждения всех типов опрошенных нельзя не признать достаточно, а скорее даже, и весьма высокой (притом что в разных сюжетах и у разных групп респондентов размеры этой способности, естественно, значительно варьируют).

Главными основаниями для подобного вывода служат, во-первых, уже отмеченное полное отсутствие ответов "Не знаю" или "Затрудняюсь ответить" в девяти вопросах из двенадцати обсуждавшихся, во-вторых, устойчиво превышающая единицу частота (количество) ответов всех типов и групп респондентов на подавляющее большинство открытых и полуоткрытых вопросов. Кроме того, определенное отношение к этому сюжету имеет и весьма высокая вербальная активность участников опроса в полуоткрытом 6-м вопросе, где они, воспользовавшись стандартным приглашением к дискуссии ("Возможно, какая-либо иная проблема?"), существенно дополнили предложенный им для оценки перечень условий дальнейшего развития коммунистического движения в стране.

Применительно к наиболее простым суждениям-"фотографиям", совпадающим с ответами ансамбля А на полуоткрытые вопросы 2–4, где задача опрашиваемых сводилась к тому, чтобы назвать (перечислить) специфические (новые) черты их жизни, среднее количество суждений, приходящихся на одного респондента, было следующим:

¹ В этом случае те же 20–30% опрошенных, не имевших ни малейшего представления о порядке присвоения коммунистических регалий, свидетельствовали бы, понятно, об очень даже неплохой способности суждения масс.

Группы	вопрос 2	вопрос 3	вопрос 4
В целом	1,933	2,709	1,758
Гос	1,962	2,693	1,442
Колх	1,520	2,920	2,080
Стар	1,884	2,815	1,809
Мол	1,986	2,595	1,706

А вот как выглядел тот же показатель во всех трех ансамблях в случае более сложных оценочно-аналитических (вопросы 1, 5, 6) и конструктивных (вопросы 7, 9) высказываний:

Группы	вопрос 1	вопрос 5	вопрос 6	вопрос 7	вопрос 9
Ансамбль А в целом	2,404	1,021	2,363	0,620	1,624
Гос	2,430	1,062	2,356	0,648	1,639
Колх	2,040	0,760	2,440	0,240	1,440
Стар	2,339	0,908	2,421	0,696	1,667
Мол	2,472	1,240	2,298	0,566	1,581
Ансамбль Б1 в целом	1,586	0,935	1,939	0,465	1,389
До 26	1,537	0,881	1,924	0,396	1,350
27-55	1,671	1,007	1,832	0,546	1,457
Н/средн	1,664	0,942	2,408	0,402	1,454
Средн	1,485	0,952	1,902	0,521	1,436
Высш	1,551	0,866	1,334	0,396	1,155
Ансамбль Б2 в целом	1,506	0,918	1,855	0,466	1,382
До 26	1,543	0,871	1,947	0,482	1,351
27-55	1,493	0,990	1,743	0,455	1,386
56 и ст	1,372	1,707	1,762	0,562	1,638
Н/средн	1,507	0,930	2,059	0,366	1,149
Средн	1,507	0,932	1,927	0,490	1,437
Высш	1,504	0,892	1,616	0,505	1,493

Внимательный анализ всех этих данных позволяет обнаружить немало примечательных характеристик анализируемого свойства сознания масс, начиная с тех, что лежат на поверхности и кажутся само собой разумеющимися, и кончая теми, что не очень-то заметны и отнюдь не просты с точки зрения их адекватной, однозначной интерпретации.

Первое, что бросается в глаза в последней из приведенных таблиц, это, конечно же, максимальные значения цифр в ансамбле А с их последовательным снижением по мере переходов к ансамблю Б1 и затем к Б2¹. Подобная динамика выглядит более чем банальной, поскольку прозрачно связана с разной мерой включенности ансамблей в обсуждаемую проблематику и прямо отражает естественную зависимость: чем эта включенность больше/меньше, тем соответственно больше/меньше знакомство респондентов с предметом разговора, а стало быть, и количество высказываемых ими по этому предмету суждений.

Вместе с тем названный фактор срабатывает не везде и не всегда. Об этом говорят, в частности, две последние колонки в первой табличке, где вопреки отмеченной общей логике вещей количество затруднившихся с ответом оказывается максимальным как раз в ансамбле А и минимальным в ансамбле Б2. Чем это можно объяснить? Скорее всего, действием другого и не менее важного, чем компетентность, фактора – различием содержательных интересов говорящих по отношению к предмету разговора, точнее, их разного характера заинтересованности в нем. В этом прямо убеждают данные таблицы 8, представляющие ответы на вопрос "Нуждается ли в изменениях существующий порядок присвоения почетного звания?": ведь тут ансамбль А занимает первое место не только по числу воздержавшихся от ответа, но и по числу полагающих, что никаких изменений вводить не надо (39,7% в сравнении с 26,9% в ансамбле Б1 и 22,4% в ансамбле Б2), и, напротив, он оказывается в арьергарде тех, кто на разного рода изменениях как раз настаивает (38,1% в сравнении с 52,2% в ансамбле Б1 и 60,8% в ансамбле Б2).

Это значит, что бóльшая включенность людей в предмет разговора может не только усиливать способность суждения говорящих, но и снижать эту способность, причем снижать ее и в смысле количества (частоты) высказываний, и – особенно – в смысле их качества, прежде всего меры их объективности, которая заметно убывает при меньшем накале критического отношения к предмету, желании сохранить status quo в его тех или иных характеристиках и т. д.

Еще сложнее обстоит дело с зависимостью частоты высказываний от их типов. Правда, на уровне средних арифметических величин в границах ансамблей в целом все выглядит вполне "по правилам": с максимальной частотой произносятся самые простые суждения-"фотографии" и

¹ Единственное исключение из общего правила – вопрос 7, где ансамбли Б1 и Б2 демонстрируют практически одну и ту же частоту высказываний, – не меняет общего положения дел.

с минимальной – наиболее сложные суждения-предложения¹. Однако большинство конкретных цифр в сопоставлении друг с другом (даже в тех же границах ансамблей в целом) объяснить все же очень трудно, а то и просто невозможно. Например, уверенно сказать, почему максимальная частота суждений (2,709) была продемонстрирована ансамблем А в ответах именно на 3-й вопрос анкеты. Или почему ответы на 5-й вопрос (о недостатках в соревновании за коммунистический труд) во всех ансамблях давались намного реже, чем при формулировании остальных оценочно-аналитических суждений.

При оценке общей структуры рассматриваемого "авангардного" массового сознания в терминах его "монолитности/дифференцированности" легко обнаружить, что эта структура отличалась ярко выраженным **противоречивым** характером и была, если можно так сказать, **плюралистически-монистической**. В ней имело место, с одной стороны, впечатляющее *множество* элементов (точек зрения, позиций), а с другой – *высокое единодушие* респондентов по поводу многих из этих элементов.

В целом в одиннадцати таблицах, представляющих ответы участников исследований на все десять вопросов, налицо 97 разных содержательных суждений, при этом в таблицах (вопросах) 3 и 8 общественное мнение оказалось расколотым на шесть позиций (типов ответов), в таблице 6 – на девять, в таблице 9 – на десять, в таблицах 4 и 5 – на одиннадцать, в таблице 1 – на четырнадцать, а в таблице 1а – аж на шестнадцать! Вместе с тем на уровне ансамблей в целом в 26 из этих 97 случаев (и главное – в ответах на все вопросы, кроме одного²) той или иной единой позиции придерживались более чем 50% респондентов, в 19 случаях (в ответах на восемь вопросов из десяти³) – более чем 60% и в 8 случаях

¹ На уровне таких средних величин в ансамбле А на одного респондента приходится 2,133 дефинитивных, 1,929 оценочно-аналитических и 1,122 конструктивных суждений; в ансамбле Б1 – 1,486 оценочно-аналитических и 0,927 конструктивных суждений; и в ансамбле Б2 – 1,426 оценочно-аналитических и 0,924 конструктивных суждений.

² Это единственное исключение из общего правила связано снова с "провальным" 7-м вопросом, касавшимся наиболее перспективных форм развития движения за коммунистический труд. Однако и тут ансамбли Б1 и Б2, если угодно, проявили немалое, хотя и весьма своеобразное, единодушие, заявив, что не имеют ответа на вопрос. В ансамбле Б1 подобное "отсутствие позиции" объединило 53,5% участников опроса, а в ансамбле Б2 – 53,4%.

³ См. таблицы 1–3, 5, 6, 8–10.

(в ответах на шесть вопросов из десяти¹) – даже более чем 70%. И все это в масштабах ансамблей в целом! Что же касается отдельных групп, входящих в состав ансамблей, то многие из них нередко демонстрировали и более высокое (80%-ное и выше) единодушие – к примеру, колхозные коллективы в ответах на 3-й и 4-й вопросы, респонденты в возрасте 27–55 лет, а также со средним и высшим образованием в ответах на 5-й вопрос и т. д.

Оценить в целом *меру* монизма/плюрализма зафиксированного сознания – дело чрезвычайно затруднительное, даже если оставаться на уровне ансамблей в целом и сравнивать лишь те ответы, которые набрали (хотя бы в одном из ансамблей) свыше 50% "голосов". В ансамбле А таких ситуаций в общем и целом было 12, в ансамблях Б1 и Б2 – по 7. Казалось бы, коллективы коммунистического труда демонстрировали гораздо большее единодушие в своих суждениях о предмете, нежели респонденты, борющиеся за почетное звание или не принимающие в движении никакого участия. Однако такой вывод вряд ли был бы правильным, поскольку ансамбли Б1 и Б2 не отвечали на вопросы 2–4 и потому имели меньше возможностей для проявления своего единодушия или, напротив, своей дифференцированности; в семи же общих с ансамблем А сюжетах они уступали этому ансамблю, с рассматриваемой точки зрения, лишь трижды, а именно в ответах на 1-й и 9-й вопросы². В остальных же случаях монизм их сознания был заметно сильнее. К тому же ансамбль А серьезно проигрывал участникам газетного опроса в ответах на альтернативный 8-й вопрос, где он продемонстрировал самый резкий в рассматриваемых исследованиях раскол мнений (две практически равные группы pro и contra при 22,2% затруднившихся с ответом).

И совсем уже трудно установить сколько-нибудь устойчивые корреляции зафиксированного монизма и плюрализма мнений с теми признаками респондентов, которые были включены в исследования и могли бы рассматриваться в качестве некоторых *оснований* рассматриваемой структуры сознания, т. е. факторов, так или иначе влиявших на нее. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на коэффициенты дифференциации в разных типах групп в серии наиболее единодушных ответов ансамблей А, Б1 и Б2 на вопросы анкет³:

¹ См. таблицы 1, 3, 5, 6, 9, 10.

² См. таблицы 1, 1а, 6 (ответ 2) и 9.

³ Используемая в табличке нумерация вопросов дается по анкете "А" и соответствует нумерации таблиц в параграфе 3.

Анс	Группы	1/1,6	2/1	3/1	4/1	5/1	6/1	7/2	8/1	8/2	9/1	10/3
А	Статус	1,16	1,15	1,09	3,29	1,35	1,09	2,75	1,45	1,39	1,18	1,13
	Возраст	1,02	1,09	1,20	1,02	1,00	1,01	1,12	1,48	1,00	1,00	1,02
Б1	Возраст	1,15	—	—	—	1,04	1,26	1,63	2,40	1,26	1,13	1,14
	Образов	1,20	—	—	—	1,18	1,14	1,53	4,66	1,10	1,13	1,04
Б2	Возраст	1,44	—	—	—	1,36	1,16	1,20	2,14	1,74	1,14	1,35
	Образов	1,07	—	—	—	1,42	1,03	1,44	1,70	1,53	1,15	1,10

1/1,6 – Вопрос 1, ответ 1 и вопрос 1а¹,
ответ 6

2/1 – Вопрос 2, ответ 1

3/1 – Вопрос 3, ответ 1

4/1 – Вопрос 4, ответ 1

5/1 – Вопрос 5, ответ 1

6/1 – Вопрос 6, ответ 1

7/2 – Вопрос 7, ответ 2

8/1 – Вопрос 8, ответ 1

8/2 – Вопрос 8, ответ 2

9/1 – Вопрос 9, ответ 1

10/3 – Вопрос 10, ответ 3

На первый взгляд кое-какие зависимости тут вроде бы проглядывают. Так, в ансамбле А признак статуса опрошенных коллективов (в соответствии с которым различались коллективы государственные и колхозные) обладает явно большей дифференцирующей силой, нежели признак их возраста (продолжительности существования в качестве "коммунистических"): ведь в девяти из одиннадцати рассматриваемых случаев эти коэффициенты в "статусных" группах формально выше, нежели в "возрастных". Однако на самом деле разница между теми и другими значительна лишь в четырех случаях из одиннадцати², во всех же остальных она очень мала и большей частью близка к единице. При этом внутри "статусных" групп позиции государственных и колхозных "разведчиков будущего" значительно отличались друг от друга (коэффициент 1,3 и выше) менее чем в половине сравниваемых случаев, а внутри "возрастных" групп позиции "старых" и "молодых" коллективов – и вовсе лишь один раз, а именно в ответах 1 на вопрос 8.

Аналогичная в целом ситуация наблюдается и в ансамблях Б1 и Б2. С формальной точки зрения возраст респондентов там выглядит более значимым, нежели их образование, особенно в ансамбле Б2, где коэффициенты дифференциации в возрастных группах в пяти случаях из восьми выше, чем в образовательных. Однако в действительности разница между теми и другими коэффициентами и здесь чаще всего непринципиальна и не дает возможности утверждать, что возраст людей в целом сильнее

¹ Имеется в виду вопрос 1 в анкете "Б".

² Вопросы и ответы 4/1, 5/1, 7/2 и 8/2.

влияет на феномен монизма/плюрализма мнений, нежели их образование. А главное же – внутри каждого из сравниваемых типов групп снова нет каких-либо зависимостей, сколько-нибудь устойчивых отношений между отдельными группами, в результате чего картина и тут оказывается весьма неясной и противоречивой. Обнаружить в ней какие-либо содержательные тенденции, не говоря уже о закономерностях, в высшей степени затруднительно.

Весьма примечательным представляется далее **ценностный мир** людей, участвовавших в рассматриваемых исследованиях. В соответствии с самим предметом обсуждения – проблемами движения за коммунистический **труд** – основная масса респондентов, понятное дело, поневоле концентрировала главное внимание именно на данном ценностном аспекте своей жизнедеятельности. Однако при всем при том складывается впечатление, что, заведи исследователи разговор иначе, поставь они, к примеру, вопрос традиционным образом "в лоб": "какая из тех или иных сторон вашей (или вообще человеческой) жизни для вас особенно важна?", и поручиться за то, что труд как ценность вышел бы на первое место, было бы вряд ли возможно. Даже в среде уже состоявшихся "разведчиков будущего": ведь, как видно из таблицы 1, при ответе на вопрос о том, что они считают своим "главным [т. е. наиболее ценным ими] достижением", они назвали отнюдь не "труд по-коммунистически", а воспитание "нового человека". Конечно, содержание этой идеологемы в тогданные времена было весьма широким и неопределенным, оно с непреложностью включало в себя в том числе и особое (как раз так называемое коммунистическое) отношение людей к труду, и все же это была лишь одна из составляющих данного понятия, главным же в нем был комплекс разнообразных **морально-политических качеств личности**, которые были занесены III Программой КПСС в так называемый "Моральный кодекс строителя коммунизма".

В верности выдвинутого предположения еще более убеждают результаты ответов на вопрос "В чем вы видите самые сильные стороны жизни коллективов коммунистического труда?" ансамблей Б1 и Б2. По свидетельству таблицы 1а, для респондентов, не участвовавших в движении (и, заметим, лучше других представлявших неангажированное население страны в целом), "высокие показатели в труде" как ценность были лишь немногим предпочтительнее "хороших отношений между людьми"; в глазах же борющихся за почетное звание этот последний аспект бытия ставился даже выше, чем первый, особенно в группе наиболее образованных респондентов.

Вообще, если взглянуть с рассматриваемой точки зрения на картину в целом, нельзя не признать, что среди главных ценностных фаворитов в сознании тогдашних "строителей коммунизма", наряду с "новым трудом", выступали именно "новая мораль" и "новые отношения между людьми". В таблицах 1, 1а, 3, 6 они, как правило, не получают достаточной конкретизации, фигурируют в виде общих, расплывчатых категорий типа "новый человек", "коллективизм", "рост сознательности". Приведенные же в параграфе 2 анкеты в немалой мере раскрывают их содержание. Здесь, кроме идущего рефреном наиболее популярного в те годы девиза "Один за всех и все за одного", мы находим и некоторые иные примечательные максимы вроде "Не ладится работа у соседа – подскажи ему" или "Знай радости, горести и заботы не только родственников, но и своего товарища" (текст 8), а также множество упоминаний о таких сюжетах, как "чувство ответственности за товарища" (текст 1), "чуткость к товарищу, "[готовность] вовремя прийти к нему на помощь" (текст 3), "вежливость, скромность, выдержанность [в отношениях друг с другом]" (текст 6) или "[необходимость] болеть всей душой за то, чтобы сосед, друг, знакомый стал врагом пережитков прошлого" (текст 12).

Совокупная оценка всех этих данных, как общих, так и конкретных, проливает свет на многие характеристики менталитета тогдашнего идеологического авангарда населения страны. По мнению автора, наиболее существенными из них являются три.

Во-первых, явная недоразвитость, а то и значительный дефицит в этом менталитете тех "инструментальных" характеристик человеческого сознания, которые, затрагивая сферу взаимоотношений людей друг с другом, предусматривают и обеспечивают некие "нормальные", цивилизованные (предупредительные, дружественные, заботливые и т. п.) отношения между людьми. Ведь достаточно очевидно, что ставить себе в *заслугу* установление таких отношений или выдвигать их в качестве *целей* социального развития можно было лишь в ситуации, если (когда) они не являлись нормой жизни масс – ни той их части, которая оказалась представленной в рассматриваемых опросах, ни (тем более?) всех остальных сегментов общества¹.

Следующий существенный момент – это, напротив, присутствие, а то и широкое распространение в рассматриваемом мента-

¹ Чрезвычайно показательным в этом отношении представляется постскриптум к анкете 10, в котором 20-летняя медсестра из Миргорода с неподражаемым простодушием формулирует свое представление об идеале: *"было бы очень хорошо обслуживать больных по-коммунистически"*. Такого, как говорится, нарочно не придумаешь...

литете таких элементов человеческого сознания, которые, касаясь (на том же "инструментальном" уровне) сферы взаимоотношений людей друг с другом, оправдывают и инспирируют желание людей действовать не в одиночку, а совместно, сообща, в том числе в форме активной помощи друг другу, заинтересованного участия одних в жизни других. Чаше всего эта сторона дела описывается с помощью категории "коллективизм", и тогда на поверхности вещей все выглядит вполне благопристойно. Однако стоит лишь перейти к различным предлагаемым респондентами конкретизациям этого общего понятия, и сразу же обнаруживается, что коллективизм коллективизму – рознь. Так, говоря о своих главных достижениях, бригада прядильщиков из Ульяновской области (текст 4) с неподдельной гордостью и без тени сомнений в позитивности достигнутого констатирует: *«Отмирает слово "мое", утверждается "наше"»*. Между тем эта формула явно амбивалентна. С одной стороны, она отражает ряд социально вполне оправданных и полезных видов взаимодействия коллективов и людей – скажем, из числа тех, что фигурируют в таблице 4 и совпадают с практиками, подобными обмену производственным опытом или шефской работе с подрастающим поколением. С другой же – за ней и очевидное оправдание, если не прямой призыв к *вторжению* коллектива в частную жизнь людей, откуда уже всего лишь шаг до различных форм прямого (в том числе откровенно бесцеремонного) нарушения прав личности на приватность, независимое существование. Особенно в ситуациях, когда "пароксизм воспитания" охватывает коллективы и тех их представителей, которых, по словам Маркса, самих надо воспитывать, или когда стремление к совершенствованию направлено не столько на самого себя, сколько на товарища по работе, соседа, знакомого, причем нередко без согласия последних на эту "помощь", "сочувствие" и т. п. Как в анекдоте тех лет о пионере-тимуровце, который, докладывая на линейке о свершенных за день добрых делах, сообщил о старушке, которую перевел через улицу, а на вопрос пионервожатой, откуда у него фингал под глазом, пояснил: так она же сопротивлялась...

И, наконец, еще об одной особенности ценностных ориентаций тогдашнего идеологического авангарда населения, имеющей уже не столько "инструментальный", сколько принципиальный "онтологический" характер. При знакомстве со многими зафиксированными в исследовании конкретизациями тезиса о "развитии духовных качеств человека как активного строителя коммунизма" (цитата из анкеты той же бригады прядильщиков из Ульяновской области) невозможно не ощутить, что большинство

из перечисляемых при этом норм сознания и поведения¹ существенно отличается от собственно общечеловеческих ценностей. Тогдашние критики коммунистической морали были безусловно правы: несмотря на всю ее прекрасноречивую и высокую риторику, она была *схоластически абстрактной*, не имела в виду живую человеческую личность, в ней не было ни человека, ни бога, ни жизни, ни смерти. И, сверх того, она (как и любая иная революционная мораль) имела плохо скрываемый "закрытый", сектантский характер, была направлена не на коммуникацию, не на воссоединение с "другим" (т. е. всем прочим, остальным) миром, а стало быть, и с миром в целом, а, напротив, на *разъединение мира* на "своих" и "чужих", "наших" и "не-наших" и, в конечном счете, на активный антагонизм, на непримиримую борьбу с этими "не-нашими".

Завершая разговор о ценностях "революционных масс" тогдашней России, следует отметить также их явную тягу к **культуре, образованию**. Косвенные подтверждения тому присутствуют уже в таблицах 1а и 3, прямые же и гораздо более убедительные – в таблице 6. Там, имея в виду главные условия дальнейшего распространения в народе "разведки будущего" (читай: продвижения страны к коммунизму), все три массива опрошенных на второе по значимости место (после "роста сознательности людей", но перед "внедрением новейшей техники") неизменно и с высоким единодушием поставили "повышение образования и культуры".

И еще одна сколь любопытная, столь и примечательная деталь рассматриваемого времени – полная отстраненность респондентов от сюжетов, связанных с **демократией** (в данном случае – с "демократизацией управления"): при ответе на тот же полузакрытый 6-й вопрос по собст-

¹ В упорядоченном виде они были изложены в упомянутом выше "Моральном кодексе строителей коммунизма" и включали в себя следующие нравственные принципы: преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине и странам социализма; добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов; коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат; честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни; непримиримость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов; братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

венной инициативе об этой составляющей социально-экономического развития общества вспомнили менее 2% респондентов в ансамбле Б1 и менее 1,5% в ансамблях А и Б2.

Все остальные интересующие анализ характеристики сознания масс, проявившиеся в рассматриваемых исследованиях, имплицитно, или (если воспользоваться новым компьютерным языком) "по умолчанию", содержатся в уже описанных выше базовых свойствах менталитета опрошенных ансамблей и, в сущности, *логически вытекают* из этих свойств. Поэтому описывать их теперь в немалой мере означало бы повторять уже сказанное, обрекать анализ на определенную тавтологию. И все же для полноты общей картины и уточнения некоторых важных деталей сделать это безусловно необходимо, хотя бы в самой краткой, "перечислительной" манере.

Скажем прежде всего об **отношении опрошенных к обществу**, в котором они живут. Как известно, программа исследований не предусматривала специального выяснения этой стороны дела. Однако участвовавший в опросах сегмент народных масс, представлявший идеологический авангард населения, ясное дело, так или иначе (хотя чаще косвенно, чем прямо) продемонстрировал эту составляющую своего сознания. Описывать ее в терминах "конформизма/нонконформизма", "лояльности/нелояльности" по отношению к существующему в стране общественно-политическому строю, как это мы делали в предыдущих главах, было бы явно неверно. Ведь речь тут теперь о гораздо большем – о том, что данные массы являются **главной поддержкой и опорой** этого строя и не просто доверяют власти, ведущей страну в "светлое будущее", но считают себя включенными (по крайней мере психологически) в эту власть и даже, если угодно, отождествляют себя с ней. Присягнув на верность строительству коммунизма, устами 27-летнего литейщика из г. Кировограда (текст 8 в параграфе 2) они утверждают: *«Раньше говорили: "Мой дом – моя крепость". Нет! Моя крепость – это вся страна...»*

Далее, эти люди в общем и целом (также по определению) отличаются **чрезвычайно высокими реактивными способностями**, заведомо повышенной социальной **активностью** – трудовой, общественной, культурной и иной.

В ансамбле А эта активность фиксируется прежде всего на уровне *фактического деятельностного поведения* респондентов – как в их суждениях-"фотографиях", представленных в таблицах 2–4 и совпадающих с "отчетами" о делах уже содеянных или свершаемых, так и в их самооценках, представленных в таблице 1. В общем наборе здесь фигурирует мно-

жество самых разнообразных видов деятельности в диапазоне от роста профессионального мастерства, освоения новейшей техники и сочетания работы с учебой до шефской помощи деревне, воспитательной работы с местным населением и внедрения новых практик поведения в быту.

Кроме того коллективы "разведчиков будущего" прибегают и к разного рода *декларациям* по поводу своей дальнейшей деятельности, преимущественно в форме разговоров о том, что "нужно двигаться к новым рубежам". Типично рассуждение на этот счет, принадлежащее бригаде сборки фильтров Чирчикского химкомбината (Узбекистан): *"...После получения звания бригады как бы замирают на достигнутом, а этого быть не должно, нужно брать новые, еще более высокие обязательства."*

Вместе с тем подобный тип реакции на происходящие в обществе процессы в большей мере характерен для ансамблей Б1 и Б2, которые в соответствии с программой опроса "Б" не имели возможности рассказать о своем реальном деятельностном поведении. При этом в ансамбле Б1 эти декларации снова связаны главным образом со взятием людьми на себя тех или иных "обязательств", в том числе по сформулированной 27-летним мастером с завода "Красная звезда" из г. Кировограда формуле: *"Нет ничего опаснее... самоуспокоенности, никогда нельзя сказать, что я сделал все для победы коммунизма. У любого из нас можно найти то, что он мог бы сделать, но не сделал. Люди коммунистического труда – люди ищущие, беспокойные, никогда не останавливающиеся на достигнутом"*. В ансамбле же Б2 декларируемое деятельностное поведение чаще всего принимает вид горестных сожалений по поводу объективной (не от них зависящей) невозможности участвовать в движении за коммунистический труд. В развернутом виде эта позиция представлена в тексте 9 в параграфе 2, и в целом ее разделяют 2,8% опрошенных из состава этого ансамбля, в том числе 2,9% рабочих, 3,0% служащих, 4,2% учащихся и 6,6% техников.

Наконец, особенно высокой в ансамблях Б1 и Б2 оказалась *вербальная активность* респондентов, проявившаяся в их повышенной словоохотливости при ответах на вопросы анкеты. Как отмечалось в предыдущей главе, данный феномен – непреложная особенность любого газетного опроса, привлекающего к участию в дискуссии наиболее "разговорчивых" читателей – представителей тех или иных авангардных групп населения. Поэтому, казалось бы с точки зрения анализа сознания масс тут нет ничего особенно интересного. Однако более внимательный подход к цифрам позволяет обнаружить нечто примечательное и здесь.

Согласно теории, равно как и по прецедентам, известным из великого множества зондажей общественного мнения, готовность и желание

людей судить о вещах, как правило, заметно возрастает по мере накопления их жизненного опыта, т. е. с увеличением их возраста, и особенно по мере роста их образования. Между тем, как прозрачно видно из цифр, приведенных выше в связи с анализом способности суждения масс¹ и отражающих соответственно картину затруднений с ответами и частоту высказываний разных групп опрошенных, эта стандартная зависимость в опросе "Б" явно не сработала. Оба названных признака – и возраст, и образование – "повели" себя в ансамблях Б1 и Б2 не только не стабильно, но и сплошь и рядом прямо противоположным образом, нежели этого следовало ожидать: во множестве ситуаций более пожилые люди со всей очевидностью пасовали перед молодыми, а люди с высшим образованием – перед теми, кто окончил 10–11 классов школы, а то и не получил среднего образования².

Каким образом можно было интерпретировать этот странный факт – снижение меры вербальной активности респондентов там, где она по всем правилам должна была бы возрастать, – раз ссылки на способность суждения сравниваемых групп тут полностью исключались? По мнению автора, главным фактором, обусловившим возникшую ситуацию, была заведомо неодинаковая мера включенности разных групп населения в коммунистическую идеологию и практику той поры. Полученные в рассматриваемых исследованиях данные позволяют утверждать, что тут действовала иная зависимость: чем люди были более образованны и по-житейски более опытны, тем меньше они полагали себя "строителями коммунизма". Эта зависимость определенным образом проявилась уже в неодинаковой активности, в разных мерах участия сравниваемых групп населения в опросе "Б" (см. описание составов ансамблей Б1 и Б2 в параграфе 1). И она еще раз подтвердилась теперь – в меньшем желании высокообразованных и умудренных опытом людей, принявших участие в исследовании, рассматривать многие сюжеты движения за коммунистический труд, в частности в их большей сдержанности при обсуждении вопросов, касающихся технологий совершенствования движения, и в их большем скептицизме при обсуждении перспектив его дальнейшего развития.

¹ См. таблички на стр. 262, 264.

² В самом деле, в ансамбле Б1 по частоте высказываний наиболее образованные респонденты уступали менее образованным во всех пяти сравниваемых случаях, а в ансамбле Б2 – в трех из пяти. Но особенно интригующей была картина с числом затруднившихся ответить на вопросы 7, 8 и 10: наиболее пожилые респонденты первенствовали в этом отношении во всех трех случаях в ансамбле Б2, а наиболее образованные (также во всех трех случаях) – в ансамбле Б1.

Имея в виду *качественные* характеристики реактивных способностей участвовавших в опросах ансамблей, можно, понятно, оставить за скобками то их общее (присущее им по определению) свойство, что все они – ниспровергатели старых, "докоммунистических" форм жизни, пионеры, борющиеся за утверждение новых форм бытия и сознания, и, стало быть, активнейшие сторонники перемен в жизни общества. А вот в отношении характера их реакций на факты и события действительности, оцениваемых в терминах "толерантности/агрессивности", картина не была уже столь predetermined и однозначной. Достаточное представление об этом дают ответы на вопрос "Можно ли лишать человека (коллектив) почетного звания?", поскольку на этот раз (см. таблицу 10) все без исключения ансамбли опрошенных продемонстрировали уже как минимум два разных типа сознания.

Как и следовало ожидать, особенно столкнувшись с отмечавшейся выше высокой критичностью респондентов по отношению к предмету разговора в целом, подавляющее большинство из них (от 80,0 до 100,0% в разных группах опрошенных в ансамбле А, от 66,6 до 87,1% – в ансамбле Б1 и от 78,1 до 87,6% – в ансамбле Б2) заняло в этом сюжете решительную и непримиримую позицию: лишать звания не только можно, но и нужно! *"Звание – не рента, которая выдается пожизненно, – утверждают руководители коллектива коммунистического труда Иркутской ТЭЦ № 1. – Можно и нужно лишать почетного звания, если человек или коллектив своей повседневной деятельностью не вносят посильного вклада в построение коммунистического общества". "Ваш вопрос – праздный, – вторит им Ю. Р-й, офицер из Москвы. – Не может же ходить по нашей земле хам, пьяница, хулиган с именем ударника коммунистического труда. Почетное звание – это не обряд крещения: надели крест на шею и – до могилы. Не оправдал человек доверия и внимания советских людей – отнять звание! Это самое справедливое решение".* И далее в сотнях анкет этот непреклонный вердикт получает самые разнообразные конкретизации и обоснования¹.

¹ Следует подчеркнуть, что подобные категорические высказывания по поводу обсуждаемого сюжета идут целиком в русле не менее энергичных требований основателя Советского государства: *"Надо добиваться и добиться... чтобы все и каждый, кто называет свое предприятие, учреждение или дело коммуной, не доказывая тяжелым трудом и практическим успехом долгого труда, образцовой и действительно коммунистической постановкой дела, высмеивался беспощадно и предавался позору, как шарлатан или пустомеля"* (В.И. Ленин. Соч. Т. 29. С. 398–399).

Вместе с тем примерно десятая часть всех типов опрошенных в своих суждениях не была столь категоричной и заняла иную – то ли более взвешенную, то ли более примиренческую позицию. Ее сторонники представлены в текстах 3–5 и 7 в параграфе 2, но, пожалуй, с большей полнотой в анкете коллектива коммунистического труда трикотажной фабрики № 2 из г. Львова: *"Мы считаем, что лишать почетного звания целый коллектив не целесообразно. Если у коллектива возникли трудности, обнаружили какие-то недостатки, то долг партийных, профсоюзных организаций, совнархоза помочь ему преодолеть трудности, устранить недостатки. Что же касается отдельного человека, то нужно принять все меры, чтобы перевоспитать человека, который недостойно ведет себя на предприятии, в обществе и быту. И только в исключительных случаях, если не удалось повлиять на человека, нужно прибегать к крайней мере – лишать его почетного звания или исключать из бригады коммунистического труда."*

Любопытная деталь: наибольшее число противников репрессий в отношении несостоявшихся "разведчиков будущего" встречается не среди самих коллективов и ударников коммунистического труда (таких там в целом 9,0% от их числа) и не среди борющихся за почетное звание (10,4%), а среди людей, не участвующих в движении, наблюдающих за ним со стороны (13,0%). Это означает, что отмечавшийся выше "корыстный" мотив, связанный с желанием части респондентов из ансамбля А сохранить достигнутое положение вещей, заведомо не был единственным, когда люди произносили свое "нет", отвечая на последний вопрос анкеты. Во всяком случае, явно не им руководствовались респонденты из ансамблей Б1 и тем более Б2, тут действовали какие-то иные аргументы. Возможно, из разряда привычной для тех времен пропагандистской фразеологии о необходимости "чуткого", "внимательного" отношения к людям. Не исключено, что и из старинной кладовой российского национального духа с его традиционным антиперфекционизмом, нетребовательностью, всепрощением. А может, многие рядовые "строители коммунизма" и в самом деле понимали (в отличие от начальства, стремившегося любой ценой "гнать картину"), что подобное строительство, в том числе затеянная "разведка будущего", – дело сложное, требующее времени, по неизбежности связанное с ошибками, неудачами и т. д. Но как бы там ни было, а факт оставался фактом: в составе тогдашнего идеологического авангарда населения наряду с непримиримыми, воинствующими ригористами было немало и таких, кто исповедовал отнюдь не максималистское, а умеренное отношение к жизни и готов был мириться с имеющимися в строительстве "светлого будущего" недостатками.

Аналогичное положение вещей было зафиксировано в целом и в той сфере массового сознания, которая совпадает с **эмоционально-психологическим самочувствием** масс. Здесь снова в полном соответствии с базовыми ("рамочными") характеристиками участвовавших в опросах ансамблей подавляющее большинство входящих в них респондентов продемонстрировало **весьма высокий оптимизм** в отношении завтрашнего дня – и своего собственного, и страны в целом, и движения за коммунистический труд в частности. Этот оптимизм отчетливо выражен в лексике и общей интонации сотен ответов при обсуждении достижений и перспектив "разведки будущего" и порой принимает даже явно гипертрофированные размеры, приближаясь к откровенной карикатуре – типа того, что *вслед "за бригадами, сменами, цехами и предприятиями в целом... высокое звание будет присваиваться родственным предприятиям района, города, потом – всему району, городу, области, республике и, наконец, всему Союзу Советских Социалистических Республик. Тогда СССР будет называться ССКР или просто СКР – Союзом Коммунистических Республик"* (из анкеты бригады аппаратчиков Горловского азотнотукового комбината, Донецкая обл., Украина)¹.

Вместе с тем, будучи господствующим, такое настроение разделялось все же отнюдь не всеми участниками рассматриваемых исследований. Какая-то часть из них испытывала **определенное разочарование** по поводу первых лет "разведки будущего" и тогда общая интонация ответов была уже совершенно иной. Типичный пример подобного рода сознания – грустные свидетельства А. Н-ва, машиниста турбогенераторов ТЭЦ из г. Великие Луки: *О том, что наша смена включилась в борьбу за звание, мы узнали почти случайно. Мнения нашего не спрашивали, ничего нам не разъясняли, хотя большинство из нас не знало, да и сейчас не знает, что такое коммунистический труд. "Борьба за звание" свелась к сбору данных: как выполняешь норму, помогаешь ли милиции, где учишься. Если не учишься – иди учиться, а то переведут на низкооплачиваемую должность. Потом заводской комитет "обслужил нас на дому" – провел заседание прямо в цехе и без лишних слов присудил нам почетное звание. Членов завкома не остановило даже то, что буквально за несколько дней до этой церемонии один товарищ из смены пришел на работу в нетрезвом виде. И неудивительно, что через месяц с небольшим еще один из работников совершил безобразный хулиганский поступок, за что был привлечен к уголовной ответственности.*

¹ В ансамбле А, между прочим, как видно из таблицы 7, идея создания коммунистических районов и городов поддерживалась 11,4% опрошенных!

Словом, как было раньше, так осталось и сейчас. Раньше никого не интересовало, как мы живем, что читаем, какую ведем общественную работу, — не интересуется и сейчас. Члены нашего коллектива по-прежнему получают замечания на производстве, прячут друг от друга инструмент под амбарные замки. О поведении же в быту, пьянках и говорить нечего. Вот и радуйся после этого, что ты член смены коммунистического труда. Раньше я завидовал тем, кто обладал почетным званием, сейчас — огорчаюсь от этого. Не так я все себе представлял...

В этом же духе выдержаны многочисленные ответы и тех, кто, рассуждая о серьезных недостатках движения за коммунистический труд, полагает, что эти недостатки, скорее всего, не будут преодолены и что движение поэтому обречено на неуспех, способно выполнить лишь те или иные чисто пропагандистские функции. "Мы много пережили кампаний, — подводят итоги такого рода пессимистических взглядов на вещи члены бригады Орловского локомотивного депо, возглавляемой Д. В-ым, — переживем и эту!"

Впрочем, отмечаемые отклонения от общего правила — и в части психологического тонаса респондентов, и в части их вербальной активности и максимализма, — даже если бы они приняли бóльшие размеры, нежели это случилось на самом деле, все равно не меняли принципиального положения вещей. Они имели выраженно периферийный характер, касались лишь разного рода деталей во взглядах людей на строительство коммунистического общества в стране. Сама же общая идеология этого строительства, его исторические цели и способы их достижения не вызывали у участников проведенных опросов ни малейших сомнений. В этом отношении **общая структура их менталитета** отличалась безусловной **цельностью**, была свободна от сколько-нибудь существенных расхождений и тем более противоречий: тогдашний авангард "строителей коммунизма" свято верил в возможность достижения сформулированных партией конечных целей и был монолитен в своей решимости добиться успеха — осуществить вековую мечту человечества.

Глава 5. ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ СЕМЬИ

1. Характеристика исследований

• *Цели*

Настоящий опрос проводился в декабре 1961 г. – феврале 1962 г. и был инспирирован широкой дискуссией, проходившей в начале 60-х годов в советском обществе по поводу отношения молодежи к институту семьи. Вызванная помимо всего прочего резко увеличившимся количеством разводов в стране, эта дискуссия, с одной стороны, выявила, а с другой – породила множество разного рода мифов относительно "неуважительного", легкомысленного отношения молодых людей к браку. По замыслу исследователей, опрос должен был развеять эти мифы и в этом смысле реабилитировать молодое поколение.

Эта задача решалась в опросе путем выявления и обсуждения широкого круга проблем – экономических, социальных, бытовых, связанных с половым воспитанием и образованием, с которыми в действительности имело тогда дело общество и которые лежали в основе неблагополучия огромного количества семей. Именно в результате подобного стереоскопического рассмотрения предмета предполагалось выйти на наиболее значимые реальные причины разводов, отличные от тех мнимых, которыми оперировала официальная статистика, базировавшаяся на декларируемых в судебных разбирательствах мотивах разводящихся.

• *Содержание*

Анкета включала в себя формально двенадцать, а фактически пятнадцать содержательных вопросов, в том числе три закрытых, один полужакрытый и одиннадцать открытых:

1. Какие наиболее сильные черты характеризуют советскую семью?
2. Что вы больше всего цените в своей семье?
3. От каких пережитков прошлого, бытующих ныне, необходимо освободиться молодым семьям?
4. Какие стороны воспитания детей в советской семье вы считаете лучшими, самыми прогрессивными?

5. С какими трудностями в воспитании детей встречаются в настоящее время семьи?

6. Какие пути преодоления этих трудностей вы предлагаете?

7. С решением какой проблемы вы связываете в первую очередь ликвидацию остатков неравного положения женщины в быту? (Расширение общественных форм удовлетворения потребностей семьи. Облегчение женского труда на производстве. Расширение сети детских учреждений. Участие мужа, детей в ведении домашнего хозяйства. Облегчение домашнего труда путем механизации. Возможно, какая-либо иная проблема?)

8. Как подготовлены молодые люди, вступающие в брак, к созданию семьи? Если недостаточно, то в чем это выражается?

9. Нуждается ли в изменениях существующий порядок бракосочетания? Если да, в каких именно?

10. Нуждается ли в изменениях существующий порядок расторжения брака? Если да, в каких именно?

11. Чем вы объясняете случаи распада молодых семей?

12. Какие меры по укреплению молодой семьи вы можете предложить?

В соответствии с программой, содержание мнений должно было фиксироваться с учетом семи социально-демографических признаков респондентов: их пола, возраста, рода занятий, семейного положения, количества детей, продолжительности пребывания в браке и местожительства (типа поселения).

• Метод и техники

Исследование выполнялось в форме анкетного выборочного опроса путем публикации анкеты на страницах газеты, т. е. на основе стихийно складывающейся нерепрезентативной выборки.

Как и предполагалось, публикация вызвала огромный интерес во всех районах страны, у большинства основных слоев и групп населения. После выбраковки части материала к анализу были приняты в конечном счете 12 104 анкеты. Общая структура этого массива опрошенных оказалась следующей (в абсолютном выражении и % к $n = 12\ 104$; в скобках указаны сокращенные названия групп, используемые далее в таблицах):

	<u>абс выраж</u>	<u>% к n</u>
• <u>по полу</u>		
мужчины (Муж)	8488	70,1
женщины (Жен)	3616	29,9

● <u>по возрасту</u>		
до 23 лет (До 23)	1472	12,2
23–30 лет (23–30)	6160	50,9
старше 30 лет (Ст 30)	4472	36,9
● <u>по роду занятий</u>		
рабочие (Рабоч)	3431	28,3
инженерно-технические работники (Инж-тех)	2597	21,6
служащие (Служ)	2203	18,2
творческая интеллигенция (Творч)	50	0,4
колхозники (Колхоз)	171	1,4
военнослужащие (Воен)	2131	17,6
студенты (Учаш)	585	4,8
пенсионеры, домохозяйки (Нераб)	936	7,7
● <u>по семейному положению</u>		
холостые, незамужние (Несем)	2285	18,9
женатые, замужние (Сем)	9318	77,0
разведенные (Развед)	394	3,2
матери-одиночки (Один)	107	0,9
● <u>по количеству детей</u>		
не имеющие детей (Бездет)	3979	32,9
имеющие одного ребенка (1 реб)	4416	36,5
имеющие двух детей (2 реб)	3268	27,0
имеющие трех детей и более (3 реб)	441	3,6
● <u>по типу поселения</u>		
города с населением свыше 500 тыс. жит (Круп гор)	3394	28,0
прочие города (Проч гор)	7592	62,8
деревни, села (Село)	1118	9,2

Весьма внушительная общая величина исследуемого ансамбля автоматически обеспечила солидную количественную представительность подавляющего большинства фигурировавших в опросе социальных и демографических групп, причем не только в их "простом" виде, но и в комбинациях друг с другом. Вот как выглядела, к примеру, группа 23–30-летних участников опроса с учетом их пола и места жительства (в абсолютном выражении):

	Круп гор	Проч гор	Село	В целом
Мужчины	1118	2991	391	4500
Женщины	502	961	197	1660
В целом	1620	3952	588	6160

Что же касается групп сознания, то применительно к обсуждаемому предмету привычные минусы всякого газетного опроса оборачивались даже определенными плюсами. Ведь данное исследование не ставило своей задачей по признакам самих респондентов (их семей) определить признаки советской семьи в целом. Речь шла совсем о другом: на основании взглядов участников опроса, отражающих опыт не только и, скорее всего, не столько их личной семейной жизни, сколько жизни множества окружающих людей, составить относительно полное представление о причинах неблагополучия большого количества семей в стране. Очевидно, при такой постановке вопроса можно было лишь приветствовать тот факт, что на анкету отвечали не все те, кто по необходимости попал бы в репрезентативную случайную или квотную выборку, а лишь те из них, кому было что сказать и кто активно хотел высказаться по поводу обсуждаемых проблем.

• *Исполнители*

Программа и полевой документ исследования были разработаны Б.А. Грушиным (при участии В.В. Чикина). Подготовка документов первичной обработки информации и руководство этой обработкой — Б.А. Грушин и В.В. Чикин.

Вторичная (машинная) обработка информации была выполнена на Центральной машинно-счетной станции ЦСУ СССР под руководством Я.Л. Циписа.

2. Мнения *pro* и *contra*

Вопросы анкеты:

1. Какие наиболее сильные черты характеризуют советскую семью?
3. От каких пережитков прошлого необходимо освободиться молодым семьям?
5. С какими трудностями в воспитании детей встречаются в настоящее время семьи?
8. Как подготовлены молодые люди к созданию семьи?
11. Чем вы объясняете случаи распада молодых семей?

1. Т. В., инженер-архитектор, 29 лет, разведена, дочке 8 лет (г. Ленинград)

1. Дружба, взаимное уважение, помощь.

3. В подавляющем большинстве браки заключаются в 18–24 года. В этом возрасте молодые люди оценивают друг друга по большей части внешне: "Он (или она) мне нравится". Нравится лицо, голос, одежда, манеры, умение танцевать. А душа человека, будущего спутника жизни, остается до поры до времени потемками, так как узнать друг друга – дело не дня, не месяца и даже не года. Настоящую любовь не находят. Любовь с первого взгляда – чушь, за редчайшим исключением. Настоящую любовь вырабатывают. Именно поэтому молодых людей часто связывает не настоящее чувство, а такое, которое, как свеча, гаснет от первого сквозняка. Отсюда и все последующие неурядицы в семье.

В подавляющем большинстве случаев в женщине, вступившей в брак, а тем более ставшей матерью, начинает угасать общественное начало. Происходит это в силу объективных причин – семья, дом связывают по рукам, сужают границы ее мира. Детсады, домовые кухни – это хорошо, но этого еще мало! Часто в женатом человеке просыпается дух "благоустройства" в плохом смысле этого слова, граничащий с накопительством. Обычно это происходит с женщинами: "и это надо, и то надо". И вот молодая семья, вместо того чтобы в свободный вечер пойти на каток (эти желания потихоньку умирают в подобной семье как "несолидные"), сидит и думает, как бы выкроить на новый зеркальный шкаф или на чернобурку.

Еще один опасный враг молодой семьи – отсутствие взаимной требовательности, принципиальности. Рассуждают так: "Что с нее требовать – она женщина" или: "Ну что ж, он муж, хозяин, мужчина – уж лучше сохранить семью..." Высокая требовательность состоит не в том, чтобы не уметь прощать, если вдруг кто-то на кого-то посмотрел, а в том, чтобы уметь поделиться своими духовными богатствами, принять этот высокий дар от другого, уметь не отставать друг от друга.

Среди молодежи встречаются "философы", которые считают, что жена – это что-то вроде холодильника, предмет комфорта, а муж – машинка для денег, кошелек с зарплатой. Это философия тех, кто устраивает свою семейную жизнь, исходя из таких соображений: "Пришло время, надо и о семье подумать, с ней удобней". Между тем семья должна создаваться только тогда, когда совершенно ясно, что ни он, ни она не могут жить друг без друга, что их связывает не только печать в паспорте, а настоящая любовь, требовательная, основанная на большой дружбе.

5. Трудности в воспитании детей связаны с характером самого воспитания. Большую часть времени ребенок находится в семье. А родители

ли, как правило, очень заняты хозяйственными делами, кроме того, совершенно закономерно их стремление учиться, духовно расти.

8. По-моему, молодые люди, вступающие в брак, часто совершенно не подготовлены к созданию семьи. Мы забываем, что школьник, школьница – взрослые (16–17 лет), физически сформировавшиеся люди. А мы сюсюкаем: "детки", хотя эти "детки" уже любят, еще и не понимая, что такое семья, дети, и думают о будущем (в основном в розовом цвете).

Почему в рабочих общежитиях мы находим возможным читать лекции на специфические темы для девушек или для молодежи вообще, а в школах проводим только сладенькие диспуты "О любви и дружбе"? Почему тонкости взаимоотношений между мужчиной и женщиной юноши и девушки узнают или из уст выдавших виды друзей и подруг, или нашептываний теток и бабок? Почему на этих взаимоотношениях до сих пор лежит печать "стыдного"? (Это же от церковного "греха"!)

11. Чем объяснить случаи распада семей? Маленькие шероховатости во взаимоотношениях, отсутствие высокой принципиальности, требовательности друг к другу – все это может привести к противоречиям, к ссоре, а в результате – развод. И это произойдет очень скоро, если основой семьи была не настоящая любовь, а влюбленность, привязанность, а теперь пришла к нему или к ней та самая, настоящая.

Я не занимаюсь статистикой, но складывается мнение, что больше всего разводов падает на пары, которые вступают в брак до 24 лет. Основные причины, по-моему, следующие:

а) брак возник без настоящей любви, по первому чувству, влюбленности;

б) недостаток жилья, необходимость жить с бабушками и тетками, отсюда неизбежность семейных неурядиц, вырастающих до больших ссор. Молодая семья должна жить самостоятельно;

в) женщину затягивает домашнее хозяйство, она отстает от мужа в духовном развитии. Это ведет к серьезным противоречиям в семье ("она отстала, я расту"), где нет дружбы и взаимного уважения;

г) физическая неверность.

2. Без подписи, финансовый работник, 32 года (г. Ульяновск)

Все ваши проблемы и вопросы сводятся к одному. Сейчас каждая девушка думает так: лишь бы расписаться, а как там жить с мужем будем – посмотрим.

Приведу пример. Мы с другом поспорили: он мне доказывал, что не каждая девушка выйдет замуж за нелюбимого, а я – что большинство из них охотно согласится соединить свою жизнь с человеком, которого они не знают, при условии, если им предложит зарегистрироваться. Что же вы думаете?! В течение 27 дней (спор шел о месячном сроке) я добился согласия 7 девушек пойти со мною в ЗАГС. И что характерно –

из семи только одна, между прочим, заметила, что знает меня очень мало... Конечно, такие легкомысленные браки не могут быть прочными.

В свое время я сам в жизни допустил серьезную ошибку: перед женьбой не задумался о том, смогу ли найти настоящее счастье с человеком, и вот теперь всю жизнь вынужден расплачиваться и терпеть. Изменить что-либо уже поздно – у меня растут два сына и оставить их сиротами я не хочу...

3. Б., офицер, 24 года, семья – жена и дочь, в браке 6-й год (N-ская часть)

1. Стремление к миру, вера в счастливое, светлое завтра.

3. Обывательщина, стремление к спокойной, обеспеченной жизни, когда даже рождение первого ребенка ставится в зависимость от приобретения машины, телевизора, холодильника.

8. Основным недостатком молодых людей, вступающих в брак, является незнание ими жизни, отсутствие твердых взглядов на жизнь, брак и семью. Отсюда и скороспелые браки, которые зачастую оказываются непрочными.

11. Главное здесь – поспешное вступление в брак и вмешательство родителей в семейную жизнь молодоженов.

4. В. Л., председатель колхоза, 35 лет, семья – жена и три дочери, в браке 13 лет (Казахская ССР)

1. Современная советская семья характеризуется дружбой, сознанием долга перед обществом.

3. Главный пережиток прошлого, от которого нужно освободиться молодежи, это вступление в брак по совету родителей или в угоду им. Такая традиция особенно распространена в сельской местности.

5. Пока ощущается недостаток детских учреждений: яслей, садов, школ-интернатов.

11. Люди должны лучше знать друг друга. Я не предлагаю им копаться в родословных, но узнать друг друга лучше – это уже гарантия прочности семьи.

Ссоры бывают в каждой семье. Но это еще не повод для развода. Не нужно только оскорблять друг друга, разыгрывать из себя униженного и обиженного. Свою правоту нужно уметь доказать. Неплохо помнить мудрую пословицу: "Прежде чем оскорбить – досчитай до ста, прежде чем ударить – до тысячи". А уж коль случилась беда – расторжение брака, – тут нужно подходить очень осторожно. Разрешение этих вопросов должно быть передано на суд общественности, ибо коллектив лучше знает людей, нежели народный суд, который часто вынужден верить бумаге, а не людям. Штраф почти ничего не дает, а вот широ-

кое общественное мнение, обсуждение того или иного случая развода в печати, на собраниях может оказать большое воздействие на молодежь.

5. Т. и Э. О-вы, студенты, жене – 22 года, мужу – 27 лет, имеют дочь, женаты 3 года (г. Ленинград)

1. Жизнь так разнолика, что общего ответа на первый вопрос, нам кажется, просто не существует.

3. Молодые супруги должны всегда выяснять свои отношения сами, не привлекая третьих лиц.

5. Часто дети живут в одной, иногда очень тесной комнате со взрослыми. Вторая трудность – колоссальный расход времени на покупку и приготовление пищи для ребенка. В огромном большинстве молодые родители не имеют возможности заниматься воспитанием детей, передоверяют их бабушкам. А ведь часто старики воспитывают детей в худших традициях своего поколения.

8. Большинство молодых людей совершенно не воспитаны в понимании физиологических отношений между мужчиной и женщиной. "Знания", приобретенные чаще всего на улице, из анекдотов, от сверстников, а не от умных, тактичных и опытных людей, в первую очередь создают в начале супружеской жизни тупики и вопросы. Это упрек поколению наших родителей, которые подчас умышленно обходили эту важную сторону дела.

11. Прежде всего – неумное и нетактичное вмешательство родителей во взаимоотношения молодых супругов. Второе – пьянство.

Мы думаем, что в ответах на этот вопрос многие будут ссылаться на "скоропостижность" решения о браке, на кратковременность знакомства до брака. Но ведь не в этом главное. Если у двух человек возникла необходимость связать свои судьбы, значит, они в чем-то почувствовали родство, близость. Нужно уметь понимать друг друга. Мы тоже, как кажется некоторым со стороны, мало были знакомы друг с другом до женитьбы. Но мы убедились: для того чтобы научиться уважать друг друга, не нужны годы.

6. Т. Ш., домохозяйка, 30 лет, семья – муж и сын, замужем 11 лет (Львовская обл.)

3. Юношам и девушкам, вступающим в брак, нужно избавиться от страсти к деньгам и ревности.

5. Наши дети должны расти честными, справедливыми. Без этих качеств им нет места в коммунизме. Между тем родители зачастую совершенно не умеют воспитывать детей: мама наказывает – папа по головке гладит.

8. Многие молодые люди вообще никак не подготовлены к вступлению в брак: не могут ни выстирать, ни сготовить, а когда у них родится ребенок, отдают его на воспитание своим родителям.

11. Если бы можно было заглянуть хоть на два месяца вперед, то многие девушки, которые выходят замуж не по любви, мне кажется, задумались бы. Это я утверждаю на основании своего личного опыта. Одинадцать лет тому назад я вышла замуж за человека на 20 лет старше себя, потому что у него были деньги, высокооплачиваемая должность. Сейчас у меня есть все: телевизор, холодильник, приемник, пылесос, стиральная машина, автомобиль "Волга", но нет любви, и все эти вещи, о которых многие мечтают, жгут, давят меня, не дают дышать. К мужу я отношусь плохо. Но у нас есть сын, который любит отца, и ради сына приходится молча страдать. Я хочу предостеречь молодежь: брак по расчету – ужасный брак.

7. А. Я., радиомонтажник, 29 лет, женат 7 лет, детей нет (г. Таллин)

8, 11. Зачастую молодежь у нас очень плохо представляет, что такое семья, какая ответственность и задачи встают перед молодыми супругами. Мама с папой об этом с ними не говорили, тем более не говорили об этом в школе, и в результате представления о семье и любви у ребят получаются самые случайные. Само собой разумеется, что подрастающему человеку хочется все узнать о такой интимной вещи, как любовь. Вот они начинают рыться в книгах, смотреть фильмы, прислушиваться к разговорам взрослых и сверстников. Так нередко складываются представления случайные и нежелательные. Появляется отвратительное стремление показать себя бывалым, знающим человеком – отсюда пошлое бахвальство и пошлые поступки. С годами они могут превратиться в пошлые убеждения, и это начинает быть уже опасным для общества: такой человек не может создать прочной, хорошей семьи.

И наоборот, молодежь, которой приходится слышать о любви только в розовых красках, а о семье – лишь как о "гнездышке для голубков", попадая в реальную обстановку, где надо не только ворковать, но и стирать прозаические штаны, рубашки, варить обеды, мыть полы и т. д. и т. п. – мамы-то ведь больше нет! – начинает хныкать: "Мама, я хочу обратно домой! Дай денег на развод!"

8. З. И., фельдшер, 39 лет, замужем 18 лет, есть дочь (г. Лиски, Воронежская обл.)

5, 8, 11. Молодая семья должна иметь детей в возрасте не ранее 25 лет. Почему? Да только потому, что с 17–18 и до 25 лет почти у каждого человека – напряженные годы учебы, освоения работы, а также формирования семейной жизни. Посудите сами: человеку еще не так

много лет, а у него уже двое-трое детей. Естественно, что тут при всем желании нельзя дать многого ни себе, ни им. Бегом на работу, бегом в институт, бегом в детский садик, мимолетно в кино или в театр... На ходу пришиваем пуговицу, бежим с незаштопанным носком, смятым галстуком, неглаженным воротничком. Создается исключительно тяжелая обстановка: надо! надо! А разве погулять, подышать свежим воздухом, собирать грибы или ягоды, ловить рыбу, послушать лекцию или сходить в оперу не надо? А когда?

Но вот наконец трудности кончились – ребенок пошел в школу – тут бы только и вздохнуть. Но выясняется, что внутри нас пустота, что мы устали обгонять время, что все наши лучшие силы и мечты разменялись на бытовые нужды, что, не давая в лучшие годы жизни друг другу ласки, внимания, мы вообще отвыкли делать это...

9. П. Н., подполковник милиции, начальник отдела УВД (г. Москва)

1. Сильнейшая сторона советской семьи – равенство, общность интересов и взглядов, идейность и чувство ответственности перед обществом.

3. Супружеская неверность – основной пережиток прошлого в семейно-брачных отношениях. Она часто порождает другие пережитки в быту: грубость, пошлость, бестактность и неуважение супругов друг к другу, многие пороки в воспитании детей.

Отсутствие у людей взаимной терпимости, сдержанности, оскорбление и унижение человеческого достоинства ведут к таким уродливым явлениям в нашем обществе, как скандалы в семьях и квартирах, хулиганство, драки.

5. Много трудностей встречают родители в этом деле, а помощь им пока оказывается недостаточная. Мать или отец не могут приобрести хорошую, нужную, доступную книгу по вопросам воспитания детей. Журнал "Семья и школа" не всегда отвечает требованиям.

Вторая проблема – отсутствие единства в требованиях и поступках воспитателей. Все учат честности и порядочности. Родители учат с раннего детства говорить только правду, жить честно, а сами иногда на глазах у ребенка ловчат, изворачиваются, лицемерят, совершают так называемые "блатные операции", устраиваются по знакомству...

Непростительная несправедливость по отношению к школьникам бывает и у учителей. На этот счет у нас есть много примеров. Если разобраться внимательно со всеми отсеявшимися и исключенными из школ, то среди них найдется много таких, кто остался за бортом школы лишь в силу несправедливого к ним отношения. Это явный брак в работе школы.

8. Жизнь показывает, что, рано вступая в брак, молодые люди не достигают определенного физического развития и гражданской зрелости. Именно

отсюда вытекают все недостатки в семейной жизни, нередко приводящие к распаду семьи. Раннее вступление в брак плохо отражается на здоровье молодой четы. Таковы выводы медицины, основанные на специальных исследованиях и опыте врачебной практики.

11. Статистический анализ показывает, что распадаются чаще всего те семьи, которые возникли в раннем возрасте, когда супружеская пара восприняла мнимую любовь за настоящую.

Нравственная чистота человека, вера в идеал и поиски его, высокое уважение к любимой или любимому – вот основные предпосылки счастья и настоящей любви. Быстро вспыхивающее и быстро угасающее чувство, как правило, приводит к опустошению души, разочарованию.

В нашей стране имеются все возможности и предпосылки для существования крепких, здоровых и счастливых семей. К сожалению, в воспитательной работе среди молодежи весьма мало уделяется внимания вопросам привития молодому поколению правильных представлений о взаимоотношении полов, о духовной и физической чистоте в этих взаимоотношениях. Видимо, назрела необходимость обратиться на совет воспитателям, комсомольским руководителям, философам, литераторам, работникам искусств и медицины. В результате обмена мнениями можно было бы систематизировать усилия для проведения воспитательной работы с молодежью.

10. Т. В., редактор, 27 лет, разведена, дочке 2 года (г. Москва)

Всех нас, молодых и людей старшего поколения, очень тревожит, что браки нередко нестойки, легко распадаются и многие дети остаются без отцов. Отчего это? Может, нравы стали распущенное, люди хуже?

Очень обидно: жизнь становится лучше, а личное, семейное счастье встречается не так уж часто. Я, например, разошлась с мужем, одна воспитываю дочку. Через развод прошли моя сестра, ее второй муж, многие мои знакомые. Да и существующие семьи далеко не всегда бывают дружными.

1. Советскую семью в целом характеризуют любовь, равноправие, взаимопомощь, единство взглядов супругов.

3. Муж и жена неравноправны. Многие мужчины считают, что им все дозволено, нарушают супружескую верность, грубо обращаются с женой, копируя зачастую своих отцов. Воспитание детей и уход за ними чаще всего лежит только на жене. Женщины сейчас добровольно соглашаются работать, и вести хозяйство. Мы не мыслим себе жизни без работы на производстве, в учреждении. Но мужья часто не хотят нам помочь по дому, и женщины несут на своих плечах непосильный груз. Кроме того, во многих молодых семьях есть черты мещанства, собственничества, боязнь лишений, трудностей.

5. Трудно растить маленьких детей, их не с кем оставлять. Мать должна работать, в ясли ребенка устроить трудно, няню найти почти невозможно. Более старших ребят-школьников трудно воспитывать, если нет школы продленного дня.

8. К сожалению, не все молодые люди серьезно думают о создании семьи. Вообще у нас часто пишут и говорят о любви, а о семье забывают. А в 18–20 лет еще и нет потребности иметь семью, детей. Люди только думают о своем чувстве. А ведь в этом возрасте легко не разглядеть сути человека, принять увлечение за любовь. Люди еще не сформировались, они полны смелых замыслов, часто подделываются под любимых героев. Их еще не проверила жизнь, и в характере, в убеждениях много непроверенного, невыстраданного. А остаться таким, каким мечтал быть в 20 лет, не у всех хватает сил, характера. Например, мой муж в 18–22 года был активным комсомольцем, мечтателем, книголюбом, а в 26 лет стал заурядным обывателем, домоседом, перестал интересоваться людьми, в работе стал ремесленником. Если бы мы встретились позже, вряд ли я бы связала свою жизнь с таким человеком. За четыре года дружбы в юности я не разглядела, каким он станет потом.

11. Избалованность, эгоизм (неумение и нежелание понять другого, помочь ему).

11. Д. Е., пчеловод, 36 лет (Томская обл.)

11. Почему раньше люди хотели жить прочной семьей, а сейчас не хотят? Потому, что раньше во главу угла была поставлена девичья честь... А теперь сотни девиц отдадутся первому встречному только за то, что он им понравился и сказал, что любит и возьмет в жены. А ведь в этих семьях не будет счастья, ибо мужчина (если он действительно мужчина, а не осел) до смерти не забудет такой обиды. Будут пьянство, скандалы, разводы... Обратитесь к медикам за справкой, какой процент невест выходит замуж девицами. Вот такой процент и прочных семей. Да все эти причины непонятны лишь грудным младенцам!

12. М. М., пенсионер, 56 лет, женат 36 лет (г. Пермь)

1. Единство идейных взглядов, чувство ответственности перед обществом за состояние семьи, общность интересов.

3. Меркантильность, мещанская обособленность, грубость и неуважение друг к другу – вот те пережитки прошлого, от которых должны освободиться молодые семьи.

5. Трудностей много. Прежде всего – влияние улицы. Многие дети дома и в школе ведут себя очень хорошо, но стоит им выйти на улицу, как они меняются. Даже разговаривают друг с другом каким-то варвар-

ским языком. Кроме того, ребята смотрят почти все кинофильмы для взрослых, перенимая привычки отрицательных героев.

Иногда учителя формально относятся к своим обязанностям. Школа для них – повинность, они не получают от своей работы удовлетворения. Над головой школьника всегда висит "палка" в виде окрика, плохой оценки. В таких случаях, если ребята идут в первый класс с увлечением, нетерпением, радостью, живут школой, то через год-два все это может исчезнуть.

В детских садах и яслях слабо поставлена воспитательная работа. Воспитатели, особенно в старших группах, – нередко люди с ограниченным кругозором. В результате ясли и детсады воспитывают в детях рознь, эгоизм.

8. Очень плохо! Слишком мал "испытательный срок" и крайне незначителен вообще срок знакомства. Молодые люди "открывают" друг друга после того, как появятся дети. Юноши и девушки слишком поспешны в решениях "жениться", "выйти замуж", не умеют разобраться в своих чувствах, не желают считаться с мнением старших.

11. Распад молодых семей – результат легкомысленной, поспешной женитьбы. Зачастую плохую услугу молодым супругам оказывают и родители. Юноши и девушки подчас повторяют поведение отца или матери: не уважают друг друга, сплетничают. Общественность равнодушна к распаду семьи, не желает вмешиваться в чужую личную жизнь...

Р. С. Сын женился, когда ему еще не было 18 лет, ушел в семью жены. Молодой семье приходилось очень трудно. Вскоре назрел распад, но мы его предупредили, став на сторону молодой жены. Пережил я много. Сейчас все в прошлом, растет внучка, сын в армии, и чувствую по всему, что он пойдет по правильному пути.

3. Количественные результаты исследования

Сохранившиеся в архивах материалы с количественными результатами опроса представляют собой 111 крупноформатных рукописных таблиц с распределением ответов на 3–5 и 7–12 вопросы анкеты (данные, относящиеся к вопросам 1, 2 и 6, по-видимому, безвозвратно утеряны).

После содержательной реконструкции и компьютерной обработки этой информации все заключенные в ней результаты опроса удалось представить в девяти таблицах.

Во всех таблицах, кроме 4 и 8, фигурируют как некоторые общие, "родовые" ответы (их цифровые коды выделены в тексте полужирным шрифтом), так и конкретизирующие их частные, или "видовые", сужде-

ния. Сумма последних в большинстве случаев превышает объем первых, поскольку респонденты, конкретизируя общие высказывания, как правило, давали не одно, а несколько уточнений.

В таблице 4 содержатся ответы на полужакрытый вопрос, где пять первых суждений предлагались респондентам в ходе опроса, тогда как пять заключительных были сформулированы ими самими в ответ на предложение "Возможно, какая-либо иная проблема?".

Таблица 1. Ответы на вопрос "От каких пережитков прошлого, бытующих ныне, необходимо освободиться молодым семьям?" (в % к общему числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
В целом	37,8	18,8	11,0	7,3	5,4	2,9	2,1	1,1
Муж	40,0	20,5	11,1	7,5	5,8	3,0	2,2	1,1
Жен	32,6	14,8	10,6	6,8	4,4	2,7	1,8	1,0
До 23	40,1	18,4	14,5	6,2	3,9	2,0	2,5	1,0
23-30	37,2	17,9	12,1	6,4	4,3	2,3	1,8	1,0
Ст 30	37,9	20,2	8,2	8,8	7,3	4,0	2,4	1,1
Рабоч	33,7	17,0	10,1	6,6	5,0	2,9	2,2	0,8
Инж-тех	38,6	18,5	10,4	8,0	5,0	3,0	2,1	0,7
Служ	38,3	19,2	11,4	7,0	4,7	2,9	2,2	1,5
Творч	40,0	16,0	12,0	16,0	8,0	4,0	2,0	0,0
Колхоз	31,6	16,4	8,8	6,4	3,5	2,3	2,9	0,6
Воен	43,7	21,9	13,2	7,6	6,2	2,8	2,1	1,3
Учащ	41,9	19,7	13,0	6,5	5,0	2,2	1,2	1,5
Нераб	34,6	18,3	9,1	7,9	7,9	3,7	2,0	1,2
Несем	42,6	20,9	14,3	6,9	4,5	2,2	2,1	1,1
Сем	36,7	18,3	10,2	7,3	5,5	3,1	2,0	1,0
Развед	37,8	18,3	11,7	8,1	5,8	2,0	3,8	1,0
Один	30,8	17,8	2,8	8,4	6,5	0,9	3,7	1,9
Бездет	40,4	19,1	13,6	6,3	4,3	2,4	2,1	1,2
1 реб	35,9	17,9	10,7	7,2	5,2	3,0	2,0	1,0
2 реб	38,1	19,9	8,1	8,4	6,7	3,4	2,2	0,9
3 реб	31,3	17,0	10,9	7,7	6,8	3,2	2,9	0,9
Круп гор	39,4	18,1	10,2	8,3	6,2	2,7	1,8	1,4
Проч гор	37,3	19,2	11,0	6,8	5,1	3,1	2,2	1,0
Село	36,4	17,6	12,9	7,4	4,5	2,6	2,6	0,6

1 – мещанство, в том числе в таких формах его выражения, как (2-8):

2 – дух стяжательства, материального расчета

3 – отрыв от общественной жизни, ограниченность интересов кругом семьи

4 – индивидуализм, эгоизм

5 – дух паразитизма

6 – погоня за модой, "красивой жизнью"

7 – ханжество, лицемерие

8 – соглашательство, примиренчество

Гр	9	10	11	12	13	14	15	16
В це	32,3	25,3	15,1	14,5	11,3	6,0	1,3	2,3
Муж	29,3	24,1	16,5	13,9	10,7	6,1	1,4	2,6
Жен	39,2	28,0	11,7	16,0	12,7	5,9	1,1	1,6
До 23	37,2	21,1	16,2	19,0	11,2	4,6	1,8	1,6
23-30	33,2	22,9	15,2	15,2	10,2	5,3	1,3	2,4
Ст 30	29,3	30,0	14,5	12,1	12,8	7,5	1,2	2,4
Рабоч	27,2	25,3	15,7	11,8	10,8	6,3	0,7	3,2
Инж-тех	34,8	23,8	10,3	14,3	10,7	5,3	0,8	1,8
Служ	37,4	28,8	15,9	18,2	12,6	5,5	1,3	2,1
Творч	34,0	12,0	16,0	12,0	6,0	8,0	0,0	4,0
Колхоз	24,6	24,6	25,7	14,0	6,4	7,0	1,2	3,5
Воен	32,0	23,1	17,4	15,9	11,5	6,1	2,0	1,4
Учащ	38,5	16,1	9,2	18,8	7,9	3,8	1,4	2,6
Нераб	29,8	32,7	14,4	10,4	15,0	8,9	1,7	1,8
Несем	34,0	21,7	15,8	17,0	10,8	5,4	1,2	2,1
Сем	31,9	26,1	14,9	13,8	11,4	5,8	1,4	2,4
Развед	33,0	25,6	12,4	14,7	12,7	13,7	1,0	1,0
Один	27,1	28,0	17,8	17,8	12,1	12,1	3,7	0,0
Бездет	- ¹	21,6	15,6	16,5	10,8	-	1,3	2,1
1 реб	-	25,3	14,7	14,8	10,8	-	1,3	2,5
2 реб	-	29,0	14,2	12,2	12,7	-	1,3	2,3
3 реб	-	31,7	20,6	10,7	11,8	-	1,8	2,5
Круп гор	30,9	24,6	12,2	13,4	10,4	6,1	1,4	3,1
Проч гор	32,2	25,1	15,1	14,9	11,9	5,8	1,1	2,0
Село	37,2	28,7	22,8	15,3	10,3	6,8	2,7	2,2

9 – вредные народные традиции (русский домострой, азиатские феодально-байские пережитки и т. п.)

10 – пьянство

11 – религиозные предрассудки

12 – ревность

13 – грубость (брань, побои)

14 – супружеская неверность

15 – националистические предрассудки (шовинизм, национализм, антисемитизм)

16 – пережитков нет

¹ Данные отсутствуют.

Таблица 2. Ответы на вопрос "Какие стороны воспитания детей в советской семье вы считаете лучшими, самыми прогрессивными?" (в % к общему числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
В целом	53,4	41,9	25,0	11,6	9,8	7,3	6,7	3,1
Муж	53,2	41,1	25,3	11,0	9,9	7,4	6,8	3,3
Жен	53,8	43,7	24,3	13,2	9,7	7,1	6,4	2,3
До 23	57,6	41,0	26,8	10,9	13,0	8,2	8,7	4,8
23-30	52,7	41,6	25,7	11,7	9,6	7,1	6,3	2,4
Ст 30	52,8	42,6	23,4	11,8	9,2	7,2	6,8	3,6
Рабоч	47,9	34,4	22,3	9,9	8,3	6,0	6,2	2,8
Инж-тех	57,6	46,4	26,8	12,9	9,8	7,3	6,8	2,4
Служ	53,7	45,9	27,6	12,8	9,8	7,1	6,1	2,7
Творч	74,0	38,0	24,0	26,0	16,0	6,0	14,0	8,0
Колхоз	50,3	44,4	20,5	13,5	9,4	12,9	7,0	4,1
Воен	57,5	46,0	26,0	12,0	12,2	7,9	7,8	1,9
Учаш	54,2	41,0	28,5	10,3	10,1	6,5	6,5	3,6
Нераб	50,6	37,7	21,4	11,0	9,9	9,0	7,4	4,8
Несем	57,3	42,6	26,7	7,3	12,6	9,1	7,8	4,6
Сем	52,9	42,3	24,9	11,8	9,3	6,9	6,6	2,8
Развед	41,1	29,2	19,3	7,4	5,8	4,8	5,8	3,0
Один	51,4	11,2	11,2	1,9	4,6	10,3	22,4	1,9
Бездет	54,8	41,3	25,2	11,4	10,7	7,6	7,5	3,8
1 реб	52,2	41,0	25,7	11,1	9,3	7,0	5,9	2,6
2 реб	53,7	44,3	24,4	12,5	9,5	7,0	6,7	2,7
3 реб	50,1	38,1	20,2	12,5	10,2	8,8	9,5	5,4
Круп гор	53,3	41,3	24,2	11,0	8,1	6,4	5,8	2,7
Проч гор	52,7	41,8	25,2	11,6	10,3	7,1	7,0	3,3
Село	58,0	44,5	26,0	13,6	12,0	11,4	7,8	3,4

1 – воспитание комплекса черт коммунистической морали, в том числе 2–8

2 – любви к труду

3 – чувства коллективизма

4 – честности, принципиальности

5 – любви к Родине

6 – любви к знаниям

7 – преданности делу строительства коммунизма, стремления принести пользу обществу

8 – сознательной дисциплины

Группа	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
В целом	19,5	17,3	7,1	6,1	5,9	5,1	4,8	3,0	1,5	0,7
Муж	19,2	17,7	6,9	5,9	6,0	5,1	5,4	3,1	1,6	0,7
Жен	20,2	16,2	7,5	6,8	5,8	5,1	3,4	3,0	1,2	0,5
До 23	18,9	14,6	9,2	6,8	7,6	5,4	5,3	3,4	0,5	0,3
23–30	17,6	17,8	6,3	6,2	5,8	5,2	5,0	3,3	1,2	0,5
Ст 30	22,2	17,5	7,5	5,7	5,5	4,7	4,4	2,6	2,2	1,1
Рабоч	17,2	18,4	6,1	4,8	4,6	4,1	4,5	2,8	1,8	0,6
Инж-тех	19,0	15,9	7,8	7,7	7,0	6,2	4,1	3,1	1,7	0,6
Служ	22,2	19,4	6,8	6,2	5,6	5,5	4,5	2,7	1,5	0,8
Творч	12,0	14,0	6,0	10,0	12,0	0,0	4,0	8,0	2,0	8,0
Колхоз	22,2	18,1	7,6	4,1	7,0	4,7	5,8	2,3	1,8	0,0
Воен	20,0	16,0	7,1	6,5	6,0	5,7	6,3	3,8	0,7	0,7
Учаш	18,1	17,9	8,9	8,0	8,7	4,3	3,9	3,8	0,5	0,3
Нераб	22,4	14,7	8,3	5,0	6,1	3,7	4,7	2,4	1,9	0,6
Несем	20,6	15,9	8,0	7,0	6,8	5,7	5,1	3,7	0,8	0,3
Сем	19,4	17,6	6,9	6,1	5,7	5,0	4,8	2,9	1,6	0,8
Развед	15,7	18,8	5,8	4,1	6,9	3,6	3,0	2,5	1,5	1,3
Один	17,8	13,1	9,3	2,8	4,7	3,7	1,9	0,9	2,8	0,9
Бездет	18,5	16,0	7,3	6,6	6,9	5,5	4,6	3,6	0,9	0,4
1 реб	18,3	18,3	6,7	5,8	5,8	4,7	5,5	3,0	1,7	0,7
2 реб	22,1	17,3	7,2	6,4	4,9	5,1	4,2	2,4	1,7	0,9
3 реб	21,1	17,9	7,5	3,4	5,0	4,5	3,9	2,9	2,7	0,6
Круп гор	18,4	18,1	7,6	6,4	6,4	5,7	4,3	2,6	2,2	0,9
Проч гор	19,5	16,9	6,5	6,2	5,6	5,0	4,8	3,2	1,1	0,6
Село	22,5	17,3	9,3	5,2	6,3	3,8	6,2	3,2	1,2	1,1

9 – воспитание на личном примере

10 – сочетание семейного воспитания с общественным

11 – требовательность и уважение к ребенку

12 – эстетическое воспитание

13 – воспитание самостоятельности

14 – физическое воспитание

15 – применение методов убеждения

16 – выявление и развитие природных склонностей и способностей ребенка

17 – домашние (неколлективные) формы воспитания дошкольников

18 – применение методов принуждения (в т. ч. телесных наказаний)

Таблица 3. Ответы на вопрос "С какими трудностями в воспитании детей встречаются в настоящее время семьи?" (в % к общему числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	54,3	40,2	24,2	18,4	10,3	7,9	7,8	20,0	11,5	7,3
Муж	53,6	40,3	22,1	18,2	11,2	8,3	7,9	20,4	11,1	6,9
Жен	56,0	39,9	29,2	19,0	8,4	7,0	7,5	19,0	12,4	8,2
До 23	44,6	35,8	17,7	11,1	6,5	4,7	7,6	25,1	10,1	7,8
23-30	55,1	44,3	23,1	18,6	9,3	8,9	7,5	17,6	9,7	5,6
Ст 30	56,5	35,8	27,9	20,6	13,0	7,5	8,2	21,6	14,3	9,4
Рабоч	56,1	40,4	19,4	21,1	13,8	11,2	6,6	14,6	8,0	5,5
Инж-тех	56,7	40,1	33,3	18,8	8,0	5,1	7,5	20,7	15,2	8,8
Служ	61,1	46,9	28,8	20,9	10,3	8,6	8,5	18,8	14,0	8,9
Творч	52,0	26,0	18,0	16,0	10,0	22,0	14,0	14,0	11,1	4,0
Колхоз	52,0	36,3	19,9	7,6	11,1	8,8	8,8	25,7	14,3	3,5
Воен	45,6	38,1	18,6	12,4	7,6	6,5	8,9	23,7	10,1	7,0
Учаш	49,2	35,9	22,1	16,2	8,2	4,3	8,4	24,1	11,7	7,2
Нераб	48,9	32,5	23,0	19,0	11,4	5,1	7,4	23,5	10,8	7,1
Несем	45,0	35,6	20,0	12,6	8,2	4,3	7,6	25,3	10,7	7,9
Сем	56,8	41,7	25,3	19,9	10,7	8,8	7,9	18,7	11,8	7,2
Развед	52,5	32,2	22,8	18,5	12,7	6,6	5,6	19,3	8,1	5,6
Один	44,9	30,8	24,3	15,0	14,0	8,4	6,5	16,8	9,3	8,4
Бездет	47,8	36,6	19,9	15,0	8,0	5,5	7,2	21,5	10,2	7,3
1 реб	58,9	45,6	25,4	21,5	10,5	8,6	8,1	18,9	10,5	5,7
2 реб	56,8	38,0	28,2	18,8	12,0	9,3	8,1	19,6	14,0	9,3
3 реб	49,4	33,6	21,5	15,4	18,4	12,0	7,5	20,4	13,4	8,2
Круп гор	59,3	39,5	29,8	25,5	11,1	5,4	6,8	20,0	12,4	7,8
Проч гор	52,2	40,0	22,6	16,4	9,9	8,8	8,0	19,2	11,0	7,1
Село	53,8	42,8	18,7	10,9	11,3	9,1	9,0	25,1	12,0	6,7

1 – трудности материального характера, в том числе 2-7

2 – нехватка детских учреждений (яслей, садов, интернатов, школ продленного дня)

3 – отсутствие у родителей времени для воспитания (в связи с работой, учебой, общественными обязанностями, занятием домашним хозяйством)

4 – жилищные трудности (перенаселенность, отсутствие детской комнаты и т. д.)

5 – малообеспеченность (низкий уровень зарплаты, высокие цены и т. д.)

6 – нехватка продуктов и товаров детского потребления

7 – нехватка специальных детских учреждений (художественных, спортивных школ, площадок и т. д.)

8 – недостаток у родителей культуры, педагогических знаний и навыков

9 – недостатки в работе детских учреждений, в том числе 10-16

10 – материальная незаинтересованность воспитателей

Группа	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
В целом	5,4	1,5	1,4	1,2	0,7	0,6	8,7	1,1	1,0	1,0
Муж	5,5	1,6	1,2	1,3	0,6	0,6	8,7	1,1	0,9	1,0
Жен	5,3	1,3	1,9	0,8	0,8	0,7	8,7	0,9	1,2	1,0
До 23	4,4	0,9	0,4	0,5	0,1	0,1	11,3	0,8	1,3	0,9
23-30	5,7	1,9	1,4	1,4	0,8	0,4	7,1	0,7	0,7	0,8
Ст 30	5,4	1,1	1,8	1,2	0,7	1,0	10,1	1,6	1,4	1,4
Рабоч	5,3	2,7	1,3	1,2	1,0	0,7	6,1	1,4	0,6	0,8
Инж-тех	5,9	1,3	2,1	0,8	0,9	0,8	8,9	0,8	1,2	0,9
Служ	5,7	0,8	1,6	1,5	0,3	0,4	9,5	1,2	1,2	1,4
Творч	6,0	4,0	2,0	2,0	2,0	0,0	16,0	0,0	0,0	2,0
Колхоз	5,8	0,6	0,6	2,3	0,6	0,6	11,1	0,0	0,0	0,0
Воен	4,6	0,8	0,8	1,6	0,5	0,8	9,9	0,5	1,0	0,9
Учащ	5,6	0,7	0,7	0,3	0,3	0,2	10,1	1,0	1,5	1,9
Нераб	5,6	1,4	1,5	0,6	0,5	0,9	11,3	1,6	1,5	1,2
Несем	5,3	0,7	0,4	0,8	0,0	0,0	8,7	1,0	1,2	1,2
Сем	5,5	1,7	1,7	1,3	0,8	0,8	8,2	1,1	1,0	1,0
Развед	4,6	0,5	0,8	1,0	0,3	0,3	9,6	0,8	0,3	0,5
Один	3,7	1,9	1,9	0,9	0,0	0,9	7,9	0,0	2,7	1,9
Бездет	5,6	1,5	0,7	1,4	0,4	0,3	10,2	0,9	1,1	1,0
1 реб	4,7	0,7	1,3	0,8	0,5	0,4	8,4	0,9	0,8	0,8
2 реб	5,9	2,5	2,4	1,5	1,2	1,3	7,4	1,4	1,1	1,4
3 реб	7,7	1,8	1,4	0,9	0,5	1,1	10,3	2,5	1,8	0,9
Круп гор	5,6	1,0	1,5	0,8	0,6	0,5	9,0	1,3	1,3	1,5
Проч гор	5,6	1,7	1,4	1,4	0,7	0,7	8,4	0,9	0,9	0,8
Село	3,9	1,6	1,5	1,2	0,7	0,7	10,5	1,3	1,3	1,1

11 – неудовлетворительная политехнизация школы

12 – ограниченное время работы

13 – перегрузка школьных программ

14 – плохая подготовленность воспитателей

15 – безнадзорность детей во внеучебное время

16 – перегруженность контингента

17 – отсутствие у родителей единства в подходе к воспитанию

18 – влияние на детей существующего в обществе материального неравенства

19 – трудности воспитания, связанные с малодетностью

20 – влияние буржуазной морали

Таблица 4. Ответы на вопрос "С решением какой проблемы вы связываете в первую очередь ликвидацию остатков неравного положения женщины в быту?" (в % к общему числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	62,9	56,1	55,8	46,1	33,8	9,7	3,6	2,6	2,0	1,7
Муж	62,6	57,8	54,3	46,2	33,3	8,4	3,5	2,3	2,0	1,5
Жен	63,5	52,1	59,0	45,7	35,0	12,8	3,7	3,3	2,0	2,1
До 23	59,6	55,8	58,6	43,8	32,8	5,0	1,2	1,6	0,8	1,2
23-30	63,0	55,4	54,0	45,6	32,3	9,2	3,5	2,2	1,4	1,5
Ст 30	63,7	57,1	57,3	47,5	36,4	12,0	4,5	3,4	3,2	2,1
Рабоч	61,9	59,1	53,4	44,1	32,8	8,0	4,9	2,1	2,9	1,6
Инж-тех	64,9	52,3	56,5	52,0	36,0	10,0	3,4	3,3	1,9	1,7
Служ	69,0	58,1	62,4	48,8	37,0	12,9	4,0	3,0	2,0	2,3
Творч	60,0	60,0	64,0	44,0	34,0	18,0	8,0	10,0	4,0	2,0
Колхоз	55,6	45,6	45,6	36,3	28,7	2,9	2,3	5,3	0,6	1,8
Воен	56,9	54,4	53,0	40,7	31,0	5,3	1,4	1,2	0,6	0,9
Учаш	64,3	55,0	58,5	45,8	33,5	7,2	2,7	2,2	1,2	1,5
Нераб	58,5	50,0	52,7	44,6	31,8	9,4	3,6	4,0	2,5	1,7
Несем	58,2	54,7	56,7	43,1	33,9	6,0	1,7	1,7	1,1	1,0
Сем	64,3	56,5	55,6	47,0	34,0	10,7	3,9	2,7	2,2	1,8
Развед	56,6	52,5	52,8	41,9	29,7	9,1	4,8	4,6	2,8	2,8
Один	61,7	63,6	56,1	47,7	33,6	11,2	7,5	6,5	0,9	4,7
Бездет	57,9	53,8	54,6	42,7	32,2	7,4	2,1	1,7	1,3	1,2
1 реб	65,6	56,6	54,6	47,5	32,7	10,0	3,6	3,1	1,8	1,8
2 реб	65,0	57,5	58,9	47,7	37,6	12,8	5,1	2,7	3,1	2,1
3 реб	65,5	61,0	53,7	49,9	32,4	5,4	5,4	4,5	2,9	1,8
Круп гор	66,0	57,5	55,4	47,7	35,5	13,2	4,1	2,6	3,1	1,7
Проч гор	61,0	55,3	55,3	45,2	33,0	8,8	3,5	2,6	1,6	1,6
Село	66,1	57,2	60,2	47,2	34,9	5,8	2,7	2,2	0,9	3,0

- 1 – расширение сети детских учреждений
- 2 – облегчение женского труда на производстве
- 3 – участие мужа, детей в ведении домашнего хозяйства
- 4 – расширение и улучшение общественных форм удовлетворения потребностей семьи
- 5 – облегчение домашнего труда путем механизации работ
- 6 – преимущественное сокращение рабочего дня для женщин
- 7 – улучшение снабжения продуктами и товарами
- 8 – увеличение социальных льгот женщинам-матерям
- 9 – полное освобождение женщин от работы на производстве
- 10 – снижение цен на предприятиях общественного питания

Таблица 5. Ответы на вопрос "Как подготовлены молодые люди к созданию семьи? Если недостаточно, то в чем это выражается?" (в % к общему числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9
В целом	6,5	65,1	30,2	14,8	13,2	8,6	6,1	5,9	22,5
Муж	7,4	65,0	31,0	15,3	12,3	8,4	6,0	5,9	21,7
Жен	4,6	65,4	28,2	13,7	15,3	9,2	6,3	5,8	24,2
До 23	8,5	63,4	29,3	12,0	12,1	9,2	5,0	6,0	22,1
23-30	7,3	63,3	30,0	14,2	13,2	8,2	5,6	5,7	23,7
Ст 30	4,8	68,1	30,8	16,7	13,5	9,1	7,1	6,0	21,1
Рабоч	7,3	60,6	27,1	14,3	10,0	7,8	6,5	6,8	25,3
Инж-тех	5,7	67,6	32,0	15,7	15,9	9,3	8,5	7,8	18,9
Служ	5,5	71,4	31,6	15,8	14,8	9,3	7,3	6,4	16,7
Творч	4,0	70,0	32,0	20,0	12,0	2,0	8,0	4,0	22,0
Колхоз	4,1	64,9	33,3	11,7	9,4	6,4	1,8	5,3	25,7
Воен	8,7	62,6	30,2	13,7	13,7	8,9	5,7	5,6	23,1
Учащ	7,5	65,8	30,9	14,2	12,8	8,7	6,8	6,5	20,2
Нераб	3,8	64,9	37,8	15,3	12,9	9,4	6,8	5,3	26,0
Несем	7,8	62,7	31,8	12,8	12,0	7,7	5,3	6,2	23,3
Сем	6,4	65,7	29,6	15,3	13,5	8,9	6,3	5,8	22,1
Развед	3,0	66,6	34,3	16,2	12,7	8,9	5,6	5,1	25,3
Один	1,9	63,6	29,9	15,9	11,2	8,4	4,7	3,7	30,8
Бездет	7,4	62,6	30,8	13,2	12,3	8,2	8,2	6,2	23,8
1 реб	6,9	65,6	29,2	14,9	13,6	8,8	8,8	5,6	21,9
2 реб	5,1	67,9	31,3	16,7	13,9	8,6	8,6	5,8	21,2
3 реб	6,3	62,6	26,1	16,1	11,6	11,3	11,3	6,1	25,0
Круп гор	6,4	65,4	31,5	16,4	12,8	8,6	6,7	5,2	23,0
Проч гор	6,6	64,6	29,7	14,5	13,4	8,6	6,0	6,1	22,7
Село	6,5	67,7	31,7	12,7	12,9	9,4	4,7	6,3	19,5

1 – достаточно подготовлены

2 – недостаточно подготовлены, в том числе 3-7

3 – не осознают моральной ответственности

4 – не осознают материальной ответственности

5 – не обладают необходимыми навыками ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми

6 – имеют малый жизненный опыт

7 – не обладают необходимыми знаниями в вопросах физиологии и гигиены брака

8 – никакая специальная подготовка не нужна

9 – затруднились ответить

Таблица 6. Ответы на вопрос "Нуждается ли в изменениях существующий порядок бракосочетания? Если да, в каких именно?" (в % к общему числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8
В целом	21,8	65,7	31,2	9,8	9,2	6,2	4,4	3,3
Муж	21,8	66,7	31,7	10,8	9,7	5,8	4,3	3,4
Жен	21,8	63,4	30,4	7,5	7,9	7,0	4,9	3,0
До 23	22,5	64,5	29,6	8,3	7,3	4,5	10,0	4,0
23-30	22,4	66,6	30,2	9,0	9,2	5,7	6,1	2,7
Ст 30	20,8	64,9	31,1	11,3	9,8	7,3	1,8	3,8
Рабоч	24,1	60,7	26,3	9,1	8,2	5,1	4,5	2,6
Инж-тех	19,5	69,9	36,5	10,4	9,6	8,0	3,7	3,7
Служ	22,7	65,8	39,0	9,7	10,8	6,9	5,1	3,9
Творч	16,0	68,0	34,0	10,0	14,0	6,0	2,0	6,0
Колхоз	26,3	56,2	23,4	9,9	7,6	3,5	3,5	1,2
Воен	21,3	68,7	31,5	10,7	8,8	6,0	8,7	3,1
Учаш	16,4	71,3	33,5	9,2	9,2	4,6	9,4	4,6
Нераб	20,3	64,3	26,4	9,3	8,5	5,0	2,4	3,0
Несем	21,1	64,8	29,2	9,4	10,4	5,1	8,9	3,4
Сем	22,0	66,1	31,9	9,8	8,8	6,5	4,5	3,1
Развед	20,5	79,5	28,7	13,2	11,7	5,8	3,5	6,3
Один	22,4	72,9	28,0	7,5	7,5	4,7	1,9	7,5

1 – не нуждается

2 – нуждается, в том числе 3-15

3 – усиление торжественности ритуала, выработка новых обрядов

4 – увеличение "испытательного" срока перед регистрацией, введение помолвки

5 – повышение возрастных норм вступающих в брак

6 – улучшение работы ЗАГСов (привлечение опытных людей, организация консультаций юристов, медиков, педагогов и т. д.)

7 – ликвидация "испытательного" срока перед регистрацией

8 – гласность бракосочетания (публикация в газетах и т. д.)

Группа	9	10	11	12	13	14	15	16
В целом	2,6	2,1	1,7	1,3	1,0	1,0	0,4	12,5
Муж	2,8	2,3	1,8	1,2	1,0	1,0	0,4	11,5
Жен	2,0	1,6	1,6	1,4	1,0	1,0	0,4	14,8
До 23	0,9	2,9	1,2	0,5	0,5	0,5	0,2	13,0
23-30	1,9	2,4	0,9	0,9	0,8	0,7	0,5	11,0
Ст 30	4,1	1,4	2,9	2,0	1,4	1,4	0,3	14,3
Рабоч	2,7	1,7	1,6	1,3	0,9	1,3	0,3	15,2
Инж-тех	2,9	2,3	1,6	1,6	1,3	0,7	0,7	10,6
Служ	2,7	1,4	2,3	1,1	1,1	0,9	0,2	11,5
Творч	6,0	0,0	2,0	2,0	0,0	0,0	0,0	16,0
Колхоз	1,8	1,2	1,8	0,0	0,6	0,6	0,0	17,5
Воен	1,5	2,8	1,4	0,7	0,7	0,6	0,5	10,0
Учас	2,6	3,4	0,7	0,2	0,9	0,9	0,2	12,3
Нераб	3,5	2,5	2,5	3,0	1,3	1,8	0,1	15,4
Несем	1,6	3,7	1,0	0,6	0,7	0,8	0,5	14,1
Сем	2,8	1,6	1,9	1,4	1,0	1,0	0,4	11,9
Развед	2,5	2,5	2,0	1,5	2,0	0,0	0,0	0,0
Один	1,9	2,8	4,7	1,9	2,8	0,9	0,9	4,7

- 9 – запрещение регистрации брака без характеристики с места работы (учебы)
 10 – ликвидация регистрации браков вообще
 11 – запрещение регистрации брака без согласия родителей
 12 – запрещение регистрации брака без свидетельства о состоянии здоровья
 13 – запрещение неравных по возрасту браков
 14 – запрещение повторного вступления в брак
 15 – увеличение отпуска при бракосочетании до месяца
 16 – затруднились ответить

Таблица 7. Ответы на вопрос "Нуждается ли в изменениях существующий порядок расторжения брака? Если да, в каких именно?" (в % к числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
В целом	13,3	39,4	13,7	13,7	9,8	9,3	3,4	1,9	11,2	2,1	1,7	34,0
Муж	13,6	40,4	14,5	13,8	11,0	10,1	3,8	1,8	11,5	1,9	1,9	32,6
Жен	12,7	36,9	12,0	13,5	7,1	7,5	2,6	2,0	10,5	2,5	1,4	37,4
До 23	17,7	31,1	9,2	12,2	9,9	6,2	2,4	0,5	8,5	1,1	0,6	41,6
23-30	13,3	39,4	14,5	13,8	9,6	9,0	3,4	1,6	9,4	1,9	1,3	36,0
Ст 30	11,9	42,0	14,2	14,0	10,1	10,9	3,8	2,7	14,4	2,8	2,6	28,9
Рабоч	13,3	36,9	14,9	12,5	8,6	8,2	3,1	1,6	10,7	2,4	2,1	36,7
Инж-тех	11,2	45,1	13,7	15,4	10,1	12,2	4,6	2,5	9,7	1,7	1,7	32,3
Служ	13,8	43,8	15,6	15,7	10,5	9,7	3,6	2,5	12,8	2,8	1,5	26,8
Творч	6,0	52,0	18,0	16,0	6,0	6,0	2,0	2,0	8,0	4,0	2,0	30,0
Колхоз	21,1	29,8	12,9	9,9	8,8	5,3	2,9	0,6	11,7	2,9	2,9	34,5
Воен	16,0	35,4	10,3	12,8	10,9	8,4	3,1	1,3	9,9	1,2	1,1	37,5
Учаш	13,5	41,5	16,9	16,1	10,8	9,4	2,4	2,2	9,6	1,2	1,4	34,2
Нераб	11,1	30,6	10,7	9,8	9,2	7,8	2,9	1,1	16,9	3,0	2,9	38,4
Несем	14,7	36,6	13,0	13,4	11,3	7,4	2,5	0,9	9,9	1,7	1,4	37,1
Сем	13,1	39,5	13,7	13,6	9,4	9,7	3,6	2,0	11,4	2,3	1,6	33,7
Развед	9,9	51,0	20,8	18,5	12,4	12,7	5,1	4,6	12,7	1,8	5,6	24,6
Один	15,0	38,3	11,2	11,2	4,7	7,5	1,9	3,7	12,1	0,9	3,7	33,7

1 – не нуждается

2 – нуждается в упрощении, в том числе 3-8

3 – отмена платы за развод

4 – отмена объявлений в газете

5 – расторжение через товарищеский суд (на производстве, по месту жительства)

6 – расторжение без суда (при обоюдном согласии)

7 – расторжение через ЗАГС

8 – расторжение исключительно через народный суд

9 – нуждается в усложнении

10 – разводы должны быть вовсе запрещены

11 – должен быть изменен порядок взимания алиментов

12 – затруднились ответить

Таблица 8. Ответы на вопрос "Чем вы объясняете случаи распада молодых семей?" (в % к общему числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6
В целом	54,4	21,4	19,5	18,3	14,3	12,5
Муж	55,7	19,9	18,8	17,4	14,1	13,5
Жен	51,4	24,8	21,1	20,2	14,6	10,3
До 23	61,4	19,3	9,9	16,4	13,0	6,7
23–30	52,6	20,1	21,3	19,3	14,1	13,0
Ст 30	54,6	23,8	20,3	17,5	15,0	13,8
Рабоч	46,7	23,2	24,1	17,3	12,3	17,8
Инж-тех	56,3	13,4	22,6	18,0	16,0	12,6
Служ	57,2	25,4	22,6	23,0	15,1	12,1
Творч	50,0	22,0	28,0	20,0	18,0	14,0
Колхоз	56,1	25,7	4,1	15,2	15,2	4,7
Воен	61,6	17,3	9,9	16,3	15,5	7,9
Учащ	31,7	12,8	13,5	16,4	10,8	9,6
Нераб	50,2	27,2	14,8	17,2	13,9	7,6
Несем	61,2	19,9	12,1	15,1	14,4	8,9
Сем	53,2	24,5	21,3	18,8	14,4	13,6
Развед	46,4	28,2	20,3	23,6	12,2	10,4
Один	48,6	19,6	15,0	19,6	10,3	9,3
Бездет	57,8	19,3	17,9	18,3	11,1	10,0
1 реб	51,8	21,1	21,2	19,0	14,9	13,4
2 реб	54,2	23,4	19,9	17,8	14,5	14,3
3 реб	51,2	28,1	13,8	14,1	1,1	13,4
Круп гор	51,4	16,8	31,8	20,5	14,3	15,3
Проч гор	55,0	22,4	15,6	17,6	14,2	11,9
Село	59,7	28,1	8,5	15,8	14,7	8,2

- 1 – легкомысленное отношение к созданию семьи (моральная и материальная безответственность)
 2 – пережитки прошлого (пьянство, распущенность, ревность и др.)
 3 – жилищные трудности
 4 – вмешательство родных и посторонних
 5 – отсутствие жизненного опыта, неумение переживать трудности
 6 – низкий жизненный уровень

Группа	7	8	9	10	11	12
В целом	8,9	6,5	3,6	2,6	1,4	1,4
Муж	9,3	6,9	3,8	2,8	1,2	1,5
Жен	7,9	5,5	3,2	2,2	1,9	1,1
До 23	10,8	9,4	3,7	2,5	0,7	1,8
23–30	8,7	6,6	3,3	2,4	1,2	1,6
Ст 30	8,5	5,3	4,0	2,9	1,8	1,1
Рабоч	8,3	5,6	3,0	1,8	1,5	1,4
Инж-тех	7,4	6,3	3,3	3,0	1,2	0,8
Служ	8,6	5,8	3,5	2,9	1,3	0,8
Творч	4,0	8,0	2,0	2,0	2,0	0,0
Колхоз	11,1	3,5	2,9	1,2	0,0	2,3
Воен	11,3	8,3	4,8	2,8	1,0	3,1
Учащ	10,6	10,6	3,8	3,1	1,0	1,0
Нераб	8,2	5,7	4,3	3,4	2,5	1,1
Несем	11,8	9,2	5,1	2,5	1,3	1,4
Сем	8,0	5,8	3,2	2,6	1,3	1,4
Развед	12,7	6,6	4,3	2,3	2,8	2,3
Один	9,3	7,5	6,5	3,7	4,7	0,9
Бездег	10,6	7,9	4,3	2,9	1,3	1,4
1 реб	8,1	5,8	2,9	2,5	1,3	1,7
2 реб	8,0	5,7	3,7	2,3	1,4	1,1
3 реб	7,7	6,1	2,9	2,9	2,3	1,4
Круп гор	7,9	6,2	3,8	2,3	1,4	1,0
Проч гор	9,0	6,4	3,6	2,7	1,3	1,8
Село	10,7	7,6	3,0	2,9	1,7	1,3

7 – заключение брака по расчету

8 – разница в уровнях духовного (культурного) развития

9 – раннее заключение брака

10 – нездоровье, отсутствие детей, половая неудовлетворенность

11 – разница в возрасте

12 – долгая разлука (армия, учеба и др.)

Таблица 9. Ответы на вопрос "Какие меры по укреплению молодой семьи вы можете предложить?" (в % к общему числу опрошенных, n = 12 104)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9
В целом	42,2	25,5	20,5	15,4	36,5	30,3	7,9	5,8	5,7
Муж	42,2	25,6	20,4	15,5	36,3	30,0	7,9	6,0	5,8
Жен	42,1	25,2	20,6	15,2	36,8	31,0	7,9	5,6	5,6
До 23	40,1	17,5	20,4	5,3	25,3	19,0	9,6	2,2	2,0
23-30	39,7	25,8	18,8	14,2	39,3	33,9	7,6	5,8	5,7
Ст 30	46,0	27,0	23,0	16,4	37,3	30,9	7,7	6,3	6,6
Рабоч	37,3	24,0	17,6	12,3	41,9	34,6	8,0	7,4	7,3
Инж-тех	42,5	25,1	20,2	16,4	40,6	36,2	7,0	6,3	5,4
Служ	44,9	27,3	22,2	15,3	39,5	34,6	7,4	5,7	6,4
Творч	40,0	24,0	20,0	12,0	44,0	34,0	12,0	6,0	12,0
Колхоз	43,3	18,7	23,4	15,2	17,0	9,4	7,6	3,5	3,5
Воен	45,8	26,7	22,1	18,4	26,5	19,9	9,6	4,2	3,5
Учаш	41,2	22,7	20,2	14,9	32,6	29,9	4,4	5,0	2,7
Нераб	44,0	25,0	24,6	14,5	30,9	24,8	7,6	2,5	4,6
Несем	43,0	24,0	20,6	14,5	28,5	24,4	6,4	3,9	3,5
Сем	41,9	25,5	20,6	15,6	39,1	32,9	8,3	6,0	6,1
Развед	41,9	24,4	19,0	11,7	33,2	28,9	5,8	6,6	7,1
Один	41,1	29,9	21,5	8,4	31,8	25,2	7,5	2,8	0,9
Бездет	40,9	23,2	19,6	14,7	35,0	30,1	8,3	5,1	4,3
1 реб	40,9	25,0	21,0	15,0	39,1	33,0	8,3	5,8	5,6
2 реб	45,2	27,6	21,2	16,2	37,0	30,9	7,0	5,6	6,9
3 реб	41,7	28,8	20,0	13,4	29,5	20,9	6,6	7,5	6,6
Круп гор	36,8	21,4	17,8	13,9	49,7	44,4	8,1	6,7	6,1
Проч гор	43,2	26,3	21,3	15,3	33,4	27,4	7,9	5,9	5,7
Село	50,7	30,0	24,1	17,8	21,4	14,8	7,5	4,2	3,8

1 – улучшение подготовки молодежи к браку, в том числе 2-4

2 – привлечение большего внимания к молодежи со стороны общественности

3 – усиление воспитательной работы

4 – усиление пропаганды в вопросах брачно-семейных отношений

5 – увеличение помощи молодоженам со стороны государства, в том числе 6-9

6 – улучшение жилищных условий

7 – трудоустройство, организация быта

8 – предоставление кредитов

9 – увеличение доходов в связи с рождением детей

4. Краткий комментарий к результатам исследования

По своему содержанию настоящее исследование было, как говорят поллстеры, монотематическим, т. е. ограничивалось одним строго очерченным предметом дискуссии, и потому судить по нему об *общем круге интересов* участвовавших в опросе людей не представляется возможным. В подобных случаях анализ предметного ряда массового сознания поневоле сводится к оценке лишь двух моментов: во-первых, *меры включенности* масс в собственно обсуждаемую проблематику и, во-вторых, *локальности* их интереса к ней.

Из общей практики исследований общественного мнения хорошо известно, что тема семьи в любых ее аспектах является одной из наиболее привлекательных для публики и потому вызывает неизменно высокую активность в ее обсуждении. В этом смысле не стало исключением из общего правила и проведенное исследование. Более чем 12 тысяч читателей "Комсомольской правды", добровольно включившихся из всех слоев и групп населения в предложенный разговор, убедительно доказали, что **интерес** тогдашних россиян к проблемам семьи был **весьма, если не чрезвычайно, высок**. Другое дело, что при оценке различных параметров этого интереса ставить знак равенства (и тем более тождества) между собственно участниками опроса и читателями "КП" вообще, не говоря уже о населении страны в целом, конечно же, в принципе некорректно.

Прежде всего на уровне общих характеристик менталитета сравниваемых субъектов. Как отмечалось в начале главы, в данном опросе приняли участие лишь те читатели газеты (представители населения), которые активно хотели высказаться по поводу обсуждаемых проблем и которым было что сказать по существу дела. При прочих равных обстоятельствах это означало, что эти люди были более *заинтересованы* в предмете разговора и более *готовы* к такому разговору, нежели те, кто воздержался от участия в опросе. И то, что выглядит здесь как чистой воды тавтология, на самом деле таковой не является, поскольку термины "заинтересованы" и "готовы" по своему содержанию отнюдь не однозначны, в результате чего и природа обозначаемых ими явлений вовсе не так проста, как это может показаться при поверхностном взгляде на вещи.

Оценивая, к примеру, непосредственную мотивацию участия людей в опросе, категорически нельзя признать, что на призыв газеты откликнулись лишь те или прежде всего те, кто лично в большей мере, нежели остальные, столкнулся с разного рода семейными неурядицами, т. е. переживал сравнительно большее неблагополучие в своей семейной жизни: ведь в общем массиве респондентов число разведенных составило

лишь 3,2%, а число матерей-одиночек (так официально назывались в те времена женщины, родившие вне брака) и того меньше – всего 0,9%. Основная, даже подавляющая часть опрошенных представляла нормальные, вполне благополучные семьи. Стало быть, главный секрет активности состоявшихся респондентов заключался не в их особом (негативном) *персональном опыте* семейной жизни, а в чем-то ином – скорее всего, в их особой (обостренной) *гражданской озабоченности* по поводу общего состояния институтов семьи и брака в тогдашнем советском обществе. И если это так, то можно утверждать, что в данном случае участники опроса отличались от всего остального (оставшегося за кадром) населения страны не бóльшим интересом к собственно проблемам семьи, а бóльшим интересом к жизни общества в целом, к жизни общества вообще. Иначе – это были представители наиболее социально активной части тогдашних россиян, граждан СССР.

Точно так же определенного рода тонкости следует видеть и в феномене большей (по сравнению с населением в целом) готовности состоявшихся респондентов участвовать в предложенной дискуссии. Обычно в рамках газетных опросов данный факт связывается преимущественно, а то и исключительно с повышенной *словоохотливостью* этих людей, с более развитой у них способностью к *публичному общению*, социальной коммуникации. Подобного объяснения, в частности, было вполне достаточно, когда речь шла об участии читателей "КП" в опросе о молодежи, описанном в 3-й главе. В данном же случае ситуация была явно сложнее. *"Ваша анкета, – писал в ИОМ "КП" Н.А. И., 47-летний рабочий из г. Баку, – трудное дело. На нее нельзя ответить толково молодым супругам, которые мало что смыслят в этом деле. Вопросы, затронутые анкетой, должны быть предметом рассмотрения ученых, а не молодых дур, не умеющих сварить себе супа. Поэтому давайте лучше дадим слово умным людям, пусть они подумают хорошенько, составят предложения, а правительство рассмотрит и узаконит их"*.

Очевидно, автор этого письма был не прав, когда выводил вынесенные на обсуждение проблемы полностью за пределы компетентности общественности, полагая, что они – прерогатива исключительно теоретиков-специалистов; к тому же он допустил досадную фактическую неточность в отношении возраста опрашиваемых (коль скоро анкета была адресована не только молодежи и на нее ответили без малого 4,5 тысячи человек старше 30 лет). Однако главное он почувствовал все же достаточно верно: ряд вынесенных на обсуждение вопросов в самом деле отличался неординарной сложностью и предполагал, что бравшиеся в данном случае за перо респонденты должны были обладать не только "хоро-

шо подвешенным языком", но и, как выразился еще один участник опроса – анонимный инженер из г. Минска, – "хорошими мозгами". Насколько можно судить по итогам контент-анализа полученных анкет (особенно в части ответов на вопросы 4–6, а также 11 и 12), основная масса респондентов вполне отдавала себе отчет в этом обстоятельстве и потому вобрала в свой состав преимущественно людей *думающих*, людей, более основательно, нежели население в целом, относящихся к собственной жизни и жизни окружающих, т. е. более других склонных к анализу и обобщению фактов бытия¹. А вот демонстрировали ли эти люди при этом еще и *большой ум*, т. е. отличались ли они еще и большей продвинуто-стью в *понимании* предмета обсуждения? – это уже другой (заметим в скобках, весьма интересный) вопрос, который будет рассмотрен ниже, когда речь пойдет о способности суждения масс.

Аналогично невозможно ставить знак равенства между ансамблем опрошенных и населением в целом и при определении меры интереса соответствующих групп людей к проблемам семьи, при оценке масштаба их реальной включенности в рассматриваемые сюжеты. Какие собственно группы респондентов оказались наиболее и наименее представленными в опросе? Среди первых – прежде всего мужчины (70,1% от общего числа участников опроса) и люди в возрасте 23–30 лет (50,9%), затем рабочие и инженеры и техники (соответственно 28,3 и 21,6%), затем люди семейные, имеющие одного ребенка и не имеющие детей (соответственно 77,0%, 36,5 и 32,9%) и, наконец, жители средних и малых городов (62,8%); среди же вторых – самые молодые участники опроса (12,2%), представители творческой интеллигенции, колхозники, студенты и неработающие (соответственно 0,4 и 1,4%, 4,8 и 7,7%), уже упоминавшиеся разведенные и матери-одиночки (3,2 и 0,9%), а также представители многодетных семей (3,6%) и, наконец, жители деревень и сел (9,2%).

Был ли, однако, аналогичным – большим и меньшим (или вообще большим и малым) – и интерес перечисленных групп к проблемам семьи? В ряде случаев, наверное, да; к примеру, при сравнении 23–30-летних с

¹ Некоторые типичные образцы данного менталитета приведены в параграфе 2 (см. тексты 1, 2, 5, 9, 12), включая в высшей степени примечательные с рассматриваемой точки зрения суждения 32-летнего "брачного экспериментатора" из Ульяновска; в предельно же гипертрофированной форме этот менталитет был представлен, пожалуй, в анкете члена Московского городского суда Л.А. Г-ва, который базировал свои ответы на анализе 546 (!) судебных разбирательств о разводе, относящихся к концу 1959 и первой половине 1960 г. (см. *Борис Грушин*. "Слушается дело о разводе..." О так называемых "легкомысленных браках". – "Молодая гвардия", 1964, № 6. С. 165–166).

самыми молодыми участниками опроса (в том числе студентами) или людей семейных с холостыми/незамужними. Но совершенно очевидно, что в большинстве ситуаций подобный ход мысли полностью исключался: ведь было бы совершенно нелепо полагать, что обсуждавшиеся сюжеты в большей мере волновали рабочих и бездетных и в меньшей мере колхозников и многодетных, или – особенно – что мужчины были реально более включены в проблемы семьи и брака, нежели женщины. Значит, рассматриваемые перепады в цифрах следовало объяснять каким-то иным путем. И, если оставить теперь в стороне достаточно прозрачный сюжет о собственно социально-демографической структуре общества, так или иначе отражающейся в структуре участников любого, в том числе стихийного нерепрезентативного, опроса¹, то главными тут, как кажется, следовало бы признать два социологических фактора: во-первых, уже отмечавшуюся различную меру социальной, или гражданской, активности разных групп населения и, во-вторых, явно неодинаковые резервы свободного времени, которым располагали (и в принципе располагают) разные группы людей для того, чтобы сесть за стол и более или менее пространно изложить свои мысли. Скорее всего, именно первый фактор был решающим в различной вербальной активности рабочих и инженеров, с одной стороны, и пенсионеров и домохозяек – с другой; второй фактор – в существенно различающейся активности бездетных и многодетных; и, наконец, оба эти фактора явно действовали совместно, когда речь заходила о сравнительно более и менее активном участии в опросе таких групп респондентов, как, скажем, рабочие, с одной стороны, и колхозники – с другой, или мужчины, с одной стороны, и женщины – с другой².

¹ В практике газетных опросов именно этим обстоятельством следует объяснять, в частности, более чем скромное участие в них так называемой творческой интеллигенции. Обладающая весьма малым удельным весом в структуре населения, эта группа, при всей ее сравнительно большей заинтересованности во многих предметах обсуждения и заведомо большей готовности к дискуссии, по своему объему естественно и неизменно оказывается в арьергарде всех остальных участников исследований.

² В связи с последним фактом уместно было бы упомянуть о примечательном историческом эпизоде, связанном со становлением советской эмпирической социологии в начале 60-х гг. Посетивший тогда СССР один из виднейших авторитетов американской социальной науки Роберт Мертон на встрече с советскими коллегами, между прочим, заметил, что в ходе зондирования общественного мнения женщины ведут себя намного пассивнее мужчин. Некоторые из наших исследователей, ссылаясь на специфику социалистического общества, оспаривали этот факт (см. Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследо-

Что же касается второго аспекта рассматриваемого интереса масс к проблемам семьи, а именно **локальности** их суждений об обсуждаемом предмете, то в этом отношении в исследовании явно господствовало "**общество в целом**". Правда, это предполагалось самой программой опроса, коль скоро из 15 вопросов анкеты лишь один, а именно 2-й, ограничивал предметное пространство разговора *собственными семьями* респондентов. Но тем не менее, как это нередко случается, замысел исследователей мог бы полностью и не реализоваться, будь внимание участников опроса (в ходе дискуссии) к их частной, личной жизни гораздо большим, нежели к положению вещей в границах общества в целом. Тем более что возможности отойти от программы у основного массива опрошенных (исключавшего людей несемейных) явно были – к примеру, при обсуждении вопросов 4–5, касавшихся "плюсов" и "минусов" воспитания детей, или вопроса 7, где речь шла о проблемах неравного положения женщины в быту. Однако ничего подобного не произошло: подавляющее большинство из названного массива этими возможностями не воспользовалось и предпочло разговору о собственном, индивидуальном бытии более широкий гражданский дискурс. Как это, само собой, сделали и несемейные участники опроса, активность которых в дискуссии в целом не уступала активности всех остальных. Или респонденты из числа, так сказать, пострадавших на семейном поприще – прошедших через развод и матерей-одиночек; казалось бы, этим людям сам бог велел заклиться на их личных невеселых сюжетах, однако и в этом случае принципиальная картина высказываний была иной: согласно контент-анализу анкет, господствующая локальность в суждениях о семье этой части опрошенных снова совпадала не с "Я", а с "Мы", причем "Мы" не на уровне бывших и оставшихся родственников говорящих, а на уровне именно всей страны, общества в целом.

Другое дело – использование в разговоре накопленного *жизненно-го опыта*, своего собственного или близких, окружающих людей. Этот феномен естественно возникает во всех случаях, когда предмет обсуждения ближайшим образом вплетен в непосредственную, будничную жизнь респондентов, составляет важнейшую часть их материального и духовного существования. Поэтому ссылки на собственную и других людей семейную практику присутствуют в рассматриваемом опросе самым широким образом. Можно даже сказать, в подавляющем большинстве анкет, если учитывать не только прямые "цитаты" из жизни говорящих (как, скажем, в текстах 2, 5, 6, 10, 12, приведенных в параграфе 2), но и разного

ваний. Под ред. Г.К. Ашина и др. М.: Росвузиздат. 1963. С. 206). Между тем газетные опросы ИОМ "КП" все как один полностью подтверждали его.

рода косвенные намеки на приобретенный опыт (ср. тексты 1 и 8). Однако данные явления относятся уже к иным свойствам сознания масс, нежели локальность их интересов, и потому должны рассматриваться в другом контексте, а именно в рамках анализа уровня знаний респондентов о предмете, а также в рамках оценки их способности суждения о нем.

Имея в виду первый из названных аспектов, следует констатировать, что **мера информированности** публики относительно обсуждаемых проблем была **в целом весьма высокой**. Такое заключение выглядит не более чем трюизмом, поскольку речь в исследовании шла о знакомстве людей с теми сторонами их бытия, которые постоянно присутствуют в поле их зрения, ежедневно и ежечасно напоминая о своей значимости, и кроме того, что называется, лежат на поверхности явлений, вполне доступны непосредственному восприятию. И все же оно не совсем трюизм, коль скоро оцениваемая информированность была высокой не "абсолютно", не во всех ее составляющих, а именно лишь "в целом" — причем как в том смысле, что мера знакомства людей с разными сторонами дела была явно неодинаковой, так и в том, что при обсуждении некоторых сюжетов осведомленность в предмете разных групп респондентов также значительно различалась. Сопоставляя, к примеру, ответы опрошенных на альтернативные части вопросов 8–10 (таблицы 5–7), можно обнаружить, что наименьшие знания у людей имелись по поводу существовавшего в то время порядка расторжения брака (в результате чего от содержательного обсуждения этого сюжета уклонился каждый третий респондент), а также что внутри этого сюжета явно наименее информированными выглядели самые молодые участники опроса, группы неработающих и военнослужащих.

По-иному, однако, скорее всего, стоит оценивать **качество** имевшихся у респондентов знаний, т. е. характер, содержание информации о предмете, которой располагали люди, меру надежности этих сведений, степень их соответствия реальному положению вещей. Конечно, и в этом отношении ситуация с разными вопросами и разными группами опрошенных была неодинаковой. В частности, можно думать, что суждения "фотографии", касавшиеся собственных семей респондентов (вопрос 2), при прочих равных обстоятельствах давали более адекватное представление о положении вещей "на семейном фронте" в стране, нежели схожие "фотографии", фиксировавшие "наиболее сильные черты" советской семьи вообще (1-й вопрос). Или что люди старших возрастов, а также *семейные, снова при прочих равных обстоятельствах, обладали более точными сведениями о тогдашних проблемах семейной жизни, нежели самые молодые и холостые/незамужние*. И все же в опросе в целом качество

имевшейся у людей информации, скорее всего, **значительно уступает** ее объемам. Косвенным образом, как мы увидим, это подтвердится при анализе способности суждений масс, их умения анализировать и синтезировать наличные, известные им факты. Но теперь речь не об этом, а о характере самих фактов, самих базовых констатаций, так или иначе возникающих в массовом сознании и являющихся основой и пищей для последующего анализа и обобщения. Иными словами, речь тут об *источниках информации*, исходя из которых массы формируют свое то или иное отношение к явлениям действительности, оформляя его в виде разного рода оценок, мнений, предложений и т. д.

В принципе, как уже говорилось в предыдущих главах, таких источников всего два: во-первых, непосредственный (собственный) опыт самих высказывающихся индивидов и групп и, во-вторых, так называемый "опыт других", включающий в себя как подобный же непосредственный опыт иных индивидов и групп, так и гораздо более широкий опыт, связанный с деятельностью разного рода социальных институтов – государственных и общественных – и оформляемый в виде многочисленных текстов науки, пропаганды, массовой информации, проходящей по каналам СМИ, и т. п. Разумеется, в зависимости от множества разных обстоятельств, и прежде всего предмета разговора, близость к истине всех этих источников знаний может быть весьма различной¹. Однако чаще всего более или менее компетентное общественное мнение возникает на пересечении собственного опыта говорящих и тем или иным способом усваиваемого ими "опыта других". В таких случаях оба этих опыта плодотворно дополняют друг друга, мешая общественности впасть в крайности – остаться полностью на уровне ограниченного обыденного сознания

¹ В особом (продвинутом) положении здесь находится, конечно, же наука. Однако в части своих гуманитарных занятий (хотя бы на поприще той же социологии) она, во-первых, как известно, держит бога за бороду также далеко-далеко не всегда, во-вторых (что особенно важно), по определению высказывается лишь по очень немногим из тех сюжетов, которые волнуют общественность, и, наконец, по разным причинам отнюдь не всегда может довести результаты своих изысканий до широких масс, внедрить их в сознание народа. Во всяком случае, в обсуждении проблем семьи во времена, о которых идет теперь речь, советская общественная наука публично практически не участвовала и потому не могла играть роль фактора, формирующего общественное мнение. (В этой связи небезынтересно отметить, что написанная тогда автором по результатам рассматриваемого опроса книга "Разводы в СССР" также не стала достоянием общественности, поскольку была снята с издания по цензурным соображениям.)

либо целиком раствориться в составе сознания институционализированного, т. е. в конечном счете официального.

В рассматриваемом опросе подобных крайностей явно не было. Но явно не было здесь и продуктивного баланса названных источников информации; скорее – сильно выраженный перекос в сторону личного опыта говорящих. Используемые респондентами фразеология и лексика не должны вводить на этот счет в какие-либо заблуждения: **личный** (персональный или ближайшего окружения) опыт говорящих оказывается здесь отчетливой **главной базой знания** о предмете не только в тех случаях, когда респонденты прямо ссылаются или косвенно намекают на этот опыт, но и тогда, когда в текстах их ответов нет никаких указаний на источники высказываемых суждений. В этом легко убедиться, обратившись к тем (всем без исключения!) анкетам в параграфе 2, где опыт говорящих как будто бы вовсе отсутствует (тексты 3, 4, 7, 9 и 11); разумеется, какая-то часть из содержащихся там ответов явно заимствована людьми "со стороны" (в первую очередь из средств массовой информации), но совершенно очевидно и то, что другая, и при этом большая их часть, – плод их собственных наблюдений за жизнью, результаты их личных и их ближайшего и удаленного окружения размышлений над фактами действительности.

В чем заключалась основная причина обнаруженного феномена? Скорее всего – в явном *дефиците внимания* к проблемам семьи со стороны тогдашних государственных и общественных институтов. Поразительное дело, но как в системах образования и воспитания, так и в системах пропаганды и массовой коммуникации соответствующие тексты производились тогда в крайне ограниченных объемах и при этом затрагивали лишь некоторые, избранные (наиболее выигрышные с точки зрения целей идеологии) аспекты общей проблемы. Поэтому-то проходившая в то время в обществе широкая дискуссия об отношении молодежи к семье и браку, подогреваемая критическим ростом разводов в стране, шла (довольно редкий случай в практике советского общества!) лишь "на нижних этажах" общественной иерархии, в среде интергруппового и интерперсонального общения и чуть ли не при полном неучастии в ней государства в лице его тех или иных институтов.

Особенно чувствительным при этом было молчание органов государственной статистики, которые могли бы существенно скорректировать ход и результаты проходившей дискуссии и, пролив свет на реальное положение вещей, значительно повысить общую компетентность общественного мнения. Автор одной из приведенных в параграфе 2 анкет, подполковник милиции из Москвы П. Н. явно лукавит, желая придать больший вес своим словам, когда ссылается на "статистический анализ".

В действительности же реальная статистика была тогда совсем иной, решительно противоречившей утверждениям П. Н., и тот факт, что ею не владел даже начальник отдела УВД г. Москвы, красноречиво свидетельствует о том, что она была скрыта в те годы от общественности более чем за семью печатями¹.

Отмеченное обстоятельство полностью определяет морфологический состав зафиксированного в исследовании массового сознания. В подавляющем большинстве ситуаций последнее **выглядит в значительной степени самостоятельным**, независимым, свободным от стандартов и клише текстов СМИ. Именно к этому выводу приводит анализ ответов на вопросы 2, 3, 5–8, 9а, 10а, 11 и 12. Ясное дело, респонденты не изобретают каких-либо велосипедов, когда, к примеру, рассуждают о преодолении неравного положения женщины в быту или предлагают те или иные меры по укреплению молодых семей; их ответы большей частью выдержаны в духе здравого смысла и, что называется, висят в воздухе. Однако в целом можно все же говорить об относительно высокой свободе сознания масс от официальных взглядов на вещи, и не только из-за весьма частого элементарного отсутствия таких взглядов, но и в силу прямого несовпадения с ними многих высказываемых респондентами суждений. Подобная самостоятельность опрошенных особенно заметна в их критических высказываниях по поводу трудностей в воспитании детей и плохой подготовленности молодежи к созданию семьи, а также в их предложениях по изменению порядка бракосочетания и расторжения брака. При этом если в первом случае (см. таблицы 3 и 5) несогласие людей с позициями власти может считаться достаточно условным, то во втором (таблицы 6–7) оно принимает уже вид прямого (а в вопросе о порядке регистрации браков – решительного) отрицания существующих в обществе практик.

Кроме того, в настоящем опросе (подобно тому как это было также в двух предшествующих случаях – в опросах о молодежи и "разведке будущего") судить об интересующем нас предмете – тогдашнем сознании масс – можно не только по менталитету самих участников опроса, рас-

¹ Во время работы над книгой "Разводы в СССР" автор сумел все же получить официальные данные о некоторых параметрах бракоразводных процессов в стране. Однако сделать ему это удалось лишь с личного разрешения начальника ЦСУ СССР В.Н. Старовского. И еще одно такое же разрешение понадобилось для того, чтобы опубликовать часть цифр (шедших неизменно под грифом "Совершенно секретно") в открытой печати, а именно в упоминавшейся статье в журнале "Молодая гвардия" в 1964 г.

крывающемуся в совокупности их суждений, но и по тем характеристикам, которыми респонденты наделяют своих соотечественников – то ли советский народ в целом, то ли те или иные его сегменты. Разумеется, к такого рода оценкам массового сознания, выдаваемым общественным мнением (прямо скажем, не самым надежным экспертом в этих вопросах!), необходимо относиться с большой осторожностью, коль скоро подобная экспертиза может быть и, как известно, часто бывает весьма далекой от истины, особенно если речь заходит о количественных оценках распространенности тех или иных феноменов сознания. И все же эта информация, безусловно, представляет немалую ценность, особенно когда она фиксирует явления сознания, не укладывающиеся в рамки господствующей в обществе идеологии и потому приуменьшаемые в их действительном значении официальной пропагандой.

В опросе о семье наиболее значимыми с этой точки зрения представляются ответы на 3-й вопрос, где обсуждаются так называемые "пережитки прошлого", бытующие в семьях. Как видно из таблицы 1, более чем каждый третий опрошенный полагает, что главным изъяном семейной жизни тогдашних советских людей являлось "мещанство", каждый третий ведет речь о "вредных народных традициях" и почти каждый седьмой – о "религиозных предрассудках". При всей расплывчатости названных понятий (в меньшей мере первого из них, поскольку оно конкретизировалось рядом вполне осязаемых и верифицируемых явлений¹) и при всей неопределенности реальных масштабов распространения каждого из обозначаемых ими "пережитков", полученные в опросе результаты со всей очевидностью свидетельствовали: какая-то (причем, можно предположить, немалая) часть членов общества реализовывала модели семейной жизни, принципиально не совпадающие с теми, что прокламировались властью, и, стало быть, придерживалась взглядов на семью, отличных от официальных, обладала сознанием, отклоняющимся от идеала=нормы, т. е., по нашей терминологии, сознанием самостоятельным, свободным от официальных установок.

Вместе с тем, если говорить собственно о сознании участников опроса, то при более детальном анализе нельзя не обнаружить, что это соз-

¹ Отнесение к родовому понятию "мещанство" конкретизирующих его явлений осуществлялось в исследовании в соответствии с ходячими представлениями о содержании этого понятия, бытовавшими в обществе. Эти представления были определены с помощью специального контент-анализа 1000 ответов, где вслед за термином "мещанство" шли развернутые пояснения содержания данного понятия.

вание в некоторых отношениях и впрямь больше выглядело самостоятельным, нежели было таковым на самом деле.

Начать с того, что отмеченная **независимость суждений** респондентов, весьма сильная в их критике действительности, **заметно ослабевает**, а то и вовсе исчезает, когда речь заходит об оценке положительных явлений – "наиболее сильных сторон", характеризующих советскую семью, или "лучших, самых прогрессивных" моментов в воспитании детей. В параграфе 2 приводятся образцы высказываний по поводу первого из этих сюжетов, и тут что ни анкета, то сплошные, написанные как бы под копирку, одни и те же слова о "дружбе" и "чувстве долга, ответственности перед обществом"; даже в текстах 1, 4, 9, 12, отличающихся в целом ярко выраженной индивидуальностью.

С чем мы здесь, в сущности, имеем дело – с прямыми стандартами, заимствованными людьми (большой частью механически) из газетных передовиц, или с их действительными взглядами, разделяемыми вполне искренне и сознательно? Или, иначе, – с *языковыми клише пропаганды*, перекочевавшими в речь людей в качестве некоторой внешней составляющей ("разменной монеты") в их общении с обществом, или со *штампами сознания*, возникшими под влиянием той же пропаганды, но интeриоризированными людьми и ставшими органическими элементами их реального, фактического ("внутреннего") сознания, регулирующего их общение не только с обществом, но и друг с другом? Старая проблема, с которой нам пришлось уже столкнуться выше и от которой никуда не уйти, пока мы остаемся в границах общества с тоталитарной идеологией и тотальным порождением клишированного, штапованного массового сознания. Ее решение, как уже говорилось, не может быть однозначным, признающим в подобных ситуациях абсолютную, стопроцентную несвободу масс; в каждом конкретном случае рассматриваемое соотношение внешних и внутренних штампов языка и сознания может быть различным. Однако в любом варианте сам факт большей или меньшей зависимости сознания масс от формул идеологии и стандартов пропаганды здесь несомненен, и уже как таковой он заведомо снижает любую самостоятельность общественного мнения. Это снижение присутствует, в частности, и в рассматриваемом опросе, где большая часть ответов на 1-й и 4-й вопросы – как раз типичный случай заимствований из текстов официального сознания: уж слишком лапидарно и неперсонифицированно (в сравнении с суждениями по всем остальным сюжетам), прибегая к одним лишь назывным предложениям, высказываются здесь респонденты.

Однако о меньшей, чем кажется, самостоятельности сознания масс, проявившейся в данном опросе, можно говорить и в другой, гораздо более важной связи. Дело в том, что, насаждая то или иное официальное

мировоззрение, господствующая в (любом) обществе идеология добивается своих целей не только путем прямого внедрения в сознание людей бесчисленных клише и штампов, но и путем изобретения особого рода *смысловых ловушек*, в которые заманивается человеческая мысль и которые при видимом предоставлении полной свободы в действительности самым решительным образом ограничивают реальный процесс восприятия и духовного воспроизведения, осмысления людьми мира. Совсем как в большой мышеловке, обитателям которой кажется, что они могут свободно передвигаться в любом направлении – вперед, назад, влево, вправо, – тогда как на самом деле они заточены в некотором пространстве, границы которого непреодолимы. В структуре общественного сознания роль таких мышеловок, как известно, выполняют прежде всего так называемые стереотипы сознания – некоторые примитивные, сотканые из разного рода рациональных и эмоциональных, рациональных и иррациональных элементов сознания, картины мира, позволяющие массам сравнительно легко ориентироваться в окружающей их сложной действительности и без особого труда принимать необходимые решения. Объясняя механизмы действия этих специфических образований, их первооткрыватель, знаменитый американский исследователь природы общественного мнения Уолтер Липпман (имевший дело преимущественно с такими видами стереотипов, как расовые и этнические предрассудки), утверждал: стереотипы *"обозначают объекты как знакомые и незнакомые, причем так, что едва знакомые кажутся хорошо известными, а незнакомые – глубоко чуждыми. Они возбуждаются знаками, которые могут варьировать от истинного значения до неопределенной аналогии"*¹.

В рассматриваемом исследовании в качестве одного из классических стереотипов, изобретенных советской пропагандой, присутствовало уже упоминавшееся выше понятие "пережитки прошлого", или в полной редакции – "пережитки прошлого в сознании людей". Появившееся еще в довоенное время, оно активнейшим образом эксплуатировалось печатной и устной пропагандой 50–60-х гг. и глубоко проникло в менталитет народа. В рамках целей, преследуемых социалистической идеологией, это изобретение было воистину блестящим: с помощью весьма незамысловатого и предельно экономного по средствам приема (удобнопроизносимого и эмоционально негативно окрашенного словечка "пережиток") в подкорку массового сознания внедрялись как минимум две важных мысли: 1) имеющиеся в современном советском обществе негативные явления в

¹ W. Lippman. Public Opinion. N. Y.: 1945. P. 90.

поведении людей вызываются к жизни не самим этим обществом, а некими прежними временами (нарочито не уточняемым "прошлым"), и 2) главный корень этих явлений – не объективные (экономические, политические, социальные) условия жизни людей (все они, понятное дело, по определению хороши), а некие субъективные качества людей, их "отставшее от бытия" сознание¹. И в том и в другом пунктах, как можно видеть, социализм, общество были ни при чем, все минусы строя и жизни (во всяком случае в сферах быта и человеческих отношений) списывались на счет самих членов общества и при этом (важная деталь!) не скольконибудь широких групп и масс населения, а отдельных ("отсталых", "невоспитанных") личностей. Как и предполагалось идеологами, формула сработала в высшей степени эффективно и самым активным образом была взята массами на вооружение: ссылки на грехи предков оказались очень удобными и для самих масс (особенно "отсталых" и "невоспитанных") – мол, ничего не попишешь, дурные традиции, проклятое наследство...

Полное представление о действительных масштабах подверженности тогдашних советских людей этому стереотипу дают ответы на 3-й вопрос анкеты, в формулировке которого как раз фигурировали пресловутые "пережитки прошлого". Активность респондентов в обсуждении этого явления была более чем впечатляющей. И в количественном отношении, коль скоро аж 97,7% из них с большой готовностью включились в анализ разного рода "пережитков" (при среднем количестве высказываний, приходящемся на одного респондента, равном 1,58), и, пожалуй, особенно в качественном. В данном случае, как видно из таблицы 1, их изобретательность в причислении к "пережиткам" тех или иных явлений современной жизни просто не знала границ: тут в ход шло все – и какие-то действительно традиционные свойства российского менталитета (вроде домостроя или склонности к пьянству), и заведомо новые образования последних лет (типа "погони за модой"), и не имеющие истории "вечные" свойства homo sapiens (вроде ревности или адюльтера), и, наконец, совсем уже какие-то туманные по смыслу, вовсе не понятные вещи, вроде "духа паразитизма" или "соглашательства". Рассматриваемые текстуально, в развернутом виде, все эти ответы (см., к примеру, анкеты 3–6, 9, 10, 12 в параграфе 2) по видимости демонстрировали вполне самостоятельное сознание, явно не повторяли полностью друг друга и казались достаточно далекими от штампов пропаганды. По части используемой в них

¹ По заказу идеологии тезис об *отставании* сознания от бытия детальнейшим образом разрабатывался тогдашними советскими философами и исподволь ослаблял фундаментальнейший принцип марксизма "*бытие определяет сознание*".

лексики и фразеологии так оно в действительности и было. Однако, с другой стороны, нельзя не видеть, что вся эта свобода была не более чем свободой "слов", а не "понятий", т. е. в конечном счете свободой мнимой: ведь отмеченный выше (в качестве свидетельства самостоятельности сознания респондентов) критицизм оказывался здесь наглухо замкнутым в границах официальной идеологии.

В этом свете чрезвычайно важной представляется последняя колонка таблицы 1, где фигурируют те немногие опрошенные (всего 2,3% от общего числа), которые не попали в рассматриваемую мышеловку, заявив, что "никаких пережитков нет". При прочих равных обстоятельствах можно полагать, что именно таким и был максимально возможный объем истинно независимо мыслящих масс в рамках дискуссии о семье¹; подавляющее же большинство публики в этом случае обладало в целом явно **комбинированным** (полусамостоятельным, полустандартным) **сознанием**, с весьма высокой степенью свободы от официоза, с одной стороны, и с хотя и ограниченной, но все же с выраженной зависимостью от него – с другой.

Что же касается морфем этого сознания, совпадающих с его разного рода *рефлексивными* и *нерефлексивными* образованиями, то тут всецело господствовали **рациональные высказывания**, большая часть которых, как уже отмечалось, реализовывалась на уровне элементарного здравого смысла. Вместе с тем нередки и случаи, когда респонденты оказывались во власти явных предрассудков, обнаруживая порой прямо-таки первобытную дремучесть. Такого рода сознание отчетливо демонстрировало себя в ответах на 3-й и 11-й вопросы анкеты (см., например, текст 11 в параграфе 2), но еще чаще оно встречалось в исповедальных рассказах респондентов об их семейных неуспехах и авариях. Типичный пример здесь – признание: *"Мне 23 года, имею мужа и сына, живем пятый год. Был у меня в юности друг, которого я любила, но получилось так, что мы поссорились. Я хотела сделать ему "зло" и вышла замуж за другого человека, который был старше меня на 10 лет. Поняла я свою ошибку неделю спустя, но побоялась общественного мнения, а главное – меня связала печать в паспорте. Так и осталась жить с мужем – без любви и согласия..."* Разумеется, можно сказать, что речь тут о простой человеческой глупости. Но, безусловно, не только. Речь и о недостатке рациона-

¹ Примечательно, что в группах по роду занятий в этом отношении лидировала творческая интеллигенция (4,0% от объема этой группы) и колхозники (3,5%), т. е. представители, с одной стороны, наиболее образованных, а с другой – в ряде отношений наименее подверженных действию СМИ слов населения.

лизма в менталитете людей, об определенной недоразвитости или вовсе о неразвитости их сознания, неумении адекватно, т. е. цивилизованно, реагировать на те или иные жизненные ситуации и столь же адекватно действовать, поступать.

Рассмотрим теперь, как выглядела в исследовании способность суждения участников опроса, обратившись к тем 12 из 15 задававшихся вопросов, по которым сохранилась количественная информация; в четырех случаях (вопросы 7–10/таблицы 4–7) ответы на них совпадали с оценочно-альтернативными высказываниями, в одном (вопрос 8а/таблица 5) – с обосновывающим высказыванием, в четырех (вопросы 3–5, 11/таблицы 1–3, 8) – с оценочно-аналитическими и в трех (вопросы 9а, 10а, 12/таблицы 6, 7, 9) – с конструктивными высказываниями. Общий взгляд на все эти данные позволяет констатировать, что с формальной точки зрения в большинстве ситуаций респонденты не испытывали сколько-нибудь серьезных затруднений с выражением и артикулированием своих позиций. Собственно прямые трудности с ответами возникли у них лишь в трех закрытых *альтернативных* вопросах, касающихся подготовленности молодежи к семейной жизни (таблица 5) и необходимости изменений существующих практик оформления и расторжения браков (таблицы 6–7), а также в последнем, 12-м (открытом) вопросе, где речь шла о мерах по укреплению молодой семьи¹. Во всех же остальных случаях (включая и 12-й вопрос) общее количество содержательных ответов неизменно превышало 100%, причем не только в рамках ансамбля в целом, но и – за самыми малыми исключениями – во всех группах опрошенных.

Применительно к различным типам суждений их среднее количество, приходящееся на одного респондента, выглядело следующим образом:

Группы	вопрос 3	вопрос 4	вопрос 5	вопрос 11	вопрос 8а	вопрос 12
В целом	1,567	1,764	1,587	1,648	1,120	1,111
Муж	1,558	1,764	1,578	1,649	1,123	1,111
Жен	1,583	1,764	1,608	1,643	1,111	1,111

¹ В этом случае на вопрос не смогли ответить 21,1% опрошенных, однако этот факт не отражен в таблице 9 из-за отсутствия данных по отдельным группам респондентов.

До 23	1,612	1,854	1,370	1,556	1,066	0,760
23-30	1,515	1,733	1,558	1,642	1,125	1,048
Ст 30	1,618	1,780	1,697	1,686	1,133	1,179
Рабоч	1,456	1,548	1,537	1,630	1,084	1,112
Инж-тех	1,495	1,855	1,659	1,609	1,204	1,166
Служ	1,707	1,872	1,753	1,783	1,104	1,189
Творч	1,500	2,080	1,580	1,700	1,057	1,200
Колхоз	1,479	1,854	1,433	1,420	0,964	0,813
Воен	1,645	1,866	1,442	1,598	1,153	1,044
Учаш	1,474	1,809	1,487	1,249	1,115	0,988
Нераб	1,648	1,710	1,551	1,561	1,266	1,036
Круп гор	1,508	1,721	1,690	1,727	1,116	1,184
Проч гор	1,565	1,757	1,545	1,615	1,125	1,098
Село	1,742	1,948	1,574	1,622	1,054	1,022

Как можно видеть, наиболее простыми для опрошенных (с чисто количественной точки зрения) на этот раз были *оценочно-аналитические* высказывания, представленные в первых четырех колонках таблички, особенно в ответах на вопрос 4 (о главных плюсах в воспитании детей), где, как отмечалось выше, имело место обильное репродуцирование стандартов пропаганды.

Гораздо хуже обстояло дело с *обосновывающими и конструктивными* суждениями. В вопросе 8а те две трети респондентов, которые дали негативную оценку готовности молодежи к созданию семьи, судя по всему, испытывали осязаемую нехватку аргументации в поддержку своей позиции. И тем более трудно, как кажется, давались людям разного рода предложения — и в части мер по укреплению молодой семьи (см. последнюю колонку таблички), и в части изменений в порядках заключения и расторжения брака (вопросы 9а и 10а); в первом из этих двух последних случаев среднее количество ответов, приходящихся на одного сторонника изменений, равнялось 1,129; во втором же и того меньше — 1,024¹. При

¹ Следует отметить, что при общем количестве сторонников изменений, равном в этом случае 50,6% от всего массива опрошенных, те или иные конкретные предложения вносили лишь те, кто полагал, что расторжение брака нуждается в упрощении, тогда как сторонники усложнения бракоразводной процедуры ограничились лишь этим общим пожеланием и никак не конкретизировали его.

этом, как можно видеть из таблички, особую стесненность при оперировании обоими указанными типами суждений ощущали самые молодые участники опроса, а также жители села, особенно колхозники.

И все же, повторяем, при чисто формальном (количественном) взгляде на вещи общая картина способности суждений масс выглядела в опросе вполне благополучной, коль скоро в 8 вопросах из 12 вовсе не было ни одного респондента, который бы сказал "затрудняюсь ответить" или вообще воздержался от ответа. Но в том-то и дело, что одного лишь такого формального подхода заведомо недостаточно, если мы хотим оценить подлинное умение масс судить о действительности, анализировать ее. Особое значение настоящего исследования заключалось в том, что в отличие от предшествующих (и вообще от многих других) оно представляло как раз отличные возможности для решения последней задачи. За счет двух обстоятельств. Во-первых, потому, что среди оценочно-аналитических высказываний здесь присутствовало суждение о причинах разводов – суждение, так сказать, *аналитическое по преимуществу*, аналитическое в узком, строгом смысле этого слова, так как его основное содержание сводилось уже не просто к *выбору* наиболее важного из серии имеющихся в поле зрения явлений (как это было в вопросах 3–5), а к установлению *каузальных*, причинно-следственных связей между наблюдаемыми явлениями, к тому же связей объективно очень сложных, трудных в анализе даже для специалистов¹; и, во-вторых, потому, что благодаря существованию объективной статистики здесь предоставлялась уникальная возможность сопоставить с нею высказываемые мнения и тем самым оценить *меру истинности* последних, их действительное качество.

Так вот оцениваемая с этих содержательных, качественных, а не формальных, количественных позиций интересующая нас аналитическая способность суждений масс, проявившаяся в опросе, должна быть признана уже не только не высокой, но более чем скромной. Ведь свыше 54% опрошенных придерживалось тогда того взгляда, что главной причиной распада молодых семей является легкомысленное отношение молодежи к институтам семьи и брака – взгляда сугубо ошибочного, находившегося в глубоком противоречии с реальным положением вещей. И в принципе эта картина была вполне естественной, если учесть, что массы в этом вопросе, как уже отмечалось, были предоставлены самим себе, "варились в собственном соку", а их сознание формировалось почти исключительно на уровне здравого смысла, т. е. с помощью инструмента познания, кото-

¹ Подробный анализ сложностей на пути изучения причин разводов см. в книге Б.А. Грушин. Мнения о мире и мир мнений. С. 276–281.

рый, по точной характеристике Ф. Энгельса, является "весьма почтенным спутником в четырех стенах домашнего обихода", но "переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования"¹.

Насколько можно судить даже по текстам, приведенным в параграфе 2, тезис о легкомыслии, безответственности молодых людей при создании семьи подкреплялся участниками опроса множеством разнообразных аргументов. Если взять те из них, что поддаются строгой верификации (а именно такие и господствовали в количественном отношении), то они сводились к трем: 1) молодежь вступает в брак в слишком юном, незрелом возрасте, когда она еще ни морально, ни материально не готова к созданию семьи; 2) молодые люди составляют основную массу разводящихся; и 3) среди распадающихся семей преобладают семьи-однодневки, образованные молодыми людьми, плохо (мало) знавшими друг друга до брака. И, надо сказать, ни один из этих аргументов не выдерживал никакой критики перед лицом объективной статистики, поскольку в том же 1961 г. в брак вступали и разводились преимущественно не зеленые юнцы, но люди вполне зрелые, а среди всей массы распавшихся семей почти две трети пришлось на семьи, просуществовавшие 5 лет и более².

Вместе с тем пристальный содержательный анализ подобных ответов на 11-й вопрос позволил не только установить *сам факт* случившегося грубого заблуждения общественного мнения, но и понять многие важные аспекты *природы* возникшей ошибки, а также выйти на некоторые *конкретные механизмы* ее возникновения, связанные со спецификой формирования и функционирования обыденного сознания. Ведь тезис о легкомыслии молодежи вовсе не поддерживался официальной пропагандой и потому не мог быть "занесен" в общественное мнение "со стороны" (как это случилось, скажем, с тезисом о мнимой угрозе стиляжничества, рассмотренном в главе 3). Тут все дело было в самом будничном сознании как таковом, в его явной неспособности проникать в глубь вещей в

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 21.

² Многочисленные статистические выкладки по этому поводу можно найти в статье автора «"Слушается дело о разводе..." О так называемых "легкомысленных браках"» ("Молодая гвардия", 1964, № 6. С. 166–170). И стоит отметить, они решительно опровергали не только рассматриваемый тезис о легкомыслии тогдашней молодежи в вопросах семьи и брака, но и еще одно широко распространенное ходячее заблуждение на этот счет – о будто бы имевшемся в обществе "падении нравов", поскольку, мол, раньше по всем приведенным параметрам отношение людей к созданию и сохранению семьи было серьезнее, строже.

ситуациях, когда оно основывается исключительно на собственном эмпирическом опыте его носителей. И то обстоятельство, что говорившие о несерьезности молодежи в семейных делах высказывались по этому поводу отнюдь не односложно, а пускались в более или менее пространные рассуждения, обосновывавшие их вердикт, — это обстоятельство, конечно же, сыграло весьма благоприятную роль в том, чтобы проникнуть в тайную кухню миропонимания, реализуемого массами, когда они не пользуются "опытом других".

Из множества привычно действующих механизмов отклонения обыденного сознания от истины в рассматриваемом исследовании особенно отчетливо проявились три:

а) *гипертрофирование* значения отдельных наблюдаемых в жизни явлений (кажущихся более простыми) за счет умаления значения других (более сложных);

б) *абerrации "зрения"*, в результате которых разного рода иллюзии принимаются за реальность, а видимость вещей за сами вещи; и

в) *абсолютизирование* собственных выводов, неспособность к их критической, объективной оценке.

Первый из этих механизмов как раз лежал в основе заблуждения масс по поводу того, что составляло главную, решающую причину многочисленных распадов молодых семей. Существовал ли тогда феномен легкомысленного отношения молодежи к вопросам семьи и брака как таковой? Разумеется. Поэтому общественное мнение не ошибалось, когда, говоря о недостаточной подготовленности молодых людей к браку, отмечало присутствие этого феномена в обществе, хотя и в других терминах (см. ответы 3 и 4 в таблице 5). Не ошибалось оно и тогда, когда полагало, что несерьезное, невзыскательное, нетребовательное отношение людей к себе и другим является *одной из* причин разводов в стране и что именно этой причиной следует объяснять какую-то *часть* разводов, приходящихся на браки, заключенные в юном возрасте, а также на семьи-однодневки. Ошибки возникали в других пунктах — когда вместо одной из причин легкомыслие объявлялось причиной *главной*, причиной № 1 и когда его действие связывалось уже не с частью указанных разводов, а со *всеми* этими разводами без исключения.

Судя по данным таблицы 8, общественное мнение прекрасно понимало, что причин разводов множество и что среди них есть весьма серьезные, к примеру, такие, как жилищные трудности или отсутствие у молодых людей жизненного опыта. И если оно все же отдало предпочтение (причем решительное!) феномену легкомыслия, то это было связано прежде всего с тем, что таким образом достигалось наиболее удобное и

простое объяснение крайне сложного социального явления. Сюжеты с пьянством, вмешательством родственников, плохим жильем и даже скрытой от глаз посторонних сексуальной неудовлетворенностью предполагали опору на конкретные, осязаемые факты, которые могли быть верифицированы, проверены на строгость. Вполне же резиновое, аморфное, расплывчатое "безответственное отношение к созданию семьи" (кстати сказать, аналогичное узаконенной в судебных разбирательствах примитивной фальсификации – "не сошлись характерами"), напротив, не требовало никаких доказательств и, основываясь на некоторых предвзятых смутных ощущениях, позволяло без особого труда подвести под него практически любой случай распада семьи. При этом, прибегая к такого рода уловке, массовое сознание, конечно же, не отдавало себе отчета в том, что сказать "Все дело – в легкомыслии" во множестве конкретных ситуаций означало, по существу, не сказать ничего, поскольку подобный вердикт там вовсе не завершал работы мысли (хотя иллюзия была именно таковой!), а лишь намечал его исходный пункт. Главная аналитическая задача в большинстве случаев состояла в том, чтобы понять, что стоит за декларированным легкомыслием молодежи, какова действительная природа этого феномена, т. е. задаться вопросами: почему молодые люди, не зная друг друга достаточно хорошо, все же вступают в брак? что толкает их на этот "несерьезный" шаг? почему они столь легко уступают своим первым чувствам, не стремясь проверить, испытать их? куда они спешат? и т. д. Однако массовое сознание не было бы самим собой, если бы оно заинтересовалось подобными глубинными сюжетами. Вместо этого оно, вслед за своим достойным представителем – автором текста 2 в параграфе 2, 32-летним финансовым работником (подчеркнем: человеком образованным и отнюдь не мальчиком), избирает совсем иной, куда более простой и надежный для него путь: зафиксировав желание "каждой девушки" выйти замуж любой ценой, без тени сомнения квалифицирует этот факт в качестве всего лишь легкомыслия молодых представительниц слабого пола, не более того.

С другой стороны, большинство участников опроса прибегло к идее легкомыслия не только потому, что она позволяла самым простым, не требующим серьезной работы ума способом разобраться в проблеме, но и потому, что феномен безответственного поведения молодежи при создании семьи на самом деле казался людям чрезвычайно широко распространенным. И тут мы сталкиваемся с еще одним специфическим свойством обыденного сознания масс – с тем, что оно охватывает *"прежде всего кажущиеся зависимости и превращенные формы реальных от-*

ношений¹, т. е. характеризуется ограниченной способностью (а то и вовсе неспособностью) видеть за явлениями действительности их сущность, за связями внешними связи внутренние.

В самом деле, каким было в рассматриваемом случае подлинное отношение между легкомысленным подходом людей к браку и, скажем, продолжительностью расторгаемых браков? Очевидно таково: если брак был в самом деле заключен по легкомыслию и был обречен на расторжение, то такое расторжение во множестве случаев происходило в самом деле довольно скоро после свадьбы. Но не наоборот. Далеко не всякий краткий брак оказывался непродолжительным именно из-за несерьезности объединивших свои жизни партнеров. В обыденном же сознании кажущаяся (частная) связь воспринималась как связь существенная (всеобщая), и в результате реальное положение вещей ставилось с ног на голову – вместо того чтобы утверждать: "этот брак легкомыслен и потому непродолжителен", такое сознание утверждало: "этот брак непродолжителен и потому легкомыслен". Аналогичная аберрация имела место также в фиксировании зависимости между феноменом легкомыслия и фактами раннего вступления людей в брак. И все это, естественно, не могло не приводить к тому, что под общий знаменатель "безответственного отношения молодежи к созданию семьи" сплошь и рядом подводились и все без исключения недолговечные семьи, и все без исключения браки, заключенные людьми в юном возрасте.

Наконец, достаточно отчетливо проявил себя в данном случае (причем уже не только при обсуждении причин разводов) и еще один механизм, постоянно снижающий аналитический потенциал суждений масс, – *органический субъективизм* массового сознания = устойчивое стремление индивидов, образующих массу, придать их собственному, по определению ограниченному опыту значение опыта всеобщего, единственно возможного, или – обратная сторона той же медали – их неспособность взглянуть на вещи как бы со стороны, объективно, исключив из выносимого ими суждения интересы собственного "Я".

Первое обстоятельство вполне обнаруживается, когда респонденты, исходя из той или иной совокупности известных им фактов, производят их неправомерное обобщение, вовсе не принимая во внимание (а точнее, попросту не видя!) фактов иного рода – отличных от обобщаемых и тем более противоположных им (классический пример тут, конечно, – текст 11 в параграфе 2.) Второе – когда они в своих суждениях о социуме

¹ М.К. Мамардашвили. К критике экзистенциалистского понимания диалектики. – "Вопросы философии", 1963, № 6. С. 119.

в целом произвольно примешивают к содержанию обсуждаемых вопросов свои личные мотивы, переживания, снабжая свои высказывания сугубо персональными деталями и окрашивая их в сугубо личностные тона (см., к примеру, текст 10 в параграфе 2). В известном смысле обе эти формы – в самом деле лишь две стороны одной и той же медали: и там и там речь о некритической экстраполяции респондентами своего (всегда по неизбежности ограниченного) частного, индивидуального опыта, его непозволительной абсолютизации, расширительном толковании. Однако между ними есть все же определенная разница. Одно дело, если говорящие ограничены в своем суждении о действительности именно узостью, неполнотой своего опыта, не могут охватить явление во всей его широте, поскольку стоят на "кочке зрения", и совсем другое – если они судят о мире, что называется, со своей колокольни. Ясно ведь, что узость мышления, присутствующая в последнем случае, имеет уже не только гносеологическую, но и более широкую – социальную природу, поскольку связана с определенным смещением личных и общественных ситуаций (интересов), недостаточным различием "Я" и "Мы".

В сравнении с рассмотренным следующее интересующее нас свойство массового сознания – его **реактивные способности** – оказалось представленным в исследовании намного беднее, особенно в плане количественных характеристик *размеров* активности респондентов. Как мы видели, на вербальном уровне частота их ответов на открытые вопросы была здесь в целом хотя и **достаточно высокой**, но определенно **нестабильной** – намного выше в серии оценочно-аналитических высказываний, нежели во всех остальных. Что же касается так называемой деятельностной активности участников опроса, связанной с декларировавшей ими готовностью так или иначе вести себя в обсуждаемой сфере жизни общества, то она здесь практически вовсе равнялась нулю (что, впрочем, почти всецело предопределялось самой программой исследования, фактически не предусматривавшей вопросов, которые бы позволяли респондентам "развернуться" в этом направлении).

Вместе с тем в части *характера* реакций публики на обсуждаемые явления определенная содержательная информация все же была получена, и наиболее существенными в ней представляются три момента:

во-первых, поддержка участниками опроса **динамизма** общественных отношений, проявившаяся в их готовности к изменениям существующих в обществе практик (напомним, что о необходимости изменений в порядке **бракосочетания** заявило 65,7% опрошенных, а в порядке **расторжения брака** – 52,7%);

во-вторых, поддержка людьми ряда **инноваций**, принципиально отклонявшихся от бытовавших в обществе традиций. Данный факт убедительно проявился, в частности, в позиции 55,8% респондентов, которые полагали, что главным направлением ликвидации неравного положения женщины в быту должно быть участие мужа и детей в ведении домашнего хозяйства. Но особенно примечательными тут были, конечно же, требования людей серьезно заняться проблемами полового воспитания. В количественном отношении, как видно из таблицы 5, эти требования не были особенно многочисленными (они выдвигались каждым десятым из тех, кто отметил неподготовленность молодых людей к созданию семьи, и лишь 6,1% от общего числа опрошенных). Однако в качественном отношении их невозможно недооценить, поскольку выдвигались они в ситуации, когда и системы образования и медицины, и организации, занимавшиеся воспитанием подрастающего поколения, упорно исключали из сферы своего внимания любые сюжеты, связанные с сексом (в соответствии с известной формулой: "при социализме никакого секса нет и быть не может!")¹;

¹ Приведем здесь несколько типичных высказываний на этот счет, затрагивающих различные стороны проблемы и хорошо демонстрирующих куда более прогрессивный менталитет так называемых рядовых граждан, нежели господствовавшие тогда официальные установки государственных и общественных институтов.

42-летний служащий из г. Одессы (24 года во втором браке, двое детей): *Половой вопрос, вопрос половых отношений и, в частности, гигиены пола... у нас стыдливо замалчивается, будто он не существует вовсе. Вступая в брак, молодежь должна иметь представление об этом. Но могут ли молодые люди любого пола найти какое-либо печатное пособие, содержащее сведения об этих вопросах? Нет, даже в специальных медицинских книгах об этом почти ничего не говорится. И, не найдя ответа на свои вопросы, молодые люди (да и не только молодые!) совершают большое число ошибок, делают немало глупостей. Именно в половом вопросе надо искать причину доброй половины разводов, хотя официально она далеко не всегда фигурирует в судебных делах.*

34-летний юрист из Крыма (женат 12 лет, имеет дочь): *Совершенно не знакомы молодые люди с сексуальной стороной брака, с его физиологией... Между тем более половины из известных мне по моей юридической практике (и практике моих коллег) разводов произошли именно из-за половой холодности или извращенности одного из супругов. Несмотря на повсеместное мнение об облегченном отношении нынешней молодежи к половым связям, знакомые мне молодые люди (в том числе и разведившиеся!) почти ничего не знали из того, что надо знать человеку, вступающему в брак. Молодоженов необходимо научить не только готовить обед, стирать белье и пеленать детеныша, но и предохраняться от беременности, гигиене и физиологии брака.*

в-третьих, уже наблюдавшееся в предшествующих исследованиях стремление людей к активному вмешательству в частную жизнь других, граничащее с ликвидацией всякой приватности. Скрытый намек на это содержится в поистине поразительных предложениях запретить регистрацию браков без ...характеристик с места работы/учебы молодых людей, решивших создать семью. И уже без всяких намеков, во вполне откровенной форме эта особенность менталитета тогдашних россиян обнаруживает себя, когда они предлагают заменить юридическое (судебное) разбирательство разводов разбирательством на так называемых товарищеских судах, организуемых в производственных коллективах или по месту жительства разводящихся. При этом если первые предложения вносились лишь 2,6% опрошенных, то вторые – уже каждым десятым (!) из них. Что же касается аргументации в пользу последних, то представление о ней дает текст 4 в параграфе 2.

Еще меньше на основании рассматриваемой информации можно сказать об общем эмоционально-психологическом состоянии советского общества того времени. Различные (прежде всего в семейном отношении) группы участников опроса демонстрировали, естественно, разную меру удовлетворения своей жизнью и, соответственно, разное настроение. Это хорошо видно из текстов, приведенных в параграфе 2: у представителей благополучных и счастливых семей это настроение, понятное дело, лучше, а у людей, оказавшихся неудачливыми в браке, хуже. И все же, если оценивать картину в общем и целом, можно считать, что в границах обсуждаемой проблематики в обществе господствовало вполне спокойное, ровное отношение к положению вещей. Ведь даже в ответах

В. Г., инженер, 1929 г. рождения (женат, имеет сына, г. Пермь): *Проблема раннего обзаведения детьми совсем не решена и никак не решается... Всюду только пишется и говорится, что аборт вреден, губителен для здоровья, нежелателен, а о способах предупреждения аборта всюду стыдливо умалчивается. Не думаю, чтобы медицина была в этом отношении совершенно бессильна. Никаких недомолвок в гигиене брака быть не должно. Нам не нужна такая забота о нравственных устоях, если она оборачивается несчастьем людей.*

Е. Т-ая, 46 лет, педагог (18 лет замужем, 6 детей, г. Якутск): *В школе молодежь не получает достаточных знаний по специальным вопросам физиологии и личной гигиены. Хотя никто в педагогическом мире не отрицает полезности таких знаний, методика соответствующих занятий не разработана... Желательно создать пособие для учителей и врачей, а также научно-популярную литературу для юношей и девушек по физиологии и гигиене пола. Мне кажется, пора отказаться от мысли, что область отношения между полами представляет собой нечто постыдное.*

многих из тех, кто претерпел ту или иную семейную аварию (ср. анкеты 1, 2, 6, 10), нескрываемая боль и горечь по поводу случившегося не перерастает в отчаяние, в чувство полной безысходности (хотя, возможно, ситуации, подобные описываемой Т. Ш., 30-летней домохозяйкой из Львовской области, свидетельствуют и об обратном).

Нет спору, в отличие от предшествующих опросов здесь не обнаруживается никакого *энтузиазма*; люди заняты в основном критическим разбором обсуждаемых явлений действительности. Однако именно такой разговор и предполагался программой исследования, ориентировавшей респондентов преимущественно на рассмотрение разного рода недостатков, требующих устранения, и проблем, требующих решения. И в этой связи особенно важно подчеркнуть, что присутствующая в анкетах обильная критика имеет в целом вполне *деловой характер*, не окрашена в тона тревоги, беспокойства по поводу перспектив общественного развития и тем более не срывается на крик.

Что же касается отношения людей собственно к *будущему*, то прямых высказываний на этот счет в анкетах (опять же в соответствии с рамками разговора, заданными программой опроса) очень мало, и чаще всего они носят самый общий характер, как, к примеру, в анкете 3. Однако не может не броситься в глаза, что фразеология, касающаяся строительства коммунизма (типа той, что присутствует в тексте той же домохозяйки Т. Ш.), — очень большая редкость.

Намного богаче в исследовании информация, характеризующая **ценностные ориентации** тогдашних россиян.

Естественно, в дискуссии, имевшей своим главным предметом различные аспекты жизни семьи, в качестве главной, наиболее значимой для людей ценности обсуждалась именно семья. И тут, как мы видели, мнения опрошенных существенно разошлись: одни полагали, что институты семьи и брака имеют (сохраняют) в обществе чрезвычайно высокий статус, котируются на шкале человеческих ценностей среди первоочередных; другие же, напротив, утверждали, что статус названных институтов заметно снизился, что семья как форма человеческого существования утратила и дальше утрачивает свое ценностное значение. При этом последних было явно больше. С предельной выпуклостью (хотя и со значительным налетом старомодности и даже заплесневелости) их точку зрения отразил 60-летний бухгалтер из г. Перми:

Подавляющая часть молодежи мечтает о "красивой" жизни — о костюмах, ресторанах, любовницах или любовниках... Супружество ей кажется скукой и даже мукой... Девушки, познавшие до замужества "тайный плод", вступая в брак, воспринимают семейную жизнь как пре-

сную и скучную... Наблюдается крайнее опрошение нравов. Женщины на работе в обществе сослуживцев мужчин начинают мало стесняться. Они больше видят посторонних мужчин, нежели своих мужей, а посторонние мужчины не берегут чести чужих жен. Фривольные разговоры в стенах учреждений стали правилом, и часто именно женщины эти разговоры и вызывают. Отсюда легкое отношение к случайным встречам и увлечениям. Измена не считается преступлением. Этим даже хвастаются между собой подруги и товарищи. Не видеть всего этого, считать, что у нас "любовь Онегина серьезней и Ромео понежней" (не ручаясь за точность цитаты), – значит закрывать глаза на действительность...

Как видим, в основе всех этих рассуждений – тот же, уже знакомый нам тезис о пресловутом легкомыслии тогдашней молодежи. И, строго говоря, он даже не просто в основе, он полностью совпадает с представлениями о падении престижа семьи, является парафразом суждения о том, что семья для большей части населения (как раз тех, кто относится к ней легкомысленно) уже не числится среди главных ценностей бытия. Однако, как было отмечено выше, этот тезис непомерно гипертрофировал значение реального феномена легкомыслия, и потому падение престижа семьи, если оно вообще имело место в тогдашнем советском обществе, в действительности характеризовалось гораздо меньшими масштабами, нежели это представлялось общественности. Более того, сама ложная тревога, которая возникла в обществе по поводу падения престижа семьи, могла рассматриваться (такими бывают парадоксы общественной жизни!) как раз в качестве лишнего свидетельства в пользу **чрезвычайной важности** для широких слоев населения рассматриваемого социального института.

Другое дело – как именно понималась тогда массами нормальная, счастливая семейная жизнь. К сожалению, из-за утери таблиц, относящихся к двум первым вопросам анкеты, где выяснялись как раз наиболее ценимые респондентами характеристики советской семьи вообще и собственной семьи в частности, теперь невозможно количественно расшифровать точное содержание названных понятий. Однако на основе просмотра нескольких сотен сохранившихся анкет можно увидеть, что речь шла преимущественно о семье, основанной на "любви", "дружбе", "взаимопомощи", "взаимоуважении", "единстве взглядов и интересов" супругов, о семье, ощущающей "ответственность перед обществом", в том числе за "правильное воспитание детей", и т. д. Что в этом перечне бросается в глаза, так это то, что люди в основном (что называется, во-первых, во-вторых и в-третьих) ведут разговор сугубо о *духовных, нравственных* составляющих семейной жизни и лишь в самую-самую последнюю очередь

(примерно в одном случае из двадцати-тридцати) вспоминают о *материальном* благополучии, достатке, высоком уровне и качестве жизни.

Насколько можно судить, обратившись к таблицам 3 (см. ответы 4–6) и 8 (ответы 3, 6), тогдашняя советская семья в материальном отношении в целом отнюдь не процветала. И все же, по многим признакам, сюжеты, связанные с "высокими материями" – состоянием в обществе духа, морали, интересов и т. д., – принявших участие в опросе людей в принципе волновали гораздо больше, нежели проблемы их бренного, земного существования. Таким образом, тут мы снова, как и в предшествующих главах, сталкиваемся с тем бесспорным фактом, что в ряду **заведомо приоритетных** ценностей, которых придерживались россияне в те времена, неизменно присутствовал **комплекс свойств личности**, относившихся к разряду **коммунистических**.

В чистом виде этот факт подтверждается ответами 1–8 на 4-й вопрос анкеты (таблица 2), где среди наиболее важных (= ценимых) сторон воспитания детей фигурирует едва ли не добрая половина тех характеристик, которые перечислялись в уже упоминавшемся "Моральном кодексе строителей коммунизма", начиная с любви к труду и кончая сознательной дисциплиной. В косвенном же виде вторую половину этого перечня легко можно обнаружить в той шкале антиценностей, которая возникает в ответах на 3-й вопрос (таблица 1); тут уже мы находим (в зеркально-позитивной интерпретации критикуемых негативных явлений) и свободу от материального расчета, и включенность в активную общественную жизнь, и правдивость, и неприязнь к шовинизму и национализму, и многое другое.

И все это, безусловно, не только проявление тривиального конформизма или механическое воспроизведение текстов пропаганды. Это – и элементы реального сознания людей, прямо или косвенно детерминирующие их общий способ существования, регулирующие многие конкретные акты их поведения, причем не только в сфере публичных, гражданских действий, но и в сфере частной, в том числе семейной, жизни. Подумать только, 27-летняя москвичка Т. В. (см. текст 10 в параграфе 2) в качестве причины своего развода называет то обстоятельство, что ее муж из "активного комсомольца", "мечтателя" превратился в "заурядного обывателя", "домоседа", "ремесленника". И похоже, она ведь не просто рационализирует историю распада своей семьи, придавая ей соответствующее идеологическое оформление, но и раскрывает свое подлинное, истинное отношение к жизни, в котором, как выясняется, быть активным комсомольцем-общественником, интересоваться не только своей семьей, но и другими людьми – действительная и очень большая ценность, даже бóльшая, нежели сохранение личного благополучия.

Разумеется, здесь в очередной раз нужно повторить, что ансамбль участников опроса не был репрезентативным для населения страны в целом и что в составе этого населения, наверное, существовало немало, а скорее всего, очень много людей, не воспринимавших те или иные коммунистические идеалы, не разделявших их в качестве своих собственных либо активно отвергавших их; это видно в том числе и из результатов самого рассматриваемого исследования, поскольку ответы социально ангажированных респондентов на 3-й вопрос анкеты констатируют наличие в обществе многочисленных форм "инакомыслия" и "инакоповедения" (т. е. отклонения от разделяемых ими самими ценностей) в широком диапазоне от разного рода мещанского и домостроевского образа жизни до приверженности этническим и иным предрассудкам. Однако главный результат исследования в данном пункте все же другой – подтверждение безусловного наличия в обществе и иной, скорее всего также немалой, его части, которую как раз представляли участники опроса и которая в той или иной мере, в том числе полностью, придерживалась ценностных ориентаций, прокламировавшихся социалистической идеологией, и не только придерживалась их, но и была их активным проповедником и защитником.

При этом из исследования видно, что при оценке феномена проникновения в сознание масс так называемых идеалов социализма речь следовало вести о гораздо более широком круге этих идеалов, нежели только о тех, что фигурировали в "Моральном кодексе строителей коммунизма". Так, вне всякого сомнения, огромной популярностью пользовалась тогда, в частности, идея **женского равноправия**; она активно поддерживалась не только женской частью опрошенных, но и мужчинами, особенно молодыми, причем в среде молодых женщин (см., к примеру, тексты 1 и 10 в параграфе 2) нередко приобретала отчетливые черты тех представлений, которые позже оформились в стране в виде тех или иных концепций феминизма.

Имея в виду следующую характеристику массового сознания – **отношение масс к обществу**, следует признать, что она проявилась в настоящем исследовании (в сравнении со всеми предшествующими) весьма специфическим образом. Проведенный под этим углом зрения контент-анализ анкет обнаружил, что участники опроса были явно далеки от того, чтобы расточать какие-либо восторги по поводу коммунистического строительства или расписываться в своей поддержке существующего в стране строя. Нет-нет, в их ответах нельзя найти никаких, даже самых малых, проявлений *нелояльности* по отношению к этому строю или к власти КПСС, но там равно нет и никаких привычных слов признательно-

сти партии и правительству, благодарности "за заботу о народе" или (коль скоро в опросе обсуждались проблемы воспитания детей) "за счастливое детство", как нет там, не считая двух-трех исключений, даже и простых упоминаний имени лидера государства – Н.С. Хрущева.

Ясное дело, это обстоятельство было напрямую связано с отмечавшейся критической направленностью исследования, с тем, что его программа предусматривала выявление в первую очередь недостатков, а не завоеваний социализма в рассматриваемой области. Вместе с тем такого объяснения явно недостаточно: ведь аналогичная критическая направленность разговора имела место и в опросе о "разведчиках будущего", однако состоявшаяся там острая критика недостатков в жизни общества не только неизменно сопровождалась полной поддержкой существовавшего в стране общественно-политического строя, но и ставила своей главной целью его дальнейшее совершенствование и развитие. Стало быть, тут срабатывал и какой-то иной фактор. И, думается, он заключался в существенном различии самих ансамблей респондентов, участвовавших в сравниваемых опросах: в случае с коммунистическим трудом это были люди, глубоко преданные идеям коммунизма и ощущавшие себя активными строителями нового (будущего) общества, в случае же с семьей – те, кто острее других чувствовал несовершенство существующих форм бытия и был озабочен решением в первую очередь разного рода конкретных, насущных проблем в жизни страны.

Можно допустить, что названные в начале параграфа "наиболее социально активной частью тогдашних россиян" участники данного опроса (или большинство из них) также верили в победу коммунизма и в принципе активно поддерживали и социалистический строй, и КПСС, и всех лидеров государства. Однако, усмотрев главный смысл своего участия в дискуссии не в выражении своей верности идеям и практике социализма, а в критике различных негативных явлений с целью улучшения положения дел на семейном фронте, они в общем и целом продемонстрировали совершенно иной тип отношения к своему обществу, нежели участники предшествующих исследований. Дело в том, что в ходе этой критики участники опроса о семье – то ли в соответствии с собственными намерениями, то ли вопреки им – выходили на определенные обобщенные характеристики социалистического общества и вели речь уже не только о тех или иных его отдельных, частных минусах, но и о некоторых принципиальных недостатках, касающихся широких сфер жизнедеятельности общества и потому характеризующих его в целом, как таковое.

Из трех главных направлений такого рода фронтальной критики, обнаруживаемой в исследовании, особенно сильным представляется то, что было связано с проблемой *неравенства женщин*. Вслед за тезисом о легкомысленном отношении молодежи к институтам семьи и брака этот сюжет был вторым ярко выраженным лейтмотивом в общем массиве высказываний респондентов. Он устойчиво присутствовал и в суждениях о пережитках прошлого, от которых следовало освободиться молодым семьям (в составе ответов 9 в таблице 1), и в перечне имеющихся трудностей в воспитании детей (в составе ответов 3 в таблице 3), и в анализе причин разводов (в составе ответов 2 в таблице 8), и в предложениях по поводу способов укрепления молодой семьи (в составе ответов 3 в таблице 9). Однако главным, наиболее концентрированным полем обсуждения этого тезиса был, конечно же, 7-й вопрос анкеты, где речь шла напрямую о путях преодоления неравного положения женщин в быту.

Этот вопрос был полузакрытым и, строго говоря, *альтернативным*, поскольку предлагал респондентам выбрать *одну* из перечисленных в анкете пяти проблем (решение которой обеспечивало бы устранение обсуждаемого негативного явления) либо назвать какой-то иной (собственный) путь решения задачи в соответствии с припиской в анкете "Возможно, какая-либо иная проблема?". Между тем подавляющее большинство участников опроса (см. таблицу 4) как бы не заметили предложенной им альтернативы и дружно давали на указанный вопрос не один, а множество ответов, продемонстрировав рекордную частоту высказываний – 2,743 суждения в среднем на одного респондента. Конечно, при абстрактном подходе к делу данный факт можно было бы интерпретировать в качестве свидетельства низкой способности суждения масс – их неумения ранжировать по степени важности различные явления действительности, выбирать из них (как того требовала формулировка вопроса) лишь значимые *в первую очередь*. Однако, по мысли автора, эта сторона дела, если она и имела место, была в данном случае все же явно второстепенной¹.

¹ Справедливость такой оценки убедительным образом подтверждается двумя фактами: во-первых, тем, что в группах респондентов, отличавшихся наиболее высоким образованием и, стало быть, наиболее высокой способностью суждений, отмечаемое отступление от требований анкеты было не меньшим, чем по массиву опрошенных в целом, а даже большим (к примеру, в группе инженеров и техников среднее количество ответов на вопрос 7, приходящихся на одного респондента, равнялось 2,820, а в группе творческой интеллигенции – аж 3,060); во-вторых, тем, что довольно большое количество опрошенных (от 10 до 30% состава разных групп) вышло за рамки предложенного им в анкете набора ответов и – как раз демонстрируя повышенную способ-

Главным же тут было совсем другое – осознание массами того обстоятельства, что существующее в обществе неблагополучие с положением женщин имело *тотальный характер*, проявлялось одновременно и примерно с равной силой во множестве явлений и, как следствие, выступало в качестве негативной характеристики общества в целом. Правда, по данным контент-анализа анкет, большинство респондентов еще не артикулировало тогда свои критические суждения на этот счет в виде вполне осмысленных претензий к социалистическому обществу как таковому или в виде отчетливо созревших сомнений по поводу провозглашавшихся тогдашней пропагандой успехов в реализации одного из фундаментальнейших принципов социалистической доктрины. Однако во многих случаях определенные намеки на такого рода претензии и сомнения в анкетах все же прочитываются, и с исторической точки зрения здесь мы сталкиваемся с явными эмбрионами будущего отрицания коммунистической идеологии и практики самыми широкими массами населения (не только так называемыми "отсталыми", но и вполне "передовыми") – того самого отрицания, которое, если и не предопределило, то, во всяком случае, сделало возможным обвальным коллапс системы в 80–90-х годах.

Второе направление фронтального недовольства положением дел в обществе было связано в исследовании с темой *трудностей в воспитании детей*. Оно отличалось от первого заметно меньшей интенсивностью критики (хотя бы уже в силу того, что заданные рамки дискуссии ограничивались в данном случае лишь одним, 5-м, вопросом анкеты). Однако диапазон этой критики, как видно из таблицы 3, был снова весьма впечатляющим – в полном соответствии с недоумением булгаковского Воланда: *"...что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!"* При этом в общей картине не решенных обществом проблем в глаза бросались не только внушительное количество (около двух десятков!) перечислявшихся респондентами наличных трудностей, но и чрезвычайная значимость многих из них в жизни социума: ведь каждые двое из пяти опрошенных отмечали нехватку в стране детских учреждений, каждый четвертый – отсутствие у родителей времени для воспитания детей в семье, почти каждый пятый – неготовность или неспособность родителей к выполнению такого рода функций, а также нерешенность жилищной проблемы, каждый десятый – низкий уровень жизни населения и серьезные недостатки в работе школ и иных детских учреждений и т. д.

ность суждения – прибавило к нему целый ряд собственных решений, в том числе весьма значимых (ср., к примеру, ответы 6 и 7 в таблице 4).

Что же касается последнего из рассматриваемых направлений критики — связанного с *плохой подготовленностью молодежи к семейной жизни*, — то тут в своем недовольстве существующей в стране ситуацией респонденты выходили, пожалуй, на наиболее широкие и принципиальные обобщения. Многие из них вполне отчетливо понимали, что речь должна идти не только и даже не столько о легкомыслии молодежи, сколько о... *легкомыслии самого общества*, не заботящегося о соответствующем воспитании подрастающего поколения — ни в части ускорения его гражданского созревания, ни в части привития ему необходимых навыков ведения домашнего хозяйства и ухода за детьми, ни в части его сексуального воспитания, хотя бы элементарного ознакомления с вопросами физиологии и гигиены брака, ни, наконец, в части усиления материальной помощи молодым семьям со стороны государства (см. таблицы 5 и 9). Яркий пример такого понимания — ответ на последний, 12-й, вопрос анкеты служащего В. Б-ва из Москвы:

Известен знаменитый грибоедовский афоризм: "Чтоб иметь детей, кому ума не доставало?!" Но чтобы иметь хороших детей, будущих строителей и тружеников коммунистического общества, ума надо много! Во всяком случае, нужно иметь хотя бы элементарные понятия в области педагогики и трудового воспитания, чтобы молодые мамы и папы не бросались в крайности в воспитании единственного дитяти и не действовали в соответствии с принципом: "Кто в лес, кто по дрова". Нам надо готовить молодежь к семейной жизни, чтобы молодожены были просвещены в вопросах супружеских взаимоотношений и воспитания детей. Нужно понять, наконец, что знание и умение в семейной жизни нужны ничуть не меньше, чем в любом деле. Нужно преодолеть введенную ханжествующими стражами "моральных устоев" практику, согласно которой личная жизнь и особенно ее интимные стороны отождествляются с чем-то постыдным... В школах мы обучаем мальчишек и девчонок — будущих пап и мам — тригонометрии, ботанике, иностранному языку, которые они в большинстве случаев никогда всерьез не используют в дальнейшей жизни. Но нигде мы не знакомим этих мальчишек и девчонок с основами детской психологии, с правилами ведения домашнего хозяйства и расходования денег, не учим их тому, как преодолевать возникающие ссоры, как строить счастливую жизнь. И вот бредут они все по жизни оцупью, как бог на душу положит...

Тут, как говорится, какие-либо комментарии излишни. Стоит лишь подчеркнуть, что все эти и многие другие подобные им слова относились людьми к обществу, которое прожужжало им все уши о том, что забота о молодежи является одним из главнейших его приоритетов и одновременно одним из важнейших его отличий от обществ так называемого капиталистического мира...

А теперь, в заключение, скажем о двух последних интересующих нас характеристиках сознания масс, проявившихся в опросе о семье, – свойствах его структуры, описываемых в терминах "монолитность/дифференцированность" и "целостность/разорванность".

Очевидно, в первом отношении рассматриваемое сознание следует квалифицировать в общем и целом в качестве сознания **плюралистически-монистического** или даже, скорее, просто **плюралистического**, поскольку в большинстве ситуаций плюрализм мнений здесь отчетливо превалировал над монизмом.

Как это часто бывает, в ответах на закрытые альтернативные вопросы участники исследования демонстрировали *преимущественно единодушие* – более внушительное в вопросах 8 и 9 (таблицы 5–6), где единой точки зрения на предмет (относительно недостаточной подготовленности молодежи к созданию семьи и необходимости изменений в существующем порядке бракосочетания) придерживалось две трети опрошенных, и более скромное – в вопросе 10 (таблица 7), где на необходимости изменений в порядке расторжения браков настаивала лишь половина ансамбля, при трети затруднившихся с ответом¹. А вот что касается открытых вопросов, то тут, за одним-единственным исключением (суждением о легкомыслии молодежи как главной причине разводов, которое было, напомним, высказано 54,4% опрошенных²), картина была уже *качественно иной*. Начать с того, что позиции общественности во всех этих случаях дробились, как правило, весьма и весьма основательно: в минимальном количестве (см. вопросы 10а, 11, 12/таблицы 7–9) – на 9–12 точек зрения, а в максимальном (вопросы 3–5/таблицы 1–3) – аж от 16 до 20! Однако главная особенность отмечаемого плюрализма заключалась не в количестве позиций как таковых, а в том, что в большинстве случаев многие из них, не набирая ярко выраженного большинства голосов, откровенно конкурировали друг с другом. Так, например, в таблице 1 в числе ответов-фаворитов фигурируют последовательно ответы 1 (37,8% опрошенных), 9 (32,3%), 10 (25,3%), 2 (18,8%), 11 (15,1%), 12 (14,5%); в таблице 2 – отве-

¹ Мы оставляем здесь без комментариев ситуацию с 7-м альтернативным полузакрытым вопросом, отраженную в таблице 4 (где с формальной точки зрения по совокупности первых пяти ответов респонденты проявили максимальное согласие друг с другом), поскольку, как отмечалось выше, этот вопрос не рассматривался опрашиваемыми в качестве альтернативного и их дружные ответы на него свидетельствовали о единодушной оценке не столько каждой из обсуждавшихся (перечисленных в анкете) проблем, сколько общего неблагополучия с положением женщин в обществе.

² См. таблицу 8.

ты 2 (41,9% опрошенных), 3 (25,0%), 9 (19,5%), 10 (17,3%); в таблице 3 – ответы 2 (40,2% опрошенных), 3 (24,2%), 8 (20,0%), 4 (18,4%) и т. д.

При наличии подобного расчленения сознания масс на многочисленные группы мнений особую важность приобретает, понятно, выявление **факторов** такой **дифференциации**, т. е. обнаружение тех социально-демографических и иных характеристик респондентов, которые, будучи более или менее плотным образом связаны с выбором людьми соответствующих позиций, могли бы рассматриваться в качестве разной силы оснований зафиксированной структуры сознания. Однако решение этой задачи в данном исследовании во многих отношениях оказывается делом весьма затруднительным, поскольку корреляции между названными характеристиками говорящих и занимаемыми ими позициями сплошь и рядом явно неустойчивы и трудноинтерпретируемы.

Так, в случае с главными ответами на вопрос о пережитках прошлого, от которых необходимо освободиться молодым семьям (таблица 1), коэффициенты дифференциации основных типов групп выглядели следующим образом¹:

Тип групп/ответы	1	9	10	11	12	13	14
Пол	1,23	1,34	1,16	1,41	1,15	1,19	1,03
Возраст	1,07	1,27	1,42	1,12	1,57	1,25	1,63
Род занятий	1,38	1,57	2,73	2,79	1,81	2,50	2,34
Тип поселений	1,08	1,20	1,17	1,87	1,14	1,16	1,17

-
- 1 – мещанство
 - 9 – вредные народные традиции
 - 10 – пьянство
 - 11 – религиозные предрассудки
 - 12 – ревность
 - 13 – грубость
 - 14 – супружеская неверность

Заметно иная картина имела место в суждениях по поводу путей преодоления неравного положения женщин в быту (таблица 4):

¹ В качестве главных здесь и далее принимаются ответы, набравшие не менее 5% голосов в массиве опрошенных в целом.

Тип групп/ответы	1	2	3	4	5	6
Пол	1,01	1,11	1,09	1,01	1,05	1,52
Возраст	1,07	1,03	1,09	1,08	1,13	2,40
Род занятий	1,17	1,32	1,40	1,43	1,29	6,20
Тип поселений	1,08	1,04	1,09	1,06	1,08	2,28

- 1 – расширение сети детских учреждений
 2 – облегчение женского труда на производстве
 3 – участие мужа, детей в ведении домашнего хозяйства
 4 – расширение общественных форм удовлетворения потребностей семьи
 5 – механизация домашних работ
 6 – преимущественное сокращение рабочего дня для женщин

Третья – в мнениях об основных причинах распадов молодых семей (таблица 8):

Тип групп/ответы	1	2	3	4	5	6	7	8
Пол	1,08	1,25	1,12	1,16	1,04	1,31	1,18	1,25
Возраст	1,17	1,23	2,15	1,18	1,15	2,06	1,27	1,77
Род занятий	1,94	2,13	6,82	1,51	1,67	3,79	2,83	3,03
Тип поселений	1,16	1,67	3,74	1,30	1,04	1,87	1,35	1,23

- 1 – легкомысленное отношение к созданию семьи
 2 – пережитки прошлого
 3 – жилищные трудности
 4 – вмешательство родных и посторонних
 5 – отсутствие жизненного опыта
 6 – низкий жизненный уровень
 7 – заключение брака по расчету
 8 – разница в культурном уровне супругов

И наконец, четвертая – в ответах на альтернативные вопросы, касающиеся оценки готовности/неготовности молодых людей к созданию семьи, а также необходимости/ненужности изменений в существующих практиках оформления и расторжения браков (таблицы 5–7):

Тип групп/ответы	5/1	5/2	6/1	6/2	7/1	7/2
Пол	1,61	1,00	1,00	1,05	1,07	1,09
Возраст	1,77	1,08	1,08	1,03	1,49	1,42
Род занятий	2,29	1,18	1,64	1,27	3,52	1,45
Тип поселений	1,03	1,05	- ¹	-	-	-

5/1 – подготовлены достаточно

5/2 – подготовлены недостаточно

6/1 – изменения не нужны

6/2 – изменения необходимы

7/1 – изменения не нужны

7/2 – изменения необходимы

Какие выводы при взгляде на все эти цифры (равно как и те, что остались за кадром, в частности, относятся к вопросам анкеты, представленным в таблицах 2, 3 и 9) можно считать вполне бесспорными, имея в виду сформулированную выше задачу?

Очевидно, прежде всего тот банальнейший из них, что мера дифференцированности сознания групп, принадлежащих к одному и тому же типу, не является величиной постоянной, меняется в зависимости от предмета дискуссии и содержания высказываемых суждений – оказывается большей в суждениях по одним вопросам и меньшей в суждениях по другим.

В своем простейшем, непосредственном виде это обстоятельство элементарно просматривается на уровне отдельных "точечных" высказываний (т. е. конкретных ответов на различные вопросы анкеты): коэффициенты дифференциации групп по полу варьируются в приведенных табличках от 1 до 1,61; групп по возрасту – от 1,03 до 2,40; групп по роду занятий – от 1,17 до 6,82; а групп по типу поселений – от 1,03 до 3,74. Но то же, хотя и в более сложном виде, имеет место и на уровне совокупностей таких высказываний, относящихся к тем или иным вопросам в целом. Оценить эту сторону дела можно, либо прибегнув к *интервальным шкалам* со значениями *крайних* коэффициентов дифференциации, характеризующих ответы на тот или иной вопрос, либо с помощью простого арифметического *усреднения* всех коэффициентов дифференциации, относящихся к этому вопросу. Очевидно, при некоторых достоинствах

¹ Данные отсутствуют.

(прежде всего простоте реализации) первого подхода¹, по своим эвристическим возможностям он все же значительно уступает второму, поскольку дает менее прозрачную картину положения вещей и, скорее, лишь обнаруживает сам факт разной глубины расхождения во мнениях различных типов групп (при обсуждении того или иного вопроса), нежели позволяет точно оценить абсолютную и относительную (сравнительную для разных типов групп) меру этой глубины. Напротив, второй подход, хотя и с немалой долей условности, приближает нас к решению этой задачи, наполняя определенным количественным содержанием еще один вывод, таящийся в приведенных табличках, — о том, что различные характеристики масс в общем и целом обладают, так сказать, разной дифференцирующей силой с точки зрения их возможного влияния на выбор людьми тех или иных позиций и ориентаций, а стало быть, и на структурирование массового сознания в целом.

С целью проиллюстрировать этот (заметим в скобках, также весьма банальный) вывод предложим читателю еще одну вспомогательную табличку, состоящую из средних коэффициентов дифференциации различных типов групп в их главных ответах на все основные вопросы анкеты, представленные в параграфе 3 в таблицах 1–9²:

Тип групп/таблицы	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пол	1,22	1,06	1,06	1,13	1,19	1,11	1,10	1,17	1,01
Возраст	1,33	1,25	1,44	1,30	1,26	1,14	1,45	1,50	1,36
Род занятий	2,16	1,89	1,93	2,14	1,74	1,55	2,13	2,97	1,91
Тип поселений	1,26	1,26	1,21	1,27	1,12	– ³	–	1,67	1,85

Как можно видеть, наименьшую дифференцирующую силу тут демонстрирует в общем и целом явно признак пола, затем, по-видимому,

¹ В случае его применения названные интервальные шкалы в границах первых трех табличек приняли бы следующий вид: в группах по полу — "1,03–1,41", "1,01–1,52" и "1,04–1,31"; в группах по возрасту — "1,07–1,57", "1,03–2,40" и "1,15–2,15"; в группах по роду занятий — "1,38–2,79", "1,17–6,20" и "1,51–6,82"; и в группах по типу поселений — "1,08–1,87", "1,04–2,28" и "1,04–3,74".

² Расчеты этих коэффициентов осуществлялись на базе семи ответов (1, 9–14) в таблицах 1 и 2, четырех ответов (1, 8, 9, 17) в таблице 3, шести ответов (1–6) в таблице 4, четырех ответов (1, 2, 8, 9) в таблице 5, трех ответов (1, 2, 16) в таблице 6, четырех ответов (1, 2, 9, 12) в таблице 7, восьми ответов (1–8) в таблице 8 и двух ответов (1, 5) в таблице 9.

³ Данные отсутствуют.

идет признак возраста, затем – типа поселений и, наконец – с максимально высокими величинами во всех случаях, – признак рода занятий. Однако подобное наблюдение верно именно лишь "в общем и целом" и не дает возможности настаивать (за вычетом рода занятий) на строгости зафиксированной иерархии признаков. Достаточно сказать, что признак пола однажды оказывается здесь сильнее признака типа поселений, а признак возраста превосходит последний даже в четырех случаях из семи сравниваемых¹. И такая нестабильность этой иерархии обнаруживает себя еще ярче, если мы перейдем от приведенных усредненных показателей к коэффициентам дифференциации групп, отмечающим "точечные" высказывания участников исследования. Тут стопроцентно устойчивым оказывается лишь первенство признака рода занятий; все же остальные соотношения постоянно меняются от ответа к ответу.

Кроме того, на установлении "удельного веса" каждого из рассматриваемых признаков в общей картине дифференциации сознания масс анализ факторов этой дифференциации, строго говоря, еще не кончается. Задачи такого анализа могут считаться вполне решенными лишь после выявления, так сказать, *конкретных механизмов действия* анализируемых признаков, или, иными словами, после раскрытия социально-гносеологической природы обнаруживаемых расхождений во мнениях респондентов. Как известно из теории, в принципе эти расхождения могут связываться на одном уровне рассмотрения – с различиями в *объективном положении* людей, т. е. с условиями их жизни, на базе и в границах которых формируется мир их сознания, а на другом – с различиями в *субъективном мире* людей, т. е. с объемом и качеством их знаний, представлений, потребностей, интересов, которые возникают на "пересечении" обстоятельств их персонально-групповой жизни и более широких характеристик социума в целом. Так вот интерпретировать под этими углами зрения конкретные мотивы избрания респондентами тех или иных позиций в рассматриваемом исследовании сплошь и рядом весьма затруднительно, а то и вовсе невозможно.

Возьмем, к примеру, признак пола. Казалось бы, принимая во внимание предмет обсуждения, позиции женщин здесь во многих сюжетах должны были существенно отличаться от позиций мужчин – и в силу разницы положений, и в силу разницы интересов тех и других. Однако вопреки ожиданиям это предположение сбывалось в опросе лишь изредка; в

¹ Этот признак оценен в качестве более слабого в сравнении с признаком типа поселений достаточно условно, с учетом двух "свечей", которые фигурируют в двух последних колонках последней строки таблички.

большинстве же ситуаций (особенно показательными в этом отношении были ответы на вопрос о способах преодоления неравенства полов в быту) женщины вели себя в опросе точно так же, как мужчины, обнаруживая отсутствие в обществе в вопросах семьи специфически "женского" и специфически "мужского" сознания. В тех же немногих случаях, когда эти различия все же возникали, понять их действительную базу можно, увы, далеко не всегда. К примеру, вполне объяснимой представляется значительно бóльшая активность женщин в случае суждений о живучести вредных народных традиций как о главном минусе семейной жизни (высказывание 9 в таблице 1) или о необходимости преимущественного сокращения рабочего дня для женщин (высказывание 6 в таблице 4). Однако явно вне сколько-нибудь очевидной логики лежат их существенные отличающиеся от ответов мужчин ответы на вопрос о готовности молодежи к созданию семьи (суждение 1 в таблице 5) или о низком жизненном уровне населения как главной причине распада молодых семей (суждение 6 в таблице 8).

Но особенно сложными с точки зрения их более или менее убедительной и однозначной интерпретации оказываются в анализируемом исследовании, конечно же, факторы плюрализма сознания, связанные с признаком рода занятий. В этом отношении, как мы видим, коэффициенты дифференциации позиций респондентов во всех без исключения случаях были наибольшими, а во многих случаях даже беспрецедентно высокими – в 1,5–2,5 раза превышающими коэффициенты дифференциации других типов групп (таковы, в частности, ответы 10 и 13 в таблице 1, ответы 12 и 13 в таблице 2, ответ 6 в таблице 4, ответы 1 в таблицах 6 и 7, а также ответы 3, 6, 8 в таблице 8).

Разрывы между какими именно социально-профессиональными группами были тут особенно большими? В рамках только что перечисленных десяти высказываний в пяти случаях (ответы 2/12, 4/6, 6/1, 7/1 и 8/3) – между творческой интеллигенцией и колхозниками, в двух (ответы 1/10 и 1/13) – между творческой интеллигенцией и неработающими, в одном (ответ 2/13) – между творческой интеллигенцией и рабочими, в одном (ответ 8/6) – между рабочими и колхозниками и в одном (ответ 8/8) – между учащимися и колхозниками. Конечно, какие-то зависимости за всей этой картиной определенно проглядывают. Но какие именно, это вопрос. Проще простого, к примеру, было бы допустить, что в основе обсуждаемого плюрализма мнений лежит качественное различие образов жизни горожан и селян вообще. Однако такое допущение явно не покрывает всей совокупности анализируемых случаев; более того, оно активно опровергается тем обстоятельством, что в своем, так сказать, чистом виде, т. е. в группах по типу поселений, данный фактор срабаты-

вадет далеко-далеко не везде. Столь же неэффективным оказывается и другое стандартное допущение, будто бы все дело – в разнице образования интеллигенции и прочего трудового люда: ведь участвовавшие в опросе люди с высшим образованием состояли не только из лиц свободных профессий, но и из инженеров и техников, а также из многих служащих и неработающих, между тем как вербальное поведение всех этих других типов интеллигенции сплошь и рядом существенно отличалось от поведения собственно людей творческого труда.

Это значит, что решение занимающей нас теперь задачи должно быть осуществлено на каких-то иных уровнях анализа, нежели простая корреляция позиций людей с их теми или иными социально-демографическими характеристиками. И скорее всего, речь тут должна идти о выходе на некоторые **многофакторные механизмы** формирования мнений, которые складываются на пересечении одновременно множества объективных и субъективных характеристик говорящих и при этом имеют значение механизмов не всеобщих, а действующих лишь в определенных содержательных и ситуативных границах.

Вместе с тем сколь бы многократно и сложно ни было дифференцировано сознание масс в рассматриваемом исследовании, важнейшей характеристикой этого сознания является его **ярко выраженная цельность и непротиворечивость**. В сущности, через все многочисленные перипетии состоявшейся дискуссии, во всех своих разнопредметных высказываниях участники опроса настойчиво и целеустремленно проводят одну главную мысль: "ситуация с семьей в советском обществе неблагополучна" и дружно бьют тревогу по этому поводу.

Глава 6. О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ПЕРЕЖИТОЧНЫХ ЯВЛЕНИЯХ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

1. Характеристика исследования

• Цели

Как известно, одним из весьма точных, хотя и не всегда оперативных показателей изменений, происходящих в жизни общества, является язык. Возникает новое явление, и рано или поздно в лексике появляются новые термины и фразеологические обороты; исчезает явление – и постепенно уходит из активного словаря, остаются только в книгах или начинают вторую жизнь, меняя прежнее значение, обозначающие его слова. Исходя из этого, возникает принципиальная возможность: измеряя степень знакомства людей с теми или иными значениями слов, определять факт существования и – при прочих равных обстоятельствах – даже меру распространенности соответствующих этим словам (значениям) явлений.

Именно такая цель преследовалась ИОМ "КП" в рамках настоящего зондажа, проводившегося в январе – феврале 1962 г. Речь в нем шла о выяснении степени знакомства детей с понятиями (словами), которые предположительно отражали либо уже исчезнувшие, либо исчезающие, как тогда говорилось, "пережиточные" (реликтовые, анахронические) явления социальной жизни. Обследованию подлежали дети 9–10 лет, ученики 3-х классов, находившиеся в том возрасте, когда они, с одной стороны, уже достаточно развиты, чтобы воспринимать не только конкретные, но и отвлеченные понятия, а с другой – еще не успели широко общиться к книжному знанию, познакомиться с соответствующими словами из школьных учебников, "взрослых" книг и газет. Главные источники их информированности в данном случае (в условиях тогдашней неразвитости телевидения) были почти всецело связаны с их межличностными коммуникациями в кругу семьи, школьной и дворовой компании. Поэтому-то представлялся законным переход из сферы детского языка в сферу языка их родителей, а из этой последней – в сферу окружающей действительности...

• *Содержание*

В соответствии с программой в исследование были включены в общей сложности 50 слов, 14 из которых относились к сфере социально-экономических отношений (блок "а"), 12 – к сфере культурно-бытовых отношений (блок "б"), 11 – к сфере религии и так называемых народных суеверий (блок "в"), 10 – к сфере морали (блок "г") и 3 – к сфере национальных отношений (блок "д"). При этом в блоке "а" фигурировали слова: барышник, бюрократ, голь перекатная, единоличник, кустарь, лапотник, мешочник, мироед, перекупщик, подкулачник, середняк, спекулянт, спецы, частник; в блоке "б" – бедный, бесприданница, беспризорник, благодетель, блат, знахарь, лачуга, нахлебник, нищий, приживалка, старьевщик, толкучка; в блоке "в" – алтарь, благовест, богородица, венчание, говенье, домовой, исповедь, крестины, лампада, панихида, троица; в блоке "г" – взятка, лихоимец, ловкач, подхалим, склочница, скопидом, сплетня, сутяга, ханжа, холуй; и в блоке "д" – кацап, нацмен, хохол.

Весь этот словарь был составлен на основе анализа текстов газет, издававшихся в России в начале 20-х годов, словаря религиозных терминов и ряда других источников. При этом с целью облегчения задачи для юных респондентов приведенный список был разбит на две анкеты (примерно поровну во всех классах понятий), так что каждому школьнику пришлось определять не все 50, а лишь 25 слов. Из характеристик опрашиваемых фиксировались три: пол, тип поселения (город – село) и род занятий родителей.

• *Метод и техники*

Исследование выполнялось с помощью монографического метода, рассчитанного исключительно на общую, в том числе сравнительную, оценку ситуаций в городе и селе, путем сплошного опроса учеников 3-х классов трех десятков школ.

Всего было опрошено 1000 школьников – 500 городских и 500 сельских, при этом в качестве непосредственных объектов изучения были взяты школы лишь одного российского города (Комсомольск-на-Амуре, Хабаровский край) и лишь одного сельского района России (Комсомольский район Ивановской области). Оба эти пункта опроса были выбраны в силу простого сходства их имен, но с таким расчетом, что первый пункт относился к числу новых городских поселений, возникших и освоенных уже в советское время, тогда как второй символизировал традиционную сельскую жизнь страны.

В Комсомольске-на-Амуре в выборку были включены 18 школ, тяготеющих к индустриальному центру города, в Комсомольском районе – 12 школ, расположенных преимущественно в сельской местности. При этом во всех случаях фигурировали обе анкеты, в результате чего каждое понятие было определено 500 детьми – 250 городскими и 250 сельскими.

В обеих анкетах, озаглавленных "Что означают эти слова?", термины давались в алфавитном порядке. Анкетирование проводилось учителями на уроках русского языка под видом нормального (предусмотренного школьными планами) занятия.

• *Исполнители*

Программа и полевой документ исследования были разработаны Б.А. Грушиным (при участии В.В. Чикина). Руководство полевыми работами осуществлялось В.В. Чикиным, обработка (ручная) информации – Б.А. Грушиным и В.В. Чикиным.

В качестве консультантов исследования выступили академик В.В. Виноградов, научные сотрудники Института языкознания АН СССР Л. Скворцов и Л. Крысин, детские писатели А.Л. Барто, Л.А. Кассиль и С.В. Михалков.

2. Мнения *pro* и *contra*

Ответы на вопрос:

Что означают эти слова?

Алтарь

- Человек, который живет на Алтае* (г)¹
- Место в церкви, где переодевается поп* (с)
- Есть такой камень, весь светится* (г)
- Футболист, который стоит на воротах и ловит мяч* (г)

Барышник

- Взрослый дядя ухаживает за барышнями, а на работу не ходит* (г)
- Кусты такие в лесу, на них ягоды красные, а есть нельзя* (г)
- Человек, который покупает вещи, например, за пять рублей, а продает за семь, и у него остается два рубля. Это его барыш* (с)

¹ Ответы городских школьников помечены индексом "г", сельских – "с".

- Барашков стережет в горах, ходит и поет песни (г)*

Бесприданница

- Девушка, которая выходит замуж, а у нее нет дивана (с)*
- Приданое – это, например, зеркальце: "Ей в приданое дано было зеркальце одно". А бесприданница – у нее ничего нет (г)*
- Если не предательница, это и есть бесприданница (г)*

Благодетель

- Верит в бога как священник (г)*

Блат

- Когда человек подружился с продавцами и берет все без очереди (с)*

Богородица

- Женщина работает на огороде, сажает капусту, огурцы (г)*

Бюрократ

- Человек с портфелем (г)*
- Человек, который выступает на бюро (с)*
- Человек, который других критикует, а сам критики не любит (г)*
- Меня набил один мальчик, и мама назвала его бюрократом (г)*
- Папа в отпуск хотел ехать, а его не пустили (г)*

Взятка

- Это когда деньги потихоньку дают, чтобы никто не видел (г)*
- Когда белогвардейцы убивают рабочих или берут их в плен (с)*

Говенье

- Когда бабушки не кушают мясное и молочное (с)*
- Когда человек ничего не ест и у него делается рак. Желудок у такого человека засыхает. Надо всегда есть первое (с)*
- Это значит говядину продают (г)*

Голь перекатная

- Море бушует (г)*
- Это еще по-другому называется: перекасти-поле (г)*
- Мост, по которому катают бочки (г)*
- Полянка, когда люди загорают (с)*

Домовой

- Человек, который управляет домом (г)*
- Мужчина, который будит того, кто крепко заснет; сейчас его нет, потому что мало верят в бога (с)*
- Это ветер, дующий в трубу. А тот, кто в комнате сидит, звук слышит (с)*
- Кто на работу не ходит, а дома все время сидит (г)*
- Дяденька, который дома помогает посуду мыть (г)*
- Это в старину придумывали домовых и водяных. Это выдумка, а на самом деле их нет (г)*

Единоличник

- Выкрикивает на уроке (г)*
- И отец, и мать одно лицо. Сын в них уродился (г)*

Знахарь

- Это который все знает; Колю Курочкина можно назвать знахарем, он многое знает (г)*

Кацап

- Это ногти у зверей, особенно у медведей (г)*
- Человек, который все цапает, когда никого нет (г)*
- Цапля (с)*

Крестины

- Крестили Витю, позвали бабушку, налили в таз воды, дядя взял братика, тетя принесла свечи – и все ходили вокруг таза (г)*

Кустарь

- Один вкалывает (г)*

- Человек, который имеет свою лавку. Он там торгует (с)
- Место, где непроходимое болото, там растет кустарь (с)
- Он за садом ухаживает (с)

Лапотник

- Это крестьянин бедный, который ходил в лаптях (с)
- Лапы у него болят. Например, у медведя, когда он занозу сделает (г)
- Лапник, который растет в лесу (с)

Мироед

- Враг, который уничтожает хороших людей, или кровопивец (г)
- Есть такие артисты, очень смешные (г)
- Люди, которые хотят войны, например фашисты (г)
- Муравьев есть (г)
- Съесть весь мир хочет (с)

Нахлебник

- Это человек, который не работает, а только ест (с)
- Ученик, который всегда все просит (с)
- Лопата, при помощи которой хлеб засовывают (г)
- Мать работает, а сын или дочь не работает, а хлеб ест (г)

Панихида

- Высокая, худая, плохо одетая женщина (г)
- У пана жена, ее зовут "панихида" (г)
- Кто-нибудь крикнет, панику пустит, а все убегают (г)

Подкулачник

- У кулака работает в помощниках (г)
- У него много хлеба, в землю его закопал, а бедным не дает (с)
- Два мальчика дрались, третий подбежал и стал заступаться за одного. Третий мальчик – подкулачник (г)
- Лошадям копыта подковывает (г)
- Человек не хочет работать, а когда кулак покажут, он сразу все сделает (г)

Подхалим

- Ученик, которому ставят пятерки, а когда он переходит в следующий класс, так с этой учительницей не здоровается (с)
- Тот, кто живет на Сахалине (г)

Середняк

- В царское время были – один богатый, другой бедный, а третий середняк. Как старший брат, младший и средний (г)
- Мальчику лет 5–6, вообще молодой (г)
- Человек, который приехал из "средней" Америки, например в Южную (г)
- Это остров, посреди реки, на Амуре таких много (г)
- Три брата, и средний среди них (с)

Склочница

- Пшеница, когда колосья тяжелые, склоняется к земле (г)
- Кто-нибудь, например, деньги собирает и складывает в склочницу (г)
- Я рассказала маме, как плохо ребята ведут себя на перемене, а мама говорит: "Склочница" (г)
- Я читал в одном журнале рассказ "Радость склочника". Он говорил: "Хи-хи, мостик-то разводится!" Склочник – это человек, который строит мост, чтобы не разводился (г)

Скопидом

- Помещение, где много людей (г)
- Очиститель пятен (г)
- Человек, который строит дом (с)
- Дом, куда люди деньги несут, это вроде сберегательной кассы (г)

Спекулянт

- Человек, который торгует на базаре, продает дороже, чем сам купил в магазине (г)
- Купит и продает за большую цену (с)

Спецы

- Человек, который работает только по своему делу (г)
- Тот, кто ремонтирует часы и дергает зубы (г)
- Когда овощи в суп заправляют (г)

Сплетня

- Сплетничать нехорошо. Меня мама всегда ругает. Она говорит: кто сплетничает, у того язык отсохнет (г)
- Врет на других (г)

Сутяга

- Человек, который выращивает утят (с)
- Человек, который всегда скучает (г)
- Стиляга (г)
- Судья на футбольном матче (с)
- Человек, которого посадили в тюрьму на сутки (г)
- Человек тянет бревно или тяжелый камень (г)

Толкучка

- Базар (с)
- Когда бывает война, все собираются в кучу (с)
- Много людей толпятся, чтобы посмотреть на какую-нибудь картину или объявление (г)
- Мятая вареная картошка (с)
- Толпа (г)

Троица

- Тройка, которая бежала в Сибирь, когда ссылали (с)
- Отметка тройка (г)
- По трое воруют (г)
- Праздник такой, гуляют, песни поют, пьют водку (с)
- Три человека (г)

Ханжа

- Жилище круглое (г)
- Это тетеньку так зовут, злую женщину (г)
- Жена хана (г)
- Сердитый человек, сидит на ковре, поджав ноги, на всех кричит, убить может (г)

Хохол

- Человек, который приезжает из какого-нибудь города и говорит не по-русски; у нас папку называют хохлом (г)
- Прическа, которую делают девушки (с)
- Украинец, который живет в деревне (г)
- Человек, который не выговаривает буквы "Ы" (с)

3. Количественные результаты исследования

Сохранившиеся в архивах материалы с количественными результатами опроса представляют собой:

а) рукописные таблицы с промежуточными (по каждому пункту опроса) распределениями ответов (16 крупноформатных листов);

б) сводные рукописные таблицы с распределением ответов по массиву опрошенных в целом (7 крупноформатных листов).

После содержательной реконструкции и компьютерной обработки этой информации все заключенные в ней данные удалось представить в пяти таблицах.

Таблицы 1–3 дают общую картину ответов на вопрос: "Что означают эти слова?" – по массиву в целом и двум основным группам опрошенных (городские и сельские школьники).

Таблицы 4–5 представляют картину верных и примерно верных определений слов соответственно в % к общему объему групп, а также по рангам, в порядке убывания знаний.

Таблица 1. Общая картина ответов на вопрос "Что означают эти слова?"
(в % к числу опрошенных в целом, n = 500)

Слова (по алфавиту)	1	2	1+2	3	4	3+4
1. Алтарь	0,8	0,4	1,2	18,4	80,4	98,8
2. Барышник	2,8	4,0	6,8	20,4	72,8	93,2
3. Бедный	84,2	6,6	90,8	3,6	5,6	9,2
4. Бесприданница	9,4	4,4	13,8	12,0	74,2	86,2
5. Беспризорник	47,8	19,2	67,0	12,6	20,4	33,0
6. Благовест	0,0	0,8	0,8	21,6	77,6	99,2
7. Благодетель	2,6	8,4	11,0	21,4	67,6	89,0
8. Блат	18,4	12,8	31,2	12,0	56,8	68,8
9. Богородица	1,8	4,8	6,6	24,2	69,2	93,4
10. Бюрократ	0,2	2,0	2,2	24,4	73,4	97,8
11. Венчание	33,0	6,4	39,4	9,4	51,2	60,6
12. Взятка	3,6	6,6	10,2	54,4	35,4	89,8
13. Говенье	6,2	3,2	9,4	13,4	77,2	90,6
14. Голь перекатная	2,2	0,4	2,6	15,2	82,2	97,4
15. Домовой	3,2	6,6	9,8	55,8	34,4	90,2
16. Единоличник	4,6	15,0	19,6	38,8	41,6	80,4
17. Знахарь	3,8	1,4	5,2	64,4	30,4	94,8
18. Исповедь	2,0	2,4	4,4	14,8	80,8	95,6
19. Кацап	1,2	0,4	1,6	18,6	79,8	98,4
20. Крестины	19,2	10,6	29,8	28,8	41,4	70,2
21. Кустарь	1,6	0,4	2,0	62,0	3,6	98,0
22. Лампада	6,2	1,8	8,0	39,0	53,0	92,0
23. Лапотник	1,2	2,2	3,4	64,2	32,4	96,6
24. Лачуга	35,0	17,6	52,6	8,0	39,4	47,4
25. Лихоимец	0,2	1,4	1,6	36,0	62,4	98,4

1 – верный ответ

2 – примерно верный ответ

3 – ошибочный ответ

4 – затруднились ответить

Слова (по алфавиту)	1	2	1+2	3	4	3+4
26. Ловкач	0,6	1,8	2,4	81,0	16,6	97,6
27. Мешочник	0,4	2,6	3,0	69,6	27,4	97,0
28. Мироед	1,0	3,8	4,8	27,2	68,0	95,2
29. Нахлебник	21,4	8,4	29,8	41,6	28,6	70,2
30. Нацмен	2,0	2,0	4,0	18,8	77,2	96,0
31. Нищий	65,2	11,4	76,6	9,8	13,6	23,4
32. Панихида	2,2	1,4	3,6	11,6	84,8	96,4
33. Перекупщик	43,4	13,0	56,4	9,6	34,0	43,6
34. Подкулачник	6,6	17,4	24,0	39,6	36,4	76,0
35. Подхалим	9,4	8,4	17,8	29,6	52,6	82,2
36. Приживалка	3,4	4,8	8,2	38,0	53,8	91,8
37. Средняк	5,8	4,4	10,2	21,8	68,0	89,8
38. Склочница	3,6	2,4	6,0	25,0	69,0	94,0
39. Скопидом	5,4	2,0	7,4	16,0	76,6	92,6
40. Спекулянт	35,6	22,2	57,8	21,0	21,2	42,2
41. Спецы	2,0	2,6	4,6	22,8	72,6	95,4
42. Сплетня	43,6	18,6	62,2	11,6	26,2	37,8
43. Старьевщик	33,2	3,4	36,6	30,0	33,4	63,4
44. Сутяга	0,4	1,2	1,6	17,6	80,8	98,4
45. Толкучка	1,2	1,2	2,4	78,2	19,4	97,6
46. Троица	10,2	17,4	27,6	45,0	27,4	72,4
47. Ханжа	0,0	1,0	1,0	23,6	75,4	99,0
48. Холуй	0,6	1,2	1,8	14,4	83,8	98,2
49. Хохол	18,4	12,6	31,0	35,2	33,8	69,0
50. Частник	2,0	1,4	3,4	45,8	50,8	96,6

Таблица 2. Ответы на вопрос "Что означают эти слова?" городских школьников (% к числу опрошенных, $n\Gamma = 250$)

Слова (по алфавиту)	1	2	1+2	3	4	3+4
1. Алтарь	0,4	0,4	0,8	22,4	76,8	99,2
2. Барышник	1,6	3,6	5,2	27,2	67,6	94,8
3. Бедный	85,6	8,4	94,0	4,4	1,6	6,0
4. Бесприданница	7,6	4,8	12,4	20,0	67,6	87,6
5. Беспризорник	50,0	29,6	79,6	14,0	6,4	20,4
6. Благовест	0,0	1,2	1,2	28,0	70,8	98,8
7. Благодетель	5,2	12,4	17,6	26,8	55,6	82,4
8. Блат	30,8	20,4	51,2	13,6	35,2	48,8
9. Богородица	0,8	2,8	3,6	31,6	64,8	96,4
10. Бюрократ	0,4	3,2	3,6	33,2	63,2	96,4
11. Венчание	40,4	6,8	47,2	13,6	39,2	52,8
12. Взятка	4,8	6,8	11,6	64,8	23,6	88,4
13. Говенье	0,4	0,8	1,2	13,6	85,2	98,8
14. Голь перекатная	2,4	0,8	3,2	23,2	73,6	96,8
15. Домовой	4,0	10,8	14,8	69,6	15,6	85,2
16. Единоличник	5,2	17,2	22,4	48,4	29,2	77,6
17. Знахарь	4,4	0,8	5,2	69,6	25,2	94,8
18. Исповедь	3,6	4,4	8,0	18,4	73,6	92,0
19. Кацап	1,6	0,4	2,0	26,4	71,6	98,0
20. Крестины	23,6	16,4	40,0	35,2	24,8	60,0
21. Кустарь	2,8	0,8	3,6	67,6	28,8	96,4
22. Лампада	3,6	2,4	6,0	38,0	56,0	94,0
23. Лапотник	1,2	3,6	4,8	77,6	17,6	95,2
24. Лачуга	28,8	8,4	37,2	12,8	50,0	62,8
25. Лихоимец	0,4	2,4	2,8	63,2	34,0	97,2

1 – верный ответ

2 – примерно верный ответ

3 – ошибочный ответ

4 – затруднились ответить

Слова (по алфавиту)	1	2	1+2	3	4	3+4
26. Ловкач	1,2	2,0	3,2	88,0	8,8	96,8
27. Мешочник	0,4	5,2	5,6	77,2	17,2	94,4
28. Мироед	1,6	7,2	8,8	38,0	53,2	91,2
29. Нахлебник	30,8	15,2	46,0	40,4	13,6	54,0
30. Нацмен	0,8	2,8	3,6	24,8	71,6	96,4
31. Нищий	83,6	10,0	93,6	2,8	3,6	6,4
32. Панихида	3,2	1,6	4,8	16,8	78,4	95,2
33. Перекупщик	51,6	20,4	72,0	10,0	18,0	28,0
34. Подкулачник	8,8	16,0	24,8	52,0	23,2	75,2
35. Подхалим	15,2	8,8	24,0	41,6	34,4	76,0
36. Приживалка	5,2	7,6	12,8	44,8	42,4	87,2
37. Середняк	4,4	1,2	5,6	28,0	66,4	94,4
38. Сключница	6,8	3,6	10,4	38,0	51,6	89,6
39. Скопидом	9,6	2,4	12,0	26,4	61,6	88,0
40. Спекулянт	43,2	25,2	68,4	22,4	9,2	31,6
41. Спецы	3,2	3,2	6,4	33,2	60,4	93,6
42. Сплетня	60,4	16,4	76,8	11,2	12,0	23,2
43. Старьевщик	35,2	5,2	40,4	37,2	22,4	59,6
44. Сутяга	0,8	2,0	2,8	28,0	69,2	97,2
45. Толкучка	1,2	2,0	3,2	90,4	6,4	96,8
46. Троица	13,2	11,2	24,4	53,6	22,0	75,6
47. Ханжа	0,0	0,8	0,8	34,0	65,2	99,2
48. Холуй	1,2	2,0	3,2	22,0	74,8	96,8
49. Хохол	22,8	20,4	43,2	34,0	22,8	56,8
50. Частник	1,6	2,4	4,0	57,2	38,8	96,0

Таблица 3. Ответы на вопрос "Что означают эти слова?" сельских школьников (в % к числу опрошенных, mC = 250)

Слова (по алфавиту)	1	2	1+2	3	4	3+4
1. Алтарь	1,2	0,4	1,6	14,4	84,0	98,4
2. Барышник	4,0	4,4	8,4	13,6	78,0	91,6
3. Бедный	82,8	4,8	87,6	2,8	9,6	12,4
4. Бесприданница	11,2	4,0	15,2	4,0	80,8	84,8
5. Беспризорник	45,6	8,8	54,4	11,2	34,4	45,6
6. Благовест	0,0	0,4	0,4	15,2	84,4	99,6
7. Благодетель	0,0	4,4	4,4	16,0	79,6	95,6
8. Блат	6,0	5,2	11,2	10,4	78,4	88,8
9. Богородица	2,6	6,8	9,6	16,8	73,6	90,4
10. Бюрократ	0,0	0,8	0,8	15,6	83,6	99,2
11. Венчание	25,6	6,0	31,6	5,2	63,2	68,4
12. Взятка	2,4	6,4	8,8	44,0	47,2	91,2
13. Говенье	12,0	5,6	17,6	13,2	69,2	82,4
14. Голь перекатная	2,0	0,0	2,0	7,2	90,8	98,0
15. Домовой	2,4	2,4	4,8	42,0	53,2	95,2
16. Единоличник	4,0	12,8	16,8	29,2	54,0	83,2
17. Знахарь	3,2	2,0	5,2	59,2	35,6	94,8
18. Исповедь	0,4	0,4	0,8	11,2	88,0	99,2
19. Кацап	0,8	0,4	1,2	10,8	88,0	98,8
20. Крестины	14,8	4,8	19,6	22,4	58,0	80,4
21. Кустарь	0,4	0,0	0,4	56,4	43,2	95,6
22. Лампада	8,8	1,2	10,0	40,0	50,0	90,0
23. Лапотник	0,4	0,8	1,2	50,8	48,0	98,8
24. Лачуга	41,2	26,8	68,0	3,2	28,8	32,0
25. Лихоимец	0,0	0,4	0,4	8,8	90,8	99,6

1 – верный ответ

2 – примерно верный ответ

3 – ошибочный ответ

4 – затруднились ответить

Слова (по алфавиту)	1	2	1+2	3	4	3+4
26. Ловкач	0,0	1,6	1,6	74,0	24,4	98,4
27. Мешочник	0,4	0,0	0,4	62,0	37,6	99,6
28. Мироед	0,4	0,4	0,8	16,4	82,8	99,2
29. Нахлебник	12,0	1,6	13,6	42,8	43,6	86,4
30. Нацмен	3,2	1,2	4,4	12,8	82,8	95,6
31. Нищий	46,8	12,8	59,6	16,8	23,6	40,4
32. Панихида	1,2	1,2	2,4	6,4	91,2	97,6
33. Перекупщик	35,2	5,6	40,8	9,2	50,0	59,2
34. Подкулачник	4,4	18,8	23,2	27,2	49,6	76,8
35. Подхалим	3,6	8,0	11,6	17,6	70,8	88,4
36. Приживалка	1,6	2,0	3,6	31,2	65,2	96,4
37. Середняк	7,2	7,6	14,8	15,6	69,6	85,2
38. Сключница	0,4	1,2	1,6	12,0	86,4	98,4
39. Скопидом	1,2	1,6	2,8	5,6	91,6	97,2
40. Спекулянт	28,0	19,2	47,2	19,6	33,2	52,8
41. Спецы	0,8	2,0	2,8	12,4	84,8	97,2
42. Сплетня	26,8	20,8	47,6	12,0	40,4	52,4
43. Старьевщик	31,2	1,6	32,8	22,8	44,4	67,2
44. Сутяга	0,0	0,4	0,4	7,2	92,4	99,6
45. Толкучка	1,2	0,4	1,6	66,0	32,4	98,4
46. Троица	7,2	23,6	30,8	36,4	32,8	69,2
47. Ханжа	0,0	1,2	1,2	13,2	85,6	98,8
48. Холуй	0,0	0,4	0,4	6,8	92,8	99,6
49. Хохол	14,0	4,8	18,8	36,4	44,8	81,2
50. Частник	2,4	0,4	2,8	34,4	62,8	97,2

Таблица 4. Суммарная картина верных и примерно верных определений слов, данных опрошенными (в % к числу опрошенных; n = 500, mГ = 250, mС = 250)

Слова (по алфавиту)	В целом	Город	Село
1. Алтарь	1,2	0,8	1,6
2. Барышник	6,8	5,2	8,4
3. Бедный	90,8	94,0	87,6
4. Бесприданница	13,8	12,4	15,2
5. Беспризорник	67,0	79,6	54,4
6. Благовест	0,8	1,2	0,4
7. Благодетель	11,0	17,6	4,4
8. Блат	31,2	51,2	11,2
9. Богородица	6,6	3,6	9,6
10. Бюрократ	2,2	3,6	0,8
11. Венчание	39,4	47,2	31,6
12. Взятка	10,2	11,6	8,8
13. Говенье	9,4	1,2	17,6
14. Голь перекатная	2,6	3,2	2,0
15. Домовой	9,8	14,8	4,8
16. Единоличник	19,6	22,4	16,8
17. Знахарь	5,2	5,2	5,2
18. Исповедь	4,4	8,0	0,8
19. Кацап	1,6	2,0	1,2
20. Крестины	29,8	40,0	19,6
21. Кустарь	2,0	3,6	0,4
22. Лампада	8,0	6,0	10,0
23. Лапотник	3,0	4,8	1,2
24. Лачуга	52,6	37,2	68,0
25. Лихоимец	1,6	2,8	0,4

Слова (по алфавиту)	В целом	Город	Село
26. Ловкач	2,4	3,2	1,6
27. Мешочник	3,0	5,6	0,4
28. Мироед	4,8	8,8	0,8
29. Нахлебник	29,8	46,0	13,6
30. Нацмен	4,0	3,6	4,4
31. Нищий	76,6	93,6	59,6
32. Панихида	3,6	4,8	2,4
33. Перекупщик	56,4	72,0	40,8
34. Подкулачник	24,0	24,8	23,2
35. Подхалим	17,8	24,0	11,6
36. Приживалка	8,2	12,8	3,6
37. Середняк	10,2	5,6	14,8
38. Склочница	6,0	10,4	1,6
39. Скопидом	7,4	12,0	2,8
40. Спекулянт	57,8	68,4	47,2
41. Спецы	4,6	6,4	2,8
42. Сплетня	62,2	76,8	47,6
43. Старьевщик	36,6	40,4	32,8
44. Суяга	1,6	2,8	0,4
45. Толкучка	2,4	3,2	1,6
46. Троица	27,6	24,4	30,8
47. Ханжа	1,0	0,8	1,2
48. Холуй	1,8	3,2	0,4
49. Хохол	31,0	43,2	18,8
50. Частник	3,4	4,0	2,8

Таблица 5а. Суммарная картина верных и примерно верных определений слов, данных опрошенными в целом (по рангам, в порядке убывания значений, с указанием % к $n = 500$)

1. Бедный (90,8)	26. Скопидом (7,4)
2. Нищий (76,6)	27. Барышник (6,8)
3. Беспризорник (67,0)	28. Богородица (6,6)
4. Сплетня (62,2)	29. Склочница (6,0)
5. Спекулянт (57,8)	30. Знахарь (5,2)
6. Перекупщик (56,4)	31. Мироед (4,8)
7. Лачуга (52,6)	32. Спецы (4,6)
8. Венчание (39,4)	33. Исповедь (4,4)
9. Старьевщик (36,6)	34. Нацмен (4,0)
10. Блат (31,2)	35. Панихида (3,6)
11. Хохол (31,0)	36–37. Лапотник (3,4)
12–13. Крестины (29,8)	36–37. Частник (3,4)
12–13. Нахлебник (29,8)	38. Мешочник (3,0)
14. Троица (27,6)	39. Голь перекатная (2,6)
15. Подкулачник (24,0)	40–41. Ловкач (2,4)
16. Единоличник (19,6)	40–41. Толкучка (2,4)
17. Подхалим (17,8)	42. Бюрократ (2,2)
18. Бесприданница (13,8)	43. Кустарь (2,0)
19. Благодетель (11,0)	44. Холуй (1,8)
20–21. Взятка (10,2)	45–47. Кацап (1,6)
20–21. Середняк (10,2)	45–47. Лихоимец (1,6)
22. Домовой (9,8)	45–47. Сутяга (1,6)
23. Говенье (9,4)	48. Алтарь (1,2)
24. Приживалка (8,2)	49. Ханжа (1,0)
25. Лампада (8,0)	50. Благовест (0,8)

Таблица 56. Суммарная картина верных и примерно верных определений слов, данных городскими и сельскими школьниками (по рангам, в порядке убывания знаний, с указанием % к $m\Gamma = 250$ и $mC = 250$)

Город	Село
1. Бедный (94,0)	1. Бедный (87,6)
2. Нищий (93,6)	2. Лачуга (68,0)
3. Беспризорник (79,6)	3. Нищий (59,6)
4. Сплетня (76,8)	4. Беспризорник (54,4)
5. Перекупщик (72,0)	5. Сплетня (47,6)
6. Спекулянт (68,4)	6. Спекулянт (47,2)
7. Блат (51,2)	7. Перекупщик (40,8)
8. Венчание (47,2)	8. Старьевщик (32,8)
9. Нахлебник (46,0)	9. Венчание (31,6)
10. Хохол (43,2)	10. Троица (30,8)
11. Старьевщик (40,4)	11. Подкулачник (23,2)
12. Крестины (40,0)	12. Крестины (19,6)
13. Лачуга (37,2)	13. Хохол (18,8)
14. Подкулачник (24,8)	14. Говенье (17,6)
15. Троица (24,4)	15. Единоличник (16,8)
16. Подхалим (24,0)	16. Бесприданница (15,2)
17. Единоличник (22,4)	17. Середняк (14,8)
18. Благодетель (17,6)	18. Нахлебник (13,6)
19. Домовой (14,8)	19. Подхалим (11,6)
20. Приживалка (12,8)	20. Блат (11,2)
21. Бесприданница (12,4)	21. Лампада (10,0)
22. Скопидом (12,0)	22. Богородица (9,6)
23. Взятка (11,6)	23. Взятка (8,8)
24. Склочница (10,4)	24. Барышник (8,4)
25. Мироед (9,8)	25. Знахарь (5,2)
26. Исповедь (8,0)	26. Домовой (4,8)

Город	Село
27. Спецы (6,4)	27–28. Благодетель (4,4)
28. Лампада (6,0)	27–28. Нацмен (4,4)
29–30. Мешочник (5,6)	29. Приживалка (3,6)
29–30. Середняк (5,6)	30–32. Скопидом (2,8)
31–32. Барышник (5,2)	30–32. Спецы (2,8)
31–32. Знахарь (5,2)	30–32. Частник (2,8)
33–34. Лапотник (4,8)	33. Панихида (2,4)
33–34. Панихида (4,8)	34. Голь перекатная (2,0)
35. Частник (4,0)	35–38. Алтарь (1,6)
36–39. Богородица (3,6)	35–38. Ловкач (1,6)
36–39. Бюрократ (3,6)	35–38. Склочница (1,6)
36–39. Кустарь (3,6)	35–38. Толкучка (1,6)
36–39. Нацмен (3,6)	39–41. Кацап (1,2)
40–43. Голь перекатная (3,2)	39–41. Лапотник (1,2)
40–43. Ловкач (3,2)	39–41. Ханжа (1,2)
40–43. Толкучка (3,2)	42–44. Бюрократ (0,8)
40–43. Холуй (3,2)	42–44. Исповедь (0,8)
44–45. Лихоимец (2,8)	42–44. Мироед (0,8)
44–45. Сутяга (2,8)	45–50. Благовест (0,4)
46. Кацап (2,0)	45–50. Кустарь (0,4)
47–48. Благовест (1,2)	45–50. Лихоимец (0,4)
47–48. Говень (1,2)	45–50. Мешочник (0,4)
49–50. Алтарь (0,8)	45–50. Сутяга (0,4)
49–50. Ханжа (0,8)	45–50. Холуй (0,4)

4. Краткий комментарий к результатам исследования

В практике деятельности ИОМ "КП" опрос "Что означают эти слова?" занимает особое место и не имеет аналогов. Он неповторим прежде всего по своему **объекту**, поскольку был обращен не к взрослому населению страны, а к детям; затем по своему **предмету**, поскольку в отличие от всех остальных опросов был направлен не на выяснение *мнений* опрашиваемых по тем или иным вопросам, а исключительно на измерение их *знаний* о действительности; и наконец, по **типу** полученной **информации**, поскольку последняя в основной своей массе касалась сюжетов, весьма и весьма далеких от тех, которыми обычно занимаются полтеры и которые так или иначе связаны с состоянием в обществе умов и настроений.

Главными из этих сюжетов были, конечно же, особенности формирования детского сознания, технологии освоения вступающими в жизнь новыми членами общества окружающих их форм бытия и духа, реализуемые в сфере и средствами родного языка. Десятки и сотни зафиксированных в исследовании ошибок и курьезов в толковании 9–10-летними респондентами малознакомых или вовсе незнакомых им слов – прекрасный эмпирический материал для педагогов, психологов и лингвистов в анализе процессов становления и развития детской речи, детского мышления и детской психики. *"Результаты интересного опроса, проведенного "Комсомольской правдой" среди школьников-третьеклассников, – писал по этому поводу один из консультантов исследования, известный детский писатель Л.А. Кассиль, – еще раз заставят даже тех, кто хорошо знает детей, удивиться удивительной восприимчивости детского слуха, свободе и стремительности, с которой дети улавливают и мгновенно по-своему переосмысливают ставшие уже не совсем привычными для нашего языка слова"*¹.

Не менее важными и интересными, надо признать, были также и те полученные в исследовании сведения, которые с той или иной степенью надежности говорили о социально-культурной динамике развития страны за минувшие 4–5 десятилетий, а также отмечали меру распространенности в обществе разного рода негативных или нежелательных (с позиций социалистической доктрины) явлений из числа так называемых пережитков прошлого в сознании и поведении людей. Обратившись, к примеру, к данным таблицы 5а, можно с определенными оговорками утверждать, что

¹ *Лев Кассиль. Их глазами. – "Комсомольская правда", 2 августа 1964 г.*

в сравнении с 20-ми годами (лексика которых легла в основу фигурировавшего в исследовании словаря) общество в значительной степени, а то и полностью покончило с "кустарями" и "мешочниками", "спецами" и "мироедами" и вместе с тем сохранило – причем не только в виде реликтов, но и в качестве своих собственных, органических атрибутов – "бедных" и "сплетников", "спекулянтов" и "подхалимов". Прислушиваясь "к тому, как ребята воспринимают, трактуют многие слова, на которых лежит след, уводящий в далекое или недавнее прошлое", комментировал эту сторону дела создатель знаменитого "Кондуита и Швамбрании", следует понимать, что "речь идет тут не только о свежести и неожиданном своеобразии детского восприятия, но и о тех великих социальных сдвигах, которые произошли в нашей стране и уже вытеснили из детских представлений о жизни многие понятия или заставили их приобрести совсем иное смысловое звучание... Тут, пожалуй, можно безбоязненно применить старое изречение о том, что часто "устаи младенцев глаголет истина!". Вместе с тем "у детей имеется верное представление о персонажах, еще не ушедших, к сожалению, из нашей жизни. Честное слово, было бы куда приятнее, если бы на вопрос о том, что значат слова "блат" или "нахлебник", ребята отвечали бы с меньшей осведомленностью"¹.

И все же, вне всякого сомнения, рассматриваемое исследование проливало определенный свет и на собственно массовое сознание тогдашних россиян, что делает вполне оправданным его включение в настоящее издание. При этом интересующий нас предмет высвечивается тут как бы в двух пластах, или на двух уровнях его существования: во-первых, на уровне, так сказать, детского массового сознания, т. е. сознания самих школьников, участвовавших в опросе, и, во-вторых, на уровне сознания их родителей или шире – взрослого окружения, откуда юные респонденты преимущественно черпали свои сведения об обсуждаемых предметах.

Очевидно, в первом случае из десяти предусмотренных программой анализа характеристик массового сознания в имеющейся информации представлена лишь одна – **уровень знаний** опрошенных, мера их знакомства с предметами обсуждения. И, как свидетельствует таблица 1, этот уровень был в общем и целом **весьма низким**: свыше 50% школьников дали верные или примерно верные определения лишь семи (а полностью верных и вовсе лишь двух!) понятий из обсуждавшихся 50, а свыше

¹ Там же.

30% – лишь 11 понятий, тогда как 20 понятий из 50 были верно или примерно верно определены менее чем 5% опрошенных. В более общем виде та же оценка вытекает и из таких показателей: по всему массиву респондентов средний процент верных и примерно верных ответов равнялся в целом 18,3, а по отдельным блокам понятий соответственно: в сфере социально-экономических отношений – 14,3; в сфере культурно-бытовых отношений – 35,4; в сфере морали – 11,2; в сфере религии – 12,8 и в сфере национальных отношений – 12,2.

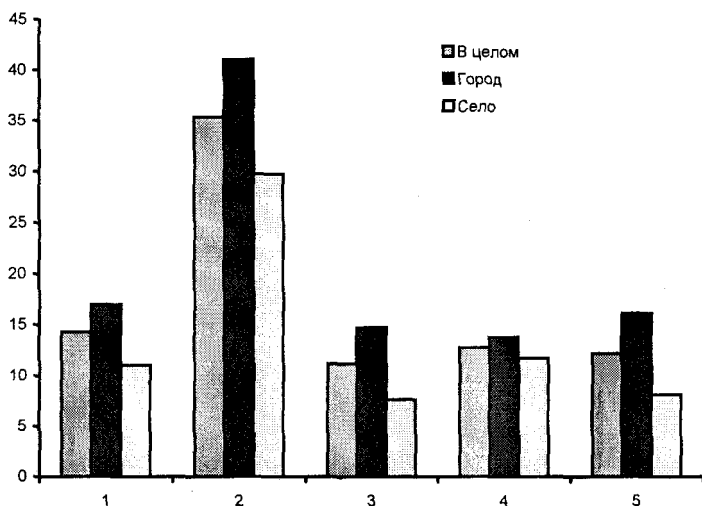
Важной особенностью зафиксированной картины являются также заметные, чтоб не сказать существенные, различия в уровнях знаний городских и сельских школьников при устойчивом превосходстве первых над вторыми. Наглядным образом эти различия представлены на графике 1, в цифрах же (полученных на основе таблиц 2 и 3) они выглядят так: средний процент верных и примерно верных ответов составляет по всему словарю в городе 21,6, тогда как в деревне – 15,0; по отдельным же блокам понятий пары этих показателей имеют значения: в сфере социально-экономических отношений – соответственно 17,0 и 11,6; в сфере культурно-бытовых отношений – 41,1 и 29,8; в сфере морали – 14,8 и 7,6; в сфере религии – 13,8 и 11,7 и в сфере национальных отношений – 16,3 и 8,1.

При детальном взгляде на вещи (см. таблицу 4) выясняется, что отмечаемое превосходство третьеклассников-горожан не является абсолютным, т. е. не распространяется на все без исключения обсуждаемые лексические единицы: они с большей или меньшей силой опережают селян в определениях 38 слов, но уступают им в определениях 11 (особенно сильно при толковании таких слов, как "говенье", "богородица", "средняк")¹. И это обстоятельство подводит нас к проблеме оснований обнаруженных различий. При ее решении, как кажется, вполне можно допустить, что в ряде случаев природа такой дифференциации (как, впрочем, и разного уровня информированности респондентов в отношении тех или иных конкретных явлений [понятий] в целом) напрямую связана с большей и меньшей распространенностью соответствующих явлений, будь то в обществе в целом либо в городе или деревне в частности. Так, к примеру, вполне логичным представляется допущение, что большая осведомленность школьников из Комсомольска-на-Амуре – в таких сюжетах, как "блат", "спекулянт", "взятка", а возможно, и "бюрократ", а их сверстников из Ивановской области – в таких сюжетах, как

¹ Одно слово – "знахарь" – верно толкуется в обеих группах равным количеством опрошенных.

"богородица", "говенье", "троица", а возможно, и "лачуга", отражала определенную специфику городской и сельской жизни того времени, определенные различия в социальных (экономических, бытовых, религиозных и иных) практиках тогдашних горожан и селян.

График 1. Количество верных и примерно верных определений в среднем для каждой группы слов (в % к числу опрошенных)

Сферы

- 1 – социально-экономических отношений
- 2 – культурно-бытовых отношений
- 3 – морали
- 4 – религии
- 5 – национальных отношений

Однако, с другой стороны, совершенно очевидно, что названная связь имела тут весьма ограниченный характер, т. е. срабатывала именно лишь в ряде случаев, а вовсе не на всем пространстве обсуждаемых предметов. Нелепо ведь полагать, что в молодом советском городе в начале 60-х годов было больше бедных людей, равно как склочников и сплетников, нежели в традиционной российской глубинке. А кроме того, вопреки всякой логике сельские школьники демонстрировали меньшую осведомленность, нежели их городские сверстники, и во множестве из тех сюже-

тов, которые относились, так сказать, преимущественно к разряду "деревенских" – скажем, касались группы терминов, связанных со сферой религии и так называемых религиозных предрассудков, наиболее распространенных в то время именно в сельской местности (ср. слова "благовест", "венчание", "домовой", "исповедь", "крестины", "панихида"), или с относительно недавним историческим прошлым как раз российской деревни (ср. слова "единоличник", "лапотник", "миroeд", "подкулачник"). Стало быть, дело тут было не столько в разнице *объективных положений* городских и сельских школьников, не в несовпадении того, что составляло реальный контекст их жизни и жизни их родителей, а в чем-то другом. И скорее всего – в специфике общей *культурной среды*, в которой обрелись юные участники опроса, в различии уровней общего кругозора и объемов средств языкового общения тех взрослых, которые так или иначе, целенаправленно либо непреднамеренно формировали когнитивный, духовный мир подрастающего поколения. То есть, иными словами, – в особенностях массового сознания взрослого населения страны, в той или иной мере и в той или иной форме отражавшегося в массовом сознании детей.

Каким предстает в рассматриваемом исследовании этот второй, базовый пласт массового сознания тогдашних россиян? Увы, снова весьма *усеченным, неполным*, если иметь в виду предусмотренный программой анализа набор его характеристик, и, кроме того, довольно *зыбким по очертаниям*, данным не непосредственно, не в его, так сказать, чистом виде, а лишь косвенно, в сложном преломлении в зеркале детского сознания. Оба эти обстоятельства, само собой, резко сокращают возможности детального препарирования и описания интересующего нас предмета, одно – в силу малочисленности и фрагментарности зафиксированных феноменов сознания, другое – из-за трудностей их однозначной интерпретации. И все же полученные на этот счет сведения невозможно недооценить.

Первое, о чем тут надо сказать, это – **круг интересов** населения, касающихся разнообразных явлений в жизни общества из разряда так называемых пережитков прошлого в сознании и поведении людей.

На самом поверхностном уровне рассмотрения представление об этой стороне дела дает таблица 5а, где применительно к массиву опрошенных в целом, в границах 50 предложенных для обсуждения слов-предметов-явлений, мы обнаруживаем, с одной стороны, десятку *явлений-фаворитов*, явно наиболее часто упоминавшихся в интерперсональном общении людей, бывших тогда, если угодно, притчей во языцех (почему дети и знали о них намного лучше, чем обо всех остальных), а с другой –

десятку (точнее, 11) *явлений-аутсайдеров*, к которым тогдашний взрослый люд в СССР испытывал, похоже, минимальный интерес (почему они и оказались почти стопроцентно неизвестными юным респондентам). Картина далее уточняется, если мы перейдем от "точечных" сюжетов к их совокупностям, связанным с различными типами социальных отношений и практик: на этом уровне рассмотрения, согласно уже упоминавшимся данным, *наибольшее внимание* тогдашними россиянами уделялось явлениям, отнесенным программой исследования к сфере культурно-бытовых отношений, затем (с большим отрывом от первых) шли явления из области социально-экономических отношений, затем (при примерном равенстве цифр) – явления из области религии и национальных отношений и, наконец, в завершение – явления из сферы морали¹.

Однако реальное, подлинное положение вещей в данном пункте разговора может быть определено, очевидно, лишь с учетом семантического анализа фигурировавших в исследовании слов, поскольку одни из них отличались явным полисемантизмом либо аморфностью, размытостью содержания, тогда как другие имели вполне строгое, жесткое значение. Как показал контент-анализ примерно верных и ошибочных ответов, к первой группе слов должны быть отнесены, в частности, три слова-чемпиона на шкале информированности школьников – "бедный", "нищий" и "беспризорник", – и это обстоятельство вносит весьма существенные коррективы в наши представления о явлениях, которые чаще всего фигурировали в поле зрения тогдашних масс и, стало быть, могли описываться в терминах собственно интересов населения. Названные слова в самом деле произносились тогда людьми намного чаще других из числа обсуждавшихся в исследовании, но это происходило прежде всего потому, что они входили в *активный словарь* масс, использовались в языке (будучи трактуемы вкривь и вкось) во многих – прямых и переносных – смыслах, а вовсе не потому, что они отражали *повышенное внимание* людей к соответствующим явлениям действительности, т. е. в данном случае – к проблемам низкого жизненного уровня населения или бездомности, заброшенности детей и подростков².

¹ Следует заметить, что второй (уточняющий) способ оценки рассматриваемого положения вещей в своих главных пунктах воспроизводит результаты первого: ведь в том случае из десяти терминов-фаворитов целых шесть относилось к блоку культурно-бытовых отношений, а среди терминов-аутсайдеров отчетливо преобладали (пять из одиннадцати) те, что были связаны со сферой морали.

² Данный пассаж, по-видимому, в значительно меньшей мере может быть отнесен к слову "лачуга", поскольку по итогам того же контент-анализа оно трактовалось участниками опроса преимущественно в его узком, прямом значении (т. е., со-

Принципиально иное значение имели слова со строгим, однозначным содержанием, типа "сплетня", "венчание", "единоличник", "бесприданница", "нацмен" и т. п. При прочих равных обстоятельствах их употребление в межличностном общении было прямым свидетельством внимания говорящих к соответствующим денотатам, и это означает, что частота использования таких слов может рассматриваться в качестве надежного показателя меры интереса людей к фиксируемым этими словами явлениям действительности. Поэтому-то, возвращаясь еще раз к результатам опроса, представленным в таблице 5а, мы можем заключить, что в общем спектре интересов публики, касавшихся "пережиточных" явлений в жизни общества, ведущими и даже преобладающими, скорее всего, оказывались интересы не к культурно-бытовым отношениям, как это выглядело на поверхности вещей, а к некоей смешанной группе явлений, обозначаемых словами "сплетня", "спекулянт", "перекупщик", "блат", "нахлебник", "подхалим" и "взятка"¹; включенные программой исследования в разные блоки понятий, все они имели, однако, отчетливо просматривающийся общий знаменатель: некую **негативную моральную составляющую**, совпадающую с разного рода предосудительными типами человеческого поведения, квалифицировавшимися в качестве поведения нечестного, недостойного, связанного с обманом людей, с причинением им того или иного материального или морального ущерба, вреда.

Важное и само по себе, это заключение может быть, очевидно, и косвенной характеристикой **мира ценностей** тогдашних россиян. Ведь при всей условности зафиксированной картины тут есть немало оснований для того, чтобы в очередной раз признать, что главные заботы людей в те времена были связаны не столько с "миром вещей", сколько с "миром идей", не столько с экономикой, сколько с моралью, т. е. с утверждением того же нового (социалистического, коммунистического) типа личности, о котором уже говорилось в ряде предыдущих исследований и который

гласно толковому словарю под редакцией проф. Д.Н. Ушакова, в смысле "небольшой, плохо построенной или разваливающейся избы"), а не иносказательно, не в качестве намека на плохие жилищные условия вообще. Косвенным подтверждением этого является отраженный в таблице 5б значительный разрыв в количестве верных и примерно верных определений этого слова в ответах городских и сельских школьников (соответственно 37,2 и 68,0% от объема той и другой группы, или 13-е и 2-е места на шкале рангов).

¹ В границах всего массива опрошенных средний процент верных и примерно верных ответов по названной группе слов равнялся 37,9, тогда как по словам из блока культурно-бытовых отношений – 35,4.

находился в открытой конфронтации с "пережиточными" типами морали и поведения.

Гораздо более отчетливо, хотя с содержательной точки зрения и весьма своеобразно, проявились в рассматриваемом опросе характеристики массового сознания, связанные с его **морфологическим составом**. Выше, в других главах, речь в таких случаях, как мы помним, шла преимущественно о соотношении рефлексивных и нерефлексивных форм сознания, об оценке меры самостоятельности масс в их суждениях о мире, их большей или меньшей зависимости/независимости от официальных позиций и т. д. Ничего подобного сказать теперь о нашем предмете, увы, невозможно. Зато можно сказать кое-что другое, причем то, что до сих пор практически не попадало в поле нашего зрения: во-первых, оценить меру приверженности масс к *религии*¹ и, во-вторых, определить меру распространенности в массовом сознании специфических морфем, совпадающих с так называемым *историческим сознанием*.

В случае с **религией** рассматриваемая информация обнимала 10 понятий из общего состава обсуждавшегося словаря: "алтарь", "благовест", "богородица", "венчание", "говенье", "исповедь", "крестины", "лампада", "панихида" и "троица"², при этом по своему содержанию два из них ("богородица" и "троица") совпадали с базовыми категориями христианского учения, три ("алтарь", "благовест" и "лампада") касались элементов церковного интерьера и богослужения и пять ("венчание", "говенье", "исповедь", "крестины" и "панихида") имели в виду различные виды церковных служб и религиозных обрядов. По всему массиву опрошенных средний процент верных и примерно верных определений всех этих понятий равнялся 13,1, так что общая информированность респондентов в перечисленных сюжетах была в целом весьма низкой. И на основании этого косвенного показателя можно сделать главный общий вывод, что **элементы веры** в массовом сознании тогдашних россиян занимали **более чем скромное место**, равно как и разного рода **религиозные практики** в их массовом поведении.

Правда, полученная картина отнюдь не была столь простой, как это поначалу показалось ее первым комментаторам – и в целом, и в части

¹ Поскольку исследование проводилось в русскоязычных районах страны, в данном пункте его программы речь шла исключительно о *христианстве*.

² Предусмотренное программой исследования еще одно составляющее блока "в" – слово "домовой", – естественно, вынесено здесь из этого перечня, поскольку относится к разряду так называемых народных поверий и предрассудков и не входит в состав собственно религиозных представлений и понятий.

некоторых деталей, неясных и противоречивых¹. Поэтому ограничиться в ее описании одним лишь предложенным общим выводом было бы неверно, он требует ряда уточнений и конкретизаций. И первое, на что тут чрезвычайно важно обратить внимание (и что, впрочем, необходимо постоянно иметь в виду в любых разговорах о религиозности россиян и их взаимоотношениях с церковью в советскую эпоху), это тот факт, что за долгие годы власти КПСС, в условиях безраздельного господства в обществе коммунистической идеологии, с ее беспрецедентным *воинствующим атеизмом*, в стране – как это и обещалось партийным гимном – практически "до основанья" была разрушена материальная база религии, включая главную составляющую этой базы – храмы и иные церковные постройки и сооружения, и почти полностью уничтожен кадровый состав священнослужителей.

Конечно же, юные участники опроса понятия не имели о том, что такое "благовест" или "алтарь". Но откуда они, спрашивается, могли узнать об этом, если на обширной (в десятки километров) территории Комсомольского района Ивановской области в момент проведения исследования на постоянной основе действовала лишь одна церквушка, обслуживавшая две-три соседние деревни, а в гиганте первой пятилетки, стопятидесяти тысячном Комсомольске-на-Амуре вообще не было ни одного православного храма и едва ли не полулегально функционировали лишь два молевельных дома, рассчитанных на баптистов. Ситуация для того времени абсолютно типичная. Между тем описывать ее лишь в терминах слабых связей масс с церковью было бы, конечно, в высшей степени некорректно: нельзя ведь говорить о каких-либо (будь-то сильных или слабых) связях людей с тем, чего, в сущности, нет! Другое дело – их связи с собственно религией, т. е. их вера в Бога, их духовная (когнитивная и психологическая) включенность в систему представлений и понятий разного рода теологических учений и мировоззренческих систем, базирующихся на идее Всевышнего или ей подобных. Разумеется, во всех современных обществах религиозность масс теснейшим образом связана с деятельностью институтов церкви; более того, между той и другой при прочих равных обстоятельствах существует прямая пропорциональная зависимость: чем сильнее или слабее в обществе церковь, тем соответст-

¹ Справедливо констатируя, что *"ребятам... очень мало известен смысл таких слов, как "благовест", "алтарь", "богородица", "говенье" и т. д., связанных с обозначением церковных праздников, церковной символики, утвари"*, журналисты Т. Громова и Г. Ронина дали этому факту следующее объяснение: *"Очевидно, в словаре взрослых – это пассивные слова, как и самая связь с церковью"* (см. "Комсомольская правда", 2 августа 1964 г.; подчеркнуто автором).

венно сильнее или слабее религиозность членов этого общества. И все же полного знака равенства между собственно *верой* и *хождением в храм*, понятное дело, ставить никак нельзя, и не в последнюю очередь потому, что обращение людей к Богу – акт не только институциональный, предполагающий наличие в стране (регионе, городе, селе) соответствующих учреждений церкви, но и сугубо личностный, персональный, в принципе могущий обходиться и без выходов к заутреням и всеношным – тут ведь зачастую вполне достаточно и скромного семейного молитвенника, и простого красного угла в избе с одной иконкой¹.

Поэтому-то при объяснении природы весьма слабого знакомства детей с большинством терминов из блока "Религия" главный упор, по мнению автора, следовало бы делать не на том, что родители респондентов не ходили в церковь (в том числе из-за элементарного отсутствия оной), а на том, что после Октября в стране – под воздействием множества разных факторов² – случился поистине массовый отход людей от догматов и практик христианства, восторжествовал подлинный атеизм, что и привело к выпадению из бытовой народной лексики большого количества соответствующих слов и выражений. Более чем убедительным доказательством этого служит разительнейший пример с толкованием в опросе понятия "богородица": подумать только, в стране, которая еще полвека назад полагала себя главным оплотом православия на Земле, теперь лишь 1,8% детей дали абсолютно верное и лишь 6,6% более или менее верное определение этого понятия (3,6% в городе и 9,6% в деревне), тогда как 24,2% ошиблись в своих определениях и почти 70%(!) вовсе ничего не могли сказать по этому поводу. Правда, с другим включенным в опрос фундаментальным понятием христианского учения – "троица" – школьники справились вроде бы лучше: в целом по всему массиву опрошенных его верное определение дали 10,2% респондентов.

¹ Заметим мимоходом, что, скорее всего, именно это обстоятельство объясняло существенную разницу в знакомстве деревенских и городских школьников со словом "лампада" (в первой группе число информированных на этот счет равнялось 10,0%, тогда как во второй лишь 6,0%).

² В задачи автора, понятно, не входит анализ этих факторов, но хотелось бы подчеркнуть, что весьма активную роль среди них играла – вслед за мощнейшим административным и морально-психологическим прессингом власти – и *лютая готовность российских народных масс* разделаться не только с царем-батюшкой и ненавистными помещиками, но и с самим господом богом. Документальные кинохроники 20-х лет, на которых запечатлены обезумевшие толпы людей, разрушающих храмы и разбивающих колокола (какой уж тут после этого благовест!), не оставляют никаких сомнений на этот счет.

тов, верное и примерно верное – 27,6%, а полностью затруднились с ответом лишь 27,4%. Однако при ближайшем рассмотрении, в результате контент-анализа примерно верных и ошибочных ответов, удалось установить, что для многих опрошенных понятие "троица" совпадало вовсе не с квинтэссенцией христианской религии = категорией триединого божества, а всего лишь (цитаты из разных ответов) с "гулянкой людей на улице" "по поводу Троицына дня" – праздника, "кажется связанного с церковью", но "не обязательно"...

Несколько по-иному выглядела картина с третьей группой религиозных терминов, обозначающих церковные службы и религиозные обряды. В этом отношении сравнительная информированность третьеклассников была наибольшей, и потому тут возникал особенно сильный соблазн объяснить данный факт как раз за счет живучести религии и церкви в обществе – живучести если не на уровне основательного знакомства со Священным писанием, то, во всяком случае, на уровне исполнения разного рода религиозных практик¹. Однако подобный, сам собою напрашивающийся ход мысли и здесь не выдерживал серьезной критики.

Прежде всего потому, что уровень знаний опрошенными разных слов из этой группы был отнюдь не одинаковым – большим в случае "венчания" и "крестин" (соответственно 39,4 и 29,8% верных и примерно верных ответов в массиве опрошенных в целом); существенно меньшим в случае "говенья" (9,4%) и совсем уже мизерным в случаях "исповеди" и "панихиды" (соответственно 4,4 и 3,6% в той или иной мере информированных). При этом разумно объяснить обнаруженную разницу в этих показателях не представляется возможным, коль скоро предположение, будто бы одни обряды пользовались у тогдашних масс большей популярностью, а другие меньшей, явно отпадает из-за его несерьезности.

О статистически значимой живучести религии в обществе начала 60-х нельзя говорить и в свете весьма слабого знакомства детей с понятиями "говенье" и "исповедь". Ведь обе процедуры-денотаты этих терминов занимают совершенно особое по своей важности место в системе религиозных отношений, распространяясь не на "праздники", а на "будни", т. е. не на отдельные эпизоды и события в жизни верующих (рождение, создание семьи, смерть), а на всю их жизнь. И, кроме того, по своей "тех-

¹ Именно к такому объяснению прибегли, в частности, цитированные выше журналисты "КП": "Не совсем распались еще бытовые, идущие от вековой инерции, связи взрослых с религией. Что такое венчание и крестины, известно значительной группе детей" ("Комсомольская правда", 2 августа 1964 г.; подчеркнуто автором).

нологии" оба эти обряда – простейшие в арсенале церковных действий, а соблюдение поста не требует даже и посещения храма, осуществляется в домашней обстановке. Поэтому-то, будь религиозность родителей респондентов сравнительно более высокой, а исполнение ими религиозных практик более частым, и информированность детей в отношении рассматриваемых понятий была бы заведомо существенно иной.

Наконец, тезис о живучести религии значительно "подмачивался" и теми уже упоминавшимися выше данными, которые отмечали более высокую информированность в рассматриваемых сюжетах городских школьников. Так, по свидетельству таблиц 2 и 3, точное определение понятия "венчание" дали 40,4% от их числа, тогда как в группе сельских школьников это смогли сделать лишь 25,6%; в отношении понятия "крестины" аналогичные показатели равнялись 23,6 и 14,8%; понятия "исповедь" – 3,6 и 0,4% и понятия "панихида" – 3,2 и 1,2%. На основании единственного исключения из общего правила, связанного с определением понятия "говенье" (где соответствующие цифры равнялись 0,4 и 12,0%), разумеется, можно заключить, что в российской деревне начала 60-х годов люди постились больше (чаще), чем в городе. Однако сделать симметричный вывод о горожанах, будто бы больше (чаще), нежели селяне, крестившихся, венчавшихся или каявшихся в своих грехах, – очевидная нелепость. И это обстоятельство лишний раз доказывает две важные вещи: во-первых, что в границах рассматриваемой группы понятий язык детей представлял (отражал) преимущественно *языковой*, а не *реальный* мир их родителей и, во-вторых, что в последнем, т. е. реальном мире большинства тогдашних взрослых, практически *не было места для религии* – ни на уровне их ежедневного сознания, ни на уровне их ежедневного поведения.

О второй морфологической составляющей массового сознания россиян, связанной с их **историческими знаниями и представлениями**, мерой их внимания к событиям и фактам давнего и недавнего прошлого своей страны, можно судить по степени знакомства респондентов с 10 понятиями: "единоличник", "кустарь", "мешочник", "подкулачник", "приживалка", "средняк", "спецы", "старьевщик", "толкучка" и "частник"¹; по своему содержанию четыре из них ("кустарь", "спецы", "старь-

¹ В данном перечне, в строгом соответствии с предметом разговора, из 50 обсуждавшихся понятий представлены лишь те, что отражают, так сказать, элементы *чистой истории*, т. е. явления, уже (рано или поздно) исчезнувшие из жизни общества, полностью прекратившие свое существование; и, напротив, в него не включены те исторические термины (типа "спекулянт", "перекупщик", "нахлебник", "бюрократ" и т. п.), денотаты которых, принадлежа минувшим состояниям

евщик" и "толкучка") фиксировали минувшие явления преимущественно городской жизни, три ("единоличник", "подкулачник" и "средняк") – специфически деревенской и три ("мешочник", "приживалка" и "частник") – одновременно и той, и другой; по месту на шкале исторического времени речь шла о явлениях, относившихся к предреволюционной России и лихолетью гражданской войны, годам НЭПа и первых пятилеток, а также периоду коллективизации.

По массиву опрошенных в целом средний процент верных и примерно верных определений всех указанных понятий равнялся 11,4, и этот более чем скромный уровень знаний респондентами позавчерашнего и вчерашнего дня России хоть и в косвенной форме, но вполне убедительно свидетельствовал: в общей структуре менталитета тогдашних россиян **пласт** рассматривавшихся исторических знаний и представлений был, похоже, **чрезвычайно тонким и бедным**, причем бедным в обеих ипостасях его существования и функционирования – и на уровне *памяти*, т. е. объема таких знаний и представлений, хранящихся в сознании масс, и на уровне *актуализации* этих знаний и представлений, т. е. их операционального использования в процессе осмысления текущей жизни, при решении разного рода проблем и задач наличного бытия.

Имея в виду первую сторону дела, хотелось бы обратить внимание на то, что объем знаний школьников-горожан и в данном случае *существенно превосходил* объем знаний их сельских сверстников. На самом общем уровне оценки полученной картины средний процент верных и примерно верных ответов по всей совокупности вопросов исторического блока равнялся 12,9 в группе горожан и 9,9 в группе селян, применительно же к очень многим словам данного блока это превосходство было куда более значительным и даже многократным¹; при этом дети из Комсомольска-на-Амуре опережали детей из Ивановской области в девяти случаях из десяти, уступив им всего лишь однажды – в определении слова "средняк". Это позволяет думать, что удельный вес обсуждаемых исторических составляющих в общей морфологии сознания горожан был тогда выше, нежели в составе сознания жителей деревни. И этот вывод, стоит отметить, отнюдь не тривиален, как то может показаться на первый

российского общества, одновременно обнаруживались и в его наличном (на момент проведения исследования) бытии.

¹ Как свидетельствует таблица 4, при определении слова "частник" названная пара показателей равнялась 4,0 и 2,8%, слова "толкучка" – 3,2 и 1,6%, слова "спецы" – 6,4 и 2,8%, слова "приживалка" – 12,8 и 3,6%, слова "кустарь" – 3,6 и 0,4%, а слова "мешочник" – аж 5,6 и 0,4%.

взгляд: дело в том, что большая приверженность к истории горожан отнюдь не автоматична, имеет место далеко не везде и не всегда. В данном случае она возникла под влиянием более высокой образованности (читай: общей культуры, общего кругозора) городского населения, но, абстрактно говоря, в иной ситуации этот фактор мог и не сработать, вернее, оказаться слабее иных, действующих в противоположном направлении – например, сравнительно меньшей социально-политической мобильности деревенской жизни и ее большей закрытости для разного рода внешних влияний, большей приверженности к традиционным формам бытия и сознания, повышающим роль исторической памяти и усиливающим ориентацию людей на недавнее и давнее прошлое.

Что же касается второй ипостаси рассматриваемого пласта массового сознания, то в этом пункте на самом общем уровне анализа опрос обнаружил как раз нечто вполне банальное, а именно что различные "предметно-временные сферы" исторического прошлого пользовались у масс, что называется, *разной популярностью*. Однако при конкретизации этой общей формулы удалось получить результат совсем не очевидный – что наиболее известной юным респондентам, а стало быть, и наиболее актуализированной в сознании тогдашних масс вообще была группа понятий, отражавших процессы коллективизации в советской деревне, протекавшие в конце 20-х – начале 30-х гг. В этом случае средний процент верных и примерно верных толкований соответствующих слов достиг рекордной отметки, равной 17,9% от общего числа опрошенных; хотя при этом оставалась неясной сама природа зафиксированного факта, объяснение того, что преимущественно лежало в его основании, – то ли осознание людьми особой исторической *важности* для жизни страны названных процессов, то ли то, что эти процессы были *живее* в народной памяти, поскольку были менее удалены от начала 60-х гг. (времени, когда проводился опрос) в сравнении с большинством прочих обсуждавшихся явлений – к примеру, с таким феноменом времен гражданской войны, как мешочничество, или с таким совсем уж замшелым типом социальных отношений в дооктябрьской России, персонажи которого именовались приживалками и приживальщиками.

Конечно, тут в очередной раз нужно оговориться: анализ элементов историзма в сознании масс на материалах рассматриваемого исследования серьезным образом ограничен спецификой последнего. Как это уже отмечалось выше в иных связях, главное в этой специфике – то, что мы судим здесь об интересующем нас предмете не напрямую, не непосредственно, а на основании косвенных данных, имея при этом дело отнюдь не с простым, зеркальным, а с весьма замысловатым отражением сознания

взрослых в сознании детей; чреватая неизбежной условностью выводов в любом варианте, подобная операция, понятно, еще более усложняет получение надежных однозначных результатов, когда оценке должны подлежать уже не только собственно *знания* масс (взрослых и детских), но и разнообразные латентные параметры их *коллективной памяти* – ее объем, степень надежности, принципы и механизмы избирательности и т. д.

Кроме того, совершенно нетрадиционно выглядел в данном исследовании и сам *набор содержательных элементов* истории, подвергавшихся измерению. Известно, что в широкой практике изучения общественного мнения при решении аналогичной задачи речь идет, как правило, во-первых, о конкретных исторических персонажах и событиях прошлого и, во-вторых, о сферах жизни общества, привлекающих внимание масс в первую очередь, – политике, культуре, спорте и т. д. В опросе же "Что означают эти слова?" историю представляли, напротив, исключительно *абстрактные категории*, лишенные какой-либо – персональной или хронологической – индивидуализации, и к тому же категории из разряда *наиболее трудных* для понимания массами социально-экономических отношений. Ясно, что данное обстоятельство также не могло не приводить к определенному (или как раз неопределенному) снижению количественных результатов исследования и потому – наряду с первым – непременно должно учитываться при оценке фактической историчности сознания масс.

Вместе с тем, когда мы говорим о чрезвычайной слабости этой историчности, выявленной в рассматриваемом исследовании, у нас нет оснований связывать ее лишь с отмеченной спецификой состоявшегося разговора и объявлять в значительной степени условной. Напротив, ничто не мешает думать, что зафиксированный низкий уровень исторических знаний и представлений населения – факт вполне объективный, а возможно, даже и всеобщий, выходящий за рамки одной экономической истории страны, распространяющийся на историю и других сфер жизни общества. И это означает, что обнаруженная нами частная зависимость ненароком подводит нас к той примечательной (по одним оценкам – мифологической, а по другим – реальной) характеристике российского национально-менталитета, которая совпадает с *глобальным антиисторизмом* россиян и описывается, в частности, с помощью известной формулы об "*Иванах, не помнящих родства*".

Доказывая факты существования и широкого распространения этого феномена, многочисленные отечественные и зарубежные аналитики усматривают их в отсутствии глубокого интереса российских масс к персонажам и событиям многовековой и богатейшей истории своей страны; в нежелании поддерживать и развивать исторически сложившиеся образ-

цы национальных обычаев (одежды, кухни) и фольклора; в неумении извлекать из истории, опыта вчерашнего и позавчерашнего дней необходимые выводы для решения проблем сегодняшних и завтрашних; и т. д. К сожалению, анализируемое исследование, хотя бы уже в силу чрезвычайной бедности полученных в нем результатов, касается всех этих сюжетов лишь в самой малой степени и к тому же, как говорится, лишь по касательной. Однако, с другой стороны, достаточно очевидно, что названный тезис об "Иванах" на этом малом, ограниченном пространстве все же, скорее, принципиально подтверждается, нежели опровергается.

И наконец, в заключение скажем еще об одной характеристике массового сознания россиян, так или иначе отразившейся в полученной информации, – об **отношении людей к обществу**, в котором они живут. Ясно, что в данном пункте анализа избранный предмет исследования полностью исключал продемонстрированный в предыдущих главах стандартный подход к делу, в соответствии с которым названная характеристика описывалась в терминах "лояльности/нелояльности" людей по отношению к существующему в стране общественно-политическому строю или их "доверия/недоверия" к институтам власти, "симпатий/антипатий" к вождям и т. д. Но некоторая, скажем так, нестандартная информация на этот счет в опросе школьников все же была получена, и был бы грех ее теперь упустить из виду.

Речь – о феномене большего или меньшего критицизма людей по отношению к окружающей их действительности. В предыдущих главах этот феномен рассматривался исключительно в качестве показателя самостоятельности/несамостоятельности сознания масс, меры их зависимости от господствующей в обществе идеологии и штампов пропаганды. Однако эвристические потенции данного феномена явно шире, если учесть, что негативное отношение людей к тем или иным *частным явлениям* бытия может принимать и нередко принимает форму их *недовольства жизнью* – своей собственной и/или общества в целом. И именно такого рода связи мы косвенно обнаруживаем в ряде пунктов полученной информации, опираясь на принятый алгоритм логического анализа, согласно которому частота верных (в данном случае негативно окрашенных) определений тех или иных терминов юными респондентами может рассматриваться в качестве производной от частоты использования соответствующей (негативно же окрашенной) лексики окружающими детей взрослыми.

Учет каких именно из этих связей мог бы привести к максимально обобщенному и в то же время достаточно точному представлению об интересующем нас теперь сюжете? Очевидно, при селекции для этих целей

имеющегося эмпирического материала во внимание следовало принять, по меньшей мере, четыре обстоятельства:

во-первых, то, что отрицательные оценки давались тогдашними россиянами далеко не всем 50 обсуждавшимся явлениям (терминам, предметам, понятиям), поскольку очень многие из них (ср., к примеру, "алтарь", "кацап" и т. п.) – либо в их объективном содержании, либо в их субъективном восприятии массами – были явлениями сугубо нейтральными, в принципе лишенными какой-либо знаковой (позитивно-негативной) окраски;

во-вторых, то, что вероятность отрицательных суждений (если таковые и произносились) в отношении различных обсуждаемых предметов была явно неодинаковой, в том смысле, что разговоры об одних из них (к примеру, о "взятке" или "склочнице") по знаку отношения к ним говорящих были, скорее всего или наверняка, неизменно критическими, тогда как разговоры о других (к примеру, о "благодетеле" или "крестинах") могли быть разными – либо критическими, либо нейтральными, либо (даже) позитивными;

в-третьих, то, что степень семантической строгости различных терминов была также, как это уже отмечалось выше, весьма неодинаковой, и в этой связи все аморфные, размытые по содержанию понятия (типа "бедный", "нищий" или "голь перекатная"), естественно, с гораздо меньшим правом и успехом могли интерпретироваться в качестве критики говорящими общества (будь то современного или прошлого), нежели понятия вполне четкие, жесткие по своему смыслу (типа "блат" или "бюрократ");

и наконец, то, что при обобщенной оценке менталитета масс из числа всех негативно характеризруемых людьми предметов, что называется, по определению (коль скоро речь идет об отношении россиян к обществу, в котором они жили в начале 60-х гг.), следовало элиминировать все те, которые относились к исторически предшествующим периодам жизни России и безвозвратно канули в Лету (ср. "единоличник", "мешочник", "подкулачник" и др.).

Строгое пошаговое следование перечисленным критериям отбора материала позволило выделить из полного состава словаря, фигурировавшего в исследовании, 16 основных объектов, критическое отношение к которым со стороны публики так или иначе совпадало с ее неприятием соответствующих явлений действительности и потому давало возможность говорить об определенном неприятии людьми и каких-то сфер жизни тогдашнего советского общества как такового. В этом наборе (в алфавитном порядке) присутствуют: "барышник", "блат", "бюрократ", "взятка", "лихоимец", "ловкач", "миродед", "перекупщик", "подхалим", "склоч-

ница", "скопидом", "спекулянт", "сплетня", "сутяга", "ханжа" и "холуй"; при этом по своему основному содержанию пять из перечисленных понятий ("ловкач", "подхалим", "скопидом", "ханжа" и "холуй") касаются преимущественно негативных *нравственных качеств* человеческой личности; еще пять ("лихоимец", "мироед", "склочница", "сплетня" и "сутяга") – разного рода *неприемлемых отношений между людьми*, в которых одни люди ущемляют интересы других, наносят другим тот или иной (материальный или моральный) ущерб¹; три ("барышник", "перекупщик" и "спекулянт") – *незаконных форм деятельности в сфере торговли, бытового обслуживания населения*; и последние три ("блат", "бюрократ" и "взятка") – *предосудительных, в том числе антиправовых практик в сфере государственного управления*.

Какой именно предстает во всем этом материале **критика населением** негативных явлений, существовавших в тогдашнем российском обществе? Первый и самый главный ответ на этот вопрос: в общем и целом **более чем умеренной, если не откровенно слабой**. В этом вполне убеждают данные таблицы 5а, где по всему массиву опрошенных средний процент верных и примерно верных определений названных 16 понятий равнялся всего 17,0. Конечно же – величина весьма скромная, даже ничтожно малая; и сама по себе, и особенно если учесть, что она достигла этих своих размеров преимущественно за счет большого объема верных ответов лишь по трем сюжетам из 16 ("сплетня", "спекулянт" и "перекупщик"), тогда как в десяти сюжетах процент более или менее верных критических определений был ниже 7,5, а в шести – и вовсе ниже 2,5!

Дальнейшее рассмотрение, даже на уровне простого, невооруженного глаза, гигантских перепадов в объемах верных суждений, отражен-

¹ При частичном пересечении содержания первой и второй групп явлений они все же существенно разнятся друг от друга. В этом убеждают определения соответствующих слов в "Толковом словаре русского языка" под редакцией проф. Д.Н. Ушакова (1935–1940), где мы находим, с одной стороны: "ловкач – ловкий, предприимчивый человек, умеющий хорошо улаживать свои дела"; "подхалим – низкий льстец, готовый на подлость ради достижения своих целей"; "скопидом – человек, у которого бережливость доходит до скряжничества"; "ханжа – притворно-добродетельный человек, лицемер"; "холуй – низкопоклонник"; а с другой: "лихоимец – берущий слишком большие поборы или проценты"; "мироед – эксплуататор... лицо, живущее чужим трудом"; "склочница – участница вражды на почве мелких интриг..."; "сплетня – порочащий кого-либо слух на основе неверных, неточных сведений"; "сутяга – заводящий тяжбы с целью добиться выгодными способами".

ных в таблице 5а (от 62,2% в случае со "сплетней" до 1,0% в случае с "ханжой") и повторяющихся, хотя и в несколько иных масштабах и конфигурациях, в таблице 5б¹, позволяет прийти к еще одному заключению – к тому, что **сила критики** населением разного рода негативных явлений в жизни общества была **резко дифференцированной** и что эта дифференциация зависела, с одной стороны, от предметов высказываний, т. е. *объектов критики*, и с другой – от принадлежности критикующих к городской или сельской среде обитания, т. е. *субъектов критики*.

Имея в виду первый аспект дела, следует подчеркнуть, что природа названной зависимости остается полностью скрытой от наблюдателя, пока анализ не выходит за рамки интерпретации отдельных "точечных" суждений. К примеру, цифры свидетельствуют, что люди демонстрировали большее неприятие подхалимства и меньшее – холуйства или большее – практики спекуляций и меньшее – практики взяточничества. Но о чем все это на самом деле говорит – о том ли, что названные негативные явления *объективно* в разной, большей и меньшей, степени были распространены в тогдашнем советском обществе или о том, что они *субъективно* поразному (в качестве более и менее неприятных, нежелательных, более и менее вредных, опасных и т. д.) оценивались тогдашней публикой, или речь тут вообще нужно вести совсем о другом, а именно о чисто *языковых* явлениях, связанных с актуальным бытовым словарем тогдашних масс, т. е. о разной мере использования в этом словаре тех или иных, в том числе синонимичных, слов типа тех же упомянутых "подхалима" и "холуя"?

Вместе с тем при переходе от единичных предметов к их четырем блокам, названным выше, кое-какие обобщенные характеристики критических высказываний масс по поводу разных типов явлений получить, похоже, все же удастся. Так, в общем ряду обсуждавшихся предметов явно *наименьшей критике* подвергалась их группа, касающаяся нравственных качеств отдельных личностей: средний процент верных и примерно верных определений входящих в эту группу пяти слов равнялся всего 6,1. На близких друг к другу *средних местах* на шкале критицизма оказались группы явлений, связанные со сферой государственного управления (со средним процентом более или менее верных определений, равным 14,5) и межперсональным взаимодействием людей (с аналогичным показателем равным 15,3). Наконец, *максимально критичным* было от-

¹ В последней таблице объемы верных и примерно верных определений критикуемых явлений колеблются от 76,8 до 0,8% в Комсомольске-на-Амуре и от 47,6 до 0,4% в Ивановской области.

ношение людей к сфере торговли (с аналогичным показателем равным 40,3).

Очевидно, эти данные определенным образом конкретизируют общую картину положения вещей, показывая, что отмеченная умеренность, слабость критики людьми окружающей их действительности проявляла себя не только в низких объемах (частоте) большинства критических высказываний, но и в ограниченности адресатов высказываний. Как видно, тогдашние россияне были достаточно активны при обсуждении (= осуждении) деятельности торговых спекулянтов и барышников и вели себя куда менее многословно, когда речь заходила о предосудительной деятельности представителей органов власти.

Что же касается дифференциации критических высказываний, связанной с субъектами критики, то полученные на этот счет в опросе данные (таблица 5б) следует признать как раз вполне прозрачными: с высокой степенью надежности они показывают, что при общей слабости критицизма населения горожане в этом отношении значительно и устойчиво превосходили жителей села. Обращение к средним процентам верных и примерно верных определений всех 16 объектов критики сравниваемыми группами респондентов обнаруживает, что это превосходство было в целом почти двукратным, сопоставление же данных, относящихся к отдельным типам критикуемых объектов, — что оно не знало ни одного отклонения от общего правила¹. Это видно из таблички, представленной ниже.

Частота верных определений критикуемых объектов
(в % к объему групп опрошенных)

Типы объектов	Массив в целом	Жители города	Жители села
Объекты в целом	17,0	22,4	11,6
Нравственные качества личности	6,1	8,6	3,5
Межперсональное взаимодействие	15,3	20,5	10,2
Сфера торговли, обслуживания	40,3	48,5	32,1
Сфера управления	14,5	22,1	6,9

¹ Следует отметить, что жители города опережали селян и в 14 "точечных" высказываниях из 16, уступив им лишь дважды, а именно при определении понятий "барышник" (5,2% против 8,4) и "ханжа" (0,8% против 1,2).

Другое дело, что действительные основания обнаруженных различий и в этом случае остаются в высшей степени неясными. Конечно, на уровне здравого смысла и некоторых общих представлений можно предположить, что немалую роль тут могла играть разница в образовании сравниваемых групп, а также в уровнях их общей социально-политической активности¹. Но тогда, с другой стороны, нужно было бы принять во внимание и возможное влияние целого ряда противодействующих факторов, например такого, как бóльшая заземленность крестьянского сознания, с его традиционно бóльшим реализмом и скептицизмом, большей трезвостью и меньшей податливостью в отношении разного рода посулов пропаганды.

Разобраться с этой ситуацией – причем не только в данном конкретном случае (где налицо явный дефицит соответствующей информации), но и во многих других, где фиксируется аналогичная дифференциация субъектов критики, – в высшей степени не просто. Но, думается, сделать это и вовсе не возможно, не обратившись как раз к той характеристике народного менталитета, которая совпадает с фундаментальным отношением масс к обществу, в котором они живут.

Поставим вопрос шире: чем, собственно, вообще, в принципе следует объяснять часто встречавшиеся в начале 60-х гг. факты ослабленного критицизма людей по отношению к окружающей их действительности – ослабленного как в смысле малого количества критических высказываний, так и в смысле заниженного уровня объектов критики? Отвечая на него, социологи тех лет ссылались прежде всего на *субъективную неспособность* масс к серьезному анализу действительности, т. е. на ту ограниченность сознания людей, которая проявлялась в неумении видеть мир в его истинном свете, производить адекватные обобщения множества частных наблюдений и т. д. и которая рассматривалась обычно по "разряду" способности/неспособности суждения масс. При полном признании значимости этого фактора, в новые, перестроечные и постперестроечные времена в процессе кардинальной ревизии реалий социалистического общества современные социологи вполне естественно и оправданно дополнили его еще одним – фактором *объективной невозможности* для широких масс людей серьезно критиковать действительность в существовавших тогда условиях. Имеется в виду сильнейший прессинг на массы

¹ С целью прояснения этого момента программа исследования предусматривала учет в анализе материалов опроса такого показателя, как род занятий родителей респондентов, однако, к сожалению, эта часть информации (по причинам, выявить которые не удалось) не была подвергнута количественной обработке.

многочисленных грубых и утонченных форм социального контроля, эффективно сдерживавших такую критику, во-первых, на уровне разного рода внешних (идеологических, политических, административных и иных) запретов и санкций, а во-вторых, на уровне пресловутой внутренней самоцензуры (читай: осознанного и неосознанного страха людей перед возможными – действительными и мнимыми – преследованиями).

Вместе с тем при углубленном подходе к делу нетрудно обнаружить, что природа обсуждаемого феномена массового сознания и после такого чрезвычайно весомого дополнения проясняется все же не до конца. К этой мысли подводит, в частности, и рассматриваемое теперь исследование, в котором – в отличие от традиционных опросов общественного мнения – важнейший момент подцензурности высказываемых людьми суждений, т. е. их подгонки под официальные позиции, был, надо думать, в основном, а то и полностью элиминирован. Отраженные в ответах детей суждения взрослых высказывались в этом случае явно большей частью в частных разговорах, в узком семейном кругу, без участия посторонних глаз и ушей, т. е., иными словами, в условиях высокой свободы от какой-либо цензуры¹, между тем критический накал этих высказываний оставался, как мы видели, все равно весьма слабым – и с точки зрения частоты самой критики, и с точки зрения характера выбираемой для нее адресов, не подвергавших говоривших особому риску.

Как такое в принципе могло случиться, если оба названных фактора тут не срабатывали – второй был просто "на нуле", а первый, хотя, похоже, и действовал, но действовал заведомо ограниченно, поскольку обсуждавшиеся в этом случае предметы были сравнительно простыми для понимания и уж никак не относились к первой категории сложности? Ответ тут, видимо, только один: зафиксированный феномен возникал под влиянием какого-то иного, третьего фактора, и автор усматривает его в особом рода *неготовности* людей к серьезной критике общества, в котором они жили, а именно *неготовности исторической*, связанной с различными этапами в развитии и самого общества, и присущего ему общественного, в том числе массового, сознания.

В двух словах картина тут была, скорее всего, следующей. Россияне начала 60-х жили в обществе, характеризовавшемся большим количеством нерешенных проблем и отличавшемся большим количеством недостатков. И те и другие, естественно, так или иначе ощущались массами

¹ Забегая вперед, напомним, что в эпоху Брежнева этот тип высказываний получил название "кухонной свободы слова" в противовес свободе "публичной", т. е. свободе мнимой, неполной, не отражавшей реальных мнений людей по поводу тех или иных острых вопросов бытия.

и потому переживались ими, становились объектами их критики. Это – с одной стороны. А с другой – данное общество именовало себя социалистическим, строившим коммунизм, реализующим самые светлые мечты человечества. Людям нравились эти цели, поэтому они так или иначе принимали (разделяли) официальную идеологию и активно поддерживали господствовавший в стране общественно-политический строй. Вся проблема была в соотношении, балансе критики общества и его поддержки – балансе, который имел отчетливо выраженный исторический характер, меняясь в развитии СССР от эпохи к эпохе как в части количественных, так и в части качественных характеристик конфликтующих феноменов.

С позиций прожитой истории мы теперь знаем, что в конечном счете чаша весов в этом конфликте склонилась в сторону тотальной критики, а затем и отвержения системы социализма. В начале же 60-х, напротив, еще отчетливо превалировала ее решительная поддержка. Все демонстрировавшиеся тогда претензии к обществу и недовольства им в подавляющем большинстве ситуаций имели ярко выраженный ограниченный характер, касались лишь частных деталей и никогда не замахивались на "святое святых" – фундаментальные основы самого этого общества и правящие в нем партию и государство. Сдается, что именно это положение вещей косвенным образом обнаруживается в результатах детского опроса "Что означают эти слова?", где лишь 10,2% респондентов знали, что такое взятка, и лишь 2,2% – что такое бюрократ. И из этого следует, что тогдашняя власть в стране могла спать еще вполне спокойно...

Глава 7. МИР ЦЕННОСТЕЙ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

1. Характеристика исследования

• Цели

Данный опрос проводился в марте–апреле 1963 г. и был задуман как продолжение исследования облика молодого поколения, осуществленного двумя годами ранее. Его программа предусматривала выяснение ценностных ориентаций советской молодежи в сфере материальной и духовной культуры, созданной человечеством, определение симпатий и убеждений, относящихся к области политики и труда, науки и техники, литературы и искусства.

Для достижения этих целей авторами исследования был использован остроумный журналистский ход. *"С каждым часом все ближе и ближе мы к разгадке тайн далекого Марса, – писали они, обращаясь к будущим респондентам. – Человек уже посылает научные лаборатории к далеким планетам. Что откроют нам умные приборы? Подтвердят ли они предположение некоторых ученых о том, что Марс обитаем. Представьте себе на минуту, что на Марсе действительно обнаружены разумные существа и что с ними можно установить контакт. Представьте, что для первого знакомства марсиан с современной цивилизацией Земли нужно отправить на Марс ракету с контейнером, в котором заключены пятнадцать экспонатов. Эти экспонаты должны наилучшим образом характеризовать уровень достижений земной цивилизации XX века. С чем же отправится ракета на Марс?"*

• Содержание

После приведенной преамбулы анкета, озаглавленная "На Марс – с чем?", предлагала 15 открытых вопросов:

1. О каком событии века расскажет вложенная в контейнер хроникальная фотография?
2. Какой важный для человечества исторический документ поместим мы в контейнер?
3. Рассказ о каком великом человеке нашей эпохи?

4. Портрет какого человека, прославившего своим подвигом XX столетие?

5. Описание какого выдающегося научного открытия современности?

6. Модель какого технического изобретения?

7. Какое современное орудие труда?

8. Наиболее характерный для нашего времени предмет быта?

9. Какой спортивный снаряд?

10. Какое произведение художественной литературы?

11. Запись какого музыкального произведения?

12. Какой художественный фильм?

13. Репродукцию какой картины или скульптуры?

14. Макет какого архитектурного сооружения?

15. В контейнере осталось еще одно свободное место. Предложите свой экспонат. Что расскажет он марсианам о жизни Земли?

Из разного рода характеристик опрошенных в исследовании учитывались три: их возраст, род занятий и место жительства.

• Метод и техники

Исследование выполнялось в форме анкетного выборочного опроса путем публикации анкеты на страницах газеты, т. е. на основе стихийно складывающейся нерепрезентативной выборки.

Активность читателей в данном случае оказалась весьма высокой: менее чем за месяц анкету заполнили 6425 человек. Подавляющее большинство из них (свыше 97%) составили молодые люди в возрасте до 30 лет, проживающие преимущественно в больших и средних городах страны. Что же касается рода их занятий, то в этом отношении участники опроса дифференцировались следующим образом (в абсолютном выражении и % к $n = 6425$):

	<u>абс выраж</u>	<u>% к n</u>
рабочие	1081	16,8
техническая и гуманитарная интеллигенция	972	15,1
служащие	718	11,2
колхозники	79	1,2
военнослужащие	1084	16,8
студенты	683	10,6
школьники	1277	19,9
другие группы опрошенных ¹	531	8,4

¹ К их числу были отнесены неработающие, а также лица, не ответившие на вопрос об их роде занятий.

Как можно видеть, свойственные всякому газетному опросу отклонения от объективной социально-демографической структуры изучаемой вселенной приобрели в данном случае невиданно резкий характер: едва ли не половину всех участников опроса составили военнослужащие, студенты и школьники; удельный же вес рабочей молодежи был в два с лишним раза меньше реального, а сельской – и вовсе сведен на нет (ниже 2%). Скорее всего, не менее серьезные возмущения претерпели в опросе и особенно важные, с точки зрения предмета разговора, группы сознания, коль скоро в составе респондентов оказались люди, с одной стороны, особым образом идеологически ангажированные, а с другой – отличавшиеся, так сказать, специфически упрощенным взглядом на вещи.

Это становится вполне ясным, если обратиться к позициям тех, кто как раз не захотел "направлять контейнер на Марс", хотя сказать точно, какие именно обстоятельства сыграли в их негативном отношении к опросу решающую роль, довольно сложно. Возможно, условно-прожективная (или, по словам авторов опроса, "игровая") модальность исследования, которая не позволила подключиться к разговору "серьезным интеллектуалам". Возможно, заданная авторами в преамбуле к анкете торжественно-патетическая интонация, отвратившая от участия в опросе приземленно смотрящих на вещи "работяг". Возможно, и сам, в сущности весьма трудный, предмет разговора, который оказался не по зубам тем, кто не привык обобщать свой повседневный опыт, ответственно судить о высоких материях, мыслить метафизическими категориями. Во всяком случае именно такого рода аргументы присутствуют во многих письмах, полученных тогда редакцией "КП" в виде приписок к заполненным или, напротив, незаполненным анкетам. И судить о них можно хотя бы по следующим признаниям:

Нам нечем похвастаться перед марсианами, когда у нас самих на нашей планете нет порядка... (Л. П., пенсионер, Пермская обл.);

Я не заполнил анкеты и на Марс не собираюсь. Для меня и моих товарищей на Земле еще много дел. Дайте нашим машинам резину, и мы покажем чудеса в труде... (без подписи, сельский шофер, Алтай);

Конечно, Марс – это только удобный предлог. Ваша анкета заставляет человека оглянуться назад, на достижения всего человечества, и подумать о многом. Отвечать на нее очень интересно, но очень трудно... (В. Я., военнослужащий, г. Киров);

Вопросы анкеты заставляют каждого думать. И не просто думать, как это требуется для решения какой-либо задачи, а критически мыслить, анализировать все, что знаешь, весь свой багаж, весь свой опыт и свое отношение к окружающему миру. (В. М-ий, учитель, г. Цюрупинск, Херсонская обл.).

Как бы то ни было, но ансамбль опрошенных в данном случае оказался явно нерепрезентативным. И, хуже того, авторы опроса – видные публицисты "Комсомольской правды", увлеченные решением *чисто журналистских* задач, – еще более усугубили этот минус, когда в ходе анализа полученных результатов, во-первых, полностью отказались от рассмотрения позиций отдельных групп (сведя весь разговор к ансамблю опрошенных в целом), во-вторых, до предела минимизировали анализ собственно количественных данных (заменив их в лучшем случае ранговыми оценками зафиксированных мнений) и, в-третьих (что сегодня особенно огорчительно), не сохранили для истории никаких из этих данных, кроме тех, что изредка встречаются в их итоговых публицистических текстах¹.

Очевидно, все эти характеристики рассматриваемого исследования в немалой степени затрудняют оперирование его сохранившимися количественными результатами: уж слишком много оговорок и примечаний нужно постоянно держать в памяти, говоря о позициях опрошенных в целом (в смысле социально-демографической и ментально-идеологической идентификации этой части советской молодежи, вернее аудитории "КП"). Названные обстоятельства тем более не дают сегодня возможности произвести сколько-нибудь удовлетворительную реконструкцию утраченных количественных данных. И все же автор без тени сомнений включил материалы этого исследования в настоящее издание, поскольку в качественном отношении – в ряду всех других исследований ИОМ "КП" – они представляют чрезвычайную ценность с точки зрения характеристики определенного сегмента массового сознания советско-российского общества, существовавшего в эпоху Хрущева.

В этом смысле также весьма интересны материалы и другой, уже сугубо журналистской акции, сопровождавшей опрос "На Марс – с чем?" и связанной с публикациями анкеты "КП" в трех иностранных изданиях (английском, французском и испанском) газеты "Московские новости". Полученные тогда еще 700 анкет от иностранных граждан из 42 стран вообще не подвергались никакой количественной обработке, использовались исключительно в целях пропаганды. Но от этого они не перестали

¹ Такого рода беспримерное отступление от серьезного социологического подхода к предмету исследования и особенно к представлению его результатов оказалось возможным по той причине, что автор настоящих строк, будучи научным руководителем ИОМ "КП", находился в то время в длительной зарубежной командировке и, сумев принять некоторое участие в разработке программы опроса, к сожалению, был полностью устранен от процессов обработки и анализа полученной информации.

быть примечательными свидетельствами тогдашней общественной жизни и потому – в избранных фрагментах – также включены в настоящее издание в виде Приложения 7.

• *Исполнители*

Программа и полевой документ исследования были разработаны Г.С. Огановым и В.В. Чикиным. Они же подготовили документы первичной обработки информации и руководили этой обработкой (с участием студентов факультета журналистики МГУ).

Вторичная (машинная) обработка информации была выполнена на Центральной машинно-счетной станции ЦСУ СССР под руководством Я.Л. Циписа.

2. Мнения *pro* и *contra*

Вопросы анкеты:

- 1–3. Главное событие (1), главный документ (2) и самая выдающаяся личность (3) XX столетия?
- 4–5. Величайший подвиг (4) и самое крупное научное открытие (5) современности?
- 6–9. Наиболее характерные для нашего времени техническое изобретение (6), орудие труда (7), предмет быта (8) и спортивный снаряд (9)?
- 10–12. Выдающиеся произведения художественной литературы (10), музыки (11) и кинематографа (12)?
- 13–14. Выдающиеся произведения живописи, скульптуры (13) и архитектуры (14)?
15. Нечто примечательное в жизни Земли?

1. В. М-ва, биолог, 26 лет (село Алексеевка, Куйбышевская обл.)

1. *Сердце наполняется радостью, гордостью за нашу Родину, ее успехи, ее авторитет среди всего человечества. Моя мама вырастила шестерых детей. Все получили среднее или высшее образование, все здоровы. Мы с мужем пять лет учились в институте. Учились на средства государства и получали стипендию. Разве это было бы возможно в царской России, в капиталистической стране? Все это дал нам Великий Октябрь, наша социалистическая Родина, наша родная партия! Поэтому я поместила бы в контейнер фотографию, рассказывающую о Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей путь к светлomu будущему всего человечества.*

2. Программа КПСС. Это – программа построения счастливого, светлого общества людей – коммунизма, общества людей всесторонне развитых, с большими знаниями, с высоким сознанием, творящих чудеса на Земле. Мы построим такое общество, воспитаем нового человека.

3. В.И. Ленин. С этим именем в нашей жизни связано все самое светлое, самое лучшее. Во всех достижениях нашего народа, во всех великих подвигах, в нашей повседневной жизни живут мечты, идеи и дела великого Ленина.

4. На всю жизнь остался в памяти день 12 апреля 1961 года. Голос Левитана: "Говорит Москва..." Сообщение ТАСС о запуске космического корабля "Восток-1", о полете в космос советского человека Юрия Гагарина... Какую гордость я испытывала в те минуты за нашу великую Родину, за великую победу Человека!.. Все, кто был дома, стояли у радиоприемника от начала передачи до конца, у всех были слезы... слезы радости. Поэтому пошлем марсианам портрет Юрия Алексеевича.

5. Открытие мельчайших частиц материи, закономерностей их превращений.

7. Я живу в сельской местности, бываю на фермах и часто слышу рассказы старших, какими способами и орудиями труда они раньше работали. "Сейчас что! Везде машины..." – говорят они. И действительно машины всюду, в том числе и в сельском хозяйстве. Так давайте пошлем на Марс сельскохозяйственную машину.

8. Радиоприемник.

10. "Поднятая целина" М. Шолохова. Она расскажет о многом без прикрас.

11. "Седьмая симфония" Шостаковича, говорящая о величии нашего народа, о его героизме, о прекрасных качествах человека, о лучших идеалах человечества, о нашей прекрасной природе, о гуманизме, о красоте...

12. Фильм Г. Чухрая "Чистое небо".

13. Статуя Е. Вучетича "Воин-освободитель".

14. Макет Кремлевского Дворца съездов.

2. В. П-ий, инженер-физик (г. Ленинград)

1. На Марс пошлем фотографию о Великой Октябрьской социалистической революции... Разве может что-либо сравниться по значению для человечества с этим событием, в корне изменившим судьбу каждого землянина.

5. Основы специальной теории относительности – яркий пример освобождения человечества от пут так называемого здравого смысла, или попросту от цепей людских предрассудков. Эта теория ставит Эйн-

штейна в ряд с революционерами мысли всех времен и народов: Галилеем, Дарвином, Лобачевским.

13. "Вечная весна" Родена. Любовь – это вечная тема, незримо присутствующая во всех дерзновениях человечества.

3. А. Р., 16 лет (г. Николаев)

2. Наиболее важным для человечества документом является Программа КПСС. Этим документом предусматривается построение в нашей стране, а позднее утверждение на всей планете самого гуманного и самого демократического общественного строя, о котором мечтали, за который боролись и отдавали жизнь лучшие люди Земли.

4. Полет Гагарина открыл новую эру в развитии человечества. Это грандиозное, историческое, неповторимое событие!

5. Раскрытие тайн Космоса великим основоположником космонавтики К.Э. Циолковским.

4. А. А-ин, от имени восьми товарищей по работе (г. Рига)

1. Бесспорно, наиболее значительное событие XX века – Октябрьская революция.

2. Безусловно, главный документ эпохи – последняя Программа КПСС. Тут ни у кого из нас даже другой мысли не возникло.

3. Более великого человека, чем Ленин, в нашей эпохе не было. Это тоже ясно без слов.

4. Тоже простой вопрос. Кто же, если не Юра Гагарин.

5. Теория относительности. На ней обеими ногами стоит вся современная передовая наука.

6. Самое характерное для нашей эпохи – ядерная энергетическая установка. Недаром мы зовем свой век атомным. Мыслим ли он без ядерных электростанций, атомных ледоколов и подводных лодок, ядерных реакторов и их продуктов – изотопов, прочно вошедших в промышленность, сельское хозяйство, биологию и медицину?

7. Универсальная счетная машина.

8. После бурных споров большинство наших голосов было отдано телевизору. Пылесосам, холодильникам, стиральным, кухонным и швейным машинам, радиоприемникам и магнитофонам дана отставка. Духовная пища характеризует нас больше, чем материальная.

9. Нет спортивного снаряда популярнее, чем футбольный мяч. Аква-ланг, может быть, и характернее, но разве может он тягаться с мячом по массовости, по охвату зрителей, по духу коллективизма, столь присущего нашей эпохе! Во всех странах мира играют в футбол. Поэтому тут как ни вертись, а у футбольного мяча пока нет конкурентов.

10. Поэма Твардовского "За далью – даль". Она рассказывает о жизни на Земле так глубоко и широко, так поэтично и человечно, так страстно и так просто!

11. Сложный вопрос. Бетховен? Шостакович? А почему бы не советская песня? Простая, яркая, зовущая, сразу отражающая и дух, и пульс эпохи. И подлинно массовая, ибо нет музыкального произведения, глубже ушедшего корнями в душу и сердце, в жизнь нашего народа, чем песня. Ведь песня строить и жить помогает!

12. Фильм "Баллада о солдате".

13. Во всем мире современного искусства нет более сильного и более обобщенно-эпохального образа, чем "Рабочий и колхозница" Мухомой. Этот образ символизирует самую главную для Земли идею – идею созидания, труда...

14. К сожалению, это место нам придется уступить. Как символ торжества человека над природой, как тонкую эстетическую мысль, закованную в сталь и брошенную в воздух, как символ мощи изыщества мы выдвигаем на это место Мост золотых ворот в Сан-Франциско.

15. Чтобы дать марсианам почувствовать хоть одно земное ощущение, пошлем им бутылку старого гаванского рома...

После просмотра ответов задаем вопрос: почему подавляющее большинство наших экспонатов, так сказать, социалистического происхождения? Честно ли это? Резонно ли?

Да, честно. Да, резонно. Кто же может соперничать с нами в праве выражения характерных черт эпохи? С нами, молодыми хозяевами Земли? Где же, как не у нас, подлинная родина всего великого, всего передового – передовой науки, передовой техники, передового искусства, передовой философии и морали!

Мы делаем скидку капитализму: на Марс полетит модель американского красивого моста. Однако, господа американцы, простите, но капитализм не характерен для нашей эпохи. Для нашей эпохи характерен социализм.

5. Супруги С. и Л. В-вы, служащие (г. Одесса)

8. Наиболее характерным предметом быта советских людей считаем книгу. В квартире может не быть холодильника или пылесоса, а вот без книг нельзя, как нельзя без воздуха и хлеба.

6. Н. Л-ой, военнослужащий (Н-ская часть)

3. Самым великим человеком нашей эпохи был Владимир Ильич Ленин. Идеи его воплотились в нашей Коммунистической партии. Он хотел видеть всех трудовых людей счастливыми, грамотными, культурными. Он создал партию, и она вместе с народом положила начало тому большому пути, по которому сейчас идет наша страна, все здравомыс-

лящие люди мира. Ленин смотрел далеко вперед. Его пророческие слова сбываются...

13. Скульптура Вучетича "Перекуем мечи на орала". Она выражает извечную мечту человека о мире без оружия. Путь к миру лежит через разоружение, а это значит, что надо по-настоящему взяться за дело и убедить всех людей перековывать мечи на орала.

7. Супруги Л. и Д. Г-ко, филолог и инженер, по 27 лет (г. Киев)

2–3. Мы посылаем Программу партии. Это наиболее важный исторический документ наших дней, говорящий о том, какими идеалами и стремлениями живет Человек Земли. А тем, что он смог сегодня сказать о Мире, Труде, Свободе, Равенстве, Братстве и Счастье всех народов как о действительном содержании нашей жизни, человечество обязано объединению людей, составивших этот документ, и их мудрому наставнику – самому великому человеку эпохи – Владимиру Ильичу Ленину.

4. Гимном XX века стал подвиг Юрия Гагарина.

5–6. Лучшие достижения науки и техники столетия соединены в теории относительности Альберта Эйнштейна и космической ракете.

9. Штанга с набором весов в 570 кг, которая расскажет, какой силой обладает человек. Правда, сегодня никто еще не поднял столько. Но пока ракета летит к Марсу, Юрий Власов, безусловно, достигнет этого результата.

10–12. Литературу Земли представит Алексей Максимович Горький своей легендой о горячем сердце Данко; музыку – "Патетическая оратория" Свиридова, а кино – "Новые времена" Чарли Чаплина.

8. В. Г-жа, учительница (г. Клайпеда)

1. Любое событие, знаменующее общность чувств. Например, пуск Братской ГЭС.

2. Предложения СССР по всеобщему разоружению.

3. В.И. Ленин.

4. Подвиг ученого, сказавшего: "Я знаю, как выглядит атом".

5. $E = mc^2$ и $E = h\nu$. Формула взаимодействия энергии и массы и формула энергии кванта, которые скажут о том, что мы знаем о первоосновах мира.

6. Ускоритель заряженных частиц.

7. Электронно-счетная машина или (из-за отсутствия места) логарифмическая линейка.

8. Телевизор, как вещь... вообще лишившую нас быта.

9. Гоночный автомобиль.

10. Новелла А. Барбюса "Нежность", где коротко и потрясающе рассказано, на какие высоты духа человек способен подниматься.

11. "Ленинградская симфония" Шостаковича – свидетельство трагизма нашей эпохи и мужества человеческого.

12. Фильм "Баллада о солдате".

13. "Рука создателя" Родена.

14. Дворец пионеров на Ленинских горах в Москве.

15. Книгу карикатур Бидструпа. По двум причинам: а) мы смеемся, следовательно, мы – люди; б) на Земле ее не достать, тем ценнее подарок.

9. В. Ч-ов, сельский механизатор (Алтайский край)

11. Я не музыкальный критик и не берусь профессионально судить о достоинствах симфоний. Но "Ленинградская симфония" Шостаковича произвела на меня очень сильное впечатление. Силы света, разума и силы мрака, угнетения переданы в ней почти осязаемо, зримо. Торжество разума, веру в свои собственные силы испытываешь, слушая эту симфонию. На мой взгляд, это музыкальное произведение наиболее правдиво и ярко характеризует наш век – век борьбы.

10. Г. С-ий, журналист (г. Минск)

1. Водружение знамени Победы над рейхстагом. Это – акт победоносного завершения одной из величайших битв истории. И по масштабам, и по историческому значению. Во-первых, потому, что только в результате победы в этой битве враги коммунизма по-настоящему ощутили силу коммунизма; во-вторых, потому, что это была победа над самым яростным натиском врагов революции; в-третьих, потому, что, вполне возможно, это была последняя мировая война в истории.

2. Программа КПСС – документ, в котором отражен еще один важнейший этап борьбы человечества за разумнейшее и справедливейшее общество.

3. Ленин.

4. Самым выдающимся подвигом XX столетия является проникновение человека в космос, а истинным героем – Циолковский, человек, который первым побывал в космосе, гением своего разума первым покорял Вселенную еще тогда, когда Россия освещалась керосиновыми лампами и наполнилась перезвонами церковных колоколов.

5. Описание метода диалектического материализма.

6. Действующая модель искусственного сердца – символ человеческой гениальности, а главное – гуманизма.

7. Кибернетическая машина.

8. Телефон – предмет, сокращающий время и расстояние.

9. Конечно, мяч.

10. "Приключения Тома Сойера" и "Приключения Гекльберри Финна" М. Твена – лучшие произведения для детей, а детство – это символ вечной жизни, символ счастья.

11. 5-я симфония Бетховена. Это музыка, пробуждающая чувства мужества и оптимизма, наслаждения и гордости за человека и мобилизующая на борьбу за лучшее в человеке.

12. Фильм "Чапаев".

13. Скульптура Венеры Медицейской. Прекраснее женщины природа Земли не создала ничего, а прекраснее, чем в этом произведении, образ женщины не отражен ни в каком другом.

14. Лучший жилой дом современности.

15. На встрече с деятелями литературы и искусства 8 марта с. г. Н.С. Хрущев сказал: "За революцию надо бороться не только в ходе ее свершения, но и в период укрепления ее завоеваний вплоть до построения коммунизма". Революция не завершена, революция продолжается. Люди, возглавляющие революционную борьбу наших дней, достойны того, чтобы о них знали на других планетах.

11. В. П., инженер-картограф (г. Уфа)

На Марс – с чем?

Во-первых, обязательно с земной гагаринской улыбкой, одной из тысяч, щедро подаренных человечеству природой.

Во-вторых, с портретом Ленина – самого человеческого на Земле человека века.

И в-третьих, с букетом ароматных полевых цветов и веточкой березы.

Вот, пожалуй, и все, если это "все" доставит на Марс на своем космическом корабле советский человек – самое большое достижение земной цивилизации XX века, человек, строящий коммунизм.

3. Количественные результаты исследования

Как уже было сказано, к огромному сожалению, в архивах не сохранилось никаких количественных результатов настоящего опроса, кроме тех, что удалось разыскать в публикациях 1963 г., посвященных итогам исследования.

После содержательной систематизации всех этих (немногочисленных и большей частью разрозненных) данных заключенную в них информацию удалось представить в семи таблицах.

Таблицы 1–4 и 5Б дают общую картину ответов на соответствующие вопросы анкеты по массиву опрошенных в целом.

Таблицы 5А, 6 и 7 представляют первые десятки наиболее распространенных ответов на вопросы анкеты (в рангах, по мере убывания частоты упоминаний).

Таблица 1. Первые (максимально частые) ответы на все вопросы анкеты (в том числе в % к общему числу опрошенных, n = 6425)

1. Событие века	Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.	- 39,2
2. Документ века	Программа КПСС, принятая на XXII съезде партии в 1961 г.	- ? ¹
3. Личность века	Владимир Ильич Ленин	- 98,2
4. Подвиг века	Полет в космос Ю.А. Гагарина	- 67,0
5. Научное открытие века	Расщепление атомного ядра	- ~60,0 ²
6. Изобретение века	Искусственный спутник Земли	- 41,7
7. Характерное орудие труда	Электронно-вычислительная машина	- 28,5
8. Характерный предмет быта	Телевизор	- 45,3
9. Спортивный снаряд	Кожаный мяч	- 43,8
10. Произведение художественной литературы	Книги М.А. Шолохова	- ? ³
11. Произведение музыки	Сочинения Людвиг ван Бетховена	- ~25,5
12. Художественный фильм	Фильм М.И. Ромма "9 дней одного года"	- ? ³
13. Произведение живописи, скульптуры	Скульптура Е.В. Вучетича "Перекуем мечи на орала"	- ? ³
14. Произведение архитектуры	Кремлевский Дворец съездов в Москве	- 43,2

¹ В итоговых материалах опроса значится: "Подавляющее большинство опрошенных".

² В итоговых материалах опроса значится: "Трое из каждых пяти опрошенных".

³ Данные отсутствуют.

Таблица 2. Ответы на вопрос о главном событии XX века (в % к общему числу опрошенных, n = 6425)

1. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.	– 39,2
2. События, связанные с освоением космоса	– 36,6
3. События, связанные с преобразованием природы в СССР	– 7,1
4. События, связанные с борьбой за мир	– 4,4
5. Победа советского народа над германским фашизмом	– 2,7

Таблица 3. Ответы на вопросы о главном научном открытии (А) и главном техническом изобретении (Б) XX века, а также о наиболее характерном современном орудии труда (В) (в % к общему числу опрошенных, n = 6425)

А. Научные открытия

1. Расщепление атомного ядра	– ~60,0
2. Теоретические идеи прорыва в космос К.Э. Циолковского	– ? ¹
3. Создание общей теории относительности А. Эйнштейном	– 8,6

Б. Технические изобретения

1. Искусственный спутник Земли	– 41,7
2. Атомный реактор (в т. ч. создание АЭС и атомохода "Ленин")	– 25,0
3. Электронно-вычислительная машина	– 10,6
4. Реактивный двигатель	– 8,6
5. Современные самолеты	– 2,2
6. Синхрофазотрон	– 1,9
7. Квантовый генератор (лазер)	– 1,3

В. Орудия труда

1. Электронно-вычислительная машина	– 28,5
2. Станок с программным управлением	– 19,5
3. Сельскохозяйственные машины (трактор, самоходный комбайн)	– 10,4
4. Шагающий экскаватор	– 8,8
5. Авторучка, карандаш	– 5,0

¹ Данные отсутствуют.

Таблица 4. Ответы на вопросы о характерных предметах быта (А) и спортивных снарядах (Б) (в % к общему числу опрошенных, n = 6425)

А. Предметы быта

1. Телевизор	– 45,3
2. Радиоприемник	– 14,8
3. Холодильник	– 6,0
4. Часы	– 4,4
5. Электрическая лампа	– 3,9
6. Стиральная машина	– 3,7
7. Книга	– 2,5

Б. Спортивные снаряды

1. Кожаный мяч	– 43,8
2. Штанга	– 13,7
3. Брусья	– 5,5
4. Гантели	– 5,3
5. Шахматы	– 3,2

Таблица 5. Ответы на вопросы о выдающихся произведениях художественной литературы (А; в рангах, по мере убывания частоты упоминаний) и музыки (Б; в % к общему числу опрошенных, n = 6425)

А. Произведения литературы

1. М.А. Шолохов
2. Н.А. Островский
3. Л.Н. Толстой
4. В.В. Маяковский
5. М. Горький
6. А.Н. Толстой
7. А.Т. Твардовский
8. Б.Н. Полевой
9. А.А. Фадеев
10. Л.М. Леонов

Б. Произведения музыки

1. Л. Бетховен	— 25,5% ¹
2. П.И. Чайковский	— 20,0% ¹
3. Д.Д. Шостакович	— 17,6%
4. Советская/русская песня	— 17,4%

Таблица 6. Ответы на вопросы о выдающихся произведениях кинематографа (в рангах, по мере убывания частоты упоминаний)

1. М.И. Ромм – "9 дней одного года" (1962)
2. С.Ф. Бондарчук – "Судьба человека" (1959)
3. Г.Н. Чухрай – "Чистое небо" (1961)
4. С.А. Герасимов – "Люди и звери" (1962)
5. Г.Н. Чухрай – "Баллада о солдате" (1959)
6. С.М. Эйзенштейн – «Броненосец "Потемкин"» (1925)
7. М.И. Ромм – дилогия "Ленин в Октябре" и "Ленин в 1918 году" (1937, 1939)
8. М.К. Калатозов – "Летят журавли" (1957)
9. Бр. Васильевы – "Чапаев" (1934)
10. Ю.Я. Райзман – "Коммунист" (1958)

¹ В итоговых материалах опроса респонденты, назвавшие Бетховена, странным образом объединены с респондентами, назвавшими Чайковского (сумма тех и других ответов = 45,5%, однако Бетховен идет на первом месте).

Таблица 7. Ответы на вопросы о выдающихся произведениях живописи, скульптуры (А) и сооружениях архитектуры (Б) (в рангах, по мере убывания частоты упоминаний)

А. Произведения живописи, скульптуры

1. Е.В. Вучетич – "Перекуем мечи на орала" (1957)
2. В.И. Мухина – "Рабочий и колхозница" (1937)
3. О. Роден – "Мыслитель и др. работы"
4. А. Фивейский – "Сильнее смерти"
5. Л.Е. Кербель – Памятник К. Марксу в Москве (1961)
6. И.Д. Шадр – "Бульжник – оружие пролетариата" (1927)
7. Живопись П.Д. Корина
8. Живопись А.А. Пластова
9. Живопись А.А. Дейнеки
10. Живопись Пабло Пикассо

Б. Сооружения архитектуры

1. Кремлевский дворец съездов в Москве
2. Здание МГУ на Ленинских горах в Москве
3. Дворец пионеров на Ленинских горах в Москве
4. Здание ООН в Нью-Йорке
5. Современный жилой дом
6. Спортивный комплекс в Лужниках в Москве
7. Эмпайер стейт билдинг в Нью-Йорке
8. Московский метрополитен
9. Павильон "Атомиум" на Всемирной выставке в Брюсселе
10. Бразилиа (застройка города)

4. Краткий комментарий к результатам исследования

Как уже отмечалось в начале главы, настоящий опрос задумывался в качестве *продолжения* исследования советской молодежи, предпринятого ИОМ "КП" двумя годами ранее, и имел своей главной целью определить широкий спектр ценностных ориентаций различных типов молодых людей. В соответствии с программой здесь на ином предметном материале предполагалось получить еще одно *обобщенное представление* о духовном мире молодежи СССР начала 60-х, и, надо сказать, именно так этот замысел и был понят частью тех, кто решил включиться в исследование. *"Мне и моим товарищам, – писал от их имени, к примеру, Н. Л-ой, техник из г. Донецка, – очень нравится анкета "На Марс – с чем?". Отвечая на нее, мы в какой-то мере говорим о нашем мировоззрении, о нашем отношении к тем или иным вопросам жизни, искусства, науки. Нет сомнения, что рождается много споров и оригинальных суждений по этим вопросам. Но главное, я думаю, в том, что в результате этих споров открывается истина, возникает образ нашего современника..."*

Вместе с тем уже одно только общее знакомство с представленными выше материалами, до всякого их детального рассмотрения, рождает устойчивое ощущение, что поставленную перед исследованием задачу, во всяком случае в ее точном значении, решить, к сожалению, не удалось. "Образ нашего современника" получился на этот раз явно не полным, бедным, искаженным, и случилось это, что почти тавтология, из-за специфичности *состава* (читай: *менталитета*) тех читателей "Комсомольской правды", которые приняли участие в опросе. Их общий ансамбль, довольно внушительный по объему, не только не представлял адекватным образом вселенные "Читатели газеты" и тем более "Советская молодежь в целом", но и существенно отличался от ансамбля респондентов, откликнувшихся на анкету "Что вы думаете о своем поколении?". При этом если первое из этих обстоятельств предопределялось самой формой газетного опроса и должно было расцениваться в качестве, так сказать, неизбежного зла, то второе – как раз особенно важное, с точки зрения объяснения случившегося неуспеха, – возникло, скорее, как-то неожиданно и исследователями ни в малой мере не предвиделось.

Разумеется, то или иное – большее или меньшее – несовпадение социально-демографических и когнитивно-психологических структур выборочных совокупностей, которые стихийно формируются в ходе газетных опросов, – явление обычное и при прочих равных обстоятельствах

совершенно закономерное¹. Его главным основанием является, понятно, сам предмет исследований, вызывающий разный интерес у разных групп населения. Однако при проведении опроса "На Марс – с чем?" предполагалось, что его проблематика *принципиально схожа* с проблематикой опроса 1961 г. и что поэтому в нем примут участие в общем и целом (в большой мере) представители тех же самых групп читателей "КП". Между тем этого не произошло. Не произошло уже на уровне социально-демографической структуры сравниваемых ансамблей, коль скоро в опросе 1961 г. рабочие составляли 31,6% от общего числа опрошенных, а в опросе 1963 г. – лишь 16,8%; доли технической и творческой интеллигенции равнялись там и там соответственно 5,1 и 15,1%; доли служащих – 18,2 и 11,2%; доли военнослужащих – 23,5 и 16,8%, доли студентов – 10,3 и 10,6%, а доли школьников 7,2 и 19,9%. И тем более – на уровне групп сознания. В первом опросе, как мы помним, участвовало множество четко очерченных типов молодых людей с существенно разными взглядами на жизнь, разными личными целями и разными же представлениями о способах их достижения; в результате чего общая картина менталитета масс (при всех ее отклонениях от положения вещей во вселенной "Советская молодежь в целом") получилась многофигурной, сложной, конфликтной. Теперь же эта картина, как кажется, упростилась до предела и свелась, по сути, лишь к **одному типу** молодежи – по некоторым признакам судя, достаточно широко распространенному в тогдашнем советском обществе, но весьма своеобразному с точки зрения его типологических характеристик.

Читатель видел, что в предыдущих главах, сталкиваясь с нерепрезентативными массивами опрошенных, автор комментариев был неизменно озабочен тем, чтобы еще до анализа конкретного материала ответить на базовый вопрос: каковы специфические свойства этих массивов – какую или какие части общества по своему менталитету они представляли, в каких отношениях с общей структурой массового сознания находилось присущее им сознание? Именно в результате такой идентификации непосредственного объекта изучения утверждалось, что в исследовании о

¹ Чтобы проиллюстрировать его, в частности, на примере социально-демографических групп, напомним о составах ансамблей респондентов, с которыми мы имели дело в газетных опросах по поводу "разведки будущего" (глава 4) и по проблемам семьи (глава 5): тогда в первом из них (в ансамбле Б1) было 49,5% рабочих, 26,7% инженерно-технических работников, 6,3% служащих, 13,2% военнослужащих и 1,5% учащихся (студентов и школьников), во втором же – 28,3% рабочих, 21,6% инженерно-технических работников, 18,2% служащих, 17,6% военнослужащих, 4,8% студентов и 0% школьников.

молодежи 1961 г. мы имели дело с представителями лидирующих, наиболее активных отрядов различных групп молодых людей; в исследовании о "разведчиках будущего" – преимущественно с представителями авангардных (продвинутых и рядовых) отрядов "строителей коммунизма"; а в исследовании проблем советской семьи – с представителями наиболее социально активной части населения, озабоченной положением дел в обсуждаемой сфере жизни общества.

Выраженная специфика опроса "На Марс – с чем?" заключается как раз в том, что состав его участников под этим углом зрения определить чрезвычайно сложно, по крайней мере до более близкого знакомства с конкретными проявлениями сознания этих людей. Совершенно очевидно, что ни одно из только что приведенных определений к ним не подходит: взявшиеся за погрузку космического корабля читатели "КП" явно не были лидерами молодежи, ее каким-либо авангардом, за которым бы шли какие-то массы; о них нельзя также безоговорочно сказать, что они были более других политически или идеологически ангажированы (= активны) или, тем паче, что они представляли какие-либо слои населения, глубоко переживавшие разного рода не решенные обществом проблемы. Кем же они тогда, собственно, были? Кого представляли?

Частичный – самый общий и предварительный – ответ на этот вопрос был дан уже в параграфе 1, хотя и с использованием запрещенного в логике приема *definitio per negatio*¹. Исходящая из учета ряда причин *неучастия* людей в опросе, тогдашняя его формулировка приписывала респондентам два свойства: "*особого рода* идеологическую ангажированность" и "*так сказать*, специфически упрощенный взгляд на вещи". Думается, теперь, после знакомства с содержанием параграфов 2 и 3, в этом определении можно кое-что конкретизировать, уточнив неопределенные оговорки "особого рода" и "так сказать".

Ясно прежде всего, что участники рассматриваемого опроса в своем подавляющем большинстве придерживались взглядов и представлений, прокламировавшихся господствовавшей в тогдашнем обществе коммунистической идеологией. Это в принципе видно из их ответов на многие вопросы анкеты (даже те, где речь идет о выдающихся произведениях живописи и скульптуры), но в первую очередь, конечно же, из ответов на первые три вопроса, связанные с определением главного события, важнейшего документа и величайшего человека XX столетия. Этот факт дает все основания говорить о выраженной идеологической

¹ Имеется в виду "определение через отрицание", т. е. раскрытие содержания предмета с помощью признаков, которыми предмет *не* обладает.

ангажированности участников опроса. Однако, с другой стороны, контент-анализ текстов ответов показывает, что названные взгляды и представления никак не увязывались говорящими с их собственными, персональными общественно-политическими позициями и поведением. Многочисленные, однообразные и громкие, слова об Октябре, Программе КПСС или Ленине в подавляющем большинстве случаев произносились как бы на экзамене – заученно, в качестве свидетельства добротного знания предмета, но предмета *отстраненного*, внешнего, не имевшего какого-либо нормативного или операционального значения для самих экзаменуемых. Даже в тех случаях (ср. анкету 1 в параграфе 2), когда эти суждения подкреплялись ссылками на факты собственной биографии или включали в себя отвлеченные и малообязывающие местоимения "мы", "нас" и т. п., отмечаемая **идеологическая ангажированность** оставалась по преимуществу, если не исключительно, **вербальной, а не деятельностной**. Это значит, что, будучи безусловными носителями мировоззрения, насаждавшегося Агитпропом, участники рассматриваемого опроса, скорее всего, все же не были при этом тем, что в тогдашние времена называлось "активными проводниками в массы идей КПСС".

Что же касается их второй отличительной особенности, названной выше "упрощенным взглядом на вещи", то она отчетливо выразилась в самой стилистике, в самой фразеологии состоявшейся дискуссии – в том, что основная масса ответов оказалась выполненной в данном случае не в форме более или менее развернутой *речи* или даже отдельных *предложений*, а с помощью одних *имен*, простого *называния* соответствующих явлений (предметов) действительности. Правда, подобный способ выражения мнений был прямо обусловлен здесь самим предметом разговора, вернее теми его параметрами, которые были заданы предложенным для опроса полевым документом. Согласно программе, исследование предполагало, что вопросы анкеты – как на этот счет очень удачно выразился уже цитированный в параграфе 1 учитель В. М-ий – заставят каждого подумать, критически проанализировать "*все, что знаешь, весь свой багаж, весь свой опыт и свое отношение к окружающему миру*". Однако, увлекшись публицистикой, авторы исследования, вопреки первоначальным намерениям, при конструировании полевого документа опустили этот важный акцент и настроили потенциальных респондентов, скорее, на простую *игру* (сродни попаданию в нужную цель)¹, в результате чего в

¹ Откровенно признавая это обстоятельство, они впоследствии писали: "*Институт нашел полезным составить в данном случае анкету таким образом, чтобы она имела характер не скрупулезного опроса, а своеобразной игры, включиться в*

дискуссии приняли преимущественное участие как раз не рефлектировавшие по поводу собственной жизни "мыслители" и не задумывавшиеся над жизнью мира в целом "аналитики", а, напротив, те, кто был "скор на слово", т. е. более других **готов к легкому ответу** на любой вопрос без каких-либо серьезных и предварительных раздумий. Косвенным свидетельством в пользу такого заключения может стать уже тот факт, что в огромном море (свыше 96 тысяч) зафиксированных ответов лишь две-три сотни совпадают с ответами "Трудно сказать" или "Не знаю". А главное, конечно, — это почти полное отсутствие в анкетах каких-либо аргументов в пользу того или иного выбора; вместо них — либо телеграфное немногословие, либо малосодержательная риторика.

Теперь, спустя четыре десятилетия после проведения опроса, разумеется, невозможно точно определить, в каких объективных количественных пропорциях входил в общую структуру советской молодежи начала 60-х годов представленный в опросе тип молодых людей. Однако, опираясь на внушительные размеры ансамбля опрошенных в целом и на весьма высокую активность участия в исследовании военнослужащих и учащихся в частности, можно думать, что удельный вес таких людей в обществе был немалым, и это обстоятельство, естественно, не может не повышать значимости полученных результатов.

Переходя к их более конкретному рассмотрению, начнем с самого главного — с **ценностных ориентаций** масс, представленных в опросе. Этот сюжет совпадал с основной темой исследования и обсуждался в нем весьма широким фронтом — путем выяснения отношения респондентов к четырем группам ценностей, а именно ценностям общественно-политическим (1-й — 4-й вопросы анкеты), научно-техническим (вопросы 5–7), бытовым (вопрос 8 и отчасти 9) и культурно-художественным (вопросы 10–14).

Очевидно, в первом блоке вопросов центральный пункт дискуссии был напрямую связан с существовавшим в тогдашнем мире острым противостоянием двух миров — *социализма* и *капитализма*, и поэтому в конечном счете речь там шла о выборе кардинальных путей развития человечества, предложенных соревнующимися цивилизациями. Как можно видеть из текстов, представленных в параграфе 2, обсуждение этого сюжета отличалось по большей части латентным характером, шло, так сказать, за кадром, "по умолчанию". Вместе с тем немалое количество участников опроса, делая выбор в пользу Октябрьской революции и Ленина

которую — добрая воля каждого" (см. Г. Оганов, В. Чикин. На Марс — с чем? М.: Правда, 1963. С. 5).

или Программы КПСС и Юрия Гагарина, выходили и на прямой, открытый разговор о конфронтации социализма и капитализма, неизменно утверждая бесспорное историческое превосходство первой модели развития мира над второй. Блистательный образчик подобных суждений – постскрипtum к анкете 4, написанный группой рижан. В общем же виде, как свидетельствуют таблицы 1 и 2, никакой, даже малой дискуссии в этом пункте разговора не произошло: все участники опроса практически стопроцентно выразили свою **верность идеалам и практике коммунизма** и в случаях оценки величайшего человека, важнейшего документа и главного подвига XX столетия, и в случае оценки главного события века, где Октябрьская революция 1917 года хотя и не получила абсолютного большинства голосов, но была подкреплена другими событиями из жизни первой в мире страны социализма, включая освоение космоса, которое неизменно трактовалось не как достижение человечества в целом, а исключительно как завоевание СССР¹.

Иная возможная ось оценки общественно-политических предпочтений участников опроса – касающаяся соотношения ценностей собственно *коммунистических* и *общечеловеческих* – оказалась в данном случае практически нерелевантной. С формальной точки зрения к разряду последних, конечно же, можно было бы отнести ценность *человеческой жизни* как таковой. Судя по итоговому отчету, опубликованному авторами исследования в 1963 г., идея предотвращения войны и сохранения мира на Земле была в общем массиве анкет весьма и весьма популярной. Однако, если обратиться к фактическому содержанию соответствующих высказываний, нетрудно обнаружить, что подавляющее большинство из них облекалось в ту же советско-социалистическую идеологическую упаковку. Примером тому – такого рода ответы:

Самым важным историческим документом эпохи я называю ленинский Декрет о мире, принятый 26 октября 1917 года. Он является важным потому, что впервые объявил войну величайшим преступлением

¹ Любопытства ради следует отметить, что аналогичные, хотя и не столь единодушные, оценки миров капитализма и социализма присутствовали также и в большинстве анкет зарубежных участников опроса (см. Приложение 7 и в первую очередь ответы австралийской писательницы Элеоноры Тэйлор) – факт, свидетельствующий не только о том, что за перо в данном случае практически вовсе не брались сторонники противоположных общественно-политических ориентаций (составлявших, скорее всего, безусловное большинство населения Земли), но и о том, что активные сторонники социалистических идеалов в тогдашнем капиталистическом мире исчислялись также далеко не единицами.

против человечества (И. В-ий, цементный завод, г. Балаклея, Харьковская обл.); или:

Мне хотелось бы поместить в контейнер документ, в котором черным по белому было бы написано, что все государства мира отложили далеко в сторону пушки, ракеты, бомбы и дружно принялись за мирный, благородный труд. Этот документ – предложенный СССР Договор о всемирном разоружении. Пока такого еще не произошло, но ведь недаром в песне поется: "люди... в наших силах Землю от пожара уберечь" (Я. Б., г. Дубна, Московская обл.).

При обсуждении второй группы ценностей, включавшей в себя самое крупное научное открытие, наиболее важное техническое изобретение века, а также современное орудие труда (см. таблицу 3), отмеченная идеологическая конфронтация отчасти сохранялась, особенно при обсуждении изобретений в области техники, список которых открывался искусственным спутником Земли и атомным реактором. И все же в этой части дискуссии большинство опрошенных оставляло поле "классовой борьбы" и демонстрировало, скорее, общечеловеческий взгляд на вещи. Даже в случае с той же техникой, где присутствовало, строго говоря, не столько стремление подчеркнуть "преимущества социализма над капитализмом", сколько желание выразить вполне оправданную национальную гордость, коль скоро и первый ИСЗ, и первая АЭС были на самом деле созданы не где-нибудь, а именно в СССР. И тем более когда оценивались достижения науки (где наряду с легендарным в народе Циолковским на сцене появлялись Фредерик Жолио-Кюри или Эйнштейн) или вовсе уже деидеологизированные орудия труда.

Информация, связанная с третьим блоком ценностей, отнесенных к разряду бытовых, оказалась по своему объему слишком незначительной, чтобы пускаться по этому поводу в какие-либо пространные комментарии. Однако кое-что интересное на этот счет в опросе и в этом пункте все же проявилось. И прежде всего – довольно резко выраженный разрыв в предпочтениях людей, касавшихся, скажем так, *мира вещей* и *мира идей*. Как показывает таблица 4А, истинными фаворитами на этой оси ценностей среди предметов быта в глазах опрошенных были телевизор и радиоприемник – устройства, обслуживающие духовную жизнь человека, а вовсе не холодильник и пылесос, улучшающие его материальное благосостояние. Хотя, с другой стороны, нельзя не обратить внимание и на то, что сторонников супругов В-вых из г. Одессы, поставивших на первое место книгу (см. анкету 5 в параграфе 2) было в опросе мизерно мало, всего 2,5% от общего числа опрошенных – факт, свидетельствующий то ли о мифологичности широко распространенного в те годы тезиса о со-

ветских людях как о "самой читающей нации на Земле", то ли о том, что по своему менталитету основная масса участников опроса никак не относилась к числу "книжников".

Наконец, в дискуссии по поводу четвертой группы ценностей, где обсуждались наивысшие достижения землян XX века в области литературы и искусства, наиболее примечательными, по мнению автора, были отнюдь не определения первых лиц в длинных списках писателей, композиторов или художников, но выбор этих лиц из числа "своих" и "чужих", "наших" и "не наших". Первые места Шолохова или Вучетича, равно как седьмые Твардовского или Корина, здесь в самом деле выглядят во многом случайными и в большинстве случаев не поддаются сколько-нибудь бесспорной интерпретации. А вот соотношение в этих списках деятелей отечественных и зарубежных, различаемых как раз не в качестве принадлежащих к противостоящим мирам социализма и капитализма, а именно в качестве "своих" (российских, советских) и "чужих" (относящихся к другим странам), представляется безусловно значимым.

В ограниченных размерах этот сюжет возникал, естественно, и ранее. Например, как мы видели, при определении крупнейшего научного открытия века. Или в разговоре о человеке, прославившем своим подвигом XX столетие (где наряду с Юрием Гагариным – хотя и с мизерной частотой – назывались Эрнст Тельман, Фидель Кастро, Юлиус Фучик, Патрис Лумумба и некоторые другие деятели международного революционного и рабочего движения). Однако наибольшее количество информации на этот счет предоставляет именно этот последний блок вопросов. И знакомство с ответами на них – как на уровне общих результатов, содержащихся в таблицах 5–7, так и на уровне контент-анализа текстов примерно тысячи анкет – позволяет обнаружить ряд существенных моментов:

во-первых, что выход опрашиваемых за географические границы СССР в этом случае был *максимальным* (особенно в вопросах о произведениях литературы и художественного кинематографа¹);

¹ Не представленный в таблицах (где речь идет лишь о первых десяти приоритетах в каждой из рассматриваемых областей культуры) этот результат опроса отчетливо выявляется при обращении к текстам анкет. В этом случае среди пяти с лишним десятков названных писателей можно встретить, в частности, имена Э. Хемингуэя, Р. Роллана, Д. Лондона, Т. Драйзера, А. Барбюса и (даже) Р.М. Рильке и У. Фолкнера, а среди почти трех десятков кинематографистов – Ч. Чаплина и В. де Сика.

во-вторых, что, выходя за рамки своей страны, респонденты оставались чаще всего в границах Европы, демонстрируя в своих ориентациях и предпочтениях четко выраженный *евроцентризм*¹;

в-третьих, что, будучи максимальными по сравнению с другими блоками вопросов, эти выходы за рамки СССР и здесь имели в действительности весьма ограниченный характер, так что в общей конкуренции ценностей на оси "свои – чужие" **бесспорный и решающий верх** был в общем и целом на стороне ценностей **отечественного** производства;

в-четвертых, что в рамках разговора о высших достижениях собственно советской культуры речь едва ли не стопроцентно шла о культуре *сугубо российской* – произведенной русскими авторами, на русском языке (литература, кино) и при этом даже, еще уже, работавшими не в России в целом, а практически исключительно в Москве, но отнюдь не о многонациональной культуре народов СССР, как этого можно было бы ожидать, принимая во внимание, что в рассматриваемом опросе участвовали представители всех без исключения союзных и многих автономных республик страны.

Думается, каждая из этих констатаций небезынтересна и заслуживает внимания. К примеру, последняя со всей остротой поднимает вопрос о реальных границах этнической самоидентификации и этнического самовыражения людей нерусской национальности в условиях тогдашнего социалистического общества, которое, как известно, безмерно кичилось "полным равноправием" всех входящих в его состав народов и наций. Однако главной из них следует признать, конечно же, третью. Прежде всего по существу дела, в качестве простого факта, поскольку результаты опроса в данном пункте были без всякого преувеличения поистине впечатляющими: шутка ли сказать, но в первых десятках лучших произведений художественной литературы и кинематографа мира не оказалось ни одного (!) иностранного имени, в первой десятке наиболее выдающихся произведений живописи и скульптуры – таких было лишь два (Огюст Роден – 3-й и Пабло Пикассо – последний, 10-й), в списке сооружений архитектуры – четыре (4-е, 7-е, 9-е и 10-е места), и лишь однажды, в случае с музыкальным творчеством, картина принимала иной вид, поскольку там первым в рейтинге значился (правда, с не очень ясным количественным

¹ Во всем огромном массиве "экспонатов", призванных представить инопланетянам "общую земную цивилизацию XX века", лишь крайне ограниченное их число относилось к США, буквально единицы – к Африканскому континенту (Конго), Центральной и Южной Америке (Куба, Бразилия) и не было вовсе ни одного, который бы представлял страны Азии, Полинезии и Австралию.

показателем и нарушением границ XX века, переходом в век XIX) Людвиг ван Бетховен. А кроме того, этот факт представляется особенно значимым и потому, что при попытке понять его природу открывается возможность выйти на некоторые "тайные тайных" анализируемого массового сознания вообще.

Как, в самом деле, можно объяснить, что многие бесспорные ценности мировой художественной культуры оказались, мягко говоря, недооцененными участниками опроса, не нашли адекватного отражения в сознании тогдашних советских людей? Первое, что тут приходит в голову, это недостаточное или вовсе плохое знакомство респондентов с предметом обсуждения. И сомневаться в истинности этой первой догадки, конечно же, не приходится: факт **низкого уровня знаний**, слабой информированности людей относительно культурной жизни мира, равно как и их низкой компетентности при обсуждении зарубежного искусства, в опросе – налицо. При этом он не только содержит ответ на поставленный вопрос, но и кардинально меняет сам ракурс разговора о ценностных ориентациях масс, позволяет существенным образом скорректировать общую картину этих ориентаций. Одно ведь дело, если люди стояли перед (относительно) *полным* набором предметов, из которых они должны были выбрать некие, наиболее предпочтительные для них, и совсем другое – если этот набор с самого начала был *неполным*, ограниченным, усеченным. Конечно, и в последнем случае *выбор* тех или иных предметов из набора – свидетельство определенных ценностных ориентаций людей, их предпочтений, оказываемых в большей мере одним предметам и в меньшей мере – другим. Но зато *не-выбор* ими предметов, в наборе вовсе не значившихся, к проблеме собственно ориентаций, понятное дело, не имеет уже никакого отношения; он свидетельствовал не о том, что эти предметы были менее ценными, чем выбранные, а о том, что люди просто не знали о существовании этих предметов и потому не могли их оценивать в качестве более и менее предпочтительных.

В этой связи возникает еще одна загадка: какова была природа зафиксированного незнания, что именно лежало в его основе – отсутствие ли *интереса* у людей к обсуждаемым предметам или *отсутствие возможностей* удовлетворить имевшийся интерес?

К сожалению, материалы рассматриваемого опроса сами по себе не дают информации, которая бы позволила решить эту альтернативу. Однако по личным впечатлениям автора, относящимся к тем временам, а также на основании данных, полученных ИОМ "КП" в опросе о молодежи за два года перед этим, можно утверждать, что интерес тогдашних россиян и особенно молодых людей к культуре Запада был скорее силь-

ным, нежели слабым. Особенно если речь шла о кинематографе или эстраде. И тем не менее джаз в рассматриваемом опросе был назван в качестве вершины музыкальных достижений землян лишь 0,5% от общего числа опрошенных, а блистательную ленту Дж. Старджеса "Великолепная семерка" (выпущенную в прокат на родине, в США, в 1960 г.) упомянули вообще лишь 0,03% – двое из 6425 человек.

Это значит, что обсуждаемый феномен вызвался к жизни (как минимум, в той или иной мере, а то и преимущественно) отнюдь не отсутствием соответствующих потребностей и не только возможным неприятием советскими людьми культуры зарубежья, но элементарным **дефицитом информации** в обществе на этот счет. Аналогичное положение вещей наверняка имело место и во всех других обсуждавшихся в опросе сферах человеческой жизнедеятельности – общественно-политической, научно-технической, бытовой. Однако в сфере культуры это было особенно зримо. Если сейчас обратиться к номенклатурам имен зарубежных писателей, композиторов, художников, чьи произведения выпускались тогда советскими издательствами, исполнялись в концертных залах или выставлялись в музеях страны, а также к репертуару театральных спектаклей и бывших в массовом прокате зарубежных фильмов, мы без труда обнаружим, что гигантские множества чрезвычайно значимых событий и фактов тогдашней литературно-художественной жизни мира, более того, целые огромные пласты культуры, создававшейся человечеством за пределами СССР, оставались полностью скрытыми (воистину за семью печатями!) от глаз и ушей советских людей. Пресловутый железный занавес в начале 60-х гг., несмотря на возникшие в нем прорехи, функционировал, как и ранее, всюду. И в виде многочисленных физических, технических, административных и иных барьеров, препятствовавших прямым контактам советских людей с так называемой границей, и в виде мощнейших механизмов цензуры, осуществлявших неусыпный идеологический контроль над всякой информацией, шедшей из-за рубежа или характеризовавшей зарубежную жизнь.

С другой стороны, упомянутое выше *неприятие* зарубежных ценностей той или иной частью тогдашнего советского общества было также фактом несомненным. Он подтверждался в опросе и рассыпанными в анкетах критическими замечаниями по адресу западной культуры (к примеру, того же джаза, обруганного, вслед за Горьким, в качестве "музыки толстых", или новых – абстракционистских и иных – течений в живописи), и некоторыми уцелевшими количественными данными. К примеру, гений Чаплина, с трудом попавшего в двадцатку лучших кинематографистов мира, был оценен менее чем 1,5% опрошенных, а "Похитители вело-

сипедов" Витторио де Сика лишь 0,3%. Сказать, что тут снова срабатывал фактор низкой информированности публики, невозможно, поскольку и создатель "Новых времен" и "Огней большого города", и один из ведущих мастеров итальянского неореализма имели в СССР широкий прокат и были хорошо известны. Значит, разгадка была в чем-то ином.

При абстрактном подходе случаи безразличного или активно критического отношения советских людей к произведениям зарубежной культуры могли объясняться, очевидно, тремя группами причин: либо (1) *этнокультурной удаленностью* этих образцов от образцов отечественной культуры, их содержательным, генотипическим несходством друг с другом (в таких случаях как раз уместно прибегали к терминам "неродное" и "родное", "чужое" и "свое"); либо (2) *непривычностью формы*, в которую облекались зарубежные образцы культуры, невладением художественным языком, на котором они исполнялись (в таких случаях зарубежное воспринималось в качестве "непонятного", а отечественное, напротив, в качестве "понятного"); либо (3) *морально-идейной несовместимостью* зарубежных образцов с образцами отечественными, вписанностью тех и других в различные общественно-политические и идеологические системы координат, именуемые в конечном счете не-социализмом и социализмом (в таких случаях в ход шли уже определения иного типа – "негативное" и "позитивное", "вредоносное" и "полезное", "враждебное" и "дружественное").

Думается, при объяснении зафиксированной в опросе господствующей ориентации респондентов на продукты отечественной культуры и их более чем сдержанного отношения к культуре зарубежной во внимание следует принимать все три перечисленных обстоятельства. Однако эмпирически подтвержденным в исследовании оказалось лишь одно – последнее. И скорее всего, именно оно и было решающим, поскольку сознание бесспорного превосходства идеалов и практик коммунизма над всеми иными моделями развития человечества, о котором шла речь выше, не ограничивалось в тогдашнем советском обществе лишь сферой общественно-политических отношений, но широко захватывало (при нечастых отклонениях от общего правила) практически все без исключения сферы человеческой жизнедеятельности, включая сферу литературы и искусства.

На уровне **морфологического состава** анализируемого сознания эта его особенность проявилась как раз в поразительном засилье в нем разного рода штампов. Та или иная степень стандартности (клишированности) менталитета масс, его несамостоятельности, зависимости от официальных позиций неизменно фиксировалась нами и выше, во всех слу-

чаях функционирования общественного мнения. Но этот случай, как кажется, резко выделяется из общего ряда, причем не только в практике деятельности ИОМ "КП", но и в практике опросов населения СССР вообще, поскольку фигурирующее здесь сознание было **практически полностью несамостоятельным**, находилось едва ли не в стопроцентной зависимости от обращавшихся в обществе стандартов мысли и слова.

В сфере идеологии дело тут, в двух словах, сводилось к тому, что любое советское, социалистическое по самому своему определению объявлялось высшим, лучшим, нежели все прочее – несоветское и несоциалистическое. При этом не только объявлялось, но и считалось, признавалось. Рожденное в недрах коммунистической кабинетной пропаганды, данное представление – хотя в это трудно теперь поверить – не просто имело широкое хождение среди тогдашних россиян, но было принято многими из них на вооружение в качестве вполне *доказанной истины*. В своей крайней, предельно резкой форме эта мощная социально-психологическая установка принимала вид: *"советский человек, строящий коммунизм, – самое большое достижение земной цивилизации XX века"* (см. анкету 11 в параграфе 2), и с тем или иным ее выражением – то ли вариативным, то ли буквальным – в опросе приходится сталкиваться десятки если не сотни раз.

Вместе с тем высокая заштампованность сознания, о которой теперь идет речь, была связана своим происхождением не только с клишированными формулами собственно идеологии и пропаганды, но и с многочисленными языковыми клише, насаждавшимися в обществе системами образования и СМИ. Первый источник особенно легко угадывается за стандартными ответами, касающимися художественной литературы, науки и техники, второй – когда речь заходит о Гагарине или произведениях изобразительного искусства и архитектуры. И, как видно по текстам, лишь в самой незначительной мере здесь действовали так называемый личный опыт людей, их непосредственные контакты с жизнью, которые приводили к формированию каких-то собственных взглядов на вещи и артикулировались какими-то собственными словами, – разве что в сфере быта, спорта или (намного реже) кинематографа.

Отсюда – еще один довольно любопытный пассаж, связанный с вопросом о *мере рефлексивности* сознания говорящих. С формальной точки зрения, коль скоро все ответы респондентов облекались во вполне "нормальные" суждения (т. е. суждения рациональные, по видимости вполне осмысленные и напрочь лишённые каких-либо элементов иррационализма или скрытых некогнитивных эмоций), сомневаться тут вроде бы ни в чем не приходится: налицо была чистая рефлексия. Однако при

более строгим подходе к проблеме сомнения все же возникают. Ведь истинная рефлексия – не просто набор логически ясных высказываний, но и *процесс раздумий*, предшествующих этим высказываниям. Это значит, что она непременно включает в себя более или менее выраженное *критическое отношение* как к предмету обсуждения, так и к самому размышляющему по поводу этого предмета субъекту. А вот с этой точки зрения большинство ответов выглядит уже принципиально иначе: в них нет даже намека на критический взгляд на обсуждаемые вещи и тем более на самокритику самих говорящих. Вместо того и другого – широкое использование, а то и прямое репродуцирование уже имеющихся в обществе и, так сказать, висящих в воздухе суждений – то ли услышанных от школьного учителя, то ли вычитанных во вчерашнем номере газеты. И в части восторженных оценок Октябрьской революции и Программы КПСС или Ленина и Циолковского, и в части филиппик по поводу теории относительности и Бетховена или – даже! – телевизионного приемника и футбольного мяча.

Ситуация, по-видимому, была бы намного проще, если бы ее можно было подвести целиком под знаменитую формулу М. Жванецкого: *"Так давайте же обсуждать вкус кокосовых орехов, ни разу не попробовав и даже не увидев их!"* Тогда все было бы логично и понятно: незнакомые с тем или иным предметом обсуждения люди брали на веру какие-то слова, произнесенные по этому поводу другими людьми, и некритически повторяли их в своих высказываниях. Однако в том-то и дело, что эта формула действовала лишь на ограниченной части пространства состоявшейся дискуссии. Как показывает контент-анализ текстов анкет, большинство респондентов судило о многих обсуждаемых предметах отнюдь не понаслышке; люди сами многое читали, видели, слышали, причем не только в достоверных репродукциях (ср. учебники, музыкальные записи, альбомы живописи, фото- и телематериалы в СМИ и т. д.), но и в подлинниках. И тем не менее, вынося свой вердикт в отношении того или иного предмета, они делали это, как говорится, не своими словами, а путем цитирования чужих слов, т. е. посредством использования почерпнутой из разного рода внешних источников стандартной лексики и фразеологии.

Как это можно объяснить, почему это происходило? На взгляд автора, это загадка. Однако думается, что при ее решении во внимание следует принять как минимум два обстоятельства. Во-первых, очевидную (связанную с самим предметом разговора) *чрезвычайную удаленность* обсуждавшихся сюжетов от непосредственных забот и волнений респондентов. В этом смысле рассматриваемое исследование было в самом деле уникальным; в отличие от всех остальных опросов населения оно ни в

малой мере не затрагивало никаких реальных проблем в жизни общества, а стало быть, и так называемых ближайших, жизненно важных интересов людей, и потому, можно думать, освобождало участников опроса от поиска языковых средств, которые бы наиболее адекватно и, стало быть, наиболее эффективно (с точки зрения ожидаемых результатов дискуссии) выражали их личную позицию. А кроме того, тут, возможно, действовало и уже отмечавшееся осознание респондентами – в качестве главного содержания всего исследования – *явной и скрытой полемики*, шедшей по линиям "социализм – капитализм" и "Мы – Они"; тогда в своем стремлении поддержать "своих" наиболее весомой и убедительной аргументацией люди могли отказываться от "самодетельности" и обращаться к уже имеющимся и апробированным словесным формулам. Скорее всего, оба отмеченных механизма стандартизации ответов не замечались опрошенными, действовали на уровне их подсознания. Но от этого их роль в качестве факторов снижения меры рефлексивности рассматриваемого сознания, естественно, не менялась.

Вопреки видимой легкости и даже некоторой лихости, с которой респонденты отвечали на большинство вопросов, **достаточно низкой** следует признать в этом случае и их **способность суждения**. В ряде пунктов эта сторона дела уже освещалась нами, хотя и по другим поводам; к примеру, когда говорилось о почти полном отсутствии в анкетах мало-мальски удовлетворительной аргументации в пользу высказываемых точек зрения или когда рассматривался феномен выраженной зависимости анализируемого сознания от распространенных в обществе идеологических и языковых стандартов. Теперь же об этом следует сказать особо. И главное, на что тут хотелось бы обратить внимание, это факты *неадекватного понимания* участниками опроса главных задач и требований исследования.

В преамбуле к анкете, как мы помним, речь шла исключительно о "современности", о "цивилизации XX века". Однако многие участники опроса грубо нарушили эту временную границу, перейдя в ряде пунктов дискуссии в век предшествующий. Особенно массовой (почти 50% опрошенных) эта ошибка оказалась в случае с музыкой, и можно было бы думать, что дело тут не в непонимании говорящими условий разговора, а просто в их незнании музыки XX столетия. Однако аналогичные "трансцензусы" наблюдались также и в сфере художественной литературы (3-е место у Л.Н. Толстого), и в сфере изобразительного искусства (О. Роден). Нельзя, конечно, не отметить, что некоторые участники опроса, чувствуя некорректность своих ответов, пытались как-то ("теоретически")

обосновать свой выход за установленные хронологические рамки. Тогда они, в частности, писали:

Девятую симфонию Л. Бетховена я называю потому, что это высшее создание музыкального гения человечества всех времен. И вряд ли какие-либо произведения, созданные в нашем веке, можно признать "достижением" по сравнению с музыкой Бетховена. Кроме того, эта симфония – самая общечеловеческая, самая оптимистическая, самая торжественная (Ю. Г-н, инженер-строитель, г. Тула); или:

О музыкальном произведении скажу сразу: только Бетховен. Ни один художник не может сравниться своим талантом, богатством своей души с Бетховеном. Он хотя и творил полтора столетия назад, но заслужил любовь и признание всего мира на века (А. Т-н, рабочий, г. Москва); или (с претензией на концептуальное обобщение):

Первая часть анкеты, в которую входят вопросы с 1-го по 9-й, отражает прогресс человечества, его поступательное движение вперед. Ответы на эти вопросы надо искать, безусловно, в нашем времени. Вторая же часть – это "вечно живое и прекрасное": литература, музыка, кино, живопись и скульптура, архитектура. В разные эпохи создавались замечательные шедевры, вечные и понятные людям всегда. Вот почему мои ответы на вопросы второй части анкеты будут касаться не только нашего времени, а всей истории человечества (В. Я., военнослужащий, г. Киров).

Однако большинство таких объяснений – в силу их тавтологичности, невнятности, а также отсутствия в них элементарной логики – на самом деле ничего не объясняло, и в результате ошибка оставалась ошибкой.

Кроме того, как уже отмечалось выше в другой связи, участники опроса проявили неадекватное понимание предмета дискуссии и в части его географических границ. Напомним еще раз, что в преамбуле к анкете совершенно отчетливо оговаривалось, чтобы "экспонаты", отправляемые на Марс, представляли "достижения (всей) земной цивилизации", т. е. жизнь и успехи планеты Земля в целом. Однако подавляющее большинство участников опроса нарушили и это требование, сузив рамки планеты до рамок одной страны – СССР. Правда, как было показано выше, эта вторая подмена предмета разговора имела уже не столько гносеологическую, сколько ценностно-идеологическую природу, была напрямую связана (сошлемся снова на анкету 4 из параграфа 2) либо с подспудной идеологической конфронтацией "молодых хозяев земли" с "нехарактерным для нашей эпохи капитализмом", либо с наступательным советским патриотизмом, базировавшимся на представлении, что именно "у нас – подлинная родина всего великого, всего передового – передовой науки,

передовой техники, передового искусства, передовой философии и морали". И тем не менее речь тут и о несомненно *ложном, ошибочном знании*, о неспособности людей верно судить о мире и, стало быть, о разного рода изъянах в их сознании вообще и в логике их мышления в частности.

Один из таких изъянов, особенно бросающийся в глаза, это *абсолютизация*, или *глобализация*, наблюдаемых событий и явлений, неумение оценить их в их действительных границах и в их реальном значении. Данный феномен безусловно интересен и сам по себе, но особенно потому, что позволяет внести очень важное уточнение в общую картину анализируемого сознания масс. Дело в том, что, постоянно замещая землян советскими людьми, участники опроса не столько сужали "географию" Земли до "географии" собственной страны, сколько, напротив, придавали советскому опыту планетарный характер, рассматривали его в качестве опыта всего человечества. *"Важнейшим историческим документом, – убежден А. Г-в, житель поселка Камыш-Заря Запорожской области, – является Программа КПСС"*. И поясняет почему: *"Ее знает весь мир. В ней выражены идеалы, за которые отдали жизнь миллионы людей всего мира. Это самый важный документ, это песнь песней нашей жизни, нашей эпохи"*. *"Лучшим литературным произведением, – демонстрирует тот же ход мысли В. М., служащий из г. Ташкента, – считаю "Как закалялась сталь" Николая Островского. Это настольная книга мужества в борьбе за рабочее дело, свободу и независимость. Ее читает весь мир..."* И, заметим, ни тому ни другому даже на минуту не приходит в голову та элементарно верифицируемая мысль, что ни о Программе КПСС, ни тем более об истории Павки Корчагина подавляющее большинство жителей Земли не имеет ни малейшего понятия...

Что касается такой характеристики анализируемого сознания, как **реактивная способность** масс, то она проявилась в рассматриваемом исследовании в предельно скромных размерах. Примечательными тут, пожалуй, можно считать лишь два момента: во-первых, неизменную **сдержанность**, отсутствие какой-либо враждебности и тем более агрессии в открытых (к тому же немногочисленных) критических высказываниях по поводу мира капитализма, и, во-вторых, напротив, обильную **экспрессивность** в суждениях, отмечающих достижения советского общества. Первый из этих моментов особенно примечателен тем, что участвовавшие в опросе зарубежные респонденты вели себя в этом отношении в целом заметно иначе¹; второй – тем, что указанная экспрессия имела

¹ Яркий пример тому – представленная в Приложении 7 анкета французского писателя-коммуниста А. Вюрмсера.

преимущественно *вербальный* характер и, выражаясь главным образом "на словах" (т. е. в форме использования специфической лексики и специфических интонаций), практически не затрагивала той стороны сознания, которая совпадает с собственно эмоционально-психологическим самочувствием людей, их жизненным тонусом, их реальными настроениями и переживаниями.

Следуя дурным образцам тогдашней советской публицистики, вернее тому, что тогда считалось публицистикой, респонденты без конца изошрялись, чтобы не сказать в простоте ни единого слова. К примеру, если речь заходила о Ленине, то вождь Октябрьской революции и создатель Советского государства характеризовался не просто в данных своих ипостасях или, скажем, не просто как организатор партии, мыслитель и т. д., но и как *"самый земной человек"*, *"наша совесть"*, *"борец за светлое будущее"*, *"подвиг века"*, *"человек с доброй и умной улыбкой"*, *"воплощение лучших черт человечества"*¹; если говорилось о Программе КПСС, то непременно как о *"песне песней"*, *"гимне человеку"*, *"нашем светлом завтра"* и даже как о *"пути к звездам"*; если описывалось завоевание человечеством космоса, то неизменно с использованием таких словосочетаний, как *"захватывающая битва человека с природой"*, *"грядущие контакты с обитателями других миров"*² и т. д. Однако вся эта и ей подобная трескучая патетика (не менее "красочная", как легко догадаться, в ответах по поводу произведений литературы и искусства) была бесконечно далека от того, чтобы выражать реальный мир чувств тогдашних россиян, и свидетельствовала в очередной раз лишь о приверженности респондентов языковым штампам, которые наводняли в те годы так называемую публичную жизнь советского общества.

Впрочем, на одном участке состоявшейся дискуссии мир действительных массовых чувств советских людей все же приоткрывался вполне отчетливо – там, где они говорили о своем отношении к обществу, в котором живут, а точнее – выражали *искреннюю гордость за свою Родину*. Соответствующие высказывания на этот счет присутствовали в сотнях ответов на все без исключения вопросы анкеты (даже тот, где, казалось бы, сделать это было совершенно немыслимо – при обсуждении

¹ Из анкет врача В. Ш-ова (г. Челябинск), колхозницы А. Г-вой (село Довольное, Новосибирская обл.), воспитательницы детского сада Л. С-вой (г. Алма-Ата), мастера шахты № 4 (г. Шахтерск-на-Сахалине), школьницы Н. И-ой (г. Николаев) и экономиста А. М-ча (г. Могилев-Подольский, Винницкая обл.).

² Из анкет А. Г-ва (пос. Камыш-Заря, Запорожская обл.), школьника В. (г. Николаев) и 25-летнего служащего А. Д-го (г. Москва).

наиболее распространенного на Земле спортивного снаряда¹), и сомневаться в том, что выражаемые в них чувства были абсолютно искренними и безусловно массовыми, никак невозможно. Достаточно взглянуть в этой связи на то, как десятки участников опроса, что называется, не сговариваясь друг с другом, описывали домашние и уличные сцены, имевшие место по всей территории страны 12 апреля 1961 года (= связанные с восприятием советскими людьми информации ТАСС об историческом полете Юрия Гагарина). Совпадение текстов тут было поистине поразительным; достаточно сравнить хотя бы пару из них:

В. М-ва, сельский биолог, 26 лет
(Куйбышевская обл.)

На всю жизнь остался в памяти день 12 апреля 1961 года. Голос Левитана: "Говорит Москва..." Сообщение ТАСС о запуске космического корабля "Восток-1", о полете в космос советского человека Юрия Гагарина... Какую гордость я испытывала в те минуты за нашу великую Родину, за великую победу Человека!.. Все, кто был дома, стояли у радиоприемника от начала передачи до конца, у всех были слезы... слезы радости.

П. С-юк, служащий, 29 лет (г. Ульяновск)

Перед репродуктором на площади стоял я среди множества людей. Первые слова Левитана сковали нас, мы слушали, буквально затаив дыхание. Потом вдруг грянуло: "Ура-а-а!" Незнакомые люди обнимались, целовались, плакали от счастья. Как выразить чувства?! Они переполняли сердца — человек в космосе! Наш, советский!.. Об этом величайшем событии века марсиане должны знать обязательно. Возможно, и они снимут шапку и низко поклонятся гению советского народа, как это сделало человечество Земли.

Разумеется, делая такого рода и им подобные признания, участники опроса, в соответствии с заданными рамками дискуссии, не прибегали к лексике, которая бы позволяла описывать их сознание в терминах лояльности по отношению к существующему в стране строю, или доверия к власти, или симпатий к вождям². Однако в косвенном виде все эти эле-

¹ См. анкету 7 в параграфе 2.

² Кстати говоря, небезынтересно отметить, что при всем обилии высказываний по поводу Программы КПСС и миротворческой активности Советского правительства упоминания в анкетах имени Н.С. Хрущева на этот раз весьма не часты — факт трудно объяснимый, если принять во внимание, что в тогдашних советских СМИ и то, и другое неразрывно связывалось с именем главы партии и государства.

менты сознания масс были тем не менее в опросе налицо и главным способом их вербального артикулирования служила как раз категория гордости, причем гордости не только за свою страну и свой народ, но и за систему социализма как таковую – та самая знаменитая "советских собственная гордость", которую в свое время воспел великий поэт революции. Обосновывая ее, опрошенные ссылались на многочисленные конкретные – социально-экономические, научно-технические, художественные, духовно-нравственные и иные достижения, которых, по их мнению, добилась страна за годы советской власти. При этом применительно к разным сферам жизни общества и разным предметам обсуждения речь шла, естественно, о разных сюжетах. Однако за всеми за ними вырисовывались и некоторые общие представления говорящих о жизни социалистического общества в целом и, стало быть, о своей собственной жизни.

Одно из них – отчетливо пробившееся уже в опросе ИОМ "КП" об облике советской молодежи в 1961 г. – получило здесь особенно сильное развитие; это определение социалистического бытия как **бытия сугубо героического**, сродни постоянно, изо дня в день совершаемому подвигу. *"Я знаю, героями века будут называть космонавтов... – встречаем мы в анкете токаря Н. О. из г. Новохоперска Воронежской области. – Но ведь это простые наши люди. Вот почему я предложил бы послать на Марс портрет простого труженика"; "Мне хотелось бы положить в контейнер, – продолжает ту же мысль некто Л. Р. из Черниговской области, – фотографию простого человека – сталевара у огнедышащей печи, плотогона на бурной реке или хлебороба в бескрайней степи, обработанной и засеянной его руками. Таких людей очень много, мы их, конечно, всех не знаем. Они ничем не прославились, но это они создали все, чем богата и прекрасна советская Земля..."*

Что в действительности стояло за такого рода представлениями, сказать не просто. Ясно, что они свидетельствовали об очередном триумфе коммунистической идеологии, глубоко внедрившей в подкорку "трудящихся масс" и этот мифологический сюжет. Но как такое внедрение стало возможным? Что именно в менталитете россиян было такого, что обеспечило успех данной пропаганды? – это проблема. Скорее всего, тут срабатывало несколько факторов – и извечная (подмеченная еще Пушкиным) специфически российская наивная вера в истинность любого (а тем более без конца повторяемого) печатного слова; и смутная тоска по "красивой" жизни, желание каким-то образом возвыситься, расцветить в собственных глазах свои монотонные, безнадежно унылые будни; и еще – не в последнюю очередь – стремление как-то оправдать ту жертвенность, ту невозможность жить нормально, по-людски, с которыми советским лю-

ням приходилось иметь дело не только в суровую военную годину (где, как известно, всегда находилось место героям и подвигу), но и в самые что ни на есть мирные дни...

И наконец, в заключение скажем несколько слов о характеристиках рассматриваемого сознания, связанных с особенностями его структуры.

В части *содержательной дифференциации* высказанных в опросе по разным поводам взглядов эта структура отличалась **крайней нестабильностью** и варьировала от чуть ли не стопроцентного монизма до запредельной мозаичности, при которой общее количество несопадающих точек зрения превышало несколько десятков, а самая распространенная из них не набирала и 20% голосов. При всем при том в этом широком спектре вариантов достаточно отчетливо просматривается пять модусов зафиксированного общественного мнения:

1) беспрецедентно полное единодушие взглядов (= случай, когда 98,2% от общего числа опрошенных полагали, что самым великим человеком эпохи был В.И. Ленин)¹;

2) высокое единодушие взглядов (= три случая, когда более половины опрошенных сошлись во мнениях относительно главного документа века [Программа КПСС], его главного подвига [Ю.А. Гагарин] и главного научного открытия [расщепление атомного ядра]);

3) умеренное единодушие взглядов (= три случая, когда относительное большинство <свыше 40%> опрошенных выразило согласие по поводу самого характерного для XX столетия предмета быта [телевизор], спортивного снаряда [кожаный мяч] и архитектурного сооружения [Кремлевский Дворец съездов в Москве] при слабой конкуренции <менее 15% голосов> каких-либо иных суждений на этот счет);

4) умеренный ("нормальный") плюрализм взглядов (= четыре случая, когда однопорядковое количество опрошенных заняло несколько <ограниченное число> разных позиций в отношении главного события века [Октябрьская революция 1917 г. и освоение космоса], наиболее важного технического изобретения [искусственный спутник Земли, атомный реактор и ЭВМ], современного орудия труда [ЭВМ, станок с программным управлением и сельскохозяйственные машины] и выдающегося му-

¹ Напомним, что в практике деятельности ИОМ "КП" подобный высокий уровень единодушия масс в суждениях-мнениях был зафиксирован еще лишь однажды, а именно в первом опросе, где 96,8% опрошенных выразили убежденность в том, что новую мировую войну предотвратить удастся.

зыкального произведения [Л. Бетховен, П.И. Чайковский, Д.Д. Шостакович и советская/русская песня]);

5) крайний плюрализм взглядов (= три случая, когда десятки малочисленных групп опрошенных по-разному оценили наиболее выдающиеся произведения художественной литературы, кинематографа и изобразительного искусства).

Подобного рода структура массового сознания, проявившаяся в одном опросе, – явление довольно редкое. Однако в данном случае вовсе не удивительное, поскольку обсуждавшиеся в опросе предметы различались друг от друга не просто *содержательно* (как это бывает с любыми нетождественными предметами), но принципиально, *типологически* – по своему месту, своей значимости в жизни общества; по объему внимания к ним со стороны официальной идеологии; по источникам знаний о них, используемым широкой публикой; наконец, как результат, по самим механизмам формирования о них массовых мнений: одно ведь дело если эти мнения (как, скажем, о Ленине) впитывались в сознание людей, что называется, с молоком матери или (как, скажем, о Программе КПСС) внедрялись в сознание мощной системой массовой информации и пропаганды; и совсем другое – если они (как, скажем, мнения о науке и литературе) уходили своими корнями в полученное людьми образование или (как суждения о кинематографе и изобразительном искусстве) пусть и не складывались вовсе по формуле "на вкус и цвет товарищей нет", но все же явно не были свободны полностью от ее дифференцирующего воздействия.

Вместе с тем, констатируя общую и, в сущности, банальную зависимость меры монизма/плюрализма сознания масс от предмета обсуждения, следует признать, что выйти в этом случае на какие-либо более конкретные устойчивые связи интересующей нас характеристики сознания с разного типа предметами обсуждения довольно непросто. Хотя кое-что нащупать все же удастся. Так, к примеру, если посмотреть, как вело себя по отношению к разным обсуждавшимся предметам подавляющее большинство ансамбля опрошенных, равное его трем четвертям, обнаружим, что в вопросах 2 и 3 (о документе и человеке эпохи) оно давало только один ответ; в вопросах 1, 4 и 5 (о событии, подвиге и научном открытии века) – два ответа; в вопросе 6 (об изобретении века) – три ответа; в вопросе 11 (о музыкальном произведении) – четыре ответа; в вопросах 7–9 (об орудии труда, предмете быта и спортивном снаряде) – пять-шесть ответов и в вопросах 10, 12–14 (о произведениях литературы, кино, изобразительного искусства и архитектуры) – аж 12–20 ответов. Это значит, что в общем и целом максимальное единодушие массы проявляли в дискуссии по поводу общественно-политических сюжетов, "среднее" – по

поводу сюжетов технико-производственно-бытовых и минимальное – по поводу сюжетов литературно-художественных¹.

Что же касается второй структурной характеристики рассматриваемого сознания, связанной с *содержательной совместимостью* его составляющих и описываемой в терминах "целостности/разорванности", "противоречивости/непротиворечивости", то она вряд ли требует специального комментария после всего, что было сказано об этом сознании выше, особенно в связи с его морфологическим составом.

Будучи практически всецело продуктом действующих в обществе систем образования и воспитания, это сознание, естественно, отличалось ярко выраженной **монолитностью**, предельной подогнанностью, пригнанностью – без единой трещины! – подавляющего большинства его содержательных элементов. И дело тут было не просто в высокой прокоммунистической идеологической ангажированности людей как таковой, вовсе не в том, что в качестве главных своих приоритетов они называли Ленина и Октябрь 1917-го или Гагарина и Шолохова², а именно в особом монолитном типе мировоззрения, составлявшем базу их сознания. И потому – в поразительной самоуверенности последнего, в том, что, высказывая те или иные суждения, оно воистину не знало "ни упреков, ни сомнений" – ни упреков по поводу собственного возможного неведения о многих вещах в мире, ни сомнений по поводу верности своих взглядов. Разве не примечательны с этой точки зрения интонации, сопровождающие ответы тех же, уже цитированных, восьми молодых людей из г. Риги: "*Бесспорно*" – в первом вопросе, "*Безусловно*" – во втором, "*Это тоже ясно без слов*" – в третьем, "*Тот же простой вопрос*" – в четвертом и т. д.

¹ Отмеченная зависимость может быть выявлена и иным способом – в виде изменения суммы респондентов, давших два первых ответа на каждый из вопросов анкеты. Как можно видеть из таблиц, представленных в параграфе 3, в случае социально-политических ценностей эта сумма равняется 75–100% опрошенных, в случае технико-бытовых ценностей – в среднем 50–60%, а в случае художественных ценностей – в среднем порядка 35–40%.

² Достаточно очевидно, что перечисленные оценки сами по себе вполне правомочны. Лишнее доказательство тому – многочисленные рейтинги, подводящие итоги XX столетия и проводившиеся не только в России, но и в международном масштабе; в них снова на высших местах, как известно, среди прочих фигурировали и вождь российских большевиков, и организованная им Октябрьская революция, и первый человек, побывавший в космосе, и удостоенный Нобелевской премии по литературе создатель "Тихого Дона".

Глава 8. ОБЪЕМ И СТРУКТУРА СВОБОДНОГО ВРЕМЕНИ ГОРОЖАН

1. Характеристика исследований

• Цели

Два опроса, посвященных актуальным проблемам свободного времени городского населения страны, заняли в жизни ИОМ "КП" практически весь 1963-й год: первый был начат в январе и завершен в марте того года, а второй, начавшись летом, продлился аж до конца ноября. На фоне серии исследований бюджетов рабочего и вне рабочего времени, проводившихся в СССР в конце 50-х – начале 60-х гг. преимущественно с *экономической* точки зрения и ограниченных *локальным* материалом (отдельные предприятия, города, регионы), рассматриваемые исследования ИОМ были, в сущности, первой попыткой собственно *социологического* анализа проблем свободного времени *в масштабе страны в целом*.

Согласно программе, содержание понятия "свободное время" устанавливалось на основе, во-первых, принципиального различения в составе суток рабочего (включая дополнительный труд с целью заработка) и вне рабочего времени и, во-вторых, выделения в составе последнего различного рода необходимых затрат времени, элементов занятого (несвободного) времени: не входящего в процесс труда, но непосредственно связанного с производством (прежде всего идущего на дорогу "дом – место работы"); затрачиваемого на бытовые нужды (ведение домашнего хозяйства, покупки, пользование различными коммунально-бытовыми учреждениями); связанного с необходимым уходом за детьми; идущего на личную гигиену, питание, сон и т. д. В соответствии с таким подходом собственно под свободным временем, или досугом, понималась часть вне рабочего времени, остающаяся за вычетом всех названных затрат.

Как известно, в жизни людей это время заполняется различными видами занятий. В настоящих исследованиях во внимание принималось в общей сложности 28 из них, сгруппированных в несколько более широких категорий: активную творческую (в том числе общественную) деятельность; учебу, в том числе самообразование; культурное, или духовное, потребление, имеющее индивидуальный или публично-зрелищный

характер; физические занятия (спорт, туризм); любительские занятия; пассивный отдых и т. п. При этом измерению подлежали:

- а) объем и структура несвободного времени в жизни горожан;
- б) объем остающегося у них свободного времени;
- в) фактическая структура свободного времени;
- г) пожелания людей относительно улучшения этой структуры;
- д) их представления о препятствиях, мешающих проводить свободное время в соответствии с имеющимися желаниями, и о путях устранения этих препятствий.

• *Содержание*

В исследованиях использовались две анкеты: "рекогносцировочная" ("А") и "базовая" ("Б").

Первая включала формально шесть, а фактически двенадцать содержательных вопросов – один полузакрытый и одиннадцать открытых:

1. Сколько времени в среднем занимает у вас ежедневно: Основная работа/учеба? Дополнительный труд с целью заработка? Дорога от дома до работы? Бытовые нужды (ведение домашнего хозяйства, покупка продуктов и товаров, пользование коммунально-бытовыми учреждениями и т. п.)? Вечерняя или заочная учеба? Уход за детьми? Сон?

2. Чему вы посвящаете остающееся свободное время (сколько времени отдаете общественной работе, чтению, спорту, как часто посещаете кино, театр, стадион и т. д.)?

3. Как вы проводите свой выходной день?

4. Чему вы хотели бы в первую очередь посвящать свое свободное время?

5. Что мешает вам проводить досуг так, как вам нравится? (Недостаток времени. Отсутствие необходимых условий – кружков самодеятельности, спортивных секций, вечеров отдыха и т. п. Недостаток культурных учреждений. Недостаток личных средств. Усталость после работы. Неумение организовать свое свободное время. Возможно какие-либо иные причины?)

6. Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга вы видите?

В анкете "Б", значительно более подробной, было сорок вопросов – двадцать девять закрытых, один полузакрытый и десять открытых. Десять из них полностью повторяли вопросы 1, 3, 5¹ и 6 анкеты "А"; один (от-

¹ В экспериментальных целях в анкете "Б" в этом вопросе был опущен ответ "Усталость после работы". Результаты этого эксперимента можно оценить при сравнении таблиц 20 и 21.

крытый 2-й вопрос анкеты "А") был превращен в 28 закрытых вопросов, выясняющих частоту различных типов досуговых занятий¹; один (открытый 4-й вопрос анкеты "А") был также превращен в закрытый, с изменением формулировки² и один поставлен дополнительно: Всегда ли вы знаете, как использовать свое свободное время?

Из многочисленных социально-демографических характеристик респондентов в обоих исследованиях учитывались семь: пол, возраст, род занятий, образование, семейное положение (включая число детей в семье), жилищные условия и место жительства (тип поселения).

• Метод и техники

Исследование "А" выполнялось в форме анкетного выборочного опроса путем публикации анкеты на страницах газеты, т. е. на основе стихийно складывающейся нерепрезентативной выборки. В рамках этого опроса анкету заполнили свыше 12 000 читателей "Комсомольской правды", 10 392 из которых (после выбраковки части материала) составили анализировавшийся ансамбль опрошенных. Его общая структура оказалась следующей (в абсолютном выражении и в % к пА = 10 392; в скобках указаны сокращенные названия групп, используемые далее в таблицах):

	<u>абс выраж</u>	<u>% к пА</u>
• <u>по полу</u>		
мужчины (Муж)	6350	61,1
женщины (Жен)	4042	38,9
• <u>по возрасту</u>		
16–24 лет	5540	53,3
25–29 лет	3046	29,3
30–39 лет	1352	13,0
40–59 лет	389	3,7
60 лет и старше	65	0,7

¹ Их полный перечень дается в таблицах 8–16.

² В анкете "Б" он имел следующий вид: Каким образом вы хотели бы использовать свое свободное время? (назовите не более трех из перечисленных выше видов досуга, в которых вы в первую очередь испытываете потребность).

• <u>по роду занятий</u>		
рабочие (Рабоч)	3201	30,8
инженерно-технические работники (Инж-тех)	910	8,7
интеллигенция, занятая не на производстве (Интел)	920	8,8
служащие (Служ)	2596	25,0
колхозники	412	4,0
военнослужащие	684	6,6
студенты и школьники (Учаш)	1560	15,0
пенсионеры (Пенс)	49	0,5
домохозяйки (Домхоз)	60	0,6
• <u>по образованию</u>		
ниже среднего	3291	31,7
среднее	5500	52,9
высшее	1601	15,4
• <u>по семейному положению</u>		
семейные	4504	43,3
одинокие	5888	56,7
• <u>по жилищным условиям</u>		
отдельный дом, квартира	3425	32,9
часть коммунальной квартиры	3908	37,6
общежитие	2012	19,5
нет собственного жилья	1047	10,0
• <u>по типу поселения</u>		
города свыше 500 тыс. жителей (Круп гор)	2753	26,5
города 100–500 тыс. жителей (Сред гор)	2603	25,0
города до 100 тыс. жителей (Мал гор)	3587	34,5
поселки городского типа, села (Пгт)	1449	14,0

Как и в иных аналогичных случаях, данная стихийно сложившаяся выборочная совокупность представляла преимущественно наиболее молодую и образованную часть самостоятельного населения страны. Это, естественно, вынуждало относиться к полученным в опросе суммарным цифрам не более чем как к средним. Однако (в рамках этого общего отклонения от объективной модели населения) за счет весьма солидных объемов подавляющего большинства предусмотренных программой социально-демографических групп суждения об их позициях как таковых приобретали в анализе достаточно высокую степень надежности.

Исследование "Б" выполнялось методом анкетного выборочного репрезентативного опроса на основе стратифицированной выборки (ме-

тогда квоты): анкета распространялась среди лиц-"образцов", подбиравшихся по шести признакам (району местожительства, типу поселения, полу, возрасту и роду занятий респондентов) в соответствии с объективной моделью городского населения страны, и реализовывалась в технике самозаполнения.

Центральная задача региональной репрезентативности решалась с помощью схемы, получившей условное название "Креста"¹. В соответствии с нею в опрос были включены районы, расположенные на 50-й параллели, пересекающей Советский Союз от границы с Польшей до Сахалина, и 60-му меридиану, проходящему через Урал. При некоторых случившихся отклонениях от модели (по ряду технических причин из исследования выпали Туркменская ССР, Тувинская автономная область, Бурятская АССР, Читинская область и о-в Сахалин) найденная схема позволила все же охватить четыре союзные республики (Россия, Украина, Узбекистан, Казахстан) и большинство главных экономико-географических регионов страны, включая Запад (Львовская, Хмельницкая, Киевская, Полтавская, Харьковская области), Север (Коми АССР), Центр (Воронежская область), Поволжье (Волгоградская и Саратовская области), Урал (Свердловская, Челябинская, Оренбургская области), Среднюю Азию (Хорезмская область), Казахстан (Западно-Казахстанская, Актюбинская, Кустанайская, Карагандинская, Семипалатинская, Восточно-Казахстанская области), Западную Сибирь (Горно-Алтайская автономная область) и Дальний Восток (Амурская область, Хабаровский край). Кроме того, в исследование дополнительно, сверх "Креста", были включены такие специфические районы страны, как Москва, Прибалтика (г. Тарту в Эстонской ССР) и Закавказье (столица Армении – г. Ереван).

Что касается конкретных пунктов опроса, то их число на "Кресте" в конечном счете (реализация) равнялось 27, при этом 21 город располагался по параллели, 5 – на меридиане и 1 – в условной точке их пересечения. С целью упорядочения отбора поселений был использован масштаб частоты, равный интервалу в три географических градуса, в результате чего в сферу исследования попали населенные пункты, расположенные в условных районах пересечения параллели с 24-м, 27-м, 30-м, 33-м и т. д. градусами долготы. Наиболее последовательно этот принцип был осуществлен в Европейской части Союза; на Севере и в Восточной Сибири в результате наличия больших территорий, где вовсе отсутствовали какие-либо городские поселения, пункты опроса для исследования выбирались с большей (подчас существенно) разреженностью.

¹ См. Приложение 8.

При этом сам отбор тех или иных поселений осуществлялся с учетом ряда критериев: административного значения города (9 из 27 городов были областными центрами и 13 – районными), его культурного потенциала (ср., к примеру, Харьков и затерянный в горах Алтая Акташ), его коммуникативных возможностей (наличие/отсутствие железной дороги, авиалиний) и др. Однако главным в данном случае был критерий величины населенного пункта. В соответствии с ним на "Кресте" различались городские поселения четырех типов: с населением свыше 500 тыс. жителей (2 города – Харьков, Свердловск), от 100 до 500 тыс. жителей (6 городов – Львов, Актюбинск, Караганда, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Благовещенск), от 10 до 100 тыс. жителей (11 городов – Шепетовка, Белая Церковь, Миргород, Россошь, Михайловка, Камышин, Завитинск, Амурск, Инта, Домбаровский, Ургенч) и до 10 тыс. жителей (8 поселков городского типа – Александров Гай, Чапаево, Карабутак, Аркалык, Усть-Кокса, Акташ, Тырма и Сухтелинский). Причем в рамках второй и третьей групп города подбирались также с учетом различий в их величине – тяготеющие как к верхней, так и к нижней границам (ср., Львов <в то время 400 тыс. жителей> и Благовещенск <100 тыс.> или Белую Церковь <71 тыс. жителей> и Ургенч <44 тыс.>).

В соответствии с программой, на основе данных Всесоюзной переписи населения 1959 года, в исследовании была разработана единая для всех пунктов опроса квотная модель, отражающая объективные пропорции городского населения страны в целом, с учетом четырех критериев: типа поселения, пола, возраста и рода занятий горожан. Все остальные учитываемые признаки опрошенных (образование, семейное положение и жилищные условия) фиксировались на основе их стихийного представительства.

Названная стратифицированная модель рассчитывалась в опросе по "Кресту" на 2250 человек, а в Москве, Ереване и Тарту на 750. По факту в первом случае были опрошены 1993 человека (88,6% плана), во втором – 738 (98,4%), в том числе в Москве – 484, в Ереване – 172 и Тарту – 82 человека; в целом – 2731 человек.

В сопоставлении с расчетной моделью фактически реализованная в исследовании совокупность оказалась следующей (в % к пБ = 1993):

	<u>Модель</u>	<u>Реализация</u>
• по полу		
мужчины (Муж)	42,6	47,5
женщины (Жен)	57,4	52,5

● <u>по возрасту</u>		
16–24 лет (16–24)	25,0	27,1
25–29 лет (25–29)	13,1	20,6
30–39 лет (30–39)	22,5	19,5
40–59 лет (40–59)	28,6	21,4
60 лет и старше (60 и ст)	10,8	11,4
● <u>по роду занятий</u>		
рабочие (Рабоч)	43,7	40,0
инженерно-технические работники (Инж-тех)	4,7	6,3
интеллигенция, занятая не на производстве (Интел)	5,4	6,4
служащие (Служ)	9,9	18,9
студенты и школьники (Учащ)	5,9	7,4
пенсионеры (Пенс)	17,5	13,1
домохозяйки (Домхоз)	12,9	7,9
● <u>по образованию</u>		
ниже среднего (Н/средн)	–	41,5
среднее (Средн)	–	36,8
незаконченное высшее	–	7,2
высшее (Высш)	–	14,5
● <u>по семейному положению</u>		
семейные	–	64,6
одинокие	–	35,4
● <u>по количеству детей в семье</u>		
бедетные	–	51,4
1 ребенок	–	24,3
2–3 ребенка	–	22,6
свыше 3 детей	–	1,7
● <u>по жилищным условиям</u>		
отдельный дом, квартира	–	47,0
часть коммунальной квартиры	–	34,5
общежитие	–	11,0
нет собственного жилья	–	7,5
● <u>по типу городского населения</u>		
города свыше 500 тыс. жителей (Круп гор)	20,2	28,3
города 100–500 тыс. жителей (Сред гор)	25,7	25,7
города 10–100 тыс. жителей (Мал гор)	38,9	37,5
поселки городского типа до 10 тыс. жителей (Пгт)	15,2	8,5

Как можно видеть, в отличие от газетной версии опроса, реализованная в исследовании "Б" выборка была весьма близка к запланированной модели городского населения страны и, следовательно, давала все основания (в сущности, впервые в практике ИОМ "КП") достаточно надежно судить о положении вещей (характеристиках бытия и сознания) не только в рамках тех или иных отдельных групп населения, но и в границах общества в целом.

Другое дело, что и тут – для полной чистоты анализа – нужно было учитывать, что в полученном ансамбле, во-первых, оказался ощутимо завышенным удельный вес активного, самодеятельного населения (21,0% пенсионеров и домохозяек вместо необходимых 30,4%), во-вторых, несколько сместились пропорции в составе типов местожительства (более высокий процент жителей крупных городов за счет жителей Пгт), и, в-третьих (это самое важное), оказались непредставленными многие *национальные* регионы страны, в том числе те, что не могли не отличаться явной спецификой с точки зрения общей ситуации в сфере досуга. Последнее обстоятельство особо усугублялось тем, что те две предусмотренные программой подвыборки, которые относились к республикам Прибалтики и Закавказья, при обработке информации не только не были включены в ансамбль пБ (по которому рассчитывались все количественные результаты исследования), но и вовсе не сохранились в архивах исследования.

• *Исполнители*

Программа и полевые документы исследований были разработаны Б.А. Грушиным. Руководство полевыми работами и первичной обработкой информации осуществлялось В.В. Чикиным.

В качестве интервьюеров в полевых работах участвовали собственные корреспонденты "Комсомольской правды" и командированные из Москвы внештатные сотрудники ИОМ "КП".

Вторичная (машинная) обработка информации была выполнена на Центральной машинно-счетной станции ЦСУ СССР.

2. Мнения *pro* и *contra*

Вопросы анкет:

1. Как складывается ваш занятой день?
2. Чему вы посвящаете остающееся свободное время?
3. Как вы обычно проводите свой выходной день?
4. Каким образом вы хотели бы использовать свое свободное время?
5. Что мешает этому?
6. Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга вы видите?

1. Р., телеграфистка, 20 лет, образование среднее, не замужем (Поволжье)

1. Работаю семь часов, десять минут трачу на дорогу, девять часов сплю.

2. В свободное время стараюсь посмотреть все новые кинокартины. В театре бываю редко. Читаю вечерами. Большую часть свободного времени провожу на лыжах.

3. Зимой – на лыжах, летом – на Волге.

4. Все свое свободное время хотела бы посвятить лыжам и книгам.

5. Мешает мне неумение организовать свое время.

6. Вы спрашиваете о путях улучшения досуга. Я ничего не вижу.

2. А. К., муж., инженер-физик, 28 лет, женат (г. Москва)

1. Семь часов – работа, два-три раза в неделю занимаюсь по вечерам со студентами (дополнительный труд). Около часа – на дорогу, примерно столько же – на домашние дела, от часа до трех – уход за детьми и семь часов – сон. Кроме того, заочная учеба.

2. Раз в месяц (иногда реже) посещаю театр или концерт, раз в неделю (иногда два) – тренировка. Вечерами дома читаю, но это очень трудно хронометрировать, как и выполнение общественной работы.

3. В основном выезжаю за город. Зимой – на лыжах, летом – купаться, играть в волейбол. Ездим, как правило, целой компанией.

4. Хотелось бы больше быть на воздухе.

5. На этот вопрос отвечу подробнее, так как мое мнение полностью разделяют многие молодые люди, которых я знаю.

Я считаю, что одним из главных тормозов, мешающих молодежи весело, увлекательно и насыщено проводить свой досуг, является почти полное отсутствие необходимых баз для отдыха, где можно было бы получить в прокат различный спортивный инвентарь (лыжи, водные лыжи, маски, ласты и пр.), а также переночевать с субботы на воскресенье, поесть, отдохнуть. С этим сталкиваешься не только когда планируешь свой выходной день, но также и во время ежегодного отпуска. Например, желание провести две недели в горноспортивном лагере оказалось невыполнимым из-за невозможности достать путевку.

В самых живописных местах Подмосковья (Подрезково, Планерная, Звенигород и др.) все пущено на самотек. О базах "Динамо" и "Спартак" смешно говорить, так как они не обеспечивают и десятой доли желающих. И так повторяется из года в год, и зимой, и летом. Похоже, что об этом никто не беспокоится, что по меньшей мере странно.

6. Если мы хотим улучшить использование досуга, необходима четкая, разносторонняя организация баз: зимой – лыжных, с гостиницами,

столовыми, летом – таких же баз на берегах рек и озер, в зонах отдыха. Все это необходимо наладить в возможно более короткие сроки. Очень желательно организовать побольше спортивных лагерей в горной местности (Карпаты, Кавказ), особенно зимой.

3. И-в, К-в и Х-в, муж., рабочие совхоза, 17–19 лет (пос. Язевка, Куйбышевская обл.)

2. Свободное время нам девать некуда. Собираемся у товарищей, играем в карты. Когда на душе скверно – пьем водку...

4–5. Разве нам, молодежи в восемнадцать лет, можно так проводить свободное время и жить на свете? Ведь у нас много сил и энергии. Мы хотели построить клуб своими силами в нашем поселке. В свободное время. А директор совхоза нас не поддерживает. Что ни скажешь, что ни предложишь, – один ответ: "Не суйтесь не в свое дело!"

6. Мы уже на все махнули рукой!

4. С. Г., служащая, 20 лет, образование среднее, не замужем (Московская обл.)

1. Основная работа занимает у меня примерно 8–9 часов. Дорога от дома до места работы – полчаса, если идти пешком, и около часа, если ехать на автобусе (стоишь на остановке 30–40 минут). На всякие домашние дела у меня уходит от получаса до двух часов. Они часто сводятся к тому, что я хожу в магазин, мою пол, посуду (не всегда), привожу в порядок свою обувь, стираю, глажу.

Об учебе. Учусь на заочном отделении филологического факультета МГУ на 1-м курсе, по 4 часа 4 раза в неделю. При этом трачу на дорогу от места работы до университета полтора часа в один конец.

Сплю семь часов в сутки.

2. Теперь о том, как я использую каждую свободную минуту.

Во-первых, у меня есть подшефный пятиклассник, которому уже 15 лет и которым родители абсолютно не интересуются, заявляя, что он им надоел. Встречаюсь с ним раз в неделю дома, раза два – в школе, в райкоме. Занимаюсь с ним по русскому языку. Мальчик очень интересуется спортом, занимался в футбольной секции при городском стадионе, не раз выступал в соревнованиях по настольному теннису, защищая честь школы. К сожалению, у меня нет возможности сходить с ним на стадион, поиграть в настольный теннис. Именно сейчас, пока он еще чем-то интересуется, надо больше с ним заниматься. Но одна, без помощи родителей, я этого не сделаю.

Во-вторых, с марта 1962 года я утверждена председателем комиссии по ЗАГСу – отвечаю за организацию торжественных бракосочетаний, проведение вечеров молодоженов и т. д. Каждую субботу, в дни

регистрации браков молодежи, мне приходится часа два проводить в ЗАГСе, да еще помимо того заезжать в ЗАГС раз-два в неделю для подготовки.

В-третьих, меня избрали членом бюро ВЛКСМ нашей комсомольской организации, а также редактором стенной газеты. Значит, к каждому комсомольскому собранию или празднику нужно выпускать стенную газету.

В-четвертых, меня рекомендовали в президиум Общества охраны природы нашего района. Все, что я там сделала, это обеспечила участие школ района в выставке цветов.

В-пятых, дважды в месяц я посещаю занятия школы молодого пропагандиста, организованной горкомом комсомола, где занимаюсь в группе "организаторов диспутов".

В-шестых, раз в неделю занимаюсь в драмкружке.

Все, что остается для спорта, это утренняя гимнастика на свежем воздухе, обливание холодной водой и изредка... кросс на короткие дистанции в погоне за электричкой или автобусом.

Кстати, дорогу от дома до места работы я тоже считаю свободным временем, так как хожу пешком через лес и каждый день такой прогулки приносит что-то новое, необычное. Однажды, в феврале прошлого года, мне довелось услышать настоящую лесную симфонию, которую я хотела бы записать, но жалею, что недостаточно хорошо знакома с нотной грамотой. Умею читать ноты и даже немного играю на домре и мандолине, но вот ушел наш руководитель струнного кружка, и я не успела изучить сольфеджио, а самостоятельно это сделать трудно.

Чтению уделяю самую кроху времени, не больше получаса в день. Это капля в море, но больше не могу. Раз или два в месяц все-таки ухитряюсь побывать в театре, на концерте или на танцах.

3. Свой выходной я провожу довольно прозаично: выполняю домашние задания, которые заданы в течение недели в университете. Иногда хожу на лыжах, или вечером – в театр, или смотрю телевизор, если, конечно, нет работы.

4. В первую очередь я хотела бы посвящать свое свободное время игре на гитаре, шахматам, фехтованию, конному и стрелковому спорту. Но не бросать же всего того, что начато. Однако для всего этого надо было бы растянуть сутки до 48 часов.

5. Проводить свой досуг так, как я хотела бы, мне мешает прежде всего недостаток времени, а также личных средств.

6. Считаю необходимым уменьшить рабочий день, категорически запретив всевозможные переработки и покончив со всяческой штурмовщиной.

Надо свести к минимуму очереди в магазинах, комбинатах бытового обслуживания, парикмахерских, столовых, улучшить культурно-бытовое обслуживание, ввести в практику доставку продуктов на дом, сократив при этом расценки на такое обслуживание.

Обеспечить каждого ребенка яслями, садами, чтобы каждая мать могла уделять свободное от работы время учебе, общественной работе, посещению театров и другому отдыху.

5. Н. М., муж., сельский учитель (Брянская обл.)

1. *День занят до предела. Дел на селе масса, а высокообразованных людей, кроме педагогов, мало.*

2. *За мной около пяти общественных нагрузок – председатель сельской лекторской группы, член совета клуба, общественный киноконтролер, член комсомольского бюро, дружинник. Разве так можно?! Оказывается, да. Но, разумеется, в ущерб основной работе и личной жизни. Я с тоской думаю о своей судьбе. Что я вижу, знаю, открываю? Один-два раза в месяц – кино. Чтение – запрещенный плод: за четыре года работы в селе не прочел и десятка книг. Спорт? Десять минут на утреннюю зарядку, и все!*

4–6. *Для меня бы досуг – музыка, живопись, стихи, философия. Это – высшее наслаждение. И истосковался по книгам!.. Но где, скажите мне, взять на все это время?*

Больше так жить не могу и потому решил: в этом году из села уеду...

6. С. К., инженер, 27 лет, женат (г. Москва)

Товарищи! Вы молодцы! Начато большое дело. Хочется пожелать, чтобы почаще интересовались подобными вопросами. Некоторым покажется: ерунда – организация свободного времени. Но, к сожалению, именно этого и не хватает нам. Обидно смотреть на людей, бездарно проводящих время. Именно из-за неумения организовать досуг рождаются "праздношатание" и другие симптомы тунеядства. Вопрос отдыха – коренной вопрос жизни молодежи!

1. *Не считая рабочего времени, час – в дороге, еще час – дела по дому. Кроме того, часа два занят с детьми. Учеба входит в работу. Сплю семь часов.*

2. *Раза три в месяц хожу в кино. В театре бываю не чаще раза в год. Стадион? Что это такое?*

3. *Мой выходной день – домашние дела, дети, учеба.*

4. *Нуждаюсь в свободном времени, прежде всего для учебы, чтения литературы по специальности, посещения эстрадных концертов, хороших, конечно.*

5. *Что мешает? Усталость после работы. Неумение организовать свое время. Не с кем оставить детей!*

6. *Совершенно необходима организация общественных детских комнат для небольших групп, где иногда можно было бы оставить ребенка вечером. Еще нужно расширить сеть продажи билетов на концерты.*

3. Количественные результаты исследований

Сохранившиеся в архивах материалы с количественными результатами опросов представляют собой:

а) рукописные таблицы с распределением ответов на 5-й вопрос анкет "А" и "Б" по основным группам опрошенных¹ (8 крупноформатных листов);

б) машинописные таблицы с распределением ответов на все вопросы анкеты "Б" и два вопроса (4-й и 6-й) анкеты "А" по основным группам опрошенных (64 стр.).

После содержательной реконструкции и компьютерной обработки этой информации все заключенные в ней данные удалось представить в 25 таблицах, 22 из которых содержит ответы на все вопросы анкеты участников опроса по "Кресту" (nБ = 1993) и москвичей (nМ = 484), а три (19-я, 21-я и 24-я) – ответы на вопросы 4–6 в газетном варианте опроса (nА = 10 392).

Первые семь таблиц дают картину объемов различных видов занятого (несвободного) времени городского населения страны, начиная с продолжительности рабочего дня и кончая продолжительностью сна.

В таблицах 8–16 представлены 28 видов занятий людей в свободное время с той или иной степенью регулярности, в диапазоне от "ежедневного" до "никогда". Среди этих видов: 1) участие в общественной работе, 2) политучеба, 3) общее и профессиональное образование, 4–6) чтение газет, журналов, книг, 7) прослушивание радио, 8) просмотр телепередач, 9–14) посещение кино, театров, симфонических и литературных концертов, эстрадных концертов, музеев и выставок, спортивных зрелищ, 15) участие в художественной самодеятельности, 16–18) занятия спортом, любительской деятельностью, туризмом, 19) прогулки с целью отдыха,

¹ Имеются в виду группы по полу, возрасту, роду занятий, образованию и месту жительства (типу поселения) респондентов. Количественные данные, связанные с двумя другими признаками респондентов – их семейным положением и жилищными условиями, к сожалению, не сохранились.

20) занятия (игры) с детьми, 21) хождение в гости и прием гостей, 22) посещение танцевальных вечеров, 23–24) игра в карты и другие домашние коллективные игры (шахматы, домино и пр.), 25) посещение ресторанов и пивных, 26) пассивный отдых, 27) отправление религиозных обрядов и 28) времяпрепровождение без каких-либо целей.

В таблице 17 речь идет о способах проведения горожанами выходных дней; в таблицах 18–22 – о том, как люди хотели бы проводить свой досуг, и о главных помехах на пути осуществления их желаний; наконец, в заключительных таблицах 23–25 зафиксированы представления респондентов о наиболее важных способах улучшения положения дел в сфере досуга.

В большинстве таблиц (1, 2, 4–11а, 13–16) в ситуации альтернативных вопросов общая сумма ответов оказывается менее 100% за счет респондентов, не ответивших на соответствующий вопрос или давших "другие ответы", т. е. осуществлявших ту или иную деятельность реже, чем это обозначено в соответствующих таблицах (например, "несколько раз в год" – в таблице 8, "несколько раз в месяц" – в таблице 10б, "несколько раз в неделю" и "несколько раз в месяц" – в таблице 14б и т. д.). Подобные, а также связанные с отсутствием ответов пропуски в табличном материале сделаны умышленно для того, чтобы, во-первых, хотя бы отчасти упростить сложные таблицы, а во-вторых, акцентировать в них внимание на содержательно наиболее важных позициях респондентов¹.

В таблицах 17–21, 23 и 24 общая сумма ответов, напротив, больше 100%, поскольку респонденты могли давать в этих случаях не один, а несколько ответов.

В таблицах 8, 9б, 9в, 11–13, 14в, 14г, 15г и 16б частота "по меньшей мере несколько раз в неделю/месяц/год" является кумулятивной по отношению к предыдущей частоте, т. е. включает ее в себя и потому не может суммироваться с нею.

¹ Значительная часть этой (связанной с "другими ответами") информации приводится в книге: *Б. Грушин. Свободное время. Актуальные проблемы.* М.: Мысль, 1967.

Таблица 1. Фактическая продолжительность рабочего дня (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	1	2	3	4	5
В целом	0,7	3,8	42,8	18,1	12,7
Муж	0,8	3,2	46,5	19,6	16,3
Жен	0,6	4,3	39,4	16,7	9,3
16-24	1,4	6,8	57,9	22,4	11,5
25-29	0,4	5,3	42,3	32,1	14,9
30-39	0,2	2,0	41,4	15,4	8,7
40-59	0,4	1,8	29,8	12,6	10,0
60 и ст	0,8	0,0	4,8	1,3	0,8
Рабоч	0,5	3,4	65,8	22,5	6,5
Инж-тех	0,0	4,7	48,0	25,9	17,3
Интел	3,1	11,6	24,8	21,7	38,8
Служ	1,0	3,4	57,9	22,2	12,1
Учащ	0,6	9,4	10,1	25,0	52,7
Пенс	0,4	0,0	1,1	0,0	0,0
Москва	3,3	8,0	39,0	15,7	14,6
Круп гор	1,2	4,1	35,0	26,4	9,2
Сред гор	0,8	3,3	41,9	13,2	14,4
Мал гор	0,3	3,6	50,0	16,0	12,2
Пгт	0,6	4,7	38,8	14,7	21,2

1 – менее 6 часов

2 – 6 часов

3 – 7 часов

4 – 8 часов

5 – 9 часов

Таблицы 2, 3. Затраты времени на дополнительный труд с целью заработка (2) (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484) и на дорогу от дома до места работы и обратно (3) (в % к числу занятых на производстве; пБ = 1579, пМ = 402)

Таблица 2

Группа	1	2	3
В целом	88,7	2,3	3,0
Муж	88,5	3,6	2,8
Жен	88,9	1,2	3,2
16–24	94,0	3,8	2,2
25–29	93,2	1,7	5,1
30–39	74,2	3,3	2,5
40–59	71,1	2,5	3,9
60 и ст	72,8	0,0	0,8
Рабоч	96,3	1,1	2,2
Инж-тех	90,5	5,5	3,1
Интел	76,5	10,8	12,4
Служ	94,7	0,7	1,3
Учаш	86,4	6,7	4,0
Пенс	73,9	1,1	1,9
Домхоз	69,2	0,6	4,4
Москва	72,7	6,8	4,1
Круп гор	92,7	2,5	4,8
Сред гор	87,7	1,9	3,9
Мал гор	85,5	2,0	1,2
Пгт	92,3	4,7	2,9

Таблица 3

1	2	3	4
20,9	65,2	11,0	2,9
11,4	72,6	12,5	3,5
29,5	58,6	9,5	2,4
21,2	65,2	11,2	2,4
0,0	77,7	18,4	3,9
22,6	61,5	10,8	5,1
45,0	43,1	9,6	2,3
91,4	8,3	0,3	0,0
0,4	81,3	14,2	4,1
0,9	80,3	15,7	3,1
0,8	93,0	5,4	0,8
0,4	78,8	16,9	3,9
0,8	85,1	10,1	4,0
97,4	2,6	0,0	0,0
97,4	2,6	0,0	0,0
21,0	32,4	34,3	12,3
22,3	55,7	16,4	5,6
24,8	61,8	11,3	2,1
16,4	75,3	7,2	1,1
23,6	63,5	8,2	4,7

1 – таких затрат нет
 2 – 1–2 часа
 3 – свыше 2 часов

1 – таких затрат нет
 2 – до 1 часа
 3 – 1–2 часа
 4 – свыше 2 часов

Таблица 4. Затраты времени на бытовые нужды (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	1	2	3	4	5
В целом	13,9	7,7	29,4	16,3	28,0
Муж	22,1	12,5	35,1	14,4	9,3
Жен	6,5	3,2	24,3	18,0	44,9
16-24	19,0	11,8	41,8	13,8	10,9
25-29	16,0	11,4	41,1	21,8	9,7
30-39	9,0	5,1	23,1	20,6	32,6
40-59	11,2	4,4	18,5	11,5	46,6
60 и ст	10,5	1,3	10,5	11,8	59,0
Рабоч	15,6	9,4	34,5	19,5	18,7
Инж-тех	14,1	12,6	33,0	22,0	15,7
Интел	13,9	8,5	37,9	23,2	16,2
Служ	12,4	7,4	30,9	17,7	21,9
Учаш	27,0	11,4	49,3	4,7	4,7
Пенс	11,1	1,5	10,0	12,2	55,1
Домхоз	1,2	1,2	3,8	3,8	85,8
Москва	13,0	13,2	32,4	15,0	15,5
Круп гор	14,0	7,0	34,8	16,0	25,3
Сред гор	10,7	7,0	30,6	16,7	30,2
Мал гор	16,0	9,4	25,9	16,4	25,6
Пгт	14,7	4,1	23,5	15,9	40,6

1 – таких затрат нет

2 – до 1 часа

3 – 1-2 часа

4 – 2-3 часа

5 – более 3 часов

Таблица 5. Затраты времени на уход за детьми (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	1	2	3	4
В целом	52,8	2,6	19,0	22,2
Муж	60,0	3,3	20,8	13,5
Жен	46,5	2,0	17,5	30,0
16-24	88,7	0,5	4,6	5,9
25-29	51,0	3,9	27,7	3,9
30-39	21,6	2,5	35,1	35,9
40-59	38,7	0,7	19,7	34,4
60 и ст	43,4	0,0	8,7	38,3
Рабоч	55,0	3,3	23,6	17,6
Инж-тех	51,9	7,8	25,1	11,0
Интел	51,1	3,8	26,3	16,2
Служ	48,6	2,8	20,1	25,1
Учащ	93,9	0,0	1,3	1,3
Пенс	51,3	0,0	10,7	26,4
Домхоз	17,0	0,0	12,0	66,0
Москва	58,8	2,2	12,8	16,5
Круп гор	48,7	0,9	24,4	21,4
Сред гор	53,0	0,6	20,7	22,0
Мал гор	58,5	2,7	13,7	20,8
Пгт	41,1	2,3	20,0	31,7

- 1 – таких затрат нет
 2 – до 1 часа
 3 – 1-2 часа
 4 – более 2 часов

Таблица 6. Продолжительность сна (в % к общему числу опрошенных; nБ = 1993, nM=484)

Группа	1	2	3
В целом	8,4	62,0	27,5
Муж	6,7	58,6	31,1
Жен	9,8	64,9	24,4
16-24	6,4	65,0	28,7
25-29	13,6	76,8	25,0
30-39	6,1	60,8	21,9
40-59	8,2	51,1	28,4
60 и ст	6,5	44,3	36,8
Рабоч	8,4	66,6	24,4
Инж-тех	4,7	72,4	21,2
Интел	9,3	66,6	21,7
Служ	8,2	64,8	23,0
Учащ	10,8	53,3	31,7
Пенс	8,4	45,9	41,7
Домхоз	8,0	55,0	37,0
Москва	6,0	54,5	38,8
Круп гор	3,7	69,4	26,6
Сред гор	9,7	62,1	26,4
Мал гор	9,7	56,6	30,5
Пгт	13,5	60,0	22,3

1 – до 6 часов

2 – 6-7 часов

3 – 8 часов и более

Таблица 7. Затраты времени на вечернюю и заочную учебу (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	1	2	3	4	5
В целом	78,2	0,4	4,3	3,8	11,7
Муж	71,8	0,6	4,7	4,6	15,6
Жен	84,2	0,3	3,9	2,9	8,1
16–24	64,6	0,3	5,3	6,8	21,6
25–29	82,2	0,7	8,5	6,8	20,4
30–39	75,7	0,5	2,0	2,3	8,2
40–59	82,1	0,4	2,8	0,4	1,6
60 и ст	90,7	0,0	0,8	0,0	0,3
Рабоч	69,9	0,3	4,0	5,1	20,4
Инж-тех	81,1	1,5	6,2	2,3	9,4
Интел	82,9	0,7	8,5	1,5	5,4
Служ	74,0	0,7	6,8	5,8	11,9
Учащ	89,1	0,0	2,7	2,0	3,3
Пенс	94,6	0,0	0,4	0,0	0,4
Домхоз	87,0	0,0	2,5	2,5	0,6
Москва	62,8	1,2	4,7	3,9	15,7
Круп гор	79,0	0,5	5,0	2,8	12,0
Сред гор	75,6	0,6	3,9	4,8	13,8
Мал гор	79,3	0,3	3,7	3,1	10,9
Пгт	79,4	0,6	5,8	6,4	7,6

- 1 – таких затрат нет
- 2 – до 1 часа
- 3 – 1–2 часа
- 4 – 2–3 часа
- 5 – более 3 часов

Таблица 8. Распространенность в свободное время занятий общественной деятельностью (а), политечебы (б) и самообразования (в) (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	а			б			в		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
В целом	16,6	72,3	22,2	3,0	41,6	57,2	9,1	36,8	58,2
Муж	18,6	78,9	16,2	4,4	46,9	52,3	10,7	41,1	54,1
Жен	14,7	66,2	27,8	1,8	36,8	61,7	7,7	32,9	61,9
16-24	22,0	82,8	3,7	5,1	50,0	49,8	11,8	46,5	48,2
25-29	19,9	90,9	0,0	6,0	62,3	36,0	12,1	42,6	50,1
30-39	12,8	60,4	33,7	1,5	36,5	61,7	8,2	32,0	65,2
40-59	9,1	57,1	36,8	0,9	31,7	68,1	5,1	30,8	64,1
60 и ст	15,3	41,1	52,8	0,0	11,7	84,8	4,8	21,9	75,5
Рабоч	14,8	80,5	14,8	1,6	38,2	61,3	7,6	37,5	57,3
Инж-тех	17,3	81,8	10,4	3,1	63,6	34,1	11,0	46,3	45,9
Интел	23,2	86,7	9,5	1,5	70,4	28,1	28,6	58,8	35,0
Служ	19,5	86,6	6,0	5,8	56,5	42,2	9,2	37,2	57,0
Учаш	33,1	79,0	19,7	12,8	67,4	32,0	10,1	46,5	50,8
Пенс	12,6	40,5	53,4	0,4	8,8	88,2	4,9	21,2	75,0
Домхоз	3,2	22,3	70,7	0,0	11,4	88,0	5,1	23,6	73,2
Н/средн	9,6	60,9	32,1	2,4	26,2	72,9	4,9	28,9	66,8
Средн	19,7	79,6	16,5	3,9	48,5	50,3	9,8	38,9	55,7
Вышш	20,1	80,1	14,0	1,7	58,9	39,1	16,6	47,0	46,4
Москва	17,7	63,9	27,0	3,7	29,3	68,5	8,6	33,5	62,0
Круп гор	19,6	71,8	23,9	0,9	41,3	56,9	10,4	33,4	61,2
Сред гор	14,2	70,7	22,5	1,5	35,8	63,1	9,1	37,9	58,4
Мал гор	16,0	74,1	20,3	6,0	44,6	54,6	8,3	40,5	54,4
Пгт	15,9	73,5	21,2	2,3	45,8	53,0	8,9	29,9	62,5

а. Общественная деятельность

б. Политечеба

в. Самообразование

1 – занимаются ежедневно

2 – занимаются по меньшей мере несколько раз в месяц

3 – не занимаются

Таблица 9. Распространенность в свободное время чтения газет (а), журналов (б) и книг (в) (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Гр	а			б			в			
	а	1	2	3	4	5	6	4	5	6
В це		81,6	7,7	9,1	36,2	72,3	26,6	54,8	75,2	22,7
Муж		86,6	5,9	6,6	37,6	73,8	25,7	56,0	79,7	18,9
Жен		77,2	9,3	11,3	35,0	71,0	27,4	53,8	71,2	26,2
16–24		82,4	8,7	7,7	35,0	76,2	22,7	69,6	88,9	10,4
25–29		90,9	7,5	0,0	42,3	89,2	10,4	58,1	86,7	11,9
30–39		71,3	6,9	20,3	31,9	63,0	36,5	45,1	66,6	30,9
40–59		69,0	6,5	22,2	31,2	59,1	39,3	43,8	58,9	37,4
60 и ст		75,4	5,7	18,1	41,2	65,7	33,0	50,0	60,9	37,0
Рабоч		81,9	8,5	8,0	33,8	67,3	31,2	55,4	74,6	23,3
Инж-тех		89,7	4,7	3,3	40,1	91,2	8,1	55,9	86,5	12,0
Интел		86,8	6,2	6,3	44,1	82,0	17,3	54,2	73,5	25,0
Служ		85,1	7,1	6,0	39,6	86,1	13,4	50,5	75,5	21,9
Учаш		75,6	7,4	17,0	28,3	68,7	30,7	60,1	85,0	14,4
Пенс		78,9	4,5	14,7	41,7	65,4	33,1	57,8	68,0	29,8
Домхоз		71,1	7,6	19,5	28,8	56,3	43,1	52,5	73,0	24,5
Н/средн		72,7	10,1	15,1	31,0	61,1	37,3	47,8	66,7	30,4
Средн		88,1	6,5	4,1	38,0	75,9	17,3	62,5	81,6	17,0
Вышш		92,0	2,7	3,6	47,9	90,5	8,5	57,6	82,5	15,8
Москва		84,1	8,0	6,9	39,0	81,4	16,4	57,0	81,3	16,5
Круп гор		84,2	7,6	7,0	39,8	75,0	23,2	59,6	80,2	17,7
Сред гор		88,1	6,0	4,5	41,3	75,5	23,5	59,2	75,2	21,5
Мал гор		76,5	7,1	14,2	31,4	68,1	30,0	52,3	72,6	25,9
Пгт		75,9	15,3	7,1	30,5	65,8	33,0	35,9	67,0	31,8

а. Чтение газет

1 – читают ежедневно

2 – читают несколько раз в неделю

3 – не читают

б. Чтение журналов

в. Чтение книг

4 – читают ежедневно

5 – читают по меньшей мере несколько раз в месяц

6 – не читают

Таблица 10. Распространенность в свободное время прослушивания радио (а) и просмотра телепередач (б) (в % к общему числу опрошенных; nБ = 1993, nМ = 484)

Группа	а			б		
	1	2	3	4	5	6
В целом	70,9	8,0	17,0	15,9	21,6	52,9
Муж	72,1	6,2	17,8	15,2	20,9	55,8
Жен	69,9	9,6	16,4	16,4	22,3	50,3
16–24	73,8	9,8	15,0	10,9	28,8	49,5
25–29	81,0	8,7	6,2	13,6	21,4	52,0
30–39	57,7	9,0	29,7	17,2	19,5	57,4
40–59	63,8	6,8	27,6	19,9	18,3	55,6
60 и ст	82,0	3,5	12,7	23,2	15,3	49,3
Рабоч	67,2	8,6	21,5	16,3	20,2	53,9
Инж-тех	63,7	12,6	8,8	8,6	40,1	44,3
Интел	68,9	12,4	16,5	7,7	25,5	54,5
Служ	74,6	3,9	14,7	11,3	20,3	59,2
Учащ	68,2	9,4	22,4	7,4	33,7	47,5
Пенс	83,1	4,2	9,3	23,7	16,8	48,1
Домхоз	71,1	12,1	14,9	32,0	10,2	52,1
Н/средн	72,4	7,1	17,9	15,9	15,9	62,4
Средн	72,6	7,3	15,4	18,1	21,2	48,7
Выш	63,8	10,7	17,6	12,8	33,6	42,3
Москва	67,9	12,2	17,9	32,6	30,5	19,6
Круп гор	61,6	9,4	23,9	35,2	32,9	18,0
Сред гор	76,4	6,8	15,1	15,4	23,2	51,6
Мал гор	74,2	7,1	17,8	4,6	14,8	74,0
Пгт	71,7	11,2	13,4	2,9	10,0	78,9

а. Радио

- 1 – слушают ежедневно
- 2 – слушают несколько раз в неделю
- 3 – не слушают

б. Телевидение

- 4 – смотрят ежедневно
- 5 – смотрят несколько раз в неделю
- 6 – не смотрят

Таблица 11. Распространенность в свободное время посещения кинотеатров (а), театров (б), симфонических и литературных концертов (в) (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	а			б			в		
	1	2	3	4	5	6	4	5	6
В целом	44,8	73,3	18,1	21,4	42,2	57,8	7,6	17,8	82,2
Муж	46,7	74,4	18,5	20,8	40,3	59,7	6,7	17,1	82,9
Жен	43,1	72,3	17,8	21,8	43,9	56,1	8,5	18,6	81,4
16-24	60,3	84,1	12,1	30,3	49,9	50,1	12,9	25,4	74,6
25-29	58,1	85,0	0,0	24,4	46,5	53,5	7,4	19,3	80,7
30-39	33,6	61,9	29,4	19,6	37,8	62,2	5,8	14,5	85,5
40-59	27,4	52,7	34,2	10,2	37,8	62,2	3,1	12,9	87,1
60 и ст	29,2	56,3	30,6	16,6	29,7	70,3	6,1	11,3	88,7
Рабоч	48,4	75,6	17,9	22,1	38,7	61,3	6,3	13,2	86,8
Инж-тех	44,0	80,2	9,6	22,6	61,9	38,1	8,5	36,0	64,0
Интел	44,1	81,3	10,2	30,2	48,8	51,2	15,5	31,0	69,0
Служ	42,5	72,1	18,4	19,1	44,4	55,6	7,3	17,5	82,5
Учаш	63,4	87,0	9,0	30,9	51,8	48,2	15,4	31,6	68,4
Пенс	31,7	56,6	28,9	15,2	31,2	68,8	4,9	11,8	88,2
Домхоз	37,0	67,1	22,7	15,2	41,4	58,6	5,1	14,0	86,0
Н/средн	- ¹	66,4	-	14,0	28,0	72,0	5,7	10,1	89,9
Средн	-	79,2	-	27,1	50,3	49,7	6,5	16,4	83,6
Высш	-	72,4	-	25,3	56,2	43,8	12,5	35,4	64,6
Москва	30,7	72,2	12,8	26,3	50,8	49,2	13,9	13,9	86,1
Круп гор	27,9	64,4	19,0	33,5	61,5	38,5	11,5	26,0	74,0
Сред гор	48,5	78,5	15,3	25,0	49,7	50,3	7,3	18,6	81,4
Мал гор	54,8	76,3	19,3	13,6	29,6	70,4	6,3	12,5	87,5
Пгт	40,0	68,8	23,6	4,1	11,1	88,9	2,3	7,6	92,4

а. Кинотеатры

1 – посещают по меньшей мере несколько раз в неделю

2 – посещают по меньшей мере несколько раз в месяц

3 – не посещают

б. Театры

в. Симфонические и литературные концерты

4 – посещают по меньшей мере несколько раз в месяц

5 – посещают по меньшей мере несколько раз в год

6 – не посещают

¹ Данные отсутствуют.

Таблица 12. Распространенность в свободное время посещения эстрадных концертов (а), музеев и выставок (б), спортивных зрелищ (в) (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	а			б			в		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
В целом	13,4	36,6	63,4	6,2	24,0	76,0	22,5	31,9	68,1
Муж	12,7	36,7	63,3	6,6	23,9	76,1	34,2	45,4	54,6
Жен	13,9	36,3	63,7	5,8	24,0	76,0	12,0	19,7	80,3
16-24	23,2	54,6	45,4	6,6	26,6	73,4	30,1	40,4	59,6
25-29	16,2	46,6	53,4	4,2	21,9	78,1	21,5	35,4	64,6
30-39	7,6	29,2	70,8	4,0	14,8	85,2	17,1	28,1	71,9
40-59	7,4	22,8	77,2	2,9	16,0	84,0	14,7	21,9	78,1
60 и ст	6,4	13,4	86,6	3,9	17,5	82,5	4,3	5,6	94,4
Рабоч	16,3	38,4	61,6	7,3	21,9	78,1	30,3	37,8	62,2
Инж-тех	7,8	37,7	62,3	3,0	32,9	67,1	27,4	47,0	53,0
Интел	9,2	40,9	59,1	8,4	31,6	68,4	11,5	26,2	73,8
Служ	14,7	43,5	56,5	4,6	22,0	78,0	22,9	35,3	64,7
Учаш	17,5	47,9	52,1	9,3	41,0	59,0	34,2	45,0	55,0
Пенс	7,6	15,6	84,4	5,0	19,9	80,1	4,5	7,1	92,9
Домхоз	9,5	30,6	69,4	3,8	15,9	84,1	6,3	15,2	84,8
Н/средн	12,8	28,2	71,8	5,4	15,1	84,9	19,7	25,9	74,1
Средн	15,9	43,0	57,0	6,8	26,2	73,8	25,5	36,3	63,7
Вышш	8,2	37,0	63,0	5,4	31,4	68,6	14,5	31,5	68,5
Москва	13,3	48,2	51,8	22,8	66,1	33,9	23,8	40,5	59,5
Круп гор	9,7	36,8	63,2	9,2	31,5	68,5	21,9	33,2	66,8
Сред гор	18,5	43,6	56,4	7,4	29,0	71,0	23,3	32,6	67,4
Мал гор	14,2	34,7	65,3	4,4	11,1	88,9	25,6	34,6	65,4
Пгт	7,6	24,1	75,9	1,2	10,6	89,4	9,4	15,8	84,2

а. Эстрадные концерты

б. Музеи и выставки

в. Спортивные зрелища

1 – посещают по меньшей мере несколько раз в месяц

2 – посещают по меньшей мере несколько раз в год

3 – не посещают

Таблица 13. Распространенность в свободное время занятий художественной самодеятельностью (а), спортом (б) и любительской деятельностью (в) (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	а			б			в		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
В целом	10,6	12,5	86,0	21,6	23,6	75,6	11,8	21,0	74,4
Муж	10,7	12,9	85,3	30,1	33,2	66,1	18,6	34,5	58,0
Жен	10,5	12,2	86,6	13,9	14,9	84,3	5,6	8,7	89,4
16-24	21,4	25,1	72,7	40,7	43,6	55,1	14,7	25,6	70,2
25-29	12,4	14,6	83,3	22,4	26,0	73,0	11,6	22,5	72,7
30-39	8,2	8,9	89,3	13,9	15,4	84,6	10,2	19,7	75,2
40-59	1,6	2,3	96,3	11,7	12,6	86,5	9,8	17,3	77,3
60 и ст	3,0	3,4	96,2	7,8	7,8	91,8	10,9	15,7	82,2
Рабоч	13,5	15,7	83,0	25,2	27,4	71,8	12,3	24,0	72,4
Инж-тех	5,4	7,7	90,8	22,7	32,4	72,6	20,5	34,6	55,2
Интел	4,6	5,3	88,5	21,7	26,3	73,0	12,3	21,6	71,4
Служ	9,1	12,2	85,7	17,3	19,4	79,6	10,0	18,4	74,5
Учащ	29,6	32,3	67,1	49,9	51,9	46,8	13,4	21,5	73,1
Пенс	2,3	2,7	97,3	7,6	7,6	92,0	10,1	15,4	82,2
Домхоз	5,0	5,0	94,4	8,9	8,9	90,5	5,7	7,6	91,2
Н/средн	7,5	9,2	90,4	13,8	15,2	84,2	9,2	18,3	77,9
Средн	14,0	16,3	81,6	26,1	28,4	70,4	13,2	21,7	73,9
Высш	5,5	7,5	89,8	20,7	24,5	74,9	13,8	24,9	69,2
Москва	3,9	6,7	90,5	28,6	33,5	62,8	13,1	22,8	66,9
Круп гор	12,0	13,6	84,3	23,8	25,8	73,3	10,0	18,5	78,1
Сред гор	7,8	8,8	90,2	20,4	21,9	77,0	13,6	24,9	69,5
Мал гор	12,6	15,4	83,4	22,9	24,9	74,4	11,9	20,7	74,9
Пгт	6,5	8,8	87,7	12,3	16,4	83,6	12,3	19,3	74,3

а. Художественная самодеятельность

б. Спорт

в. Любительская деятельность

1 – занимаются по меньшей мере несколько раз в неделю

2 – занимаются по меньшей мере несколько раз в месяц

3 – не занимаются

Таблица 14. Распространенность в свободное время туризма, загородных прогулок (а), прогулок с целью отдыха (б), занятий (игр) с детьми (в), хождения в гости и приема гостей (г) (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	а			б		в		г		
	1	2	3	4	5	6	7	8		
В целом	31,1	25,3	41,9	34,7	42,6	35,4	64,1	24,9		
Муж	33,9	27,1	41,1	32,8	41,5	32,5	60,8	26,7		
Жен	28,5	23,7	42,6	36,5	43,7	38,1	67,0	23,3		
16-24	42,6	26,4	32,6	16,4	23,7	43,8	71,9	18,7		
25-29	38,1	25,3	38,6	45,5	54,5	34,3	64,4	26,4		
30-39	31,1	15,4	50,7	55,6	66,6	30,1	58,7	29,5		
40-59	22,6	21,1	53,9	37,0	43,7	31,4	58,8	29,3		
60 и ст	13,0	43,8	32,7	23,2	49,7	23,6	40,2	50,6		
Рабоч	32,7	21,7	42,8	36,1	46,2	40,4	68,5	22,6		
Инж-тех	44,7	22,0	38,0	33,0	43,2	38,5	69,2	19,0		
Интел	36,3	22,4	49,9	30,2	40,2	13,8	44,8	35,9		
Служ	32,6	17,7	45,6	39,6	47,5	31,1	62,3	24,5		
Учащ	37,7	31,7	31,9	4,0	6,7	31,0	53,0	37,4		
Пенс	13,6	44,8	35,8	26,0	31,6	35,1	62,3	23,6		
Домхоз	26,7	28,2	45,1	64,7	66,6	40,3	70,4	23,9		
Н/средн	21,2	21,1	47,3	34,2	42,0	37,9	66,4	25,6		
Средн	37,9	29,2	36,5	36,4	44,7	39,4	69,1	20,2		
Высш	36,6	25,3	53,6	33,0	40,5	25,9	53,6	29,8		
Москва	54,9	30,3	37,0	23,7	36,8	25,1	55,8	25,9		
Круп гор	39,2	29,4	35,1	36,0	45,8	34,5	64,5	22,8		
Сред гор	31,7	26,7	41,8	35,3	41,3	32,1	64,8	24,1		
Мал гор	28,2	25,1	41,2	32,9	40,2	39,3	64,4	26,1		
Пгт	19,8	10,0	65,3	38,8	46,4	32,9	61,1	26,6		

а. Туризм

1 – занимаются по меньшей мере несколько раз в год

б. Прогулки с целью отдыха

2 – ежедневно

3 – практически никогда

в. Занятия с детьми

4 – ежедневно

5 – по меньшей мере несколько раз в месяц

г. Хождение в гости и прием гостей

6 – по меньшей мере несколько раз в неделю

7 – по меньшей мере несколько раз в месяц

8 – практически никогда

Таблица 15. Распространенность в свободное время посещений танцевальных вечеров (а), игр в карты (б), прочих домашних коллективных игр (шахматы, домино и др.) (в), а также посещений ресторанов, пивных (г) (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	а		б		в		г		
	1	2	3	4	3	4	5	6	7
В целом	21,4	73,8	9,1	89,0	37,5	59,2	3,6	13,7	77,4
Муж	24,8	70,6	12,1	85,4	54,1	41,4	6,2	23,3	64,2
Жен	18,2	76,9	6,2	92,5	22,5	75,5	1,2	5,0	89,4
16-24	51,5	40,6	13,0	85,2	49,3	46,3	5,6	17,4	75,2
25-29	25,7	68,5	6,2	91,9	37,3	59,6	4,6	17,9	69,7
30-39	6,6	90,9	5,8	93,2	34,4	62,8	2,5	12,5	75,7
40-59	2,2	96,0	10,4	87,0	32,0	65,2	2,5	10,9	80,7
60 и ст	2,1	97,9	6,0	91,9	23,9	74,0	1,7	5,2	92,6
Рабоч	29,3	66,0	11,0	87,4	45,0	53,4	4,2	18,9	71,7
Инж-тех	14,1	75,7	10,1	88,4	40,0	53,8	5,4	22,7	66,3
Интел	10,0	83,8	1,5	94,7	26,2	69,2	2,3	8,5	77,6
Служ	19,4	75,6	8,0	89,9	39,3	54,7	4,2	12,1	78,2
Учас	49,8	41,5	5,9	92,8	42,5	52,8	4,0	11,4	81,2
Пенс	1,9	98,1	9,0	89,1	25,5	71,9	2,6	6,4	91,7
Домхоз	7,0	89,8	8,8	88,7	17,8	81,0	0,0	3,2	85,3
Н/средн	19,5	76,9	11,3	87,4	37,5	60,7	3,6	13,7	78,2
Средн	25,2	70,6	8,3	89,8	40,3	56,2	3,9	14,8	76,1
Высш	11,0	83,8	5,4	91,9	28,8	66,4	3,4	12,7	77,6
Москва	15,0	75,1	11,4	84,5	33,5	59,3	5,7	16,8	64,9
Круп гор	17,7	77,3	6,7	91,2	30,8	66,6	1,9	10,2	80,8
Сред гор	19,4	77,1	8,6	88,9	36,2	59,8	4,1	13,6	78,4
Мал гор	27,9	67,8	10,6	88,1	43,9	53,0	4,7	16,0	73,8
Пгт	14,1	76,3	11,7	86,6	35,8	60,1	4,1	17,0	73,0

а. Танцевальные вечера

1 – посещают по меньшей мере несколько раз в месяц

2 – не посещают

б. Игра в карты

в. Прочие домашние игры

3 – играют по меньшей мере несколько раз в месяц

4 – не играют

г. Рестораны, пивные

5 – посещают по меньшей мере несколько раз в неделю

6 – посещают по меньшей мере несколько раз в месяц

7 – не посещают

Таблица 16. Распространенность в свободное время отправлений религиозных обрядов (а), пассивного отдыха (дневного сна и пр.) (б), а также времяпрепровождения без всяких целей (в) (в % к общему числу опрошенных, пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	а		б			в	
	1	2	3	4	5	6	7
В целом	2,0	96,5	22,4	28,1	69,0	2,3	94,4
Муж	1,3	97,4	22,8	27,6	68,5	2,2	94,2
Жен	2,5	95,9	22,0	28,6	69,5	2,4	94,5
16-24	1,4	98,2	18,5	23,3	74,6	2,4	93,7
25-29	0,4	97,9	10,9	17,7	77,7	3,1	93,0
30-39	0,7	98,6	17,2	22,6	74,7	1,5	96,6
40-59	3,3	93,9	30,0	36,5	59,6	2,3	94,1
60 и ст	5,6	90,1	47,8	53,0	46,2	2,6	94,5
Рабоч	1,8	97,4	21,0	25,1	71,3	1,5	96,5
Инж-тех	1,4	98,6	12,6	19,6	78,9	2,3	92,3
Интел	0,0	100,0	8,5	13,1	84,6	3,1	94,7
Служ	0,9	96,5	13,7	20,8	74,8	2,6	92,2
Учащ	0,0	100,0	22,9	29,6	68,4	3,3	92,0
Пенс	5,7	90,9	45,5	51,2	48,4	2,2	94,1
Домхоз	2,4	93,8	30,7	40,3	59,1	4,4	92,6
Н/средн	3,7	94,6	26,9	33,0	64,5	2,4	95,5
Средн	0,7	97,2	20,5	25,9	70,7	2,1	93,3
Высш	0,6	99,4	15,2	20,4	76,9	2,0	94,7
Москва	1,8	98,2	16,9	24,9	70,5	2,6	94,4
Круп гор	0,5	99,2	20,0	23,2	73,8	0,7	96,1
Сред гор	2,1	96,9	24,9	31,5	66,0	3,1	93,3
Мал гор	3,3	94,3	24,0	30,8	66,4	3,5	92,4
Пгт	0,6	96,0	14,7	21,7	74,8	0,6	97,6

а. Религиозные обряды

1 – отправляют по меньшей мере несколько раз в неделю

2 – не отправляют

б. Пассивный отдых

3 – ежедневно

4 – по меньшей мере несколько раз в неделю

5 – никогда

в. Бесцельное времяпрепровождение

6 – ежедневно

7 – никогда

Таблица 17. Ответы на вопрос: "Как вы обычно проводите выходной день?" (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993)

группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Всего	48,8	43,2	26,9	21,9	17,0	16,1	14,7	10,7	9,1	8,8
Муж	47,6	29,4	25,9	21,8	12,9	14,4	9,5	12,5	9,8	11,0
Жен	49,8	55,6	27,9	22,1	20,6	17,6	19,4	9,0	8,5	6,8
Рабоч	53,9	43,5	26,4	16,7	16,0	13,3	17,0	10,0	7,0	7,5
Инж-тех	41,7	51,9	26,7	29,9	22,0	18,0	15,7	25,2	6,2	12,6
Интел	39,5	51,1	17,0	18,6	19,3	19,3	13,1	13,1	10,0	7,7
Служ	54,4	56,3	21,9	25,1	23,5	25,3	14,0	10,8	11,3	9,2
Учаш	70,9	20,2	29,0	29,6	2,7	16,8	3,3	14,8	8,7	8,7
Пенс	24,9	30,2	32,9	26,0	7,2	8,8	9,5	4,9	11,4	11,4
Домхоз	42,9	39,1	38,4	23,0	32,6	15,3	25,0	5,7	12,1	8,3

- 1 – посещают кинотеатры
- 2 – занимаются домашним хозяйством
- 3 – ходят в гости и принимают гостей
- 4 – ходят на прогулки с целью отдыха
- 5 – занимаются с детьми
- 6 – читают книги
- 7 – ходят в магазины
- 8 – занимаются туризмом
- 9 – слушают радио
- 10 – читают газеты

Группа	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
В целом	8,4	8,0	7,4	7,3	7,2	5,9	4,7	4,5	4,2	2,5
Муж	7,4	9,0	8,4	12,8	6,8	7,9	4,2	7,9	4,5	3,5
Жен	9,2	7,0	6,6	2,3	7,6	4,2	5,1	1,5	3,9	1,5
Рабоч	5,4	5,9	10,9	7,0	7,6	8,5	2,6	5,6	2,8	2,1
Инж-тех	13,3	11,8	3,1	11,8	1,5	3,1	5,5	2,3	7,0	5,5
Интел	4,6	13,1	0,7	6,2	4,6	5,4	13,1	3,1	5,4	7,7
Служ	9,2	11,3	6,8	10,3	5,0	5,8	6,6	3,7	5,8	1,3
Учас	6,7	14,8	19,5	6,0	5,4	10,8	6,7	6,0	6,0	3,3
Пенс	12,6	3,4	0,0	6,5	16,0	0,4	2,6	4,5	3,4	2,2
Домхоз	15,3	4,4	1,2	1,2	4,4	0,6	4,4	2,5	3,2	0,0

11 – смотрят телепередачи

12 – посещают театры

13 – посещают танцевальные вечера

14 – занимаются любительской деятельностью

15 – пассивно отдыхают

16 – занимаются спортом

17 – дополнительно трудятся с целью заработка

18 – играют в другие домашние игры

19 – читают журналы

20 – занимаются самообразованием

Группа	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31
В целом	1,4	1,3	1,3	1,0	0,9	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3	0,1
Муж	2,5	1,2	4,1	1,3	1,0	0,5	0,5	0,5	0,5	0,0	0,2
Жен	0,3	1,3	0,6	0,7	0,9	0,3	0,2	0,2	0,2	0,5	0,1
Рабоч	2,3	0,3	3,4	1,5	1,0	0,2	0,0	0,2	0,2	0,0	0,0
Инж-тех	1,5	0,7	0,0	0,0	0,7	0,0	3,9	2,3	1,5	0,0	0,0
Интел	0,7	1,5	0,0	1,5	1,5	0,0	0,0	0,7	0,0	0,0	0,0
Служ	0,5	2,1	2,3	0,5	1,3	0,7	0,5	0,0	0,5	0,0	0,0
Учащ	1,3	0,0	4,7	0,6	2,0	1,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,6
Пенс	0,7	3,8	1,1	0,7	0,0	0,7	0,0	0,4	0,4	1,5	0,4
Домхоз	0,0	1,2	0,0	1,2	0,6	0,0	0,0	0,0	0,0	1,2	0,6

21 – посещают рестораны, пивные

22 – занимаются общественной работой

23 – посещают спортивные зрелища

24 – играют в карты

25 – участвуют в художественной самодеятельности

26 – посещают выставки, музеи

27 – занимаются политечкой

28 – посещают симфонические и литературные концерты

29 – посещают эстрадные концерты

30 – отправляют религиозные обряды

31 – тратят время впустую

Таблица 18. Ответы на вопрос "Каким образом вы хотели бы использовать свое свободное время?" (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	26,7	20,4	13,6	12,8	9,0	8,7	8,6	8,5	7,4	6,2
Муж	20,7	16,0	15,9	18,3	8,9	7,5	8,5	6,8	5,4	10,4
Жен	32,2	24,4	11,5	7,7	9,1	9,8	8,6	10,1	9,1	2,4
16-24	26,6	22,2	15,2	24,6	11,1	7,4	6,4	11,3	9,8	6,1
25-29	33,8	22,1	17,7	17,2	13,6	7,0	11,6	8,5	11,2	6,8
30-39	30,1	19,6	14,7	6,7	5,1	8,5	8,2	5,9	5,9	5,1
40-59	23,9	16,6	7,9	3,3	9,6	9,1	9,6	8,2	4,6	7,7
60 и ст	14,4	19,7	9,2	6,0	3,5	14,4	6,5	7,4	3,0	4,8
Рабоч	25,3	23,1	13,3	14,3	10,4	5,5	7,8	6,1	5,0	6,1
Инж-тех	39,3	18,8	27,5	19,6	7,0	5,5	9,4	12,6	14,1	7,8
Интел	30,2	15,5	16,2	14,7	6,2	6,2	1,5	10,8	18,6	6,2
Служ	29,1	17,4	13,7	11,6	11,6	12,6	14,0	8,9	10,3	7,6
Учаш	27,7	22,2	20,2	33,1	6,7	7,4	2,7	12,1	8,7	6,7
Пенс	16,4	16,8	8,4	1,1	3,8	13,3	7,2	8,0	2,2	5,7
Домхоз	32,0	23,0	3,8	0,6	10,8	14,1	12,1	12,1	5,1	2,5
Н/средн	22,6	22,6	9,2	10,0	9,0	7,7	10,4	7,8	4,5	5,5
Средн	27,7	19,6	14,0	14,5	11,0	9,8	8,9	8,5	7,9	6,8
Вышш	32,9	16,3	21,5	15,2	5,2	9,0	5,2	9,7	12,5	6,2
Москва	30,5	15,3	14,8	18,8	4,9	5,7	3,0	15,0	10,3	7,0
Круп гор	29,4	23,5	19,1	11,8	3,4	10,9	3,7	1,6	4,1	5,1
Сред гор	20,0	23,4	12,6	12,0	8,8	8,9	6,0	14,4	7,0	9,3
Мал гор	28,0	17,6	11,8	13,5	12,9	7,5	12,7	9,7	9,4	4,8
Пгт	31,1	13,5	6,4	14,7	12,3	5,7	14,1	8,8	11,2	7,0

- 1 – посещение театров
- 2 – посещение кинотеатров
- 3 – занятия туризмом
- 4 – занятия спортом
- 5 – посещение эстрадных концертов
- 6 – прогулки с целью отдыха
- 7 – просмотр телепередач
- 8 – чтение книг
- 9 – посещение симфонических и литературных концертов
- 10 – занятия любительской деятельностью

Группа	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
В целом	5,7	5,6	4,1	3,8	2,9	2,8	2,3	2,3	2,2	2,1
Муж	4,9	6,9	3,2	6,5	3,5	1,7	2,6	1,7	1,7	1,9
Жен	6,4	4,4	4,9	1,3	2,3	3,8	2,0	2,9	2,7	2,3
16–24	8,1	7,9	4,2	4,6	1,8	0,9	2,0	1,1	4,0	4,2
25–29	7,8	6,8	4,3	5,1	4,3	1,2	1,2	4,8	3,4	3,4
30–39	4,9	6,2	3,6	2,3	1,5	1,8	1,3	2,5	1,0	0,7
40–59	3,5	3,3	3,5	4,2	3,0	4,4	3,9	2,5	0,7	0,0
60 и ст	2,6	1,7	5,2	1,7	3,9	8,3	3,5	1,3	0,8	0,8
Рабоч	4,4	5,6	3,1	5,5	3,0	2,3	1,2	2,0	2,0	3,4
Инж-тех	7,8	8,6	3,9	3,9	2,3	0,7	1,5	0,7	3,9	0,0
Интел	10,0	8,5	3,8	3,8	2,3	1,5	0,7	3,8	3,1	0,0
Служ	8,7	6,8	6,4	2,1	2,1	2,3	4,2	3,9	1,5	1,8
Учаш	5,3	6,0	5,4	4,7	2,7	0,0	2,7	0,6	4,7	4,7
Пенс	3,0	1,9	4,2	1,9	3,8	6,9	3,4	1,1	1,5	0,0
Домхоз	4,4	3,2	2,5	1,2	3,8	4,4	2,5	3,8	1,9	1,2
Н/средн	4,5	3,6	4,3	4,1	3,1	3,5	2,4	2,4	1,9	1,3
Средн	5,3	5,4	3,5	2,7	3,1	2,4	2,9	2,5	2,1	3,2
Вышш	9,7	9,0	4,5	4,8	2,4	2,7	0,6	1,7	2,4	0,3
Москва	7,4	9,0	4,7	3,0	– ¹	2,4	1,4	4,5	1,8	1,2
Круп гор	5,0	8,5	3,7	2,5	–	4,1	0,3	2,5	2,8	1,4
Сред гор	5,2	5,2	3,3	3,5	–	1,7	2,7	3,3	1,7	2,1
Мал гор	6,8	4,1	5,7	3,7	–	2,7	3,6	1,8	2,4	3,0
Пгт	4,7	3,5	1,2	9,4	–	2,3	1,7	1,7	1,2	1,2

11 – посещение выставок, музеев

12 – самообразование

13 – хождение в гости и прием гостей

14 – посещение спортивных зрелищ

15 – чтение газет

16 – пассивный отдых

17 – прослушивание радиопередач

18 – занятия с детьми

19 – участие в художественной самодеятельности

20 – посещение танцевальных вечеров

¹ Данные отсутствуют.

	21	22	23	24	25	26	27	28
В г	1,8	1,6	1,6	1,2	0,3	0,2	0,1	0,1
Му	2,0	2,1	2,5	1,2	0,3	0,3	0,3	0,1
Жс	1,6	1,2	0,7	1,2	0,3	0,1	0,0	0,1
16	1,5	1,6	1,8	2,6	0,2	0,0	0,2	0,2
25-29	1,4	2,6	0,7	1,2	0,7	0,0	0,5	0,2
30-39	0,7	1,3	1,3	0,7	0,0	0,0	0,2	0,0
40-59	1,1	1,4	2,8	0,4	0,7	0,2	0,0	0,0
60 и ст	5,2	0,0	0,8	0,4	0,4	0,4	0,0	0,4
Рабоч	0,5	1,5	1,6	2,3	0,1	0,1	0,0	0,1
Инж-тех	1,5	4,7	3,1	1,5	0,0	0,0	1,5	0,0
Интел	0,7	2,3	1,5	0,0	0,0	0,7	0,7	0,0
Служ	2,3	1,5	1,3	0,5	0,0	0,2	0,0	0,0
Учащ	2,7	2,0	2,0	0,0	0,6	0,0	0,0	0,0
Пенс	5,3	0,0	1,5	0,4	1,1	0,4	0,0	0,4
Домхоз	1,2	1,9	0,6	0,6	1,2	0,0	0,0	0,0
Н/средн	0,7	1,3	1,4	1,2	0,3	0,0	0,0	0,2
Средн	2,4	1,4	1,3	1,6	0,4	0,2	0,0	0,0
Высш	3,4	3,1	2,4	1,0	0,0	0,6	1,0	0,0
Москва	1,6	1,8	1,2	1,6	0,4	0,4	0,4	0,0
Круп гор	1,1	0,5	1,2	1,1	0,0	0,2	0,2	0,0
Сред гор	4,2	2,9	3,3	1,3	0,0	0,2	0,4	0,0
Мал гор	0,7	1,6	0,8	1,3	0,9	0,1	0,0	0,1
Пгт	1,7	1,7	0,6	1,2	0,0	0,6	0,0	0,6

21 – занятия общественной работой

22 – чтение журналов

23 – другие домашние игры

24 – посещение ресторанов, пивных

25 – бесцельное времяпрепровождение

26 – политучеба

27 – игра в карты

28 – отправление религиозных обрядов

Таблица 19. Ответы на вопрос "Каким образом вы хотели бы использовать свое свободное время?" (в % к общему числу опрошенных, nA = 10 392)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	36,8	25,9	21,7	18,3	17,6	8,0	8,0	7,3	5,8	4,7
Муж	38,7	29,5	17,7	16,9	14,1	6,4	10,0	6,8	6,2	3,5
Жен	33,7	20,2	28,0	20,4	23,3	10,7	4,9	8,1	5,2	6,7
Рабоч	35,9	27,2	16,4	18,1	13,8	7,9	8,6	6,5	5,9	3,1
Инж-тех	40,3	30,0	27,8	16,9	17,8	3,4	10,7	11,8	3,8	6,1
Интел	28,4	26,3	31,0	22,6	26,8	8,9	8,0	8,0	5,9	8,9
Служ	36,2	24,1	24,2	18,7	17,8	9,5	8,6	8,6	6,8	4,5
Учаш	41,4	17,9	20,9	15,5	22,1	7,2	6,4	6,3	4,9	5,7
Пенс	8,1	14,2	14,2	16,3	14,2	2,0	10,0	2,0	18,3	2,0
Домхоз	25,0	26,6	26,6	23,3	18,4	11,6	1,6	3,2	5,0	6,6
Круп гор	36,6	24,3	26,5	17,6	17,7	4,4	8,3	9,5	4,8	5,2
Сред гор	35,8	25,2	21,2	17,5	19,9	6,0	8,3	8,9	6,1	6,1
Мал гор	37,5	27,8	19,6	17,7	16,9	8,8	7,8	6,0	5,9	3,3
Пгт	36,5	24,5	18,3	22,4	15,3	16,7	7,4	3,6	6,5	4,8

- 1 – занятия спортом
- 2 – самообразование
- 3 – посещение театров
- 4 – посещение кинотеатров
- 5 – чтение книг
- 6 – участие в художественной самодеятельности
- 7 – занятия любительской деятельностью
- 8 – занятия туризмом
- 9 – занятия общественной работой
- 10 – посещение симфонических и литературных концертов

Группа	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
В целом	4,6	3,8	3,3	2,5	2,5	2,1	2,0	1,9	1,7	1,2
Муж	4,2	3,4	2,8	1,9	3,2	2,4	2,6	1,5	1,5	1,4
Жен	5,2	4,5	4,0	3,5	1,4	1,8	1,0	2,5	2,2	0,9
Рабоч	4,3	3,6	3,0	1,2	2,9	2,1	2,4	1,3	1,1	1,3
Инж-тех	5,8	2,6	3,7	3,5	2,8	2,8	1,9	1,7	2,1	1,1
Интел	7,8	2,6	5,3	4,1	1,7	3,0	1,6	3,3	2,7	1,7
Служ	6,2	4,0	3,3	2,5	2,1	1,9	2,2	2,0	2,1	1,2
Учащ	1,0	4,5	3,0	2,9	2,5	1,7	1,0	0,0	2,3	0,7
Пенс	0,0	0,0	0,0	8,1	6,0	0,0	4,0	4,0	0,0	2,0
Домхоз	3,2	3,2	3,2	6,6	0,0	1,6	0,0	6,6	0,0	1,6
Круп гор	5,0	3,2	3,8	4,1	1,8	2,5	1,5	1,1	1,7	1,0
Сред гор	4,5	3,2	3,4	1,6	2,7	2,0	1,9	2,0	2,1	1,0
Мал гор	4,9	4,1	3,1	2,3	2,2	2,1	2,2	2,2	1,4	1,0
Пгт	3,3	5,1	2,2	1,3	4,1	1,7	2,6	2,6	2,0	2,2

- 11 – занятия с детьми
12 – посещение танцевальных вечеров
13 – прогулки с целью отдыха
14 – посещение выставок, музеев
15 – другие домашние игры
16 – хождение в гости и прием гостей
17 – посещение спортивных зрелищ
18 – прослушивание радиопередач
19 – посещение эстрадных концертов
20 – чтение газет

Группа	21	22	23	24	25	26	27	28
В целом	1,0	0,9	0,8	0,8	0,2	0,1	0,1	0,1
Муж	0,8	1,0	1,0	1,0	0,3	0,1	0,1	0,2
Жен	1,3	0,8	0,6	0,3	0,1	0,1	0,0	0,0
Рабоч	0,7	0,8	0,9	0,8	0,0	0,0	0,0	0,2
Инж-тех	1,2	1,1	1,2	1,8	0,3	0,2	0,1	0,0
Интел	1,0	1,8	0,5	0,3	0,2	0,0	0,1	0,0
Служ	1,3	1,0	0,7	0,6	0,0	0,1	0,1	0,1
Учащ	0,7	0,7	0,5	0,7	0,1	0,0	0,0	0,0
Пенс	0,0	0,0	6,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Домхоз	1,6	1,6	1,6	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Круп гор	1,5	0,8	0,6	1,2	0,3	0,1	0,1	0,2
Сред гор	0,8	0,8	0,7	0,8	0,1	0,1	0,0	0,1
Мал гор	0,9	0,9	0,8	0,7	0,2	0,0	0,1	0,1
Пгт	0,5	1,3	1,5	0,2	0,2	0,1	0,0	0,1

21 – пассивный отдых

22 – чтение журналов

23 – просмотр телепередач

24 – посещение ресторанов, пивных

25 – политучеба

26 – игра в карты

27 – отправление религиозных обрядов

28 – бесцельное времяпрепровождение

Таблица 20. Ответы на вопрос: "Что мешает вам проводить досуг так, как вам нравится?" (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	52,0	38,6	37,7	17,8	9,2	4,1	2,9	1,8	1,3	0,2
Муж	43,8	39,3	39,6	22,5	9,6	4,4	2,9	0,9	1,6	0,2
Жен	59,5	37,9	35,9	13,5	8,9	3,8	2,9	2,6	1,0	0,1
16-24	55,2	45,5	42,4	30,0	13,1	1,3	2,5	1,1	1,3	0,0
25-29	64,7	51,8	41,8	22,8	10,4	0,3	3,6	3,1	2,6	0,0
30-39	56,4	32,9	36,8	13,1	7,9	0,7	2,8	2,5	1,8	0,0
40-59	46,9	30,9	32,8	7,2	6,8	7,5	2,8	1,1	0,7	0,9
60 и ст	25,8	25,0	30,2	7,4	6,1	18,4	3,0	1,7	0,4	0,0
Рабоч	50,0	40,4	43,2	21,6	8,1	1,0	3,0	1,1	1,0	0,2
Инж-тех	54,3	49,6	29,1	18,0	9,4	1,5	4,7	1,5	1,5	0,0
Интел	80,6	51,1	28,6	19,3	7,7	0,7	0,0	1,5	0,0	0,0
Служ	61,9	45,7	32,8	19,0	11,6	2,3	3,9	3,4	4,2	0,0
Учаш	56,0	27,7	52,0	22,9	17,4	0,6	0,0	0,6	0,0	0,0
Пенс	25,6	26,0	30,6	6,5	7,2	21,8	2,6	1,5	0,4	0,4
Домхоз	53,8	24,3	34,6	8,3	5,1	2,5	4,4	3,8	0,0	0,0
Н/средн	43,7	35,0	41,5	17,8	7,4	4,3	4,1	1,5	0,9	0,2
Средн	56,4	42,7	35,9	20,4	10,6	3,9	2,3	2,0	2,1	0,1
Высш	58,3	40,2	24,3	12,5	9,0	3,8	2,4	2,4	0,6	0,0
Москва	67,9	4,3	40,7	7,0	11,3	2,0	4,1	1,2	0,2	0,2
Круп гор	58,7	13,4	40,0	8,3	11,8	8,0	0,7	1,4	0,0	0,2
Сред гор	53,2	33,7	42,5	14,6	8,2	2,1	4,2	1,9	1,7	0,0
Мал гор	44,9	57,2	31,7	22,9	8,6	3,2	3,9	1,8	2,3	0,1
Пгт	57,6	58,8	41,7	37,0	6,4	1,2	2,3	3,5	0,6	0,6

- 1 – недостаток свободного времени
- 2 – недостаточное развитие материально-технической базы досуга
- 3 – недостаток личных средств
- 4 – недостаточное развитие организационной базы досуга
- 5 – неумение организовать свое свободное время
- 6 – плохое состояние здоровья
- 7 – плохие жилищные условия
- 8 – не с кем оставлять детей
- 9 – плохая работа транспорта
- 10 – усталость после работы

Таблица 21. Ответы на вопрос: "Что мешает вам проводить досуг так, как вам нравится?" (в % к общему числу опрошенных, nA = 10 392)

Группа	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
В целом	57,3	34,3	34,2	33,5	21,9	19,0	4,1	3,8	0,7	0,5
Муж	56,5	31,9	36,3	36,5	21,1	16,5	4,8	3,1	0,6	0,4
Жен	58,6	38,8	31,0	28,9	23,1	22,8	2,8	5,0	0,8	0,5
Рабоч	52,8	31,7	35,5	38,3	22,1	18,7	6,0	4,3	0,8	0,2
Инж-тех	64,0	37,2	29,0	29,1	26,0	13,1	5,3	5,7	2,1	0,5
Интел	71,6	39,8	30,2	25,5	37,9	11,9	2,2	4,6	0,0	1,1
Служ	57,2	34,9	33,2	32,3	22,0	18,7	4,5	4,7	0,6	0,6
Учащ	58,4	27,1	25,5	35,6	10,7	30,8	1,0	0,9	0,6	0,2
Пенс	12,2	22,4	34,6	34,6	4,0	2,2	6,1	8,1	2,0	4,0
Домхоз	26,6	30,0	26,6	33,3	8,3	13,3	8,3	33,3	0,0	3,3
Круп гор	67,6	16,0	43,6	13,1	26,0	19,6	5,5	4,2	0,9	0,5
Сред гор	62,6	22,0	36,8	26,4	21,8	19,5	5,3	4,0	0,9	0,5
Мал гор	52,5	43,2	27,8	45,6	20,7	18,3	3,2	4,2	0,6	0,6
Пгт	38,7	68,1	22,0	60,3	16,7	17,8	1,2	1,9	0,1	0,2

1 – недостаток свободного времени

2 – недостаток личных средств

3 – недостаточное развитие материально-технической базы досуга

4 – недостаточное развитие организационной базы досуга

5 – усталость после работы

6 – неумение организовать свое свободное время

7 – плохое состояние здоровья

8 – плохие жилищные условия

9 – не с кем оставлять детей

10 – плохая работа транспорта

Таблица 22. Ответы на вопрос: "Всегда ли вы знаете, как использовать свое свободное время?" (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993)

Группа	Да	Нет	Затр отв
В целом	66,3	12,1	21,6
Муж	66,5	11,9	21,6
Жен	66,2	12,3	21,5
Рабоч	67,3	14,1	18,6
Инж-тех	72,4	10,2	17,4
Интел	74,4	4,6	21,0
Служ	65,3	12,6	22,1
Учаш	60,1	16,8	23,1
Пенс	64,3	8,8	26,9
Домхоз	61,4	9,6	29,0

Таблица 23. Ответы на вопрос: "Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга вы видите?" (в % к общему числу опрошенных; nБ = 1993, nМ = 484)

Группа	1	2	3	4	5	6
В целом	45,3	33,6	14,0	8,2	7,3	3,3
Муж	37,5	37,7	15,6	10,1	4,6	4,2
Жен	52,5	29,4	12,7	6,5	9,7	2,5
16-24	37,4	38,6	14,6	11,5	5,7	5,9
25-29	55,8	40,0	15,0	8,9	11,9	1,4
30-39	57,7	27,4	15,7	7,4	5,9	4,1
40-59	46,1	22,3	14,5	5,5	7,3	2,6
60 и ст	23,4	21,5	7,9	4,3	4,8	1,3
Рабоч	41,7	32,6	16,2	8,3	8,9	2,3
Инж-тех	57,7	51,4	15,0	7,8	9,4	0,0
Интел	53,4	34,4	12,4	8,5	7,0	3,8
Служ	64,2	42,3	12,1	10,0	6,3	6,0
Учащ	27,3	23,9	26,3	15,4	3,3	5,4
Пенс	27,9	23,9	7,6	6,7	5,3	1,1
Домхоз	52,2	19,4	7,6	1,2	7,0	5,7
Н/средн	40,5	29,6	13,3	5,7	7,2	0,8
Средн	46,5	35,6	13,3	9,6	8,4	5,7
Высш	60,4	31,1	11,8	8,3	6,5	2,7
Москва	38,8	9,0	15,7	3,2	7,4	4,5
Круп гор	51,9	11,2	17,5	6,9	8,9	7,4
Сред гор	41,8	30,8	14,6	6,3	10,1	1,3
Мал гор	39,1	48,4	12,7	10,4	4,6	2,3
Пгт	63,9	54,4	7,0	9,4	6,4	0,6

1 – увеличение свободного времени

2 – расширение материально-технической базы досуга

3 – увеличение доходов населения

4 – улучшение организаторской работы

5 – улучшение жилищно-бытовых условий

6 – воспитание культуры досуга

Таблица 24. Ответы на вопрос: "Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга вы видите?" (в % к общему числу опрошенных, nA = 10 392)

Гр	1	2	3	4	5	6
В целом	43,2	42,8	13,0	11,8	10,5	8,2
Муж	38,8	45,4	14,0	12,8	10,0	9,3
Жен	50,1	38,6	11,4	10,3	11,2	6,6
Рабоч	37,9	45,3	13,5	11,9	7,9	11,8
Инж-тех	70,0	54,9	9,8	14,3	8,7	11,8
Интел	81,5	36,3	9,8	17,5	7,7	7,7
Служ	45,4	39,5	12,7	11,5	9,0	8,5
Учаш	25,3	40,2	14,0	11,3	21,1	1,9
Пенс	22,2	34,2	10,0	14,2	2,0	10,0
Домхоз	43,2	28,1	0,0	6,6	3,3	8,3
Круп гор	51,3	30,1	9,4	18,0	12,6	10,8
Сред гор	48,1	37,7	11,6	12,7	11,1	9,9
Мал гор	39,0	44,5	14,4	8,6	10,0	7,1
Пгт	28,4	70,7	18,4	5,9	6,6	2,7

- 1 – увеличение свободного времени
- 2 – расширение материально-технической базы досуга
- 3 – увеличение доходов населения
- 4 – улучшение организаторской работы
- 5 – улучшение жилищно-бытовых условий
- 6 – воспитание культуры досуга

Таблица 25. Предложения относительно путей увеличения свободного времени (в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993, пМ = 484)

Группа	1	2	3	4
В целом	2,2	5,1	5,4	25,6
Муж	2,5	3,6	7,0	17,1
Жен	2,0	6,4	4,0	33,3
16-24	1,6	5,5	5,0	17,6
25-29	3,6	5,3	4,3	32,0
30-39	2,5	7,7	8,7	32,7
40-59	2,3	4,7	5,1	28,5
60 и ст	0,4	0,4	3,1	16,1
Рабоч	2,5	5,1	6,1	22,3
Инж-тех	3,9	7,8	9,4	28,1
Интел	7,0	7,0	3,8	24,8
Служ	2,9	8,2	7,1	35,3
Учащ	0,0	6,7	3,3	9,9
Пенс	0,0	0,0	3,4	21,1
Домхоз	0,0	0,6	1,2	44,7
Н/средн	2,0	4,1	4,8	25,2
Средн	2,1	5,4	5,4	24,4
Выш	3,8	7,2	7,9	33,9
Москва	1,2	8,0	4,1	16,3
Круп гор	0,5	5,0	10,2	24,0
Сред гор	1,9	8,0	4,8	24,2
Мал гор	3,1	3,6	2,4	24,7
Пгт	5,3	3,5	4,7	40,5

- 1 – соблюдение установленной продолжительности рабочего дня
 2 – дальнейшее сокращение рабочего дня
 3 – сокращение вне рабочего времени, связанного с производством
 4 – улучшение бытового обслуживания населения

4. Краткий комментарий к результатам исследования

Как отмечалось в начале главы, основной замысел представленных в ней исследований состоял в том, чтобы выявить фактические характеристики (объем и структуру) занятого и свободного времени городского населения страны, т. е. получить представление об *объективном положении вещей* в соответствующих сферах жизни общества. Кроме того, речь шла и о том, чтобы выяснить разного рода *субъективное отношение* людей к указанным реалиям, однако это были задачи явно второго плана. В результате абсолютное большинство вопросов в анкетах вызвали к жизни суждения-"фотографии", а не суждения-мнения; в газетном опросе последние возникали лишь в трех сюжетах из двенадцати, а в опросе по "Кресту" – только в четырех из сорока¹. И данное обстоятельство, наверное, привело бы к резкому обеднению анализа зафиксированного сознания масс под интересующими нас углами зрения, если бы не сам центральный предмет обсуждения, а именно сфера досуга и связанная с нею *свободная*, а не вынужденная деятельность людей. Дело в том, что, фиксируя, так сказать, голые (без каких-либо оценок) факты своих занятий в свободное время (т. е. в ситуации относительной с в о б о д ы в ы б о р а), равно как и бóльшую или меньшую частоту этих занятий в течение определенного отрезка времени (дня, недели, месяца, года), люди тем самым – независимо от собственных намерений – открывали для стороннего глаза довольно полную картину своих жизненных интересов и потребностей, предпочтений и навыков. Отсюда и чрезвычайная значимость полученной в этих исследованиях информации для понимания не только мира бытия тогдашних россиян, но и мира их духа, не только моделей их поведения, но и моделей их сознания.

Просматривая в целом всю эту информацию, нельзя не увидеть (и далее речь об этом пойдет особо), что она содержит немало достойных внимания сведений и о ценностных ориентациях городского населения страны, и о способностях масс описывать объективные факты действительности, и о размерах и формах их поведенческой активности вне рамок трудовой деятельности. Сверх того, здесь (причем едва ли не впервые в масштабах СССР в целом) удалось получить данные и о реальной вклю-

¹ И в том и в другом случаях задавались вопросы: "Как бы вы хотели использовать свое свободное время?", "Что мешает вам проводить досуг так, как вам нравится?" и "Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга вы видите?" При этом в анкете "Б" к ним добавлялся еще один: "Всегда ли вы знаете, как использовать свободное время?"

ченности населения в систему действовавших в советском обществе средств массовой информации и устной пропаганды. И все же начать наш комментарий следует, конечно же, с другого, с главного – с той характеристики сознания масс, которая обнаружилась в рассматриваемых исследованиях наиболее выпукло и детально, а именно с **круга интересов**, которыми жили тогдашние советские люди. Правда, следует оговориться: общий диапазон фиксировавшихся в этом случае интересов задавался самой программой исследований и был ограничен исключительно зоной *досуговой* деятельности масс. Это значит, что предметный ряд, по поводу которого надлежало высказываться респондентам, не включал в себя многих важных элементов социальной жизнедеятельности, в том числе (и прежде всего) связанных с собственно трудом, а также со сферами международных отношений, экономики и материального благосостояния¹. Однако и предложенного списка из 28 различных видов занятий (плюс вечерняя или заочная учеба, отнесенная к разделу занятого времени) оказалось достаточно, чтобы составить не только общее, но и детализированное представление о рассматриваемой характеристике сознания масс.

Самый первый и поверхностный взгляд на вещи – знакомство с начальными строчками таблиц 7–16 – позволяет установить факт **разной включенности городского населения в целом в обсуждавшиеся виды деятельности**, или, что то же, **неравномерной распространенности в обществе различных видов досуга**. Факт, разумеется, вполне естественный и ожидаемый, но от этого не менее значимый, если выйти за рамки его общей констатации. Рассматривая, к примеру, зафиксированные здесь крайние ситуации, можно обнаружить, что в рейтинге популярности у публики среди всех видов досуговых занятий на первом месте в те годы находилось чтение газет (им полностью пренебрегало лишь 9,1% опрошенных), а на безнадежно последнем (отмеченном всего 3,5% опрошенных) – осуществление разного рода религиозных практик. При оценке же положения вещей в целом, отвлекающейся от частоты осуществления людьми тех или иных занятий (т. е. учитывающей лишь само наличие или отсутствие этих занятий в границах

¹ В более поздние, особенно постперестроечные времена стало ясно, что зона досуговой активности в принципе пересекается и с тремя последними сферами; например, в форме зарубежного туризма, занятий бизнесом или деятельности по улучшению быта. Однако в 1963 г. массовая социальная практика была на этот счет совершенно иной, даже в части возможности (а вернее, как раз невозможности) поехать в отпуск за границу...

года), все рассматривавшиеся виды времяпрепровождения отчетливо распадались на ряд классов, представленных в таблице А.

Таблица А. Включенность горожан в целом в различные виды досуговой деятельности

Типы включенности	Мера включенности ¹ (в % к пБ = 1993)	Виды деятельности ²
Максимальная	более 80% (четыре вида)	чтение газет, занятия с детьми ³ , прослушивание радио, посещение кино-театров
Высокая	80–70% (четыре вида)	общественная деятельность, чтение книг, хождение в гости и прием гостей, чтение журналов
Средняя	60–40% (шесть видов)	прогулки с целью отдыха, просмотр телепередач, политечеба, посещение театров, самообразование, домашние игры (кроме карт)
Умеренная	40–25% (шесть видов)	Посещение эстрадных концертов, посещение спортивных зрелищ, туризм, пассивный отдых, посещение танцевальных вечеров, любительские занятия
Низкая	25–10% (семь видов)	занятия спортом, посещение музеев, посещение ресторанов, вечерняя и заочная учеба, посещение симфонических концертов, занятия художественной самодеятельностью, игра в карты
Минимальная	менее 10% (два вида)	Бесцельное времяпрепровождение, отправление религиозных обрядов

На следующем, более глубоком уровне анализа, а именно при сопоставлении цифр, содержащихся в колонках таблиц 7–16, проясняется еще один важный результат исследований – факт **неодинаковой вклю-**

¹ Здесь и далее мера (объем) включенности населения в ту или иную деятельность измеряется разностью "100% минус % не занимавшихся данной деятельностью".

² Внутри каждого из выделенных классов все виды деятельности перечисляются по мере уменьшения объемов внимания к ним со стороны респондентов.

³ В данном случае учитываются лишь участники опроса, имевшие детей (48,6% от общего числа респондентов).

ченности разных групп городского населения в каждый из обсуждавшихся видов деятельности, или, что то же, неравномерной распространённости различных видов досуга в разных социально-демографических средах. Сформулированный в столь общем виде, этот факт, как и предыдущий, выглядит снова сплошным трюизмом, однако при его конкретизации мы и тут получаем множество далеко не очевидных знаний. Даже если ограничимся рассмотрением отдельных видов использования людьми свободного времени, т. е. пройдемся в каждой таблице по вертикали по всем 22 группам, поскольку при такой оценке данных можно, в частности, выяснить, что наиболее активными слушателями радио (таблица 10а) были 25–29-летние, а наименее активными – 30–39-летние; или что главными читателями журналов, самыми заядлыми театралами и любителями спортивных зрелищ (таблицы 9б, 11б и 12в) были представители инженерно-технической интеллигенции, тогда как менее других к названным видам занятий были причастны в первом случае домохозяйки, во втором – жители поселков городского типа, а в третьем – люди в возрасте 60 лет и старше; или что чаще всего смотрели телевизор (таблица 10б) жители крупных городов, занимались спортом (таблица 13б) учащиеся, а ходили в турпоходы (таблица 14а) – москвичи и т. д. и т. п. Но особенно продуктивным такой анализ оказывается при сравнении положения вещей в разных колонках (таблицах), т. е. при дополнении оценок по вертикали оценками по горизонтали. Ведь тут помимо всего прочего обнаруживается, что в отношении различных видов досуга существенно по-разному ведут себя не только те или иные *отдельные группы* населения, но и разные *типы* этих групп, поскольку уровни дифференцированности разных типов групп, степень их разрывов на более и менее включенные в тот или иной вид деятельности в разных случаях весьма неодинаковы.

Если мы возьмем, к примеру, коэффициенты дифференциации, фиксирующие различия в досуговом поведении половых групп, то увидим, что они в общем и целом незначительны: в шестнадцати из двадцати девяти анализировавшихся видов занятий либо вообще совпадают с единицей, либо предельно (= 1,1) близки к ней (соответственно десять и шесть занятий); еще в пяти случаях равны 1,2–1,3; в трех случаях варьируют от 1,6 до 1,9 и только в пяти оказываются более или менее серьезными (= 2,2 и выше)¹. Заметно иная картина – в группах по образованию,

¹ Вместе с тем, следует заметить, и тут в предельных вариантах, касающихся двух видов деятельности – выпивок в ресторанах и любительских занятий, – разница между мужчинами и женщинами, в сравнении с другими типами групп, в общем-

где равенство позиций всех трех групп имеет место уже лишь в одном случае, а минимальный разрыв в 1,1 раза – лишь в пяти, зато в семнадцати случаях коэффициент дифференциации превышает 1,5, при этом однажды достигает даже 9,0. Третий вариант, отличающийся еще более сильными диспропорциями, характерен для групп по возрасту: тут ни полное, ни минимальное совпадения позиций различных групп не встречаются уже ни разу, зато в восемнадцати случаях разрывы между крайними позициями превышают 2 раза, в том числе в трех случаях – 7 раз, а в одном – аж 28!

Общее представление обо всей этой пестрой картине полученных данных дает таблица Б, и, глядя на нее, нельзя не признать, что квантифицированно строго ответить на вопрос, в *какой именно степени* были дифференцированы в те годы по их досуговым занятиям разные типы социально-демографических групп, не так-то просто: ведь зависимость ответа на этот вопрос от избираемых критериев оценки очевидна. Так, исходя, к примеру, из количества видов досуга, в отношении которых коэффициенты дифференциации групп были минимальными, т. е. не превышали 1,1, получим, что наибольшим сходством в рассматриваемом отношении отличались группы по полу, затем – с резким сокращением этого сходства, но примерно на равных – шли группы по образованию и типу поселения и, наконец, на последнем месте (полностью на равных, коль скоро названный коэффициент там не встречался ни разу) оказывались группы по образованию и роду занятий. Если же в основу оценки положить количество видов деятельности с коэффициентами дифференциации групп от 1,0 до 2,0, то в этом случае группы по образованию уже сравняются с группами по полу (с двадцатью четырьмя такими видами деятельности), за ними – в непосредственной близости к ним (двадцать видов деятельности) – пойдут группы по типу поселения и потом – с огромным и примерно равным отрывом от предыдущих типов групп – группы по возрасту и роду занятий (соответственно одиннадцать и девять видов досуга).

Вместе с тем *сравнительные уровни* рассматриваемой дифференцированности разных типов групп проявились в исследованиях вполне определенно и зафиксированы в последней строке таблицы Б в виде неких среднеарифметических величин. Нет спору, все эти средние коэффициенты, конечно же, достаточно условны и не отражают полностью реальных размеров диспропорций в положении многих групп населения.

то не столь велика: первые опережают вторых соответственно лишь в 3,4 и в 4,0 раза.

Таблица Б. Коэффициенты дифференциации разных типов групп, связанные с включенностью людей в различные типы досуговой деятельности

Виды деятельности	Пол	Возраст	Род занят	Образов	Тип посел	В целом
Вечерняя и заочная учеба	1,8	3,8	5,6	— ¹	1,8	6,9
Общественная деятельность	1,2	2,1	3,2	1,3	1,1	3,4
Политучеба	1,2	4,2	6,1	2,2	1,5	6,1
Самообразование	1,2	2,1	2,6	1,6	1,2	2,7
Чтение газет	1,1	1,3	1,2	1,1	1,1	1,3
Чтение журналов	1,0	1,5	1,6	1,5	1,2	1,6
Чтение книг	1,1	1,4	1,3	1,2	1,2	1,4
Прослушивание радио	1,0	1,3	1,2	1,0	1,1	1,3
Просмотр телепередач	1,1	1,2	1,4	1,5	3,9	3,9
Посещение кинотеатров	1,0	1,5	1,3	1,1	1,1	1,5
Посещение театров	1,1	1,7	2,0	2,0	4,6	5,6
Посещение симф. концертов	1,1	2,2	3,1	3,5	3,4	4,7
Посещение эстрадн. концертов	1,0	4,1	3,1	1,5	2,0	4,1
Посещение музеев	1,0	1,8	2,6	2,1	6,2	6,2
Посещение спортивн. зрелищ	2,3	7,2	6,6	1,2	2,6	8,4
Занятия художеств. самодеят.	1,0	7,4	12,2	1,9	1,7	12,2
Занятия спортом	2,2	5,5	6,7	1,9	2,3	6,7
Любительские занятия	4,0	1,7	5,1	1,4	1,5	5,1
Туризм, загородные прогулки	1,2	3,3	3,3	1,7	2,8	4,2
Прогулки с целью отдыха	1,0	1,5	1,4	1,4	1,9	2,0
Занятия (игры) с детьми	1,1	2,8	9,9	1,1	1,3	9,9
Хожд. в гости и прием гостей	1,0	1,6	1,3	1,1	1,1	1,6
Посещение танцев. вечеров	1,3	28,3	30,8	1,8	1,4	31,2
Игра в карты	1,9	2,2	2,4	1,6	1,8	2,8
Другие домашние игры	2,4	2,1	2,5	1,3	1,4	3,1
Посещение ресторанов	3,4	4,1	4,1	1,1	1,8	4,8
Религиозные обряды	1,6	7,1	∞	9,0	7,1	∞
Пассивный отдых	1,0	2,4	3,4	1,5	1,3	3,5
Праздное безделье	1,0	2,1	2,3	1,5	3,2	3,3
Средний коэффициент	1,5	3,8	4,6	1,8	2,2	

¹ Данные отсутствуют.

Однако господствующие тенденции в них, вне всякого сомнения, все же схвачены, и это дает возможность утверждать, что наименьшие различия в структуре досуга существовали тогда между мужчинами и женщинами, а наибольшие – между так называемыми группами по роду занятий¹.

Кроме того, чисто горизонтальное (по строкам) прочтение таблицы Б дает возможность взглянуть на рассматриваемую характеристику сознания масс и под иным углом зрения: при таком подходе к данным выясняется, что различные виды досуга были не просто более и менее популярными среди разных групп населения, но обладали *неодинаковой дифференцирующей силой* и потому в разной мере расчленили половые, возрастные и иные социально-демографические группы населения на сегменты, характеризовавшиеся большей и меньшей включенностью в соответствующие виды деятельности.

Возьмем, к примеру, самое распространенное в тогдашней России досуговое занятие – чтение газет. По свидетельству таблицы, причастность к нему всех анализировавшихся типов групп была практически одинаковой: коэффициенты дифференциации тут были минимальными и варьировали от 1,1 (в группах по полу, образованию и типу поселения) до 1,3 (в группах по возрасту). Аналогичное положение вещей имело место также при прослушивании радио и чтении книг. Однако в большинстве случаев картина была существенно иной – отмечала либо относительное равенство положений в одних типах групп при резком неравенстве в других (ср., в частности, просмотр телепередач и общественную деятельность), либо (как правило) разные по резкости разрывы в разных типах групп, с варьированием этих разрывов от 1,0 до 6,2 (посещение музеев) или 12,2 (участие в художественной самодеятельности), от 1,3 до 30,8 (посещение танцевальных вечеров) и – запредельный случай – от 1,6 до бесконечности (исполнение религиозных обрядов)².

¹ Более пристальный анализ свидетельствует, что в последнем случае при рассмотрении максимальных разрывов в показателях речь чаще всего следовало вести не столько о группах по роду занятий как таковых, сколько о группах самодеятельного и несамодеятельного населения (рабочих, инженерах и техниках, интеллигенции, занятой не на производстве, и служащих, с одной стороны, и учащихся, пенсионерах, домохозяйках – с другой) или о разных возрастных группах (ср. учащиеся и пенсионеры). См. об этом *Б. Грушин*. Свободное время. Актуальные проблемы. С. 92–93.

² Последний феномен возникает в связи с тем, что две группы горожан – интеллигенция, занятая не на производстве, и учащиеся – демонстрировали полную, стопроцентную отстраненность от религиозной деятельности.

Очевидно, установить вполне устойчивые зависимости в этой истине разношерстной и разнокалиберной сводке цифр еще сложнее, чем в предыдущем случае. Однако в какой-то мере решить эту задачу все же снова можно – например, используя алгебраические отношения между крайними показателями участия в каждом из обсуждаемых видов досуговой деятельности всех 22 групп горожан (см. последнюю колонку таблицы Б). Заранее согласимся, что подобного рода коэффициенты дифференциации, ломающие перегородки разных типов групп, еще более условны, нежели введенные выше средние – ведь сопоставление, скажем, женщин с москвичами, а 16–24-летних с рабочими сродни сопоставлению желтого с круглым, а кислого с высоким. И все же они явно имеют смысл, поскольку позволяют установить, в каких случаях массы в целом оказываются относительно однородными по кругу своих потребностей и возможностей удовлетворить их, а в каких они, напротив, в том и другом отношении гетерогенны, причем гетерогенны по-разному – то ли умеренно, то ли радикально. Общая классификация с этой точки зрения всех рассматриваемых видов деятельности представлена в таблице В.

Наконец, еще более глубокое представление о рассматриваемой характеристике сознания масс можно получить на третьем уровне анализа таблиц 7–16, устанавливающим факт **разнообразия структур свободного времени** горожан и определяющим конкретное содержательное наполнение этих структур, т. е. позволяющим выйти на некую интегральную типологию досуговой деятельности людей. К сожалению, программа обработки полевой информации в обсуждаемых исследованиях не предусматривала решение данной задачи на уровне отдельных респондентов. Поэтому теперь нельзя сказать, какие именно наборы досуговых занятий были характерны для тех или иных типов тогдашних городских масс. Однако в отношении основных социально-демографических групп горожан такое знание у нас есть, и в своем концентрированном виде применительно к наиболее дифференцированным группам по роду занятий оно представлено в таблице Г.

При отвлечении от разного рода деталей эти данные позволяют говорить по меньшей мере о трех особенностях духовных и физических запросов и практик людей, связанных со сферой досуга.

Во-первых, о том, что общая структура этих запросов и практик отличалась во всех группах в целом *сравнительно высоким уровнем развития*. Ведь даже в среде наименее продвинутых с рассматриваемой точки зрения пенсионеров и домохозяек более четверти их составов были включены соответственно в 14 и 15 из 29 обсуждавшихся видов досуга, а более половины – в 9 и 8 видов; в группах рабочих и служащих те же объемы респондентов участвовали соответственно в 23 и 8 (рабочие) и в

Таблица В. Различия между группами горожан с точки зрения их включенности в те или иные виды досуговой деятельности (картина в целом)

Типы различий	Мера различий (в количестве раз)	Виды деятельности ¹
Минимальные (слабые)	в 1,3–1,4 раза	чтение газет, прослушивание радио, чтение книг
Умеренные	в 1,5–2,0 раза	посещение кинотеатров, чтение журналов, хождение в гости и прием гостей, прогулки с целью отдыха
Сильные 1-й степени	в 2,7–4,8 раза	самообразование, игра в карты, домашние игры (кроме карт), бесцельное времяпрепровождение, общественная деятельность, пассивный отдых, просмотр телепередач, посещение эстрадных концертов, туризм, посещение симфонических концертов, посещение ресторанов
Сильные 2-й степени	в 5,1–9,9 раза	любительские занятия, посещение театров, политехучеба, посещение музеев, занятия спортом, вечерняя и заочная учеба, посещение спортивных зрелищ, занятия с детьми
Сильные 3-й степени (максимальные)	более чем в 12 раз	занятия художественной самодеятельностью, посещение танцевальных вечеров, отправление религиозных обрядов

19 и 9 (служащие) видах досуга, а в наиболее продвинутых группах интеллигенции, занятой не на производстве, инженеров и техников и учащихся эти показатели были еще выше: как минимум каждый четвертый из их среды осуществлял соответственно 21, 22 и 23 вида досуговой деятельности и более чем каждый второй – 10, 12 и 13 видов такой деятельности².

¹ Внутри каждого класса все виды деятельности перечисляются по мере роста величины отношения между крайними позициями групп.

² Общая высокая оценка досуговой деятельности россиян начала 60-х годов приобретает дополнительное обоснование в свете исторической динамики развития советского общества, в частности при сопоставлении данных, полученных ИОМ "КП", с картиной, зафиксированной академиком С.Г. Струмилиным в ходе изучения бюджетов свободного времени рабочих семей Петрограда, Москвы и Иваново-Вознесенска в начале 20-х годов (см. об этом *Б. Грушин*. Свободное время. Актуальные проблемы. С. 77–84).

Таблица Г. Структура досуговой деятельности разных социально-профессиональных групп горожан (число респондентов, с той или иной периодичностью включенных в соответствующую деятельность; в % к объему групп)

Виды деятельности	Раб	Инж-тех	Интел	Служ	Учаш	Пенс	Дом-хоз
Вечерняя и заочная учеба	30,1	18,9	17,1	26,0	10,9	5,4	13,0
Общественная деятельность	85,2	89,6	90,5	94,0	80,3	46,6	29,3
Политучеба	38,7	65,9	71,9	57,8	68,0	11,8	12,0
Самообразование	42,7	54,1	65,0	43,0	49,2	25,0	26,8
Чтение газет	92,0	96,7	93,7	94,0	83,0	85,3	80,5
Чтение журналов	68,8	91,9	82,7	86,6	69,3	66,9	56,9
Чтение книг	76,7	88,0	75,0	78,1	85,6	70,2	75,5
Прослушивание радио	78,5	91,2	83,5	85,3	77,6	90,7	85,1
Просмотр телепередач	46,1	55,7	45,5	40,8	52,5	51,9	47,9
Посещение кинотеатров	82,1	90,4	89,8	81,6	91,0	71,1	77,3
Посещение театров	38,7	61,9	48,8	44,4	51,8	31,2	41,4
Посещение симф. концертов	13,2	36,0	31,0	17,5	31,6	11,8	14,0
Посещение эстрадн. концертов	38,4	37,7	40,9	43,5	47,8	15,6	30,6
Посещение музеев	21,9	32,9	31,6	22,0	41,0	19,9	15,9
Посещение спортивн. зрелищ	37,8	47,0	26,2	35,3	45,0	7,1	15,2
Занятия художеств. самодеят.	17,0	9,2	11,5	14,3	32,9	2,7	5,6
Занятия спортом	28,2	27,4	27,0	20,4	53,2	8,0	9,5
Любительские занятия	27,6	44,8	28,6	25,5	26,9	17,8	8,8
Туризм, загородные прогулки	32,7	44,7	36,3	32,6	37,7	13,6	26,7
Прогулки с целью отдыха	57,2	62,0	50,1	54,4	68,1	64,2	54,9
Занятия (игры) с детьми	46,2	43,2	40,2	47,5	6,7	31,6	66,6
Хожд. в гости и прием гостей	77,4	81,0	64,1	75,5	62,6	76,4	76,1
Посещение танцев. вечеров	34,0	24,3	16,2	24,4	58,5	1,9	10,2
Игра в карты	12,6	11,6	5,3	10,1	7,2	10,9	11,3
Другие домашние игры	46,6	46,2	30,8	45,3	47,2	28,1	19,0
Посещение ресторанов	28,3	33,7	22,4	21,8	18,8	8,3	14,7
Религиозные обряды	2,6	1,4	0,0	3,5	0,0	9,1	6,2
Пассивный отдых	28,7	21,1	15,4	25,2	31,6	51,6	40,9
Праздное безделье	3,5	7,7	5,3	7,8	8,0	5,9	7,4

Второй существенный момент – *недостаточная развитость*, а то и *полная неразвитость некоторых элементов* досуга, в том числе ряда тех из них, которые считались в тогдашнем обществе неперемненными составляющими процесса формирования так называемой гармонически развитой личности коммунистического будущего. Важный сам по себе, этот результат исследований представляется особенно значимым потому, что он откровенно противоречил господствовавшим в стране представлениям, базировавшимся на официальной статистике с ее гигантскими цифрами о миллиардных тиражах издаваемых книг, о десятках миллионов посетителей театров и музеев, о миллионах участников кружков художественной самодеятельности и занимающихся в спортивных секциях и т. д. Вполне естественная для государства с более чем двухсотмиллионным населением, но тем не менее захватывающая дух масштабами подобных цифр, эта статистика неизбежно порождала массовый оптический обман, многочисленные иллюзии полного благополучия дел, и этот обман, конечно же, обнаруживался, а иллюзии рассеивались, когда выяснялось, что подавляющая часть населения не имеет понятия не то что о занятиях спортом, но даже об элементарной физзарядке, а за пятьюдесятью миллионами посетителей музеев в год стоят не 50 и даже не 25 миллионов, а несравненно меньшее количество людей, причастных к этому, по-прежнему сохранявшему характер элитарного, виду культурного времяпровождения¹.

И наконец, пожалуй, самое главное – уже упомянутое *существенное несовпадение общих структур досуга* у сравниваемых групп населения, причем как в отношении полноты набора в этой структуре рассматриваемых видов деятельности, так и в отношении фактических объемов осуществления людьми тех или иных занятий. На уровне чисто количественных показателей сам факт этого несовпадения просматривается в таблице Г более чем отчетливо, однако его безусловная качественная оценка, скорее всего, невозможна. Исходившая из концепции "гармонического

¹ Иным выражением отмечаемого феномена следует считать также то, что огромные массы горожан оставались вне и тех элементов духовной и физической культуры, которые отличались в обществе в целом весьма высоким уровнем развития. Так, к примеру, абсолютное большинство рабочих и служащих, составлявших в совокупности более половины всего городского населения, не смотрело телепередачи и не ходило в театр, почти четверть из них вовсе не читала книг, почти пятая часть не посещала кинотеатров, пятая и шестая части не слушали радио и т. д. И ряд из этих показателей был еще более высоким в среде пенсионеров и домохозяек, а ведь эти группы населения составляли тогда в сумме также свыше 30% взрослых горожан.

развития личности", но при этом не затруднившая себя ни теоретической проработкой, ни прагматической детализацией основополагающей формулы К. Маркса о свободном времени как "*просторе для развития способностей*", тогдашняя коммунистическая идеология примитивно настаивала, в сущности, на том, чтобы "все занимались всем"¹. Однако эта цель, конечно же, не выдерживала никакой критики – и, что называется, по определению, в силу очевидной неравноценности разных видов досуговых занятий, с точки зрения их влияния на развитие личности, и в силу непреодолимого неравенства условий, в которых приходилось реально действовать разным группам населения. Поэтому-то – хотя мы и охарактеризовали выше досуг домохозяек в качестве "наименее продвинутого", а досуг инженеров и техников в качестве "наиболее продвинутого" – подобного рода определения нельзя не признать весьма условными. Равно как лишь с разного рода оговорками можно пользоваться и терминами "богатые" и "бедные" или "более" и "менее прогрессивные", когда речь заходит об абсолютных и относительных (сравнительных) оценках многих конкретных структур досуга. Убедиться в этом очень просто, взглянув на большинство анкет, приведенных в параграфе 2.

И тем более осторожно, имея дело со структурой досуга, следует оценивать собственно круг интересов людей, о котором у нас теперь идет речь. Внимательный читатель, наверное, заметил, что, пообещав в самом начале комментариев заняться этой характеристикой менталитета масс, автор тем не менее всячески избегал пользоваться термином "интересы", предпочитая говорить о "включенности" людей в различные виды деятельности, об их "причастности" к тем или иным видам досуга и т. д. И это было, конечно же, не случайно. Хотя бы потому, что среди досуговых занятий были и такие, которые диктовались, строго говоря, отнюдь не интересами, а *нуждой* (как, к примеру, пассивный отдых или прогулки с целью отдыха, призванные восстанавливать физические силы людей). А главное – зафиксированная в исследованиях картина досугового поведения людей, безусловно отражавшая предметный ряд тогдашнего массового сознания, общий диапазон предпочтений и навыков масс, выявляла вместе с тем в действительности не столько интересы *как таковые*,

¹ На заре строительства нового общества эта идеологическая установка с хрестоматийной краткостью и яркостью была выражена знаменитой строфой Маяковского: "*Сидят/ папаша./ Каждый/ хитр./ Землю попадет./ попишет/ стихи*". Вместе с тем некоторые виды занятий, особенно из числа традиционных (типа религии или пьянства) официальной пропагандой, естественно, категорически не поддерживались.

сколько интересы *реализованные, фактически осуществленные*, что всем не одно и то же. И потому, что некоторые из этих занятий выполнялись людьми не добровольно, не, так сказать, по зову души, а в силу *внешнего принуждения*, некоторого заведенного в обществе распорядка (ср. в какой-то части политучебу и общественную работу). И особенно потому, что многие желания людей на самом деле оставались *неудовлетворенными*, так как наткнулись на большое количество *объективных помех*, препятствовавших их выполнению — прежде всего таких, как острая нехватка самого свободного времени, неразвитость в регионе (городе) материально-технической базы досуга и недостаток личных средств, а также на *неумение* людей соответствующим образом распорядиться своим свободным временем¹.

Ясно, что все эти обстоятельства не могут не приниматься во внимание при оценке *круга реальных интересов масс*. И важным звеном в такого рода анализе должно быть сопоставление рассмотренной нами фактической картины досугового времяпрепровождения с картиной соответствующих желаний респондентов, выраженных в ответах на вопрос "Каким образом вы хотели бы использовать свое свободное время?" и представленных в таблицах 18–19. Общие результаты этого сопоставления отражены в таблице Д, и из нее — приняв проценты второй колонки за количество людей, заявивших о своих *дополнительных* (неосуществленных) желаниях в сфере досуга², — можно увидеть, какие интересы масс и в какой мере были на самом деле действительно развиты и находили действительное удовлетворение в тогдашнем советском обществе.

¹ См. таблицы 20–21 и 22.

² Строгости ради следует отметить, что интерпретация ответов на вопрос "Каким образом вы хотели бы использовать свое свободное время?" в качестве *дополнительных* (т. е. называемых *сверх уже реализованных*) желаний людей осуществлять те или иные виды деятельности не является единственно возможной. При буквалистском (автономном) прочтении этого вопроса (особенно в его газетном варианте — "Чему вы хотели бы в первую очередь посвящать свое свободное время?") *речь тут можно было бы вести и о выявлении интересов людей*, так сказать, в их *чистом виде*, как если бы этот вопрос задавался сам по себе или в самом начале разговора. Однако в реальном контексте состоявшегося фиксирования мнений такое толкование информации (где, к примеру, чтение газет занимало бы уже в круге интересов людей не 1-е, а 15-е место!) было бы, очевидно, явно ошибочным: ведь респонденты перед этим уже подробно рассказали о своем фактическом отношении, а стало быть, и мере своего интереса к каждому из обсуждавшихся видов досуговой деятельности и теперь говорили преимущественно о том, чем им хотелось бы заниматься *больше и чаще*.

Таблица Д. Структура фактической и желательной (потребной) досуговой деятельности горожан (по рангам и в % к общему числу опрошенных; пБ = 1993)

Виды деятельности	Фактич занятия		Желат занятия		Суммарн картина	
	ранг	% к п	ранг	% к п	ранг	% к п
Чтение газет	1	90,9	15	2,9	2	93,8
Прослушивание радио	2	83,0	17-18	2,3	4	85,3
Посещение кинотеатров	3	81,9	2	20,4	1	102,3
Общественная деятельность	4	77,8	21	1,8	5	79,6
Чтение книг	5	77,3	8	8,5	3	85,8
Хожд. в гости и прием гостей	6	75,1	13	4,1	6	79,2
Чтение журналов	7	73,4	22-23	1,6	7	75,0
Прогулки с целью отдыха	8	58,1	6	8,7	9	66,8
Просмотр телепередач	9	47,1	7	8,6	10	55,7
Политучеба	10	42,8	26	0,2	15	43,0
Занятия (игры) с детьми	11	42,6	17-18	2,3	13	44,9
Посещение театров	12	42,2	1	26,7	8	68,9
Самообразование	13	41,8	12	5,6	11	47,4
Домашние игры (кроме карт)	14	40,8	22-23	1,6	16	42,4
Посещение эстрадн. концертов	15	36,6	5	9,0	12	45,6
Посещение спортивн. зрелищ	16	31,9	14	3,8	18	35,7
Туризм, загородные прогулки	17	31,1	3	13,6	14	44,7
Пассивный отдых	18	31,0	16	2,8	19	33,8
Посещение танцев. вечеров	19	26,2	19-20	2,2	22	28,4
Любительские занятия	20	25,6	10	6,2	20	31,8
Занятия спортом	21	24,4	4	12,8	17	37,2
Посещение музеев	22	24,0	11	5,7	21	29,7
Посещение ресторанов	23	22,6	24	1,2	24	23,8
Вечерняя и заочная учеба	24	21,8	-	- ¹	-	-
Посещение симф. концертов	25	17,8	9	7,4	23	25,2
Занятия художеств. самодоят.	26	14,0	19-20	2,2	25	16,2
Игра в карты	27	11,0	27-28	0,1	26	11,1
Праздное безделье	28	5,6	25	0,3	27	5,9
Религиозные обряды	29	3,5	27-28	0,1	28	3,4

¹ Данные отсутствуют.

Так, применительно к ситуациям, когда фактическая включенность россиян в какие-то виды досуговой деятельности была максимальной или высокой, а их дополнительные желания заниматься этими видами деятельности – минимальными, при прочих равных обстоятельствах¹ можно говорить об интересах высокоразвитых и вполне удовлетворенных. Именно такими, безусловно, были интересы, связанные с чтением газет, прослушиванием радио, общественной работой, чтением журналов, хождением в гости и приемом гостей. Что же касается интересов к книгам и кино, то, будучи однопорядковыми с перечисленными по уровню своего развития, они (особенно последний) существенно уступали им с точки зрения меры их удовлетворения.

Напротив, в ситуациях низкой и минимальной включенности людей в какие-то занятия, сопровождающейся столь же слабыми декларациями относительно усиления их интенсивности, речь (снова при прочих равных обстоятельствах²) должна идти об интересах, весьма слабо развитых в тогдашнем обществе. Это – интересы, связанные с религией, праздным времяпрепровождением, игрой в карты, занятиями художественной самодеятельностью и посещением ресторанов и пивных.

Наконец, применительно к ситуациям, отмечающим высокий уровень потребностей респондентов в тех или иных видах проведения досуга независимо от меры реальной включенности людей в соответствующую деятельность, можно говорить об интересах наименее удовлетворенных. В их первой десятке (по мере снижения запросов масс) присутствуют интересы, связанные с посещением театров и кино, занятиями туризмом и спортом, посещением эстрадных концертов, прогулками с целью отдыха, просмотром телепередач, чтением книг, посещением симфонических концертов и любительскими занятиями. И, как можно видеть из таблицы 18, эта верхняя часть "шкалы неудовлетворенных желаний" характерна не только для ансамбля пБ в целом, но и для большинства составляющих его групп. То же посещение театра, к примеру, в качестве своего первоочередного желания назвали восемнадцать групп населения из анализировавшихся двадцати двух; потребность в таком проведении досуга оказалась второй лишь у лиц самых старших возрастов, пенсионеров и жителей средних городов (отдавших предпочтение кино), а также у учащихся (желавших больше заниматься спортом).

¹ Ср., в частности, отмеченный выше момент обязательности в исполнении общественной работы.

² На этот раз к числу отступлений от таковых следовало бы отнести, в частности, возможное (вызывавшееся теми или иными причинами) нежелание людей афишировать свою причастность к религии.

С целью представить интегральную картину интересов масс, учитывающую как фактические, так и желательные (потребные) занятия людей в сфере досуга, в таблице Д сконструирована еще одна, третья колонка, суммирующая показатели первых двух. В немалой степени условная с математической точки зрения, она тем не менее позволяет уточнить и наборы разных по уровню развития (первоочередных, второстепенных, третьестепенных и т. д.) интересов населения, и действительную силу (объем) каждого из этих интересов, а также их различных содержательных (тематических) типов. В результате многие из описанных выше представлений, базировавшихся на данных первой колонки таблицы, заметно меняются, особенно в верхней части таблицы, где речь идет о рейтинге первых десяти занятий-фаворитов. Три из этих изменений кажутся особенно существенными: выход на первое место интереса к кино (вместо лидировавшего ранее интереса к газетам); перемещение в первую десятку интереса к театру (с опережением интереса к телевидению!); и, напротив, выпадение из этой десятки политучебы (факт, по-видимому, подтверждающий, что высокий процент участников данной досуговой деятельности свидетельствовал не только или не столько о подлинном интересе людей к этому весьма специфическому виду образования, сколько о необходимости для них соблюдать непреложную норму партийно-комсомольской и/или административно-производственной жизни).

Что же касается тех или иных содержательных блоков интересов, то среди них – при любом взгляде на вещи – практически безраздельно господствующим следует признать интерес к информации, выражавшийся в активном потреблении людьми разного рода фундаментальных и оперативных знаний; достаточно сказать, что из пятнадцати наиболее распространенных видов досуга семь приходилось на чтение художественной и специальной литературы, различные формы образования и контакты со СМИ, а из первых десяти – аж половина. При этом нельзя не заметить, что на фоне чрезвычайно высокого спроса на информацию газет, книг, журналов и радио позиции телевидения выглядели принципиально скромнее. Конечно, цифра 47,1%, представлявшая общее количество горожан-зрителей ТВ, отражала не только ограниченный масштаб интереса людей к голубому экрану, но и недостаточно развитую в те годы материально-техническую базу молодого электронного средства массовой информации, равно как и тот бесспорный факт, что телевизионные приемники были многим еще не по карману¹. Однако и в умеренном ин-

¹ Убедительные подтверждения действия того и другого факторов легко найти в таблице 106, где на неразвитость телекоммуникаций в стране прямо указывают резкие различия в ситуациях в разных типах поселений (ср. 82,0% зрителей среди

тересе тогдашних россиян к телевидению сомневаться также не приходится, коль скоро о своем желании приобщиться к этому виду СМИ или расширить с ним свои контакты заявили лишь 8,6% опрошенных в ансамбле пБ и совсем уже мизерное количество – 0,8%! – в ансамбле пА. Объяснить природу этого феномена не просто. Но, как можно видеть из таблицы 18, наименьшее стремление проводить у телевизора свое свободное время демонстрировали люди с высшим образованием (5,2% от их числа), учащиеся (2,7%) и интеллигенция, занятая не на производстве (1,5%)¹, и это обстоятельство, кажется, проливает определенный свет на проблему. Похоже, россияне тех лет, уже на заре становления этого всемогущего информационного молоха, заподозрили таящиеся в нем угрозы и опасности – и в части пожирания им всего свободного времени людей, вытеснения им из структуры досуга множества иных важных занятий, и в части формирования типа личности с гипертрофированно пассивным восприятием культуры – и потому относились к нему достаточно настороженно, если не оппозиционно. Во всяком случае, в начале 60-х гг. многие из россиян еще явно хотели больше "двигаться" и меньше "сидеть", т. е. предпочитали сами сходить в кинотеатр на выбранный фильм, нежели покорно смотреть то, что предлагает ТВ, или вдоволь накричаться вместе с другими болельщиками на стадионе, нежели переживать ход футбольного матча в одиночестве дома...

В тесной связи с чрезвычайно высоким интересом горожан к информации находился и их **широко развитый интерес к художественной культуре**. По данным рассматриваемых исследований, он реализовывался преимущественно в форме *потребления произведений литературы и искусства* – как индивидуального, так и имеющего публично-зрелищный характер, при этом в первом случае речь шла главным образом о чтении книг и журналов и (в гораздо более скромных масштабах) о посещении музеев, а во втором – прежде всего о просмотре кинофильмов, затем – о посещении театров и эстрады и, наконец (со значительным отставанием от всех остальных видов искусства), – о посещении симфонических и ли-

жителей крупных городов против 48,4 – в средних городах, 26,0 – в малых и 21,1 – в поселках городского типа), а на сравнительную дороговизну этого вида досуга – (косвенно) различия в положениях групп с разными уровнями доходов (ср. 37,6% зрителей в группе с образованием ниже среднего против 57,7 – в группе с высшим образованием, при том, что [больше] смотреть телевизор хотели бы 10,4% представителей первой группы и 5,2% – второй).

¹ Аналогичное положение вещей отражено и в таблице 19, представляющей результаты газетного опроса, т. е. позицию наиболее активной – молодой и образованной – части самодеятельного населения.

тературных концертов. Вместе с тем значительная часть горожан (в общем и целом каждый шестой-седьмой респондент) проявляла свой интерес к художественной культуре и в форме *креативной* деятельности, путем участия в работе разного рода театральных, музыкальных, литературных и иных непрофессиональных коллективов; правда, как видно из таблицы 13а, эти немалые средние показатели возникали за счет повышенной активности молодежи и не распространялись на остальные возрастные группы населения.

Аналогичным образом, хотя и с меньшим основанием, отмеченная высокая включенность тогдашних россиян в потребление разнообразной информации позволяет говорить и о наличии у них **относительно развитого интереса к политике**. В какой-то мере это подтверждается уже и всеобщим вниманием людей к газетам, коль скоро основное содержание тогдашней прессы (в отличие от передач радио и телевидения) было вплотную связано с политикой. Еще одно побочное свидетельство тому – внушительные масштабы причастности большинства групп горожан к системе политического образования; ведь при всех сделанных выше оговорках о нередко или зачастую принудительном характере такого рода занятий нельзя не признать, что немалая часть людей видела в них тем не менее определенный смысл и ходила в кружки, семинары и школы пропаганды отнюдь не только из-под палки. А вот тот факт, что более трех четвертей городского населения занималось так называемой общественной работой, т. е. в той или иной форме активно участвовало в жизнедеятельности разных уровней партийных и комсомольских организаций, – этот факт имеет уже к рассматриваемому предмету самое непосредственное отношение.

Конечно, тут снова необходим целый ряд оговорок – и относительно того, что многие из выполнявшихся людьми поручений не имели прямого отношения к собственно политике (см. анкету 4 в параграфе 2), и относительно того, что многие из этих поручений выполнялись явно не в соответствии с внутренними побуждениями и интересами людей, а помимо этих побуждений и интересов, если не вопреки им (см. анкету 5). Однако все эти "но", очевидно, не меняют сути дела. А она заключается в том, что в рассматриваемое время сотни тысяч и миллионы граждан СССР, как членов КПСС и ВЛКСМ, так и беспартийных, будучи членами выборных партийных и комсомольских органов, выпуская стенные газеты или работая агитаторами и пропагандистами, выполняли эту чисто политическую работу вовсе не формально, а с подлинной заинтересованностью, чтобы не сказать – с энтузиазмом (ср. хотя бы анкету той же суперактивистки С. Г. из Подмосковья). Другой вопрос, что истинная при-

рода этого интереса к политике могла быть и на самом деле была у разных людей существенно различной – в диапазоне от искреннего желания участвовать в строительстве коммунистического общества до оголтелого (камуфлируемого или откровенного) стремления делать свою политическую или профессиональную карьеру. Но это уже – совсем иной сюжет, и, к сожалению, прояснить его на материалах обсуждаемых исследований не представляется возможным.

Что же касается иных типов интересов, то они проявились здесь в масштабах, значительно уступающих трем рассмотренным. Так, в контексте сказанного **весьма умеренным** выглядело отношение тогдашних россиян к спорту (одинаково в роли зрителей и спортсменов), а также (что кажется несколько неожиданным и одновременно примечательным) и к разного рода **развлечениям**, особенно в части танцевальных вечеров, посещений ресторанов и игры в карты. И совсем уже на уровне **мизерного** обнаружился интерес людей к **религии**, хотя принципиальное существование этого интереса было несомненным и, более того, можно допустить, как это уже оговаривалось выше, что его реальные размеры могли в какой-то мере превышать те, что были зафиксированы на основе суждений-"фотографий" респондентов¹.

Очевидно, кроме круга интересов, рассматриваемая картина досуговых занятий горожан отразила еще одну важную характеристику менталитета тогдашних масс – мир их **ценностных представлений и ориентаций**. И в этой связи полученная информация позволяет оценить в иерархической последовательности как минимум три отчетливо, хотя и не всегда прямо выраженные группы предпочтений – касающиеся института семьи, образования и здоровья.

Бесспорно **лидирующей** среди них была ценность **семьи**, объективировавшаяся в сфере досуга в различных формах *семейного общения* – в

¹ Заметим в этой связи, что в своей книге "Свободное время. Актуальные проблемы" (1967) автор выражал решительное несогласие с точкой зрения новосибирских экономистов и социологов, утверждавших (на основе бюджетных измерений времени жителей городов Западной и Восточной Сибири), будто бы отправления религиозных обрядов в стране вовсе "исчезли" (Г.А. Пруденский. *Время и труд*. М.: Мысль, 1964. С. 330). Одновременно в книге подчеркивалось, что и возможные отклонения в этом пункте полученных данных от объективного положения вещей (в сторону их увеличения), скорее всего, не могли быть значительными, поскольку, по данным С.Г. Струмилина, интерес к религии в среде трудящихся масс даже в 1923–1924 гг. был не особенно велик: молились дома и ходили в церковь примерно 15,4–16,2% рабочих-мужчин и 34,2–38,2% работниц (С.Г. Струмилин. *Проблемы экономики труда*. М.: 1957. С. 322–323).

активных занятиях с детьми, в разнообразных домашних играх (домино, лото и др., за исключением карт) и, наконец (а точнее, прежде всего), в распространеннейшем обычае ходить в гости и принимать гостей. Опиравшийся на глубокие национальные традиции, этот последний вид времяпрепровождения отличался в те годы весьма высоким удельным весом в общей структуре досуга россиян (его отметили в целом 75,1% опрошенных) и, как свидетельствует таблица 14г, был характерен практически в равной мере для большинства групп населения. Конечно, нельзя не признать, что не переменным элементом, если не главной целью такого общения являлось застолье, поэтому при строгом подходе к делу речь тут следовало бы вести не только о поддержании крепких семейных (родственных и приятельских) отношений, но и о верности другой, столь же древней национальной традиции, описываемой формулой *"Веселие Руси есть питии, не можем без того быти"*. И все же, вне всякого сомнения, первый из названных типов ориентаций в этой паре не уступал второй: показательно ведь, что потребление алкоголя в этом случае осуществлялось именно в форме домашнего застолья, а не путем выпивки в ресторанах и барах, не говоря уже о "соображениях на троих" под открытым небом или в подворотне, ставших столь печально знаменитыми в 70-х годах.

Следующий пункт на шкале ценностей – **образование**. Чрезвычайно высокий рейтинг этой составляющей духовной жизни тогдашних масс ярко обнаруживал себя уже в огромном количестве людей, включенных в систему *вечернего и заочного обучения*: согласно таблице 7, в ансамбле опрошенных в целом это был более чем каждый пятый респондент, в том числе более чем каждый третий житель Москвы, почти каждый третий рабочий, каждый четвертый служащий и – даже! – каждый 18-й пенсионер. Но, думается, еще более сильным показателем высокого престижа знаний в советском обществе в рассматриваемую эпоху было так называемое *самообразование* людей: ведь в данном случае речь шла вовсе не о том, чтобы получить "корочки" – формальный диплом об окончании школы, техникума или вуза – и таким образом повысить свой социальный статус, продвинуться по служебной лестнице, но, так сказать, о чисто платоническом, лишенном всякой прагматики желании людей усовершенствоваться в избранной сфере деятельности или так или иначе расширить ее рамки, выйти за ее пределы, обогатив свою жизнь новыми, более богатыми и разносторонними знаниями и представлениями. Таблица Д раскрывает нам общие масштабы этой составляющей ценностного мира масс, а таблица 8в выразительно конкретизирует общую ситуацию, показывая, что активность людей на ниве самообразования не понижалась (как можно было бы ожидать), а, напротив, резко возрастала по мере рос-

та их формального образования (ср. 33,2% занятых самообразованием респондентов в группе не закончивших десятилетку, против 44,3 в группе со средним образованием и 53,6 – с высшим, а также 54,1% – в среде инженеров и техников и 65,0 – в среде интеллигенции, занятой не на производстве).

Наконец, полученная информация позволяла составить определенное представление и о том, как тогдашние россияне относились к своему **здоровью**.

Судя по всему, физическое состояние нации в те годы было достаточно далеким от идеала. Правда, с формальной точки зрения при ответе на полузакрытый вопрос "Что мешает вам проводить досуг так, как вам нравится?" на плохое здоровье (причем с поразительной устойчивостью результатов в обоих опросах) сослались немногие – в целом всего 4,1% опрошенных (см. таблицы 20–21). Однако эта цифра заведомо была бы намного значительней, если бы в анкетах фигурировала и такая подсказка, как проблемы здоровья. Сомневаться в этом никак не приходится, если учесть, сколь принципиально разными в ответе на тот же вопрос оказались позиции ансамблей пА и пБ при оценке такой помехи в желательном использовании свободного времени, как *усталость после работы*: предложенный в газетном варианте опроса (наряду с пятью другими), этот ответ вышел на пятое место и был дан в целом 21,9% опрошенных; в опросе же по "Кресту", где об усталости в анкете не упоминалось, этот ответ не только оказался самым последним, десятым, в ряду всех остальных, но и собрал лишь 0,2% голосов, ни разу не прозвучав в половине анализировавшихся групп. Кроме того, как показывает таблица 16б, об определенной остроте проблемы здоровья в обществе косвенно свидетельствовало и то обстоятельство, что более четверти горожан регулярно тратили часть своего свободного времени на так называемый *пассивный отдых* (дневной сон, лежание и т. д.).

Каким в этой ситуации было ценностное отношение людей к своему здоровью? Согласно давнему и широко распространенному мнению, эта сторона жизни россиян никогда не числилась по разряду предметов их особой озабоченности и особого внимания и потому вроде бы не должна была считаться значимой в их глазах. Между тем результаты рассматриваемых исследований оспаривали это представление. Конечно, нельзя поручиться, что при стандартной "лобовой" постановке вопроса (типа "Что для вас всего важнее в жизни – интересная работа, высокий достаток, крепкое здоровье, хорошая семья и т. д.?") здоровье заняло бы на подобной генеральной шкале сколько-нибудь почетное место. Однако, судя по полученным опосредованным данным, картина выглядела близ-

кой к этому; по крайней мере в двух пунктах – когда обнаружилось повышенно заинтересованное отношение людей к занятиям спортом (см. таблицы 136 и Д) и когда речь зашла о месте в общей структуре досуга прогулок с целью отдыха (см. таблицы 146 и Д). При этом если в первом случае ценность спорта могла связываться в представлениях респондентов не только с собственно укреплением их физических сил, но и с достижением каких-либо иных, побочных целей (завоеванием широкого общественного признания, упрочением позиций в трудовом, учебном коллективе и т. п.), то прогулки с целью отдыха были уже чистым выражением заботы людей о своей физической форме и, входя в первую десятку досуговых занятий, прямо свидетельствовали о высоком рейтинге здоровья в ряду прочих ценностных ориентаций масс.

Стоявшие перед рассматриваемыми исследованиями цели полностью определили **морфологический состав** зафиксированного в них массового сознания. С формальной точки зрения, как уже отмечалось, здесь преобладали суждения-"фотографии", с помощью которых респонденты описывали объективные характеристики собственного бытия, и это обстоятельство уже само по себе обеспечило в целом **весьма высокий уровень самостоятельности** высказываний масс, весьма большую степень их свободы от разного рода официальных установок.

В сущности, в части собственно *суждений-констатаций*, связанных с ответами на вопросы "Сколько времени вы тратите на те или иные занятия?" и "Как вы проводите свое свободное время (свой выходной день)?", эта самостоятельность и эта свобода суждений была практически абсолютной. Более того, тут порой виделся даже откровенный вызов официальной точке зрения. Так, согласно последней, в стране уже в 1960 году завершился повсеместный переход рабочих и служащих на 7- и 6-часовой рабочий день с установлением 41-часовой (а для некоторых категорий работников еще меньшей) трудовой недели. Однако, как видно из таблицы 1, установленная норма не соблюдалась в жизни как минимум 30,8% опрошенных в целом, в том числе 43,2% технической интеллигенции и 60,5% интеллигенции, занятой не на производстве. Аналогично, вопреки программным заявлениям КПСС об искоренении в стране дополнительного труда с целью заработка, свыше 5% опрошенных, в том числе 8,6% инженеров и техников, 10,7% учащихся и аж 22,6% представителей гуманитарной интеллигенции (см. таблицу 2), открыто заявляли, что ежедневно занимаются таким трудом. В результате в разительном противоречии с декларациями партии о движении советского общества к самому корот-

кому рабочему дню в мире¹ участники опроса дружно констатировали: в стране остается еще масса трудящихся, которые фактически располагают значительно меньшим внеабочим временем, нежели это полагалось бы по существующим законам и нежели это утверждалось пропагандой.

Отмечаемая высокая самостоятельность высказываний в основном сохранялась и в сфере *оценочных суждений-мнений*, где речь шла, с одной стороны, о выражении людьми своих потребностей в сфере свободного времени, а с другой – об анализе разного рода помех на пути улучшения структуры досуга. При этом первый из этих случаев с рассматриваемой точки зрения практически не отличался от ситуаций с суждениями-"фотографиями", во втором же обсуждаемая независимость сознания масс выразительно проявила себя в форме **резкой критики** существующего положения вещей.

Оценивая в целом факторы, снижающие качество досуга – среди которых, напомним, различались факторы объективные (совпадающие с реальными условиями жизни людей) и субъективные (совпадающие с неразвитой культурой досуга масс), – респонденты, как можно видеть из таблиц 20–21, ограничились весьма умеренной самокритикой по части неумения организовывать свое свободное время (особенно в ансамбле пБ)² и отдали решающее предпочтение факторам первого рода. При этом в качестве наиболее важных из них в обоих опросах (практически с одними и теми же объемами критических высказываний) были названы: 1) недостаток свободного времени, 2) недостаточное развитие в обществе материально-технической базы досуга и 3) недостаток у населения личных средств. Так вот, насколько можно судить, эти позиции масс – и в отношении удельного веса названных групп факторов в целом, и (особенно) в отношении рангового положения главных минусов в сфере досуга – заметно отличались от тех, которые считались официальными и чаще всего проговаривалась в тогдашних СМИ. Во всяком случае, проведенный автором контент-анализ материалов газеты "Правда", опубликованных в январе–июне 1963 г. (около трех десятков статей и репортажей),

¹ См. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: 1964. С. 95.

² Эта умеренность прямо отразилась также в ответах на вопрос "Всегда ли вы знаете, как использовать свое свободное время?" (см. таблицу 22), где при 66,3% опрошенных, сказавших "Да", лишь 12,1% нашли в себе мужество признаться в обратном, и еще раз (косвенно) в круге предложений по поводу путей совершенствования структуры досуга (таблицы 23 и 24), где о необходимости воспитания в массах культуры использования свободного времени вспомнили лишь 8,2% участников опроса "А" и еще меньше – 3,3% – участников опроса "Б".

показал, что при обсуждении в целом рассматриваемых проблем досуга центральный орган партии настаивал преимущественно на усилении воспитательной работы с массами, а, касаясь разного рода так называемых объективных факторов, основной акцент делал на более эффективном использовании уже имеющейся в стране базы культуры и отдыха, намного реже говорил о необходимости расширения этой базы и практически вовсе не касался сюжетов, связанных с катастрофическим дефицитом свободного времени во всех группах самостоятельного населения¹ и низким уровнем доходов масс.

Зато в *суждениях-предложениях*, совпадавших с ответами на вопрос "Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга вы видите?", картина была уже несколько иной. Правда, на формальном (обобщенном) уровне ее рассмотрения, представленном в таблицах 23–24, все вроде бы выглядело точно так же: ведь полученные конструктивные высказывания группировались в те же позиции и шли в основном в той же последовательности, что и предшествующие критические, а значит, и ранжирование способов решения проблем досуга в глазах населения и "власти" автоматически снова не совпадало. Однако обращение к конкретному содержанию высказывавшихся людьми предложений, продемонстрированное в таблице 25, представляло вещи уже в ином свете, особенно в части решения главной дилеммы: как следует добиваться увеличения объема свободного времени – путем ли дальнейшего сокращения рабочего дня или путем сокращения разного рода непреложных временных затрат в структуре уже имеющегося вне рабочего времени. Государство категорически настаивало тогда на втором пути, всесторонне обосновывая его преимущества перед первым, и, как видно из таблицы 25, массы в целом решительно поддерживали эту стратегию общественного развития: из числа тех респондентов, кто полагал, что главным способом улучшения дел в сфере досуга должно быть увеличение объема самого досуга (45,3% от общего числа опрошенных), лишь 11,3% видели решение этой задачи в дальнейшем сокращении рабочего дня, тогда как 68,4% вели речь о сокращении затрат времени, связанных с производством (прежде всего с транспортом), а также (в первую очередь) с удовлетворением разнообразных бытовых нужд².

¹ По данным рассматриваемых исследований, средний объем свободного времени горожан в будние дни достигал примерно трех часов.

² Подробный анализ этих предложений, в том числе в сопоставлении с позициями государства, дается в книге автора "Свободное время. Актуальные проблемы" (см. с. 62–74).

Другой вопрос, насколько правомерно, обнаружив такого рода совпадение общественного мнения с мнением официальным, расценивать первое в качестве самостоятельного, зависимого от второго? Как уже отмечалось выше, такое заключение верно далеко не всегда, коль скоро официальная позиция может проникать в массовое сознание, а значит, и воспроизводиться им не только на уровне механически запоминаемого клише, штампа, но и в виде усвоенного, интериоризированного знания, ставшего органическим элементом мирозерцания масс. И именно с этим последним случаем, на взгляд автора, мы как раз сталкиваемся в основной массе суждений, о которых теперь идет речь. Рассматривать их в качестве всего лишь клишированных текстов пропаганды никак не возможно. Даже уже в силу самобытности, оригинальности лексики, которой пользуются респонденты при формулировании своих предложений и которая, как правило, существенно отличается от принятых стандартов официоза (ср. хотя бы уже упоминавшуюся анкету 4 в параграфе 2). Но главным образом в силу общего характера состоявшегося разговора – его сугубо деловой направленности и заземленной интонации.

Конечно же, всепроницающая социалистическая идеология не могла обойти стороной такую важную сферу общественной жизни, как досуг; в ее конструкциях активно задействованы многочисленные сюжеты о гармоническом развитии личности, об особом (высшей пробы) духовном богатстве "простого советского человека" (стоящего неизмеримо выше "любого буржуазного чинуши"), о создании в обществе максимальных условий для рождения и выращивания "миллионов талантов" и т. п. Верно и то, что многие из такого рода идеологем и мифов глубоко проникли в сознание масс россиян, были взяты ими на вооружение и без конца воспроизводились в их суждениях о действительности. Яркие примеры тому мы встречали, в частности, в предыдущей главе, при обсуждении результатов опроса "На Марс – с чем?". Но не теперь. В рассматриваемой дискуссии о свободном времени разного рода формулы пропаганды, равно как и те или иные мифологические образования, встречаются чрезвычайно редко. И тем более тут нет даже и намека на какие-либо иррациональные мотивы или всплески эмоций, относящихся к дологическому сознанию. Вместо всего этого – **чистый рационализм**, сплошное позитивное знание, опирающееся на осмысление либо своего непосредственного (персонального и группового) опыта, либо "опыта других", черпаемого преимущественно из прессы, радио и телевидения.

Иные стороны обсуждаемой характеристики сознания масс – **основательное знакомство** людей с предметом обсуждения и в принципе **достаточно высокий уровень их способности судить** о нем, безуслов-

ное умение *рефлектировать* по поводу фактов и событий собственного бытия и более широкой социальной действительности, а также четко *артикулировать*, передавать в языке результаты проделанной умственной работы.

На взгляд автора, это вообще одна из самых ярких, бросающихся в глаза особенностей данных исследований – **практически полное отсутствие** у респондентов **затруднений с ответами** на большинство поставленных вопросов. Достаточно сказать, что эти затруднения были вовсе на нуле в трех случаях из четырех, когда речь шла о выражении разного рода оценочных или конструктивных мнений (см. таблицы 18–21 и 23–24)¹, близки к нулю (1,0–1,5% опрошенных) в большинстве ситуаций, где респонденты описывали различные виды своей досуговой деятельности в будние дни и воскресенье (таблицы 8–17), и оставались также весьма мизерными при формулировании суждений-"фотографий" относительно продолжительности разного рода несвободных занятий, варьируя от нуля (в случае затрат времени на дорогу от дома до места работы и обратно) до 6,0% опрошенных (в случае длительности дополнительного труда с целью заработка²). Картина, прямо скажем, получилась беспрецедентной! И, думается, она свидетельствовала не просто о хорошем знании людьми предмета разговора, но именно о развитой рефлексивности их сознания, о том, что они не "просто жили", но так или иначе оценивали свою жизнь, думали над тем, как и зачем живут: ведь на самом деле это очень даже не просто, будучи внезапно застигнутым анкетером, без особенно длительных раздумий сказать, сколько времени в день у вас уходит на бытовые нужды, как часто вы берете книгу в руки или сколько раз в минувшем году ходили в музей³.

¹ В четвертом случае обсуждался вопрос "Всегда ли вы знаете, как использовать свое свободное время?" (см. таблицу 22), и тут, как уже отмечалось выше, большая часть респондентов явно дрогнула, хотя проявила при этом неспособность не столько к суждению (собственно самоанализу), сколько к самокритике, публичному признанию своей несостоятельности.

² Имея в виду последнюю цифру, можно высказать предположение, что некоторая часть стоявших за ней респондентов скорее не пожелала, нежели затруднилась ответить на данный вопрос, поскольку признание в дополнительных заработках могло считаться тогда чреватым разного рода нежелательными последствиями.

³ Заметим, что в анкете репрезентативного опроса "Б" первые семь открытых вопросов были рассчитаны на точное указание количества часов, затрачиваемых респондентами на ту или иную непреложную деятельность, и сопровождалась ремаркой: "*Внимание: неежедневные затраты времени просим пересчитать в расчете на каждый день (в среднем)*", а в следующих за ними 28 закрытых во-

Иное убедительное подтверждение отмечаемой способности суждения масс – **высокая точность** (объективность) большинства высказанных респондентами суждений-"фотографий". Известно, что в обычной практике зондажей общественного мнения исследователи, как правило, не могут надежно оценить эту сторону дела и либо судят о качестве (достоверности) фактологической информации по разного рода косвенным, в том числе не всегда веским свидетельствам, либо просто верят респондентам на слово. В данном же случае, по меньшей мере в отношении части такой информации, имелась редкая возможность проверить ее "на истинность" предельно убедительным образом, поскольку, как уже упоминалось, как раз в начале 60-х гг. Институтом экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР были проведены массовые бюджетные измерения рабочего и вне рабочего времени жителей больших и малых городов Западной и Восточной Сибири. Включавшие свыше 40 тыс. таких бюджетов, эти измерения в своих основных показателях оказались предельно близкими к результатам, полученным ИОМ "КП"¹. И это означало, что, характеризуя главные затраты своего занятого и свободного времени, участники опросов общественного мнения сумели количественно верно оценить реальное положение вещей и избежали множества сознательных и бессознательных отклонений от истины, связанных с понятными желаниями, с одной стороны, как бы прибедниться, пожаловаться на свою жизнь, а с другой – напротив, приукрасить ее, показать себя молодцом. Впрочем, нельзя исключить, что в ряде позиций отмечаемый объективный взгляд на вещи все же изменял говорящим. Один из таких возможных случаев – уже упоминавшееся вероятное умаление частью опрошенных своей причастности к религии. Главное же, конечно, – это нежелание многих и многих расписаться в так называемом праздном времяпрепровождении: ведь, читая до боли правдивые откровения трех совхозных рабочих из Куйбышевской области (см. текст 3 в параграфе 2), трудно, просто невозможно поверить, что подобным бездарным образом зачастую коротали свой досуг лишь 5,5% опрошенных!..

просах фигурировали ответы: "Ежедневно (*отметить*)", "Несколько раз в неделю (*сколько*)", "Несколько раз в месяц (*сколько*)", "Реже чем раз в месяц (*отметить*)" и "Практически никогда (*отметить*)".

¹ Основные итоги названных бюджетных измерений читатель может найти в упоминавшейся книге Г.А. Пруденского "Время и труд", а сравнение этих данных с данными, полученными ИОМ "КП", – в книге автора "Свободное время. Актуальные проблемы" (с. 43–44, 48–49, 53, 56 и др.).

Посвященные изучению собственно социального поведения людей (преимущественно в сфере досуга, но также и в сферах труда и быта) рассматриваемые исследования дали, естественно, достаточно детализированное представление о многих модусах активности (**реактивных способностей**) тогдашних россиян. В той или иной форме эти сюжеты уже затрагивались выше, когда речь заходила о различных видах деятельности людей в свободное время или когда обсуждались объемы их занятого времени. Поэтому здесь нам остается, в сущности, лишь суммировать сказанное, дополнив его некоторыми деталями и сведя всю картину к пяти, как кажется, наиболее существенным пунктам.

1. Прежде всего, как было установлено, в границах будничного дня **максимальная активность** горожан (во временном измерении) приходилась на два рода деятельности: а) **производственный труд** плюс связанные с ним дополнительные процедуры (особенно передвижение от дома до места работы) и б) **удовлетворение физиологических потребностей**, включающее сон, питание, личную гигиену; на то и другое у жителей городов в начале 60-х гг. уходило примерно по 8–9 часов в сутки. Затем (с примерным объемом в 3–4 часа) шли разнообразные занятия в домашнем хозяйстве, включая необходимый уход за детьми, и, наконец, **минимальное** количество времени тратилось на многочисленные виды **досуговой деятельности** – около 2,5–3,0 часа на все про все, что в пересчете на средний день давало от получаса на одни занятия (чтение газет, прослушивание радио) до четверти часа на другие (прогулки с целью отдыха) и считанных минут, если не меньше, на третьи (занятия спортом, походы в театр и многое-многое другое).

2. В рамках собственно досуговых занятий, при их оценке с точки зрения *общего типа* осуществляемой людьми деятельности, речь шла **в значительно большей мере о потреблении** соответствующих "предметов" (информации, продуктов культуры и т. д.), в том числе их пассивном потреблении, не требующем больших затрат умственной, эмоциональной и физической энергии, нежели о созидании этих "предметов", об активном проявлении творческих возможностей и способностей человеческого "Я". Так, в первом десятке наиболее распространенных видов деятельности масс в сфере свободного времени среди занятий первого рода мы находим шесть (чтение газет, книг и журналов, прослушивание радио, посещение кинотеатров и просмотр телепередач), тогда как второго – четыре (игры с детьми, общественная работа, общение с гостями/гостях и прогулки с целью отдыха). При этом такие эффективно развивающие человеческую личность виды досуговой деятельности, как люби-

тельские занятия, занятия спортом и участие в художественной самодеятельности, охватывали максимум четверть тогдашних горожан.

3. При взгляде на ту же досуговую активность с точки зрения соотношения в ней *индивидуальных и коллективных* форм легко обнаружить, что в роли безусловных **фаворитов** выступали занятия **индивидуальные и индивидуально-семейные**, тогда как занятия коллективно-массовые, в том числе имеющие публично-зрелищный характер, значились в явном арьергарде. Первого рода занятий – в той же десятке – было уже восемь (чтение газет, книг и журналов, игры с детьми, прослушивание радио, общение с гостями/в гостях, прогулки с целью отдыха и просмотр телепередач), а второго – лишь два (посещение кинотеатров и общественная работа). На ином уровне описания – с учетом критерия *локальности* занятий – это означало, что досуговая активность была по преимуществу активностью **домашней** и что все ее иные, внедомашние формы (связанные с местом работы, учреждениями культуры или в широком смысле слова с "улицей"), несмотря на все их разнообразие, существенно уступали "четырем стенам" того или иного жилья.

4. Представленные в таблице 18 ответы на вопрос "Каким образом вы хотели бы использовать свое свободное время?" переводят нас из сферы фактического поведения респондентов в сферу их *декларированной деятельности*. Здесь речь идет уже не о том, как люди реально вели себя в сфере досуга, а как они, по их представлениям, готовы были действовать, сложись для того благоприятные условия. И этот тип их активности должен быть оценен в целом также как **достаточно высокий**: ведь в ансамблях пБ и пМ каждый респондент высказал в среднем свыше полутора желаний относительно улучшения своего досуга, а в ансамбле пА – даже около двух таких желаний.

5. Что же касается собственно *вербального поведения* людей в ходе самого опроса, силы их реакций на обсуждаемые сюжеты, то, несмотря на отмеченное выше почти полное отсутствие затруднений с ответами, этот тип активности респондентов был все же **не более чем умеренным**. Похоже, лишь в одном случае опрашиваемые, что называется, оказались задетыми за живое – когда им было предложено ответить на полуоткрытый вопрос "Что мешает вам проводить досуг так, как вам нравится?". Там (см. таблицы 20–21) – вопреки молчаливому предположению, что каждый из респондентов будет называть лишь какую-то одну-единственную, наиболее важную помеху, – в ансамбле пБ в среднем на одного опрашиваемого пришлось тем не менее 1,656 высказывания, а в ансамбле пА – 2,093. Во всех же остальных ситуациях участники обоих опросов были уже не столь многословны. Даже при выражении своих желаний в сфере досуга, о котором говорилось в предыдущем пункте, поскольку

тогда – при оговоренном в анкете допущении трех возможных ответов на вопрос – среди всех групп опрошенных не оказалось ни одной, которая бы использовала эту возможность¹. И тем более слабо реагировали респонденты на вопрос "Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга вы видите?"; там среднее количество ответов, приходящихся на одного опрошенного, в исследовании "Б" равнялось менее чем 1,3, а в исследовании "А" менее 1,5. Разумеется, при прочих равных обстоятельствах и принимая во внимание относительную сложность конструктивного типа высказываний, подобные умеренные показатели можно было бы отнести на счет пониженной способности суждения масс. Однако выше эта способность характеризовалась, как мы видели, напротив, в качестве достаточно высокой, поэтому причины отмечаемого немногословия масс заключались, скорее всего, в чем-то ином. И, думается, прежде всего – в уже отмечавшемся деловом, заземленном характере рассматриваемых исследований. Давая большинство ответов (особенно в базовом опросе "Б") почти в бухгалтерском ключе – путем перечисления количества часов и дней, затрачивавшихся на те или иные занятия, – респонденты, похоже, сохраняли по инерции верность этому ключу и там, где исследователи рассчитывали получить от них не односложные, а подробные, развернутые высказывания.

Кроме того, отмечаемый деловой подход к предмету разговора отчетливо проявил себя и в слабой эмоционально-психологической окрашенности состоявшейся дискуссии. Основные результаты исследований показывают, что ведущим настроением масс в обоих опросах было *серьезное неудовлетворение* существующим положением вещей – и в части объема свободного времени, и в части способов его использования. В общем массиве из 12 с лишним тысяч анкет насчитывались буквально единицы таких, в которых бы люди, как говорится, светились радостью. Но вместе с тем там было не больше и выражавших противоположные чувства – надрыва, отчаяния, вроде присутствующих в анкете сельского учителя Н. М. из Брянской области (см. текст 5 в параграфе 2) или переданных криком 27-летней прядильщицы из г. Иванова: "*Чему я посвящаю свободное время!? Да у меня его просто нет! Все оставшееся от работы и учебы время уходит на домашние дела: магазины, кухню, стирку...*" Вместо той и другой крайностей – в целом спокойный, взвешенный кри-

¹ В максимально активных с рассматриваемой точки зрения группах интеллигенции, занятой не на производстве, в среднем на одного респондента в ансамбле пБ пришлось 1,695 высказывания, а в ансамбле пА – 2,125.

тически-конструктивный взгляд на жизнь, даже если эта жизнь была порой вовсе невозможна.

Ту же критически-конструктивную позицию мы находим и в отношении масс к обществу, в котором они живут. Несмотря на развернутую критику наличного бытия, на атмосферу всеобщего недовольства тем, как в обществе функционируют учреждения транспорта, быта, отдыха, и даже на прямые выпады против "начальства"¹, политическая лояльность населения не вызывает тем не менее ни малейших сомнений. Эти сомнения отпадают уже потому, что названная критика, сугубо прагматическая по своему характеру, локализовалась на отдельных участках жизни общества и ни разу не поднималась до обобщений, касавшихся существующего в стране общественно-политического и социально-экономического строя в целом. Но дело было не только в этом. Главное – весь основной контекст полученной информации свидетельствовал об упоминавшемся выше особого рода слиянии масс с существующим строем, которое делало невозможным для людей взгляд на этот строй извне, со стороны и, стало быть, принципиально исключало оппозицию "индивид – государство".

Выразительная тому иллюстрация – отмечавшееся выше совпадение позиций масс и власти по поводу главного способа увеличения в стране объема свободного времени. Казалось бы, преследуй массы в этом пункте свои чисто эгоистические интересы, т. е. предпочти они пресловутую "синицу в руки" сомнительному "журавлю в небе", и они должны были бы настаивать на преимущественном сокращении рабочего дня вместо предлагавшейся государством стратегии наступления на малопродуктивные занятия в сфере вне рабочего времени. Такое поведение людей, кстати говоря, было бы особенно понятным и даже оправданным в ситуации, когда государство грубо не выполняло принятых на себя обязательств о введении 41-часовой рабочей недели. Но этого, однако, не произошло, никакого конфликта не случилось: из 22 анализировавшихся в составе ансамбля пБ групп (см. таблицу 25) не оказалось ни одной, которая бы поставила свой групповой эгоизм выше так называемых общегражданских интересов. Более того, элементарнейшее требование к власти соблюдать установленную законом продолжительность рабочего дня, несмотря на очевидную остроту положения дел, было выдвинуто всего лишь 2,2% опрошенных в целом (при том, что, согласно таблице 1, свыше 30% респондентов ежедневно трудились 8 часов и более!) и – максималь-

¹ См., в частности, тексты 2, 4, 6, а также 3 в параграфе 2.

но – лишь 7,0% непродушенной интеллигенции, хотя чуть ли не две трети состава этой группы горожан работали свыше 7 положенных часов¹.

Думается, все вместе это как раз означало, что население не просто проявляло глубокое *понимание* сути дела в рассматриваемом конкретном вопросе (коль скоро предлагавшийся правительством "журавль" в конечном счете был в самом деле намного эффективней, нежели влекущая за собой большие социально-экономические потери "синица"), но и демонстрировало принципиальное, не связанное ни с какими конкретными сюжетами **доверие политике государства**. Иными словами, речь тут шла и о такого рода конформизме, который возникал не *ad hoc* (по случаю), не в результате воздействия на массовое сознание той или иной *оперативной* пропаганды, но имел глубинную *историческую* социально-политическую природу, был заложен в самом фундаменте социалистического строя и описывался знаменитой формулой "народ и партия – едины". Вопреки распространенному теперь представлению эта формула на протяжении десятилетий была важнейшим элементом не только корпуса коммунистической идеологии, но и самой тогдашней реальной общественно-политической и социально-экономической жизни страны, и, на взгляд автора, обнаруженные в опросах о свободном времени солидарность общественного мнения с мнением официальным, а также поразительное "миролюбие" масс по отношению к предосудительной практике государства прямо выводили анализ на такого рода реалии.

И наконец, – о характеристиках сознания масс, связанных с его **структурой**. При оценке последней в терминах "монолитности/дифференцированности" рассматриваемое сознание должно быть охарактеризовано **преимущественно как плюралистическое**, состоящее из множества различных по своему содержанию (выделяемых по разным основаниям) и конкурирующих по своим объемам типов. Правда, в зоне фактологических высказываний, фиксировавших интересы людей в сфере досуга, картина выглядела вроде бы принципиально иначе. Ведь, по свидетельству таблиц А и Д, абсолютное большинство населения сходилось в своих предпочтениях в отношении аж десяти видов досуговой деятельности. Однако на самом деле ни о каком однообразии здесь не было и речи, поскольку сходство позиций в границах *отдельных* занятий сопровождалось

¹ Подчеркнем, что отмечаемая критическая ситуация в стране с продолжительностью рабочего дня фиксировалась и бюджетными измерениями, проводившимися новосибирскими экономистами и социологами. (см. Г.А. Пруденский, *Время и труд*. С. 289)

резкими несовпадениями в многочисленных комбинациях этих (29) занятий, т. е. в границах интересов людей *в целом*. Повторим, анализируемые исследования, увы, не ставили своей задачей выявить существовавшие в тогдашнем советском обществе типы образа жизни, а стало быть, и интересов людей в форме тех или иных совокупностей, тех или иных количественных и качественных наборов рассматривавшихся занятий (интересов). Но сомневаться – на основе полученных данных – в великом разнообразии типов того и другого рода также никак не приходится. Достаточно еще раз обратиться к анкетам в параграфе 2 и взглянуть на них под этим углом зрения...

И тем более очевиден отмечаемый плюрализм позиций масс в зоне суждений-мнений, будь то критические высказывания по поводу существующего положения вещей или конструктивные предложения относительно способов улучшения дел. В сущности, о безусловно высоком единодушии респондентов здесь можно говорить лишь в одном случае, а именно применительно к ответам на вопрос "Всегда ли вы знаете, как использовать свое свободное время?", где одна и та же (позитивная) точка зрения была высказана двумя третями опрошенных (см. таблицу 22). Кроме того, большинство горожан придерживалось общего взгляда и на то, что составляло тогда главную помеху на пути улучшения структуры досуга масс: отвечая на вопрос "Что мешает вам проводить досуг так, как вам нравится?", 52,0% опрошенных в ансамбле пБ и 57,3% в ансамбле пА усмотрели эту помеху в ограниченном объеме самого свободного времени. Во всех же остальных случаях (см. таблицы 20–21 и 23–25) общественное мнение неизменно оказывалось расколотым на большее или меньшее количество позиций, в том числе и таких, которые резко конкурировали друг с другом на уровне 30–40% голосов.

Что же касается оснований дифференциации выявленных позиций людей, то в зонах суждений-"фотографий" и суждений-мнений они выглядят несколько по-разному. Рассматривая выше факт неодинаковой включенности респондентов в различные виды досуговой деятельности и поставив вопрос об определенных зависимостях между образом поведения людей (кругом их интересов) и их принадлежностью к тем или иным социально-демографическим группам, мы установили (см. таблицу Б), что наименьшие различия в структуре досуга существовали, во-первых, между мужчинами и женщинами и, во-вторых, между группами по образованию, тогда как наибольшие – между группами по роду занятий и возрасту. В сфере же суждений-мнений ситуация в ряде пунктов оказывалась иной. Это становится ясным из таблички коэффициентов дифференциации разных типов групп в основных ответах на вопросы "Что мешает вам

проводить досуг так, как вам нравится?" и "Какие важнейшие пути для лучшего использования досуга вы видите?":

Тип групп/ответы	Что мешает проводить досуг?			Каковы пути улучшения досуга?			
	1	2	3	4	5	6	7
Пол	1,4	1,0	1,1	1,4	1,9	1,3	1,2
Возраст	2,5	2,1	1,4	2,4	2,0	1,9	2,0
Род занятий	3,1	2,1	1,8	2,4	4,5	2,6	3,5
Образование	1,3	1,2	1,7	1,5	1,4	1,2	1,1
Тип поселений	1,5	13,7	1,3	1,6	2,5	6,0	2,5

1 – недостаток свободного времени

2 – недостаточное развитие материально-технической базы досуга

3 – недостаток личных средств

4 – увеличение объема свободного времени, в т. ч. (5)

5 – улучшение бытового обслуживания населения

6 – развитие материально-технической базы досуга

7 – увеличение доходов населения

Теперь, как мы видим, в роли наименее значимого выступает уже фактор образования (опережающий в этом качестве фактор пола), а в качестве наиболее значимого, наряду с фактором рода занятий, фигурирует фактор типа поселений.

МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН НАЧАЛА 60-х гг.

Несколько предварительных оговорок и пояснений

Теперь попробуем подвести итоги всему представленному выше. С полным пониманием того, что преуспеть в этом деле не так-то просто даже с чисто технической точки зрения, если учесть внушительные объемы и разношерстный характер подлежащих обобщению материалов¹ и если не хотеть свести решение ответственной задачи к повторению уже сказанного или – еще того хуже – к формулированию неких тривиальных *loci communes*, вроде того, что "Волга впадает в Каспийское море".

Кроме того, возможность неуспеха с итоговой картиной отчетливо предстала перед автором и в иной плоскости, столкнув его с непредусмотренными *ожиданиями будущего читателя*. Это случилось в ходе телефонного разговора (как раз накануне начала работы над эпилогом) со старинной заокеанской приятельницей-коллегой, которая, узнав, что выход "хрущевского тома" уже не за горами, вдруг озадачила: "Ну, и к каким же, интересно, открытиям ты пришел в конце концов? Какими свойствами массового сознания россиян удивишь мир?".

Надо признать, это был вопрос "на засыпку", сродни знаменитой не имевшей решения апории древнегреческих софистов: "*Перестал ли ты быть своего отца?*" Ведь у автора (согласно общей программе задуманного им "четверокнижия") и в мыслях не было добиться этой цели – в гигантской галактике, именуемой российским массовым сознанием, обнаружить какие-то новые, еще не открытые ранее звезды. Конечно, допускалось, что в случае удачи вполне могло произойти и такое, коль скоро массовое сознание – при всей его фундаментальности и малоподвижности – феномен тем не менее *безусловно исторический*, подверженный определенным изменениям и, значит, время от времени теряющий какие-то одни и приобретающий какие-то другие свои свойства. Но, честно говоря, рассчитывать на многие и сколько-нибудь серьезные открытия в избранной области все же не приходилось. Хотя бы потому, что уже

¹ Из любви к статистике отметим, что во всех восьми главах в числе этих материалов фигурировали свыше ста качественных образцов массового сознания, приведенных в параграфах "Мнения pro и contra"; 82 таблицы с количественными результатами исследований в параграфах 3, а также порядка 250 страниц аналитических комментариев к тем и другим в параграфах 4.

имеющиеся "карты сознания российского народа", составленные сто-двести лет назад Пушкиным, Гоголем и Салтыковым-Щедриным и обо-гащенные в новейшее время Шукшиным и Высоцким, отличались несо-мненной и завидной полнотой. А главное, свою решающую, основную задачу автор усматривал совсем в другом – в разработке и реализации некоего **нетрадиционного подхода** ко всем старым и новым (уже опи-санным в литературе и еще не обнаруженным) составляющим массового сознания россиян, причем и в части самих *методов фиксации* этих составляющих, и в части *способов интерпретации* их конкретного со-держания.

В результате – чтобы обеспечить по возможности более адекватное восприятие читателем предлагаемой ниже итоговой картины и элимини-ровать хотя бы часть его ожиданий, которым не суждено будет сбыться, – автор посчитал необходимым предварить конструирование этой картины рядом оговорок и пояснений в отношении основных особенностей со-держания и манеры изложения последующего текста, напомнив в двух словах об общей специфике авторского подхода к предмету, о которой детально говорилось в предисловии к четырехтомнику.

Итак перво-наперво речь у нас пойдет (как шла и до сих пор) не собственно **об обществе** времен Хрущева, а лишь об одной из сфер и, соответственно, об одном из аспектов жизни этого общества, а именно **о его сознании**. Это значит, что вне поля нашего анализа, как и прежде, целиком останутся и экономика, и политика, и социальные отношения и многое-многое другое, не относящееся *напрямую* к сфере духа, т. е. к тем образованиям этой сферы, которые именуются чувствами, идеями, пред-ставлениями, или, в других терминах, эмоциями, знаниями, нормами, ве-рованиями, мнениями и т. д. Разумеется, те или иные "бытийные" харак-теристики социума в тексте могут присутствовать, но они не будут анали-зироваться сами по себе, а будут привлекаться к делу лишь затем, чтобы пролить дополнительный свет на непосредственный объект нашего рас-смотрения – собственно сознание советского общества на избранном эта-пе его исторического существования.

В свою очередь этот объект будет описываться (как и до сих пор) также не во всем его объеме; речь пойдет **не о сознании** рассматриваемо-го общества **в целом**, т. е. не о всяком, не о любом сознании, существо-вавшем и обнаруживаемом в нем, но лишь об одном определенном сег-менте этого сознания, а именно **о сознании массовом**. Это значит, что за бортом разговора останутся не только духовная жизнь населявших обще-ство отдельных личностей и их "классических" (больших и малых)

групп¹, но и те огромные пласты духовной жизни социума в целом, которые относятся к разряду институционализированного сознания, т. е. профессионально производятся многочисленными (индивидуальными и коллективными) демиургами общественного духа в сферах политической идеологии и права, науки и морали, философии и теологии, литературы и искусства. Разумеется, те или иные ссылки на разного рода фрагменты мировоззрения, идеологии, культуры в анализе снова не только возможны, но во многих случаях просто необходимы, поскольку названные формы духа так или иначе проникают в массовое сознание и становятся неотъемлемой частью его состава и содержания. Однако, понятно, это могут быть лишь краткие упоминания о соответствующих феноменах сознания, но никак не самостоятельное, систематическое их рассмотрение.

Наконец, еще одно – третье и последнее – сужение предмета анализа касается уже самого массового сознания. В соответствии с программой проекта, следовавшей непреложному императиву К. Прутковка "*Никто не обнимет необъятного!*", оно, напомним, было осуществлено в двух плоскостях: во-первых, на уровне *эмпирически фиксируемых форм* выражения массового сознания и, во-вторых, на уровне его *содержательных элементов* (конкретных составляющих).

В первом случае программа анализа исходила из того, что массовое сознание, проявляя себя во множестве различных форм деятельностного и вербального поведения людей, в принципе позволяет судить о нем на основе самого разнообразного эмпирического материала – начиная с классического и современного фольклора (народных песен, пословиц, анекдотов и др.) и кончая публичными акциями толп во время уличных шествий и митингов. При этом применительно к предмету проекта этот материал ограничивался сначала сугубо **вербальным** (текстовым) поведением людей, а затем лишь одной-единственной формой этого поведе-

¹ Приводимые в параграфах 2 многочисленные высказывания конкретных индивидов – участников опросов, а также аналитические пассажи автора по поводу позиций разных социально-демографических групп населения при оценке дифференциации общественного мнения не должны вводить в заблуждение на этот счет. Ведь в первом случае нам интересна отнюдь не уникальность, не персональная окраска того или иного отдельного суждения *pro et contra*, а как раз то, что объединяет множества этих суждений, делает их похожими друг на друга, превращает их из суждений *индивидов* в суждения *массы*. Соответственно и во втором речь вовсе не о характеристике тех или иных групп *как таковых* (хотя полученная информация в принципе чаще всего позволяет сделать это), но о том или ином *участии* (удельном весе) этих групп в составе разнообразных масс, придерживающихся по тому или иному поводу единой точки зрения.

ния – ответами людей на вопросы в ходе исследований общественно-го мнения¹.

Аналогично в поле анализа были включены и не все содержательные характеристики рассматриваемого массового сознания (общественного мнения), а снова их весьма ограниченная совокупность, равная лишь десяти свойствам и способностям менталитета россиян². Разумеется, ярко выраженная неполнота этого ряда, а также неукоснительное стремление автора не выходить за его пределы, не могли не обеднить общую картину. Особенно если учесть, что фактически полученный в опросах материал не раз подвергал соблазну пуститься в новомодные толки о "тоталитарном коммунистическом сознании", нанесшем (якобы) непоправимый ущерб природному менталитету россиян, или, напротив, о "природном менталитете народа", который как раз (снова якобы) сумел устоять в неравной борьбе с тоталитарной властью. Однако, с другой стороны, как это уже отмечалось в предисловии, избранный методологический ход с десятичечным "ситом категорий", через которое в авторских комментариях надлежало просеивать весь полученный материал, давал и явные положительные результаты: с его помощью, по мнению автора, удавалось обеспечить необходимую терминологическую четкость в описании соответствующих феноменов сознания и – кроме того – сохранить *верность принципу эмпиризма*, т. е. избежать разного рода отсебятины, пустопорожних суждений о предмете, базирующихся не на его фактических, опытным путем зафиксированных свойствах, а на сомнительных впечатлениях, легковесных фантазиях и прямых, грубых домыслах³.

¹ В 1985/1986 учебном году в рамках семинара "Многомерный анализ текстов массового сознания", действовавшего на факультете журналистики МГУ, автором была разработана широкая классификация текстов, позволяющих так или иначе судить о существующем в обществе массовом сознании. В общей сложности в этом перечне фигурировали 27 различных видов текстов, и ответы респондентов на вопросы поллстеров квалифицировались там в качестве "автогенных текстов масс, инспирированных извне".

² Не приводя здесь (из-за экономии места) их полного перечня, отошлем читателя к предисловию "Как и с какой целью было затеяно настоящее издание", где кроме самого указанного перечня давалась также более или менее подробная расшифровка каждой позиции (см. с. 34–39).

³ Блистательным образчиком подобного рода безответственных суждений о менталитете россиян может служить, в частности, статья В. Аксюцица "Апология русского характера", опубликованная в "Независимой газете" 27 июня 2000 г. Из-за ее общей бессодержательности, а также принципиального нежелания автора "четверокнижия" тратить порох на полемику с инакопишущими, эта статья, на-

Что же касается собственно **содержательного** подытоживания всех обнаруженных и описанных выше характеристик сознания россиян в рассматриваемую эпоху, то решение этой конечной задачи оказалось также связанным с определенными допущениями и ограничениями. В двух словах итоговая картина, несмотря на все старания автора, получалась и в конце концов получилась все же не целостной, а лоскутной. И главной причиной тому была, если можно так выразиться, *субъектная разношерстность* фигурировавшей в разных исследованиях информации – то обстоятельство, что в подавляющем большинстве случаев (по крайней мере в семи анализировавшихся исследованиях из десяти) мы в действительности имели дело не с одним и тем же массовым сознанием, существовавшим в границах всего населения страны, а с разными массовыми и сознаниями, носителями которых были лишь какие-то отдельные части населения¹.

При ближайшем взгляде на вещи это была проблема применявшихся в разных опросах *выборок* и в конечном счете возможности (или, вернее, как раз невозможности, затруднительности) интегрировать ре-

верное, не была бы упомянута в настоящем издании, если бы, как говорится, не попала под горячую руку (не появилась как раз в те дни, когда писалось это заключение) и если бы число разнообразных бездоказательных (не подтверждаемых объективными фактами давнишней и новейшей истории страны) утверждений не приближалось в ней к поистине рекордному. Ведь едва ли не 90% всей текстовой площади там занято высказываниями типа того, что *"генетически русский человек склонен к индивидуализму и замкнутости"*, или что *"вопреки расхожим мнениям о русском варварстве и жестокости русская история добродетельнее европейской"*, или что русский народ *"не способен органично вписаться в современную потребительскую цивилизацию и массовую культуру"*, или что он *"освоил наибольшие в истории пространства... не уничтожил и не поработил ни одного народа"* и т. д. Но особенно примечательным среди прочих казался тезис о том, что *"русские веками борьбы за выживание научились лучше других думать, решать труднейшие задачи, создавать новые смыслы, открывать новые горизонты"*. Не знаем, как в отношении всего российского сообщества, но в отношении некоторых его апологетов этого уж явно никак не скажешь!..

¹ Очевидно, с формальной точки зрения сознание россиян в целом было представлено выше лишь в трех исследованиях – первом, втором и последнем (модификация по "Кресту"). Однако подведение под категорию "общесоюзных" первого из них (из-за выраженной специфики примененной там географической модели) и последнего (из-за того, что там речь шла исключительно о городском населении страны), понятно, также не могло не считаться определенной натяжкой (см., в частности, комментарии на с. 73–74 и 91–92).

зультаты исследований, использовавших различные выборочные совокупности.

Возьмем, к примеру, газетные опросы, рассматривавшиеся в главах 4, 5, 7 и 8. С чисто формальной точки зрения участвовавшие в них ансамбли респондентов претендовали, понятное дело, лишь на то, чтобы представлять вселенную «Читатели "КП"», однако фактически – менее строго – за ними стояли и (гораздо более важные для анализа) "Горожане СССР", а то и "Население страны в целом"¹. Как можно видеть из приводимой ниже таблицы, удовлетворительно сыграть эти свои последние роли рассматриваемые выборки явно не могли, поскольку по своему составу – и социально-демографическому, и ментальному (ср. группы по образованию) – все они грубо отличались от названных вселенных. С другой же стороны, все они (и к тому же, заметим, в весьма внушительных объемах, измеряемых многими тысячами респондентов) кого-то все же в тогдашнем советском обществе представляли. Поэтому разговор о них не мог завершиться лишь признанием их *общей нерепрезентативности* по отношению к глобальной вселенной "Россияне в целом". Он требовал своего продолжения, и оно виделось в определении *специфических свойств менталитета* тех типов масс, которые оказывались (по факту) включенными в соответствующие исследования.

При всей очевидной сложности этой задачи автор тем не менее до сих пор находил в себе смелость так или иначе решать ее. Соответственно в своих поглавных комментариях он полагал, что в опросе об облике молодежи участвовали преимущественно авангардные (= впереди идущие) отряды молодежи с различными общественно-политическими ориентациями; в опросе о "разведке будущего" – главным образом люди, втянутые в идеологию и практику строительства коммунизма; в опросах о семье и досуге – заземленные прагматики, озабоченные текущими проблемами жизни общества; а в опросе "На Марс – с чем?" – слабо рефлектирующие сторонники (или, лучше сказать, пленники) концепции о коренных преимуществах социализма над капитализмом.

Но как, однако, следовало поступать со всеми этими разными типами масс на стадии конструирования (или живописания?) обобщенной картины массового сознания, если все они по своим базовым и ментальным характеристикам существеннейшим образом отличались не только от населения в целом, но и друг от друга? Применительно к ним, пере-

¹ В этом перечне не упоминается исследование об облике молодежи (глава 3), поскольку фигурировавший в нем ансамбль опрошенных в соответствии с условиями опроса представлял не "Население СССР", а "Советскую молодежь", т. е. "часть населения страны в возрасте 15–30 лет".

Структуры ансамблей газетных опросов, представлявших население страны в целом, в сравнении друг с другом и с репрезентативной моделью городского населения, использованной в опросе о проблемах свободного времени по "Кресту" (в % к объему ансамблей)

	Модель населения	Темы опросов			
		Ком труд	Семья	На Марс – с чем?	Свобод время
Муж	42,6	–	70,1	–	61,1
Жен	57,4	–	29,9	–	38,9
Рабоч	43,7	35,9	28,3	16,8	30,8
Инж-тех	4,7	21,9	21,6	15,1 ¹	8,7
Интел	5,4	–	–	–	8,8
Творч	–	–	0,4	–	–
Служ	9,9	15,1 ²	18,2 ²	11,2	25,0
Колх	–	1,0	1,4	1,2	4,0
Воен	–	16,9	17,6	16,8	6,6
Учаш ³	5,9	4,2	–	30,5	15,0
Студ	–	–	4,8	10,6	–
Школьн	–	–	–	19,9	–
Незанят ⁴	30,4	5,0	7,7	8,4	1,1
Пенс	17,5	–	–	–	0,5
Домхоз	12,9	–	–	–	0,6
Нераб	–	–	–	–	–
Н/средн	83,3 ⁵	23,7	–	–	31,7
Средн	14,0 ⁵	54,8	–	–	52,9
Высш	2,7 ⁵	21,5	–	–	15,4
Круп гор	20,2	–	28,0	–	26,5
Проч гор	79,8	–	62,8	–	73,5
Сред гор	25,7	–	–	–	25,0
Мал гор	38,9	–	–	–	34,5
Пгт	15,2	–	–	–	14,0 ⁶
Село	–	–	9,2	–	–
Объемы ансамблей		1295	12104	6425	10392

¹ Совместно с интеллигенцией, занятой не на производстве.

² Включая интеллигенцию, занятую не на производстве.

³ Студенты и школьники-старшеклассники (с 16 лет).

⁴ Пенсионеры и домохозяйки.

⁵ В составе населения в целом.

⁶ Поселки городского типа и села.

фразировав знаменитую формулу писателя о счастливых и несчастных семьях, вполне можно было бы сказать, что все репрезентативные выборки похожи друг на друга, тогда как каждая нерепрезентативная нерепрезентативна по-своему! И помимо всего прочего это означало, что обобщение зафиксированных свойств сознания в форме собственно их *интегрирования* (кумуляирования, того или иного суммирования) в границах одного и того же субъекта-носителя сознания (в конечном счете россиян в целом) в нашем случае, строго говоря, едва ли не вовсе исключалось¹. Вместо этого открывался более примитивный путь простого, как говорится, через запятую, *перечисления* обнаруженных свойств сознания разных субъектов, входящих в состав россиян. И именно этим путем и был вынужден пойти на заключительном этапе своей работы автор, хотя при этом отчетливо сознавал, что получающаяся в результате итоговая картина окажется несвободной по меньшей мере от двух существенных изъянов: уже упоминавшегося **лоскутного характера** картины (в ситуации, когда разговор все время должен будет иметь в виду то одних субъектов-носителей сознания, то других, то третьих), а также **количественной неопределенности** размеров большинства составляющих ее "лоскутов" (в ситуации, когда едва ли не любую оценку меры распространенности в обществе тех или иных феноменов сознания, особенно при их сравнении друг с другом, требовалось сопровождать монотонными ограничительными ремарками типа "по-видимому", "можно предположить", "вряд ли" и т. п.).

Ну а теперь – в конце вводного раздела – еще несколько пояснений, касающихся манеры изложения предлагаемого ниже итогового текста.

Первое, к чему в этом случае более всего стремился автор, была **предельная краткость**. Думалось, что, лишь "не растекаясь мыслию по древу", можно будет живописать предмет не в деталях, *не в частностях* (пусть даже важных и примечательных), а в его основных, *решающих свойствах*, которые давали бы предельно обобщенное, выпуклое и прозрачное – именно в двух словах! – понимание того, что собой представля-

¹ Забегая вперед, отметим, что в более поздние исторические эпохи, с развитием в стране профессионального и масштабно поставленного изучения общественного мнения, задача содержательного интегрирования результатов любого множества опросов могла решаться уже достаточно элементарно, в частности с помощью технологий мониторинговых исследований, базирующихся на многократном использовании одной и той же выборки или серии разных, но сопоставимых выборочных совокупностей.

ло массовое сознание россиян в начале 60-х гг. Если уж вести далее аналогию с живописью, можно сказать, что тут в чистом виде не годились ни утопающий в подробностях классический реализм, ни граничащий с полной потерей содержания супрематизм. Тут нужна была некая середина между тем и другим – с изображением лишь главных, немногочисленных фигур и с использованием лишь нескольких, но ярких, четко различимых красок.

Второй важный момент – это **особенности стилистики** заключительной части книги. В отличие от комментариев в отдельных главах, где ведущее место занимали, разного рода *аналитические* рассуждения и логические конструкции, обосновывающие те или иные заключения автора, здесь решающее предпочтение было отдано *чистой дескрипции*. С простым перечислением наиболее значимых свойств анализируемого предмета, близким по духу к медицинскому заключению о состоянии здоровья пациента (не скажем "больного", коль скоро идентификация сознания россиян в качестве "больного" или "здорового" была как раз одной из подспудных целей всего предпринятого разбирательства). С практически полным отсутствием доказательств верности предлагаемого автором суммарного видения мира (не считая кое-каких редких рассуждений, помещаемых в примечания к основному тексту). И наконец, с прямым допущением того, что базирующийся на том же эмпирическом и аналитическом материале читатель может иметь на этот счет и свой собственный, отличный от авторского, взгляд на вещи; причем не только в отношении каждой отдельной характеристики рассматриваемого предмета, но и в отношении всего предмета в целом.

И третье, это – **последовательность** рассмотрения в заключительном очерке интересующих нас десяти характеристик массового сознания. До сих пор, как мы видели, эта последовательность менялась от главы к главе, поскольку так или иначе диктовалась конкретным материалом соответствующих исследований. Отвлекаясь от деталей, можно сказать, что чаще всего это было движение от характеристик сознания, получивших максимальное выражение в информации, – к характеристикам сознания, выраженным слабее всего. В случае же с итоговой картиной мы, естественно, возвращаемся к *базовому ряду*, сконструированному в общем предисловии к изданию и отражающему внутреннюю логику формирования и функционирования массового сознания как такового. Очевидно, будучи использованным во всех четырех томах, этот ряд позволит нам не только системно представить совокупное массовое сознание россиян в каждую из занимающих нас эпох, но и проследить динамику, основные тенденции изменения этого сознания при переходе от эпохи к эпохе.

Итак...

Сводная картина сознания масс во времена Хрущева

• Аспект 1-й: круг интересов¹

Среди рассмотренных выше исследований не было ни одного, в котором бы данная характеристика сознания масс фиксировалась в полном объеме и, что называется, напрямую, в лоб. Поэтому мы не можем теперь сказать, какими точно (в тех или иных абсолютных или относительных единицах измерения) были тогда объемы внимания людей ко многим "предметам" действительности. Вместе с тем относящейся к делу информации очень много. И в виде характеристик объемов ансамблей газетных опросов, свидетельствовавших о том, что разные сюжеты вызывали в обществе заведомо неодинаковое участие. И в виде фактов разной вербальной активности, большей и меньшей словоохотливости респондентов в процессе самой дискуссии, говорившей о том же. А самое главное – в виде многочисленных высказываний людей, прямо отражавших их те или иные интересы в различных сферах бытия и духа либо позволявших косвенно судить об этой стороне их сознания. В сущности, мы находим такие высказывания в любом исследовании. И хотя в общем массиве полученной информации речь идет не обо всех видах человеческих интересов, а также, как правило, не обо всем населении страны, отраженное в этой информации положение вещей представляется тем не менее и достаточно полным, с точки зрения состава образующих общую картину элементов, и достаточно убедительным, с точки зрения надежности фигурирующих здесь данных.

Имея в виду **общий диапазон интересов** тогдашних россиян, можно сказать, что он отличался в целом **завидной широтой**, а на многих участках и **высоким уровнем концентрации**, или внушительной силой выражения. При этом оба эти качества отчетливо фиксировались как на уровне деклараций, так и на уровне фактических практик, реальной деятельности масс. По кругу своих устремлений и объему внимания к различным сторонам жизни страны и мира широкие слои советского народа выглядели в те годы безусловно разносторонне развитыми и высоко активными. Городское население в значительной своей части имело продвинутую структуру досуга, а шедшая на смену отцам молодежь намеревалась реализовать свои планы в промышленности и космосе, на ниве образования и науки, в искусстве и спорте.

¹ Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 90–92, 108, 144–148, 203–204, 251–255, 308–313, 372–374, 415–419 и 476–493.

Что касается отдельных предметных видов интересов масс, то они распадались на три группы – наиболее, умеренно (средне) и наименее развитых. В первой из них числились интересы к разнообразной информации, политике, художественной культуре и морали; во второй – интересы к труду, быту, спорту; а в третьей, наряду с множеством иных, – интересы к религии.

Оценивая более пристально лидирующий интерес к информации, следует отметить, что он проявлялся в непомерном стремлении людей к приобретению всяческих знаний и в первую очередь в едва ли не поголовной любви масс к печатным текстам – от газетных до литературных, что дало советскому обществу основание (явно не без преувеличений) кичливо полагать себя "самым читающим в мире". Вместе с тем практика электронных СМИ была еще в детском состоянии и вызывала настроенное отношение со стороны широкой публики.

Интерес к политике преломлялся преимущественно в двух направлениях – в заостренном внимании людей к международной обстановке и в том специфическом жанре их социальной активности, который именовался тогда "общественной работой". Едва ли не каждый персонально ощущал себя бойцом в "холодной войне" с империализмом и едва ли не каждый был то ли агитатором, то ли дружинником, то ли членом какого-нибудь бюро или совета. Вместе с тем реальное участие масс в реальных политических процессах оставалось полностью вне поля зрения нации¹. Людей не занимала их роль в управлении обществом, они числили себя совсем по другому ведомству – "рядовых строителей коммунизма". И хотя в составе населения было множество тех, кто не ставил это строительство ни в грош, интерес к нему был практически всеобщим. Хотели того люди или нет, замечали ли они это или нет, но коммунистическая идея была квинтэссенцией, основным стержнем их духовной и материальной, их исторической и будничной, публичной и частной жизни. В той или иной форме, с той или иной интенсивностью и с тем или иным знаком отношения она постоянно если и не претворялась на прак-

¹ Конечно, с чисто формальной точки зрения под этот последний аспект политических интересов можно было бы подвести неизменно горячо заинтересованное в те годы отношение людей к самим опросам общественного мнения. Однако, как отмечалось в предисловии к данному тому (см. с. 53–55), в начале 60-х гг. лишь немногие понимали, что начавшиеся в стране массовые опросы населения – это новый модус политической жизни нации. Подавляющее же большинство, с энтузиазмом участвуя в опросах, просто поддерживало эксперимент "КП" и, стало быть, демонстрировало интерес не к политике, а к новому в газетной журналистике.

тике, то обсуждалась и переживалась большинством населения. И если одни аспекты этой общей идеи, в частности движение за коммунистический труд, вызывали в массах достаточно критическое отношение, то другие – типа воспитания "нового человека", утверждения "новой коммунистической морали", – напротив, пользовались чрезвычайной популярностью. Воспитателями (не воспитуемыми!) хотели быть все.

Как водится, пространственные границы, т. е. локальности, рассматриваемых интересов постоянно менялись от случая к случаю, в зависимости от предмета разговора. Если речь заходила о проблемах войны и мира, то в качестве объектов интересов, естественно, выступали и "другие страны", и "мир в целом". Если обсуждались сюжеты, затрагивавшие персональные судьбы респондентов (к примеру, их жизненные планы или семейный опыт), разговор сразу же смещался к "Я" и "семье". Вместе с тем отмечаемая зависимость не была абсолютной. Среди всех объектов внимания в общем поле интересов тогдашних россиян бесспорно господствующее положение занимало "советское общество в целом", или, в иных терминах, "СССР", "советский народ", "страна".

Этот локус начисто опередил все выходявшие за его пределы "пространства", когда представился повод определиться с наивысшими достижениями земной цивилизации XX столетия (в этом случае отмечавшаяся разносторонность интересов советских людей, в том числе в области художественной культуры, оказалась, как мы видели, резко ограниченной географией их собственной страны). И он же был вне всякой конкуренции в сравнении со всеми входящими в его состав более узкими "пространствами", включая производственные коллективы, базовую ячейку общества – семью и саму человеческую личность¹. Тут при обсуждении любых сюжетов – будь то пути повышения уровня жизни, формы воспитания коммунистического отношения к труду или способы укрепления института семьи – общегражданская позиция превалировала над частной, а личная заинтересованность, в случае ее несовпадения с государственным интересом, уступала последнему. "Не коллектив для личности, а личность для коллектива", "Не государство для индивида, а индивид для государства" – таковы были писанные и (особенно) неписанные правила

¹ Стоит отметить, что в зафиксированной картине локальностей интересов почти напрочь отсутствовали "отдельные регионы" и "поселения" – возможный признак того, что социально-пространственная идентификация людьми своего существования в те годы, осуществляясь на уровнях частной (персональной, семейной) жизни, жизни первичного коллектива и жизни социума в целом, практически не включала в себя муниципального бытия людей.

тогдашней жизни. Наверное можно сказать, что с ними соглашались и им следовало далеко не все. Но очень многие. И прежде всего те, для кого строительство коммунизма не было пустым звуком¹.

Оценивая в общем виде природу зафиксированных интересов, следует признать, что тут действовали прежде всего стандартные, привычные факторы, наблюдаемые в любом массовом обществе – удовлетворение базовых, общечеловеческих *экзистенциальных потребностей* людей; следование принятым в обществе в качестве образцов *социокультурным моделям* поведения; *информационное воздействие* на сознание масс средств массовой информации и пропаганды и др.² Но не только. Главные содержательные интересы людей – связанные с воплощением в жизнь коммунистической идеи – имели гораздо более глубокие и сложные основания. Их корни лежали отнюдь не в текущей пропаганде, а в "созданной на века", разветвленной и многоуровневой **системе мифологии**, включавшей в себя в том числе множество в высшей степени привлекательных материальных практик. Ведь, подобно всякой иной, эта мифология держалась не только и не столько на словах, сколько на делах. А именно: объяснив по-своему людям ход истории и пообещав им светлое будущее, она не ограничилась лишь производством и распространением соответствующих идей и образов, но создала под них новый (отличный от привычного, естественного, нормального) мир реальных отношений и втянула в эту "вторую реальность" огромные массы населения.

¹ Не исключено, что отмечаемое ведущее положение локала "общество в целом" в общей структуре массовых интересов того времени было связано не только с высокой включенностью россиян в проблематику и практику "строительства коммунизма", но и с таким исторически традиционным, фундаментальным свойством российского менталитета, как склонность к соборности, к общинным формам жизнедеятельности. Однако в свете кардинальных изменений отношения масс к обществу и государству, случившихся в годы перестройки, значение этого последнего фактора было все же, скорее всего, не более чем второстепенным.

² Очевидно, учета этих факторов вполне достаточно, чтобы объяснить многие из существовавших тогда массовых интересов – к примеру, повышенное внимание россиян к внешней политике (бывшее результатом, с одной стороны, элементарного желания людей предотвратить новую мировую войну, а с другой – прессинга советских СМИ, активно нагнетавших обстановку ради достижения властью определенных политических целей) или популярность многих досуговых занятий (возникавшую в результате действия механизмов моды или следования образцам поведения из круга так называемого социалистического образа жизни).

• Аспект 2-й: морфология сознания¹

При взгляде на разнообразные формы **рефлективного** (рационального) и **нерефлективного** (нерационального или иррационального) сознания простого невооруженного глаза достаточно, чтобы констатировать: в анализируемом менталитете масс целиком и полностью господствовали первые. Не признающие законов логики *эмоции* – не как чувственная окраска процесса мышления, а как самостоятельные, плохо артикулируемые в речи образования (= ощущения, восприятия, образы) – встречались в опросах буквально считанное число раз (в виде нерелевантных обсуждаемому предмету невнятных истерик, криков отчаяния по поводу сложившейся житейской ситуации в семье или не поддающихся однозначной смысловой интерпретации страхов перед новой войной). Столь же редкими в текстах анкет были элементы собственно *веры* – религиозных представлений, заимствованных из корпуса Священного писания и церковной практики. И лишь *стереотипы сознания*² проявляли себя более определенно (в частности, в опросах о молодежи и семье). Но и они, строго говоря, не делали погоды. В общем и целом зафиксированное во всех исследованиях поле общественного мнения было **царством логики и рационализма**, т. е. совпадало с позитивными понятиями и суждениями, относящимися к разряду *логического мышления*, являющимися результатом мыслительной деятельности людей.

Правда, свидетельствуя о психическом здоровье нации, ее приверженности здравому смыслу или о выраженном атеизме большинства населения, данный факт отнюдь еще не подтверждал, что речь шла и о высокой рефлективной способности масс, коль скоро огромная доля рациональных высказываний, приносимых массами, не являлась плодом их собственных раздумий, а была заимствована ими "со стороны", из каналов образования, культуры, СМИ. Чтобы убедиться в реальном положении вещей в этой области, нужно, очевидно, оценить распространенность в общественном мнении различных типов базовых морфем, различаемых по механизмам их возникновения.

¹ Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 97–102, 133–138, 205–211, 260–261, 316–322, 375–383, 411–412, 419–422 и 496–499.

² Здесь, понятно, имеются в виду стереотипы сознания в узком смысле этого слова, т. е. не штампы речи (клишированная фразеология), а специфические синкретические образования сознания, соединяющие в себе элементы логического и чувственного, рационального и иррационального и задающие определенные установки на восприятие людьми различных сторон и событий действительности.

Имея в виду зону независимого, **самостоятельного сознания**, т. е. сознания *автогенного*, рождаемого самими массами на базе их собственного опыта (в просторечье – "своего сознания"), можно сказать, что оно безраздельно господствовало в сфере суждений-"фотографий", фиксирующих факты персонального бытия респондентов. Кроме того, активно присутствовало и в оценочных суждениях, особенно в случаях негативно-критического отношения людей к обсуждаемым предметам. И намного реже встречалось в суждениях-предложениях, особенно при обсуждении сюжетов, выходявших за границы непосредственного практического опыта говорящих (в этом случае максимальная нестандартность сознания была проявлена опрошенными в исследованиях проблем семьи и свободного времени и минимальная – в опросе о войне и мире).

В зоне **полусамостоятельного сознания** достаточно широко представленными оказались суждения *аллогенные*¹, т. е. произведенные "на стороне", но усвоенные массами в качестве их собственных, ставшие их внутренней, сознательной позицией (назовем такое сознание "своим из другого"). Подобная интериоризация сведений, качественно отличающаяся от простого, бездумного повторения формул, заимствованных "от других", отчетливо обнаруживала себя преимущественно в конструктивных высказываниях по поводу путей повышения благосостояния и улучшения досуга населения страны. Но гораздо более частыми, однако, в этой зоне были суждения *комбинированные* ("свой плюс другие"), представляющие собой различные, в том числе чисто механические, сочетания элементов "своего" и "другого" сознаний.

Наконец, в зоне полностью зависимого, **несамостоятельного сознания**, т. е. сознания *алиеногенного*², произведенного "на стороне" (преимущественно разнообразными институтами государства) и тем или иным способом вошедшего или внедренного в менталитет масс, главное внимание обращали на себя суждения, некритически заимствованные массами из бездонных арсеналов советской *текущей пропаганды* (назовем их "чужими-на-час"). Очевидно, распространенность данных форм сознания в составе общественного мнения находилась в прямой зависимости от предмета разговора, его большей или меньшей удаленности от господствовавшей в обществе идеологии, и она достигала поистине критических размеров, когда обсуждаемый сюжет оказывался, если можно так выразиться, в эпицентре этой идеологии. В таких случаях (ср. опросы о войне и молодежи) репродуцирование в ответах штампов официальной

¹ От греч. *allos* – иной, другой.

² От лат. *alienos* – чужой, чуждый.

речи поистине достигало своего апогея. И, анализируя природу этого феномена, приходится говорить отнюдь не о лености ума россиян, предпочитавших брать взаймы чужие слова вместо того, чтобы находить или изобретать свои, а о весьма высокой эффективности деятельности Агитпропа ЦК КПСС, покоившейся в том числе на чрезвычайно высоком доверии масс к партии и государству.

Вместе с тем высокая "проницающая способность" коммунистической идеологии демонстрировала себя не только на уровне отдельных пропагандистских кампаний, тех или иных конкретных "слов" и "фраз", штучных языковых клише и штампов сознания, которыми она наводняла менталитет тогдашних россиян. Рядом с такими "чужими-на-час" формами в этом менталитете присутствовали и более фундаментальные "чужие-на-жизнь" образования – уже упоминавшиеся *мифологемы*. Правда, в рассмотренных опросах (прежде всего о "разведке будущего" и "На Марс – с чем?") лишь некоторые из них были представлены, что называется, открытым текстом – в частности, в виде утверждений, а точнее, уверений в том, что "система социализма имеет коренные преимущества перед системой капитализма", или что "вся власть в социалистическом обществе принадлежит народу", или что "венцом творения на Земле является советский человек". Многие другие, как водится, оставались за кадром, включая и важнейший из мифов того времени, объявлявший, что "нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме". Однако и в этих последних случаях сомневаться в широком присутствии данных морфем в составе массового сознания не приходилось, они постоянно выдавали себя и в общем содержании формулируемых людьми позиций, и в используемой респондентами лексике.

Отвечая на вопрос, каким было общее соотношение перечисленных форм сознания в менталитете россиян в начале 60-х гг., можно смело утверждать, что этот менталитет был в огромной степени несвободным, зависимым от существовавшей в обществе коммунистической идеологии, находившимся в плену как текущей (*ad hoc*) советской пропаганды, так и разветвленной системы мифов о строительстве "светлого будущего". Пронизывавшие вдоль и поперек весь духовный мир советских людей те и другие идеологемы существеннейшим образом сковывали человеческую мысль, лишали ее подлинной самостоятельности, подспудно и невидимым образом обрекали ее на бесконечное репродуцирование одних и тех же языковых клише и штампов сознания.

Однако, с другой стороны (и это тоже достаточно очевидно), зависимость менталитета масс от Агитпропа была далеко не абсолютной. И речь тут не только о тех, кто сумел полностью уклониться от идеологии

большевизма. Благодаря природной силе обыденного сознания и *верности здравому смыслу*, исповедовавшие эту идеологию слои населения во многих ситуациях также занимали позиции, существенно отклонявшиеся от официальных. Кроме того, в этом направлении работал и свойственный массам высокий *дух критицизма*, подпитываемый, с одной стороны, обилием не решенных в обществе злободневных проблем, а с другой – возникшей (после XX съезда КПСС) возможностью открыто и относительно безбоязненно негативно высказываться по поводу многих "злов дня".

Поэтому, оценивая рассматриваемое массовое сознание в целом, можно сказать, что оно было комбинированным, или **полусамостоятельным**, с преобладанием "чужого", но одновременно с довольно высоким уровнем развития и "своего" (во всяком случае, гораздо более высоким, чем это казалось тогда и – особенно – кажется теперь)¹. При этом, заметим, наибольшую независимость от официальной идеологии проявляла, похоже, техническая интеллигенция, а наименьшую – школьники и военнослужащие.

Что же касается общего уровня рефлексивности сознания масс, с которого мы начали разговор о морфологии, то в силу отмеченной мифологизированности рассматриваемого сознания, его насыщенности штампами пропаганды этот уровень, естественно, не может считаться высоким. Хотя в отдельных случаях, особенно при обсуждении бытовых проблем, массы не раз отчетливо показывали (ср. прежде всего опрос о досуге), что они весьма внимательно, более того – весьма самокритично относятся к своей жизни, а не просто переползают из дня в день по пути, начертанному партией и правительством...

• *Аспект 3-й: уровень знаний*²

Описываемый в терминах "объема знаний", или **информированности** публики, этот уровень может быть признан в целом **вполне удовлетворительным**. Если не считать в высшей степени специфического с этой точки зрения детского опроса (где степень знакомства 10-летних

¹ Хотелось бы подчеркнуть, что данное общее определение в принципе верно даже в отношении участников почтового опроса о "разведке будущего", представлявших авангард тогдашних строителей коммунизма. Единственным исключением из общего правила был ансамбль читателей "КП", принявших участие в опросе "На Марс – с чем?"; сознание этих людей оказалось клишированным явно сверх всякой меры.

² Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 97–98, 148, 211–213, 255–259, 310, 313–316, 369–372, 417–418 и 499.

школьников с предметом разговора оказалась чрезвычайно низкой), весьма слабую информированность россияне проявили, пожалуй, лишь однажды, а именно при номинировании – в ряду наивысших достижений земной цивилизации XX столетия – разнообразных продуктов мировой культуры. Но там ведь речь шла, строго говоря, не только о факторе информированности, и, кроме того, у людей имелись, что называется, смягчающие их "вину" оправдания, поскольку объем их знаний о предмете был сложной производной не только от меры их собственного интереса к предмету, но и от множества объективных переменных – в частности, меры интереса к предмету всего общества (и, стало быть, наличия в обществе достаточного количества информации о предмете); возможности для масс свободного доступа к предмету и к информации о нем; характера существующего в обществе (благоприятного или неблагоприятного) идеологического контекста отношения к предмету и др.¹ Большинство же остальных обсуждавшихся в исследованиях сюжетов было, напротив, хорошо знакомо респондентам, причем как на уровне конкретных "точечных" фактов, так и на уровне общих описаний положения вещей в соответствующей области; как по собственному, непосредственному опыту, так и по опыту "других", представленному в различных источниках информации.

А вот с качеством знаний, отмечающим компетентность масс, т. е. уровень понимания людьми обсуждаемых вещей, дело обстояло в целом **намного хуже**. Не по деталям (где все выглядело как раз вроде бы неплохо), а именно в плане проникновения в глубинную природу предметов и связей между ними. Особенно примечательными в этом отношении были, конечно же, туманные и путаные, наивные и примитивные представления населения о главных официальных сюжетах тогдашней жизни – коммунистическом обществе и способах движения к нему. Мера всеобщего неведения насчет того и другого, обнаружившаяся в исследованиях о "разведке будущего" (в том числе в опросе самих участников движения за коммунистический труд!), граничила с откровенным скандалом. Но подобного же рода когнитивные фиаско наблюдались и в ряде иных исследований. К примеру, в опросе "Что вы думаете о своем поколении?", где фигурировали далекие от правды представления о непомер-

¹ Поэтому в данном случае, при объяснении низкой частоты упоминаний респондентами произведений мировой культуры, во внимание следовало принимать и злополучные последствия действия "железного занавеса", и активно поддерживаемый в обществе климат критики, а то и прямого отторжения многих зарубежных ценностей из-за их (будто бы или на самом деле) морально-идеологической несовместимости с ценностями отечественными, социалистическими.

ной распространенности среди советской молодежи явлений "стиляжничества" и "преклонения перед Западом", а также в опросе о проблемах семьи, где общественное мнение довольно-таки единодушно впало в грубую ошибку, усмотрев главную причину разводов в стране в несерьезном отношении молодежи к браку.

Легко обнаружить, что во многих случаях отмечаемая некомпетентность россиян впрямую порождалась **низким качеством сведений**, проникавших в массовое сознание "**со стороны**". Именно так обстояло дело прежде всего с сюжетом о коммунизме, поскольку ни классики марксизма-ленинизма, ни идеологическое ведомство ЦК КПСС за сто лет бесконечных разговоров о "светлом будущем человечества" так и не удосужились (или не сумели? или умышленно не захотели?) дать людям сколько-нибудь четкую, конкретную и ясную картину этого будущего. Да и бурная стрельба из пушек по воробьям в случае с "поклонниками западной моды" была тогда также на совести не столько самих (что и говорить, склонных к морализаторству) масс, сколько идеологов и СМИ, явно сгустивших краски в своей активной пропагандистской кампании против появившихся отступников от идеалов коммунизма.

Однако, с другой стороны, причины слабого и ошибочного понимания массами многих предметов действительности (вроде тех же причин разводов) крылись и в самом массовом сознании как таковом, были связаны с **ограниченной способностью суждения масс** – их не более чем скромным умением проникать в суть вещей, устанавливать связи между причинами и следствиями, видеть общее за частным и т. д. В полной мере этот фактор проявлял себя уже в излишне доверчивом, некритическом отношении людей к информации, заимствуемой "со стороны", в недостаточном умении оценить ее действительные качества, ее подлинную надежность или, напротив, ненадежность. Но особенно очевидным его действие становилось в ситуациях, когда массы вовсе не находили в обществе "другой", "чужой" информации о предмете и, оказавшись с предметом один на один, были вынуждены производить такую информацию сами, исходя исключительно из своего собственного опыта и собственных возможностей. В этих случаях, пользуясь лишь познавательным арсеналом недостаточно грамотного обыденного сознания, массы автоматически обрекались на все традиционные ошибки последнего. И это означало, что вопреки ходячему мнению знаменитая формула "*Лучше один раз (самому) увидеть, чем сто раз услышать*" не срабатывала. К тому же при оценке качества массовых знаний следовало учитывать, что уровень образования тогдашних россиян был, во-первых, неизменно ниже, чем у участников опросов, и, во-вторых – вопреки еще одному ходячему пред-

ставлению, – вообще далеко не так высок, как это изображалось советской пропагандой¹.

• *Аспект 4-й: способность суждения*²

Как же конкретно выглядела способность суждения россиян, охарактеризованная выше в качестве ограниченной, в отдельных логических операциях, т. е. в процессе формулирования и артикулирования публикой различных типов высказываний?

Имея в виду часто встречавшиеся в опросах суждения-"фотографии", можно сказать, что эта способность была **весьма высокой**. Констатирующие высказывания давались респондентам явно без труда, и при этом добротное качество информации, т. е. точность отражения в ней объективных фактов, во многих случаях (ср. хотя бы опрос о проблемах свободного времени) не могло вызывать сомнений. Конечно, нельзя исключить, что в длинной серии автопортретных описаний действительности, фигурирующих в главах 2–5, какой-то части опрошенных не удалось полностью преодолеть психологически понятного желания приукрасить или, напротив, приочернить фактическое положение дел, однако весь содержательный контекст ответов респондентов, а также впечатляющий уровень продемонстрированной ими самокритики дают основания думать, что такого рода отклонения от истины были скорее исключением из правила, нежели самим правилом.

Аналогично **весьма успешно** справлялись участники опросов и с **оценочными высказываниями**, как позитивными, одобрительными, так и негативными, критическими, хотя общий баланс "плюсов" и "минусов" в оценках действительности явно и с внушительным преимуществом склонялся в сторону первых. Явно подбодренное демагогической формулой партии о критике как "движущей силе развития социалистического общества", решительное осуждение большинством респондентов многочисленных недостатков в жизни страны было заключено в определенные рамки – касалось частных сюжетов, а не глобальных характеристик со-

¹ По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г., лишь 3,8 (из 208,8) млн. человек в стране имели высшее образование, 1,7 млн. – незаконченное высшее, 17,8 млн. – среднее (общее или специальное), 35,4 млн. – неполное среднее (семилетнее и выше), а все остальное население (около 60% взрослого!) – ниже семилетнего образования, в том числе около 2 млн. человек были совершенно неграмотны (см. "Итоги Всесоюзной переписи 1959 года": М.: Госстатиздат, 1962. С. 74–75).

² Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 102–106, 148–152, 213–217, 261–266, 322–329, 422–424 и 499–501.

циализма в целом; велось в отношении одних предметов и обходило молчанием другие, табуированные; если и упоминало начальство, то лишь местного (район-область, не выше) уровня и при этом лишь хозяйственных администраторов, а не партийное руководство. И все же, несмотря на подобные ограничения, это был, безусловно, успешный опыт участия масс в публичной нелицеприятной оценке окружающей действительности.

Что же касается всех остальных типов высказываний, то они формулировались в опросах с заметно бóльшими трудностями, нежели рассмотренные.

Так, можно сказать, **откровенно плохо** обстояло дело с **обосновывающими суждениями**, призванными тем или иным образом аргументировать, подкреплять высказываемые людьми мнения. Чаще всего такие доказательства либо вовсе отсутствовали, либо были логически несопоставимы подтверждаемому тезису – сводились к ссылкам то ли на какие-то единичные, "точечные" примеры из жизни (собственной или чужой, описанной СМИ), то ли, напротив, на какие-то безразмерные, на грани с тавтологией общие слова типа "это так, потому что так было всегда" или "этого не может быть, потому что этого не может быть никогда".

Явно не лучше, если не хуже, выглядели и **суждения аналитические**. Даже в самом простом их варианте, когда задача респондентов сводилась к тому, чтобы (в закрытом вопросе) выбрать из серии предлагаемых ответов какой-либо один в качестве наиболее важного: во множестве ситуаций люди оказались не в состоянии решить эту задачу, высказывая сразу несколько суждений вместо требуемого единственного. И совсем уже полный неуспех случился с ними, когда речь зашла о самостоятельном анализе причинно-следственных связей между явлениями (сюжет о причинах распадов молодых семей); тут преодолеть традиционные aberrации и иллюзии обыденного сознания сумело уже лишь меньшинство.

В отношении же **конструктивных высказываний** картина была, скорее, **противоречивой**, менявшейся от опроса к опросу. Во многих случаях сколько-нибудь серьезных затруднений с предложениями по решению обсуждаемых проблем у людей, по-видимому, не возникало, но это происходило, как правило, тогда, когда эти предложения были не "своими", а "своими из других" или "чужими", т. е. когда они заимствовались респондентами "со стороны". Если же речь заходила о самостоятельном продуцировании массами нового знания, то тут совокупности владевших этим знанием людей сразу же существенно сокращались (ср. полный афронт с предложениями, касавшимися форм дальнейшего развития движения за коммунистический труд).

Суммируя сказанное, можно утверждать, что – при всех отмеченных перепадах в подготовленности масс к разным типам логических операций – общая способность россиян судить о себе и мире в начале 60-х гг. была в целом не высокой и не низкой, а умеренной, средней. Помимо прочего, убедительное тому подтверждение – в принципе незначительные количества респондентов, затруднявшихся ответить на большинство обсуждавшихся вопросов. Что же касается обнаруженной нестабильности (в этом отношении) менталитета масс, то она не должна особенно озадачивать, поскольку была очень близкой к нормальному положению вещей: ведь массовое сознание, как правило, и, так сказать, по определению, легче всего расправляется именно с фактографическими и оценочными высказываниями, затем – с несколько бóльшим трудом – с суждениями-предложениями и, наконец – наименее результативно, – с собственно анализом, особенно каузальным¹.

Из числа факторов, влиявших на силу способности суждения масс, в сфере социально-демографических и иных признаков респондентов отчетливо выделялись два – уровень образования и мера включенности людей в предмет разговора. При этом если первый из них работал строго однонаправленно (чем выше образование – тем выше способность суждения), то второй не отличался подобным автоматизмом и в одних случаях отчетливо усиливал рассматриваемое свойство менталитета масс, а в других, напротив, заметно ослаблял его (ср. количество и качество конструктивных высказываний в опросах об уровне жизни и "разведке будущего").

Корреляция же способности суждения масс с морфемами самого сознания, различаемыми по оси "свое – чужое", была и вовсе неустойчивой. Тут уверенным можно было быть, пожалуй, лишь в одном – что при прочих равных обстоятельствах стабильно высокую способность судить о вещах демонстрировали формы комбинированного сознания – "своего из другого" и "своего плюс другого". В случае же чисто алиеногенных форм вся эта проблематика, понятно, полностью утрачивала свою релевантность², а в случае чисто автогенных, как уже говорилось, перемещалась в

¹ Насколько можно судить, единственным значимым отклонением от регулярной картины здесь было неудовлетворительное положение дел с суждениями-доказательствами. Обычно этот тип высказываний занимает промежуточное положение между наиболее и наименее удающимися массовому сознанию.

² Ясно, что при строгом подходе в этом случае следовало говорить о способности суждения не массового сознания (= участников опросов, выступавших в роли простых ретрансляторов "чужих-на-час" и "чужих-на-жизнь" формул речи), а

совершенно иную область – в большее или меньшее умение обыденного сознания справиться со своими многочисленными, врожденными и благоприобретенными, оковами и недугами.

• *Аспект 5-й: ценностные ориентации*¹

Хотя среди рассмотренных исследований не было ни одного, которое бы систематически обсуждало весь набор традиционных ценностей, разделяемых людьми, и давало бы возможность ранжировать эти ценности по степени их значимости от первой до последней, о серьезном дефиците информации на этот счет говорить все же не приходится. Все исследования, без единого исключения, так или иначе затрагивали данную проблематику, а некоторые из них (ср. опросы о молодежи, достижениях земной цивилизации XX столетия и проблемах досуга) делали это даже весьма детально.

В результате, имея в виду **жизненные ценности из разряда общечеловеческих**, можно утверждать, что наиболее значимыми из них для многих, а скорее, и большинства россиян начала 60-х гг. были: мир на Земле; высокая духовность, нравственность; приобщение к культуре, образование; крепкая семья; благополучие Родины.

Важный момент: высокое ранговое положение *первой из этих* ценностей было связано не только с реальной предгрозовой международной обстановкой в тогдашнем мире, с обострением "холодной войны", но и с живой кровотокающей памятью людей о событиях двадцатилетней давности, с гигантскими жертвами, понесенными советским народом в годы Великой Отечественной. Поэтому, казалось бы, речь тут шла о ценности *человеческой жизни*. Но не о ней, не о собственной жизни и не о жизни своих близких пеклись в действительности россияне, без конца повторяя как заклинание: "Главное, чтобы не было войны!" Они пеклись о *спасении человечества* в целом. И кроме того, мир на Земле для них был *первейшим* условием победы социализма в мировом масштабе, осуществления грандиозных планов СССР и достижения их собственных, персональных жизненных целей².

скрывавшихся далеко за кадром создателей этих формул (= деятелей науки, культуры, СМИ, пропаганды и т. д.).

¹ Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 111, 153–154, 194–202, 204–205, 269–273, 332–335, 374–375, 412–417, 422, 449 и 493–496.

² Следует отметить, что в эпоху Хрущева речь о войне и мире в этом ключе заходила в исследованиях ИОМ "КП" постоянно, в том числе при обсуждении про-

Еще одна примечательная вещь: среди приоритетных ценностей широких масс населения не значились личные богатство, материальные блага, высокий достаток. Нельзя сказать, чтобы народ был вовсе безразличен к этой стороне своего бытия, но вместе с тем она то и дело уходила на второй план в сравнении с *духовно-нравственным богатством* личности. Даже в опросе об уровне жизни, при констатации удручающей нехватки в стране жилья, продуктов питания, товаров, услуг, постоянным рефреном звучало: "Не хлебом единым!" И за этим скрывалась не только вековая бедность и неприхотливость народа, не только историческая неразвитость потребностей, запросов масс по части материальных благ, но и традиционное российское преклонение перед духовным началом жизни, демонстрация того, что мир вещей в сознании нации котировался ниже мира идей. Впрочем, в отличие от отношения к войне этот взгляд на вещи разделялся уже далеко не всеми, и если одни решительно утверждали: "Не в деньгах счастье!", то другие не менее решительно возражали им: "Деньги – это все!"

Аналогично в первых рядах общечеловеческих ценностей не фигурировал и содержательный, доставляющий радость *творческий труд*, высокое профессиональное мастерство¹. Говоря о труде, люди рассматривали его гораздо чаще лишь как способ заработать на жизнь. Другое дело – *образование*, оно было, напротив, в большой чести. Но снова не столько как путь к более интересному труду "по способности", сколько как необходимое формальное условие продвижения по служебной лестнице, как некий действующий в обществе механизм профессиональной и общественно-политической карьеры.

Что же касается *благополучия Родины*, то эта ценность в рассматриваемом, российском варианте в строгом смысле слов не могла уже считаться ни традиционной, ни общечеловеческой. Руководившие строительством нового общества лидеры партии, Советского государства и их идеологи настаивали на особом рода любви к Родине – не просто на патриотизме, а на патриотизме специфическом, так называемом социалистическом. И их усилия в этом отношении не пропали даром. Когда широкие массы жителей Российской Федерации, в том числе этнических русских,

блем уровня жизни, молодежи, семьи, а также в опросе студентов МГУ "Во имя чего вы учитесь?", материалы которого приводятся в Приложении 9.

¹ Напомним, что эта ценность не была первой даже в среде участников движения за коммунистический труд, которые отдали предпочтение "новому человеку" – носителю передовых морально-политических качеств.

ставили превыше всего благополучие, процветание своей страны, они имели в виду уже не Россию как таковую, с ее национальными (этническими, культурными, историческими, географическими) особенностями и традициями, а Россию, идущую к коммунизму, выполняющую роль первопроходца, со всем набором предполагавшихся этим движением и обеспечивающих его успех **новых, социалистических ценностей**.

В полном его виде этот набор значился в "Моральном кодексе строителей коммунизма", провозглашенном Программой КПСС в 1961 г. Однако, насколько можно судить по проведенным опросам, разные из этого круга ценности занимали в умах людей существенно разные места. Наибольшей популярностью пользовались две: *успехи в строительстве коммунизма* и *социалистический коллективизм*. При этом первая ценность тесно связывалась с результатами в одних случаях "героического", а в других "будничного" труда; вторая же – с реализацией принципа "каждый за всех и все за одного", хотя на практике этот принцип трактовался также отнюдь не однозначно, варьируя от благотворной взаимоподдержки и помощи людям до беспардонного вторжения в их частную жизнь, совпадающего с грубыми нарушениями прав личности на приватность.

Уже по самому своему определению – в качестве идеологических, связанных с представлениями о прошлом, настоящем и будущем человечества, – новые ценности порождали в мире **широкоформатную оппозицию** "мы – они", или, в более конкретном содержании, "социализм – не-социализм" ("**социализм – капитализм**"). Это ставило массы в ситуацию выбора (в качестве более и менее приоритетных) уже не только тех или иных отдельных, *частных ценностей*, но и их групп, *систем*, в конечном счете – социалистического или капиталистического способов (образов) жизни в целом. И, как показывают исследования начала 60-х гг., для большинства (возможно даже, подавляющего?) россиян тут не было ни малейшего предмета для раздумий. "Социализму – да, капитализму – нет!" – таков был их дружный, без колебаний вердикт, относившийся ко всем обсуждавшимся сферам жизни общества: общественно-политической, социально-экономической, нравственной, культурно-художественной и иным. Правда, часть населения судила об этом и вела себя иначе. В разных слоях общества, преимущественно среди молодежи, появились "белые вороны", ориентировавшиеся на западные, т. е. как раз капиталистические модели. И хотя чаще всего их инакомыслие и инакоповедение относились к чисто поверхностным формам социального бытия, например, сводились к ношению запрещенных комсомолом тегаских брюк или к увлечению осуждаемым рок-н-роллом, они тем не менее отчетливо

свидетельствовали о случившемся (или продолжающемся?) неблагополучии в "датском королевстве"...

- *Аспект б-й: отношение к обществу*¹

На первый взгляд данная характеристика сознания годна лишь для конкретизации только что рассмотренной. В действительности же вне альтернативы "социализм – капитализм" она вполне самостоятельна и в высшей степени эвристична. Ведь в ней речь об отношении к советскому обществу как к таковому, в его некоторой *аморфной целостности*, неуточненности, т. е. не столько как к обществу именно советскому или социалистическому, сколько как просто к *данному, своему* – тому, в котором приходится жить. Разумеется, такая совокупная оценка может учитывать и существующий в обществе социально-экономический строй, и характерное для него общественно-политическое устройство, и особенности его исторического развития. Однако, как показали рассмотренные исследования, подобные глубинные свойства общества имелись в виду чаще всего имплицитно, подспудно, "по умолчанию"², главным же внешним предметом внимания респондентов выступала, как правило, некоторая власть – некая система управления, олицетворяющая суть данного общества и представляющая его *urbi et orbi*.

В глазах масс это была прежде всего **власть вообще, власть в целом**, и по отношению к ней в составе тогдашнего населения страны отчетливо различались **три главных типа людей**: а) активные приверженцы, истые адепты этой власти, б) ее умеренные, законопослушные сторонники (назовем их конформистами) и в) люди, недовольные властью, не поддерживающие ее, выступающие (скрыто или явно) в оппозиции к ней (= *нонконформисты*).

На основании полученных данных можно утверждать, что **первых** в советском обществе в пору оттепели было много, пожалуй, даже очень и, уж во всяком случае, гораздо больше, чем это представляется теперь некоторым конъюнктурно (антикоммунистически) настроенным истори-

¹ Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 108–111, 154–157, 193–202, 273, 335–339, 383–390, 420, 425–428 и 505–506.

² Любопытно отметить, что реже всего при этом речь заходила об истории страны и практически никогда – об ее тютчевской особости, самобытности, непохожести на другие страны, *самостоятельном* пути развития. Совсем наоборот! Советский Союз, Россия выделялись и оценивались тогда как первопроходцы, прокладывающие путь в будущее для *всего человечества*.

кам. В главе третьей, где давалась общая типология молодых людей того времени, эта часть рядового населения была представлена "активными продолжателями революции" и "романтиками"; и если к ним прибавить еще многомиллионный слой "функционеров" – разного ранга работников партийно-государственного аппарата и многочисленных общественных организаций (выполнявших роль так называемых приводных ремней, связывавших власть с народом), а также идеологически ангажированную гуманитарную интеллигенцию, картина будет достаточно полной. В отношении к любым программам и акциям власти эти люди всегда и с восторгом были "за". При этом в основе их восторга лежали, с одной стороны, знаменитые стереотипы "Советский Союз – авангард человечества", "советское – значит, отличное!", а с другой – сознание собственной персональной причастности к власти, личной ответственности за все, что происходит вокруг. Отражая отчасти иллюзию, а отчасти реальное положение вещей, эти люди утверждали: "Государство – это мы!" – и демонстрировали поразительные образцы безоглядной интегрированности в жизнь общества, полного растворения индивидуальности в тотальной субъектности, именуемой "обществом в целом"¹.

К числу **умеренных конформистов** в той же третьей главе относились "творцы-профессионалы", "трудяги-середняки" и какая-то часть "недовольных собственной жизнью" и "разочарованных". В совокупности все эти люди составляли, пожалуй, большинство населения страны. Они поддерживали власть спокойно, без криков "ура", но голосовали за нее на выборах в Советы вполне исправно, как говорится, не за страх, а за совесть. Даже если их жизненный уровень или досуг оставляли желать много лучшего, принципиальная благодарность власти перевешивала в их сознании все "временные огорчения". И понятно: ведь кого-кого, а их-то партийный гимн не обманул: обещанный новый мир был построен и миллионы из тех, кто был ничем, таки стали всем².

¹ Чуть ли не по раннему Марксу, который утверждал, что человеческая эмансипация свершится *"лишь тогда, когда действительный индивидуальный (= эгоистический. – Б. Г.) человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет родовым существом..."* (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 1. М.: 1955. С. 406). Однако именно "чуть ли", поскольку в условиях, когда государство приняло тоталитарный характер и полностью исключило возможность существования "рядом с ним" отличного от него гражданского общества, реальная эмансипация индивида оказалась по определению невозможной и обернулась квазиэмансипацией.

² Или – на худой конец – кое-чем.

Наконец, остальная часть "разочарованных", а также так называемые нигилисты, прожигатели жизни и скрытые диссиденты образовывали массу **нонконформистов** – тех, кто был недоволен советской властью и, в общем-то, не поддерживал ее, по крайней мере в душе. По всем данным, в эру Хрущева эти люди в обществе были в меньшинстве. Особенно те из них, кто относился к своей негативной позиции вполне осмысленно, даже если не обладал решимостью выступать против власти с открытым забралом¹. Прочие же оказывались в оппозиции к власти, скорее, бездумно, нефокусированно, в силу простой житейской неустроенности или возрастного бузотерства. При этом, повинуясь филистерскому благоразумию, они чаще всего держали по этому поводу рот на замке, и главными формами проявления их нонконформизма были их нехарактерные для остального населения и осуждаемые властью интересы и ценностные ориентации.

На следующем, более конкретном уровне проявления приязни/неприязни масс к обществу речь шла об отношении людей к **различным институтам власти**, прежде всего центральным, общесоюзным – ЦК КПСС, Верховному Совету народных депутатов, Правительству СССР. Ив этих случаях отмеченное деление россиян на три сегмента уже не сохранялось. Вместо них отчетливо различались лишь два – с *позитивным* и *нейтральным*, лояльным и индифферентным отношением к названным институтам, при примечательном отсутствии четко выраженного негативного отношения. Важный момент: по многим данным судя, последнее не просто не выражалось, не проговаривалось вслух (к примеру, из-за понятной боязни тех или иных преследований), а именно не имело места в общественной жизни, по крайней мере в сколько-нибудь значительных масштабах².

Разделяемое же большинством (подавляющим?) россиян позитивное отношение к партии и органам государственного управления, напротив, убедительно и устойчиво проявляло себя во всех без исключения исследованиях, где об этом только заходил разговор. При этом более других в глаза бросались три способа поведения людей: *активная поддержка* общего внешнеполитического и внутривнутриполитического курса, а также

¹ Правда, именно в это время (после XX съезда КПСС) количество таких людей в публичной жизни общества заметно увеличилось за счет части реабилитированных и вернувшихся из ГУЛАГа жертв сталинских репрессий.

² Печально знаменитые события в Новочеркасске в 1962 г. были хоть и не единственным, но все же чрезвычайно редким, считаемым по пальцам явлением в тогдашней жизни страны.

отдельных шагов и решений партии и правительства; *поистине безмерное доверие* ко всем словам и заверениям, произносимым властью; и преимущественный, если не исключительный, *расчет на государство*, а не на самих себя в улучшении своей жизни – новая форма традиционного российского патернализма с его умиленным, по любому поводу, рефреном "Спасибо партии¹ за это!"

Отсюда – и специфика критических высказываний масс по поводу советской действительности. Они были по неизбежности *ограничены*, и не только уже отмечавшимися частными, но (прежде всего) глобальными историческими рамками, связанными с отсутствием в стране гражданского общества. На рассматриваемом этапе истории для большинства россиян наличное общество, как и власть в нем, были сугубо **своими, родными**, и потому любые претензии к ним по определению можно было высказывать только, так сказать, *изнутри*, а не извне, с позиций *членов общины семьи*, а не сторонних наблюдателей и, стало быть, ни на минуту не ставя под сомнение ни само это общество, ни существующую в нем власть.

Вместе с тем, судя по полученным данным, в отношении масс к обществу лед все же уже тронулся или как минимум начал потрескивать. В дискуссиях по проблемам семьи и досуга критика приняла, прямо скажем, фронтальный характер и подвела к немалым сомнениям относительно верности общества одному из главных его девизов "Все – для человека! Все – во имя человека!". Движение за коммунистический труд, по всеобщему заключению, давало серьезные сбои. И даже многие 9- и 10-летние дети на удивление хорошо знали, что такое взятка и блат и кто такие спекулянт и бюрократ. Конечно, до 1985 года было еще очень-очень далеко, но, похоже, эмбрионы будущего шквального отрицания россиянами идеологии и практик советского социалистического общества зарождались уже в те самые оттепелевые годы.

Что же касается еще одного уровня проявления рассматриваемой характеристики сознания масс – отношения людей к лидерам нации, – то тут картина была менее полной и ясной. Бесспорными в ней можно считать, пожалуй, лишь два пункта: во-первых, традиционную склонность россиян к *персонализации власти*, к отождествлению коллективных органов управления с их руководителями, конкретными политическими фигурами и, во-вторых, традиционное же выделение из круга многочисленных лидеров практически *лишь одного*, самого главного, так называе-

¹ Ср. до Октября 1917 г. – государю-императору, а до марта 1953 г. – "отцу народов" Сталину.

мого Вождя – в данном случае Первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совмина СССР Н.С. Хрущева¹. А вот объем и знак внимания масс к самому Никите Сергеевичу были в высшей степени нестабильными: максимум симпатий и восторгов в связи с внешнеполитической деятельностью СССР ("главный миротворец на Земле"); очень редкие (чаще положительные, но и нейтральные) упоминания в связи с новой Программой КПСС, а также мероприятиями правительства, направленными на рост благосостояния народа; и практически полное отсутствие в списке выдающихся деятелей XX столетия, не говоря уже о дискуссиях, касавшихся текущих проблем жизни общества и лишенных собственно идеологического содержания (семья, досуг).

• *Аспект 7-й: эмоционально-психологический тонус*²

Имея в виду **общее настроение, тон** состоявшихся дискуссий, можно сказать, что советский народ в общем и целом был *на подъеме*. Конечно, мера проявляемого респондентами энтузиазма была величиной непостоянной, зависела и от обсуждаемого предмета, и от персональной – более и менее благоприятной – житейской ситуации говорящих. Однако в большинстве случаев, даже при выражении недовольства теми или иными сторонами действительности, хорошее настроение, как правило, сохранялось и разговор шел спокойно, сдержанно, *sine iraе*.

Очевидно, одним из оснований этого позитивного эмоционального тонуса была характерная для большинства населения высокая *мера удовлетворения* своею **текущей жизнью** (ср. результаты исследований, представленных в 1-й и 2-й главах). Его другое основание – не менее высокая *мера оптимизма* людей при **взгляде в будущее**. Главная помеха счастья – война – казалась едва ли не стопроцентно устранимой. Широкая правительственная программа роста народного благосостояния давала твердую уверенность в том, что все идет к лучшему. Большинство молодых людей имело цели в жизни и было уверено в том, что эти цели будут достигнуты. И так далее.

¹ Данный факт, являющийся, в общем-то, вполне тривиальным, все же заслуживает определенного внимания, если учесть, что в активно насаждавшейся в обществе ритуалистике – в частности, при оформлении так называемой наглядной агитации в госучреждениях или украшении торжественных уличных манифестаций – неизменно фигурировали портреты *всех* членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС.

² Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 96–97, 138–140, 189–202, 278–279, 331–332, 424–427 и 504–505.

При этом (примечательный момент!), говоря о завтрашнем, лучшем дне, массы по собственной инициативе, т. е. вне задач, предусмотренных исследователями, практически не связывали свое будущее с проблематикой строительства коммунистического общества; соответствующая фразеология, упоминания о коммунизме были чрезвычайно редкими даже в опросе об уровне жизни и почти напрочь отсутствовали в опросах о семье и свободном времени. Значит, как-то получалось, что этот сюжет был у людей больше "на уме", чем "на языке"...

• *Аспект 8-й: реактивные способности*¹

В приводившихся выше комментариях данная характеристика сознания масс оценивалась прежде всего по уровню **фактической деятельности активной** людей, их реальной включенности в трудовую, общественную, культурную, семейно-бытовую, коммуникативную и иные типы деятельности². Конечно, этот показатель сам по себе весьма далек от того, чтобы характеризовать собственно сознание того или иного народа, и, более того, в известной своей части он – явная константа, отмечающая особенности не столько менталитета, сколько характера, темперамента нации. И все же – косвенным образом – в нем отражаются также и больший или меньший динамизм мышления и психики разных масс, их большая или меньшая готовность двигаться, действовать, проявлять инициативу. Поэтому-то на базе информации, полученной в опросе о свободном времени, можно утверждать, что россияне начала 60-х гг. демонстрировали в целом *сравнительно высокую витальную активность и силу*. И в части креативной и рекреативной инициатив, и в части межперсонального общения. И это, заметим, при том, что в существовавших тогда в стране политических, экономических и административных условиях социальная мобильность граждан (как вертикальная, так и горизонтальная) и даже элементарная свобода передвижений были, как известно, существенно ограниченными³.

¹ Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 105–108, 152–153, 217–221, 273–277, 329–331, 410–411, 424, 482–486 и 502–504.

² Напомним, что эта характеристика населения фиксировалась с помощью суждений-"фотографий", если речь шла об активности самих респондентов, и оценочных высказываний, если респонденты оценивали активность различных групп населения.

³ Весьма показательным в этом отношении кажется слабый интерес россиян к туризму и дальним путешествиям, проявившийся в опросах о молодежи и досуге.

Аналогичный в принципе результат прочитывается и в многочисленных заявлениях респондентов об их намерениях, их готовности тем или иным образом реагировать на соответствующие события и факты действительности, как-то действовать, чтобы решить разного рода жизненные проблемы. Хотя, понятно, такого рода **декларированное поведение** могло и не реализовываться на практике, не подкрепляться никакой реальной деятельностью, а оставаться поведением лишь на словах.

Зато вот это последнее, т. е. как раз **вербальное поведение** людей в ходе самих опросов, выводило на рассматриваемый сюжет уже самым непосредственным образом. Характерные для всех исследований внушительные объемы ответов респондентов на открытые вопросы¹ прямо и убедительно свидетельствовали о *высокой силе реактивности сознания* тогдашних россиян. По данным как минимум четырех опросов (о молодежи, "разведке будущего", семье и "Проектируем сами"²) получалось, что многие опрошенные, особенно из молодежи – вопреки расхожим представлениям об исторической малоподвижности россиян, их былинной верности "сидению сиднем", – были вполне *расположены и к динамике*, к разного рода инновациям, во всяком случае, охотно поддерживали многие новые, в том числе не совместимые с национальными традициями, формы труда и быта. И наконец, семиотика (лексика, интонация) многих ответов проливала немалый свет на *качественные особенности самих реакций* людей на события и факты действительности, характеризовала свойства менталитета масс, проявлявшиеся в процессе общения людей друг с другом.

Наиболее примечательными в ряду таких особенностей и свойств, на взгляд автора, в тогдашнем советском обществе были: в общем и целом вполне взвешенное, спокойное, без радикальных крайностей отношение к большинству обсуждавшихся сюжетов; склонность к резонерству, морализаторству, чтению нравоучений всем и каждому; доходящая до прямого экстремизма нетерпимость к инакомыслию в сферах идеологии и морали при одновременном попустительском отношении к привычным формам негативного поведения в труде и быту; нескрываемая страсть к бесцеремонному вмешательству в чужую жизнь и публичным судилищам (ср. пресловутые разбирательства "персональных дел") над провинившимися.

¹ Они измерялись общим количеством ответов на один вопрос и средним размером <длиной> одного ответа.

² См. Приложение 10.

И совершенно особая статья – отношение к внешнему миру, реакции на события и персонажи из-за рубежа. Открытая агрессивность по отношению к классовому врагу-"империалисту"; переходящая в глухую враждебность подозрительность к чужеземному образу жизни; смутная настороженность в отношении малопонятных явлений зарубежной культуры; заученное дружелюбие и лозунговая солидарность, адресованные соратникам по "борьбе за мир и прогресс"; и над всем этим ни на чем не основанное, но неизменное – то простодушное, то, чаще, чванливое – козыряние превосходством Советского Союза и советского человека над всем иностранным – таков широкий спектр поведенческих манер тогдашних россиян в рамках оппозиций "мы – они", "социализм – капитализм".

- *Аспект 9-й: структура сознания в терминах "монизма/плюрализма"*¹

В практике деятельности ИОМ "КП" данная характеристика сознания масс проявила себя сколь остро, столь и разнообразно. Однако, вне всякого сомнения, по тем временам – а именно в эпоху, когда не только идеология, но и социальная наука категорически настаивали на безраздельном господстве в советском обществе феномена *морально-политического единства народа*, – главным результатом проведенных исследований было, конечно же, установление факта **устойчивой и ярко выраженной дифференциации взглядов людей как нормы** в состоянии массового сознания. Среди опросов не было ни одного, где бы этот факт не подтверждался более или менее широким образом. При этом речь шла подчас не только о множественности мнений, точек зрения по тем или иным отдельным, конкретным вопросам, не просто о тривиальных, естественных различиях в каких-то частных симпатиях и антипатиях, влечениях и увлечениях (в соответствии с формулой "на вкус и на цвет..."), но и о несовпадении широких, принципиальных позиций, связанных со сферами интересов масс, их ценностными ориентациями и жизненными установками, описываемыми в терминах "смысла жизни". Отмечающее наличие в обществе определенного *идеологического плюрализма* последнее обстоятельство, понятно, наносило серьезнейший удар по названной идеологеме и вскрывало ее мифологический характер (если и не в целом, то, по крайней мере, в той ее части, которая касалась нравственного единства нации).

¹ Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 92–96, 141–144, 187–189, 266–269, 340–347, 428–430 и 506–508.

С другой стороны, проведенные исследования зафиксировали в качестве столь же бесспорных и многочисленных факты **безусловно высокого единодушия** общественного мнения в стране. Среди опросов снова не было ни одного, где хотя бы в части обсуждаемых сюжетов общая точка зрения не объединяла от 52,8 до 98,6% респондентов¹. И эти факты свидетельствовали уже о другом – о том, что тезис идеологов о морально-политическом единстве народа не был тогда сплошным мифом, но отражал определенные реалии, а именно модели *тотального сознания*, порождавшиеся, с одной стороны, унылым однообразием, если угодно, тождественностью условий жизни большинства, а с другой – эффективным действием мощнейших механизмов идеологии и социального контроля.

В целом же рассматриваемая структура сознания россиян начала 60-х гг. может быть квалифицирована как **монистически-плюралистическая** или **плюралистически-монистическая**, в зависимости от удельного веса тех и других образцов сознания в составе высказанных мнений. В частности, среди рассмотренных исследований можно найти и такие, где преобладало единодушие мнений (ср. глава 1-я), и такие, где мнения, напротив, чаще расходились (главы 7–8), и, наконец, такие (главы 3–5), где монизм и плюрализм позиций масс были представлены примерно поровну.

Интересный момент: полученная в опросах информация, сравнительно легко объяснявшая феномен единодушия масс, не давала столь же ясного представления о том, каковы были ведущие **основания, факторы** обнаруженной **дифференциации** позиций. Достаточно очевидными тут казались лишь зависимости этого феномена от самого *предмета дискуссии*, а именно от двух его принципиальных характеристик – логического объема (меры конкретности) содержания и близости этого содержания к сфере идеологии: чем предмет брался абстрактнее и чем теснее он был связан с идеологическими ценностями, тем суждения о нем поддерживались большим числом голосов; и наоборот: чем разговор о предмете становился детальнее и чем сам предмет был "заземленнее", тем меньшее число людей имели на него одну и ту же точку зрения².

Зато что касается факторов, связанных с *социально-демографическими характеристиками* респондентов, то тут картина была в высшей степени размытой. Как и следовало ожидать, во многих случаях четко

¹ Здесь имеются в виду именно суждения-мнения; в случае суждений-"фотографий" первая цифра значительно выше.

² Подробно об этих зависимостях см. *Б.А. Грушин. Мнения о мире и мир мнений. С. 186–191.*

срабатывал признак образования; это было вполне естественно, поскольку именно уровень образования ближе всего определяет такие характеристики сознания, как общий круг интересов людей, объем их знаний о мире, способность их суждения, меру их компетентности. Однако такое наблюдалось далеко не всегда. Во многих случаях роль образования явственно перекрывалась действием факторов, отличавшихся гораздо более сложной композицией и гораздо более сложными механизмами действия, — таких, как род занятий респондентов, тип их поселений, мера включенности в предмет, семейное положение, образ жизни и др. И констатация этого факта вплотную подводила к выводу, что в качестве ведущих факторов дифференциации массовых высказываний (равно как, заметим в скобках, и деятельностного массового поведения людей) в тогдашнем советском обществе выступали не только (или даже не столько?) рассматриваемые порознь и привычные для социологии социально-демографические признаки респондентов, но и (сколько?) признаки их сознания, возникающего на пересечении множества социально-демографических признаков и характерного для *тех или иных типов масс*¹.

Помимо всего прочего это означало, что рассматриваемое советское общество, категорически настаивавшее на своей особой социалистической природе и на своих кардинальных отличиях от общества капиталистического, в действительности медленно, но верно шло по пути глобальной массовизации, т. е. превращения в общество массовое со всеми присущими ему проблемами и болезнями. Естественно, публично признать такого рода конвергенцию СССР со странами Запада в те годы в советской прессе было немислимо. Однако зарубежные журналисты, занимавшиеся анализом материалов ИОМ "КП", делали это постоянно и весьма активно².

¹ Впервые в краткой версии сюжет о решающем влиянии характеристик массового сознания на массовое поведение людей был изложен автором в статье "Логические принципы исследования массового сознания" ("Вопросы философии", 1970, № 7–8). Всестороннее же рассмотрение этого предмета состоялось в исследовательском проекте "Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов", который — под именем "Таганрогского" — был реализован в 1967–1974 гг. в Институте конкретных социальных исследований АН СССР (см. об этом в следующем томе настоящего издания — "Жизнь 2-я: эпоха Брежнева").

² К примеру, в своих комментариях к опросу о молодежи московский корреспондент западногерманской "Stuttgarter Nachrichten" Гайнц Вебер 30 марта 1961 г. писал: "Таким образом, советский опрос общественного мнения принес результаты, никак не соответствующие обычным стандартным представлениям о

• *Аспект 10-й: структура сознания в терминах "цельности/разорванности"*¹

В комментариях к отдельным исследованиям эта характеристика сознания масс занимала более чем скромное место. Будучи по определению результирующей, она, как правило, очень слабо просматривалась в границах отдельных дискуссий и предполагала обзор широких "полей" общественного мнения, имеющих дело со множеством различных предметов. Теперь настало время восполнить недосказанное.

Оценивая эту характеристику применительно к сознанию фигурировавших выше многочисленных "*частных*" масс – отличавшихся друг от друга кругом интересов, способностью суждений, отношением к обществу и т. д., – следует признать, что в подавляющем большинстве случаев **их сознание было безусловно цельным**, т. е. свободным от внутренних противоречий и конфликтов. Но то же самое надо сказать и о сознании максимально широких, "*глобальных*" масс, реализовавших в те годы, скажем так, разные универсальные типы человеческой жизнедеятельности.

Как мы видели, советское социалистическое общество в самом деле было обществом необычным, кардинально отличавшимся от множества других. Оно включало в себя не одну, а две реальности, жило двойной жизнью, функционировало в двух параллельно существовавших мирах, пользуясь двумя разными языками общения. В одном из них шла нормальная, естественная жизнь, схожая с жизнью иных обществ, во втором же реализовывались фантазии и планы, рожденные "кремлевским мечтателем" и его последователями; в первом из них люди *просто жили* – работали, добывая средства к существованию, рожали и воспитывали детей, ходили друг к другу в гости и пили водку, в другом же они *строили коммунизм* – участвовали в соцсоревновании, добываясь высших показателей в труде, воспитывали нового человека, укрепляли коллективизм... Соответственно на самом высоком уровне генерализации в составе населения различались *три типа членов этого общества*: 1) жившие в рамках исключительно первой реальности представители рода *homo sapiens*,

советской молодежи... Многие отрицательные явления и пороки, свойственные сегодняшней молодежи в СССР, о которых открыто говорится во всех ответах, доказывают, что советское государство, идя по пути индустриализации, изо дня в день сталкивается с теми же проблемами, что и Запад. Более того, они свидетельствуют о том, что здесь имеются также проблемы, которые у нас, на Западе, давно уже разрешены..."

¹ Анализ данной характеристики массового сознания в границах отдельных глав – см. с. 111, 157–158, 222, 279, 347 и 430.

2) жившие в рамках исключительно второй реальности представители рода *homo communisticus* и 3) жившие одновременно и там и там представители рода *homo soveticus*¹. Ясно, что сознание первых двух из этих типов масс было по определению целостным (в соответствии с аналогичным – однородным – характером их бытия), тогда как в третьем случае оно, казалось, должно было бы быть болезненным, раздираемым внутренними распрями – уж слишком несовместимыми казались соединенные воедино названные реальности! Однако результаты опросов в общем и целом не подтвердили этого ожидания: в отличие от последующей, брежневской, эпохи в эпоху Хрущева дуализм бытия в принципе не сопровождался дуализмом мыслей и чувств, и потому большинство людей жило без нужды лицедействовать и лицемерить – думать одно, говорить другое, а делать третье. Напротив, их публичная речь, в том числе в рамках опросов общественного мнения, в сущности не отличалась от речи приватной и характеризовалась безусловной искренностью.

Очевидно, природа этого феномена не проста. Многие, если не большинство аналитиков, говоря о *homo soveticus*, связывают его возникновение и длительное (на протяжении многих десятилетий) существование всецело с действием двух важнейших институтов, или агентов, советского режима – ЧК (КГБ) и Агитпропа ЦК КПСС. Иными словами – исключительно с механизмами тотального социального контроля и массовой пропаганды, т. е. с различными формами физического, морально-психологического, информационного и иного *насилия* над людьми, включая такой специфический вид последнего, как самоцензура – контроль людей над содержанием собственного сознания. На самом же деле в этих процессах с не меньшей активностью участвовал и еще один, третий, агент – сам советский/российский народ, в том числе – не в последнюю очередь – и в силу своей традиционной склонности к мифотворчеству и мифопочитанию.

¹ Имея в виду эту глобальную классификацию масс, необходимо учитывать три важные вещи: во-первых, что она по своему содержанию и своим границам принципиально *не совпадает* с описанным выше делением советских людей на адептов власти, умеренных конформистов и нонконформистов; во-вторых, что малоисследованный тип *homo communisticus*, возникнув еще в XIX веке, встречался не только в СССР, но с самого начала имел *интернациональный* характер и в эпоху Хрущева активно действовал на всемирной арене в составе так называемого Международного коммунистического и рабочего движения; и в-третьих, что охватывающий заведомое большинство (возможно, даже абсолютное) членов советского общества, тип *homo soveticus* – вопреки господствующему представлению – был в составе этого общества отнюдь *не единственным*, а лишь одним из трех названных.

Конечно же, в самом начале пути, в первые годы Октябрьской революции, а также впоследствии, по ходу "строительства коммунизма", какая-то часть народа и оказалась (была) прямой жертвой страха и обмана. Однако основная масса представителей вида *homo soveticus*, особенно во втором, третьем и последующих его поколениях, приняла (принимала) "вторую реальность" в том числе и *безусловно добровольно*, с усердием (а не только из-под палки) участвуя в программе ее реализации и получая от этого участия немалые и вполне ощутимые (а не только обещаемые пропагандой) блага.

Именно это последнее обстоятельство – наличие у масс живого, неподдельного, в том числе и чисто материального, интереса к "строительству нового общества", причем интереса, до поры до времени этим строительством с лихвой удовлетворяемого, – и было основой возникновения (не в пробирке, а на территории огромной страны), если угодно, новой породы или разновидности людей. Сохранявшие анатомию и физиологию *homo sapiens*, новые особи существенным образом отличались от своих прародителей как раз своим менталитетом – общим образом своих мыслей и чувств, а также специфически советскими механизмами восприятия мира и специфически советской же логикой оценки вещей¹. Раз возникнув, этот менталитет передавался далее с молоком матери, поддерживался всей системой общественного воспитания новых поколений и (снова подчеркнем: до поры до времени) без труда обеспечивал бесконфликтное соединение в сознании людей представлений о "простой жизни" и "борьбе за коммунизм"². Ведь советские люди не только ис-

¹ Вспомним в этой связи жителей страны Оз, придуманных американским писателем Фрэнком Л. Баумом и известных в России по книге-пересказу Н. Волкова "Волшебник изумрудного города". Те, как мы помним, с момента рождения до момента смерти принуждены были носить зеленые очки, задававшие им – по злой воле их правителя – особое видение действительности, и пребывали в заблуждении относительно реальных красок мира до той поры, пока не освободились от власти "Великого и Ужасного". С советскими же людьми случилась похожая, но с иным окончанием история: нацепленные на них большевиками в 1917 г. очки постепенно превратились в линзы, а те переросли в роговицу глаз и стали вполне естественным элементом человеческого организма. Освободиться от этого рода катаракты миллионам россиян, как мы убеждаемся на каждом шагу, не удастся и до сих пор, почти полвека спустя после смерти собственного "Великого и Ужасного".

² Впрочем, иногда массы явно хотели продемонстрировать свой повышенный интерес к "первой реальности" в пику "второй". Не поэтому ли всего лишь 1295 читателей "КП" приняли участие в газетном опросе о движении за коммунистический труд, в то время как в опросе о проблемах семьи свыше 12 тысяч, а в

кренне верили в рай на земле, но и строили свою жизнь, действовали и поступали в соответствии с этой верой.

Иное дело – структура массового сознания в масштабах общества в целом. Тут налицо была уже очевидная трещина – явный разрыв во взглядах на мир представителей homo communisticus, с одной стороны, и homo sapiens – с другой. Последние, не поддавшись на удочку коммунистической пропаганды, не поверив в возможность земли обетованной, предпочли реализовывать не общественные, а свои собственные жизненные цели – без "коммунистического труда" и без "коммунистической морали". При этом они, понятное дело, не могли в той или иной форме не выражать своего как минимум незаинтересованного, а то и откровенно негативного отношения ко "второй реальности", в том числе в рамках непосредственного, персонального общения с ее адептами. И это обстоятельство, естественно, не могло не порождать в общем поле массового сознания **определенных напряжений**, а то и **прямых конфликтов**. В эпоху Хрущева те и другие имели преимущественно латентный характер, не нарушая мирного сосуществования несогласных сторон. Однако подчас, как это случилось, к примеру, в дискуссии об облике молодежи, скрытые напряжения вдруг прорывались наружу. Тогда высокоидейные строители нового общества принимались нещадно клеймить не разделявших их взглядов малочисленных как мещан и нигилистов, а те, не оставаясь в долгу, злобно обвиняли первых в карьеризме или наивности и глупости. И тогда становилось ясно, что, несмотря на все усилия КПСС, на десятилетия неустанного труда ее активистов, историческое противоречие между общественным и личным оставалось все же в значительных масштабах непреодоленным. И, как показала история, это было чревато немалыми опасностями для общества – теми самыми, которые в эпоху Брежнева получили свое дальнейшее развитие, а затем и вовсе обернулись полным крахом реального социализма.

P. S.

Итак, 1-я книга завершена. На ее написание, труд практически ежедневный, ушло ровно два года. И тут – под занавес – автору пора признаться, что никогда ранее текст не шел у него так мучительно тяжело. Отчасти, наверное, и из-за *обилия* эмпирического материала, который

опросе "Проектируем сами" (1964 г.) и того больше – 14 150. Последний результат в этом смысле кажется особенно показательным, учитывая довольно специфическое содержание и немалую сложность обсуждавшихся вопросов (см. приложение 10).

пришлось осмысливать и обобщать. Ясно, что и из-за непривычного, нетрадиционного способа анализа этого материала, из-за особого *угла зрения* на него, когда под общий знаменатель пришлось подводить весьма разношерстные и разнокалиберные данные. Но главное, конечно, – из-за постоянного опасения совершить ту или иную некорректность в интерпретации анализируемой **исторической фактуры**. Опасности тут встречались, без преувеличения, на каждом шагу и требовали постоянной и повышенной бдительности. При этом две из них представлялись особенно существенными. Первая – нередкая у историков арханизация или модернизация изучаемых феноменов, т. е. такое их неадекватное истолкование (читай: фальсификация), которое складывается под влиянием знаний о предшествующем и последующем развитии событий. Вторая – традиционная для социологов оценка полученной информации как информации сугубо внеисторической, т. е. относящейся исключительно к какому-то одному (данному, изучаемому) моменту времени.

Известно, что некоторые нынешние аналитики эпохи оттепели утверждают, будто бы XX съезду КПСС ни на йоту не удалось порвать с "классическим сталинизмом". Другие из них, имея в виду ту же объявленную Н.С. Хрущевым борьбу с культом личности "вождя всех народов", напротив, описывают ее не иначе как в терминах "конца коммунистической идеологии", "начала перестройки". Так вот, доверься мы при рассмотрении тогдашнего массового сознания советского народа тем или другим из названных интерпретаторов, и мы должны были бы утверждать, что россияне конца 50-х – начала 60-х гг. по своему менталитету или ничем не отличались от россиян 30-х – 40-х, или, наоборот, не имели с ними (то бишь в том числе и с самими собой!) ничего общего. И в результате возникла бы нескончаемая череда ложных представлений как в отношении рассматриваемого менталитета в целом, так и в отношении многих конкретных его составляющих.

Именно с целью избежать подобного рода ошибок автор и был вынужден все время "бежать на месте", т. е. то и дело возвращаться к уже написанному, без конца перечитывать свои комментарии к эмпирическим данным и без конца же сверять их с содержанием таблиц и мнениями pro и contra. С помощью многократной чистки текста хотелось как раз добиться, с одной стороны, того, чтобы каждый феномен вчерашнего дня был оценен не с позиций дня сегодняшнего или позавчерашнего, а в его **собственном историческом контексте**, а с другой – чтобы этот контекст понимался не в отрыве от вчерашнего и завтрашнего дней рассматриваемого явления, а, напротив, как способ его **перехода от состояния прошлого к состоянию будущему**.

В этом своем последнем намерении автор прямо следовал высказанному в годы той же хрущевской оттепели (1959) совету своего любимого поэта-философа Леонида Мартынова:

*Ты
Не почитай
Себя стоящим
Только здесь вот, в сущем,
В настоящем,
А вообрази себя идущим
По границе прошлого с грядущим.
О, граница прошлого с грядущим!*

А вот в какой мере этот совет удалось реализовать в книге – об этом уже судить читателю.

7 сентября 2000 г.

◆ К предисловию

Приложение 1. Общий список исследований, проведенных Институтом общественного мнения "Комсомольской правды" в 1960–1964 гг.

1. Удастся ли человечеству предотвратить войну? – 1960, май, опрос населения Европейской части СССР, 1000 чел.
2. Динамика и проблемы уровня жизни населения. – 1960, август–сентябрь, всесоюзный опрос населения, 1399 чел.
- 3, 4. Что собой представляет нынешняя молодежь? – 1961, январь–март, опросы читателей газеты и избранных авторитетов страны, 17 446 чел. и 100 чел.
- 5, 6. Итоги и перспективы движения за коммунистический труд. – 1961, август–ноябрь, всесоюзный опрос коллективов коммунистического труда и опрос читателей газеты, 367 коллективов и 1295 чел.
7. Проблемы советской семьи. – 1961, декабрь – 1962, февраль, опрос читателей газеты, 12 104 чел.
8. Знакомство детей с лексикой взрослых, отражающей исчезнувшие и "пережиточные" явления в жизни общества. – 1962, январь–февраль, межрегиональный опрос школьников 3-х классов, 1000 чел.
9. Во имя чего Вы учитесь? – 1962, май–сентябрь, опрос студентов МГУ (Москва) и Сорбонны (Париж), 1300 чел. [не завершен]
10. Мир ценностей советской молодежи (На Марс – с чем?). – 1963, март–апрель, опрос читателей газеты, 6425 чел.
- 11, 12. Объем, структура и актуальные проблемы свободного времени горожан. – 1963, январь–ноябрь, всесоюзный опрос населения и опрос читателей газеты, 2730 чел. и 10 392 чел.
13. Проектируем сами. – 1964, июнь–июль, опрос читателей газеты, 14 150 чел.

Приложение 2. Библиография публикаций в "Комсомольской правде", связанных с деятельностью ИОМ "КП" в 1960–1964 гг.

• К открытию ИОМ "КП"

1. Институт общественного мнения "Комсомольской правды". – 19.05.1960, с. 1

• Исследование 1. Удается ли человечеству предотвратить войну?

1 (2). *Б. Грушин, В. Чикин*. Удается ли человечеству предотвратить войну? – Да! – отвечает тридцатый меридиан [Итоговый материал]. – 19.05.1960, с. 1–3

• Исследование 2. Динамика и проблемы уровня жизни населения

1 (3). Как изменился уровень вашей жизни? На этот вопрос отвечают 1399 советских граждан [Ответы на анкету]. – 07.10.1960, с. 2

2 (4). *Б. Грушин, В. Чикин*. Как изменился уровень вашей жизни? О чем рассказали анкеты [Итоговый материал]. – 07.10.1960, с. 1–4

3 (5). Радостные итоги, ценные предложения. Результаты опроса комментируют председатель ГК СМ СССР по делам строительства В.А. Кучеренко, председатель ГК СМ СССР по вопросам труда и заработной платы А.П. Волков и замминистра торговли РСФСР Д.Д. Королев. – 08.10.1960, с. 1–2

• Исследования 3–4. Что собой представляет нынешняя молодежь?

1 (6). Что вы думаете о своем поколении? [Анкета]. – 06.01.1961, с. 1

2 (7). Что вы думаете о своем поколении? [Ответы на анкету]. – 11.01.1961, с. 2

3 (8). Молодое поколение о самом себе [Ответы на анкету]. – 26.01.1961, с. 2–3

4 (9). Что вы думаете о своем поколении? [Обсуждение ответов на анкету]. – 24.02.1961, с. 3

5, 6 (10, 11). Старшее поколение о нашей молодежи [Ответы на анкету]. – 16.03.1961, с. 1–3 и 28.04.1961, с. 2–3

7, 8 (12, 13). *Б. Грушин, В. Чикин*. Исповедь поколения [Итоговый материал]. – 21.07.1961, с. 1–4 и 22.07.1961, с. 2–3

- Исследования 5–6. Итоги и перспективы движения за коммунистический труд
 - 1 (14). Что вы думаете о разведчиках будущего? [Анкета]. – 16.08.1961, с. 2
 - 2–4 (15–17). Что вы думаете о разведчиках будущего? [Ответы на анкету]. – 23.08.1961, с. 2; 30.08.1961, с. 2 и 23.09.1961, с. 2
 - 5 (18). *Б. Грушин, В. Чикин*. Разведка и наступление [Итоговый материал]. – 14.09.1962, с. 1–3
 - 6 (19). *Т. Громова*. Сердце не на месте. – 27.12.1962, с. 2
- Исследование 7. Проблемы советской семьи
 - 1 (20). Ваше мнение о молодой семье? [Анкета]. – 10.12.1961, с. 4
 - 2, 3 (21, 22). Ваше мнение о молодой семье? [Ответы на анкету]. – 17.12.1961, с. 2 и 06.01.1962, с. 1, 4
 - 4 (23). *Т. Власова*. Любовь и годы. – 24.12.1961, с. 4
 - 5 (24). *П. Неверов*. Труд и долг. – 23.01.1962, с. 4
 - 6 (25). *Е. Гортинский*. Ваше мнение о молодой семье? – 25.03.1962, с. 2
 - 7 (26). *М. Халфина*. Два слепых сердца. – 30.05.1962, с. 2
 - 8 (27). *Б. Грушин*. "Поэзия" и "проза" семейной жизни. – 09.07.1964, с. 4
- Исследование 8. Знакомство детей с лексикой взрослых, отражающей исчезнувшие и "пережиточные" явления в жизни общества
 - 1 (28). От девяти до десяти... 1000 детей о 50 словах. [Вкл. *Лев Кассиль*. Их глазами; *Г. Ронина, Т. Громова*. Отнесемся серьезно!] – 02.08.1964, с. 4
- Исследование 9. Во имя чего Вы учитесь?
 - 1 (29). Мы раздвинем границы познания [Ответы на анкету]. – 01.09.1962, с. 2–3
- Исследование 10. Мир ценностей советской молодежи (На Марс – с чем?)
 - 1 (30). На Марс – с чем? [Анкета]. – 01.03.1963, с. 4
 - 2, 3 (31, 32). На Марс – с чем? [Ответы на анкету]. – 17.03.1963, с. 4 и 12.04.1963, с. 2–3
 - 4 (33). Октябрь, Космос, Мир [Ответы на анкету зарубежных читателей]. – 18.06.1963, с. 4

5–8 (34–37). *Г. Оганов, В. Чикин*. На Марс – с чем? О времени и о себе [Итоговый материал]. – 20.10.1963, с. 1–3; 22.10.1963, с. 2, 4; 23.10.1963, с. 2–3 и 24.10.1963, с. 3–4

• Исследования 11–12. Объем, структура и актуальные проблемы свободного времени горожан

- 1 (38). Как вы проводите свободное время? [Анкета]. – 04.01.1963, с. 4
2, 3 (39, 40). Как вы проводите свободное время? [Ответы на анкету]. – 11.01.1963, с. 4 и 20.01.1963, с. 2
4 (41). Жить нельзя "просто-напросто" [Отклики на ответы на анкету]. – 25.01.1963, с. 4
5 (42). *А. Шалаев*. Призвание – гражданин. – 17.02.1963, с. 1–2
6 (43). Единым человеческим общежитием [Комментарии к ответам на анкету]. – 22.02.1963, с. 2
7 (44). *Т. Громова*. А пока жду... – 27.03.1963, с. 2
8 (45). *Н. Долинина*. Когда учитель смотрит на часы. – 26.05.1963, с. 2–3
9 (46). *А. Перемыслов*. Коммуны дома прорастают. – 07.06.1963, с. 2–3
10 (47). *В. Поляничко*. Приходите в дом счастливых. – 21.08.1963, с. 2
11 (48). *А. Егоров*. Поднимите перчатку, Илья Ильич! – 24.11.1963, с. 2–3
12 (49). *Т. Громова, Г. Ронина*. Когда время занято нами. – 27.11.1963, с. 2–3
13 (50). Искусство жить – в умении ценить время [Ответы на анкету представителей старшего поколения]. – 08.01.1964, с. 1, 3
14 (51). Только вперед, за бегущим днем! [Ответы на анкету представителей старшего поколения]. – 30.01.1964, с. 3
15–17 (52–54). *Б. Грушин*. Как вы проводите свободное время? [Итоговый материал]. – 24.02.1966, с. 1, 3–4; 25.02.1966, с. 3–4 и 26.02.1966, с. 3–4

• Исследование 13. Проектируем сами

- 1 (55). Проектируем сами [Анкета]. – 26.06.1964, с. 4
2, 3 (56, 57). Проектируем сами [Ответы на анкету]. – 10.07.1964, с. 4 и 12.09.1964, с. 4
4 (58). Проектируем сами [Ответы на анкету и итоги опроса]. – 28.10.1964, с. 4

Приложение 3. Библиография прочих публикаций, связанных с деятельностью ИОМ "КП" в 1960–1964 гг.

• Деятельность ИОМ "КП" в целом

1. *Б. Грушин*. Институт общественного мнения "Комсомольской правды". В: "Вопросы организации и методики конкретно-социологических исследований". М.: Росвузиздат, 1963. С. 193–201.
2. *В.А. Gruschin*. Probleme der Representation bei der Erforschung der öffentlichen Meinung. – "Deutsche Zeitschrift für Philosophie", 1964, # 7. S. 808–828.
3. *Б. Грушин*. К проблеме качественной репрезентации в выборочном опросе (из опыта работы Института общественного мнения "Комсомольской правды"). В: "Опыт и методика конкретных социологических исследований". М.: Мысль, 1965. С. 61–107.
4. *Borys Gruszyn*. O przedmiocie opinii publicznej. – "Studia sociologiczne", 1966, # 2 (21). S. 21–56.
5. *Б.А. Грушин*. Мнения о мире и мир мнений. Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967.

• Исследование 1. Удастся ли человечеству предотвратить войну?

- 1 (6). *Б. Грушин, В. Чикин*. Во имя счастья человеческого. М.: Правда, 1960. С. 5–35.

• Исследование 2. Динамика и проблемы уровня жизни населения

- 1 (6). *Б. Грушин, В. Чикин*. Во имя счастья человеческого. М.: Правда, 1960. С. 36–86.
- 2 (7). *Ю. К.* В статистической секции Московского дома ученых. – "Вестник статистики", 1961, № 6. С. 82–84.

• Исследования 3–4. Что собой представляет нынешняя молодежь?

- 1 (8). *Б. Грушин, В. Чикин*. Лицо поколения. М.: Правда, 1961.
- 2 (9). *Б. Грушин, В. Чикин*. Исповедь поколения. М.: Молодая гвардия, 1962.
- 3 (10). *Б. Грушин*. Взгляд в будущее. – "Проблемы мира и социализма", 1962, № 10. С. 27–34.
- 4 (11). *В. Grouchine*. Du nouveau au sein de la jeunesse sovietique. – "La nouvelle critique", # 144, avril 1963. P. 38–64.

5 (12). В. Чикин. Наследники великих свершений. – "Коммунист", 1964, № 7. С. 97–106.

• Исследования 5–6. Итоги и перспективы движения за коммунистический труд

1 (13). Б. Грушин, В. Чикин. Проблемы движения за коммунистический труд в СССР. – "История СССР", 1962, № 5. С. 17–44.

• Исследование 7. Проблемы советской семьи

1 (14). Б. Грушин. "Слушается дело о разводе..." О так называемых "легкомысленных браках". – "Молодая гвардия", 1964, № 6. С. 164–191 и № 7. С. 255–282.

• Исследование 10. Мир ценностей советской молодежи (На Марс – с чем?)

1 (15). Г. Оганов, В. Чикин. На Марс – с чем? М.: Правда, 1963.

• Исследования 11–12. Объем, структура и актуальные проблемы свободного времени горожан

1 (16) Б. Грушин. Свободное время: Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. М.: Правда, 1966.

2 (17). Б. Грушин. Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967.

3 (18). В. Grushin. Problems of Free Time in the USSR (A Sociological Study). М.: AP Novosti, 1969. [издана также на французском, немецком и испанском языках].

Приложение 4 [к главе 2]. Комментарии к результатам опроса руководителей министерств и ведомств СССР и РСФСР

Учитывая, что предложения участников опроса отражали жизненный опыт населения и могли быть полезны в практике хозяйствования, Институт общественного мнения "Комсомольской правды" обратился к ряду руководителей Государственных комитетов и министерств с просьбой прокомментировать результаты опроса и высказать свое отношение к предложениям, связанным с решением проблем материального благосостояния.

Ниже приводятся высказывания председателя Государственного Комитета Совета Министров СССР по делам строительства *В.А. Кучеренко*, председателя Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы *А.П. Волкова* и первого заместителя министра торговли РСФСР *Д.Д. Королева*, опубликованные на страницах "КП" 8 октября 1960 г.

В.А. КУЧЕРЕНКО

председатель Государственного Комитета
Совета Министров СССР по делам строительства

Итак, жилищное строительство названо проблемой номер один. Что можно сказать по этому поводу?

Строим мы много. Сейчас как никогда много. Но потребность людей в жилищах остается все еще очень острой. Это объясняется не только интенсивным ростом населения вообще и городского в частности; это связано прежде всего с огромными потерями жилья в годы фашистского нашествия, а также с крайне неудовлетворительным состоянием фонда, полученного нами в наследство от дореволюционной России.

И все же данные "Института" радуют. Радует то, что каждый двенадцатый из опрошенных уже получил новую квартиру, радуют и те сотни предложений, которые высказаны советскими людьми с целью быстрого решения проблемы.

Темпы строительства у нас исключительно высоки. Они возросли особенно резко за последние три года, в результате претворения в жизнь постановления ЦК КПСС и Совета Министров "О развитии жилищного строительства в СССР" и решений XXI съезда партии. Эти документы впервые в истории человечества поставили задачу – в течение ближайших 10–12 лет окончательно решить жилищную проблему в стране. И она будет решена! Проведите подобный опрос в 1967 году, и вы получите удивительные результаты: за семь лет каждая вторая советская семья справит новоселье.

Товарищи говорят о необходимости и дальше наращивать темпы строительства, причем большинство из них настаивает на самом широком внедрении в строительство индустриальных методов, на усиленном развитии промышленности стройматериалов. Это абсолютно правильно. Мы считаем такой путь главным. И нужно сказать, в стране сейчас ведется огромная работа в этом направлении: за последние пять лет, по существу, заново создано промышленное производство сборного железобетона, внедрено крупнопанельное домостроение на основе типовых проектов и т. д.

В явном противоречии с этими предложениями находятся высказывания о развитии индивидуального строительства. Конечно, его еще рано совсем сбрасывать со счетов, особенно в деревне. Но совершенно очевидно, что, несмотря на кажущиеся плюсы, этот путь несравненно менее эффективен. Малоэтажность связана с увеличением расходов стройматериалов, с увеличением инженерных коммуникаций, т. е. с удорожанием работ. Мы должны решительно возразить товарищам, предлагающим развивать индивидуальное строительство в городах. Да и жителям села следует активнее идти по линии общественного строительства разумно спланированных поселков нового типа.

Теперь о привлечении к строительству самого населения. Здесь действительно два разных вопроса. Во-первых, использование денежных средств населения. Целесообразнее всего они могут быть использованы в форме кооперативного строительства многоквартирных капитальных домов. В 1958 году Советом Министров СССР было принято по этому поводу специальное постановление. И надо сказать, что форма кооперации получает сейчас развитие. Это подтверждают данные опроса.

Что же касается дополнительного использования рабочей силы, то это вопрос сложный. Ревизор правления Госбанка из Московской области говорит о повышении производительности труда, когда на стройке работают заинтересованные люди. Как сказать! Одной заинтересованности тут мало. Необходимы еще профессиональная квалификация, технические знания, навыки. Во всяком случае, чем больше мы будем внедрять на стройках индустрию, тем меньше там будет оставаться места для так называемых "подсобников" и "разнорабочих".

С другой стороны, подобные предложения нельзя оставить без внимания. Конечно, будущие жильцы дома немало могут сделать для ускорения строительства. Стоит, например, подумать о привлечении их к завершающим работам (отделка, очистка от строительного мусора помещения и территории, озеленение и благоустройство дворов и т. д.). Если бы будущие жильцы принимали участие в приемке здания, то это также способствовало бы улучшению качества работ.

Нельзя не поддержать предложений товарищей, настаивающих на создании больших жилищных удобств. По указанию партии и правительства два года назад мы перешли на строительство экономичных, благоустроенных квартир, рассчитанных на одну семью. В результате всесоюзного конкурса было разработано несколько новых типов квартир. Из них основным в строительстве является двухкомнатная квартира с жилой площадью в 31–32 кв. метра и подсобной – в 12–14 кв. метров. Для одиноких и молодоженов предназначены типовые дома с отдельными комнатами в 9–15 кв. метров и общими обслуживающими помещениями (дома гостиничного типа).

Материалы массового обследования домов, сданных в эксплуатацию в 1958–1959 г., показали, что переход на односемейное заселение квартир решается у нас успешно. В тысячах домов, построенных по новым типовым проектам, 95 процентов семей получили отдельные квартиры. К сожалению, местные органы не всегда правильно относятся к подбору типов квартир, в частности, мало строят жилых домов для одиноких и малосемейных людей (в том числе молодоженов); это и приводит к тому, что квартиры, рассчитанные на одну семью, заселяются несколькими семьями.

Наконец, надо сказать и о строительстве детских учреждений. Эта проблема не случайно была выдвинута опрошенными в число первых трех: роль общественных форм воспитания детей за последние годы в нашей стране значительно возросла.

Многие товарищи ставят вопрос о резком увеличении темпов строительства садов и яслей. Это справедливо. Государство использует сейчас все возможности для максимального расширения сети детских дошкольных учреждений. Достаточно напомнить, что в каждый год семилетки вводится в среднем 315 тысяч мест – в три с половиной раза больше, чем в 1951–1955 гг.

Говоря о планировке детсадов и яслей, тов. Г-в, конструктор из Москвы, и некоторые другие товарищи предлагают строить их не в больших домах, а отдельными зданиями. Правильная мысль! Так и нужно делать.

Кстати, в этой связи в несколько ином свете выступает и проблема привлечения к строительству дополнительной рабочей силы, выдвигаемая З.В. С-ой, сортировщицей из г. Гусь-Хрустальный, и другими. Поскольку сады и ясли будут строиться в виде небольших зданий, возможности участия населения в строительстве увеличиваются. Практически тут все будет зависеть от самодеятельности и инициативы общественных организаций и местных органов власти.

А.П. ВОЛКОВ

председатель Государственного Комитета
Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы

Мероприятия последних лет, осуществляемые Коммунистической партией и Советским правительством с целью повышения жизненного уровня нашего народа, уже приносят реальные плоды. Об этом ярко говорят результаты опроса, проведенного Институтом общественного мнения "Комсомольской правды". Абсолютное большинство людей, заполнявших анкеты, отметило, что жизненный уровень трудящихся в Советском Союзе из года в год заметно повышается.

313 человек из 1024 важнейшей причиной повышения своего жизненного уровня называют рост денежной заработной платы. Это вполне закономерно. Ведь отличительная особенность сегодняшнего дня – рост зарплаты у самых широких категорий трудящихся. Так, в 1959 году заработная плата рабочих увеличилась по сравнению с 1956 годом в угольной промышленности в среднем на 26 процентов, в черной металлургии – на 14, в цветной металлургии – на 21, на предприятиях химической промышленности – на 20,7 процента и т. д. Ясно, что в связи с отменой налогов с рабочих и служащих доходы многих трудящихся будут еще более высокими.

В настоящее время партия проводит последовательную линию на сближение уровней заработной платы низко- и высокооплачиваемых работников на основе главным образом повышения зарплаток низко-, а также среднеоплачиваемых трудящихся. В отраслях тяжелой промышленности, где такое упорядочение уже проведено, численность рабочих и служащих с месячным окладом до 600 рублей уменьшилась более чем в 2 раза, в том числе в угольной промышленности – в 4,6 раза, в черной металлургии – почти в 3 раза.

Как и следовало ожидать, некоторая часть людей, опрошенных "Комсомольской правдой", отметила понижение жизненного уровня в связи с сокращением заработной платы. Это понятно. Упорядочение предполагает не только повышение зарплаты, но и устранение известных несоответствий и излишеств в заработках отдельных, главным образом высокооплачиваемых, работников. Именно об этом говорится в ряде анкет.

Среди ответов встречается несколько таких, где речь идет о снижении заработной платы в связи с пересмотром тарифных расценок. В чем тут дело? При упорядочении зарплаты вводятся единые условия оплаты труда, внедряются технически обоснованные нормы, разрабатываются единые по отрасли тарифно-квалификационные справочники и

схемы должностных окладов. Если заработок, получаемый ранее, в результате имевших место недостатков в организации заработной платы не соответствовал затраченному труду, то естественно, что он должен снизиться, иначе никакого упорядочения не может быть достигнуто.

Следует подчеркнуть, что это уменьшение может быть временным, так как работник может повысить производительность труда, свою квалификацию и обеспечить тем самым дальнейший рост своей заработной платы. Разумеется, нельзя допускать неоправданного уменьшения заработной платы рабочих, которое может произойти там, где проведена недостаточная подготовка к переходу на сокращенный рабочий день.

Теперь о предложениях товарищей. Ряд вопросов дальнейшего совершенствования заработной платы уже решается практически. Например, М. Н-н – мастер из Таганрога, М. Т-н – шахтер из Коми АССР и другие говорят о повышении заработной платы строителям. Но это уже делается в ходе упорядочения, так как тарифные ставки 1-го разряда повышаются в строительстве до 560 рублей, а средняя заработная плата увеличится примерно на 12,3 процента. Большинство строителей переходит на новые условия оплаты труда в IV квартале 1960 года.

Некоторые опрошенные пишут о необходимости повышения заработной платы работникам непроизводственных отраслей – просвещения, торговли, бытового и коммунального обслуживания. Мнение это справедливо и уже учтено. В ближайшие два года у этих работников вместе с упорядочением заработной платы будет проведено и некоторое ее повышение.

Касаясь вопроса упорядочения зарплат, некоторые товарищи, подобно Я.В. И-ой – врачу-лаборанту из Норильска, с полным основанием указывают на необходимость дальнейшего сокращения управленческого аппарата и привлечения служащих к созидательному труду на производстве.

Отдельно хотелось бы остановиться на предложениях по сокращению рабочего времени. Некоторые из опрошенных, особенно женщины, ставят вопрос о переводе на сокращенный рабочий день только женщин или в первую очередь женщин. В известной степени такая постановка вопроса оправданна, но практически это осуществить очень трудно, так как в процессе производства заняты одновременно и мужчины и женщины.

С другой стороны, заслуживает внимания предложение тов. З-ой – служащей из Вильнюса – о предоставлении возможности женщинам работать половину рабочего дня и получать половину ставки, что позволит привлечь к общественному труду дополнительно известную часть женщин, имеющих детей.

Большое значение для облегчения условий труда в тех отраслях, где преимущественно заняты женщины, будет иметь новый график сменности в текстильной промышленности, по которому увеличивается количество часов в дневных сменах и соответственно уменьшается в вечерних и особенно в ночных. При этом рабочие вечерней и ночной смен получают в неделю два выходных дня при средней продолжительности недели в 41 час. Такой график введен, например, на комбинатах "Советская звезда" и "Красная нить" в Ленинграде. Он получил горячее одобрение рабочих, особенно женщин, и рекомендован Советом Министров СССР для применения его на предприятиях текстильной промышленности с трехсменной работой.

Советские люди понимают, что дальнейшее повышение жизненного уровня народа определяется прежде всего ростом производительности труда и снижением себестоимости продукции; поэтому во многих ответах Институту общественного мнения подчеркивается как первоочередная задача необходимость повышать производительность труда, внедрять на предприятиях комплексную механизацию и автоматизацию, добиваться выпуска продукции хорошего качества, ликвидировать брак в работе и бесхозяйственность. К этому и призывает Коммунистическая партия всех трудящихся.

Д.Д. КОРОЛЕВ

первый заместитель министра торговли РСФСР

Мнения трудящихся всегда являлись для нас предметом внимательного рассмотрения. Ведь торговля, как никакая другая область, тесно соприкасается с насущными потребностями людей. Поэтому мы серьезно изучили пожелания советских граждан, опрошенных Институтом общественного мнения "Комсомольской правды".

Приятно отметить, и это особенно бросается в глаза, что сегодня пожелания трудящихся уже совсем не те, что были вчера. Действительно, давайте посмотрим на заполненные анкеты. Товарищи пишут о том, что трудно еще купить телевизор, холодильник, хорошую мебель, пианино. Недостаток? Безусловно. Но этот недостаток (он, конечно, временный) служит в то же время ярким примером роста благосостояния и повышения запросов советских людей.

Правы те товарищи, которые поднимают вопрос об улучшении снабжения населения продуктами и товарами. Действительно, в наших городах и селах мало еще магазинов, приходится порой тратить время в очередях, плохо организована торговля сезонными товарами, в ряде магазинов покупатель сталкивается подчас с равнодушием продавцов. На эти

недостатки еще раз обратило внимание работников торговли недавно принятое постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О мерах по дальнейшему улучшению торговли". Это постановление – развернутая программа подъема торговли на новую, более высокую ступень.

В ближайшие 5 лет в городах и селах страны будет построено 105 тысяч магазинов. Это серьезная "поправка", внесенная жизнью в семилетний план, который предусматривал строительство 90 тысяч предприятий. Будет построено также много столовых, кафе, ресторанов, товарных складов и хранилищ для картофеля и овощей. Магазины будут не только "заселять" первые этажи новых домов – для них будут строиться и специальные отдельные здания. В крупных городах появятся торговые центры. Они предоставят населению максимум удобств – здесь можно будет купить все: мясо и овощи, туфли и пальто, телевизор и пианино. Здесь же расположатся кафе, различные ремонтные мастерские, прачечные самообслуживания и другие предприятия бытового обслуживания.

Повысить культуру торговли помогут и такие прогрессивные формы, как самообслуживание, продажа по образцам и с открытой выкладкой, доставка товаров на дом и т. д.

Во многих анкетах Института ставится вопрос о необходимости лучше изучать спрос населения, укреплять связи торговли и промышленности, магазина и предприятия. Об этом справедливо говорит инженер из Краснодара. Многие промышленные предприятия не учитывают постоянно растущих потребностей советских людей и в погоне за увеличением производства выпускают изделия устаревших фасонов и моделей, проявляют мало заботы о новых видах товаров.

В последнее время приняты меры, чтобы покончить с этим ненормальным явлением. Установлен новый, очень хороший порядок: планы производства товаров народного потребления должны составляться, исходя из заказов торгующих организаций.

Еще один важный вопрос поднимается в анкетах. Это проблема общественного контроля. Несомненно, проверка работы магазинов и столовых силами общественности будет содействовать улучшению деятельности торговой сети.

Правы те товарищи, которые подчеркивают в своих анкетах, что в торговле успех зависит от продавцов, от их квалификации, от любви к своей профессии. Здесь на помощь нам пришел комсомол. Сейчас в торговле трудится около миллиона юношей и девушек. Они проявляют большую творческую инициативу и изобретательность. И среди наших работников есть люди, имена которых произносятся с таким же уважением, как имена Валентины Гагановой, Николая Мамаева и других передовиков коммунистического труда.

Приложение 5 [к главе 3]. Фрагменты откликов читателей "Комсомольской правды" на анкету 19-летней работницы-студентки из Москвы, опубликованную на страницах газеты в январе 1961 г.

В целях повышения читательского интереса к газетному опросу и тем самым увеличения объема стихийно складывающейся выборки, ИОМ "КП" прибегнул в этом случае (как и во многих последующих) к публикации первых полученных анкет с ответами. Вторая из таких публикаций состоялась спустя две недели после начала опроса и включала в себя 13 анкет, представлявших различные позиции их авторов в отношении к своему поколению. В общей сложности эти анкеты вызвали свыше 1000 писем-откликов, при этом большинство из них было адресовано анонимной москвичке, которая высказалась о своих сверстниках в весьма критических тонах [см. анкету 10 в параграфе 2 главы 3].

Ниже приводятся типичные образцы суждений читателей газеты по этому поводу.

Дорогая сверстница! Мне понравилось ваше искреннее письмо. Напрасно вы не подписались под ним. Поверьте, немало есть девушек, которые думают приблизительно так же, как вы. Несколько лет назад я тоже думала, что люди живут ради денег, удовольствий. Теперь же я поняла, что глубоко ошибалась, и нисколько не завидую людям, которые "прожигают жизнь". Вы говорите, они пользуются жизнью и поэтому счастливы. Нет, это неправда! Они не могут быть счастливы. Да, они развлекаются, веселятся, в то время как другие работают и не могут часто попасть даже в кино. Но это им надоест очень скоро, и тогда они превратятся в равнодушных ко всему людей, уставших жить. И тогда уж ничто не будет приносить им радости.

Но вы-то чего хнычете? Неужели вы верите, что деньги – это все? Есть ли у вас цель? Почему вы хотите успешно закончить институт? Ради диплома? Ради денег? Мне столько же лет, сколько вам. У меня тоже отбили охоту к комсомольской работе. К сожалению, ее иногда поручают равнодушным да еще честолюбивым людям. Попробуйте покритиковать таких – припишут несознательность и еще бог весть какие недостатки. Я не раз пыталась делать это, да в конце концов бросила. Если бы все были сознательными, давно бы коммунизм наступил. Значит, не пришло время. Но все это не дает мне права так мрачно смотреть на жизнь, как вы. Есть же люди честные, ну вроде как бы одухотворенные, которые живут работой, творят. И таких много. Они преподают и в нашем техникуме. Послушаешь их, и хочется работать, созидать что-нибудь...

Я не знаю, на каком факультете вы занимаетесь, но думаю, что вы сами избрали его. Значит, вам должна нравиться ваша специальность,

значит, есть любимое дело. Так почему же вы скучаете? Все-таки неправда, что ваши, как вы пишете, "чистенькие" мечты свелись к деньгам. Это как-то не вяжется с вашими ответами. Наверняка вас убедили в этом взрослые или же ваши друзья, которые считают жизнь неинтересной. Не слушайте их! Я вот знакома со многими девушками, которые не думают о "выгодной партии". Конечно, я не берусь доказывать, что они вообще не думают о замужестве, но ведь это смотря как думать.

Поверьте, есть другие люди, кроме ваших знакомых, надо только уметь найти их. И только не надо идти на компромиссы с совестью. И не повторять чужих мыслей, а думать своей головой. Наверное, начитались Ремарка или же Олдингтона, ну и решили, что так все и есть в нашей жизни. А они действительно убедительно пишут. Только не нужно это применять к нам, к нашим условиям.

Ну, вот и все. Мое письмо, может быть, неубедительно, бессвязно. Я не умею писать, но очень-очень хотелось бы, чтобы вы поверили мне. Я протягиваю вам руку, будем друзьями. Если хотите, напишите, пожалуйста. Я буду ждать. Мой адрес...

[Татьяна К-ва, 19 лет, с 16 лет работала на заводе, учится в техникуме, г. Киев, Украина]

Ваши рассуждения, дорогая девушка, меня обидели. По-вашему выходит, что я никчемный человек. А я – рабочий, один из тех, кто строит будущее. Вы меня пытаетесь уверить, что я живу сегодняшним днем. Ничего подобного. Я хочу заглянуть и в завтра, и в послезавтра. Я хочу работать для будущего до тех пор, пока мои руки и моя голова служат мне. По-моему, жизнь существует не для того, чтобы чай на веранде попивать и вдыхать аромат роз, а для того, чтобы строить, созидать. А какую пользу принесет людям человек, который прожигает свою жизнь в ресторанах, болтается по Невскому, прикрывает свою гнилую обывательскую душонку модным пальто?

Жить для людей – вот, по-моему, что главное в жизни. Четыре отважных солдата совершили геройский поступок не потому, что им каждому в отдельности была своя жизнь дорога, а потому, что каждый боролся за жизнь товарища. Им были дороги своя земля, своя страна, советские люди. Ради них и Гаганова, и Мамай, и многие другие каждое рабочее утро выходят на очередной подвиг. И тот, кто работает на заводе, и тот, кто думает над созданием новых машин, и тот, кто служит в армии, – все это герои.

Вы слезно жалуетесь на свою комсомольскую организацию, но ведь это вы и ваши подруги-комсомолки превратили ее в стоячее болото. Боритесь с этим, не жалейте голосов, ругайтесь, деритесь за свою право-

ту. Если вы опустили руки и глаза у вас подернулись безразличием, то, конечно, вас будет засасывать обывательщина, вы будете ходить не по жизни, а около нее...

[В. Т-н, рабочий, г. Ленинград]

Анкета работницы из Москвы меня глубоко встревожила, и я решила написать вам. Наверное, такое состояние бывает у врача, когда он спешит к больному...

Милая девушка, вы не умеете ценить то, чем обладаете, — свою молодость. Вы, наверное, не помните самые тяжелые для нашей страны годы — годы войны. Многие из нас оставили тогда школу, потому что нужно было трудиться. Подростком я уже работала ученицей в районной библиотеке, а потом заведующей. Работать приходилось очень много, и в тяжелых условиях. Как сейчас, я вижу большой холодный зал библиотеки, на столе коптится пузырек с самодельным фитильком, а вокруг этого крохотного огонька, тесно прижавшись друг к другу, сидят "артисты". Замерзли чернила в чернильнице, руки не слушаются, не держат карандаша. Но, позабыв обо всем, они готовят концерт с такой душой, с такой любовью; ведь наши советские люди придут на него, чтобы хоть немного забыть о горе и нужде, принесенных войною.

А разве сейчас нет у молодежи того огонька, который тогда горел в душе каждого из нас? Я сужу по своим подругам и товарищам по работе. Многие девушки, окончив десятилетку, остались работать в родном колхозе. Я часто бываю на фермах, но никогда не слышала, чтобы кто-то из них сказал, что "день прошел, и слава богу", не видела и постных, унылых лиц. Мне кажется, что главным источником их бодрого настроения является то, что каждая из них с душой, с любовью относится к своим обязанностям, они чувствуют, что их жизнь полноценна... Видели бы вы, девушка, с каким энтузиазмом и самозабвением трудятся люди. Попробуйте сказать им, что они работают ради денег. Для них это прозвучит как самая тяжкая обида. Ведь разве это нельзя назвать счастьем, если чувствуешь себя полезным, нужным человеком, разве не испытываешь радости, когда узнаешь, что твои дела не прошли бесследно! Эти чувства не купишь ни за какие деньги.

Пришлось мне столкнуться и с таким человеком, для которого деньги были превыше всего. За деньги он мог продать свою совесть, родную мать, любые чувства он мерил деньгами. Об этом я узнала потом, а сначала он казался мне совсем другим и мог бы стать моим другом... Признаться, мне жаль таких людей. Они наказывают сами себя, калечат свою жизнь. Ходит такой человек по земле, ищет даровой рубль. И не имеет ничего из того, чем богата жизнь: ни семьи, ни подруги, ни любви...

мой работы. К счастью, их единицы, и засорять нашу жизнь они не могут до такой степени, чтобы это было ощутимо для общества, но хочется, чтобы совсем не было.

Я, наверное, пережила не меньше горя, чем 19-летняя москвичка, но у меня нет и тени того пессимизма и скептицизма, который сквозит в ее рассуждениях. Труд и хорошие люди помогли мне пережить самые тяжелые моменты. Сейчас моя жизнь заполнена до краев. Иногда дня не хватает. Ну, а личная жизнь? Разве воспитание ребенка не является благородным делом! Как тепло и радостно на душе, когда видишь его успехи...

[В. И-на, сельский библиотекарь, Ставропольский край]

Неизвестная землячка! Ты говоришь, что в школе была человеком энергичным, интересовалась общественной жизнью, а с поступлением на работу и в институт все пропало, так как ты не видела ни одного настоящего комсомольского дела, не видела людей, которые действительно болели бы за комсомольскую работу. А что, собственно, ты называешь настоящим комсомольским делом? Ведь почти на каждом предприятии комсомольцы и молодежь строят жилые дома, помогая народу решать жилищную проблему, дружинники охраняют общественный порядок... Разве это не настоящие комсомольские дела? Они, правда, трудные, но если ты боишься трудных дел, не говори, что их нет вообще.

"В поведении молодежи чувствуется расхлябанность и бескультурье". Это ты, вероятно, о тех, которые приглашают на "день рождения". А ты посмотри, сколько у нас молодежи занимается в кружках художественной самодеятельности, в вечерних университетах культуры, а ты одним махом сгребла всех в одну кучу, перемешав с жалкой горсткой стилиг и бездельников.

Что же касается того, что "молодежи девать себя некуда", тем более нам, москвичам, то это утверждение не укладывается ни в какие рамки. К услугам москвичей катки и лыжные базы, кино и театры, выставки и музеи... Так стоит ли стоять у Дома культуры строителей и дожидаться, пока какие-нибудь оболтусы пригласят тебя на "день рождения".

Все твои мечты сводятся к деньгам. Ради них ты готова продать такое чистое чувство, как любовь, для того чтобы приобрести материальное благополучие. Ты ставишь деньги над собой, ты признаешь их власть и со своей колокольни судишь о всех людях. Но, поверь, мы ни за что бы не хотели иметь твою любовь за деньги. Ты согласна торговать своими чувствами, и тебе, вероятно, не понять, чем руководствуются люди, которые отдают свою жизнь во имя спасения других. Ты завидуешь тем, кто не работает, потому что тебе кажется, что они пользуются всеми благами

жизни. Да, праздная жизнь с виду привлекательна, но ты подумай, чем живут эти тунеядцы, прожигатели жизни, и ты обязательно поймешь, как отвратительна их жизнь с изнанки. Что ждет их в будущем? О чем они мечтают? К чему стремятся? У них нет стремлений, нет мечты, нет будущего. Советуем тебе, сбрось с себя налет пессимизма, апатии и безразличия, и ты тогда увидишь, сколько в жизни важных и нужных дел, которые ждут наших комсомольских рук. Вложи и ты в эти дела крупицу своего труда. Посвяти себя общему делу, и ты поймешь, в чем счастье и смысл жизни.

[В. М-ов, радиотехник и Б. М-ов, слесарь, г. Москва]

Наверное, многие юноши и девушки ответят работнице из Москвы, убедят ее в том, что она не права...

Мне 21 год. Я такая же девушка, как тысячи других. Живу в Башкирии, в небольшой деревушке, состоящей всего из 17 дворов. У нас нет ни магазина, ни почты, ни клуба. Я работаю учительницей в младших классах. У меня всего 13 учеников. Порой бывает очень трудно. Трудно потому, что одна в школе, без коллектива: трудно потому, что работаю только первый год и сразу веду четыре класса; трудно потому, что никогда не жила в деревне, люблю театр, кино. Да, трудно. Но я счастлива! Счастлива, когда вижу радостные лица ребят, ведь они узнают от меня что-то новое, неизвестное им.

Если бы не мои мальчишки, то я, наверное, была бы так же пассивна и безразлична к жизни, как эта девушка из Москвы. Любовь к своему делу, к людям, которые меня окружают, дает мне силы.

[Т. Б-ая, деревня Михайловка, Башкирия]

Вот уж никогда не думал, что придется писать в редакцию. Но прочитал номер газеты за 26 января и ужасно огорчился. Если девушка из Москвы действительно так думает о нашей молодежи, то мне ее просто жаль.

Девушка! Посмотрите вокруг себя. Как много живет простых, скромных, веселых, хороших и добрых людей. Рабочие, студенты. Их много, очень много. Иногда мелькнет среди них искаженное злобой лицо хулигана, презрительная гримаса циника, иногда услышишь наглую речь пошляка. Но ведь это только иногда! Так как же можно ставить клеймо на всю молодежь, зачем бросать всем в лицо горький упрек в расхлябанности и бескультурье!? А любовь, дружбу, девичью гордость? Чем вы все это заменили? Стремлением найти мужа "с избой и коровой"?..

Скажу вам прямо, по-комсомольски: мещанская у вас логика! Трудно сразу измениться, но еще труднее жить так. Хорошо, что вы молоды, у вас еще все впереди, как и у всех нас. Судя по всему, вы искренний человек и не хотите верить тому, что написали. Это уже хорошо. Уверен, что ваши взгляды изменятся. Вы пишете, что в вашей комсомольской работе одни только взносы, собрания, бумажки. Быть может, эти бумажки и закрыли глаза вашим комсомольским вожакам. Потому они вас и проглядели. Ведь ваша анкета – это большой упрек комсомольской организации. Но кому же, как не вам, оживить комсомольскую работу, сделать ее увлекательной, радостной, полезной. Зачем топтаться на месте и ждать, когда вас "охватят мероприятием"? Комсомольцы всегда отличались своей инициативностью, критикой, стремлением интересно и содержательно жить. А те, кто помогает вам проматывать деньги, это не друзья...

Настоящих людей много, поищите их. Они рядом.

[В. К-в, студент-медик, г. Иваново]

Приложение 6 [к главе 3]. Оценки советской молодежи представителями старшего поколения. Фрагменты опроса авторитетных людей страны

Вслед за газетным опросом читателей "КП" и в развитие его главных сюжетов ИОМ "КП" обратился к ста представителям старшего поколения – авторитетным в обществе государственным и общественным деятелям, рабочим, колхозникам, ученым, педагогам, писателям, деятелям искусства – с просьбой ответить на ряд вопросов, повторяющих первый блок "молодежной" анкеты, а также касающихся проблем воспитания подрастающего поколения. Материалы этого нерепрезентативного почтового опроса не подвергались количественному анализу, но с содержательной точки зрения представляли немалый интерес и потому широко публиковались в прессе.

Ниже приводятся фрагменты результатов этого опроса (с именами респондентов в алфавитном порядке).

Вопросы анкеты:

1. Каково Ваше мнение о сегодняшнем поколении советской молодежи, довольны ли Вы им?
2. На чем основано Ваше мнение?
3. Какие черты нынешней молодежи являются, с Вашей точки зрения, наиболее сильными?
4. Какие отрицательные черты, встречающиеся у молодых людей, являются, на Ваш взгляд, наиболее распространенными?
5. Чем Вы объясняете этот факт?
6. Какую проблему воспитания молодого поколения Вы считаете самой важной в настоящее время?
7. Какие пути ее решения Вы могли бы предложить?
8. Что бы Вы хотели, основываясь на личном опыте, пожелать молодежи?

Акимов Н.П., народный артист СССР, режиссер, художник (г. Ленинград)

1–3. К молодежи я отношусь положительно. Такое свое отношение основываю на следующем:

а) Еще Марк Твен сказал: "Молодой щенок лучше старой райской птицы". И он был прав. В молодости есть некоторое обаяние.

б) Наша молодежь менее привержена к вкусам XIX века, чем большинство моих сверстников из Академии художеств. И за то спасибо.

в) Мне кажется, что наша молодежь менее терпимо настроена к ханжеству и бюрократизму, чем родители. В этом залог будущих успехов в строительстве новой жизни.

4–7. Мои претензии к молодежи:

а) Я наблюдаю некоторый сдвиг в определении молодежью своего возраста. То самосознание, которое было обычно для моего поколения в 17–19 лет, наступает сейчас в 23–25 лет. Это невыгодно. Для самой молодежи. Безответственный инфантилизм (задержавшееся детство) приносит молодежи много неприятностей.

б) Из этого инфантилизма вытекает в отдельных случаях (довольно частых) и детский нигилизм. Если мой преподаватель говорит глупости, то пропадай вся вселенная! Между тем вселенную стоит сохранить хотя бы для себя.

8. Что я желаю молодежи?

– По-хозяйски относиться к своему будущему. Многократное переселение душ не доказано, следовательно, имеет смысл позаботиться о той жизни, которая тебе отпущена.

– Не уступать в главном и принципиальном и не лезть на рожон по пустякам.

– Смело устанавливать свои, лучшие обычаи, неизвестные старшему поколению. Например, уметь веселиться без водки. Та группа молодежи, которая сумела бы установить такой обычай, принесла бы стране и самой себе великую пользу. Очень увлекательно, конечно, полететь на Луну, но еще увлекательнее суметь здесь, на Земле, установить нравы и обычаи, которые считаешь правильными. Я не знаю, какая космическая скорость нужна, чтобы оторваться от старых, глупых обычаев, но знаю: расход горючего здесь равен нулю, а напряжение воли должно быть огромно. Если бы мне сейчас было 20 лет, такая задача меня бы увлекла.

А что должны делать взрослые и старые, чтобы молодежь их радовала? Очень много:

– Относиться к ней с уважением, как к взрослым.

– Передавая традиции, сначала их отбирать. Плохие можно оставить при себе.

– Помнить, что глупые запреты только разжигают любопытство. Никогда абстрактная живопись не получила бы такого количества поклонников среди молодежи, если бы молодежь не пытались от нее оградить.

– Время от времени вспоминать, что даже мода с годами меняется, а искусство и подавно. Всякая попытка остановить время только потому, что некоторым старикам так будет удобнее, обречена на провал. Каждое

поколение имеет право в награду за свои труды и полезную деятельность шить себе брюки по своему вкусу. И сидеть на стульях, которые ему нравятся. И вешать на стены то, что хочется, а не то, что противно. А если бы случилось так, что, наперекор всем законам истории, будущее поколение усвоило бы себе все вкусы предыдущего, то это было бы катастрофой. Для всех поколений. Нелепо стремиться к такой катастрофе, даже если ты лауреат разных премий.

Надо научиться без раздражения взирать на прошлое, когда было еще неясно многое, ясное нам теперь, и так же спокойно смотреть на будущее, которое откроет нашим наследникам многое, неясное еще нам. А это станет ясным тем, кто сейчас носит название "молодежь".

Как же после этого можно относиться к молодежи? Только одним способом: с завистью.

Александров А.Д., ректор Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова, член-корреспондент Академии наук СССР (г. Ленинград)

1. Мнение у меня о молодежи хорошее. Можно сказать, что я молодежью доволен. Но слово "доволен" не подходящее. В нем есть какой-то оттенок успокоенности. А почти всегда и во всем хочется лучшего, хочется движения вперед; нельзя довольствоваться достигнутым.

2. Мое мнение основано на общеизвестных фактах и личном опыте близкого и долгого общения со студентами. Кто едет на целину, на стройки, работает в бригадах коммунистического труда? Молодежь! (Хотя, конечно, не только она.) Кто учится, живя на стипендию в тесном общении, кто пополняет творческие кадры в науке, технике, искусстве? Молодежь, студенты!

3. Сильная черта молодежи – чувство нового. Она понятна – ведь молодым принадлежит будущее, и они будут его строить. Для нашей молодежи характерна отзывчивость на призывы к новому большому делу. Пример тому – целина и успехи науки.

4. Отрицательные черты – ложная оценка жизненных ценностей, недостаточная принципиальность и ответственность. Первое включает, например, стремление к дешевым удовольствиям в ущерб серьезной культуре, нездоровые материальные интересы и т. п.

5. Объясняется это, во-первых, трудностями и противоречиями, которые есть в нашей жизни; во-вторых, присутствием таких же черт, хотя и в других формах, у старшего поколения; в-третьих, пробелами в нашей идеологической и воспитательной работе.

6. Самых важных проблем две: 1) воспитание коммунистического отношения к труду; 2) воспитание сознания личной роли и ответственности в общем деле. Говоря о коммунистическом отношении к труду, нужно понимать его глубоко, а не только как отношение к своей обязательной работе. Оно включает, в частности, потребность в умственной деятельности и, стало быть, в серьезном культурном развитии, во вдумчивом отношении к общественным проблемам.

7. Пути решения этих проблем: 1) возбуждение у молодых людей глубокого интереса, сознательного отношения к работе, стремления к совершенствованию; помощь каждому в выборе той работы, того дела, к которому он наиболее способен (в каждой сфере, в каждом случае это должно делаться по-своему, конкретно); 2) повышение требовательности; 3) развитие и предоставление инициативы; 4) совершенствование воспитательной, идеологической работы.

Все это касается и старшего поколения, ибо "воспитатель сам должен быть воспитан!" (Маркс). Отцы должны помнить: требуя чего-то от молодежи, потребуй того же от себя.

8. Желая молодым радости напряженного творческого труда, увлечения активным воздействием на жизнь; богатства духовной жизни, когда идет постоянная напряженная работа мысли и чувства; постоянного движения вперед от одного достижения к другому с полным напряжением сил. Строительство коммунизма и есть тот труд, то движение вперед, то воздействие на жизнь. Оно высвобождает силы человека и создает все лучшие и лучшие условия для еще более плодотворного и радостного труда, для безмерного обогащения духовной жизни. Едва ли нужно говорить, что творческий труд вовсе не есть привилегия так называемых "творческих работников". Речь идет о том, чтобы в работу вкладывалась душа, мысль, выдумка.

Амбарцумян В.А., президент Академии наук Армянской ССР (г. Ереван)

1. Мнение самое высокое. Убежден, что, приобретая опыт и знания, нынешнее поколение молодежи Советского Союза сыграет со временем выдающуюся роль в политической, хозяйственной и духовной жизни нашей Родины.

2. Я сталкиваюсь главным образом со студенческой молодежью и молодыми научными сотрудниками. Иногда встречаюсь и с молодыми рабочими. Как правило, у нашей молодежи большое трудолюбие и настойчивость в достижении цели сочетается с умением быстро ориентироваться в сложных вопросах науки или производства. Это обещающие качества.

3. Интерес к новому, трудолюбие, настойчивость, а в сфере обычных человеческих отношений – справедливость и человечность.

4. Хотя наши молодые люди всегда оказываются хорошими товарищами по отношению к тем, с кем им приходится непосредственно жить и работать, они подчас забывают о значении больших коллективов, членами которых являются. Это снижает разумную, сознательную дисциплину в этих коллективах. Между тем отсутствие дисциплинированности – нехорошее качество для гражданина.

5. Я не занимался поисками объяснения.

6. Воспитание дисциплинированности. В области технического образования: овладение в совершенстве техникой работы по своей специальности – в производстве, в науке, везде, где работает советская молодежь.

7. Требовательность, требовательность и требовательность. Учить работать не для рапорта, не для отчета, а прежде всего во имя самого дела. Пусть будут требовательны, в частности, родители. Пусть сами молодые люди будут требовательны к себе.

8. Что пожелать молодежи? Успеха. Успех окрыляет и создает настроение для еще более упорной работы. Конечно, я говорю не о внешнем успехе, так сказать, на "сцене жизни". Я говорю об успехах в практической работе, на производстве, в овладении специальностью, в овладении наукой. Нужно только, чтобы успех не кружил голову, как это иногда бывает, а служил основой для еще более настойчивого, терпеливого продвижения вперед.

Буркацкая Г.Е., *председатель колхоза "Радянська Украина", член Президиума Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда (село Геронимовка, Черкасская обл.)*

1–2. Современная молодежь, на мой взгляд, в большинстве своем чудесная. В нашем колхозе, к примеру, почти половина работающих – юноши и девушки, окончившие десятилетку. Это позволяет им быстро овладеть любой сельскохозяйственной специальностью, по-хозяйски использовать технику. В том, что в прошлом году наш колхоз получил 23,5 центнера зерна с гектара, 89 центнеров мяса и 466,7 центнера молока на каждые 100 гектаров угодий, безусловно, большая заслуга молодежи.

3. Наиболее сильные черты нынешнего молодого поколения – духовная зрелость, страстное желание учиться, стремление осуществить самые смелые замыслы. Следует сказать, что особенно охотно идет молодежь на стройки. Это, видимо, потому, что строительство является характерной

чертой современности или вся наша страна сейчас представляет собой огромную строительную площадку.

4. Среди некоторой части молодых людей распространенными, на мой взгляд, можно считать такие отрицательные черты: пренебрежительное отношение к труду, особенно к физическому, и отсюда – проявление паразитизма, чрезмерное увлечение зарубежной модой.

5. Это объясняется, очевидно, недостаточным уровнем трудового воспитания детей в семье, в школе, в том числе и в высшей. Такие же недостатки свойственны и некоторым производственным коллективам, где терпимо относятся к тем, кто плохо работает. С другой стороны, и повышение общего жизненного уровня трудящихся, лучшее материальное обеспечение приводит к тому, что в некоторых семьях дети вырастают барчуками, не знающими цены жизненным благам, а потому усваивающими с детства только потребительское отношение к жизни. Это все, конечно, частности – социальных причин для тунеядства у нас нет, но отсюда не следует, что мы должны ослаблять борьбу с этим позорным явлением. Совсем наоборот.

6. Самой важной проблемой воспитания молодого поколения, безусловно, следует считать воспитание уважения к труду как источнику всех богатств в нашей стране. В этом направлении очень своевременными и очень важными являются меры по перестройке народного образования, намеченные партией и правительством, а также курс на повышение роли общественности в борьбе за воспитание детей.

7. Пути решения этой проблемы предельно ясно указаны в документах Центрального Комитета КПСС и Советского правительства по вопросам воспитания молодого поколения. Работая над претворением этих документов в жизнь, мы должны больше доверять молодежи, чаще поручать юношам и девушкам самостоятельную ответственную работу, стараясь сочетать старые опытные кадры, не имеющие образования, с молодыми. Это приносит большую пользу.

8. Мне бы хотелось пожелать молодежи смелее браться за трудное дело, любить свой колхоз, завод, свое село или свой город. И любить по-настоящему, чтобы трудом своим делать его лучше, богаче, красивее. Мне помнится 1944 год, когда я возвратилась в родное село Геронимовку. Здесь до войны был богатый колхоз, а остались одни развалины. Можно было бы уехать в лучшее место, чтобы обеспечить себе более легкую жизнь. Но вместе с моими соседями-односельчанами мы превратили разрушенное врагом село в одно из лучших на Украине, а свой колхоз – в богатейший в стране. В этом самое большое наше счастье.

1. Молодежь нашей страны в огромном своем большинстве – жизне-радостные, хорошо образованные люди, с широким кругозором, с большой энергией и смелым дерзанием.

2. Мнение это основано прежде всего на личных впечатлениях от советской и зарубежной молодежи, на их сравнении. Наша молодежь имеет прекрасные достижения во всех областях труда, науки, искусства, культуры, спорта.

3. Сильные стороны нашей молодежи: высокий интеллект; способность широко мыслить; коллективизм.

4. У некоторой части молодежи – пренебрежительное отношение к простому труду ("Для чего мы учились?"), недостаточное уважение к старшим.

5. В нашей стране, как в большой богатой семье, дети иногда растут балованными и не ценят того, что им так легко достается. Образование? Специальность? А как же иначе? Они не отдают себе отчета в том, как это трудно и дорого для молодежи других стран.

6. Борьба с отрицательными явлениями в сильном, организованном коллективе советских людей – это, по-моему, не проблема. Причину недостатков я вижу прежде всего в том, что у нас есть значительный процент семей, где детям уделяют мало внимания из-за того, что все взрослые работают. Отсюда и малая требовательность в семье. Возместить это можно усиленным вниманием к вопросам воспитания (а не образования) во всех учебных заведениях, прежде всего в школах.

7. Вероятно, следует больше внимания уделять организации досуга молодежи. Мне, по моей специальности, прежде всего хочется сказать о спорте. Мы, тренеры и преподаватели, сейчас в основном занимаемся с теми, кто проявляет способности в спорте, может выполнить высокий разряд, выступить в соревнованиях. Если же у нас в группах есть "малоспособные", но аккуратно, с охотой занимающиеся юноши и девушки, то многие удивляются: "Зачем тренер держит их?" Так огромная масса молодежи, которая хочет заниматься спортом просто для того, чтобы стать сильнее и красивее, чтобы культурно и с пользой провести время, представляется сама себе, не вовлекается в активные занятия спортом.

По-моему же, каждый человек должен быть приучен к спорту с молодых лет, только тогда он будет по-настоящему здоров. К тому же спортивный коллектив – это прекрасный и требовательный воспитатель.

8. Учитесь мечтать и дерзать. В нашей стране самые смелые мечты претворяются в живые дела, если они подкреплены большим и настойчивым, целеустремленным трудом.

Исаковский М.В., поэт (г. Москва)

1. Подавляющим большинством нынешней советской молодежи я безусловно и вполне доволен. Это все молодежь здоровая, чистая в своих помыслах и стремлениях, талантливая – одним словом, хорошая или даже отличная.

2. Это мое мнение основано главным образом на личных наблюдениях, отчасти же на рассказах других лиц и отчасти на материалах, почерпнутых мною из нашей печати.

3. Наиболее сильные черты: стремление на деле добиться намеченной цели (причем цель ставится хорошая, высокая, благородная); вера в будущее; трудолюбие; любовь к Родине; большая тяга к знаниям; товарищество.

4. Об отрицательных чертах. Нежелание у некоторых работать (частичное или полное): мол, работа дураков любит, а мы не дураки; тяга к легкой жизни, желание возможно больше взять от общества и возможно меньше дать ему; боязнь всяких трудностей (отсюда нежелание ехать в деревню из городов, особенно из Москвы; отсюда стремление молодежи из деревни непременно в город); подражание некоторым молодым людям "золотой молодежи" Запада; преклонение перед границей (причем не перед действительными ценностями – материальными или духовными, созданными за границей, а перед всякой мишурой, перед всякой дрянью); хамское отношение к девушкам и слишком вольное поведение некоторых девушек; хулиганство во всех его видах и проявлениях.

5. Причин тут, по-моему, много: влияние чуждой нам буржуазно-мещанской среды; оно идет и извне, оно есть, к сожалению, и внутри нашей страны – мещан по своей внутренней сущности у нас, к сожалению, еще немало; причина и в том, что некоторые родители очень плохо воспитывают своих детей, с малых лет приучают их к ничегонеделанию. Даже тогда, когда человек уже становится взрослым, в иных семьях ему не позволяют даже пушинку снять с себя. Все делают за него другие. Случается и так, что молодые люди, в сущности говоря, хорошие, попадают в скверную среду. И это тоже может испортить их.

6. Надо воспитывать молодежь так, чтобы она любила свою Родину, свой народ, строящий коммунизм; надо повседневно учить ее любить труд, уважать людей труда. Труд на благо Родины, труд – источник радо-

сти – это, пожалуй, главное. Остальное все приложится. Надо также всемерно повышать культуру молодежи, ее эстетический вкус.

7. О конкретных путях решения этой проблемы я специально не думал, но путей этих, по-видимому, можно назвать много. И в первую очередь следует сказать о комсомоле, который имеет огромное влияние на молодежь. Помимо всего прочего, тут большую роль должны сыграть газеты, книги, журналы, кино, радио. В частности, о радио. Оно может делать большие дела в воспитании молодежи, ибо радио слушают миллионы людей. Но, мне кажется, радио далеко не всегда справляется со своей задачей. Передач для молодежи по радио идет много. Но хороших мало. Часто идут передачи скучные или какие-то слащаво-крикливые. Все это никого не трогает. А если касаться песен (песни же молодежь особенно любит), то уж очень много среди них пошлых как по музыке, так и по словам. Это ведь тоже не на пользу молодежи.

8. Я хотел бы пожелать вот что: никогда не забывать тех суровых, тяжелых лет, которые пережила наша страна, не забывать тех жертв, которые она принесла во имя прекрасного будущего, не забывать о том, какую огромную, непомерную тяжесть снесли на своих плечах отцы и деды теперешней молодежи. Все это для нашей молодежи должно быть священным. И с этого она как бы должна брать пример в своем поведении. В жизни много сложного и трудного. И молодежь не должна надеяться, что все ей будет дано в руки в готовом виде. Она должна жить, работать, дерзать, созидать. Она должна учиться, чтобы все знать и понимать, чтобы все уметь. Она должна быть всегда впереди, несмотря ни на какие трудности.

Карпинский В.А., ветеран партии, член КПСС с 1898 года (г. Москва)

Когда заходит речь о нашей молодежи, я всегда вспоминаю Владимира Ильича, который уделял ей очень много внимания и заботы. Помнится, еще в годы подполья Владимир Ильич советовал смелее вовлекать молодежь в партию, давать ей важные поручения, выдвигать ее на ответственную работу. Владимир Ильич считал, что молодежь подучится на ответственной работе, а допущенные ею ошибки можно исправить.

В одной из своих статей Владимир Ильич привел в собственном переводе следующие слова Энгельса о Коммунистической партии, пролетарской революции и молодежи: "Мы партия будущего, а будущее принадлежит молодежи. Мы партия новаторов, а за новаторами всегда охотнее идет молодежь. Мы партия самоотверженной борьбы со старым гнильем, а на самоотверженную борьбу всегда первую пойдет молодежь".

Предсказание Ленина осуществилось и осуществляется на наших глазах.

1. В ответ на анкету "Комсомольской правды" я скажу прежде всего, что наше юношество вполне оправдало характеристику, данную молодежи Лениным. Я люблю и уважаю нашу молодежь. Здоровая физически и духовно, трудолюбивая, идейная, интересующаяся всем на свете, она дает нашей стране все больше и больше способных, талантливых людей во всех отраслях производства, науки, искусства. Я высоко оцениваю тот факт, что идейным руководителем и организатором нашей молодежи является Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи. Он объединяет значительную часть молодежи и пользуется огромным авторитетом.

2-3. Можно было бы назвать множество великих дел, совершенных комсомолом. Назову одно – самое главное: комсомольцы наряду с коммунистами являются зачинателями и руководителями нового великого движения нашего времени – бригад коммунистического труда. Основную массу участников этого движения составляет молодежь. Ей принадлежат очень многие важные начинания в этом движении.

4-7. Вы спрашиваете меня об отрицательных чертах, встречающихся у нашей молодежи. Среди многомиллионной массы советской молодежи, конечно, есть еще люди отсталые, некультурные, со старыми взглядами и предрассудками. Это объясняется тем, что социалистический строй победил полностью в нашей стране сравнительно недавно, и часть молодежи оказалась подверженной буржуазному влиянию, особенно из числа высокооплачиваемой интеллигенции. Именно эта часть молодежи дает больше всего бездельников, пьяниц, хулиганов, стилига и т. п., оказывая вредное влияние на остальную молодежь. Наша же школа, наш комсомол, к сожалению, далеко не всегда преодолевают это вредное влияние. По-моему, наиболее распространенной отрицательной чертой нашей молодежи является все еще недостаточно высокий ее культурный уровень. Нет сомнения, что эти недостатки будут успешно преодолены в недалеком времени.

8. Желаю нашей молодежи настойчиво, неутомимо овладевать марксизмом-ленинизмом и со всей энергией изо дня в день добиваться поставленной цели – построения коммунистического общества.

Кетлинская В.К., писательница (г. Ленинград)

1. Каждое поколение имеет свои особенности, достоинства и недостатки. И внутри поколения есть разные типы и разные группы. Некоторые люди старшего возраста склонны брюзжать по поводу молодежи: мы,

мол, были не такие. Я терпеть не могу этого брюзжания. И раньше среди молодежи были "всякие": и мещане, и эгоисты, и хулиганье... Но лицо поколения создают его передовые представители, носители идеалов и целей – те, кто принимает от старших эстафету жизни.

Помнится, перед войной тоже было немало разговоров, что новое поколение не такое. Но грянул час испытаний, и молодежь приняла на свои плечи неслыханную тяжесть военной страды, прославила себя беззаветным героизмом, принесла немалые жертвы и вместе со старшими разделила славу победы.

2. Найдется ли сегодня живое дело, не вызывающее отклика у нынешней молодежи? Куда бы ни позвала партия: на целину, на дальние новостройки, на север или на юг – в райкомах становится тесно от наплыва добровольцев. Мне довелось несколько раз бывать на диспутах в молодежно-комсомольском дискуссионном клубе при Ленинградском доме культуры имени Ленсовета. Хорошее дело! Как живо и страстно, с какой высокой требовательностью говорила молодежь о волнующих ее вопросах! Мне запомнился юноша, который начал свою речь признанием: "Я был стилигаой, не верил ни в какие идеалы, отрицал любовь, иронически относился к девушкам..." Потом он встретил настоящую девушку, которая сумела "все перевернуть" в его душе и научила его жить совсем по-иному. В выступлении этого юноши самым чудесным было желание убедить всех в том, что открылось ему самому.

Нет, я не собираюсь осуждать нынешнее поколение! Но в то же время (пусть это не покажется противоречием) я хочу упрекнуть молодежь в недостатке инициативы и упорства, в своеобразном иждивенчестве. Может, в этом виноваты и старшие, виноват и комсомол, но молодежь часто ждет, что государство организует и финансирует такие дела, которые прекрасно можно было бы организовать самим, выполнить своими руками и даже на свои средства. Разве для чистоты и уюта в общежитии обязательно нужны штатные работники, воспитатели и затейники? Разве получать знания можно только в государственной сети обучения? Ведь если захотелось изучить какую-нибудь техническую проблему, или иностранный язык, или заняться искусством, при желании всегда можно найти людей, интересующихся тем же, и помещение, где можно заниматься, и знающего человека среди комсомольцев или старших, который согласится руководить занятиями. Надо только проявить энергию и инициативу. Не нужно ждать, когда отпустят средства на спортплощадку. Не нужно ждать, когда руководство клуба организует вечер отдыха, или турнир, или диспут. Беритесь и делайте сами.

В отдельных коллективах можно найти прекрасные примеры инициативы, самодеятельности, энергии в достижении цели. Но в массе моло-

дежь недостаточно проявляет себя. Мне кажется, и комсомольские организации повинны в этом. В них не изжит формализм, а это худшее, что может быть в молодежной организации. Если комсомольский руководитель убеждает молодых тружеников взять повышенные обязательства и начинает торопить их, потому что ему надо "до первого охватить соревнованием всех", – дело скомпрометировано и воспитанию молодежи нанесен вред. А ведь так бывает.

3. Сильными чертами нового поколения я считаю стремление к знаниям, к получению профессии, отзывчивость на всякое живое дело.

4. Отрицательные черты, часто встречающиеся у наших молодых людей, – безынициативность, нехватка упорства и гражданской смелости. Не все живут по принципу: "Захотеть – увлечь товарищей – добиться". Многие как будто бы молодые люди избегают портить отношения с кем-нибудь, боятся выступить с критикой недостатков, чтобы не рассердить кого-либо и не вызвать осложнения в своей жизни. Это трусость. У нас много хороших бригад коммунистического труда, но есть и бригады, созданные формально, ради отчета. Их успехи раздуты и часто искусственны. Почему в этих случаях молодежь молчит? И чего стоит якобы передовой молодой человек, если он равнодушно отворачивается от недостатков, от чужой беды, от сбившегося с пути товарища?

Я уже говорила, что в каждом поколении есть "всякие". В нынешнем поколении молодежи есть прослойка молодежи эгоистичной и пустой, без пути-дороги, живущей по принципу: "День за днем, было бы весело". Такие юноши и девушки обычно говорят: "Когда же и гулять, если не в молодости?" Но гулянье получается безрадостное, не дающее удовлетворения, опустошающее и без того небогатую душу. Их жизнь, кажущаяся легкой, – унылая жизнь, конец ее – горький. Мне особенно больно за девушек, участвующих в таких компаниях. Неужели их девичья честь не восстает против жалкой роли, которая им уделяется в такой среде?

Прожигателей жизни у нас окрестили "стилягами" и в борьбе с этим стиляжничеством часто обращают главное внимание на внешние приметы: манеру одеваться, говорить и т. п. Действительно, внутренней пустоте обычно сопутствует безвкусица. Следовать моде естественно, наши дома моделей пропагандируют модную одежду, и это хорошо. А безвкусица заключается в том, что все делается "чуть-чуть слишком": брюки на 2 см. уже, юбка на 2 см. выше, прическа утрированная, движения в модном танце вызывающие. Но эти внешние приметы – всего лишь проявления внутренней бессодержательности, пустоты.

6–8. Главной проблемой воспитания молодого поколения я считаю правильное понимание смысла жизни: в чем счастье, каким быть, как

жить. Эти вопросы решает каждый молодой человек, но настоящую радость, глубокое удовлетворение получает только тот, кто решил правильно и устроил свою жизнь сообразно с этим решением.

Как писатель, я посвятила этой важнейшей теме все творчество, и в частности последний роман, напечатанный в журнале "Знамя". Я его так и назвала – "Иначе жить не стоит". Надеюсь, что мой труд будет полезен молодежи. Нет большего счастья, чем найти полное применение своим душевным силам и способностям, верить в выбранную цель, мечтать о ней и осуществлять ее. Вот этого я и желаю каждому.

Кривонос П.Ф., начальник Юго-Западной железной дороги, Герой Социалистического Труда (г. Киев)

1. Сегодняшнее поколение советской молодежи стоит на правильном, ленинском пути. Оно беззаветно предано Коммунистической партии, нашей Родине, является зачинателем больших трудовых дел. Мы можем спокойно доверить ему дело завершения строительства коммунизма в нашей стране.

2. В своем суждении я основываюсь на многих и многих фактах, с которыми мне приходится сталкиваться в практической работе. Сотни и тысячи юношей и девушек, не жалея своих сил, трудятся на железнодорожном транспорте, принимают активное участие в развернувшемся движении бригад и ударников коммунистического труда, работают на освоении целинных земель, на строительстве шахт, электростанций, железных дорог, заводов, фабрик. Наша молодежь дерзает, подхватывает все новое, прогрессивное, отменяя устаревшие и отживающие формы и методы работы.

3. Беззаветная преданность и любовь к Родине, Коммунистической партии – самые сильные черты поколения.

4. Отдельные молодые люди не желают честно трудиться, боятся черновой работы, страдают иждивенческими настроениями, не хотят настойчиво и упорно работать над овладением специальностью. Получив высшее или среднее образование, они не желают выезжать на работу в отдаленные районы страны, где требуется особое трудовое напряжение.

5. Объясняю это отрывом в прошлом школы от производительного труда, недостаточной воспитательной работой родителей и общественных организаций, а также влиянием на молодежь тех людей, которые не освободились от пережитков прошлого.

6. Соединение обучения с производительным трудом, воспитание честности, трудолюбия, правдивости – вот главная задача.

7. Пути ее решения – неуклонное выполнение решений партии и правительства о перестройке школы; усиление коммунистического воспитания молодежи и широкое вовлечение ее в соревнование за звание бригад и ударников коммунистического труда. Нужно добиться, чтобы вся наша молодежь воспитывалась на славных трудовых традициях, на традиции коллективизма. Большую роль в этом деле должны сыграть партийные, комсомольские, профсоюзные организации, а также печать.

8. Молодежь должна постоянно повышать свой общеобразовательный и культурный уровень. Девушкам и юношам, работающим на производстве и не имеющим среднего и высшего образования, следует настойчиво учиться, совершенствовать свою профессию, смелее осваивать передовые, прогрессивные методы труда, новую технику и передовую технологию. Не бояться "черного" труда, смело идти на трудные и ответственные участки работы.

Желаю нашей молодежи всегда оставаться верной делу Ленина, делу, за которое отдали свою жизнь лучшие сыны и дочери нашей Родины, которому отдают все свои силы, знания и энергию люди старшего поколения нашей страны, воспитанные Коммунистической партией и ленинским комсомолом. Пусть наша молодежь и впредь будет активным поборником дружбы и прочного мира между народами.

Малиновский Р.Я., *Министр обороны СССР, Маршал Советского Союза (г. Москва)*

С удовольствием отвечаю на ваши вопросы.

1. Нашей молодежи даю самую высокую оценку. Сегодняшнее поколение советской молодежи отличают высокое чувство ответственности за судьбы Родины, трудовой героизм, готовность к подвигу, коллективизм и товарищество.

2. Мое мнение основывается на энтузиазме, с которым молодежь участвует в стройках семилетки, в освоении целины, в многочисленных подвигах советских воинов в мирное время.

3. Я думаю, что наиболее сильной чертой нашей молодежи является высокая идейная убежденность в правоте и победе нашего общего дела – дела коммунизма.

4. Широкого распространения среди молодежи не получила ни одна отрицательная черта. Чаше других пороков встречается легкое отношение к жизни, стремление пройти по ней, как по дороге, усыпанной только цветами. Это выражается в пренебрежении к труду, в паразитическом образе жизни отдельных молодых людей, в склонности к выпивке.

5. Полагаю, что это было основным недостатком в воспитании молодежи. В недалеком прошлом учащая молодежь не привлекалась к производительному труду, не приучалась ценить труд. Это приводило к нарушению принципа социализма: кто не работает – тот не ест.

6. В настоящее время самой важной надо считать проблему трудового воспитания и развития у молодых людей активности в производственной и общественно-политической жизни. Самый великий учитель и воспитатель – труд и труд.

7. Эти пути указаны в известном законе об укреплении связи школы с жизнью. Главное в этом законе – соединение обучения с общественно полезным производительным трудом и усиление воспитательной работы. Надо поднять еще выше высокое звание члена ленинского комсомола.

8. Жизнь красива трудом, подвигом. В любом деле надо не обходить трудности, а преодолевать их, ибо только в борьбе с трудностями воспитываются люди сильной воли, мужества, стойкости, энергии и настойчивости. Уверен, что наша молодежь будет и впредь достойным наследником революционной и боевой славы своих отцов, старших братьев, будет во всем подражать их бесстрашию и героизму...

Палецкис Ю.И., Председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР (г. Вильнюс)

Когда человеку идет седьмой десяток, он имеет богатую возможность сравнивать. Могу сравнить молодость по крайней мере трех поколений: своего, своих детей и своих внуков. А еще надо прибавить особые обстоятельства, ибо мой жизненный опыт обнимает такие разные периоды, как закат жуткого режима царской России, недобрые годы буржуазного строя в Литве и, наконец, наше, советское время. К тому же в последние годы мне пришлось много поездить, побывать почти на всех континентах. Вот почему анкета дает мне обильную пищу для раздумий.

Отвечаю на вопросы:

1. Человечество не знало еще такого окрыленного молодого поколения, как наше нынешнее. Оно не блуждает в потемках в поисках цели, оно хорошо знает свою большую цель. Оно не ищет "места под солнцем", оно выбирает свое место в строю борцов за всеобщее благо. Уже это одно внушает каждому из нас, старших, интерес, любовь и уважение к юным, идущим нам на смену. Но, конечно, спрос с них большой, потому что велико наследство, передаваемое молодым в руки. Слишком дорогой ценой оно досталось старшим.

2. Можно привести тысячи аргументов, объясняющих, почему я доволен сегодняшней советской молодежью. Об этом говорят не только дела

тех прославленных и знаменитых юношей и девушек, о которых пишут в газетах и упоминают в Указах Президиума Верховного Совета, но и тех рядовых из рядовых, с которыми я часто встречаюсь и беседую в колхозах и на стройках, фабриках и в вузах, которых я вижу в будничном труде и на праздниках песни.

3. Говорят испокон веков, что старикам свойственно брюзжать: "Не та теперь молодежь..." Думаю, что большинство моих сверстников чисто-сердечно нарушат эту традицию и скажут, положив руку на сердце, что жар нашей борьбы не только не утрачен молодыми, но разгорелся еще сильнее. Самой замечательной чертой юных считаю понимание больших государственных задач, чувство личной ответственности за каждую из них, желание самому ее решать. Тысячи ударных строек, целина, освоение пустынь Средней Азии и дальних районов Севера – неоспоримое тому доказательство.

4. Наиболее распространенной отрицательной чертой молодежи, на мой взгляд, является некоторое несоответствие между возвышенной, умной, горячей работой, с одной стороны, и довольно заурядной иногда духовной жизнью – с другой. Это относится к небольшой части юного поколения, но это слишком большая беда, чтобы ею пренебрегать. Отсюда и пьянство с его подчас жуткими последствиями, и кое-где неизжитое влияние церкви, сект, и омещанивание, заболачивание иных юных душ.

5. Не помню точно слов поэта, но смысл их таков: души – как окопы: не занятые нами, они могут быть заняты врагом.

6. Самой важной проблемой считаю воспитание в каждом молодом человеке – будущем гражданине – чувства настоящего хозяина завтрашней страны. Не просто работника, а хозяина, видящего намного дальше своего рабочего места, принимающего к сердцу дела и проблемы, касающиеся не только лично его и его близких.

7. Путь решения проблемы "воспитания хозяина", по-моему, один: доверие и еще раз доверие к чистоте устремлений, к разуму и поискам молодых.

8. Прежде всего и после всего хочется пожелать нашей юной смене ставить перед собой только большие задачи, чтобы никто не чувствовал себя маленьким человеком при маленьком деле. Молодой ученый и слесарь, начинающий свою трудовую биографию, инженер со свежим дипломом и доярка, только что поступившая на ферму, – все должны стремиться к совершенству, должны планировать свою жизнь так, как Госплан планирует семилетку: по восходящей.

1. Трудно ответить на первый вопрос коротко – да или нет. Мне кажется, оно очень неоднородно – сегодняшнее молодое поколение. Я восхищаюсь теми, кто идет по жизни с горячим сердцем, кто чувствует себя хозяином своей земли, кто преобразует эту землю. И я презираю тунеядцев – отбросы нашего общества, которые не заслуживают того, чтобы их тоже называли "поколение". Между этими двумя резко отличными слоями есть еще "прослойка", о которой нельзя не подумать; сюда я отношу некоторых молодых людей, потерявших интерес к жизни, решивших, что они все познали и только сами представляют какую-то ценность.

2. Мое мнение основано на многолетнем опыте работы с молодежью (я имею в виду прежде всего театральную молодежь): из 56 лет работы в театре 50 я преподавала театральное искусство, отдавала молодым знания и мастерство, которые у меня есть. В эти годы между нами было полное понимание и уважение. В последнее время я заметила то пугающее меня "расслоение", о котором говорила выше.

3. С радостным чувством смотрю я на нашу чудесную молодежь, жизнелюбивую, радостную, полную творческой энергии. Такая молодежь не захнычет перед трудностями, не испугается неудач. Силу воли, твердость духа, любовь к труду, целеустремленность, жажду знаний – вот что ценю я у лучшей части нашей молодежи.

4. И как неприятно поражают пустые, холодные глаза, с презрением вззирающие на мир! Человеку нет и двадцати, а он уже "устал жить", он "мудрее" столетних, его ничто не удивит, не обрадует. Он боится показать свои чувства, щеголяет скептицизмом, прикрываясь фразами о "сумасшедшем ритме века". Со временем он превращается в бессмысленное и бесстрастное существо с заученными словами и чувствами. Такой человек ничего и никого не любит, кроме самого себя, для него нет никаких авторитетов, он забывает об уважении, об элементарных нормах поведения. У него настолько загубили чувства, что он даже не понимает, когда обижает человека, а если и понимает, то никогда не сознается. Нельзя до такой степени упрощать и огрублять мир человеческих отношений.

5. Мне кажется, большую роль в этом играет плохое воспитание, которое, к сожалению, еще имеет место. У театральной молодежи часто меняются педагоги: одни из них не выдерживают такой работы, другие еще слишком молоды, чтобы завоевать действительное доверие студентов. Часто педагоги бывают не до конца принципиальными, не отстаивают своих точек зрения, делают ненужные и вредные уступки. Это только портит и успокаивает молодежь. Я много поработала в Щепкинском учи-

лице, и мне кажется, что нынешнее руководство недооценивает своих задач и своей ответственности.

6. Развитие богатого духовного мира у человека нового поколения: надо стремиться, чтобы его чувства были так же совершенны, чисты и точны, как и научные познания нашего времени, – это основная проблема. У нее много аспектов: работа над собой, уважение к старшему поколению, друг к другу, вера в прекрасные жизнеутверждающие силы.

7. Более чуткое, но в то же время и строгое отношение к молодежи, правильное ее воспитание при условии, что воспитатели сами должны быть незаурядными людьми, не пустыми, самое главное, не холодными. Ведь это истина, что педагогом не каждому быть дано.

8. Это уже, наверное, ясно из всего сказанного мною. Я хочу пожелать нашей молодежи любви к жизни, стремления интересно прожить ее, сделать как можно больше полезного, нужного и прекрасного.

Петров Ф.Н., ветеран партии, член КПСС с 1896 года, Герой Социалистического Труда (г. Москва)

1. Я высоко оцениваю нашу молодежь в идейном и трудовом отношении. Она любит Родину, всегда готова самоотверженно защищать ее, активно бороться за коммунизм.

2. Исхожу из постоянного общения с молодежью на заводах, в вузах, в школах, из высокой оценки революционной роли молодежи Советским коммунистическими и рабочими партиями.

3. Среди сильных черт хочу выделить: готовность защищать социалистическую Родину, инициативу и новаторство в коммунистическом труде, стремление к научным знаниям, любовь к Ленину, настойчивое изучение марксизма-ленинизма.

4. Встречаются среди молодежи и подверженные буржуазному, мещанскому влиянию лодыри, тунядцы, пижоны, сами себя обкрадывающие бездельники, проходящие мимо великого строительства коммунизма.

5. Объясняется это, с одной стороны, влиянием идеологии разлагающегося империализма, а с другой стороны, внутренними причинами, в частности неразумной любовью некоторых родителей, разрешающим своим детям все на свете, вплоть до пьянства и хулиганства. Отчасти объясняется это и недостаточным уровнем нашей общественно-воспитательной работы, которая должна быть значительно действенней.

6. Надо настойчиво прививать молодежи идеи марксизма-ленинизма, интернационализма, учить ее бережному отношению к социалистической собственности; добиваться, чтобы молодежь признавала ее примат над

личной собственностью. Воспитывать у молодых любовь, бережное отношение к природе.

7. Главный путь – в широкой общественной активности молодежи. В этой связи надо больше использовать для воспитательных целей старые большевистские кадры.

8. Что пожелать молодежи? 1) Учиться углубленно и сознательно, без зубрежки. Изучать Ленина, Маркса, Энгельса. Читать историческую литературу и думать о прочитанном в свете современности. Не бояться изучать справочные, цифровые материалы из области статистики и экономики (В.И. Ленин усиленно занимался статистикой). 2) Беречь и любить природу: сады, леса, животных. 3) Посещать театры, концерты, музеи, памятные места – одним словом, развивать себя многогранно.

Соболев С.Л., академик (г. Новосибирск)

1. Да, сегодняшним поколением советской молодежи я доволен. Ему принадлежит будущее, и оно сумеет правильно построить его.

2. Мне приходится встречаться со студентами Московского университета, Московского физико-технического института и школьниками старших классов, с молодыми людьми, поехавшими на постоянную работу в Сибирь. Молодежь никогда не была и сейчас не является однородной. Встречаются среди нее всякие, но я думаю, что относительное количество очень хороших людей в ее среде возрастает.

3. Сильные черты молодежи – те же, что и всегда: романтика, смелость замысла, ясность цели.

4. Существенных (часто встречающихся) отрицательных черт, по моему, две: мещанство, то есть любовь к вещам и деньгам, и догматичность суждений, скованность мысли.

5. Думаю, что здесь сыграли свою роль и военные годы, и недостаточность форума, на котором молодежь могла бы много и свободно дискутировать, не боясь сказать что-нибудь неверное и не опасаясь вместо товарищеской помощи встретить ярлык или окрик. А такое у нас прежде бывало.

6. Хороший результат дает возможно раннее приобщение юношества к науке, к широкой человеческой культуре. Нужно, чтобы человек, оканчивающий школу за 8 или 11 лет, гораздо больше знал. Нужно растить людей, способных к самостоятельному суждению и в то же время умеющих прислушиваться к голосу разума.

7. На мой взгляд, необходима перестройка школьных программ для того, чтобы гораздо больше знаний давать в младших классах. Исключить

всезможную дидактику, скучнейший и невыносимый разбор "образов" из курса литературы. Сделать этот курс творческим, с упором на внеклассное чтение и кружковой разбор. Ввести открытые двери для всех поступающих в высшую школу с отсеком в конце первого курса. Обучение в высшей школе должно быть не наградой за "отличные успехи и примерное поведение", а государственным делом, и получать его должны те, кто покажет свою способность учиться.

8. Желаю молодым любить знания, постоянно стремиться к их пополнению, стремиться самим проникнуть во все новые области науки и все время чувствовать себя частицей большого, замечательного человеческого коллектива – коллектива творцов новой жизни.

Соловьев И.В., начальник милиции города, Герой Советского Союза
(г. Ленинград)

1. Сегодняшнее поколение молодежи в подавляющей массе – отличный народ. Просто сказать, что я доволен, мало! Нашу молодежь я очень люблю и уважаю.

2. Постоянная готовность пойти на любое дело, порученное народом, – лучшее доказательство зрелости и высоких моральных качеств нашей молодежи. Примеров, подтверждающих это, сколько угодно в прошлом и настоящем, а еще больше будет впереди.

3. Наиболее сильные черты нынешней молодежи:

а) безусловная убежденность в правоте и конечном успехе нашего общего дела, дела построения коммунизма;

б) высокий уровень образования и культуры;

в) огромный запас человеческой энергии.

4. Наиболее распространенным и опасным недостатком у молодых людей является эгоизм. От него все производные: нигилизм, склонность к оригинальничанью, зазнайство, поиски легких обходных путей для создания личного благополучия за счет ближних или за счет общества, попытка игнорировать моральные понятия нашего общества и т. д.

5. Главное – ошибки в воспитательной работе, которые допущены нами, людьми старшего поколения. Чрезмерная забота и опека при отсутствии твердой, а в необходимых случаях суровой требовательности приводит к тому, что вырастают себялюбцы, люди бесчестные, готовые ловчить и паразитировать. Молодым представителям древней породы хлебников и захребетников мы должны объяснить, что терпеть их не можем и не будем.

6. Важнейшая проблема воспитания – это утверждение коммунистической морали. Ведь молодежи придется не только строить коммунистическое общество, но и жить в нем.

7. Человеческое сознание формируют знания и опыт. Значит, молодежь нужно постоянно учить и воспитывать, предоставляя ей самые широкие возможности для практической деятельности. Нужно смелее выдвигать молодежь, помогая ей советом и делом. И нещадно бить по рукам ревнивых старичков и просто бюрократов каждый раз, когда они пытаются "стричь все, что растет".

8. Мое пожелание молодежи: поставьте перед собой задачу – стать ленинцами. Добивайтесь этого всей силой души и разума, и вы будете по-настоящему счастливы.

Сухомлинский В.А., директор Павлышской средней школы, член-корреспондент АПН РСФСР (Кировоградская обл.)

1. Доволен или недоволен – не те слова. Можно испытывать чувство недовольства самым дорогим, любимым человеком, если хочешь, чтобы этот человек стал еще лучше, чем он есть. Нынешнее поколение советской молодежи дорого мне, я влюблен в него; глубоко верю в его чистое сердце, ясный ум, трудолюбивые руки.

2. Говорю так потому, что всю свою жизнь посвятил воспитанию молодого поколения. Сотни тех, кто переступил порог маленькими детьми, на моих глазах стали зрелыми людьми и уже растят своих детей. В жизненной судьбе каждого из них, как солнечный луч в капле росы, отражается лицо молодого поколения. Я очень много думал и думаю о духовной жизни молодого поколения. Даже написал книгу "Как мы воспитали мужественное поколение", посвященную тем, кто отстоял нашу Родину в Великой Отечественной войне. Сейчас работаю над книгой о моральном облике нашего молодого современника.

3. Сильные черты: оптимизм, уверенность в правоте коммунистических идеалов, моральная готовность к преодолению трудностей. Молодежь даже невозможное делает возможным – в этом ее сила; вернее, в этом сила коммунистических идей.

4. Среди молодых людей распространено потребительское отношение к материальным и духовным благам. Но самый серьезный недостаток – это известная убогость чувств, непонимание святости таких вещей, как человеческая верность, привязанность, долг друг перед другом.

5. Причин много, наиболее важная из них – та, что мы уделяем недостаточно внимания воспитанию чувств. Нередки случаи, когда молодой

человек знает, что обмануть девушку, насмеяться над ней – безнравственно, но поступает все же именно так. Объясняется это тем, что правильная мысль не стала его глубоким убеждением, не вошла глубоко в его душу.

6. Главная проблема – воспитание зрелости мысли, глубины убеждения, чистоты и благородства чувств: чувства долга перед человеком, чувства ответственности за будущее, наконец, чувства чистой, бескорыстной, благородной, идеальной любви. В духовно-психологических и нравственно-эстетических отношениях между молодыми людьми должен быть "идеализм" в лучшем смысле этого понятия – верность идеалу настоящей, коммунистической человечности.

7. Надо так поставить нравственное, в частности эмоциональное, воспитание, чтобы каждый человек с раннего детства давал счастье другим людям и от этого был счастлив сам. Главное – воспитание человечности. Во сто крат важнее, каким человеком станет ребенок, чем то, кем он станет: механизатором, садоводом, педагогом, инженером и т. д. Нравственное воспитание в подавляющем большинстве школ поставлено пока еще очень слабо.

8. Помните, что высшее счастье – это труд, что в любом деле можно стать мастером, художником, творцом. Я не верю в то, что короткий рабочий день при коммунизме будет счастьем для человека потому, что в свободное время можно будет ничего не делать. Если бы это было так, коммунизм был бы самым скучным обществом. Счастье при коммунизме в том, что можно будет трудиться до самозабвения, отдавать все свои силы любимому делу. Я сейчас тружусь примерно 12 часов в день и уверен, что не изменил бы своего распорядка и при коммунизме. Если труд стал любимым делом – в нем радость жизни, которая не идет в сравнение ни с какими другими радостями. Безделье – самый опасный враг молодого поколения. Мне больно смотреть, как некоторые молодые люди не знают, как "убить свободное время". Помните, что творческий труд безграничен. Он не только источник хлеба насущного, но и источник духовной жизни, источник отдыха.

Ярв А.-Э.Ю., директор Сакуской семилетней школы, Герой Социалистического Труда (Харьюский район, Эстония)

1. Нахожу, что никогда доселе ни в какой стране не было такой замечательной молодежи, как у нас в Советском Союзе. Я горжусь ею.

2. Лишь у нас в стране может вырасти настоящий человек, умеющий глубоко чувствовать, ценить себя и уважать любого другого, подобно себе. Я работаю с детьми младшего и среднего школьного возраста и ви-

жу, что уже в этом возрасте наш человек не может спокойно терпеть, когда к нему относятся неблагожелательно. Это хорошо. Хорошо потому, что он никогда и никому не позволит топтать свое человеческое достоинство, а также никогда не сделает этого сам.

3. Из положительных черт нашей современной молодежи я считаю наиболее сильной жажду деятельности. Самым лучшим образом она выражается в словах, которые я слышу чаще всего: "пойдем...", "сделаем..."

4–5. Нахожу, что наша молодежь еще недостаточно воспитала в себе бережливое отношение к общественной собственности, чувство хозяина. Как иначе объяснить, что ученик вырезал кусок из своей парты, что машины и инструменты, которыми пользовались летом можно найти в сугробе, что на стенах новой постройки "красуются" всякие рисунки? Конечно, это все мелочи, но кто не учится считаться с мелочами, тот не сумеет бережливо обходиться и с крупными вещами.

6–7. Воспитание чувства хозяина своей земли я считаю главной проблемой в работе с молодежью. Это воспитание нужно вести как в семье, так и в школе, на производстве. Необходимо, чтобы на всякие недостатки в этом отношении – пусть даже мелочи – обращали больше внимания. Тогда придет и любовь к труду и усердие.

8. Я желаю, чтобы наши юноши и девушки выросли счастливыми людьми. Пусть в этом им поможет сознание того, что самое величайшее счастье – быть необходимым другим людям.

Приложение 7 [к главе 7]. Избранные ответы зарубежных участников опроса "На Марс – с чем?"

После репродуцирования анкеты "На Марс– с чем?" в трех иностранных изданиях газеты "Московские новости" на нее ответили 700 читателей из 42 стран. Ниже приводятся (с некоторыми сокращениями) образцы этих ответов, публиковавшиеся в тогдашней советской и зарубежной прессе.

Вопросы анкеты:

- 1–3. Главное событие (1), главный документ (2) и самая выдающаяся личность (3) XX столетия?
- 4–5. Величайший подвиг (4) и самое крупное научное открытие (5) современности?
- 6–9. Наиболее характерные для нашего времени техническое изобретение (6), орудие труда (7), предмет быта (8) и спортивный снаряд (9)?
- 10–12. Выдающееся произведение художественной литературы (10), музыки (11) и кинематографа (12)?
- 13–14. Выдающееся произведение живописи, скульптуры (13) и архитектуры (14)?
15. Нечто примечательное в жизни Земли?

Вера Грин, доктор (Швейцария)

1. В октябре 1959 года советские ученые запустили автоматическую станцию "Лунник-3", которая сфотографировала невидимую сторону Луны.

2. Новая Программа партии, принятая на XXII съезде КПСС, начертывавшая практический путь построения коммунизма в СССР, – триумф ленинизма.

3. Самый великий человек XX века – В.И. Ленин, преобразователь России, огромной многонациональной страны, с различными языками и обычаями. В течение веков эта страна была под игом царей, помещиков и иностранных капиталистов. Благодаря гению Ленина Октябрьская революция 1917 года установила Советскую власть рабочих и крестьян. 45 лет СССР является огромной свободной и процветающей страной, все время идущей вперед.

4. Герой века – Ю. Гагарин, который 12 апреля 1961 года на корабле "Восток-1" проник в космос, облетев вокруг Земли. Это – первый человек, открывший дорогу к другим планетам.

5. Расщепление атома.

6–8. Спутник, бульдозер, радио, телевидение.

9. Футбольный мяч.

10. Горький – самый большой талант современной литературы. Устами одного из своих героев он говорит: народ – ты сам бог, создатель всех богов, ты создал красоту своего разума и своего труда, ты творишь чудеса, народ!

11. 4-я симфония Бетховена.

12. "Ленин в Октябре".

13. Картина Павла Корина "Портрет итальянского художника Ренато Гуттузо".

14. Город Бразилия.

С.Р. Шехер, помощник страхового агента (Мадрас, Индия)

1. Залп революционного крейсера "Аврора" по Зимнему Дворцу 25 октября 1917 года или открытие Второго съезда Советов в Смольном вечером того же дня. Выстрел "Авроры" послужил сигналом для захвата политической власти рабочим классом России, Съезд же ленинскими устами возвестил всему миру о том, что свергнут деспотический режим эксплуататоров и в стране установлен революционный порядок. Это явилось началом новой эры социализма и создания мира трудящихся, свободного от эксплуатации человека человеком.

2. Договор о всеобщем и полном разоружении, который следовало бы подписать всем правительствам стран – членов ООН.

3. В.И. Ленин – отец и основатель первого в мире государства рабочих и крестьян и учитель мирового пролетариата.

4. Естественно, подвиг Юрия Алексеевича Гагарина. Пример мужества и необычайного героизма этого молодого человека, который первым облетел вокруг Земли, мало с чем сравним.

5. Теория относительности Альберта Эйнштейна. Это выдающееся научное открытие не только установило связь между энергией и массой, но и имеет прямое отношение ко многим другим достижениям, включая преодоление земного тяготения и достижение первой и второй космических скоростей.

6. Первый спутник, запущенный Советским Союзом 4 октября 1957 г. Это выдающееся событие в развитии науки и техники возвестило новую эру в истории человечества – эру межпланетных путешествий.

7–9. Пишущая машинка, пылесос и футбольный мяч.

10. "Янки при дворе короля Артура" Марка Твена – произведение, которое не только показывает путь, пройденный человечеством, но и заставляет смеяться до упаду.

11. Конечно, "Интернационал" – международный гимн рабочих, чья миссия в том, чтобы сделать мир изобильным для всех и каждого.

12. "Летят журавли" – как триумф Жизни над Смертью.

13. Памятник Марксу в Москве, отражающий величие основателя научного коммунизма.

14. Эмпайер стейт билдинг – как свидетельство высокого уровня строительной индустрии.

15. Это может быть картина весны... Или "Голубь" Пикассо...

Эрве Комбе, бухгалтер, бывший узник Дахау, участник Сопротивления (Франция)

1. Взрыв бомбы в Хиросиме – свидетельство того, как плохо используемая наука может разрушить всякую жизнь на планете.

2. Устав ООН, объединяющий нации в мировом сотрудничестве, независимо от политического режима, численности и цвета кожи населения. Конечно, он иногда нарушается империалистическими правительствами (например, войны в Корее и Конго). Однако другие правительства – члены ООН, своим единством могут противостоять всем этим нарушениям, разоблачая их перед миром.

3. Самый великий человек – В.И. Ленин. Благодаря познанию марксизма он смог вскрыть слабости и противоречия империализма и основать партию пролетарской революции. Своими действиями и своим ясным видением он в течение первых 20 лет нашего века преобразил историю человечества и таким образом помог сотням миллионов людей идти вперед.

4. Подвиг Ю. Гагарина – первого человека, открывшего двери в космос и доказавшего людям, что если их предки вышли из океанов, то их современники могут оторваться от Земли и отправиться на другие планеты.

5. Открытие пенициллина.

6. Искусственное сердце, вселяющее в нас большие надежды относительно спасения человеческих жизней.

10. "Кола Брюньон" Р. Роллана.

11. Музыка балета "Жизель".

13. "Герника" Пикассо, выражающая весь ужас войны.

14. Новый университет в Москве, отданный в распоряжение сынов всех братских народов и архитектурно хорошо отражающий наш век.

15. "Голубь мира" Пикассо.

Гальварино Хименес Вега, рабочий-коммерсант-продавец книг (Чили)

1. Взятие Зимнего Дворца революционными рабочими, солдатами и моряками России во время социалистической революции 25 октября 1917 года.

2. Документ, зафиксировавший победу над фашизмом и создание Организации Объединенных Наций.

3. Фидель Кастро, премьер-министр Революционного правительства Кубы. С горсткой мужественных патриотов в Сьерра-Маэстра он начал революционную борьбу за освобождение своей родины от кровавой и позорной тирании ставленника империализма, и сегодня Куба – первая свободная территория Америки, свободная от эксплуатации и ограбления ее богатств главным эксплуататором народов – агрессивным североамериканским империализмом. Народное правительство Фиделя Кастро осуществило аграрную реформу, положило конец безработице, неграмотности, проституции, обеспечило рост благосостояния и прогресс народа...

4. Советский космонавт – Юрий Гагарин.

5–8. Спутники. Кибернетическая машина. Трактор. Газовая плита.

9. Мяч или лыжи.

10. "Всеобщая песнь" Пабло Неруды.

11. "Лебединое озеро" Чайковского.

12. "Мать" Горького.

13. Белый голубь мира П. Пикассо.

14. Эмпайер стейт билдинг в Нью-Йорке.

Элеонора Тэйлор, писательница (Австралия)

1. Революция 1917 года открыла новую эру в жизни человека – в одной стране, которая впоследствии стала Союзом Советских Социалистических Республик, человек впервые за свою историю освободился от эксплуатации. После этого мы стали свидетелями победы китайской и кубинской революций, Польша и другие страны присоединились к великому лагерю свободы, так что сейчас в мире насчитывается более миллиарда людей, проводящих испытания великолепного социалистического эксперимента, а в дальнейшем и коммунизма.

2. Устав ООН. Мы не всегда видели ООН на высоте. Тем не менее эта организация является честной попыткой народов улучшить условия жизни на нашей планете.

3. Великий Ленин в веках останется единственным человеком, который в наше время был избран судьбой из-за его великого дара разума и сердца в качестве инструмента для доведения революции до победного конца...

4. Юрий Гагарин – первый человек, выведенный на околоземную орбиту, имя которого всегда будет вызывать удивление и благоговение. Он возвестил начало нового, космического века и своим захватывающим дух полетом продемонстрировал человечеству мужество и выносливость.

5. Расщепление атома. Странно, что это выдающееся открытие нашего времени ассоциируется у нас с феноменом войны, а не мира. За это несет ответственность человек, а не атом! Так случилось, что в то время, когда это открытие стало известно работавшим над ним ученым, разразилась вторая мировая война и американское и английское правительства, желая скорой победы над Японией, занялись разработкой его смертоносных свойств. Они преуспели в этом очень хорошо, результатом чего явились Хиросима и Нагасаки. В будущем, однако, ядерная энергия будет все больше употребляться в целях мира – для движения турбин и т. д.

6. Ракетный двигатель. С помощью ракет человек уже много раз облетел вокруг Земли, произвел полет "близнецов", сфотографировал обратную сторону Луны и совершил другие чудеса. Не является, я думаю, случайным, что эти чудеса были впервые совершены советскими людьми – первым народом на земле, принявшим социалистическую систему.

7–9. Бульдозер. Холодильник. Футбольный мяч.

10. "Тихий Дон". Возможно, это – лучшее до настоящего времени произведение художественной прозы нашего столетия.

11. "Ленинградская симфония".

12. Большинство документальных картин Диснея великолепны. Я выбираю "Живую пустыню".

13. Средний человек не имеет возможности видеть в оригинале великие мировые творения живописи или скульптуры, так что ему приходится полагаться на рассказы или фото. По-моему, лучшее – скульптурная группа в демократическом Берлине: памятник солдатам, погибшим в Великую Отечественную войну.

14. Многоквартирный дом для рабочих, который можно увидеть в СССР.

15. Документальный фильм о флоре, фауне и топографии Земли.

Заканчивая отвечать на эту интересную анкету, я хочу сказать, что приходишь к выводу, что западный мир не имеет таких достижений в этом изумительном столетии, как мир социалистический, чью науку и технику я зачастую должна была избирать для показа жителям другой планеты, хотя я гражданка страны – члена Британского содружества наций. Старая поговорка "Привяжи свой фургон к звезде" сбывается в социалистических странах в буквальном и переносном смысле.

Арнольд Голдман, инженер-нефтяник, 37 лет (Филадельфия, США)

1. Штурм Зимнего в Петрограде в 1917 году – это начало социализма, подлинное начало XX века.

2. "Коммунистический манифест" Маркса и Энгельса – первый реалистический синтез [истории] человечества, исторический документ, который был обогащен и развит в наш век. Как маленький "Спутник-1", он стал началом гигантского прыжка человечества в будущее.

3. Владимир Ильич Ленин. Даже если бы я ничего не знал о мире, я все равно назвал бы это имя, так как Ленин и его работы заставляют говорить о себе всех.

4. Христофор Колумб XX века – Юрий Гагарин.

5. Расщепление атома и работы К. Циолковского о ракетном топливе по праву должны разделить славу самых выдающихся открытий нашего века.

6–8. Лазерный генератор. Управляемый токарный станок. Обыкновенный рубильник, командующий главным "слугой" дома и на работе – электричеством.

9. Баскетбольный мяч.

10. "Машина времени" Г. Уэллса – начало научной фантастики.

11. Пятая симфония Чайковского.

12. "Сон в летнюю ночь" – американский киновариант пьесы Шекспира, дающий представление о том, над чем человечество смеется.

13. Статуя Микеланджело "Давид" во Флоренции.

14. Тадж Махал – прекрасный монумент, свидетельствующий о любви человеческой.

15. Высотная Асуанская плотина – выражение заботы советского человека о своих братьях.

Андре Вюрмсер, публицист "Юманите" (Франция)

Да простит меня "Комсомольская правда": что касается лично меня, то я сделал бы никак не меньше двух ракет – по одной для каждой цивилизации. Давайте не будем смешивать плохое с хорошим. В отношении ракеты "свободного мира" мой выбор сделан:

Фотография – волкодавы, которых натравливает американская полиция на "грязных негров", воображающих, что они люди.

Исторический документ – кусок стены из Хиросимы, где от живого человека осталась лишь... тень.

Рассказ о великом человеке – рассказ об убийстве Патриса Лумумбы.

Портрет человека, подвиг которого стал славой XX века, – фотография отца "горилл" Массю. Он держит в руке кепи, украшенное звездой – знаком благодарности генерала де Голля.

Великое научное открытие – электрический стул.

Самый типичный предмет широкого потребления нашей эпохи – кремационная печь, облицовка которой украшена сентенцией Гебара – профессора Сен-Сира.

Техническое изобретение – образец знаменитого продукта, с помощью которого американские летчики травят урожаи народа, стонущего под ярмом Нго Динь Дьема, или револьвер, заряженный патронами со слезоточивым газом, который продается во всех оружейных мастерских Южной Африки ("Только для белых!").

Рабочий инструмент – нечто такое, чем пользуется солдат "республиканских отрядов безопасности".

Спортивный снаряд – заколдованный круг заработной платы и цен, нерушимость которого гарантируется всеми коммерческими банками, но – увы! – только ими.

Литературное произведение – номер журнала "Франс-диманш", в котором появилось следующее незабываемое сообщение: "Принц Шарль не желает носить кальсоны под своей шотландской юбочкой".

Музыкальная запись – фондовая биржа в полдень.

Фильм – "Жизнь собаки", который сопровождается преискурантом услуг, оказываемых собачонкам богачей в специальных салонах на Елисейских полях.

Картина – жизнь девицы Киллер, проститутки, которой платят в 250 раз больше, чем... депутату английского парламента.

Макет архитектурного здания – бразильская окраина в Капакабана, один из этих невероятных бидонвилей, который спускается в тени рос-

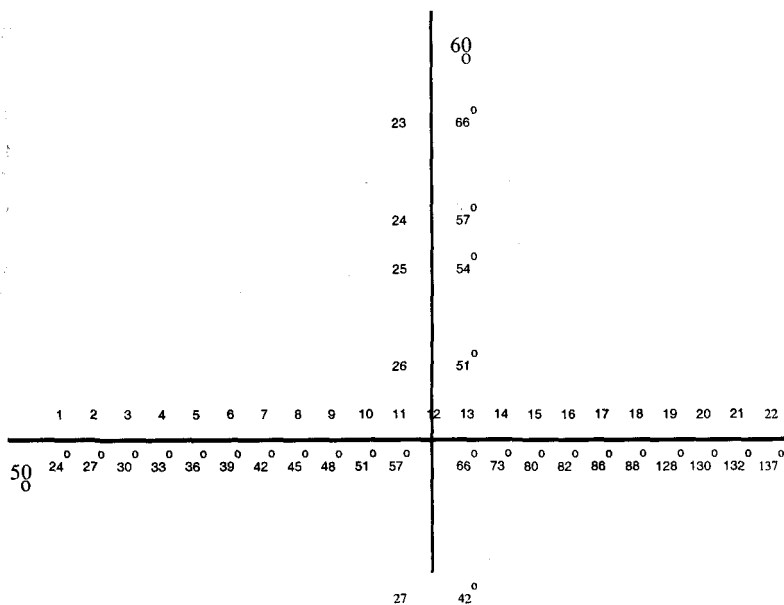
кошных дворцов к самому роскошному в мире пляжу (разумеется, "свободному").

"В контейнере еще остается свободное место, – говорится в "Комсомольской правде". – Выберите еще один предмет по собственному усмотрению".

Первым моим порывом было выбрать... – ну вы сами знаете кого: разве не было бы его пребывание в 100 раз более уместным на планете, носящей имя бога войны, чем среди нас, честных людей? Но я предпочитаю присоединить к предыдущим документам платежную ведомость одной из работниц Прувос и администратора "Фигаро", равно как и данные о действительных прибылях последнего, а также все комментарии, которые опубликовала "Фигаро" по поводу разящего контраста этих цифр.

С одной стороны, это позволило бы раскрыть марсианам то, что "Фигаро" скрывает от своих читателей. С другой стороны, это помогло бы "любому существу, одаренному разумом", понять и оценить содержание другой ракеты.

Приложение 8 [к главе 8]. Географическая схема всесоюзного репрезентативного опроса по "Кресту"

- 1 – Львов
- 2 – Шелетовка
- 3 – Белая Церковь
- 4 – Миргород
- 5 – Харьков
- 6 – Россошь
- 7 – Михайловка
- 8 – Камышин
- 9 – Александров Гай

- 10 – Чапаево
- 11 – Актюбинск
- 12 – Карабугак
- 13 – Аркалык
- 14 – Караганда
- 15 – Семипалатинск
- 16 – Усть-Каменогорск
- 17 – Усть-Кокса
- 18 – Акташ

- 19 – Благовещенск
- 20 – Завитинск
- 21 – Тырма
- 22 – Амурск
- 23 – Инта
- 24 – Свердловск
- 25 – Сухтелинский
- 26 – Домбаровский
- 27 – Ургенч

◆ К заключению

Приложение 9. Избранные ответы студентов МГУ, участвовавших в международном опросе "Во имя чего вы учитесь?"

Этот опрос проводился весной и осенью 1962 г. в Москве и Париже, среди студентов МГУ и Сорбонны, но, к сожалению, не был доведен до конца из-за утери значительной части полевой информации. Ниже приводятся (с некоторыми сокращениями) образцы ответов советских студентов из числа опубликованных в "КП" 1 сентября 1962 г.

Вопросы анкеты:

1. Какой из мотивов побудил вас посвятить себя избранной специальности? (закрытый)
2. Какую цель вы ставите перед собой в своей деятельности?
3. Чем вы увлекаетесь помимо специальности?
4. Где и как намерены применить полученные знания после окончания университета?
5. Может ли что-либо помешать вашим намерениям? Если да, что именно?

1. *Без подписи, 19 лет, физик, 1-й курс, до университета год работал в сельской школе (Красноярский край)*

1. Романтичность профессии, но в какой-то степени и призвание, а также стремление вращаться в культурном обществе (так как я приехал из тайги).

2. Посвятить себя советской науке, сделать все возможное, чтобы наша наука была более развитой, чем наука капиталистических стран. Чтобы сидели гады и не пищали, и не говорили о лаптях и балалайках.

3. Общественная деятельность, литература, спорт, танцы.

4. Хочу работать в области наиболее актуальных проблем физики. Мечтаю попасть в Новосибирск, где, по-моему, сейчас очень интересно.

5. Конечно, может. Во-первых, война или какая-нибудь случайность (например, камень с крыши на голову), а во-вторых, моя отрицательная черта – лень (борюсь, но пока безуспешно). Но я оптимист и верю в себя.

(Фамилия – не обязательна, хочу быть скромным.)

2. **Н. П-ов**, 25 лет, историк, 2-й курс, работал в РТС механиком (село Каточиги, Тюменская обл.)

1. Ни один из названных вами мотивов не побуждал меня. Скорее всего, это была любовь к тому, что я сейчас изучаю... Мне кажется, что именно те знания, которые я получу, дадут мне ключ к пониманию людей, помогут мне работать с ними.

2. Моя цель может вам показаться весьма мелкой, так как я не собираюсь стать ни ученым, ни даже деятелем крупного масштаба. Моя цель гораздо скромнее: быть маленьким винтиком нашего общества, причем таким, полезность которого явно была бы ощутима. Буду всегда стремиться к искоренению всего, что мешает нам двигаться вперед; своим трудом постараюсь содействовать движению нашего общества к коммунизму. Это не лозунг. Я считаю коммунизм золотым, беспокойным, интереснейшим веком в истории человечества.

3. Увлекаюсь техникой, общественной работой.

4. После окончания университета намерен поехать в свои края. Почему? Потому что я нужен именно там и там меня ждут... Может, масштаб работы будет и не очень велик, но я предпочитаю сам отвечать за свою работу, принимать свои решения и думать своей головой.

5. Надеюсь, что не встречу особых помех. Во всяком случае, непреодолимых препятствий не будет. Сибирь примет сибиряка.

3. **Л. К-ая**, 23 года, журналист, 4-й курс, работала в районной газете литсотрудником (Московская обл.)

1. Традиция семьи. Насколько я помню себя, у меня всегда стояли рядом два слова: мать и газета. Газета, говорила мне мать, это – все: работа, жизнь, любовь, надежда. Этим она была для нее. Этим она стала и для меня.

2. Работать для людей и видеть в этом большое личное удовлетворение – вот цель моей жизни и моей будущей деятельности.

3. Люблю бывать с детьми, много лет была пионервожатой. Нравится многое: и комсомольская работа, и педагогика. Но после университета твердо решила поступить в Тимирязевку. Мне как газетчику это очень нужно.

4. Где буду работать, точно не знаю. Газетчики везде нужны, а Россия велика.

5. Война отняла у нас многое: погиб отец, мама стала инвалидом, от дома остались руины. Но все вынесено и пережито. Я сделаю все, что задумала, потому что верю: люди доброй воли не допустят вновь войны.

4. **Ф. Х-ев**, 23 года, юрист, 1-й курс, работал на заводе бригадиром сортировщиков (г. Куйбышев)

1. Романтичность профессии... Самое главное, мне нравится то, что я буду врачом человеческих душ, буду ставить в один строй с настоящими советскими людьми людей пошатнувшихся.

Мне кажется, прославиться в области юриспруденции невозможно. И все же именно в этом я вижу свою жизнь, свое будущее.

2. Целей много. Пользоваться авторитетом. Поехать на целину. Окончить юридический факультет и работать в органах прокуратуры. С нового учебного года принять активное участие в работе научного студенческого общества. Именно так можно лучше узнать себя, определить, на что способен.

3. Люблю литературу (больше произведения советских писателей) и искусство (кино, театр). Занимаюсь общественной деятельностью – парторг группы. В области спорта предпочитаю баскетбол и волейбол, в футбол не играю, но страстный болельщик. Интересует медицинская техника, но пока мало в ней разбираюсь.

4. Собираюсь работать в органах суда и прокуратуры, желательно в своем родном городе. Но куда пошлют, туда и готов ехать. Всегда и везде свои знания буду передавать окружающим, а заодно учиться у них. Думается также, что и мой личный опыт общественной работы будет полезен местным общественным организациям.

5. Помешать могут – неудачная женитьба, ухудшение здоровья матери и моего личного здоровья.

5. **Л. К-ва**, 22 года, физик, 5-й курс, до университета не работала (г. Пермь)

1. До некоторой степени традиции семьи и романтичность профессии.

2. Быть нужным обществу. Приносить хоть какую-то пользу. Идти вместе с людьми, строить вместе с ними нашу жизнь. А в этой стройке физики еще как нужны! И не только "ведущие", но и исполнители-"муравьи". Буду муравьем в науке. Ведь маленькие муравьишки тащат каждый свою соломинку, а посмотрите, какой большой дом они дружно построили!

3. Увлекаюсь литературой, не прочь посидеть на концерте в консерватории, послушать оперу, посмотреть балет...

4. Работать где-нибудь физиком. Хорошо бы в науке, хорошо и в производстве. Там, где больше понадобится.

5. Помешать мне могут только какие-нибудь грандиозные беды.

6. **В. И-ов**, 24 года, историк-археолог, 3-й курс, работал на шинном заводе (г. Ярославль)

1. Романтичность профессии, желание приобрести популярность, прославиться. Почему бы и нет? По-моему, это естественно. Плох тот солдат, который не хочет быть генералом.

2. Принять посильное участие в познании древней истории стран Африки. Сейчас, с пробуждением народов великого континента к самостоятельной экономической, культурной и политической жизни, вопросы его великого прошлого становятся очень актуальными. До настоящего времени этими вопросами занимались почти исключительно представители тех стран, которые по преимуществу являлись хозяевами в странах Африки. Мы помогаем странам Африки в техническом отношении. Это сейчас для них наиболее важно. Но, мне кажется, отдавать на откуп американским, французским, английским и иным археологам разработку вопросов истории великих цивилизаций Африки глубоко неверно. Мечтаю, как и всякий археолог, найти еще неизвестную, прекрасную культуру древности. И (о, мечты!), быть может, принять участие в раскопках неведомых цивилизаций Марса, Венеры.

3. Увлекаюсь музыкой (очень люблю органную). В последние годы по-настоящему увлекся историей джаза; сейчас с группой ребят с факультета создали "Клуб интернациональной музыки", в котором знакомим студентов гуманитарных факультетов с истинным джазом, ничего общего не имеющим с коммерческой музыкой типа твиста, рока и т. п. дрянни. Увлекаюсь теннисом, фигурным катанием, зимним плаванием. Считаю, что гармония тела и духа обязательна. Занимаюсь фотографией и киносъемками.

4. Мечтаю работать в археологических и этнографических экспедициях в Африке. С этой целью за оставшиеся два года буду стремиться изучить историю, культуру страны, по-настоящему овладеть английским, французским языками и одним местным (вероятно, суахили). Однако, по всей вероятности, первые годы после окончания нужно будет работать в школе, ибо сейчас выпускников направляют в первую очередь на эту ра-

боту. Признавая государственную необходимость такого распределения, я все же думаю, что это не совсем рациональное расходование средств.

5. В общем, помешать может только война. Кроме того, возможность поездок в Африку пока еще сопряжена с трудностями политического и экономического характера. Но хочется верить, что советская наука сыграет большую роль в создании истории Африки, продолжив прекрасные традиции замечательных русских исследователей Африки XIX века.

7. Без подписи, 25 лет, экономист, 1-й курс, работала в Мелитопольской МТС (Запорожская обл.)

1. Призвание. Нравилась многие занятия, но до самозабвения – комсомольская работа.

2. Если позволит здоровье, хочется: а) стать НАСТОЯЩИМ партработником (для чего надо много учиться и после МГУ) и б) что-то сделать в науке по существу, а не ради "корочки" (для чего надо немало поработать "внизу", начиная с самых первых звеньев, и писать только правду, не подтасовывая факты под временные лозунги).

4. После МГУ хочу начать с совхозного экономиста, чтобы стать настоящим аграрником. Затем заняться вопросами научного планирования в сельском хозяйстве, закончив мехмат по кафедре вычислительной математики. Затем работать так, чтобы люди спасибо сказали, но не ради внешней славы.

5. Может ли что помешать? Прежде всего то, что я женщина. Затем – здоровье. Надеюсь (кроме Советской власти) на свой характер и поддержку родителей (моральную).

Приложение 10. Материалы маркетингового газетного опроса "Проектируем сами"

Этот опрос проводился в июне–июле 1964 г. среди читателей "Комсомольской правды" по заказу Всесоюзного научно-исследовательского института технической эстетики (ВНИИТЭ) и был посвящен проблемам конструирования, а также технического и эстетического усовершенствования бытовой видео- и аудиоаппаратуры. Количественные и качественные итоги исследования подводились специально созданным жюри, с присуждением многочисленных премий за наиболее ценные критические замечания и конструктивные предложения.

Ниже приводятся: а) обращение ВНИИТЭ «К читателям "Комсомольской правды"», опубликованное в газете вместе с анкетой 26 июня 1964 г., и б) фрагменты ответов участников опроса на анкету (из публикаций в "КП" 12 сентября и 28 октября 1964 г.).

а) К читателям "Комсомольской правды"

На первый взгляд это кажется невероятным: потребитель... проектирует. Уже самым словом, самым понятием "потребитель" ему отводится определенное место – по одну сторону прилавка. Однако характер и цели социалистического производства, особенности советского потребителя делают возможность привлечь его в качестве равноправного "соавтора" многих проектов промышленных изделий.

Следовать принципу "производство для человека" – это не значит только наводнять рынок товарами с броским и эффектным внешним видом, в соответствии с модой и вкусами. Нам нужны технически и эстетически совершенные изделия, украшающие быт советских людей, помогающие им жить "по законам красоты".

Телевизоры, радиоприемники, магнитофоны мы постоянно видим перед собой, пользуемся ими. Конструктивно они должны быть максимально удобными и внешне выполнены с хорошим художественным вкусом. Вместе с тем они должны составлять единый стилевой ансамбль с окружающими нас вещами. Над этими проблемами работают художники-конструкторы, инженеры, архитекторы, конструкторы мебели, художники жилых интерьеров. И вот армия специалистов пополняется самым массовым "КБ" – потребителем.

Почему возникла необходимость такого значительного "расширения штатов" конструкторов радио- и телеаппаратуры? Причин к тому немало. Первые наши телевизоры 25 лет назад представляли собой огромный ящик с маленьким экраном. Их было меньше полутысячи на всю страну. Сегодня телевизоры, радиоприемники, магнитофоны – неотъемлемый элемент почти каждой квартиры. Прошло время, когда покупатель

брал почти все, что ему предлагали в магазине. За последние годы прилавок стал обильным. Появились путеводители по радиоприемникам и телевизорам, чтобы покупатель не сбился с курса в море товаров. Однако и с путеводителем-компасом ("Какой телевизор выбрать?" или "Что нужно знать покупателю о радиотоварах") потребитель часто садится на мель. Нечего греха таить: подавляющее большинство приемников, телевизоров, магнитофонов, к нашему огорчению, не могут еще украсить наши квартиры.

Из-за несовременных форм корпусов, их громоздкости, низкого качества отделки многие радиоизделия выглядят "чужими" в интерьере современного жилища. Вместе с тем невысокое качество звучания, неудобное управление у большинства моделей телевизоров и радиоприемников не соответствуют возросшим требованиям. Потребитель часто отказывается от того, что ему предлагают, и уходит из магазина, так и не став покупателем. Итак, качественные технические характеристики, внешний вид и удобство становятся теперь большой экономической проблемой.

Но и купленный некрасивый приемник или неряшливо оформленный телевизор ведет к значительным эстетическим издержкам. Их трудно выразить в рублях или процентах, однако они приносят ощутимый общественный убыток. Здесь производство совершенных изделий перерастает в огромную социальную проблему – проблему совершенствования вкусов многомиллионной массы населения.

Этим и объясняется прежде всего тот факт, что Всесоюзный научно-исследовательский институт технической эстетики решил привлечь к составлению заданий на проектирование радио- и телеаппаратуры самих потребителей. Участие в этой анкете должно явиться таким соавторским вкладом. Ваши ответы будут использованы художниками-конструкторами и инженерами при проектировании новых телевизоров, радиоприемников и другой радиоаппаратуры.

Мы заинтересованы, чтобы читатели не ограничились только краткими ответами на вопросы анкеты, но и поделились своими мыслями, интересными предложениями и, может, даже представили свои схемы, чертежи. Все присланные ответы будут внимательно изучены специалистами, ценные предложения реализованы.

ВСЕСОЮЗНЫЙ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭСТЕТИКИ

б) Фрагменты ответов на анкету

Вопросы анкеты:

1. Какому типу телевизора вы отдали бы предпочтение? (закрытый)
2. Нужно ли вам дистанционное управление аппаратурой?
3. Необходима ли автоматическая смена пластинок в проигрывателе?
4. Какую внешнюю отделку аппаратуры вы предпочитаете? (закрытый)
5. Какую аппаратуру (тип, марка) вы имеете?
6. Чем она нравится вам?
7. Чем не нравится, что в ней нуждается в изменении?

1. Д. М-н, И. С-ва, инженеры (г. Уфа)

1. Мы против слепой погони за все увеличивающимся экраном. Этот вопрос нужно решать рационально, учитывая разные жилищные возможности.

Зайдите сейчас в квартиру городского жителя со средним достатком. Вы непременно увидите в одном углу телевизор, в другом – радиоприемник. Где-нибудь примостился и магнитофон с проигрывателем. Налицо полный ассортимент современного оборудования радиопромышленности. Но рационально ли оно используется? В отдельной квартире, как правило, работает лишь один агрегат, все же остальные "простаивают".

Поэтому промышленность должна выпускать не приемники, телевизоры, магнитофоны, а лишь специальные приставки: трубки с приемным устройством, динамики с входным устройством приемника, устройство перемотки с головками и т. д. Общая же часть для всех этих устройств устанавливается при оборудовании новой квартиры вместе с отоплением, водопроводом, освещением... Все это не только уменьшит расходы, вес и размеры самих радиоаппаратов, но и высвободит огромное количество радиодеталей. Разнотипность радиооборудования уменьшится, качество возрастет, а ремонт и эксплуатация упростятся.

2. Дистанционное управление должно быть без... проводов, т. е. радиоуправлением на базе полупроводникового малогабаритного передатчика дискретных команд, действующего в радиусе нескольких метров.

4. Внешнее оформление будущих приставок или существующей аппаратуры должно быть более разнообразным. При этом завод-поставщик должен выпускать рекламные проспекты с предложением различных вариантов обрамления техники – в разной цветовой гамме, с разнообразием деталей внешнего вида и использованием разных материалов. Об индивидуальных запросах покупателей мы не должны забывать. Сейчас же

они, к сожалению, не учитываются... И пусть "одежда" радиотехники поставляется отдельно, в расчете на монтирование самим покупателем.

5. У нас есть телевизор "Знамя-58", радиоприемник "Октябрь" (60-го года выпуска), проигрыватель "Эльфы" и магнитофон "Днепр-11".

6. У всех аппаратов хороший звук, у "Октября" неплохая регулировка тембра.

7. Общие недостатки телевизора, приемника и магнитофона – их громоздкость, большой вес, неудобство смены ламп и деталей. Это связано с плотным монтажом. Вероятно, создатели аппаратов, заботясь об уменьшении паразитных связей, нестрого относились к вопросу удобства эксплуатации аппаратов.

2. А. П-ер, теплотехник (г. Москва)

1. Я бы отдал предпочтение консольному телевизору, учитывая имеющуюся жилую площадь.

2. Блок дистанционного управления для радиоприемника не нужен, а для телевизора нужен, но с большим числом регулировок (включение, яркость, громкость, контрастность).

3. Без автоматической смены пластинок можно обойтись.

4. Внешняя отделка зависит от общего стиля жилища. Поэтому предлагаемый приемник должен выпускаться с завода в каркасе (а не в корпусе!) и только в магазине устанавливаться в легкосборный корпус.

5. У меня есть телевизор "Рубин-102", радиоприемник "Сименс грот-супермюзик", проигрыватель "Ласточка" и магнитофон "Комета".

6. Они мне в целом не нравятся, хотя у радиоприемника отличные акустические данные, а у магнитофона – высокое качество записи (но не воспроизведения!).

7. Главное – тенденции унификации и блочности выражены в технике еще очень слабо, и их надо всемерно развивать.

3. М. Ш-га, преподаватель института физкультуры (г. Львов)

Мне трудно предложить что-то интересное и новое по усовершенствованию телевизоров, радиоприемников и магнитофонов с технической точки зрения. У меня совсем другая специальность. Но у меня есть семья (4 человека), и мне очень хочется, чтобы был наш улучшался из года в год.

1. Заманчиво многое. Но, пожалуй, в настоящее время лучше всего для нас – телевизор с наушниками и вращающимся экраном. Это очень

удобно для тех членов семьи, кто в данный момент хочет отдыхать или заниматься чем-то иным.

2. Мне кажется, для телевизора дистанционное управление совсем не обязательно, а вот для радиоприемника – очень нужная вещь.

3. Если бы мне предложили такой проигрыватель, я бы не отказалась. Но вообще-то это не так уж важно: собственноручно сменить долгоиграющую пластинку совсем не трудно.

4. Я думаю, что не ошибусь, если предположу, что большинство ответов по этому пункту будет почти одинаково. Лучше всего смотрится светлая внешняя отделка, полированная, а если говорить о пластмассе, то только в приглушенных тонах.

5. У нас радиоприемник "Беларусь-59" с проигрывателем и магнитофон "Днепр-11". Телевизора у нас нет, мы только собираемся купить.

6–7. Пожалуй, с радиоприемником мы немного поспешили, т. к. сейчас появилась обновленная "Беларусь-62". Я не знаю ее технических качеств, но внешне она во многом выигрывает по сравнению со старой. Но вообще-то и на "Беларусь-59" жаловаться нельзя.

Магнитофон тоже очень хороший, работает уже год безотказно, но громоздок. Его трудно перенести даже в другую комнату. Был бы он поменьше, полегче и имел ручку – было бы совсем хорошо.

Индекс основных характеристик массового сознания, зафиксированных в анализе

• **Некоторые базовые характеристики массового сознания (МС) как такового**

- Определение и место МС в общественном сознании 32, 510–511
- Процессы формирования 91–92, 314, 347, 388–389, 543
- Процессы функционирования 134, 210, 217, 324–329, 388–390, 543
- Формы существования 32–33
- Формы выражения 33, 511–512
 - в т. ч. общественное мнение 16–17, 20, 53–54, 57–58, 512
- Изменение МС во времени 67, 509, 545, 547–549
- Структура МС и структура общества 60–65, 139
- Отражение характеристик общества в МС (общественном мнении) 30–31, 368–371
- Общий перечень свойств и способностей МС, избранных в качестве главного предмета анализа в книге 34–39, 512

• **1. Предметный ряд массового сознания (круг интересов масс)**

- Картина в целом 518–521
- Диапазон интересов 144, 203, 417–418, 476–477, 482, 518
- Сила интересов (мера включенности в предмет) 90, 145, 251–254, 308, 310–311, 417–418, 476–477, 489, 518–519
- Локальность интересов
 - индивид ("Я") 145–146, 203, 520
 - семья 146, 148, 203, 313–314, 520
 - район, город, регион 520
 - этнос (нация) 415–416, 532–533
 - общество (народ, страна) в целом 146–148, 203, 312, 415–416, 505, 520–521
 - мир (человечество) 90, 415–417, 520
- Оппозиция "личное – общественное" 148, 203, 520–521, 547
- Оппозиция "мы – они" 108, 415–419, 422, 533–534, 541
- Интерес к отдельным предметам
 - "простая" (естественная) жизнь 198–199, 544–547
 - "строительство коммунизма" 194–196, 251–255, 519–521, 539, 544–547
 - международная жизнь, внешняя политика 90–92, 519, 521
 - материальное благополучие 145, 199–200
 - молодежь 159, 187
 - труд на производстве 196–198, 519

- семья 281–283
- социально-экономические отношения 373
- национальные отношения 373
- религия 373, 489, 493, 519
- сфера быта 373–374, 414, 519
- мораль 373–374, 519–520
- наука и техника 414
- художественная культура, искусство 415, 417–419, 491–492, 519
- информация 489–491, 519
- общественная работа 489, 519
- развлечения 489, 493
- политика, участие в управлении обществом 492–493, 519
- спорт 493, 519
- опросы общественного мнения 51–52, 54–55, 254, 519
- Природа интересов 91–92, 145–148, 252–253, 308–312, 491, 521
- Дифференциация интересов 252, 477–482
- Конфликты интересов 148, 203–204, 478–486
- Интересы, диктуемые нуждой 486
- Интересы неудовлетворенные 487–489

• **2. Морфология (состав) массового сознания**

Картина в целом 522–525

Не- и дорефлективные, не- и иррациональные формы МС

- общая оценка 100–102, 206, 260, 321–322, 522
- эмоции 522
- стереотипы сознания 319–321, 522
- элементы (религиозной) веры 100, 206, 216, 375–379, 522

Рациональные формы МС (позитивные знания)

- общая оценка 102, 137, 206, 260, 321, 420–421, 499, 522–525
- суждения-"фотографии" 132–133, 188, 475, 496, 523
- суждения-мнения (позиции) 132–133, 137, 187–188, 411–412, 475, 497–498, 523

Формы автогенного (самостоятельного) МС 99–102, 134, 210, 260–261, 317–320, 496–498, 523, 530–531

Формы аллогенного (полусамостоятельного) МС

- общая оценка 210, 523, 525, 530
- интериоризированное сознание 98–99, 319, 498, 523
- комбинированное сознание 98–99, 101–103, 134–135, 260–261, 321, 523

Формы алиеногенного (несамостоятельного) МС

- общая оценка 210, 420, 523–524, 530

- штампы средств массовой информации и пропаганды 97–99, 206–210, 260, 318, 419–422, 499, 523–524
- мифологемы 137–138, 208–210, 252–253, 260, 521, 524

Зависимость/свобода МС от официального сознания 92, 98–100, 102, 104–105, 135–138, 155–156, 207–211, 260–261, 316–319, 420, 524–525

- критицизм МС 136, 150, 155–156, 210–211, 261, 316, 322, 383, 525, 528–529
- верность МС здравому смыслу 522, 525

Формы исторического сознания, историческая память 91, 379–383

• **3. Уровень знаний и компетентности масс**

Картина в целом 525–528

Мера информированности 97, 148, 211, 255–256, 313, 369, 417, 499, 525–526

Факторы информированности 370–372, 417–418, 526

Мера компетентности 97–98, 148, 206, 211, 256, 258–259, 313–314, 417, 526–527

Факторы компетентности 256–258, 527

Источники информации

- общая оценка 98, 134, 210–213, 314
- собственный (персональный) опыт 134, 211–213, 312–315
- опыт "других" 98, 211–212, 314–316

Потребность в информации (ее дефицит) 315–316, 418

• **4. Способность суждения масс**

Картина в целом 102–103, 152, 213–214, 261–263, 322, 422, 499–500, 527–531

Общее понимание задач и условий дискуссий 207, 215–216, 422–423

Реализм позиций, сбалансированность/радикализм оценок 206–207, 213–216, 540

Способность к различным (логическим) типам высказываний

- общая оценка 530
- суждения-"фотографии" 263–265, 500–501, 528
- суждения-дефиниции (в т. ч. назывные) 255, 411–412
- суждения-оценки 149–152, 214–216, 264–265, 500, 528
в т. ч. оценочно-альтернативные 214, 322–323
в т. ч. оценочно-аналитические 149, 215–216, 264, 322–323
- суждения аналитические 324–325, 529
- суждения-доказательства (обосновывающие) 103–106, 149, 151–152, 216–217, 322–324, 412, 529

- суждения-предложения (конструктивные) 103–105, 149–152, 262–265, 322–324, 500, 529
 - Факторы способности суждения 152, 265–266, 424, 530
 - Ограниченные когнитивные возможности обыденного сознания 215–216, 324–329, 527–528, 531
 - Способность к новым идеям и практикам 136, 150–151, 153
 - Способность к самокритике 214, 219, 497, 525
- **5. Ценностные ориентации масс**
- Картина в целом 194–202, 271–272, 412–414, 531–534
- Ценности "общечеловеческие"
- мир на Земле 111, 531
 - высокая духовность, приобщенность к культуре 153–154, 272, 414–415, 532
 - личное благополучие, материальный достаток, богатство 153, 199–202, 204–205, 333–334, 532
 - высокая нравственность 154, 204, 270, 273
 - творческий (интересный) труд 196–198, 204, 269, 532
 - спокойная (без волнений и проблем) жизнь 198–199
 - образование 205, 272, 494–495, 532
 - семья 332–333, 493–494, 531
 - здоровье 495–496
- Ценности "новые" (социалистические)
- благо социалистической Родины 194–196, 204, 532–533
 - коммунистическая мораль, "новые" отношения между людьми 270–273, 194–206, 269–271, 333–334, 533
 - демократия 272–273
- "Антиценности"
- пьянство 208, 320
 - следование западным моделям поведения 208–210
 - мещанство 317
 - вредные народные традиции 317, 320
 - аморальное поведение 374–375
- Оппозиция "социализм – капитализм" 111, 200–202, 272, 412–414, 418–419, 422, 533–534, 541
- **6. Отношение масс к обществу**
- Картина в целом 420, 534–538
- Отношение к социалистическому строю 193–204, 534–536
- отождествление себя со строем 194–196, 273, 505–506, 534–535
 - умеренный конформизм 196–200, 335–336, 535

- латентный неконформизм 200–202, 536
- гордость за свою Родину, за социализм 109, 425–427, 535

Отношение к институтам власти

- поддержка, доверие 109–110, 147, 154–155, 506, 536–537
- феномен персонификации власти 110, 157, 537
- феномен патернализма 111, 155–157, 537

Отношение к политическим лидерам, вождям нации

- симпатии, доверие 110–111, 157, 538
- отсутствие выраженного отношения 426, 538

Интегрированность личности в общество 137, 148, 153

Феномен героизации жизни 427–428

Критика общества

- общая оценка 109, 155, 336, 385, 528–529, 537
- направления и границы критики 155, 336–339, 386–390, 529, 537

• 7. Эмоционально-психологическое состояние масс

Картина в целом 189–191, 331, 538–539

Общий знак (положительный – отрицательный) в оценках действительности 138, 214–215, 336, 426–427, 528

Удовлетворенность текущим состоянием дел (жизнью) 109, 138, 189–190, 192, 538

- в т. ч. группы недовольных 139–140, 190, 193, 199–202

Уверенность в будущем, оптимизм 96, 140, 191–192, 278, 538

- в т. ч. природа оптимизма 96–97, 191–192

Эмоциональная окрашенность высказываний 96, 137, 206, 332, 424–425, 504

Отдельные состояния МС

- подъем, энтузиазм 138–139, 190, 194–198, 538
- радикализм 214–215
- спокойствие, взвешенность позиций 198–199, 207, 214, 266, 332, 504–505, 538, 540
- разочарование, беспокойство, тревога 199–200, 202, 278–279
- нигилизм, негативизм 200–202

• 8. Реактивные способности масс

Картина в целом 539–541

Вербальная активность 105, 152, 218–219, 274–275, 309–310, 329, 410–411, 503–504, 540

Декларированная деятельностная активность 106–107, 152, 274, 503, 540

Реальное деятельностное поведение 152–153, 219, 273–274, 502–503, 539

в т. ч. структура досуговой деятельности 482–486

Готовность к переменам, новому 153, 276, 329–330, 540

Противостояние в оппозиции "мы – они" 107–108, 219–220, 424, 541

Отдельные типы (характер) реакций МС

– агрессивность, экстремизм 107–108, 540

– наступательный дух 219–220

– нетерпимость к инакомыслию 220, 540

– склонность к морализаторству 220, 540

– склонность к вмешательству в частную жизнь, публичному судилищу 220, 331, 540

– решительность, категоричность 276–277

– примиренчество, всепрощенчество 277, 540

• **9. Структура массового сознания в терминах "монизма/плюрализма"**

Картина в целом 541–543

Феномен единодушия 92–93, 188, 340, 428, 542

– природа 542

– мера 93, 188, 428, 542

– факторы 267–269, 429–430

Феномен плюрализма 93–96, 141–144, 188, 193–194, 340–341, 428–429, 506–507, 541

– природа 213, 541

– мера 93, 142–144, 188, 343–344, 428–429, 541

– факторы 93–96, 103–105, 144, 152, 188–189, 267–269, 341–347, 429–430, 507–508, 542–543

– и тезис о морально-политическом единстве народа 141–142, 194, 541–542

Смешанный (противоречивый) тип структуры 187–188, 266–267, 428

• **10. Структура МС в терминах "цельности/разорванности"**

Картина в целом 347, 544–547

Феномен цельности (целостности) 157–158, 279, 430, 544–547

– природа и мера 545–547

Феномен противоречивости, разорванности 221, 547

– природа и мера 547

– формы проявления, в т. ч. конфликт позиций 221, 547

Устойчивость позиций 111, 158, 430

Неустойчивость позиций 221–222

Именной указатель

- Агамиров К.В. 8
Аденауэр К. 79
Аксюциц В. 512
Акимов Н.П. 569
Александр II 13
Александров А.Д. 571
Амбарцумян В.А. 572
Андропов Ю.В. 15, 23
Анпилов В.И. 8
Ашин Г.К. 312
- Барбюс А. 400, 415
Барто А.Л. 350
Баум Ф.Л. 545
Бетховен Л. ван 398, 401, 403,
406, 417, 421, 423, 429, 593
Бидstrup X. 400
Бондарчук С.Ф. 406
Бр. Васильевы 406
Брежнев Л.И. 6, 15, 22, 24, 26,
29, 39, 389, 542
Булгаков М.А. 338
Буркацкая Г.Е. 573
Бушнелл К.Дж. 59
- Вебер Г. 48, 542
Вега Г.Х. 595
Великанова Г.И. 163
Виноградов В.В. 351
Власов Ю.П. 399
Власова Т. 552
Волков А.П. 551, 556, 559
Волков Н. 545
Воронов Ю.П. 45
Вучетич Е.В. 396, 399, 403,
407, 415
Высоцкий В.С. 510
Вюрмсер А. 424, 598
- Гаганова В.И. 167, 200, 233,
562, 564
- Гагарин Ю.А. 233, 396, 397,
399, 401, 403, 413, 415, 420,
426, 428, 430, 592–597
- Гайдар Е.Т. 18
Галилей Г. 397
Гастелло Н.Ф. 170
Гегель Г.В.Ф. 31
Герасимов С.А. 406
Гоббс Т. 13
Говорухин С.С. 22
Гоголь Н.В. 510
Голдман А. 597
Горбачев М.С. 6, 8, 15, 24, 26,
29, 39
Гортинский Е. 552
Горький А.М. 399, 406, 420,
593, 595
Грибоедов А.С. 339
Грин В. 592
Громова Т.В. 376, 552, 552
Грушин Б.А. 18, 28, 30, 31, 33,
35, 75, 101, 118, 163, 211,
219, 227, 283, 310, 324, 350,
438, 444, 481, 483, 542,
551–555
- Гуттузо Р. 593
- Дарвин Ч. 397
Де Голль Ш. 598
Де Сика В. 415, 419
Дейнека А.А. 407
Дисней У. 596
Долинина Н. 553
Драйзер Т. 415
Думбадзе Н.Я. 575
Дюрент Г. 57
- Егоров А. 553
Ельцин Б.Н. 6, 15, 24, 26, 29, 39
- Жванецкий М.М. 421
Жириновский В.В. 8, 18

- Жолио-Кюри Ф. 414
 Зиновьев А.А. 46
 Ильичев Л.Ф. 54
 Ильф И. и Петров Е. 5, 149
 Исаковский М.В. 576
 Калатозов М.К. 406
 Капелюш Я.С. 46
 Карпинский В.А. 577
 Кассиль Л.А. 350, 368, 552
 Кастро Ф. 220, 415, 595
 Кербель Л.Е. 407
 Кетлинская В.К. 578
 Коган Л.Н. 44
 Комбе Э. 594
 Корин П.Д. 407, 415, 593
 Королев Д.Д. 551, 556, 561
 Космодемьянская З.А. 170
 Кривонос П.Ф. 581
 Крысин Л. 351
 Крэнкшоу Э. 163, 191
 Кучеренко В.А. 154, 158, 551,
 556
 Кэлб М.Л. 51, 220
 Левитан Ю.Б. 396, 425
 Ленин В.И. 5, 42, 156, 202, 206,
 207, 220, 234, 256, 276,
 396–402, 410–412, 421, 425,
 428–430, 577, 578, 582,
 586, 587, 592–594, 596, 597
 Леонов Л.М. 406
 Липпман У. 319
 Листер У. 221
 Лобачевский Н.И. 397
 Лондон Д. 415
 Лукьянов А.И. 8
 Лумумба П. 415, 598
 Лэмберт Т. 50, 51
 Малиа М. 8
 Малиновский Р.Я. 582
 Мамай Н.Я. 562, 564
 Мамардашвили М.К. 46, 328
 Маркс К. 42, 49, 147, 271, 325,
 407, 486, 534, 572, 587, 594,
 597
 Мартынов Л.Н. 549
 Массю 598
 Маяковский В.В. 406, 486
 Мертон Р. 311
 Микеланджело Б. 597
 Михалков С.В. 350
 Мухина В.И. 398, 407
 Мэтлок Дж. 8
 Наполеон I 43
 Нго Динь Дьем 598
 Неверов П. 552
 Нейгольдберг В.Я. 46
 Неруда П. 595
 Оганов Г.С. 395, 412, 553, 555
 Олдингтон Р. 565
 Осипов Г.В. 44
 Островский Н.А. 406, 424
 Пайпс Р. 8, 24
 Палецкис Ю.И. 583
 Панкин Б.Д. 46
 Панюшкина Т.П. 163
 Пауэрс Р. 70, 92, 95
 Пашенная В.Н. 585
 Перемыслов А. 553
 Петр I 13
 Петров Ф.Н. 586
 Пикассо П. 407, 416, 594, 595
 Пластов А.А. 407
 Платон 12
 Полевой Б.Н. 406
 Поляничко В. 553
 Пруденский Г.А. 493, 501, 506
 Прутков К. 511
 Пушкин А.С. 14, 427, 510
 Райзман Ю.Я. 406

- Ремарк Э.М. 565
 Рильке Р.М. 415
 Роден О. 397, 400, 407, 416, 422
 Роллан Р. 415, 594
 Ромм М.И. 403, 406
 Ронина Г.С. 376, 552, 553
 Ронкеи А. 50
 Руцкой А.В. 8
- Салтыков-Щедрин М.Е. 17, 510
 Сальников А.С. 163
 Свиридов Г.В. 400
 Скворцов Л. 350
 Соболев С.Л. 588
 Соловьев И.В. 588
 Соловьев Э.Ю. 16
 Сорос Дж. 27
 Сталин И.В. 42, 537
 Старджес Дж. 418
 Старовский В.Н. 316
 Столыпин П.А. 13
 Струмилин С.Г. 483, 493
 Сухомлинский В.А. 589
 Сытников Е.П. 163
- Твардовский А.Т. 398, 406, 415
 Твен М. 401, 569, 594
 Тельман Э. 415
 Толстой А.Н. 406
 Толстой Л.Н. 406, 422
 Травкин Н.И. 8
 Тэйлор Э. 413, 595
 Тютчев Ф.И. 9
- Уледов А.К. 58, 142
 Ушаков Д.Н. 374, 385
 Уэллс Г. 597
- Фадеев А.А. 406
 Фивейский А. 407
 Фолкнер У. 415
 Фучик Ю. 414
 Халфина М. 552
- Хемингуэй Э. 211, 415
 Хрущев Н.С. 6, 15, 22, 24, 26,
 28, 29, 39, 42, 49, 50, 52, 66,
 67, 76–78, 80, 89, 110, 111,
 148, 157, 236, 251, 252, 336,
 394, 401, 426, 510, 518, 531,
 536, 538, 545, 547–549, 611
- Циолковский К.Э. 397, 400,
 404, 414, 421, 597
 Цыпис Я.Л. 163, 283, 395
- Чайковский П.И. 406, 428, 595,
 597
 Чаплин Ч. 399, 415, 418
 Черненко К.У. 15
 Чикин В.В. 46, 75, 118, 163,
 211, 219, 227, 283, 350, 395,
 412, 438, 551–555
 Чухрай Г.Н. 396, 406
- Шадр И.Д. 407
 Шалаев А. 553
 Шекспир В. 597
 Шехер С.Р. 593
 Шляпентох В.Э. 25, 27, 28
 Шолохов М.А. 396, 403, 406,
 415, 430
 Шопенгауэр А. 211
 Шостакович Д.Д. 396, 398, 400,
 406, 429
 Шукшин В.М. 510
- Щедровицкий Г.П. 46
- Эйзенштейн С.М. 406
 Эйнштейн А. 396, 399, 404,
 414, 593
 Энгельс Ф. 147, 320, 325, 534,
 577, 587, 597
- Явлинский Г.А. 8
 Ядов В.А. 44
 Ярв А.-Э.Ю. 590